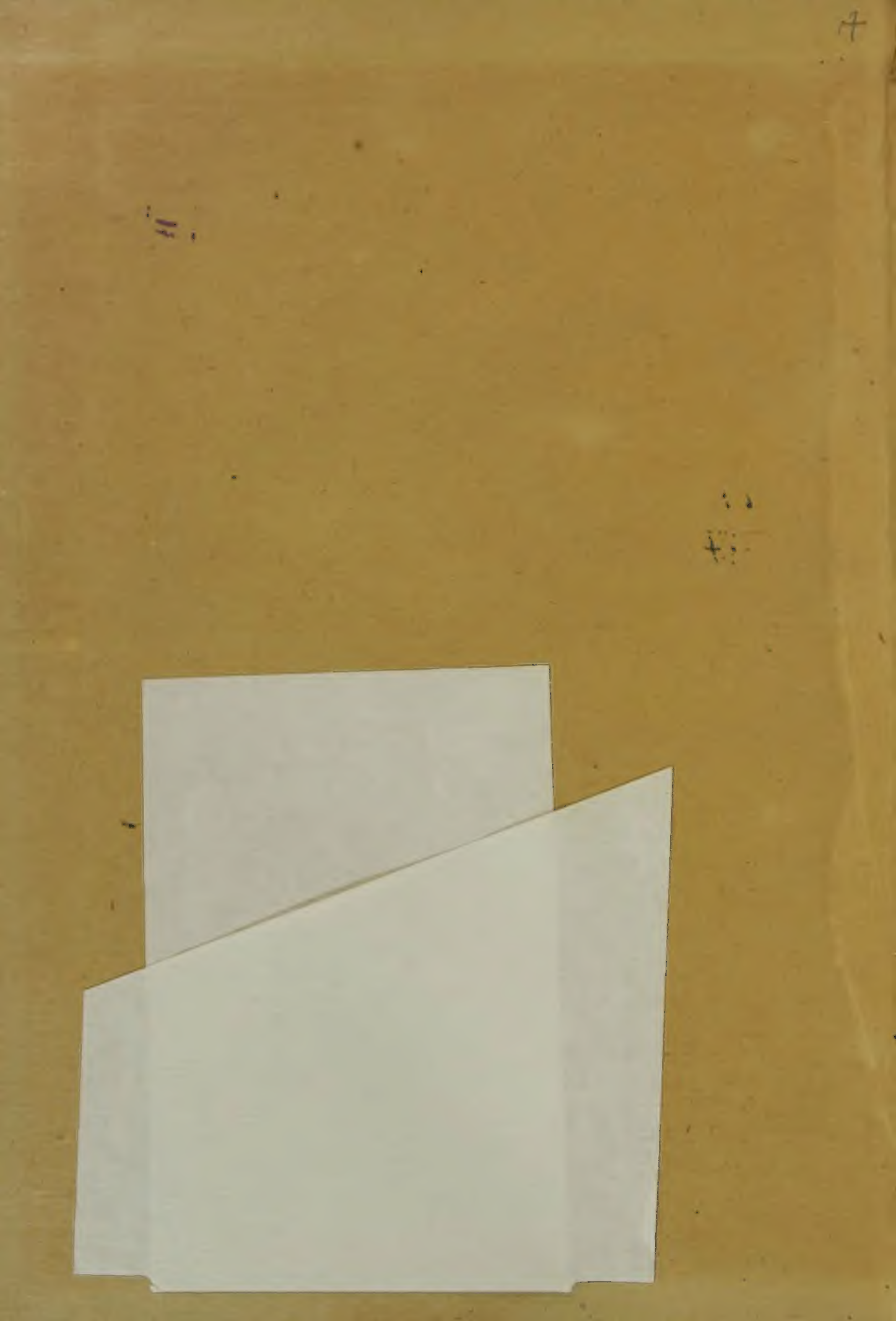
АРХИВ МАРКСА и ЭНГЕЛЬСА

III(VIII)

ИНСТИТУТ МАРКСА—ЭНГЕЛЬСА—ЛЕНИНА при ЦК ВКП(б)

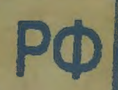
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

АРХИВ МАРКСА и ЭНГЕЛЬСА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
В. АДОРАТСКОГО

ТОМ
III (VIII)

ПАРТИЗДАТ
1934

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящем томе публикуются полностью рукописи подготовительных работ Маркса к «Гражданской войне во Франции». Сюда входят: выписки из различных органов печати и два наброска рукописи о «Гражданской войне во Франции». На первом месте помещен текст брошюры в том виде, как он был впервые (середина июня 1871 г.) напечатан под заглавием «Манифест Генерального совета Международного товарищества рабочих о гражданской войне во Франции в 1871 г.».

О событиях во Франции в 1871 г., когда произошла пролетарская революция в Париже, Маркс собирал все сведения, какие он мог получить, систематически изучая самые разнообразные органы печати. Громадный интерес представляют сделанные им выписки из газет за время существования Коммуны. Это весьма ценное и богатое собрание критически подобранных материалов по истории Коммуны ценно для всякого, изучающего ее историю. Маркс строит свое произведение на детальном знании конкретного материала. Он тщательно собирает все данные о деятельности Коммуны, о ее мероприятиях и т. д., подробно изучает также врагов Коммуны, крупную буржуазию, помещиков и их вождей. О Тьере, Ж. Фавре и прочих героях буржуазии собраны данные, рисующие их в истинном свете. Формулируя свои обвинения против них, Маркс подкрепляет эти обвинения строго проверенным фактическим материалом. Помимо того, что материалы эти имеют ценность как исторический источник, по ним можно изучить и метод работы Маркса.

Вслед за выписками из газет идут варианты — первый и второй набросок «Гражданской войны во Франции». Все эти материалы по своему объему значительно больше, чем опубликованный Марксом текст. Марксу, когда он подготовлял рукопись к печати, приходилось сокращать свои первоначальные наброски. Работа должна была выйти как манифест Интернационала и потому не должна была превышать определенных размеров. В письме к Бизли от 12 июня 1871 г. Маркс писал, что материал объемом в 4—5 листов он должен был уместить в двух листах. Таким образом, в черновой рукописи есть не мало страниц, не вошедших в опубликованный текст, отраженных в нем лишь в очень сокращенном виде.

Все основные идеи, развитые в вариантах, имеются в напечатанном тексте брошюры, но там они сформулированы более сжато. В вариантах они развиты подробнее. Мы встречаем там ряд формулировок, значительно дополняющих окончательный текст, как он дан Марксом в опубликованной им брошюре. Варианты — хотя это порой всего лишь черновые наброски—представляют собою в целом

высокоценное литературное произведение. Текст вариантов представляет огромную теоретическую ценность. Эти остававшиеся до сего времени неизвестными страницы представляют для нас и в настоящее время самый злободневный интерес, потому что все они имеют самое непосредственное отношение к основной теме брошюры «Гражданская война во Франции» — к вопросу о *диктатуре пролетариата*.

В опубликованном тексте брошюры Маркс говорит, что пролетариат не может просто овладеть государственной машиной буржуазного государства, а должен ее разбить, сломать. Он говорит, что Коммуна — это та «открытая, наконец, политическая форма, при которой может совершиться экономическое освобождение труда», что Коммуна — это «орудие ниспровержения экономических устоев классового господства и самого классового господства», что, завоевав власть, рабочий класс добьется освобождения лишь упорной борьбой и что он должен «пережить целый ряд исторических процессов, которые совершенно изменят и людей и обстоятельства».

В черновой рукописи у Маркса говорится обо всем этом зачастую значительно подробнее. Маркс квалифицирует социальное содержание революции, начатой восставшим парижским пролетариатом, говоря, что эта революция ставит себе задачу «освобождения производящего класса от эксплоататорских классов, от их челяди, от их государственных паразитов» (стр. 283). Только через пролетарскую революцию, через установление пролетарской диктатуры, в результате длительной борьбы рабочий класс сможет освободиться от наемного рабства. Непременным условием победы пролетарской революции Маркс считает разрушение, «слом» правительственного аппарата буржуазного государства. Это условие может выполнить только пролетариат — вождь всех угнетенных и эксплоатируемых. «Одни лишь пролетарии, воодушевленные новой социальной задачей, которую им предстоит выполнить в интересах всего общества, — задачей уничтожения всех классов и классового господства, — были способны сломать орудие этого классового господства — государство, т. е. централизованную и организованную правительственную власть, ставшую хозяином общества вместо того, чтобы быть его слугой» (327). Коммуна — это начало пролетарской революции, исторически неизбежной всюду, где существует капитализм. «...И поэтому, какова бы ни была ее судьба в Париже», — пишет Маркс, — «она *обойдет весь мир*» (325).

Указывая на то, что освобождение рабочего класса должно быть завоевано длительной борьбой, Маркс говорит, что рабочий класс должен пройти «различные *стадии* классовой борьбы» (333), что замена экономических условий рабства труда «условиями свободного и ассоциированного труда» требует изменения не только распределения, но и «новой организации производства» (335). Отмечая неизбежную длительность процесса перестройки общества, Маркс подчеркивает, что только диктатура пролетариата может немедленно принять меры, обеспечивающие и ускоряющие движение по пути строительства социалистического общества. «Рабочий класс знает, — говорит Маркс, — что огромные шаги на этом пути могут быть сделаны сразу же благодаря коммунальной форме политической органи-

зации и что для него настало время начать это движение в своих собственных интересах и в интересах человечества» (335).

Очень важно отметить здесь поразительное совпадение ряда остававшихся неопубликованными формулировок, встречающихся в черновых работах Маркса, с тем, что писал и говорил Ленин. Такие места показывают особенно ярко, как глубоко понимал Ленин учение Маркса. Только Ленин, развивая учение Маркса, опираясь на исторический опыт дальнейшего развития революции, указывал верный путь, был действительным продолжателем дела Маркса.

Ленин учит, что диктатура пролетариата вовсе не означает прекращения классовой борьбы, но означает продолжение ее в новых формах, новым оружием. Маркс говорит в своих черновых набросках: «Коммуна не устраняет классовой борьбы, посредством которой рабочий класс стремится уничтожить все классы» (333).

Ленин неоднократно указывает на то, что пролетарская революция мимоходом доделывает то, что оставили недоделанным буржуазные революции. И Маркс говорит, что только пролетарской революции под силу выполнить задачу доведения демократической революции до конца. Французский народ «убедился, говорит Маркс, что ему нужно не только сделать революцию XIX века» (Маркс разумеет тут пролетарскую революцию), но и «доделать революцию 1789 г.» (399).

Ленин особенно подчеркивал коренное различие между буржуазной и пролетарской демократией и разоблачал ренегатов марксизма вроде Каутского, Вандервельде и др., вопивших против «насилия», «диктатуры», проповедывавших парламентский путь буржуазного демократизма. И Маркс говорит, что после декабрьского переворота Луи Бонапарта парламентаризм умер во Франции, «и уж, конечно, не рабочая революция станет воскрешать его из мертвых» (327).

Одна из основных идей Маркса — идея гегемонии пролетариата — была особенно полно разъяснена, развита и проведена в жизнь Лениным. В черновых рукописях Маркса есть ряд блестящих страниц, дополняющих то, что сказано в опубликованном тексте на эту тему. Маркс подробно говорит о том, что в Парижской коммуне пролетариат выступал вождем угнетенных и эксплоатируемых слоев, о том, что он сделал для мелкой буржуазии (343), что он мог бы сделать для крестьянства. Коммуна, пишет Маркс, это единственная форма правления, которая может обеспечить крестьянину «преобразование его нынешнего экономического положения, спасти его от экспроприации крупным землевладельцем, с одной стороны, и избавить его от каторжного труда и нищеты, терпимой ради мнимой собственности, — с другой; она может превратить его номинальную собственность на землю в действительную собственность на плоды его труда, может сочетать для него выгоды современной агрономии, вызванной к жизни общественными потребностями, но теперь постоянно выступающей против него как враждебная сила, — с сохранением его положения как действительно независимого производителя. Получив непосредственные выгоды от коммунальной республики, он скоро проникся бы доверием к ней» (341). Историческая проверка целиком подтвердила правильность политики марксизма ленинизма в крестьянском вопросе.

Маркс заклеймил версальское правительство, присвоившее себе

имя правительства национальной обороны, как «правительство народной измены». Подводя в брошюре «Гражданская война во Франции» итог историческому опыту, Маркс писал, что перед лицом революции пролетариата «классовое господство не может уже более прикрываться национальным мундиром». Буржуазия разных наций объединяется против пролетариата. Национальная война оказывается теперь «чистейшей мошеннической проделкой правительства».

В рукописи Маркса мы находим страницы, дополняющие и развивающие эти положения. Маркс дает яркую характеристику контрреволюционной, антипролетарской роли шовинизма в следующих словах: «Шовинизм является средством увековечить с помощью постоянных армий международную борьбу и подчинить себе производителей в каждой отдельной стране, направляя их против их братьев в других странах; шовинизм является средством помешать международному сотрудничеству рабочего класса, которое является первым условием его освобождения» (353).

Маркс подчеркивает в своем изложении интернационализм пролетариата и отмечает все лицемерие буржуазного патриотизма.

«Подлинный патриотизм буржуазии — столь естественный для действительных собственников различных «национальных» имуществ — выродился в чистое притворство с тех пор, как ее финансовая, торговая и промышленная деятельность приобрели космополитический характер. При аналогичных обстоятельствах это прорвалось бы наружу во всех странах, как прорвалось во Франции» (355).

Как блестяще подтвердился этот диагноз Маркса в мировой империалистической войне и в русской революции, когда буржуазная и мелкобуржуазная контрреволюция с такой легкостью меняла свои «ориентации»!

Приведенные примеры (а их можно было бы привести гораздо больше) показывают убедительно, какую огромную ценность имеют черновики Маркса для теоретической разработки вопроса о диктатуре пролетариата, для пропаганды идей марксизма.

Социал-демократические фальсификаторы марксизма, в руках которых было литературное наследство Маркса, скрывали и эти рукописи. Они неспособны были заниматься ни разработкой, ни пропагандой вопроса о диктатуре пролетариата. Для нас же эти рукописи Маркса имеют огромную ценность еще и потому, что они являются еще одним лишним доказательством того, что только большевизм есть действительное продолжение и развитие марксизма. Ленинское учение о диктатуре пролетариата, развивающее и конкретизирующее теорию Маркса, находит новое подкрепление в словах самого Маркса, более подробно развивающего свои мысли в своих черновых набросках.

Под руководством ленинской партии с т. Сталиным во главе десятки миллионов проводят теперь в жизнь те идеи, которые высказал и развил гениальный вождь мирового пролетариата Маркс и которые пытались скрыть и извратить социал-демократические филистеры, подлые изменники пролетарскому делу.

* * *

Несколько замечаний относительно рукописей, воспроизводимых в настоящем томе. Подготовительные работы к «Гражданской

войне во Франции» состоят из трех рукописей. Они написаны на листах большого формата (фолио); среди этих листов имеется только несколько листков размером в четверть листа. Содержание этих рукописей следующее: 1) тетрадь с выписками из газет, состоящая из 24 страниц, пронумерованных самим Марксом; 2) первый, более обширный набросок, состоящий из 22 страниц; страницы тоже пронумерованы рукою Маркса, за исключением трех страниц (5, 6, 13), на которых нумерация отсутствует; 3) второй набросок, состоящий из 13 страниц.

Тетрадь с выписками и первый набросок сохранились, повидимому, полностью. Из второго наброска отсутствуют — как это можно установить по пагинации Маркса — страницы 3 и 5. Зато имеется следующая за стр. 6 одна ненумерованная страница, а за стр. 8 еще одна страница, помеченная 8b. Кроме этого к этому наброску примыкают еще три страницы меньшего формата (не пронумерованные), содержащие отчасти третью редакцию некоторых мест (в настоящем издании с третьего абзаца 436—437 стр. до конца.)

Выписки свои Маркс начал делать, вероятно, уже в первые дни после провозглашения Коммуны и продолжал эту работу систематически до 29 апреля (см. стр. 226—227). Самый же текст манифеста Маркс, по всей вероятности, начал писать с последних дней апреля. Начиная с 30 апреля выписки в тетради идут уже не в хронологическом порядке событий; они содержат разнородный дополнительный материал, собранный Марксом, очевидно, в то время, когда он уже работал над самым текстом (см. стр. 226—227, 238—239). Генеральный совет в заседании от 25 апреля постановил, что манифест должен быть представлен Марксом на следующем заседании, т. е. 2 мая. Но Маркс не мог закончить работу в такой короткий срок. Несмотря на то, что он был болен, он непрерывно работал в течение всего мая и написал оба опубликованных в настоящем томе наброска еще до падения Коммуны, примерно к 23 мая (см., например стр. 428—429. абзац 3) На заседании Генерального совета от 23 мая Маркс обещал представить текст манифеста к следующему заседанию. 30 мая на заседании Генерального совета Маркс действительно огласил этот текст и через две недели представил его уже в напечатанном виде. Повидимому, окончательный текст был написан Марксом между 23 и 30 мая; кое-какие отдельные поправки и добавления он сделал после 30 мая, например цитата из «лондонской торийской газеты» (стр. 72) взята из «Standard» от 2 июня.

Тетрадь с выписками почти целиком перечеркнута Марксом — по большей части по отдельным абзацам — вертикальными линиями, как это видно из снимка, помещенного в настоящем томе (стр. 90); Маркс имел привычку в своих записных тетрадях таким способом отмечать места, использованные им, когда он готовил рукопись для печати. Слова и фразы, вычеркнутые Марксом в процессе редакционной работы над текстом вариантов, в настоящем издании не воспроизводятся. Они будут опубликованы в международном издании Сочинений Маркса и Энгельса (Marx-Engels-Gesamtausgabe).

Наконец, несколько слов о русском переводе основного (окончательного) текста «Гражданской войны» (стр. 5—83). Как уже сказано, этот текст представляет собой первую редакцию. Во втором

английском издании Маркс сам внес ряд изменений. Затем было четыре немецких издания, сделанных Энгельсом, который всякий раз также вносил некоторые изменения редакционного характера. Таким образом, между текстом первой редакции и тем текстом (немецким), который получил наиболее широкое распространение и с которого сделан был русский перевод, есть некоторая разница. Это не могло не найти своего отражения в переводе в настоящем издании. Редакция ставила своей задачей максимально сохранить русский текст «Гражданской войны», как он опубликован в изданиях ИМЭЛ, приведя его все же в соответствие с английским оригиналом, отразив по возможности все даже и небольшие детали и оттенки оригинала.

Настоящий том подготовлен к печати т. *С. Захаровым*, текст оригинала — т. *Э. Цобелем.*

В. Адоратский.

THE

CIVIL WAR IN FRANCE.

ADDRESS

OF

THE GENERAL COUNCIL

OF THE

INTERNATIONAL WORKING-MEN'S ASSOCIATION.

Printed and Published for the Council by

EDWARD TRUELOVE, 256, HIGH HOLBORN

1871.

Обложка первого издания «Гражданской войны во Франции».
Увеличено.

fountain of all these disasters. Thiers denounced it as the despot of labour, pretending to be its liberator. Picard ordered that all communications between the French Internationals and those abroad should be cut off; Count Jaubert, Thiers's mummified accomplice of 1835, declares it the great problem of all civilized governments to weed it out. The Rurals roar against it, and the whole European press joins the chorus. An honourable French writer, completely foreign to our Association, speaks as follows:—"The members of the Central Committee of the National Guard, as well as the greater part of the members of the Commune, are the most active, intelligent, and energetic minds of the International Working Men's Association; . . . . men who are thoroughly honest, sincere, intelligent, devoted, pure, and fanatical in the *good* sense of the word." The police-tinged bourgeois mind naturally figures to itself the International Working Men's Association as acting in the manner of a secret conspiracy, its central body ordering, from time to time, explosions in different countries. Our Association is, in fact, nothing but the international bond between the most advanced working men in the various countries of the civilized world. Wherever, in whatever shape, and under whatever conditions the class struggle obtains any consistency, it is but natural that members of our association should stand in the foreground. The soil out of which it grows is modern society itself. It cannot be stampedout by any amount of carnage. To stamp it out, the Governments would have to stamp out the despotism of capital over labour—the condition of their own parasitical existence.

Working men's Paris, with its Commune, will be for ever celebrated as the glorious harbinger of a new society. Its martyrs are enshrined in the great heart of the working class. Its exterminators history has already nailed to that eternal pillory from which all the prayers of their priests will not avail to redeem them.

THE GENERAL COUNCIL.

M. T. Boon, Fred. Bradnick, G. H. Buttery, Caihil, William Hales, Kolb, Fred. Lessner, B. Lucraft, George Milner, Thomas Mottershead, Charles Murray, George Odger, Pfänder, Rühl, Sadler, Cowell Stepney, William Townshend.

CORRESPONDING SECRETARIES.

Eugène Dupont, for France.	P. Giovacchini, for Italy.
Karl Marx, for Germany and Holland.	Zévy Maurice, for Hungary.
Fred. Engels, for Belgium and Spain.	Anton Zabicki, for Poland.
Hermann Jung, for Switzerland.	James Cohen, for Denmark.
	J. G. Eccarius, for the United States.

HERMANN JUNG, Chairman.	GEORGE HARRIS, Financial Sec.
JOHN WESTON, Treasurer.	JOHN HALES, General Sec.

Office—256, *High Holborn, London, W.C.*
May 30*th*, 1871.

«Гражданская война во Франции».
Последняя страница первого издания обращения
Генерального совета I Интернационала.
Увеличено.

THE CIVIL WAR IN FRANCE

ADDRESS OF THE GENERAL COUNCIL OF THE INTERNATIONAL WORKING-MEN'S ASSOCIATION

PRINTED AND PUBLISHED FOR THE COUNCIL
BY EDWARD TRUELOVE, 256, HIGH HOLBORN
1871

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА ВО ФРАНЦИИ

ОБРАЩЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ

НАПЕЧАТАНО И ИЗДАНО ПО ПОРУЧЕНИЮ СОВЕТА
ЭДУАРДОМ ТРЮЛАВ, 256, ХАЙ ХОЛБОРН
1871

TO ALL THE MEMBERS OF THE ASSOCIATION

IN EUROPE AND THE UNITED STATES

I

On the 4th of September, 1870, when the working men of Paris proclaimed the Republic, which was almost instantaneously acclaimed throughout France, without a single voice of dissent, a cabal of place-hunting barristers, with Thiers for their statesman and Trochu for their general, took hold of the Hôtel de Ville. At that time they were imbued with so fanatical a faith in the mission of Paris to represent France in all epochs of historical crises, that, to legitimatize their usurped titles as Governors of France, they thought it quite sufficient to produce their lapsed mandates as representatives of Paris. In our second address on the late War, five days after the rise of these men, we told you who they were. Yet, in the turmoil of surprise, with the real leaders of the working class still shut up in Bonapartist prisons and the Prussians already marching upon Paris, Paris bore with their assumption of power, on the express condition that it was to be wielded for the single purpose of national defence. Paris, however, was not to be defended without arming its working class, organizing them into an effective force, and training their ranks by the war itself. But Paris armed was the Revolution armed. A victory of Paris over the Prussian aggressor would have been a victory of the French workman over the French capitalist and his State parasites. In this conflict between national duty and class interest, the Government of National Defence did not hesitate one moment to turn into a Government of National Defection.

The first step they took was to send Thiers on a roving tour to all the courts of Europe, there to beg mediation by offering the barter of the Republic for a king. Four months after the commencement of the siege, when they thought the opportune moment come for breaking the first word of capitulation, Trochu, in the presence of Jules Favre and others of his colleagues, addressed the assembled mayors of Paris in these terms: —

ВСЕМ ЧЛЕНАМ ТОВАРИЩЕСТВА
В ЕВРОПЕ И СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

I

4 сентября 1870 г., когда парижские рабочие провозгласили республику, которую почти в то же мгновенье с полнейшим единодушием приветствовала вся Франция, шайка адвокатов, искателей теплых мест, — Тьер был ее государственным деятелем, а Трошю генералом, — завладела городской ратушей. В тот момент эти люди были проникнуты такой фанатической верой в призвание Парижа быть представителем Франции во все эпохи исторических кризисов, что для оправдания насильно захваченного ими титула правителей Франции они сочли вполне достаточным предъявить свои истекшие уже полномочия парижских депутатов. В нашем втором обращении по поводу последней войны, пять дней спустя после возвышения этих людей, мы рассказали вам, кто они такие. Но Париж, захваченный врасплох, когда действительные вожди рабочего класса еще сидели в бонапартовских тюрьмах, а пруссаки уже шли на него, позволил этим людям присвоить власть на том непременном условии, что она будет осуществляться исключительно в целях национальной обороны. Однако защищать Париж можно было, только вооружив его рабочий класс, организовав его в действительную силу и обучив его ряды в ходе самой войны. Но вооружить Париж значило вооружить революцию. Победа Парижа над прусским завоевателем была бы победой французского рабочего над французским капиталистом и его государственными паразитами. В этом конфликте между национальным долгом и классовым интересом правительство национальной обороны не поколебалось ни на мгновение превратиться в правительство национальной измены.

Первый шаг его заключался в том, что оно послало Тьера в странствование по всем европейским дворам — вымаливать там посредничество, предлагая променять за это республику на короля. Через четыре месяца после начала осады, когда оно сочло своевременным произнести первое слово о капитуляции, Трошю в присутствии Жюля Фавра и других своих коллег обратился к собравшимся мэрам Парижа со следующими словами:

«The first question put to me by my colleagues on the very evening of the 4th of September was this: Paris, can it, with any chance of success stand a siege by the Prussian army? I did not hesitate to answer in the negative. Some of my colleagues here present will warrant the truth of my words and the persistence of my opinion. I told them, in these very terms, that, under the existing state of things, the attempt of Paris to hold out a siege by the Prussian army, would be a folly. Without doubt, I added, it would be an heroic folly; but that would be all... The events (managed by himself) have not given the lie to my prevision.» This nice little speech of Trochu was afterwards published by M. Corbon, one of the mayors present.

Thus, on the very evening of the proclamation of the Republic, Trochu's «plan» was known to his colleagues to be the capitulation of Paris. If national defence had been more than a pretext for the personal government of Thiers, Favre and Co, the upstarts of the 4th of September would have abdicated on the 5th — would have initiated the Paris people into Trochu's «plan», and called upon them to surrender at once, or to take their own fate into their own hands. Instead of this, the infamous impostors resolved upon curing the heroic folly of Paris by a regimen of famine and broken heads, and to dupe her in the mean while by ranting manifestoes, holding forth that Trochu, «the Governor of Paris, will never capitulate», and Jules Favre, the Foreign Minister, will «not cede an inch of our territory, nor a stone of our fortresses». In a letter to Gambetta, that very same Jules Favre avows that what they were «defending» against were not the Prussian soldiers, but the working men of Paris. During the whole continuance of the siege the Bonapartist cut-throats, whom Trochu had wisely intrusted with the command of the Paris army, exchanged, in their intimate correspondence, ribald jokes at the well-understood mockery of defence (see, for instance, the correspondence of Alphonse Simon Guiod, supreme commander of the artillery of the Army of Defence of Paris and Grand Cross of the Legion of Honour, to Suzanne, general of division of artillery, a correspondence published by the *Journal Officiel* of the Commune). The mask of imposture was at last dropped on the 28th of January, 1871. With the true heroism of utter self-debasement, the Government of National Defence, in their capitulation, came out as the Government of France by Bismarck's prisoners — a part so base that Louis Bonaparte himself had, at Sedan, shrunk from accepting it. After the events of the 18th of March, on their wild flight to Versailles, the *capitulards* left in the hands of Paris the documentary evidence of their treason, to destroy which, as the Commune says in its manifesto to the provinces,

«Первый вопрос, заданный мне моими коллегами вечером же 4 сентября, был таков: может ли Париж с какими-нибудь шансами на успех выдержать осаду прусской армии? Я, не колеблясь, ответил отрицательно. Некоторые из моих коллег, присутствующих здесь, подтвердят, что я говорю правду и что я не менял своего взгляда. Я сказал им, буквально в этих самых выражениях, что при существующем положении вещей попытка Парижа выдержать осаду прусской армии была бы безумием. Конечно, — прибавил я, — это было бы геройское безумие, но не более того... События (которыми управлял он сам) не обманули моего предвидения». Эту прелестную маленькую речь Трошю один из присутствовавших мэров, г. Корбон, впоследствии опубликовал.

Итак, уже вечером в день провозглашения республики коллеги Трошю знали, что «план» его состоит в капитуляции Парижа. Если бы национальная оборона не была только предлогом для личного господства Тьера, Фавра и К⁰, то выскочки 4 сентября сложили бы с себя власть уже 5-го—они сообщили бы парижскому населению «план» Трошю и предложили бы ему либо сразу же сдаться, либо взять свою судьбу в собственные руки. Вместо того эти бесчестные обманщики решили излечить Париж от его геройского безумия режимом голода и кровопускания, а пока что дурачили его своими напыщенными манифестами, в которых говорилось, что Трошю, «губернатор Парижа, никогда не капитулирует», а Жюль Фавр, министр иностранных дел, «не уступит ни одной пяди нашей земли, ни одного камня наших крепостей». А в письме к Гамбетте этот же самый Жюль Фавр признается, что «обороняются» они не против прусских солдат, а против парижских рабочих. В продолжение всей осады бонапартовские головорезы, которым Трошю предусмотрительно поручил командование парижской армией, обменивались в своей частной переписке непристойными шутками по поводу этой игры в оборону, смысл которой они хорошо понимали (см., например, опубликованную Коммуной в «*Journal Officiel*» переписку главного начальника артиллерии парижской армии обороны и кавалера большого ордена Почетного легиона, Альфонса Симона Гио, с артиллерийским дивизионным генералом Сюзанном.) Наконец, 28 января 1871 г., они сбросили жульническую маску. С настоящим героизмом глубочайшего самоунижения правительство национальной обороны выступило в своей капитуляции как правительство Франции, состоящее из пленников Бисмарка, — роль до того подлая, что даже сам Луи Бонапарт в Седане отшатнулся от нее. Спасаясь после событий 18 марта паническим бегством в Версаль, «капитулянты» оставили в руках Парижа документальные доказательства своей измены и, чтобы уничтожить их, «эти люди, — как говорит Коммуна в своем манифесте к провинциям, — не

«those men would not recoil from battering Paris into a heap of ruins washed by a sea of blood».

To be eagerly bent upon such a consummation, some of the leading members of the Government of Defence had, besides, most peculiar reasons of their own.

Shortly after the conclusion of the armistice, M. Millière, one of the representatives of Paris to the National Assembly, now shot by express order of Jules Favre, published a series of authentic legal documents in proof that Jules Favre, living in concubinage with the wife of a drunkard resident at Algiers, had, by a most daring concoction of forgeries, spread over many years, contrived to grasp, in the name of the children of his adultery, a large succession, which made him a rich man, and that, in a lawsuit undertaken by the legitimate heirs, he only escaped exposure by the connivance of the Bonapartist tribunals. As these dry legal documents were not to be got rid of by any amount of rhetorical horsepower, Jules Favre, for the first time in his life, held his tongue, quietly awaiting the outbreak of the civil war, in order, then, frantically to denounce the people of Paris as a band of escaped convicts in utter revolt against family, religion, order, and property. This same forger had hardly got into power, after the 4th of September, when he sympathetically let loose upon society Pic and Taillefer, convicted, even under the Empire, of forgery, in the scandalous affair of the «Etendard». One of these men, Taillefer, having dared to return to Paris under the Commune, was at once reinstated in prison; and then Jules Favre exclaimed, from the tribune of the National Assembly, that Paris was setting free all her jailbirds!

Ernest Picard, the Joe Miller of the Government of National Defence, who appointed himself Home Minister of the Republic after having in vain striven to become the Home Minister of the Empire, is the brother of one Arthur Picard, an individual expelled from the Paris Bourse as a blackleg (see report of the Prefecture of Police, dated 13th July, 1867), and convicted, on his own confession, of a theft of 300,000 francs, while manager of one of the branches of the *Société Générale*, rue Palestro, No 5 (see report of the Prefecture of Police, 11th December, 1868). This Arthur Picard was made by Ernest Picard the editor of his paper, *l'Electeur Libre*. While the common run of stockjobbers were led astray by the official lies of this Home-Office paper, Arthur was running backwards and forwards between the Home Office and the Bourse, there to discount the disasters of the French army. The

отступили бы перед превращением Парижа в груду развалин, затопленную морем крови».

Усердно добиваться именно такой развязки некоторых руководящих членов правительства обороны заставляли, помимо того, весьма важные соображения чисто личного характера.

Вскоре после заключения перемирия один из парижских депутатов Национального Собрания, г. Мильер, теперь уже расстрелянный по особому приказу Жюля Фавра, опубликовал ряд подлинных юридических документов, доказывающих, что Жюль Фавр, находясь в сожительстве с женой одного спившегося алжирского обывателя, сумел захватить при помощи самых наглых подлогов, совершавшихся им в течение многих лет, от имени своих незаконнорожденных детей, огромное наследство, которое сделало его богатым человеком, и что в процессе, начатом против него законными наследниками, он избежал разоблачения только благодаря потворству бонапартовских судов. Так как от этих сухих юридических документов нельзя было избавиться никакой затратой риторической энергии, то Жюль Фавр, в первый раз в своей жизни, попридержал язык, спокойно выжидая взрыва гражданской войны, чтобы тогда бешено обругать парижское население бандой беглых каторжников, дерзко взбунтовавшихся против семьи, религии, порядка и собственности. После 4 сентября этот же самый подделыватель документов, едва придя к власти, освободил из чувства братства Пика и Тайефера, которые даже при империи были осуждены за подлог в скандальной истории с «Etendard». Один из этих людей, Тайефер, посмел вернуться в Париж при Коммуне, но был тотчас же водворен обратно в тюрьму; и после этого Жюль Фавр воскликнул с трибуны Национального собрания, что Париж выпускает на волю всех своих тюремных завсегдатаев!

Эрнест Пикар, этот Джо Миллер правительства национальной обороны, который после тщетных попыток попасть в министры внутренних дел империи, сам назначил себя на пост министра внутренних дел республики, приходится братом некоему Артуру Пикару, субъекту, прогнанному с парижской биржи за мошенничество (см. донесение полицейской префектуры от 13 июля 1867 г.) и осужденному, на основании его собственного признания, за кражу 300 000 франков в бытность его управляющим одного из отделений «Société Générale», улица Палестро, № 5 (см. донесение полицейской префектуры от 11 декабря 1868 г.). Этого-то Артура Пикара Эрнест Пикар назначил редактором своей газеты «*Electeur Libre*». Пока официальная ложь этой газеты министерства внутренних дел вводила в заблуждение обыкновенных биржевых спекулянтов, Артур Пикар шмыгал взад и вперед между министерством внутренних дел

whole financial correspondence of that worthy pair of brothers fell into the hands of the Commune.

Jules Ferry, a penniless barrister before the 4th of September, contrived, as Mayor of Paris during the siege, to job a fortune out of famine. The day on which he would have to give an account of his maladministration would be the day of his conviction.

These men, then, could find, in the ruins of Paris only, their tickets-of-leave: they were the very men Bismarck wanted. With the help of some shuffling of cards, Thiers, hitherto the secret prompter of the Government, now appeared at its head, with the ticket-of-leave men for his Ministers.

Thiers, that monstrous gnome, has charmed the French bourgeoisie for almost half a century, because he is the most consummate intellectual expression of their own class-corruption. Before he became a statesman he had already proved his lying powers as an historian. The chronicle of his public life is the record of the misfortunes of France. Banded, before 1830, with the Republicans, he slipped into office under Louis Philippe by betraying his protector Lafitte, ingratiating himself with the king by exciting mob-riots against the clergy, during which the church of Saint Germain l'Auxerrois and the Archbishop's palace were plundered, and by acting the minister-spy upon, and the jail-accoucheur of, the Duchess de Berri. The massacre of the Republicans in the Rue Transnonain, and the subsequent infamous laws of September against the press and the right of association, were his work. Reappearing as the chief of the Cabinet in March, 1840, he astonished France with his plan of fortifying Paris. To the Republicans, who denounced this plan as a sinister plot against the liberty of Paris, he replied from the tribune of the Chamber of Deputies: —

«What! to fancy that any works of fortification could ever endanger liberty! And first of all you calumniate any possible Government in supposing that it could some day attempt to maintain itself by bombarding the capital;.... but that government would be a hundred times more impossible after its victory than before». Indeed, no Government would ever have dared to bombard Paris from the forts, but that Government which had previously surrendered these forts to the Prussians.

When King Bomba tried his hand at Palermo, in January, 1848, Thiers, then long since out of office, again rose in the Chamber of Deputies: «You know, gentlemen, what is happening at Palermo. You, all of you, shake with horror (in the parliamentary sense) on hearing

и биржей, занимаясь дисконтированием поражений французской армии. Вся финансовая переписка этой почтенной парочки братьев досталась Коммуне.

Жюль Ферри, нищий адвокат до 4 сентября, ухитрился, в качестве мэра Парижа во время осады, нажить себе состояние на голоде столицы. Тот день, когда он должен будет дать отчет в своем хозяйничании, будет днем его осуждения.

Таким образом эти люди только на развалинах Парижа могли раздобыть себе tickets of leave («отпускные билеты»): это и были те самые люди, в которых нуждался Бисмарк. Карты были слегка перетасованы, и Тьер, бывший до тех пор тайным вдохновителем правительства, встал теперь во главе его, а ticket of leave men сделались его министрами.

Тьер, этот чудовищный гном, почти около полустолетия очаровывал французскую буржуазию, потому что он представляет собою наиболее законченное идейное выражение ее собственной классовой испорченности. Прежде чем стать государственным мужем, он уже доказал свои таланты лжеца в качестве историка. Хроника его общественной жизни есть летопись бедствий Франции. Связанный до 1830 г. с республиканцами, он проскользнул при Луи-Филиппе в министры, предав своего покровителя Лафитта. К королю он подольстился тем, что подстрекал чернь к погромам духовенства, во время которых были разграблены церковь Сен-Жермен-Локсерруа и архиепископский дворец, а также тем, что состоял министром-шпионом и тюремщиком-акушером при герцогине Беррийской. Резня республиканцев на улице Транснонен и последовавшие за ней гнусные сентябрьские законы против печати и права ассоциаций были его делом. Снова выступив на сцену в качестве главы кабинета в марте 1840 г., он поразил всю Францию своим планом укрепления Парижа. Республиканцам, заклеймившим этот план, как злостный заговор против свободы Парижа, он ответил с трибуны палаты депутатов:

«Как! Вы находите, что какие бы то ни было укрепления могут быть когда-либо опасны свободе! И прежде всего вы клевещете, что какое-нибудь правительство могло бы когда-нибудь сделать попытку удержаться путем бомбардировки столицы... Но ведь такое правительство сделалось бы во сто крат невозможнее после своей победы, чем было до нее». Действительно, никакое правительство никогда не посмело бы бомбардировать Париж с фортов, кроме правительства, предварительно сдавшего эти форты пруссакам.

Когда в январе 1848 г. король-Бомба испробовал силу своего кулака на Палермо, Тьер, давно уже бывший тогда не у дел, снова выступил в палате депутатов: «Вы знаете, господа, что происходит в Палермо. Вы все содрогаетесь от ужаса (в парламентском смысле

that during forty-eight hours a large town has been bombarded — by whom? Was it by a foreign enemy exercising the rights of war? No, gentlemen, it was by its own Government. And why? Because that unfortunate town demanded its rights. Well, then, for the demand of its rights it has got forty-eight hours of bombardment.... Allow me to appeal to the opinion of Europe. It is doing a service to mankind to arise, and to make reverberate, from what is perhaps the greatest tribune in Europe, some words (indeed words) of indignation against such acts.... When the Regent Espartero, who had rendered services to his country, (which M. Thiers never did,) intended bombarding Barcelona, in order to suppress its insurrection, there arose from all parts of the world a general outcry of indignation».

Eighteen months afterwards, M. Thiers was amongst the fiercest defenders of the bombardment of Rome by a French army. In fact, the fault of King Bomba seems to have consisted in this only, that he limited his bombardment to forty-eight hours.

A few days before the Revolution of February, fretting at the long exile from place and pelf to which Guizot had condemned him, and sniffing in the air the scent of an approaching popular commotion, Thiers, in that pseudo-heroic style which won him the nickname of *Mirabeau-mouche*, declared to the Chamber of Deputies: «I am of the party of Revolution, not only in France, but in Europe. I wish the Government of the Revolution to remain in the hands of moderate men... but if that Government should fall into the hands of ardent minds, even into those of Radicals, I shall, for all that, not desert my cause. I shall always be of the party of the Revolution.» The Revolution of February came. Instead of displacing the Guizot Cabinet by the Thiers Cabinet, as the little man had dreamt, it superseded Louis Philippe by the Republic. On the first day of the popular victory he carefully hid himself, forgetting that the contempt of the working men screened him from their hatred. Still, with his legendary courage, he continued to shy the public stage, until the June massacres had cleared it for his sort of action. Then he became the leading mind of the «Party of Order» and its Parliamentary Republic, that anonymous interregnum, in which all the rival factions of the ruling class conspired together to crush the people, and conspired against each other to restore each of them its own monarchy. Then, as now, Thiers denounced the Republicans as the only obstacle to the consolidation of the Republic; then, as now, he spoke to the Republic as the hangman spoke to Don Carlos — «I shall assassinate thee, but for thy own good». Now, as then, he will have to exclaim on the day after his victory: *L'Empire est fait* — the Empire is consummated. Despite his hypocritical homilies about necessary liberties and his personal grudge against Louis Bonaparte, who had

слова) при вести, что большой город в течение 48 часов подвергался бомбардировке — и кем же? Чужеземным неприятелем, осуществлявшим право войны? Нет, господа, своим же собственным правительством. И за что? За то, что этот несчастный город требовал своих прав. Да, за требование своих прав он был подвергнут 48-часовой бомбардировке... Я апеллирую к общественному мнению Европы. Будет заслугой перед человечеством подняться и с величайшей, может быть, из трибун Европы заклеймить словами негодования (да, действительно словами) подобные действия... Когда регент Эспартеро, оказавший услуги своей стране (чего никогда не делал г. Тьер), вздумал бомбардировать Барселону, чтобы подавить в ней восстание, со всех концов мира поднялся всеобщий крик негодования».

Полтора года спустя г. Тьер был в числе самых ярых защитников бомбардировки Рима французской армией. На самом деле ошибка короля-Бомбы заключалась, повидимому, только в том, что он ограничил свою бомбардировку 48 часами.

За несколько дней до февральской революции Тьер, будучи раздражен долгим пребыванием вдали от власти и доходов, на которое его осудил Гизо, и почуяв в воздухе приближение народной бури, заявил в палате депутатов в том лжегероическом стиле, который заслужил ему прозвище «Mirabeau-mouche» [Мирабо-муха]: «Я принадлежу к партии революции, не только во Франции, но и в Европе. Я желаю, чтобы правительство революции оставалось в руках умеренных людей... но если бы оно перешло в руки людей с пылким умом, даже в руки радикалов, я все-таки не отказался бы от своего дела. Я всегда буду принадлежать к партии революции». Наступила февральская революция. Вместо того чтобы заменить кабинет Гизо кабинетом Тьера, о чем мечтал этот маленький человек, она заменила Луи-Филиппа республикой. В первый день народной победы он старательно прятался, забыв, что от ненависти рабочих его ограждает их презрение к нему. Со свойственной ему храбростью, вошедшей в поговорку, он все-таки продолжал избегать общественной арены, пока июньская бойня не очистила ее для деятелей его сорта. Тогда он сделался идейным руководителем «партии порядка» и ее парламентской республики, этого анонимного междуцарствия, во время которого все соперничающие фракции господствующего класса объединились в общем заговоре, чтобы поработить народ, и устраивали заговоры друг против друга, стремясь каждая восстановить свою собственную монархию. Тогда, как и теперь, Тьер обвинял республиканцев в том, что они единственная помеха к прочному утверждению республики. Тогда, как и теперь, он говорил республике, как палач Дон-Карлосу: «Я убью тебя, но для твоего же блага». И теперь, как и тогда, ему придется воскликнуть на другой день после своей победы: «L'Empire est fait!» (Империя готова!)

made a dupe of him, and kicked out parliamentarism — and outside of its factitious atmosphere the little man is conscious of withering into nothingness — he had a hand in all the infamies of the Second Empire, from the occupation of Rome by French troops to the war with Prussia, which he incited by his fierce invective against German unity — not as a cloak of Prussian despotism, but as an encroachment upon the vested right of France in German disunion. Fond of brandishing, with his dwarfish arms, in the face of Europe the sword of the first Napoleon, whose historical shoe-black he had become, his foreign policy always culminated in the utter humiliation of France, from the London convention of 1841 to the Paris capitulation of 1871, and the present civil war, where he hounds on the prisoners of Sedan and Metz against Paris by special permission of Bismarck. Despite his versatility of talent and shiftiness of purpose, this man has his whole lifetime been wedded to the most fossil routine. It is self evident that to him the deeper under-currents of modern society remained for ever hidden; but even the most palpable changes on its surface were abhorrent to a brain all the vitality of which had fled to the tongue. Thus he never tired of denouncing as a sacrilege any deviation from the old French protective system. When a minister of Louis Philippe, he railed at railways as a wild chimera; and when in opposition under Louis Bonaparte, he branded as a profanation every attempt to reform the rotten French army system. Never in his long political career has he been guilty of a single — even the smallest — measure of any practical use. Thiers was consistent only in his greed for wealth and his hatred of the men that produce it. Having entered his first ministry under Louis Philippe poor as Job, he left it a millionaire. His last ministry under the same king (of the 1st of March, 1840) exposed him to public taunts of peculation in the Chamber of Deputies, to which he was content to reply by tears — a commodity he deals in as freely as Jules Favre, or any other crocodile. At Bordeaux his first measure for saving France from impending financial ruin was to endow himself with three millions a year, the first and the last word of the «Economical Republic», the vista of which

Несмотря на его лицемерные проповеди о необходимых свободах и на его личную неприязнь к Луи Бонапарту, который одурачил его и вышвырнул парламентаризм за борт — а вне искусственной атмосферы парламентаризма этот маленький человек, как он сам сознает, превращается в ничтожество, — несмотря на это, он принимал участие во всех позорных делах Второй империи, от занятия Рима французскими войсками до войны с Пруссией; он подстрекал к этой войне своими неистовыми нападками на единство Германии, в котором он видел не маску прусского деспотизма, а нарушение исконного права Франции на разъединенность Германии. Своими карликовыми ручками он любил размахивать перед лицом Европы мечом Наполеона I, чистильщиком сапог которого он сделался как историк, — на деле же его внешняя политика всегда приводила к крайнему унижению Франции, начиная от Лондонской конвенции 1840 г. до капитуляции Парижа в 1871 г., и наконец довела до нынешней гражданской войны, в которой с особого разрешения Бисмарка он натравливает пленных Седана и Меца на Париж. Несмотря на гибкость своего таланта и непостоянство цели, этот человек всю свою жизнь был закоренелым рутинером. Ясно само собой, что более глубокие подземные течения современного общества навсегда оставались скрытыми для него; но даже самые осязательные изменения на поверхности общественной жизни не укладывались в его мозгу, все силы которого ушли в язык. Так, он неустанно обличал как святотатство всякое уклонение от старой французской протекционистской системы. Когда он был министром Луи-Филиппа, он издевался над железными дорогами, как над вздорной химерой; а находясь в оппозиции при Луи Бонапарте, он клеймил как оскорбление святыни всякую попытку преобразовать гнилую французскую военную систему. Ни разу в течение всей своей долговременной политической карьеры он не был виновником ни одной хоть сколько-нибудь полезной практической меры — пусть даже самой мелкой. Тьер был верен себе только в своей жажде богатства и в ненависти к людям, создающим это богатство. Когда он вступил в первый раз в управление министерством при Луи-Филиппе, он был беден, как Иов, а оставил это министерство миллионером. Во время его последнего управления министерством при том же короле (с 1 марта 1840 г.) он подвергся в палате депутатов публичным нареканиям за расхищение казенных сумм; в ответ на это он ограничился слезами — товар, которым легко отделывались и Жюль Фавр и всякий иной крокодил. В Бордо его первая мера для спасения Франции от угрожающего финансового краха заключалась в том, что он назначил самому себе трехмиллионный годовой оклад, — это было первым и последним словом той «бережливой республики», перспективу которой он открыл своим парижским

he had opened to his Paris electors in 1869. One of his former colleagues of the Chamber of Deputies of 1830, himself a capitalist and, nevertheless, a devoted member of the Paris Commune, M. Beslay, lately addressed Thiers thus in a public placard: — «The enslavement of labour by capital has always been the corner-stone of your policy, and from the very day you saw the Republic of Labour installed at the Hôtel de Ville, you have never ceased to cry out to France: 'These are criminals!'» A master in small state roguery, a virtuoso in perjury and treason, a craftsman in all the petty stratagems, cunning devices, and base perfidies of Parliamentary party-warfare; never scrupling, when out of office, to fan a revolution, and to stifle it in blood when at the helm of the State; with class prejudices standing him in the place of ideas, and vanity in the place of a heart; his private life as infamous as his public life is odious — even now, when playing the part of a French Sulla, he cannot help setting off the abomination of his deeds by the ridicule of his ostentation.

The capitulation of Paris, by surrendering to Prussia not only Paris, but all France, closed the long-continued intrigues of treason with the enemy, which the usurpers of the 4th September had begun, as Trochu himself said, on that very same day. On the other hand, it initiated the civil war they were now to wage, with the assistance of Prussia, against the Republic and Paris. The trap was laid in the very terms of the capitulation. At that time above one-third of the territory was in the hands of the enemy, the capital was cut off from the provinces, all communications were disorganized. To elect under such circumstances a real representation of France was impossible, unless ample time were given for preparation. In view of this, the capitulation stipulated that a National Assembly must be elected within eight days; so that in many parts of France the news of the impending election arrived on its eve only. This Assembly, moreover, was, by an express clause of the capitulation, to be elected for the sole purpose of deciding on peace or war, and, eventually, to conclude a treaty of peace. The population could not but feel that the terms of the armistice rendered the continuation of the war impossible, and that for sanctioning the peace imposed by Bismarck, the worst men in France were the best. But not content with these precautions, Thiers, even before the secret of the armistice had been broached to Paris, set out for an electioneering tour through the provinces, there to galvanize back into life the Legitimist party, which now, along with the Orleanists, had to take the place of the then impossible Bonapartists. He was not afraid of them. Impossible as a government of modern France, and, therefore, contemptible as rivals, what party were more eligible as tools of counter-revolution than the party

избирателям в 1869 г. Один из его бывших коллег по палате депутатов 1830 г., сам капиталист и, тем не менее, преданный член Парижской Коммуны, г. Беле, обратился недавно к Тьеру в одной из публичных прокламаций со следующими словами: «Порабощение труда капиталом всегда было краеугольным камнем вашей политики, и с того дня, как вы увидели, что республика труда водворилась в городской ратуше, вы никогда не переставали кричать Франции: вот они, преступники!» Мастер мелких государственных плутней, артист в вероломстве и предательстве, набивший руку в банальных подвохах, низких уловках и гнусном коварстве парламентской борьбы партий; всегда готовый раздуть революцию, когда он не у дел, и затопить ее в крови, как только встанет у кормила власти; человек с классовыми предрассудками вместо идей и с тщеславием вместо сердца; настолько же подлый в частной жизни, насколько гнусный в жизни общественной, — он даже и теперь, разыгрывая роль французского Суллы, не может удержаться, чтобы не подчеркнуть мерзость своих деяний смехотворностью своей позы.

Капитуляция Парижа, отдавшая во власть Пруссии не только Париж, но и всю Францию, завершила собою длинный ряд изменнических интриг с врагом, начатых узурпаторами 4 сентября, по словам самого Трошю, в самый день захвата ими власти. С другой стороны, эта капитуляция была началом гражданской войны, которую они собирались вести, при содействии Пруссии, против республики и Парижа. Ловушка была уже в самих условиях капитуляции. В тот момент свыше одной трети территории находилось в руках неприятеля, столица была отрезана от провинций, все средства сообщения приведены в расстройство. При таких обстоятельствах избрание лиц, которые были бы действительными представителями Франции, было невозможно без длительной подготовки. Именно поэтому в тексте капитуляции и было оговорено, что Национальное собрание должно быть избрано в течение недели; таким образом, во многих частях Франции сообщение о предстоящих выборах было получено лишь накануне самых выборов. Далее, согласно особому пункту капитуляции, собрание должно было быть избрано единственно для разрешения вопроса о войне и мире и, в случае необходимости, для заключения мирного договора. Население не могло не понимать, что условия перемирия делают невозможным продолжение войны и что для того, чтобы санкционировать мир, предписанный Бисмарком, наихудшие люди Франции являются самыми пригодными. Но не довольствуясь этими мерами предосторожности, Тьер еще до того, как тайна перемирия была сообщена Парижу, предпринял избирательную поездку по провинциям с целью оживить труп партии легитимистов, которые теперь вместе с орлеанистами должны были занять место бонапартистов, ставших в

whose action, in the words of Thiers himself (Chamber of Deputies, 5th January, 1833), «had always been confined to the three resources of foreign invasion, civil war, and anarchy»? They verily believed in the advent of their long-expected retrospective millennium. There were the heels of foreign invasion trampling upon France; there was the downfall of an Empire, and the captivity of a Bonaparte; and there they were themselves. The wheel of history had evidently rolled back to stop at the «chambre introuvable» of 1816. In the Assemblies of the Republic, 1848 to 51, they had been represented by their educated and trained Parliamentary champions; it was the rank-and-file of the party which now rushed in — all the Pourceaugnacs of France.

As soon as this assembly of «Rurals» had met at Bordeaux, Thiers made it clear to them that the peace preliminaries must be assented to at once, without even the honours of a Parliamentary debate, as the only condition on which Prussia would permit them to open the war against the Republic and Paris, its stronghold. The counter-revolution had, in fact, no time to lose. The Second Empire had more than doubled the national debt, and plunged all the large towns into heavy municipal debts. The war had fearfully swelled the liabilities, and mercilessly ravaged the resources of the nation. To complete the ruin, the Prussian Shylock was there with his bond for the keep of half a million of his soldiers on French soil, his indemnity of five milliards, and interest at 5 per cent on the unpaid instalments thereof. Who was to pay the bill? It was only by the violent overthrow of the Republic that the appropriators of wealth could hope to shift on to the shoulders of its producers the cost of a war which they, the appropriators, had themselves originated. Thus, the immense ruin of France spurred on these patriotic representatives of land and capital, under the very eyes and patronage of the invader, to graft upon the foreign war a civil war — a slaveholders' rebellion.

There stood in the way of this conspiracy one great obstacle — Paris. To disarm Paris was the first condition of success. Paris was therefore summoned by Thiers to surrender its arms. Then Paris was exas perated by the frantic anti-republican demonstrations of the «Rural» Assembly and by Thiers's own equivocations about the legal status of the Republic; by the threat to decapitate and decapitalize Paris; the appointment of Orleanist ambassadors; Dufaure's laws on overdue

этот момент совершенно неприемлемыми для страны. Легитимистов он не боялся. Как правительство современной Франции они были не мыслимы и поэтому как соперники они могли вызывать лишь презрение; но какая партия была более удобным орудием контрреволюции, как не та, которая в своих действиях, по словам самого Тьера (в палате депутатов, 5 января 1833 г.), «всегда пользовалась только тремя средствами: иноземным вторжением, гражданской войной и анархией»? Легитимисты сами всерьез уверовали в пришествие вновь их долгожданного тысячелетнего царства. Ведь пята иноземного завоевателя опять попирает Францию; опять ниспровергнута империя, и Бонапарт в плену; и они сами тоже опять на месте. Колесо истории, очевидно, повернуло назад, чтобы остановиться на «бесподобной палате» 1816 г. В республиканских национальных собраниях 1848—1851 гг. они были представлены своими образованными и искушенными в парламентской борьбе вождями; теперь пробрались вперед рядовые представители партии — все Пурсоньяки Франции.

Не успела эта «помещичья» палата собраться в Бордо, как Тьер разъяснил ей, что предварительные условия мира должны быть приняты немедленно, даже без требуемых приличием парламентских прений, ибо таково единственное условие, на котором Пруссия разрешит им начать войну против республики и ее оплота — Парижа. Контрреволюции действительно нельзя было терять время. Вторая империя увеличила государственный долг больше чем вдвое и обременила все крупные города тяжелыми муниципальными долгами. Война страшно повысила задолженность и беспощадно опустошила ресурсы нации. И в довершение разорения прусский Шейлок стоял тут же со своими квитанциями на содержание своего полумиллионного войска на французской территории, требуя уплаты контрибуции в 5 миллиардов и 5%-ной неустойки за просроченные взносы. Кто должен был платить по этому счету? Только посредством насильственного низвержения республики присвоители богатства могли бы надеяться свалить издержки войны, ими же вызванной, на плечи производителей этого богатства. Так колоссальное разорение Франции заставило этих патриотических представителей землевладения и капитала завершить, на глазах у чужеземного завоевателя и под его покровительством, внешнюю войну гражданскою войною, бунтом рабовладельцев.

На пути этого заговора стояло одно великое препятствие — Париж. Обезоружение Парижа было первым условием успеха. Поэтому Тьер и обратился к Парижу с требованием сложить оружие. Затем Париж стали выводить из терпения бешеными антиреспубликанскими демонстрациями «помещичьего» собрания, двусмысленными заявлениями самого Тьера насчет законности существования республики; угрозами обезглавить Париж и лишить его звания столицы [décapiter

commercial bills and house-rents, inflicting ruin on the commerce and industry of Paris; Pouyer-Quertier's tax of two centimes upon every copy of every imaginable publication; the sentences of death against Blanqui and Flourens; the suppression of the Republican journals; the transfer of the National Assembly to Versailles; the renewal of the state of siege declared by Palikao, and expired on the 4th of September; the appointment of Vinoy, the *Décembriseur*, as governor of Paris — of Valentin, the Imperialist *gendarme*, as its prefect of police — and of D'Aurelles de Paladine, the Jesuit general, as the commander-in-chief of its National Guard.

And now we have to address a question to M. Thiers and the men of national defence, his understrappers. It is known that, through the agency of M. Pouyer-Quertier, his finance minister, Thiers had contracted a loan of two milliards, to be paid down at once. Now, is it true, or not, —

1. That the business was so managed that a consideration of several hundred millions was secured for the private benefit of Thiers, Jules Favre, Ernest Picard, Pouyer-Quertier, and Jules Simon? and —

2. That no money was to be paid down until after the «pacification» of Paris?

At all events, there must have been something very pressing in the matter, for Thiers and Jules Favre, in the name of the majority of the Bordeaux Assembly, unblushingly solicited the immediate occupation of Paris by Prussian troops. Such, however, was not the game of Bismarck, as he sneeringly, and in public, told the admiring Frankfort Philistines on his return to Germany.

II

Armed Paris was the only serious obstacle in the way of the counter-revolutionary conspiracy. Paris was, therefore, to be disarmed. On this point the Bordeaux Assembly was sincerity itself. If the roaring rant of its Rurals had not been audible enough, the surrender of Paris by Thiers to the tender mercies of the triumvirate of Vinoy the *Décembriseur*, Valentin the Bonapartist *gendarme*, and Aurelles de Paladine the Jesuit general, would have cut off even the last subterfuge of doubt. But while insultingly exhibiting the true purpose of the disarmament of Paris, the conspirators asked her to lay down her arms on a pretext which was the most glaring, the most barefaced of lies. The artillery of the Paris National Guard, said Thiers, belonged to the State, and to the State it must be returned. The fact was this: — From the very day of the capitulation, by which Bismarck's prisoners had signed the sur-

et décapitaliser]; орлеанисты назначались посланниками; Дюфор издал свои законы о просроченных векселях и квартирной плате, влекшие разорение торговли и промышленности Парижа; Пуйе-Кертье был введен налог в 2 сантима на каждый экземпляр любого издания; Бланки и Флуранс были приговорены к смерти; республиканские газеты запрещены; Национальное собрание переведено в Версаль; осадное положение, объявленное Паликао и снятое 4 сентября, было возобновлено; Винуа, герой 2 декабря, был назначен губернатором Парижа, бонапартистский жандарм Валантен — префектом полиции, а иезуит генерал Орель де-Паладин — главнокомандующим парижской национальной гвардии.

А теперь мы должны обратиться к г. Тьеру и его подручным, членам правительства национальной обороны, с вопросом. Известно, что при посредстве своего министра финансов г. Пуйе-Кертье Тьер заключил заем в 2 миллиарда, который должен быть уплачен сразу же. Так вот — правда или нет:

1) что это дельце было обделано таким образом, что несколько сот миллионов очутились в карманах Тьера, Жюля Фавра, Эрнеста Пикара, Пуйе-Кертье и Жюля Симона? и —

2) что деньги подлежали выплате только после «умиротворения» Парижа?

Во всяком случае дело было, очевидно, крайне спешно, ибо Тьер и Жюль Фавр бесстыдно настаивали, от имени большинства Бордоского собрания, на немедленном занятии Парижа прусскими войсками. Но не таковы были расчеты Бисмарка, как он, при своем возвращении в Германию, насмешливо и во всеуслышание сообщил восхищенным франкфуртским филистерам.

II

Вооруженный Париж был единственным серьезным препятствием на пути контрреволюционного заговора. Значит, Париж надо было обезоружить. В этом пункте Бордоская палата была сама откровенность. Но если бы яростный рев ее помещичьих депутатов и не был так явственно слышен, то отдача Парижа Тьером в милосердные руки триумвирата из декабрьского героя Винуа, бонапартистского жандарма Валантена и иезуита генерала Ореля де-Паладина уничтожила бы даже последнюю тень сомнения. Оскорбительно выставляя напоказ истинную цель разоружения Парижа, заговорщики требовали у него, однако, сдачи оружия, под таким предлогом, который является самой вопиющей, самой наглой ложью. Артиллерия парижской национальной гвардии, — заявил Тьер, — принадлежит государству и должна быть возвращена государству. На

render of France, but reserved to themselves a numerous body-guard for the express purpose of cowing Paris, Paris stood on the watch. The National Guard reorganized themselves and intrusted their supreme control to a Central Comittee elected by their whole body, save some fragments of the old Bonapartist formations. On the eve of the entrance of the Prussians into Paris, the Central Committee took measures for the removal to Montmartre, Belleville, and La Villette of the cannon and mitrailleuses treacherously abandoned by the capitulards in and about the very quarters the Prussians were to occupy. That artillery had been furnished by the subscriptions of the National Guard. As their private property, it was officially recognized in the capitulation of the 28th of January, and on that very title exempted from the general surrender, into the hands of the conqueror, of arms belonging to the Government. And Thiers was so utterly destitute of even the flimsiest pretext for initiating the war against Paris, that he had to resort to the flagrant lie of the artillery of the National Guard being State property!

The seizure of her artillery was evidently but to serve as the prefiminary to the general disarmament of Paris, and, therefore, of the Revolution of the 4th of September. But that Revolution had become the legal status of France. The republic, its work, was recognized by the conqueror in the terms of the capitulation. After the capitulation, it was acknowledged by all the foreign Powers, and in its name the National Assembly had been summoned. The Paris working men's revolution of the 4th of September was the only legal title of the National Assembly seated at Bordeaux, and of its executive. Without it, the National Assembly would at once have to give way to the Corps Législatif, elected in 1869 by universal suffrage under French, not under Prussian, rule, and forcibly dispersed by the arm of the Revolution. Thiers and his ticket-of-leave men would have had to capitulate for safe-conducts signed by Louis Bonaparte, to save them from a voyage to Cayenne. The National Assembly, with its power of attorney to settle the terms of peace with Prussia, was but an incident of that Revolution, the true embodiment of which was still armed Paris, which had initiated it, undergone for it a five months' siege, with its horrors of famine, and made her prolonged resistance, despite Trochu's plan, the basis of an obstinate war of defence in the provinces. And Paris was now either to lay down her arms at the insulting behest of the rebellious slaveholders of Bordeaux, and acknowledge that her Revolution of the 4th of September meant nothing but a simple transfer of power

самом же деле факты были таковы: с первого же дня капитуляции, согласно которой пленники Бисмарка подписали сдачу Франции, но выговорили для себя сильную военную охрану с явной целью подавления Парижа, — Париж стоял на страже. Национальная гвардия реорганизовалась и поручила верховное командование Центральному комитету, избранному всей массой национальных гвардейцев, за исключением отдельных обломков старых бонапартистских формирований. Накануне вступления пруссаков в Париж Центральный комитет принял меры для перевозки на Монмартр, в Бельвиль и Лавилет пушек и митральез, изменнически оставленных капитулянтами в тех самых кварталах, которые должны были занять пруссаки, или прилегающих к ним. Эта артиллерия была создана на средства, собранные национальной гвардией по подписке. В тексте капитуляции 28 января она была официально признана частной собственностью национальной гвардии и, как таковая, была исключена из общей сдачи победителю оружия, принадлежащего правительству. И Тьер до такой степени был лишен даже малейшего предлога, чтобы начать войну с Парижем, что ему пришлось прибегнуть к наглой лжи, будто артиллерия национальной гвардии составляет государственную собственность!

Захват артиллерии должен был, очевидно, послужить лишь первым шагом к общему разоружению Парижа, а следовательно и революции 4 сентября. Но эта революция уже стала законным государственным порядком Франции. Созданная ею республика была признана победителем в тексте капитуляции. После капитуляции она была признана всеми иностранными державами, и от ее имени было созвано Национальное собрание. Революция парижских рабочих от 4 сентября была единственным законным основанием для заседавшего в Бордо Национального собрания и его исполнительной власти. Без этой революции Национальное собрание должно было бы тотчас же уступить место Законодательному корпусу, который был избран в 1869 г. всеобщей подачей голосов при французском, а не прусском правлении, и насильно разогнан рукой революции. Тьер и его ticket of leave men должны были бы капитулировать, чтобы этим добиться охранных грамот за подписью Луи Бонапарта, избавлявших их от путешествия в Кайенну. Национальное собрание, с его полномочиями выработать условия мира с Пруссией, было лишь эпизодом этой революции, истинным же ее воплощением попрежнему оставался вооруженный Париж, который ее начал, выдержал ради нее пятимесячную осаду со всеми ужасами голода и, вопреки плану Трошю, создал своим сопротивлением базу для упорной оборонительной войны в провинциях. И вот теперь Париж должен был либо сложить свое оружие по оскорбительному требованию мятежных бордоских рабовладельцев и

from Louis Bonaparte to his Royal rivals; or she had to stand forward as the self-sacrificing champion of France, whose salvation from ruin, and whose regeneration were impossible, without the revolutionary overthrow of the political and social conditions that had engendered the second Empire, and, under its fostering care, matured into utter rottenness. Paris, emaciated by a five months' famine, did not hesitate one moment. She heroically resolved to run all the hazards of a resistance against the French conspirators, even with Prussian cannon frowning upon her from her own forts. Still, in its abhorrence of the civil war into which Paris was to be goaded, the Central Committee continued to persist in a merely defensive attitude, despite the provocations of the Assembly, the usurpations of the Executive, and the menacing concentration of troops in and around Paris.

Thiers opened the civil war by sending Vinoy, at the head of a multitude of *sergents-de-ville* and some regiments of the line, upon a nocturnal expedition against Montmartre, there to seize, by surprise, the artillery of the National Guard. It is well known how this attempt broke down before the resistance of the National Guard and the fraternization of the line with the people. Aurelles de Paladine had printed beforehand his bulletin of victory, and Thiers held ready the placards announcing his measures of *coup d'état*. Now these had to be replaced by Thiers' appeals, imparting his magnanimous resolve to leave the National Guard in the possession of their arms, with which, he said, he felt sure they would rally round the Government against the rebels. Out of 300,000 National Guards only 300 responded to this summons to rally round little Thiers against themselves. The glorious working men's Revolution of the 18th March took undisputed sway of Paris. The Central Committee was its provisional Government. Europe seemed, for a moment, to doubt whether its recent sensational performances of state and war had any reality in them, or whether they were the dreams of a long bygone past.

From the 18th of March to the entrance of the Versailles troops into Paris, the proletarian revolution remained so free from the acts of violence in which the revolutions, and still more the counter-revolutions, of the «better classes» abound, that no facts were left to its opponents to cry out about, but the execution of Generals Lecomte and Clement Thomas, and the affair of the Place Vendôme.

признать, что его революция от 4 сентября означала лишь простую передачу власти из рук Луи Бонапарта в руки его роялистских соперников, либо же он должен был выступить самоотверженным борцом за Францию, которую спасти от полного падения и возродить к новой жизни невозможно было без революционного низвержения того политического и социального строя, который породил Вторую империю и под ее заботливым покровительством дошел до полного разложения. Париж, изнуренный пятимесячным голодом, не колебался ни одной минуты. Он героически решил итти навстречу всем превратностям борьбы против французских заговорщиков, даже при наличии прусских пушек, грозно смотрящих на него с его же собственных фортов. Но из отвращения к гражданской войне, к которой старались принудить Париж, Центральный комитет упорно продолжал сохранять чисто оборонительную позицию, не обращая внимания ни на провокационные выходки Собрания, ни на узурпаторские действия исполнительной власти, ни на угрожающее сосредоточение войск в Париже и вокруг него.

И вот Тьер сам начал гражданскую войну, послав Винуа с большим отрядом полицейских и несколькими линейными полками в ночной поход на Монмартр, чтобы напавши врасплох захватить там артиллерию национальной гвардии. Всем известно, что эта попытка потерпела неудачу благодаря сопротивлению национальной гвардии и братанию линейных войск с народом. Орель де-Паладин уже заранее отпечатал сообщение о победе, а у Тьера были наготове объявления, возвещавшие о принятых им мерах к государственному перевороту. Теперь эти объявления пришлось заменить воззваниями Тьера, сообщавшими о его великодушном решении оставить в руках национальной гвардии ее собственное оружие, с которым, выражал он уверенность, она сплотится вокруг правительства против мятежников. Из 300 000 национальных гвардейцев только 300 человек откликнулись на этот призыв сплотиться вокруг маленького Тьера для борьбы против самих себя. Славная рабочая революция 18 марта безраздельно владела Парижем. Центральный комитет был ее временным правительством. Европа, казалось, на мгновенье усомнилась, действительно ли наяву происходят последние поразительные государственные и военные события, или это только сны из области давно минувшего прошлого.

С 18 марта до вступления версальских войск в Париж пролетарская революция не была запятнана насилиями, которыми отличаются революции и еще более контрреволюции «высших классов». Враги ее не смогли упрекнуть ни в чем, разве только в казни генералов Леконта и Клемана Тома и в стычке на Вандомской площади.

One of the Bonapartist officers engaged in the nocturnal attempt against Montmartre, General Lecomte, had four times ordered the 81st line regiment to fire at an unarmed gathering in the Place Pigale, and on their refusal fiercely insulted them. Instead of shooting women and children, his own men shot him. The inveterate habits acquired by the soldiery under the training of the enemies of the working class are, of course, not likely to change the very moment these soldiers change sides. The same men executed Clement Thomas.

«General» Clement Thomas, a malcontent ex-quartermaster-sergeant, had, in the latter times of Louis Philippe's reign, enlisted at the office of the Republican newspaper *Le National*, there to serve in the double capacity of responsible man-of-straw (*gérant responsable*) and of duelling bully to that very combative journal. After the revolution of February, the men of the *National* having got into power, they metamorphosed this old quartermaster-sergeant into a general on the eve of the butchery of June, of which he, like Jules Favre, was one of the sinister plotters, and became one of the most dastardly executioners. Then he and his generalship disappeared for a long time, to again rise to the surface on the 1st November, 1870. The day before the Government of Defence, caught at the Hôtel de Ville, had solemnly pledged their parole to Blanqui, Flourens, and other representatives of the working class, to abdicate their usurped power into the hands of a commune to be freely elected by Paris. Instead of keeping their word, they let loose on Paris the Bretons of Trochu, who now replaced the Corsicans of Bonaparte. General Tamisier alone, refusing to sully his name by such a breach of faith, resigned the commandership-in-chief of the National Guard, and in his place Clement Thomas for once became again a general. During the whole of his tenure of command, he made war, not upon the Prussians, but upon the Paris National Guard. He prevented their general armament, pitted the bourgeois battalions against the working men's battalions, weeded out the officers hostile to Trochu's «plan», and disbanded, under the stigma of cowardice, the very same proletarian battalions whose heroism has now astonished their most inveterate enemies. Clement Thomas felt quite proud of having reconquered his June pre-eminence as the personal enemy of the working class of Paris. Only a few days before the 18th of March, he laid before the War Minister, Leflô, a plan of his own for «finishing off *la fine fleur* (the cream) of the Paris *canaille*». After Vinoy's rout, he must needs appear upon the scene of action in the quality of an amateur spy. The Central Committee and the Paris working men were as much responsible for the killing of Clement Thomas and Lecomte

Один из бонапартовских офицеров, участвовавших в ночном нападении на Монмартр, генерал Леконт, четыре раза отдавал 81-му линейному полку приказание стрелять по безоружной толпе на площади Пигаль и, когда солдаты отказались выполнить его приказ, бешено обругал их. Вместо того, чтобы стрелять в женщин и детей, его собственные солдаты расстреляли его самого. Застарелые привычки, приобретенные солдатами в школе врагов рабочего класса, не могут, конечно, измениться тотчас же, как только эти солдаты переходят на сторону рабочих. Те же солдаты казнили и Клемана Тома.

«Генерал» Клеман Тома, недовольный карьерой мелкий интендантский чиновник в отставке, поступил в последние годы царствования Луи-Филиппа в редакцию республиканской газеты «*Le National*», чтобы служить в двойном качестве: ответственного подставного лица (*gérant responsable*) и буяна-дуэлиста при этом крайне задорном органе. После февральской революции деятели из «*National*», придя к власти, произвели этого бывшего интендантского чиновника в генералы, как раз накануне июньской бойни, одним из злостных подготовителей которой он был, подобно Жюлю Фавру, и в которой стал одним из гнуснейших палачей. Затем он со своим генеральством надолго исчез из виду, чтобы всплыть снова 1 ноября 1870 г. За день до того правительство обороны, захваченное в городской ратуше, торжественно обязалось перед Бланки, Флурансом и другими представителями рабочего класса передать захваченную им власть в руки свободно избранной Парижской Коммуны. Вместо того, чтобы сдержать свое слово, оно спустило на Париж бретонцев Трошю, занявших теперь место корсиканцев Бонапарта. Только генерал Тамизье отказался запятнать свое имя таким вероломством и сложил с себя звание главнокомандующего национальной гвардии, и назначенный на его место Клеман Тома снова сделался генералом. В продолжение всего своего командования он воевал не с пруссаками, а с парижской национальной гвардией. Он противился ее всеобщему вооружению, науськивал буржуазные батальоны на рабочие, выбросил вон офицеров, враждебных «плану» Трошю, и распустил, заклеймив обвинением в трусости, те самые пролетарские батальоны, героизму которых изумляются теперь даже их наиболее закоренелые враги. Клеман Тома страшно кичился тем, что вернул себе снова свой старый июньский престиж личного врага рабочего класса Парижа. Всего за несколько дней до 18 марта он представил военному министру Лефло свой план, как «покончить с fine fleur (цветом) парижской сволочи». После поражения Винуа он не мог отказать себе в удовольствии появиться на сцене в качестве шпиона из любви к искусству. Центральный комитет и парижские рабочие были так же ответственны за убийство Клемана Тома и Леконта,

as the Princess of Wales was for the fate of the people crushed to death on the day of her entrance into London.

The massacre of unarmed citizens in the Place Vendôme is a myth which M. Thiers and the Rurals persistently ignored in the Assembly, intrusting its propagation exclusively to the servants' hall of European journalism. «The men of order», the reactionists of Paris, trembled at the victory of the 18th of March. To them it was the signal of popular retribution at last arriving. The ghosts of the victims assassinated at their hands from the days of June, 1848, down to the 22nd of January, 1871, arose before their faces. Their panic was their only punishment. Even the sergents de-ville, instead of being disarmed and locked up, as ought to have been done, had the gates of Paris flung wide open for their safe retreat to Versailles. The men of order were left not only unharmed, but allowed to rally and quietly to seize more than one stronghold in the very centre of Paris. This indulgence of the Central Committee — this magnanimity of the armed working men — so strangely at variance with the habits of the «party of order», the latter misinterpreted as mere symptoms of conscious weakness. Hence their silly plan to try, under the cloak of an unarmed demonstration, what Vinoy had failed to perform with his cannon and mitrailleuses. On the 22nd of March a riotous mob of swells started from the quarters of luxury, all the *petits crevés* in their ranks, and at their head the notorious familiars of the Empire — the Heeckeren, Coëtlogon, Henri de Pène, etc. Under the cowardly pretence of a pacific demonstration, this rabble, secretly armed with the weapons of the bravo, fell into marching order, ill-treated and disarmed the detached patrols and sentries of the National Guards they met with on their progress and, on debouching from the Rue de la Paix, with the cry of «Down with the Central Committee! Down with the assassins! The National Assembly for ever!» attempted to break through the line drawn up there, and thus to carry by a surprise the head-quarters of the National Guard in the Place Vendôme. In reply to their pistol-shots, the regular *sommations* (the French equivalent of the English Riot Act) were made, and, proving ineffective, fire was commanded by the general of the National Guard. One volley dispersed into wild flight the silly coxcombs, who expected that the mere exhibition of their «respectability» would have the same effect upon the Revolution of Paris as Joshua's trumpets upon the walls of Jericho. The runaways left behind them two National Guards killed, nine severely wounded (among them a member of the Central Committee), and the whole scene of their exploit strewn with revolvers, daggers, and sword-canes, in evidence of the «unarmed» character of their «pacific» demonstration. When, on the 13th of June, 1849, the National Guard made a really pacific demonstra-

как принцесса Уэльская за судьбу людей, задавленных насмерть в день ее въезда в Лондон.

Избиение безоружных граждан на Вандомской площади — это сказка, о которой г. Тьер и помещичьи депутаты упорно молчали в Собрании, предоставив распространение ее исключительно лакеям европейской журналистики. «Люди порядка», парижские реакционеры, содрогнулись при вести о победе 18 марта. Для них она означала, что пришел, наконец, час народного возмездия. Призраки жертв, убитых ими, начиная с июньских дней 1848 г. до 22 января 1871 г., восстали перед ними. Но они отделались одним испугом. Даже полицейских не обезоружили и не посадили под замок, как нужно было сделать, а раскрыли перед ними настежь ворота Парижа, чтобы они могли невредимо скрыться в Версаль. Людей порядка не только не тронули, но им была предоставлена возможность объединиться и спокойно захватить не одну сильную позицию в самом центре Парижа. Эта снисходительность Центрального комитета, это великодушие вооруженных рабочих, находившееся в столь странном противоречии с обычаями «партии порядка», было неправильно понято последней как признак сознаваемого самими рабочими своего бессилия. Отсюда ее бессмысленный план — попытаться под видом невооруженной демонстрации добиться того, чего не достиг Винуа со своими пушками и митральезами. 22 марта шумная толпа светских щеголей высыпала из богатых кварталов — все парижские пшюты были в ее рядах, во главе с известнейшими выкормышами империи вроде Геекерена, Коэтлогона, Анри де-Пена и т. д. Трусливо прикрывавшаяся маской мирной демонстрации, но втайне вооруженная оружием наемных убийц, эта сволочь маршировала по-военному, оскорбляла и обезоруживала встречавшиеся ей на пути отдельные патрули и караулы национальной гвардии. Выйдя с улицы Мира с криками: «Долой Центральный комитет! Долой убийц! Да здравствует Национальное собрание!» — она попыталась прорваться сквозь выставленную здесь линию караульных постов и захватить таким образом врасплох главную квартиру национальной гвардии на Вандомской площади. В ответ на их револьверные выстрелы последовало обычное предложение разойтись (французские sommations, соответствующие английскому Riot Act); когда же это осталось без последствий, генерал национальной гвардии скомандовал стрелять. Один залп обратил в беспорядочное бегство глупых хлыщей, которые ожидали, что одно лишь появление их «почтенных» особ на улице подействует на парижскую революцию, как трубы Иисуса Навина на стены Иерихона. После бежавших осталось двое убитых национальных гвардейцев и девять тяжело раненых (в числе последних был один член Центрального комитета), а вся местность их славного подвига было усеяна револьверами, кинжалами

tion in protest against the felonious assault of French troops upon Rome, Changarnier, then general of the party of order, was acclaimed by the National Assembly, and especially by M. Thiers, as the saviour of society, for having launched his troops from all sides upon these unarmed men, to shoot and sabre them down, and to trample them under their horses' feet. Paris, then, was placed under a state of siege. Dufaure hurried through the Assembly new laws of repression. New arrests, new proscriptions — a new reign of terror set in. But the lower orders manage these things otherwise. The Central Committee of 1871 simply ignored the heroes of the «pacific demonstration»; so much so, that only two days later they were enabled to muster, under Admiral Saisset, for that *armed* demonstration, crowned by the famous stampede to Versailles. In their reluctance to continue the civil war opened by Thiers' burglarious attempt on Montmartre, the Central Committee made themselves, this time, guilty of a decisive mistake in not at once marching upon Versailles, then completely helpless, and thus putting an end to the conspiracies of Thiers and his Rurals. Instead of this, the party of order was again allowed to try its strength at the ballot-box, on the 26th of March, the day of the election of the Commune. Then, in the mairies of Paris, they exchanged bland words of conciliation with their too generous conquerors, muttering in their hearts solemn vows to exterminate them in due time.

Now, look at the reverse of the medal. Thiers opened his second campaign against Paris in the beginning of April. The first batch of Parisian prisoners brought into Versailles was subjected to revolting atrocities, while Ernest Picard, with his hands in his trousers' pockets, strolled about jeering them, and while Mesdames Thiers and Favre, in the midst of their ladies of honour (?) applauded, from the balcony, the outrages of the Versailles mob. The captured soldiers of the line were massacred in cold blood; our brave friend, General Duval, the ironfounder, was shot without any form of trial. Gallifet, the kept man of his wife, so notorious for her shameless exhibitions at the orgies of the Second Empire, boasted in a proclamation of having commanded the murder of a small troop of National Guards, with their captain and lieutenant, surprised and disarmed by his Chasseurs. Vinoy, the runaway, was appointed by Thiers Grand Cross of the Legion of Honour, for his general order to shoot down every soldier of the line taken in the ranks of the Federals. Desmarêt, the gendarme, was

и палками со стилетами, в доказательство «безоружного» характера их «мирной» демонстрации. Когда 13 июня 1849 г. национальная гвардия устроила действительно мирную демонстрацию в знак протеста против преступного нападения французских войск на Рим, Национальное собрание, и в особенности г. Тьер, приветствовали Шангарнье, тогдашнего генерала партии порядка, как спасителя общества, за то, что он отовсюду спустил свои войска на этих безоружных людей, которых те расстреливали, рубили саблями и топтали копытами своих лошадей. Париж был объявлен тогда на осадном положении. Дюфор спешно провел в Собрании новые репрессивные законы. Снова пошли аресты, ссылки — снова воцарился террор. Но низшие классы поступают в этих случаях иначе. Центральный комитет 1871 г. просто не обратил внимания на героев «мирной демонстрации»; настолько не обращал внимания, что уже через два дня они смогли выйти под командой адмирала Сессе на *вооруженную* демонстрацию, завершившуюся знаменитым паническим бегством в Версаль. В своем упорном нежелании продолжать гражданскую войну, начатую разбойничьим нападением Тьера на Монмартр, Центральный комитет сам сделал на этот раз роковую ошибку: надо было немедленно итти на Версаль — Версаль не имел тогда достаточных средств к обороне — и раз навсегда покончить с конспирациями Тьера и его помещичьей палаты. Вместо этого партии порядка снова была дана возможность испытать свои силы в избирательной борьбе 26 марта, в день выборов в Коммуну. В этот день «люди порядка» в парижских мэриях говорили кроткие речи примирения своим слишком великодушным победителям, внутренне давая себе торжественную клятву истребить их в надлежащий момент.

А теперь взгляните на обратную сторону медали. Тьер предпринял свою вторую кампанию против Парижа в начале апреля. Первая партия пленных парижан, приведенная в Версаль, подверглась возмутительным жестокостям, причем Эрнест Пикар, засунув руки в карманы штанов, шнырял между ними, издевался над ними, а госпожи Тьер и Фавр, окруженные своими придворными дамами аплодировали с балкона неистовствам версальской черни. Пленных солдат линейных полков прехладнокровно убивали; наш храбрый друг, генерал Дюваль, литейщик, был расстрелян без всякого суда и следствия. Галлифе, сутенер своей жены, столь известной бесстыдным выставлением напоказ своего тела на оргиях Второй империи, хвастался в одной прокламации тем, что это он приказал перебить небольшой отряд национальных гвардейцев вместе с их капитаном и лейтенантом, захваченных врасплох и обезоруженных его егерями. Винуа, удравший из Парижа, получил большой крест ордена Почетного легиона от Тьера за свой общий приказ расстреливать каждого линейного

decorated for the treacherous butcher-like chopping in pieces of the high-souled and chivalrous Flourens, who had saved the heads of the Government of Defence on the 31st of October, 1870. «The encouraging particulars» of his assassination were triumphantly expatiated upon by Thiers in the National Assembly. With the elated vanity of a parliamentary Tom Thumb, permitted to play the part of a Tamerlane, he denied the rebels against his littleness every right of civilized warfare, up to the right of neutrality for ambulances. Nothing more horrid than that monkey allowed for a time to give full fling to his tigerish instincts, as foreseen by Voltaire. (See note, p. 84—86.)

After the decree of the Commune of the 7th April, ordering reprisals and declaring it to be its duty «to protect Paris against the cannibal exploits of the Versailles banditti, and to demand an eye for an eye, a tooth for a tooth», Thiers did not stop the barbarous treatment of prisoners, moreover insulting them in his bulletins as follows: — «Never have more degraded countenances of a degraded democracy met the afflicted gazes of honest men», — honest like Thiers himself and his ministerial ticket-of-leave men. Still the shooting of prisoners was suspended for a time. Hardly, however, had Thiers and his Decembrist generals become aware that the Communal decree of reprisals was but an empty threat, that even their gendarme spies caught in Paris under the disguise of National Guards, that even sergents de-ville taken with incendiary shells upon them, were spared, — when the wholesale shooting of prisoners was resumed and carried on uninterruptedly to the end. Houses to which National Guards had fled were surrounded by gendarmes, inundated with petroleum (which here occurs for the first time in this war), and then set fire to, the charred corpses being afterwards brought out by the ambulance of the Press at the Ternes. Four National Guards having surrendered to a troop of mounted Chasseurs at Belle Epine, on the 25th of April, were afterwards shot down, one after another, by the captain, a worthy man of Gallifet's. One of his four victims, left for dead, Scheffer, crawled back to the Parisian outposts, and deposed to this fact before a commission of the Commune. When Tolain interpellated the War Minister upon the report of this commission, the Rurals drowned his voice and forbade Leflô to answer. It would be an insult to their «glorious» army to speak of its deeds. The flippant tone in which Thiers' bulletins announced the bayoneting of the Federals surprised asleep at Moulin Saquet, and the wholesale fusillades at Clamart shocked the nerves even of the not over-sensitive London *Times*.

солдата, взятого в плен среди федератов. Жандарм Демаре был награжден орденом за то, что он изменнически изрубил в куски, как мясник, великодушного и рыцарски благородного Флуранса, который 31 октября 1870 г. спас головы членов правительства обороны. Об «ободряющих подробностях» этой бойни Тьер торжествующе разглагольствовал в Национальном собрании. С надутым тщеславием парламентского мальчика-с-пальчика, которому позволили разыгрывать роль Тамерлана, он отказался признать за людьми, восставшими против его ничтожества, всякое право воюющей стороны, вплоть до права нейтралитета их перевязочных пунктов. Нет ничего гнуснее этой обезьяны, которую предвидел еще Вольтер, — обезьяны, получившей на миг возможность дать полный простор своим инстинктам тигра (см. примечание на стр. 85—87).

После декрета Коммуны от 7 апреля, в которой она приказывала производить репрессии, объявляя, что считает своей обязанностью «защищать Париж от каннибальских подвигов версальских бандитов и требовать око за око и зуб за зуб», — Тьер не прекратил своего варварского обращения с пленными и вдобавок еще оскорблял их в своих бюллетенях в таких, например, выражениях: «никогда опечаленный взор честных людей не встречал более бесчестных лиц бесчестной демократии» — взор честных людей вроде самого Тьера и его ticket of leave men в роли министров. Тем не менее расстрелы пленных были на время приостановлены. Но едва только Тьер и его генералы — герои декабрьского переворота — узнали, что декрет Коммуны о репрессиях был лишь пустой угрозой, что были пощажены даже жандармы-шпионы, пойманные в Париже переряженными в национальных гвардейцев, и даже полицейские, схваченные с зажигательными снарядами, — как только они узнали об этом, так снова начались массовые расстрелы пленных, продолжавшиеся беспрерывно уже до конца. Дома, в которых укрывались национальные гвардейцы, жандармы окружали, обливали керосином (здесь он был впервые употреблен в этой войне) и затем поджигали; обугленные трупы были извлечены впоследствии санитарным отрядом работников печати в квартале Терн. Четыре национальных гвардейца, сдавшихся при Бель-Эпине 25 апреля отряду конных егерей, были расстреляны поодиночке капитаном отряда, достойным слугой Галлифе. Одна из четырех его жертв, гвардеец Шеффер, которого бросили, приняв за мертвого, дополз обратно до парижских передовых постов и засвидетельствовал об этом факте перед одной из комиссий Коммуны. Когда Толен сделал военному министру запрос относительно отчета этой комиссии, помещичьи депутаты заглушили его слова своим ревом и не позволили Лефло отвечать: было бы оскорблением для их «славной» армии говорить о ее подвигах. Развязный тон, в каком бюллетени

But it would be ludicrous to-day to attempt recounting the merely preliminary atrocities committed by the bombarders of Paris and the fomenters of a slaveholders' rebellion protected by foreign invasion. Amidst all these horrors, Thiers, forgetful of his parliamentary laments on the terrible responsibility weighing down his dwarfish shoulders, boasts in his bulletins that *l'Assemblée siège paisiblement* (the Assembly continues meeting in peace), and proves by his constant carousals, now with Decembrist generals, now with German princes, that his digestion is not troubled in the least, not even by the ghosts of Lecomte and Clement Thomas.

III

On the dawn of the 18th of March, Paris arose to the thunderburst of «Vive la Commune!» What is the Commune, that sphinx so tantalizing to the bourgeois mind?

«The proletarians of Paris,» said the Central Committee in its manifesto of the 18th March, «amidst the failures and treasons of the ruling classes, have understood that the hour has struck for them to save the situation by taking into their own hands the direction of public affairs. .... They have understood that it is their imperious duty and their absolute right to render themselves masters of their own destinies, by seizing upon the governmental power». But the working class cannot simply lay hold of the ready-made State machinery, and wield it for its own purposes.

The centralized State power, with its ubiquitous organs of standing army, police, bureaucracy, clergy, and judicature — organs wrought after the plan of a systematic and hierarchic division of labour, — originates from the days of absolute monarchy, serving nascent middle-class society as a mighty weapon in its struggles against feudalism. Still, its development remained clogged by all manner of medieval rubbish, seignorial rights, local privileges, municipal and guild monopolies and provincial constitutions. The gigantic broom of the French Revolution of the eighteenth century swept away all these relics of bygone times, thus clearing simultaneously the social soil of its last hindrances to the superstructure of the modern State edifice raised under the First Empire, itself the offspring of the coalition wars of old semi-feudal Europe against modern France. During the subsequent *régimes* the Government, placed under parliamentary control —

Тьера сообщали о заколотых штыками федератах, захваченных сонными в Мулен-Саке, и о массовых расстрелах в Кламаре, подействовал даже на нервы не слишком уж чувствительной лондонской «*Times*». Но было бы смешно пытаться пересчитать все эти лишь предварительные зверства, совершенные людьми, бомбардировавшими Париж и организовавшими рабовладельческий бунт под покровительством чужеземного завоевателя. Среди всех этих ужасов Тьер, забыв свои парламентские сетования на страшную ответственность, возложенную на его плечи карлика, хвастается в своих бюллетенях тем, что *L'Assemblée siège paisiblement* (Собрание мирно заседает), и доказывает своими постоянными попойками то с генералами, героями декабрьского переворота, то с германскими принцами, что его пищеварение ни в малейшей мере не испортили даже призраки Леконта и Клемана Тома.

III

Утром 18 марта Париж был разбужен громовым кличем: «Да здравствует Коммуна!» Что же такое Коммуна, этот сфинкс, причиняющий столько терзаний буржуазному уму?

«Пролетарии Парижа, — говорил Центральный комитет в своем манифесте от 18 марта, — среди банкротства и измены господствующих классов, поняли, что для них пробил час, когда они должны спасти положение, взяв в свои собственные руки управление общественными делами... Они поняли, что их повелительный долг и безусловное право — стать господами своей собственной судьбы, взяв правительственную власть». Но рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей.

Централизованная государственная власть с ее вездесущими органами, построенными по плану систематического и иерархического разделения труда, — постоянной армией, полицией, бюрократией, духовенством и судейским сословием, ведет свое происхождение со времен абсолютной монархии, когда она служила нарождавшемуся буржуазному обществу мощным оружием в его борьбе с феодализмом. Однако ее развитию все еще мешал тогда всевозможный средневековый хлам — сеньоральные права, местные привилегии, городские и цеховые монополии, провинциальные уложения. Исполинская метла французской революции XVIII века смела все эти остатки минувших времен, одновременно очистив таким образом общественную почву от последних помех к сооружению здания современного государства, воздвигнутого при Первой империи, которая сама по себе являлась результатом коалиционных войн

that is, under the direct control of the propertied classes — became not only a hotbed of huge national debts and crushing taxes; with its irresistible allurements of place, pelf, and patronage, it became not only the bone of contention between the rival factions and adventurers of the ruling classes; but its political character changed simultaneously with the economic changes of society. At the same pace at which the progress of modern industry developed, widened, intensified the class-antagonism between capital and labour, the State power assumed more and more the character of the national power of capital over labour, of a public force organized for social enslavement, of an engine of class despotism. After every revolution marking a progressive phase in the class struggle, the purely repressive character of the State power stands out in bolder and bolder relief. The Revolution of 1830, resulting in the transfer of Government from the landlords to the capitalists, transferred it from the more remote to the more direct antagonists of the working men. The bourgeois Republicans, who, in the name of the Revolution of February, took the State power, used it for the June massacres, in order to convince the working class that «social» republic meant the republic ensuring their social subjection, and in order to convince the royalist bulk of the bourgeois and landlord class that they might safely leave the cares and emoluments of government to the bourgeois «Republicans». However, after their one heroic exploit of June, the bourgeois Republicans had, from the front, to fall back to the rear of the «Party of Order» — a combination formed by all the rival fractions and factions of the appropriating class in their now openly declared antagonism to the producing classes. The proper form of their joint-stock Government was the *Parliamentary Republic*, with Louis Bonaparte for its President. Theirs was a *régime* of avowed class terrorism and deliberate insult towards the «vile multitude». If the Parliamentary Republic, as M. Thiers said, «divided them (the different fractions of the ruling class) least», it opened an abyss between that class and the whole body of society outside their spare ranks. The restraints by which their own divisions had under former *régimes* still checked the State power, were removed by their union; and in view of the threatening upheaval of the proletariate, they now used that State power mercilessly and ostentatiously as the national war-engine of capital against labour. In their uninterrupted crusade against the producing masses they were, however, bound not only to invest the executive with continually increased powers of repression, but at the same time to divest their own parliamentary stronghold—the National Assembly — one by one, of all its own means of defence against the Executive. The Executive, in the person of Louis Bonaparte,

старой полуфеодальной Европы против новой Франции. При последующих режимах правительство, подчиненное парламентскому контролю, т. е. прямому контролю имущих классов, — не только превратилось в рассадник огромных национальных долгов и разорительных налогов, не только сделалось яблоком раздора для соперничающих фракций и авантюристов господствующих классов, которых оно неодолимо влекло к себе раздачей должностей, доходных мест и влиятельных постов,—но и самый его политический характер изменился одновременно с экономическими изменениями в обществе. По мере того как успехи новой промышленности развивали, расширяли, усиливали классовый антагонизм между трудом и капиталом, государственная власть принимала все более и более характер национальной власти капитала над трудом, общественной силы, организованной для социального порабощения, машины классового деспотизма. После каждой революции, отмечающей прогрессивную фазу в классовой борьбе, чисто угнетательский характер государственной власти выступает наружу все более и более резко. Революция 1830 г., имевшая своим результатом перенесение власти от землевладельцев к капиталистам, перенесла ее от более отдаленных к более непосредственным врагам рабочих. Буржуазные республиканцы, которые именем февральской революции захватили государственную власть, употребили ее для устройства июньской бойни, чтобы убедить рабочий класс в том, что «социальная» республика означает республику, закрепляющую его социальное порабощение, и чтобы убедить роялистское ядро буржуазного и помещичьего классов, что они спокойно могут предоставить заботы и выгоды управления буржуазным «республиканцам». Однако после своего геройского июньского подвига буржуазные республиканцы должны были перейти из первых рядов в последние ряды «партии порядка» — этого союза, образованного всеми соперничающими фракциями и частями класса присвоителей в их теперь уже открыто провозглашенном антагонизме к производительным классам. Самой подходящей формой для их акционерного управления государством оказалась *парламентская республика* с Луи Бонапартом в качестве президента. Это был режим неприкрытого классового террора и умышленного оскорбления «подлой черни». Если парламентская республика, как выразился г. Тьер, «разделяла их (различные фракции господствующего класса) меньше всего», то зато она открыла пропасть между этим немногочисленным классом и всем общественным организмом, живущим вне его. Ограничения, которые при прежних режимах еще налагались на государственную власть раздорами внутри самого господствующего класса, теперь были устранены благодаря его объединению; и ввиду угрожающего восстания рабочих он теперь беспощадно и нагло

turned them out. The natural offspring of the «Party-of-Order» Republic was the Second Empire.

The Empire, with the *coup d'état* for its certificate of birth, universal suffrage for its sanction, and the sword for its sceptre, professed to rest upon the peasantry, the large mass of producers not directly involved in the struggle of capital and labour. It professed to save the working class by breaking down Parliamentarism, and, with it, the undisguised subserviency of Government to the propertied classes. It professed to save the propertied classes by upholding their economic supremacy over the working class; and, finally, it professed to unite all classes by reviving for all the chimera of national glory. In reality, it was the only form of government possible at a time when the bourgeoisie had already lost, and the working class had not yet acquired, the faculty of ruling the nation. It was acclaimed throughout the world as the saviour of society. Under its sway, bourgeois society, freed from political cares, attained a development unexpected even by itself. Its industry and commerce expanded to colossal dimensions; financial swindling celebrated cosmopolitan orgies; the misery of the masses was set off by a shameless display of gorgeous, meretricious, and debased luxury. The State power, apparently soaring high above society, was at the same time itself the greatest scandal of that society and the very hot-bed of all its corruptions. Its own rottenness, and the rottenness of the society it had saved, were laid bare by the bayonet of Prussia, herself eagerly bent upon transferring the supreme seat of that *régime* from Paris to Berlin. Imperialism is, at the same time, the most prostitute and the ultimate form of the State power which nascent middle-class society had commenced to elaborate as a means of its own emancipation from feudalism, and which full-grown bourgeois society had finally transformed into a means for the enslavement of labour by capital.

The direct antithesis to the Empire was the Commune. The cry of «Social Republic», with which the revolution of February was ushered in by the Paris proletariate, did but express a vague aspiration after a

использовал эту государственную власть как национальное орудие войны капитала против труда. Однако в своем непрекращавшемся крестовом походе против массы производителей он был вынужден не только облачить исполнительную власть беспрерывно растущими полномочиями по применению репрессий, но вместе с тем и отнять у своей собственной парламентской твердыни — у Национального собрания — одно за другим все средства обороны против исполнительной власти. Исполнительная власть, в лице Луи Бонапарта, выгнала представителей имущего класса вон. Естественным плодом республики «партии порядка» явилась Вторая империя.

Империя, которой государственный переворот служил удостоверением о рождении, всеобщая подача голосов — санкцией, а сабля — скипетром, заявляла, что она опирается на крестьянство, на обширную массу производителей, не втянутых непосредственно в борьбу между капиталом и трудом. Она заявляла, что спасла рабочий класс, уничтожив парламентаризм, а вместе с ним и неприкрытое подчинение правительства имущим классам. Она заявляла, что спасла имущие классы, поддержав их экономическое господство над рабочим классом; и, наконец, она заявляла притязание на объединение всех классов вокруг вновь ожившего призрака национальной славы. В действительности же империя была единственной возможной формой правления в такое время, когда буржуазия уже утратила, а рабочий класс еще не приобрел способность управлять нацией. Весь мир приветствовал империю как спасительницу общества. Под ее господством буржуазное общество, освобожденное от политических забот, достигло такого расцвета, какого оно и само не ожидало. Его промышленность и торговля расширились до колоссальных размеров; финансовое мошенничество праздновало космополитические оргии; нищета масс подчеркивалась бесстыдным выставлением напоказ пышной, распутной и позорной роскоши. Государственная власть, будто бы парящая высоко над обществом, была в действительности сама величайшим скандалом этого общества и истинным рассадником всех его язв. Штыки Пруссии, жаждавшей перенести центр тяжести этого режима из Парижа в Берлин, обнажили всю гнилость этой государственной власти и гнилость спасенного ею общества. Империализм есть одновременно самая проституированная и последняя форма государственной власти, которую зарождавшееся буржуазное общество начало создавать как средство для своего освобождения от феодализма и которую вполне созревшее буржуазное общество превратило под конец в средство порабощения труда капиталом.

Прямой противоположностью империи была Коммуна. Лозунг «социальной республики», под которым парижский пролетариат начал февральскую революцию, выражал лишь неясное стремление к такой

Republic that was not only to supersede the monarchical form of class-rule, but class-rule itself. The Commune was the positive form of that Republic.

Paris, the central seat of the old governmental power, and, at the same time, the social stronghold of the French working class, had risen in arms against the attempt of Thiers and the Rurals to restore and perpetuate that old governmental power bequeathed to them by the Empire. Paris could resist only because, in consequence of the siege, it had got rid of the army, and replaced it by a National Guard, the bulk of which consisted of working men. This fact was now to be transformed into an institution. The first decree of the Commune, therefore, was the suppression of the standing army, and the substitution for it of the armed people.

The Commune was formed of the municipal councillors, chosen by universal suffrage in the various wards of the town, responsible and revocable at short terms. The majority of its members were naturally working men, or acknowledged representatives of the working class. The Commune was to be a working, not a parliamentary, body, executive and legislative at the same time. Instead of continuing to be the agent of the Central Government, the police was at once stripped of its political attributes, and turned into the responsible and at all times revocable agent of the Commune. So were the officials of all other branches of the Administration. From the members of the Commune downwards, the public service had to be done at *workmen's wages*. The vested interests and the representation allowances of the high dignitaries of State disappeared along with the high dignitaries themselves. Public functions ceased to be the private property of the tools of the Central Government. Not only municipal administration but the whole initiative hitherto exercised by the State was laid into the hands of the Commune.

Having once got rid of the standing army and the police, the physical force elements of the old Government, the Commune was anxious to break the spiritual force of repression, the «parson-power», by the disestablishment and disendowment of all churches as proprietary bodies. The priests were sent back to the recesses of private life, there to feed upon the alms of the faithful in imitation of their predecessors, the Apostles. The whole of the educational institutions were opened to the people gratuitously, and at the same time cleared of all interference of Church and State. Thus, not only was education made accessible to all, but science itself freed from the fetters which class prejudice and governmental force had imposed upon it.

республике, которая должна была устранить не только монархическую форму классового господства, но и самое классовое господство. Коммуна и была определенной формой этой республики.

Париж, бывший центральным местопребыванием старой правительственной власти и в то же время и общественным центром французского рабочего класса, восстал с оружием в руках против попытки Тьера и помещичьих депутатов восстановить и увековечить эту старую правительственную власть, завещанную им империей. Париж мог сопротивляться только потому, что вследствие осады он избавился от армии и заменил ее национальной гвардией, главную массу которой составляли рабочие. Этот факт надо было теперь превратить в прочное учреждение. Поэтому первым декретом Коммуны было уничтожение постоянного войска и замена его вооруженным народом.

Коммуна образовалась из выбранных всеобщим избирательным правом по различным округам Парижа муниципальных советников, ответственных и в любое время сменяемых. Большинство ее членов состояло, само собою разумеется, из рабочих или признанных представителей рабочего класса. Коммуна должна была быть не парламентской, а работающей корпорацией, в одно и то же время законодательствующей и исполняющей законы. Полиция, до сих пор бывшая орудием центрального правительства, была немедленно лишена всех своих политических функций и превращена в ответственный и сменяемый в любое время орган Коммуны. То же самое произошло с чиновниками всех других отраслей управления. Начиная с членов Коммуны, сверху донизу общественная служба должна была исполняться за *заработную плату рабочего*. Исконные привилегии и выдачи денег на представительство высшим государственным чинам исчезли вместе с этими чинами. Общественные должности перестали быть частной собственностью агентов центрального правительства. Не только городское управление, но и вся инициатива, принадлежавшая доселе государству, перешла в руки Коммуны.

По устранении постоянного войска и полиции, этих орудий материальной силы старого правительства, Коммуна позаботилась немедленно о том, чтобы сломать силу духовного угнетения, «власть попа», тем, что она распустила и экспроприировала все церкви, как владельческие корпорации. Священники должны были снова вернуться к скромной жизни частных людей и по примеру своих предшественников, апостолов, жить милостыней верующих. Все учебные заведения были открыты для народа бесплатно и одновременно освобождены от всякого вмешательства церкви и государства. Таким образом, школьное образование не только стало доступно для всех, но и сама наука была освобождена от оков, наложенных на нее классовыми предрассудками и правительственной властью.

The judicial functionaries were to be divested of that sham independence which had but served to mask their abject subserviency to all succeeding governments to which, in turn, they had taken, and broken, the oaths of allegiance. Like the rest of public servants, magistrates and judges were to be elective, responsible, and revocable.

The Paris Commune was, of course, to serve as a model to all the great industrial centres of France. The communal *régime* once established in Paris and the secondary centres, the old centralized Government would in the provinces, too, have to give way to the self-government of the producers. In a rough sketch of national organization which the Commune had no time to develop, it states clearly that the Commune was to be the political form of even the smallest country hamlet, and that in the rural districts the standing army was to be replaced by a national militia, with an extremely short term of service. The rural communes of every district were to administer their common affairs by an assembly of delegates in the central town, and these district assemblies were again to send deputies to the National Delegation in Paris, each delegate to be at any time revocable and bound by the *mandat impératif* (formal instructions) of his constituents. The few but important functions which still would remain for a central government were not to be suppressed, as has been intentionally mis-stated, but were to be discharged by Communal, and therefore strictly responsible agents. The unity of the nation was not to be broken, but, on the contrary, to be organized by the Communal constitution, and to become a reality by the destruction of the State power which claimed to be the embodiment of that unity independent of, and superior to, the nation itself, from which it was but a parasitic excrescence. While the merely repressive organs of the old governmental power were to be amputated, its legitimate functions were to be wrested from an authority usurping pre-eminence over society itself, and restored to the responsible agents of society. Instead of deciding once in three or six years which member of the ruling class was to misrepresent the people in Parliament, universal suffrage was to serve the people, constituted in Communes, as individual suffrage serves every other employer in the search for the workmen and managers in his business. And it is well known that companies, like individuals, in matters of real business generally know how to put the right man in the right place, and, if they for once make a mistake, to redress it promptly. On the other hand, nothing could be more foreign to the spirit of the Commune than to supersede universal suffrage by hierarchic investiture.

Судейские чиновники должны были потерять свою кажущуюся независимость, служившую только маской для их отвратительного угодничества перед всеми сменявшими друг друга правительствами которым они по очереди приносили присягу на верность и нарушали ее. Подобно остальным должностным лицам Коммуны, судьи должны были впредь быть выборными, ответственными и сменяемыми.

Парижская Коммуна должна была, конечно, явиться образцом для всех крупных промышленных центров Франции. Если бы коммунальный строй был установлен в Париже и во второстепенных центрах, то и в провинциях старое централизованное управление тоже должно было бы уступить место самоуправлению производителей. В том черновом наброске национальной организации, который Коммуна не имела времени развить, говорится вполне ясно, что Коммуна должна была стать политической формой даже самой маленькой деревни и что постоянное войско должно было и в сельских округах быть заменено народной милицией с чрезвычайно кратким сроком службы. Общими делами сельских общин каждого округа должно было заведывать делегатское собрание в главном городе округа, а эти окружные собрания должны были в свою очередь посылать депутатов в Национальное делегатское собрание в Париже, причем каждый делегат был бы сменяем в любое время и связан формальными инструкциями (mandat impératif) своих избирателей. Немногие, но важные функции, которые все еще остались бы за центральным правительством, не должны были бы быть отменены, как это сознательно лживо утверждали, а должны были быть переданы коммунальным и, следовательно, строго ответственным агентам. Единство нации подлежало не уничтожению, а, напротив, организации посредством коммунального строя, единство должно было стать действительностью посредством уничтожения той государственной власти, которая претендовала быть воплощением этого единства, независимой от самой нации и стоящей над ней, а на деле бывшей лишь паразитическим наростом на теле нации. Задача состояла в том, чтобы отсечь чисто угнетательские органы старой правительственной власти, ее же правомерные функции отнять у такой власти, которая претендует на то, чтобы стоять над обществом, и передать ответственным слугам общества. Вместо того, чтобы один раз в три или в шесть лет решать, какому члену господствующего класса быть лжепредставителем народа в парламенте, всеобщее избирательное право должно было так служить народу, организованному в коммуны, как индивидуальное право выбора служит всякому другому работодателю при подыскании рабочих и руководителей для своего предприятия. А известно, что компании, как

It is generally the fate of completely new historical creations to be mistaken for the counterpart of older and even defunct forms of social life, to which they may bear a certain likeness. Thus, this new Commune, which breaks the modern State power, has been mistaken for a reproduction of the medieval Communes, which first preceded, and afterwards became the substratum of, that very State power. — The communal constitution has been mistaken for an attempt to break up into a federation of small States, as dreamt of by Montesquieu and the Girondins, that unity of great nations which, if originally brought about by political force, has now become a powerful coëfficient of social production. — The antagonism of the Commune against the State power has been mistaken for an exaggerated form of the ancient struggle against over-centralization. Peculiar historical circumstances may have prevented the classical development, as in France, of the bourgeois form of government, and may have allowed, as in England, to complete the great central State organs by corrupt vestries, jobbing councillors, and ferocious poor-law guardians in the towns, and virtually hereditary magistrates in the counties. The Communal Constitution would have restored to the social body all the forces hitherto absorbed by the State parasite feeding upon, and clogging the free movement of, society. By this one act it would have initiated the regeneration of France. — The provincial French middle-class saw in the Commune an attempt to restore the sway their order had held over the country under Louis Philippe, and which, under Louis Napoleon, was supplanted by the pretended rule of the country over the towns. In reality, the Communal Constitution brought the rural producers under the intellectual lead of the central towns of their districts, and there secured to them, in the working men, the natural trustees of their interests. — The very existence of the Commune involved, as a matter of course, local municipal liberty, but no longer as a check upon the, now superseded, State power. It could only enter into the head of a Bismarck, who, when not engaged on his intrigues of blood and iron, always likes to resume his old trade, so befitting his mental calibre, of contributor to *Kladderadatsch* (the Berlin *Punch*), it could only enter into such a head, to ascribe to the Paris Commune aspirations after that caricature of the old French municipal organization of 1791, the Prussian municipal constitution which degrades the town governments to mere

и отдельные лица, обыкновенно умеют в своей деловой практике ставить на нужные места подходящих людей, и если иногда совершают ошибку, то быстро ее исправлять. С другой стороны, ничто не могло быть более чуждо духу Коммуны, чем замена всеобщей подачи голосов иерархической инвеститурой.

Обычной судьбой совершенно нового исторического творчества является то, что его ошибочно принимают за подобие более старых и даже отживших форм общественной жизни, на которые новые учреждения сколько-нибудь похожи. Так и эта новая Коммуна которая ломает современную государственную власть, была ошибочно рассматриваема как воспроизведение средневековых коммун, которые сначала предшествовали возникновению этой государственной власти, а впоследствии составили ее основу. — Коммунальный строй ошибочно считали попыткой раздробить в федерацию мелких государств, о какой мечтали Монтескье и жирондисты, то единство великих наций, которое хотя и было первоначально создано политическим насилием, но теперь стало могущественным фактором общественного производства.—Антагонизм между Коммуной и государственной властью был ошибочно принят за преувеличенную форму старой борьбы против чрезмерной централизации. Особые исторические условия могли в других странах помешать столь же классическому, как во Франции, развитию буржуазной формы правления и привести, как, например, в Англии, к тому, что главные центральные государственные органы были дополнены продажными приходскими собраниями, корыстолюбивыми членами городских советов, свирепыми попечителями о бедных в городах и фактически наследственными мировыми судьями в графствах. Коммунальный строй вернул бы общественному телу все те силы, которые до сих пор пожирал паразит-государство, кормящийся за счет общества и стесняющий его свободное движение. Уже одним этим актом он положил бы начало возрождению Франции. — Провинциальная французская буржуазия видела в Коммуне попытку восстановить то господство над деревней, которым она пользовалась при Луи-Филиппе и которое при Луи-Наполеоне сменилось мнимым господством деревень над городами. В действительности же коммунальный строй ставил сельских производителей под идейное руководство главных городов их округа и обеспечивал им там, в лице рабочих, естественных представителей их интересов. — Самое существование Коммуны уже вело за собой, как нечто само собой разумеющееся, местную муниципальную свободу, но уже не в качестве противовеса государственной власти, которая теперь делается излишней. Только какому-нибудь Бисмарку, который всегда, когда он не занят своими построенными на крови и железе интригами, охотно возвращается к своей старинной, столь соответствующей его

secondary wheels in the police-machinery of the Prussian State. — The Commune made that catchword of bourgeois revolutions, cheap government, a reality, by destroying the two greatest sources of expenditure — the standing army and State functionarism. Its very existence presupposed the non-existence of monarchy, which, in Europe at least, is the normal incumbrance and indispensable cloak of class-rule. It supplied the Republic with the basis of really democratic institutions. But neither cheap government nor the «true Republic» was its ultimate aim; they were its mere concomitants.

The multiplicity of interpretations to which the Commune has been subjected, and the multiplicity of interest which construed it in their favour, show that it was a thoroughly expansive political form, while all previous forms of government had been emphatically repressive. Its true secret was this. It was essentially a working-class government, the produce of the struggle of the producing against the appropriating class, the political form at last discovered under which to work out the economical emancipation of Labour.

Except on this last condition, the Communal Constitution would have been an impossibility and a delusion.The political rule of the produ cer cannot coexist with the perpetuation of his social slavery. The Commune was therefore to serve as a lever for uprooting the economical foundations upon which rests the existence of classes, and therefore of class rule. With labour emancipated, every man becomes a working man and productive labour ceases to be a class attribute.

It is a strange fact. In spite of all the tall talk and all the immense literature, for the last sixty years, about Emancipation of Labour, no sooner do the working men anywhere take the subject into their own hands with a will, than uprises at once all the apologetic phraseology of the mouthpieces of present society with its two poles of Capital and Wages-slavery (the landlord now is but the sleeping partner of the capitalist), as if capitalist society was still in its purest state of virgin innocence, with its antagonisms still undeveloped, with its delusions still unexploded, with its prostitute realities not yet laid bare. The Commune, they exclaim, intends to abolish property, the

умственному калибру, роли сотрудника «Kladderadatsch'а» (берлинского «Punch'а»), — только такому человеку могло притти в голову приписать Парижской Коммуне стремление к прусскому городовому положению — этой карикатуре на старое французское городское устройство 1791 г., — низводящему городские самоуправления на уровень второстепенных колесиков в полицейской машине прусского государства. — Уничтожив две крупнейшие статьи расходов, постоянную армию и чиновничество, Коммуна осуществила лозунг буржуазных революций — дешевое правительство. Самое ее существование уже предполагало исчезновение монархии, которая, в Европе по крайней мере, является обычным балластом и неизбежной маской классового господства. Коммуна создала для республики основу подлинно демократических учреждений. Но ни дешевое правительство, ни «истинная республика» не были ее конечной целью; они были только ее сопутствующими явлениями.

Разнообразие толкований, которым подверглась Коммуна, и разнообразие интересов, которые комментировали ее в свою пользу, доказывает, что она была в высшей степени гибкой политической формой, между тем как все прежние формы правительства были определенно угнетательскими. Ее настоящей тайной было вот что: она была по сути дела правительством рабочего класса, результатом борьбы производительного класса против класса присваивающего, открытой, наконец, политической формой, при которой могло совершиться экономическое освобождение труда.

Без этого последнего условия коммунальный строй был бы невозможностью и обманом. Политическое господство производителя не может существовать рядом с увековечением его социального рабства. Коммуна должна была поэтому служить рычагом для уничтожения с корнем тех экономических основ, на которых покоится существование классов, а следовательно и классовое господство. С освобождением труда каждый человек становится рабочим, и производительный труд перестает быть принадлежностью известного класса.

Странное дело! Несмотря на все, что высокопарно говорилось и без конца писалось за последние шестьдесят лет об освобождении труда, стоит только где-нибудь рабочим с твердой решимостью взять дело в собственные руки, как тотчас же выдвигается против них весь апологетический словесный хлам защитников современного общества с его двумя полюсами — капиталом и рабством наемного труда (землевладелец является теперь лишь безгласным компаньоном капиталиста), как будто капиталистическое общество все еще пребывает в беспорочном состоянии девственной невинности, как будто не развились еще его внутренние антагонизмы, не вскрылись его самообманы,

basis of all civilization! Yes, gentlemen, the Commune intended to abolish that class-property which makes the labour of the many the wealth of the few. It aimed at the expropriation of the expropriators. It wanted to make individual property a truth by transforming the means of production, land and capital, now chiefly the means of enslaving and exploiting labour, into mere instruments of free and associated labour. But this is Communism, «impossible» Communism! Why, those members of the ruling classes who are intelligent enough to perceive the impossibility of continuing the present system — and they are many — have become the obtrusive and full-mouthed apostles of co-operative production. If co-operative production is not to remain a sham and a snare; if it is to supersede the Capitalist system; if united co-operative societies are to regulate national production upon a common plan, thus taking it under their own control, and putting an end to the constant anarchy and periodical convulsions which are the fatality of Capitalist production — what else, gentlemen, would it be but Communism, «possible» Communism?

The working class did not expect miracles from the Commune. They have no ready-made utopias to introduce *par décret du peuple.* They know that in order to work out their own emancipation, and along with it that higher form to which present society is irresistibly tending by its own economical agencies, they will have to pass through long struggles, through a series of historic processes, transforming circumstances and men. They have no ideals to realize, but to set free the elements of the new society with which old collapsing bourgeois society itself is pregnant. In the full consciousness of their historic mission, and with the heroic resolve to act up to it, the working class can afford to smile at the coarse invective of the gentlemen's gentlemen with the pen and inkhorn, and at the didactic patronage of well-wishing bourgeois-doctrinaires, pouring forth their ignorant platitudes and sectarian crotchets in the oracular tone of scientific infallibility.

When the Paris Commune took the management of the revolution in its own hands; when plain working men for the first time dared to infringe upon the Governmental privilege of their «natural superiors», and, under circumstances of unexampled difficulty, performed their work modestly, conscientiously, and efficiently, — performed it at

не обнажилась вся его проституированная действительность! Коммуна, — восклицают они, — собирается упразднить собственность, основу всей цивилизации! Да, милостивые государи, Коммуна намеревалась уничтожить эту классовую собственность, которая труд многих превращает в богатство немногих. Она стремилась к экспроприации экспроприаторов. Она хотела создать индивидуальную собственность взаправду, превратив средства производства, землю и капитал, которые теперь служат главным образом средством порабощения и эксплоатации труда, в простые орудия свободного и ассоциированного труда. — Но ведь это коммунизм, «невозможный» коммунизм! Однако те члены господствующих классов, которые достаточно умны, чтобы понять невозможность продолжения существования настоящей системы, — и таких немало, — сделались назойливыми и крикливыми апостолами кооперативного производства. Но если кооперативное производство не должно оставаться пустым звуком и ловушкой, если оно должно заменить капиталистическую систему; если объединенные кооперативные товарищества должны регулировать национальное производство по общему плану, взяв его таким образом в свое заведывание и положив конец постоянной анархии и периодическим конвульсиям, неизбежным при капиталистическом производстве, — то не будет ли это, милостивые государи, коммунизмом, «возможным» коммунизмом?

Рабочий класс не ждал чудес от Коммуны. У него нет готовых утопий, которые можно было бы провести в жизнь par décret du peuple (постановлением народа). Он знает, что для того, чтобы добиться своего собственного освобождения и той высшей формы, к которой неудержимо стремится современное общество в силу своего внутреннего экономического развития, ему надо будет пройти через длительную борьбу, через ряд исторических процессов, которые преобразуют обстановку и людей. Рабочему классу предстоит не осуществлять какие-то идеалы, а лишь дать простор тем элементам нового общества, которыми беременно само разрушающееся старое буржуазное общество. Вполне сознавая свое историческое призвание и полный героической решимости действовать в согласии с ним, рабочий класс может ответить улыбкой на грубую ругань продажных писак и на покровительственные назидания благожелательных буржуа-доктринеров, изрекающих свои невежественные пошлости и сектантские причуды тоном непогрешимого научного оракула.

Когда Парижская Коммуна взяла руководство революцией в свои руки; когда простые рабочие впервые осмелились посягнуть на привилегию своего «естественного начальства», именно на привилегию управления, и стали в неслыханно тяжелых условиях выполнять свою работу скромно, добросовестно и успешно, — выполнять

salaries the highest of which barely amounted to one-fifth of what, according to high scientific authority, is the minimum required for a secretary to a certain metropolitan school-board, — the old world writhed in convulsions of rage at the sight of the Red Flag, the symbol of the Republic of Labour, floating over the Hôtel de Ville.

And yet, this was the first revolution in which the working class was openly acknowledged as the only class capable of social initiative, even by the great bulk of the Paris middle class — shopkeepers, tradesmen, merchants — the wealthy capitalists alone excepted. The Commune had saved them by a sagacious settlement of that ever-recurring cause of dispute among the middle classes themselves — the debtor and creditor accounts. The same portion of the middle class, after they had assisted in putting down the working men's insurrection of June, 1848, had been at once unceremoniously sacrificed to their creditors by the then Constituent Assembly. But this was not their only motive for now rallying round the working class. They felt that there was but one alternative — the Commune, or the Empire — under whatever name it might reappear. The Empire had ruined them economically by the havoc it made of public wealth, by the wholesale financial swindling it fostered, by the props it lent to the artificially accelerated centralization of capital, and the concomitant expropriation of their own ranks. It had suppressed them politically, it had shocked them morally by its orgies, it had insulted their Voltairianism by handing over the education of their children to the *frères Ignorantins*, it had revolted their national feeling as Frenchmen by precipitating them headlong into a war which left only one equivalent for the ruins it made — the disappearance of the Empire. In fact, after the exodus from Paris of the high Bonapartist and capitalist *Bohême*, the true middle-class Party of Order came out in the shape of the «Union Républicaine», enrolling themselves under the colours of the Commune and defending it against the wilful misconstruction of Thiers. Whether the gratitude of this great body of the middle class will stand the present severe trial, time must show.

The Commune was perfectly right in telling the peasants that «its victory was their only hope». Of all the lies hatched at Versailles and re-echoed by the glorious European penny-a-liner, one of the most tremendous was that the Rurals represented the French peasantry. Think only of the love of the French peasant for the men to whom, after 1815, he had to pay the milliard of indemnity! In the eyes of the French peasant, the very existence of a great landed proprietor is in

за вознаграждение, высший размер которого, по словам одного известного авторитета в науке, не превышал пятой части того, что является минимумом для оплаты секретаря лондонского школьного совета, — тогда старый мир скорчило от бешенства при виде красного знамени, символа республики труда, развевавшегося над городской ратушей.

И все же это была первая революция, в которой рабочий класс был открыто признан единственным классом, способным к общественной инициативе, признан даже основной массой парижской буржуазии — мелкими лавочниками, ремесленниками, купцами, — всеми, кроме богатых капиталистов. Коммуна спасла их, мудро разрешив вопрос, всегда вызывавший раздоры внутри самой буржуазии, — вопрос о должниках и кредиторах. Эта самая часть буржуазии, после того как она помогла подавлению восстания рабочих в июне 1848 г., была тотчас же вслед за тем бесцеремонно отдана в жертву своим кредиторам тогдашним Учредительным собранием. Однако это не было единственной причиной, в силу которой она сплотилась теперь вокруг рабочего класса. Она чувствовала, что у нее был только один выбор — Коммуна или империя, под каким бы названием эта последняя ни могла вновь появиться. Империя разорила мелкую буржуазию экономически своим расхищением общественного богатства, своим покровительством крупному финансовому жульничеству, своей поддержкой искусственно ускоряемой централизации капитала и вызываемой ею экспроприации ее собственных рядов. Империя подавляла мелкую буржуазию политически, возмущала морально своими оргиями; она оскорбляла ее вольтерьянство, передавая воспитание ее детей «невежественной братии» (Frères Ignorantins); она возмутила ее национальное чувство французов, ввергнув опрометчиво в эту войну, которая за все причиненные ею бедствия вознаградила лишь одним — исчезновением империи. И действительно, после бегства из Парижа высшей бонапартистской и капиталистической богемы, истинная буржуазная партия порядка выступила в форме «Республиканского союза», становясь под знамена Коммуны и защищая ее от умышленных искажений Тьера. Выдержит ли признательность этой массы мелкой буржуазии нынешнее суровое испытание — это покажет будущее.

Коммуна имела полное право заявить крестьянам, что «ее победа — их единственная надежда». Из всей той лжи, которая была пущена в ход в Версале и разнесена по всему свету достославными европейскими наемными писаками, самой чудовищной ложью была та, что помещичьи депутаты были представителями французского крестьянства. Подумайте только о любви французского крестьянина к людям, которым он после 1815 г. должен был уплатить один миллиард в виде

itself an encroachment on his conquests of 1789. The bourgeois, in 1848, had burthened his plot of land with the additional tax of forty-five cents. in the franc; but then he did so in the name of the revolution; while now he had fomented a civil war against the revolution, to shift on the peasant's shoulders the chief load of the five milliards of indemnity to be paid to the Prussian. The Commune, on the other hand, in one of its first proclamations, declared that the true originators of the war would be made to pay its cost. The Commune would have delivered the peasant of the blood tax, — would have given him a cheap government, — transformed his present blood-suckers, the notary, advocate, executor, and other judicial vampires, into salaried communal agents, elected by, and responsible to, himself. It would have freed him of the tyranny of the *garde champêtre*, the gendarme, and the prefect; would have put enlightenment by the schoolmaster in the place of stultification by the priest. And the French peasant is, above all, a man of reckoning. He would find it extremely reasonable that the pay of the priest, instead of being extorted by the taxgatherer, should only depend upon the spontaneous action of the parishioner's religious instincts. Such were the great immediate boons which the rule of the Commune — and that rule alone — held out to the French peasantry. It is, therefore, quite superfluous here to expatiate upon the more complicated but vital problems which the Commune alone was able, and at the same time compelled, to solve in favour of the peasant, viz. the hypothecary debt, lying like an incubus upon his parcel of soil, the *prolètariat foncier* (the rural proletariate), daily growing upon it, and his expropriation from it enforced, at a more and more rapid rate, by the very development of modern agriculture and the competition of capitalist farming.

The French peasant had elected Louis Bonaparte president of the Republic; but the Party of Order created the Empire. What the French peasant really wants he commenced to show in 1849 and 1850, by opposing his maire to the Government's prefect, his schoolmaster to the Government's priest, and himself to the Government's gendarme. All the laws made by the party of order in January and February, 1850, were avowed measures of repression against the peasant. The peasant was a Bonapartist, because the great Revolution, with all its benefits to him, was, in his eyes, personified in Napoleon. This delusion, rapidly breaking down under the Second Empire (and in its very nature hostile to the Rurals), this prejudice of the past, how could it have withstood the appeal

возмещения. В глазах французского крестьянина самое существование крупного земельного собственника уже есть посягательство на его завоевания 1789 года. В 1848 г. буржуазия обложила его клочок земли добавочным налогом в 45 сант. на франк; но тогда она сделала это именем революции; теперь же она затеяла гражданскую войну против революции, чтобы взвалить на плечи крестьян главную тяжесть пятимиллиардной контрибуции, которую надо выплатить пруссакам. Коммуна, напротив, заявила в одном из первых же своих воззваний, что издержки войны должны быть оплачены ее истинными виновниками. Коммуна освободила бы крестьянина от «налога крови», — она дала бы ему дешевое правительство, — она заменила бы нотариуса, адвоката, судебного пристава и прочих судебных вампиров, высасывающих теперь из него кровь, платными коммунальными работниками, избираемыми им самим и ответственными перед ним. Она избавила бы его от тирании сельского стражника, жандарма и префекта; она заменила бы отупляющего его ум священника просвещающим его школьным учителем. А французский крестьянин прежде всего — человек расчета. Он нашел бы в высшей степени разумным, чтобы оплата священника производилась не из сумм, выколачиваемых сборщиком налогов, а зависела исключительно от добровольного проявления религиозных чувств прихожан. Таковы были те великие непосредственные блага, которые господство Коммуны — и только это господство — обещало французскому крестьянству. Поэтому совершенно излишне останавливаться здесь на более сложных, хотя и жизненно-важных вопросах, которые одна только Коммуна могла и в то же время необходимо должна была решить в пользу крестьянина — таковы вопросы об ипотечном долге, тяготеющем, как кошмар, на его клочке земли, о сельском пролетариате, возрастающем со дня на день на этой земле, и об экспроприации ее у крестьянина, которая совершалась все быстрее и быстрее благодаря самому развитию сельского хозяйства и конкуренции капиталистического земледелия.

Французский крестьянин избрал Луи Бонапарта в президенты республики; империя же была создана партией порядка. То, чего действительно хочет французский крестьянин, он начал показывать в 1849 и 1850 гг., противопоставляя своего мэра правительственному префекту, своего школьного учителя — правительственному попу, и себя самого — правительственному жандарму. Все законы, изданные партией порядка в январе и феврале 1850 г., были откровенными мерами репрессии против крестьянина. Крестьянин был бонапартистом, потому что великая революция со всеми выгодами, принесенными ею ему, олицетворялась в его глазах в Наполеоне. Этот самообман, начинавший быстро рассеиваться уже при Второй

of the Commune to the living interests and urgent wants of the peasantry?

The Rurals — this was, in fact, their chief apprehension — knew that three month's free communication of Communal Paris with the provinces would bring about a general rising of the peasants, and hence their anxiety to establish a police blockade around Paris, so as to stop the spread of the rinderpest.

If the Commune was thus the true representative of all the healthy elements of French society, and therefore the truly national Government, it was, at the same time, as a working men's Government, as the bold champion of the emancipation of labour, emphatically international. Within sight of the Prussian army, that had annexed to Germany two French provinces, the Commune annexed to France the working people all over the world.

The Second Empire had been the jubilee of cosmopolitan blackleggism, the rakes of all countries rushing in at its call for a share in its orgies and in the plunder of the French people. Even at this moment the right hand of Thiers is Ganesco, the foul Wallachian, and his left hand is Markowski, the Russian spy. The Commune admitted all foreigners to the honour of dying for an immortal cause. Between the foreign war lost by their treason, and the civil war fomented by their conspiracy with the foreign invader, the bourgeoisie had found the time to display their patriotism by organizing police-hunts upon the Germans in France. The Commune made a German working-man its minister of labour. Thiers, the bourgeoisie, the Second Empire, had continually deluded Poland by loud professions of sympathy, while in reality betraying her to, and doing the dirty work of, Russia. The Commune honoured the heroic sons of Poland by placing them at the head of the defenders of Paris. And, to broadly mark the new era of history it was conscious of initiating, under the eyes of the conquering Prussians on the one side, and of the Bonapartist army, led by Bonapartist generals, on the other, the Commune pulled down that colossal symbol of martial glory, the Vendôme column.

The great social measure of the Commune was its own working existence. Its special measures could but betoken the tendency of a government of the people by the people. Such were the abolition of the nightwork of journeymen bakers; the prohibition, under penalty, of the employers' practice to reduce wages by levying upon their workpeople fines under manifold pretexts, — a process in which the employer combines in his own person the parts of legislator, judge, and executor, and filches the money to boot. Another measure of this class was

империи (и по самой своей сути враждебный стремлениям помещичьих депутатов), этот предрассудок прошлого, — как мог бы он устоять против призыва Коммуны к жизненным интересам и насущным потребностям крестьянства?

Помещичьи депутаты знали — и именно этого они опасались больше всего, — что три месяца свободного сообщения коммунального Парижа с провинциями принесли бы общее восстание крестьян, и отсюда их забота, о том, чтобы установить вокруг Парижа полицейскую блокаду, с целью помешать распространению чумной заразы.

Если таким образом Коммуна была истинной представительницей всех здоровых элементов французского общества, а значит, и подлинно национальным правительством, то в то же время, будучи правительством рабочих, смелой поборницей освобождения труда, она была в полном смысле этого слова интернациональна. Перед лицом прусской армии, присоединившей к Германии две французских провинции, Коммуна присоединила к Франции рабочих всего мира.

Вторая империя была праздником космополитического мошенничества, на ее призыв устремились прохвосты всех стран, чтобы принять участие в ее оргиях и в ограблении французского народа. Даже и сейчас правой рукой Тьера является валашский плут Ганеско, а его левой рукой — русский шпион Марковский. Коммуна предоставила всем иностранцам честь умереть за бессмертное дело. Буржуазия успела в промежуток между внешней войною, проигранной из-за ее измены, и гражданской войной, вызванной ее заговором с чужеземным завоевателем, показать свой патриотизм, организовав полицейскую травлю немцев по всей Франции. Коммуна назначила немецкого рабочего своим министром труда. Тьер, буржуазия, Вторая империя постоянно обманывали Польшу громкими выражениями своего сочувствия, на деле предавая ее России и выполняя ее грязное дело. Коммуна почтила героических сынов Польши, поставив их во главе защитников Парижа. И чтобы резче отметить новую историческую эру, которую она сознательно открывала собою, Коммуна на глазах победоносных пруссаков, с одной стороны, и бонапартовской армии с бонапартовскими генералами во главе, с другой, — низвергла колоссальный символ военной славы — Вандомскую колонну.

Великим социальным мероприятием Коммуны было уже то, что она существовала и работала. Отдельные меры, принятые ею, могли наметить лишь тенденцию развития управления народом при помощи самого народа. Сюда относятся: отмена ночной работы пекарей, запрещение, под страхом наказания, понижать заработную плату наложением на рабочих штрафов под всевозможными предлогами — прием, в котором работодатель сочетает в своем лице законодательную, судебную и исполнительную функции и крадет у

the surrender, to associations of workmen, under reserve of compensation, of all closed workshops and factories, no matter whether the respective capitalists had absconded or preferred to strike work.

The financial measures of the Commune, remarkable for their sagacity and moderation, could only be such as were compatible with the state of a besieged town. Considering the colossal robberies committed upon the city of Paris by the great financial companies and contractors, under the protection of Haussmann, the Commune would have had an incomparably better title to confiscate their property than Louis Napoleon had against the Orleans family. The Hohenzollern and the English oligarchs who both have derived a good deal of their estates from Church plunder, were, of course, greatly shocked at the Commune clearing but 8,000f. out of secularisation.

While the Versailles Government, as soon as it had recovered some spirit and strength, used the most violent means against the Commune; while it put down the free expression of opinion all over France, even to the forbidding of meetings of delegates from the large towns; while it subjected Versailles and the rest of France to an espionage far surpassing that of the Second Empire; while it burned by its gendarme inquisitors all papers printed at Paris, and sifted all correspondence from and to Paris; while in the National Assembly the most timid attempts to put in a word for Paris were howled down in a manner unknown even to the *Chambre introuvable* of 1816; with the savage warfare of Versailles outside, and its attempts at corruption and conspiracy inside Paris — would the Commune not have shamefully betrayed its trust by affecting to keep up all the decencies and appearances of liberalism as in a time of profound peace? Had the Government of the Commune been akin to that of M. Thiers, there would have been no more occasion to suppress Party-of-Order papers at Paris than there was to suppress Communal papers at Versailles.

It was irritating indeed to the Rurals that at the very same time they declared the return to the Church to be the only means of salvation for France, the infidel Commune unearthed the peculiar mysteries of the Picpus nunnery, and of the Church of Saint Laurent. It was a satire upon M. Thiers that, while he showered grand crosses upon the Bonapartist generals in acknowledgment of their mastery in losing battles, signing capitulations, and turning cigarettes at Wilhelmshohe, the Commune dismissed and arrested its generals whenever they were suspected of neglecting their duties. The expulsion from, and arrest by, the Commune of one of its members who had slipped in under a false name, and had undergone at Lyons six days' imprisonment for

рабочих деньги. Подобной мерой была передача рабочим товариществам всех закрытых мастерских и фабрик — все равно, скрылись ли их владельцы или же предпочли приостановить работу с предоставлением им права на вознаграждение.

Финансовые меры Коммуны, замечательные своей расчетливостью и умеренностью, могли носить только такой характер, какой был совместим с условиями осажденного города. Если принять во внимание все колоссальное разграбление Парижа крупными финансовыми компаниями и подрядчиками, происходившее под покровительством Османа, то Коммуна имела несравненно больше прав конфисковать их имущество, чем Луи-Наполеон — имущество орлеанского дома. Гогенцоллерны и английские олигархи, которые извлекли значительную часть своих состояний из грабежа церкви, были, конечно, сильно возмущены Коммуной, которая выручила от секуляризации всего только 8 000 франков.

В то же время версальское правительство, как только оно немного приободрилось и окрепло, приняло самые насильнические меры против Коммуны; оно подавило во всей Франции свободное выражение мнений, запретив даже собрания делегатов больших городов; оно подчинило Версаль и всю страну такой системе шпионажа, которая далеко превзошла даже шпионаж Второй империи; его жандармы-инквизиторы сжигали все издававшиеся в Париже газеты, вскрывали все письма из Парижа и в Париж; в Национальном собрании самые робкие попытки промолвить слово в защиту Парижа заглушались диким воем, неслыханным даже в «бесподобной палате» 1816 г. Принимая во внимание варварское ведение войны Версалем и его попытки подкупа и заговора внутри Парижа — могла ли Коммуна, не изменяя позорно своему призванию, соблюдать, как при глубоком мире, все условные формы либерализма? Если бы правительство Коммуны было родственно правительству г. Тьера, тогда, конечно, для запрещения газет партии порядка в Париже было бы не больше оснований, чем для запрещения газет Коммуны в Версале.

Естественно, что помещичьи депутаты бесились от того, что в в то время, когда они объявили возвращение в лоно церкви единственным средством для спасения Франции, неверующая Коммуна извлекла на свет любопытные тайны женского монастыря Пикпуса и церкви св. Лаврентия. Ведь это было сатирой на г. Тьера, что, в то время как он осыпал крестами Почетного легиона бонапартовских генералов за их мастерское умение проигрывать сражения, подписывать капитуляции и свертывать папиросы в Вильгельмсгэе, Коммуна смещала и арестовывала своих генералов при малейшем подозрении в небрежном отношении их к своим обязанностям. Разве исключение из Коммуны и арест одного из ее членов, который прокрался

simple bankruptcy, was it not a deliberate insult hurled at the forger, Jules Favre, then still the foreign minister of France, still selling France to Bismarck, and still dictating his orders to that paragon Government of Belgium? But indeed the Commune did not pretend to infallibility, the invariable attribute of all governments of the old stamp. It published its doings and sayings, it initiated the public into all its shortcomings.

In every revolution there intrude, at the side of its true agents, men of a different stamp; some of them survivors of and devotees to past revolutions, without insight into the present movement, but preserving popular influence by their known honesty and courage, or by the sheer force of tradition; others mere bawlers, who, by dint of repeating year after year the same set of stereotyped declamations against the Government of the day, have sneaked into the reputation of revolutionists of the first water. After the 18th of March, some such men did also turn up, and in some cases contrived to play pre-eminent parts. As far as their power went, they hampered the real action of the working class, exactly as men of that sort have hampered the full development of every previous revolution. They are an unavoidable evil: with time they are shaken off; but time was not allowed to the Commune.

Wonderful, indeed, was the change the Commune had wrought in Paris! No longer any trace of the meretricious Paris of the Second Empire. No longer was Paris the rendez vous of British landlords, Irish absentees, American ex-slaveholders and shoddy men, Russian ex-serfowners, and Wallachian boyards. No more corpses at the Morgue, no nocturnal burglaries, scarcely any robberies; in fact, for the first time since the days of February, 1848, the streets of Paris were safe, and that without any police of any kind. «We», said a member of the Commune, «hear no longer of assassination, theft, and personal assault; it seems indeed as if the police had dragged along with it to Versailles all its Conservative friends». The *cocottes* had refound the scent of their protectors —the absconding men of family, religion, and, above all, of property. In their stead, the real women of Paris showed again at the surface — heroic, noble, and devoted, like the women of antiquity. Working, thinking, fighting, bleeding Paris — almost forgetful, in its incubation of a new society, of the cannibals at its gates — radiant in the enthusiasm of its historic initiative!

в нее под вымышленным именем и просидел когда-то шесть дней в лионской тюрьме за простое банкротство, — разве это не было сознательным оскорблением, брошенным подделывателю документов Жюлю Фавру, все еще остававшемуся министром иностранных дел Франции, все еще продававшему Францию Бисмарку и все еще диктовавшему свои приказы несравненному бельгийскому правительству? Но Коммуна не претендовала на непогрешимость, как это делали все правительства старого типа. Она опубликовывала все, что делала и говорила, она посвящала публику во все свои недостатки.

Во всякую революцию, наряду с ее истинными деятелями, проникают люди и другого склада. Одни из них — бывшие участники и суеверные поклонники прошлых революций, не понимающие смысла настоящего движения, но еще сохраняющие влияние на народ благодаря своей всем известной честности и мужеству или просто в силу традиции. Другие — простые крикуны, которые благодаря тому, что повторяют из года в год одни и те же стереотипные нападки на существующее правительство, получают репутацию революционеров высшей пробы. Такие люди появились и после 18 марта, и в некоторых случаях им даже удавалось играть выдающиеся роли. Насколько это было в их силах, они тормозили подлинное действие рабочего класса, совершенно так же, как люди этого сорта задерживали полное развитие всех прошлых революций. Они составляют неизбежное зло; со временем от них освобождаются, но как раз времени-то и не было у Коммуны.

Поистине изумительна была перемена, которую Коммуна произвела в Париже! Распутный Париж Второй империи бесследно исчез. Париж уже не был более сборным пунктом для британских крупных поземельных собственников, ирландских абсентеистов, американских экс-рабовладельцев и выскочек, русских экс-крепостников и валашских бояр. В морге ни одного трупа, нет ночных краж со взломом, почти ни одного грабежа; впервые с февральских дней 1848 г. на парижских улицах вновь стало безопасно, и это без какой бы то ни было полиции. «Мы уже не слышим больше,— сказал один член Коммуны, — ни об убийствах, ни о кражах, ни о нападениях на отдельных лиц; можно подумать, что полиция увлекла с собой в Версаль всех своих консервативных друзей». Кокотки последовали в Версаль за своими покровителями, за этими бежавшими из Парижа радетелями семьи, религии и, главное, собственности. Их место заняли снова истинные парижанки — героические, благородные и самоотверженные, как женщины классической древности. Трудящийся, мыслящий, борющийся, истекающий кровью Париж, — почти забывший в своих трудах над созданием нового общества о стоявших у его ворот людоедах, — лучезарно сияющий энтузиазмом своей исторической инициативы!

Opposed to this new world at Paris, behold the old world at Versailles — that assembly of the ghouls of all defunct *régimes*, Legitimists and Orleanists, eager to feed upon the carcass of the nation, — with a tail of antediluvian Republicans, sanctioning, by their presence in the Assembly, the slaveholders' rebellion, relying for the maintenance of their Parliamentary Republic upon the vanity of the senile mountebank at its head, and caricaturing 1789 by holding their ghastly meetings in the *Jeu de Paume*. There it was, this Assembly, the representative of everything dead in France, propped up to the semblance of life by nothing but the swords of the generals of Louis Bonaparte. Paris all truth, Versailles all lie; and that lie vented through the mouth of Thiers.

Thiers tells a deputation of the mayors of the Seine-et-Oise, — «You may rely upon my word, which I have *never* broken!» He tells the Assembly itself that «it was the most freely elected and most Liberal Assembly France ever possessed»; he tells his motley soldiery that it was «the admiration of the world, and the finest army France ever possessed»; he tells the provinces that the bombardment of Paris by him was a myth: «If some cannon-shots have been fired, it is not the deed of the army of Versailles, but of some insurgents trying to make believe that they are fighting, while they dare not show their faces». He again tells the provinces that «the artillery of Versailles does not bombard Paris, but only cannonades it». He tells the Archbishop of Paris that the pretended executions and reprisals (!) attributed to the Versailles troops were all moonshine. He tells Paris that he was only anxious «to free it from the hideous tyrants who oppress it», and that, in fact, the Paris of the Commune was «but a handful of criminals».

The Paris of M. Thiers was not the real Paris of the «vile multitude», but a phantom Paris, the Paris of the *francs-fileurs*, the Paris of the Boulevards, male and female — the rich, the capitalist, the gilded, the idle Paris, now thronging with its lackeys, its blacklegs, its literary *bohême*, and its *cocottes* at Versailles, Saint-Denis, Rueil, and Saint-Germain; considering the civil war but an agreeable diversion, eyeing the battle going on through telescopes, counting the rounds of cannon, and swearing by their own honour and that of their prostitutes, that the performance was far better got up than it used to be at the Porte St. Martin. The men who fell were really dead; the cries of the wounded were cries in good earnest; and, besides, the whole thing was so intensely historical.

This is the Paris of M. Thiers, as the Emigration of Coblentz was the France of M. de Calonne.

И, в противовес этому новому миру в Париже, взгляните на старый мир в Версале — на это собрание вампиров всех отживших режимов, легитимистов и орлеанистов, жаждущих присосаться к трупу народа, — с хвостом из допотопных республиканцев, санкционирующих своим присутствием в Собрании рабовладельческий бунт, надеющихся, что благодаря тщеславию старого шута, находящегося во главе их парламентской республики, они ее отстоят, и пародирующих 1789 год своими собраниями призраков в Зале для игры в мяч. Вот оно, это Собрание, представитель всего того, что есть мертвого во Франции, живущее своей призрачной жизнью исключительно лишь благодаря саблям генералов Луи Бонапарта. Париж весь — истина, Версаль весь — ложь; и глашатаем этой лжи был Тьер.

Тьер заявляет депутации мэров департамента Сены и Уазы: «Вы можете положиться на мое слово, я *ни разу* не нарушил его!». Он заявляет самому Собранию, что оно «наиболее свободно избранное и самое либеральное из всех, какие Франция когда-либо имела»; он заявляет своей разношерстной солдатчине, что она — «чудо мира и наилучшая из армий, которую когда-либо имела Франция»; он заявляет провинциям, что бомбардировка Парижа по его приказу — пустая сказка: «если и было сделано несколько пушечных выстрелов, то не версальской армией, а некоторыми повстанцами, которые хотели показать, что они сражаются, тогда как на деле они боятся высунуть нос». Он заявляет, далее, провинциям, что «версальская артиллерия не бомбардирует Париж, а только стреляет по нему из пушек». Он заявляет парижскому архиепископу, что мнимые казни и репрессии (!), приписываемые версальским войскам, сплошная выдумка. Он заявляет Парижу, что хочет только «освободить его от угнетающих его отвратительных тиранов» и что в действительности Париж Коммуны — «лишь кучка преступников».

Париж г. Тьера не был действительным Парижем «подлой черни», он был фантастическим Парижем, Парижем franc-fileurs'ов, Парижем бульварных фланеров обоего пола — богатым, капиталистическим, раззолоченным, тунеядствующим Парижем, который со своими лакеями, жуликами, литературной богемой и кокотками наполнял теперь Версаль, Сен-Дени, Рюэль и Сен-Жермен, который смотрел на гражданскую войну как на приятное развлечение, следил в подзорную трубу за происходившей битвой, вел счет пушечным выстрелам и клялся честью своей и своих проституток в том, что этот спектакль куда лучше, чем в Porte St. Martin. Ведь падавшие были действительно мертвы, крики раненых были самыми настоящими криками; и к тому же все это было всемирно-исторической драмой.

Таков Париж г. Тьера — как кобленцкая эмиграция была Францией г. де-Калонна.

IV

The first attempt of the slaveholders' conspiracy to put down Paris by getting the Prussians to occupy it, was frustrated by Bismarck's refusal. The second attempt, that of the 18th of March, ended in the rout of the army and the flight to Versailles of the Government, which ordered the whole administration to break up and follow in its track. By the semblance of peace-negotiations with Paris, Thiers found the time to prepare for war against it. But where to find an army? The remnants of the line regiments were weak in number and unsafe in character. His urgent appeal to the provinces to succour Versailles, by their National Guards and volunteers, met with a flat refusal. Brittany alone furnished a handful of *Chouans* fighting under a white flag, every one of them wearing on his breast the heart of Jesus in white cloth, and shouting «Vive le Roi!» (Long live the King!) Thiers was, therefore, compelled to collect, in hot haste, a motley crew, composed of sailors, marines, Pontifical Zouaves, Valentin's gendarmes, and Piètri's *sergents de ville* and *mouchards.* This army, however, would have been ridiculously ineffective without the instalments of imperialist war-prisoners, which Bismarck granted in numbers just sufficient to keep the civil war a-going, and keep the Versailles Government in abject dependence on Prussia. During the war itself, the Versailles police had to look after the Versailles army, while the gendarmes had to drag it on by exposing themselves at all posts of danger. The forts which fell were not taken, but bought. The heroism of the Federals convinced Thiers that the resistance of Paris was not to be broken by his own strategic genius and the bayonets at his disposal.

Meanwhile, his relations with the provinces became more and more difficult. Not one single address of approval came in to gladden Thiers and his Rurals. Quite the contrary. Deputations and addresses demanding, in a tone anything but respectful, conciliation with Paris on the basis of the unequivocal recognition of the Republic, the acknowledgment of the Communal liberties, and the dissolution of the National Assembly, whose mandate was extinct, poured in from all sides, and in such numbers that Dufaure, Thiers's Minister of Justice, in his circular of April 23rd to the public prosecutors, commanded them to treat «the cry of conciliation» as a crime. In regard, however, of the hopeless prospect held out by his campaign, Thiers res. lved to shift his tactics by ordering, all over the country, municipal elections to take place on the 30th of April, on the basis of the new municipal law dictated by himself to the National Assembly. What with the intrigues of his prefects, what with police intimidation, he felt quite sanguine of

IV

Первая попытка рабовладельческого заговора покорить Париж, заняв его пруссаками, не удалась из-за отказа Бисмарка. Вторая попытка, 18 марта, окончилась поражением армии и бегством в Версаль правительства, которое приказало всей администрации прекратить работу и последовать за ним. Прикрываясь мирными переговорами с Парижем, Тьер выигрывал время для подготовки к войне с ним. Но где было взять армию? Остатки линейных полков были малочисленны и ненадежны по своему настроению. Настойчивые призывы Тьера к провинциям помочь Версалю своей национальной гвардией и добровольцами встретили прямой отказ. Одна Бретань прислала кучку шуанов, сражавшихся под белым знаменем, с сердцем Иисуса в белой ладонке на груди и с боевым кличем: «Vive le roi!» (Да здравствует король!) Таким образом, Тьер был вынужден наскоро собрать разношерстную толпу из матросов, морских солдат, папских зуавов, жандармов Валантена, полицейских и шпионов Пьетри. Но эта армия была до смешного бессильна, если бы не партии императорских военнопленных, которых Бисмарк милостиво отпускал как раз в количестве достаточном для того, чтобы поддерживать ход гражданской войны и держать версальское правительство в гнусной зависимости от Пруссии. Во время самих военных действий версальская полиция должна была следить за версальской армией, а жандармы должны были увлекать ее вперед, бросаясь во все опасные места. Павшие форты были не завоеваны, а куплены. Героизм федератов убедил Тьера, что сопротивление Парижа не может быть сломлено ни его стратегическим гением, ни имеющимися в его распоряжении штыками.

Между тем его отношения с провинциями становились все более затруднительными. Не было получено ни одного сочувственного адреса, который мог бы обрадовать Тьера и его помещичьих депутатов. Совершенно наоборот. Депутации и обращения, требовавшие в отнюдь не почтительном тоне примирения с Парижем на основе недвусмысленного признания республики, утверждения коммунальных свобод и роспуска Национального собрания, полномочия которого истекли, сыпались со всех сторон и в таком количестве, что Дюфор, министр юстиции Тьера, в своем циркуляре от 23 апреля предписал государственным прокурорам рассматривать «призыв к примирению» как преступление! Видя, однако, безнадежность своего похода, Тьер решил переменить тактику и назначил на 30 апреля муниципальные выборы по всей стране, на основе нового муниципального закона, продиктованного им самим Национальному собранию. Действуя то интригами своих префектов, то полицейскими угрозами,

imparting, by the verdict of the provinces, to the National Assembly that moral power it had never possessed, and of getting at last from the provinces the physical force required for the conquest of Paris.

His banditti-warfare against Paris, exalted in his own bulletins, and the attempts of his ministers at the establishment, throughout France, of a reign of terror, Thiers was from the beginning anxious to accompany with a little byplay of conciliation, which had to serve more than one purpose. It was to dupe the provinces, to inveigle the middle-class element in Paris, and, above all, to afford the professed Republicans in the National Assembly the opportunity of hiding their treason against Paris behind their faith in Thiers. On the 21st of March, when still without an army, he had declared to the Assembly: «Come what may, I will not send an army to Paris». On the 27th March he rose again: «I have found the Republic an accomplished fact, and I am firmly resolved to maintain it». In reality, he put down the revolution at Lyons and Marseilles in the name of the Republic, while the roars of his Rurals drowned the very mention of its name at Versailles. After this exploit, he toned down the «accomplished fact» into an hypothetical fact. The Orleans princes, whom he had cautiously warned off Bordeaux, were now, in flagrant breach of the law, permitted to intrigue at Dreux. The concessions held out by Thiers in his interminable interviews with the delegates from Paris and the provinces, although constantly varied in tone and colour, according to time and circumstances, did in fact never come to more than the prospective restriction of revenge to the «handful of criminals implicated in the murder of Lecomte and Clement Thomas», on the well-understood premiss that Paris and France were unreservedly to accept M. Thiers himself as the best of possible Republics, as he, in 1830, had done with Louis Philippe. Even these concessions he not only took care to render doubtful by the official comments put upon them in the Assembly through his Ministers. He had his Dufaure to act. Dufaure, this old Orleanist lawyer, had always been the justiciary of the state of siege, as now in 1871, under Thiers, so in 1839 under Louis Philippe, and in 1849 under Louis Bonaparte's presidency. While out of office he made a fortune by pleading for the Paris capitalists, and made political capital by pleading against the laws he had himself originated. He now hurried through the National Assembly not only a set of repressive laws which were, after the fall of Paris, to extirpate the last remnants of Republican liberty in France; he foreshadowed the fate of Paris by abridging the, for him, too slow procedure of courts-martial, and by a new-fangled, Draconic code of deportation. The Revolution of 1848, abolishing the penalty of death for political crimes, had replaced it by deportation. Louis

он был вполне уверен, что голосование провинций даст Национальному собранию тот моральный престиж, которого оно никогда не имело, и что он получит наконец от провинций материальную силу, нужную для покорения Парижа.

Свою бандитскую войну против Парижа, восхваляемую в его собственных бюллетенях, и попытки своих министров установить во всей Франции царство террора Тьер с самого начала позаботился дополнить маленькой комедией примирения, которая должна была служить более чем одной цели. Она должна была обмануть провинции, привлечь к нему мелкобуржуазные элементы в Париже и, главное, дать возможность тем членам Национального собрания, которые объявляли себя республиканцами, прикрыть свою измену Парижу доверием к Тьеру. 21 марта, когда у него все еще не было армии, он заявил в Собрании: «Будь что будет, а я не пошлю войска на Париж». 27 марта он снова сказал: «Я застал республику как совершившийся факт и я твердо решил сохранить ее». В действительности же он именем республики подавил революцию в Лионе и Марселе, между тем как его помещичьи депутаты в Версале заглушали своим ревом одно лишь упоминание слово «республика». После этого славного подвига он стал считать «совершившийся факт» лишь предполагаемым фактом. Орлеанским принцам, которых он из предосторожности выпроводил из Бордо, было теперь дозволено, в явное нарушение закона, интриговать в Дре. Уступки, которые Тьер сулил в своих нескончаемых беседах с делегатами из Парижа и провинций, — как ни менялись его заявления по своему тону и оттенкам в зависимости от времени и обстоятельств, — по сути дела всегда сводились к тому, что он рассчитывает ограничиться лишь местью «кучке преступников, причастных к убийству Леконта и Клемана Тома». При этом, конечно, само собою подразумевалось, что Париж и Франция должны безоговорочно признать г. Тьера наилучшей из возможных республик, как он сам сделал это в 1830 г. по отношению к Луи-Филиппу. Но даже и эти уступки он не только постарался поставить под сомнение теми официальными комментариями, которыми сопровождали их его министры в Собрании, — нет, он действовал еще и через своего Дюфора. Дюфор, старый орлеанистский адвокат, всегда играл роль верховного судьи при осадном положении: как теперь, в 1871 г., при Тьере, так и в 1839 г. при Луи-Филиппе, и в 1849 г. во время президентства Луи Бонапарта. Когда он не занимал министерского поста, он наживал деньги, защищая парижских капиталистов, и в то же время наживал политический капитал, нападая на законы, которые он сам издал. Теперь же он не только спешно провел через Национальное собрание ряд репрессивных законов, которые после падения Парижа должны были уничтожить последние остатки республиканской свободы

Bonaparte did not dare, at least not in theory, to re-establish the *régime* of the guillotine. The Rural Assembly, not yet bold enough even to hint that the Parisians were not rebels, but assassins, had therefore to confine its prospective vengeance against Paris to Dufaure's new code of deportation. Under all these circumstances Thiers himself could not have gone on with his comedy of conciliation, had it not, as he intended it to do, drawn forth shrieks of rage from the Rurals, whose ruminating mind did neither understand the play, nor its necesities of hypocrisy, tergiversation, and procrastination.

In sight of the impending municipal elections of the 30th April, Thiers enacted one of his great conciliation scenes on the 27th April. Amidst a flood of sentimental rhetoric, he exclaimed from the tribune of the Assembly: «There exists no conspiracy against the Republic but that of Paris, which compels us to shed French blood. I repeat it again and again. Let those impious arms fall from the hands which hold them, and chastisement will be arrested at once by an act of peace excluding only the small number of criminals». To the violent interruption of the Rurals he replied: «Gentlemen, tell me, I implore you, am I wrong? Do you really regret that I could have stated the truth that the criminals are only a handful? Is it not fortunate in the midst of our misfortunes that those who have been capable to shed the blood of Clément Thomas and General Lecomte are but rare exceptions?»

France, however, turned a deaf ear to what Thiers flattered himself to be a parliamentary siren's song. Out of 700,000 municipal councillors returned by the 35,000 communes still left to France, the united Legitimists, Orleanists, and Bonapartists did not carry 8 000. The supplementary elections which followed were still more decidedly hostile. Thus, instead of getting from the provinces the badly needed physical force, the National Assembly lost even its last claim of moral force, that of being the expression of the universal suffrage of the country. To complete the discomfiture, the newly-chosen municipal councils of all the cities of France openly threatened the usurping Assembly at Versailles with a counter Assembly at Bordeaux.

Then the long expected moment of decisive action had at last come

во Франции, он как бы предвозвестил судьбу Парижа, укоротив слишком длинное на его взгляд делопроизводство военных судов и издав новые драконовские законы о ссылке. Революция 1848 г., отменив смертную казнь за политические преступления, заменила ее ссылкой. Луи Бонапарт не посмел, по крайней мере в теории, восстановить режим гильотины. Помещичье собрание, еще не набравшееся достаточно храбрости, чтобы даже намекнуть, что парижане в его глазах не мятежники, а убийцы, должно было поэтому ограничиться в своих планах мести Парижу новыми законами Дюфора о ссылке. При всех этих обстоятельствах Тьер сам не мог бы долго тянуть свою комедию примирения, если бы она не вызывала — а именно этого он и желал — бешеного воя помещиков, которые в своем тупоумии не понимали ни его игры, ни необходимости его лицемерия, уверток и проволочек.

Ввиду предстоящих 30 апреля муниципальных выборов Тьер разыграл 27 апреля одну из своих торжественных сцен примирения. Среди потока сентиментальных фраз он воскликнул с трибуны Собрания: «Существует только один заговор против республики — парижский заговор, вынуждающий нас проливать французскую кровь. Я повторяю это еще и еще раз. Пусть сложат свое нечестивое оружие те, кто его поднял, и кара будет приостановлена тотчас же заключением мирного договора, из которого будет исключено лишь небольшое число преступников». В ответ на яростные крики помещиков он ответил: «Скажите мне, господа, убедительно прошу вас, разве я не прав? Неужели вы действительно сожалеете о том, что я мог по справедливости утверждать, что преступников только небольшая кучка? Разве это не счастье среди всех наших бедствий, что те, которые были способны пролить кровь Клемана Тома и генерала Леконта, являются только редким исключением?»

Однако Франция оставалась глуха к речам Тьера, воображавшего себя неотразимой парламентской сиреной. Из 700 000 муниципальных советников, выбранных в оставшихся еще за Францией 35 000 общинах, легитимисты, орлеанисты и бонапартисты в совокупности не получили даже и 8 000 человек. Состоявшиеся вслед за тем дополнительные выборы были еще более решительно враждебны им. Таким образом Национальное собрание не только не получило от провинций нужную ему дозарезу материальную силу, но и потеряло последнее право претендовать на моральный престиж, который был бы выражением всеобщей воли страны. В довершение поражения вновь избранные муниципальные советы всех французских городов открыто угрожали узурпаторскому Версальскому собранию контр-собранием в Бордо.

Теперь настала наконец долгожданная минута решительного

for Bismarck. He peremptorily summoned Thiers to send to Frankfort plenipotentiaries for the definitive settlement of peace. In humble obedience to the call of his master, Thiers hastened to despatch his trusty Jules Favre, backed by Pouyer-Quertier. Pouyer-Quertier, an «eminent» Rouen cotton-spinner, a fervent and even servile partisan of the Second Empire, had never found any fault with it save its commercial treaty with England, prejudicial to his own shop-interest. Hardly installed at Bordeaux as Thiers's Minister of Finance, he denounced that «unholy» treaty, hinted at its near abrogation, and had even the effrontery to try, although in vain (having counted without Bismarck), the immediate enforcement of the old protective duties against Alsace, where, he said, no previous international treaties stood in the way. This man, who considered counter-revolution as a means to put down wages at Rouen, and the surrender of French provinces as a means to bring up the price of his wares in France, was he not *the one* predestined to be picked out by Thiers as the helpmate of Jules Favre in his last and crowning treason?

On the arrival at Frankfort of this exquisite pair of plenipotentiaries, bully Bismarck at once met them with the imperious alternative: Either the restoration of the Empire, or the unconditional acceptance of my own peace terms! These terms included a shortening of the intervals in which the war indemnity was to be paid, and the continued occupation of the Paris forts by Prussian troops until Bismarck should feel satisfied with the state of things in France; Prussia thus being recognized as the supreme arbiter in internal French politics! In return for this he offered to let loose, for the extermination of Paris, the captive Bonapartist army, and to lend them the direct assistance of Emperor William's troops. He pledged his good faith by making payment of the first instalment of the indemnity dependent on the «pacification» of Paris. Such a bait was, of course, eagerly swallowed by Thiers and his plenipotentiaries. They signed the treaty of peace on the 10th of May, and had it endorsed by the Versailles Assembly on the 18th.

In the interval between the conclusion of peace and the arrival of the Bonapartist prisoners, Thiers felt the more bound to resume his comedy of conciliation, as his Republican tools stood in sore need of a pretext for blinking their eyes at the preparations for the carnage of Paris. As late as the 8th May he replied to a deputation of middle-class conciliators — «Whenever the insurgents will make up their minds for capitulation, the gates of Paris shall be flung wide open

действия для Бисмарка. Тоном повелителя он предложил Тьеру прислать во Франкфурт уполномоченных для окончательного заключения мира. Покорно повинуясь требованию своего господина, Тьер поспешил прислать своего верного Жюля Фавра, а в помощь ему Пуйе-Кертье. Пуйе-Кертье, «выдающийся» хлопчатобумажный фабрикант из Руана, горячий и даже раболепный сторонник Второй империи, никогда не находил в этой последней ничего дурного, кроме ее торгового договора с Англией, вредного для его собственных коммерческих интересов. Едва заняв в Бордо пост министра финансов Тьера, он стал нападать на этот «злосчастный» договор, намекать на его близкую отмену, и имел даже наглость попробовать, хотя и безуспешно (ибо строил свои расчеты без Бисмарка), немедленно ввести старые протекционные пошлины против Эльзаса, чему, по его словам, не мешали никакие прежние международные договоры. Разве этот человек, смотревший на контрреволюцию как на средство понижения заработной платы в Руане, а на уступку французских провинций — как на средство повысить цену своих товаров во Франции, не был предназначен *для того*, чтобы Тьер выбрал его в пособники Жюля Фавра в его последней и увенчавшей дело измене?

Как только эта восхитительная парочка уполномоченных прибыла во Франкфурт, грубиян Бисмарк сразу же встретил их приказанием выбирать: либо восстановление империи, либо беспрекословное принятие моих условий мира! В эти условия входило сокращение сроков выплаты контрибуции и занятие парижских фортов прусскими войсками до тех пор, пока Бисмарк не будет удовлетворен положением дел во Франции. Пруссия была таким образом признана верховным судьею в вопросах внутренней французской политики! Взамен Бисмарк предложил отпустить из плена, для истребления Парижа, бонапартовскую армию и даже оказать ей прямую помощь войсками императора Вильгельма. В залог того, что он сдержит свое слово, Бисмарк поставил уплату первого взноса контрибуции в зависимость от «умиротворения» Парижа. На такую приманку Тьер и его уполномоченные набросились, конечно, с жадностью. Они подписали мирный договор 10 мая, а 18-го он был утвержден Версальским собранием.

В промежуток времени от заключения мира до прибытия из плена бонапартовских войск Тьер считал особенно необходимым возобновить свою комедию примирения, так как его республиканские приспешники крайне нуждались в подходящем предлоге, чтобы закрыть глаза на приготовления к кровавой бойне в Париже. Еще 8 мая он ответил депутации из мелкобуржуазных примирителей. «Как только повстанцы согласятся на капитуляцию, ворота Парижа будут на

during a week for all except the murderers of Generals Clement Thomas and Lecomte».

A few days afterwards, when violently interpellated on these promises by the Rurals, he refused to enter into any explanations; not, however, without giving them this significant hint: — «I tell you there are impatient men amongst you, men who are in too great a hurry. They must have another eight days; at the end of these eight days there will be no more danger, and the task will be proportionate to their courage and to their capacities». As soon as MacMahon was able to assure him that he could shortly enter Paris, Thiers declared to the Assembly that «he would enter Paris with the *laws* in his hands, and demand a full expiation from the wretches who had sacrificed the lives of soldiers and destroyed public monuments». As the moment of decision drew near he said — to the Assembly, «I shall be pitiless!» — to Paris, that it was doomed; and to his Bonapartist banditti, that they had State license to wreak vengeance upon Paris to their hearts' content. At last, when treachery had opened the gates of Paris to General Douai, on the 21st May, Thiers, on the 22nd, revealed to the Rurals the «goal» of his conciliation comedy, which they had so obstinately persisted in not understanding. «I told you a few days ago that we were approaching *our goal;* to-day I come to tell you *the goal* is reached. The victory of order, justice, and civilization is at last won!»

So it was. The civilization and justice of bourgeois order comes out in its lurid light whenever the slaves and drudges of that order rise against their masters. Then this civilization and justice stand forth as undisguised savagery and lawless revenge. Each new crisis in the class struggle between the appropriator and the producer brings out this fact more glaringly. Even the atrocities of the bourgeois in June, 1848, vanish before the ineffable infamy of 1871. The self-sacrificing heroism with which the population of Paris — men, women, and children — fought for eight days after the entrance of the Versaillese, reflects as much the grandeur of their cause, as the infernal deeds of the soldiery reflect the innate spirit of that civilization of which they are the mercenary vindicators. A glorious civilization, indeed, the great problem of which is how to get rid of the heaps of corpses it made after the battle was over!

To find a parallel for the conduct of Thiers and his bloodhounds we must go back to the times of Sulla and the two Triumvirates of Rome. The same wholesale slaughter in cold blood; the same disregard, in massacre, of age and sex; the same system of torturing prisoners; the same proscriptions, but this time of a whole class; the same savage hunt after

неделю широко раскрыты для всех, кроме убийц генералов Клемана Тома и Леконта».

Несколько дней спустя, когда помещики сделали ему бурный запрос по поводу этого обещания, он уклонился от всяких объяснений, но многозначительно заметил: «Я говорю вам, что между вами есть нетерпеливые люди, которые слишком уж спешат. Пусть потерпят еще неделю, в конце этой недели не будет уже никакой опасности, и задача будет вполне по силам их мужеству и способностям». Как только Мак-Магон смог его заверить, что он вскоре получит возможность вступить в Париж, он заявил в Собрании, что «вступит в Париж с *законом* в руке и заставит мерзавцев, проливших кровь солдат и разрушивших общественные здания, поплатиться полностью за свои преступления». Когда решительная минута приблизилась, он заявил собранию — «Я буду беспощаден», Парижу — что он осужден, а своим бонапартовским разбойникам — что им дается официальное разрешение мстить Парижу сколько их душе угодно. Наконец, когда измена открыла перед генералом Дуэ 21 мая ворота Парижа, Тьер открыл 22 мая помещичьим депутатам «цель» своей комедии примирения, которую они так упорно не желали понимать. «Несколько дней назад я говорил вам, что мы приближаемся к *нашей цели*; сегодня я пришел сказать вам, что *цель* достигнута. Победа порядка, справедливости и цивилизации одержана наконец!»

Да, это было так. Цивилизация и справедливость буржуазного порядка всегда выступают в своем жутком свете, когда рабы и труженики этого порядка восстают против своих господ. Тогда эта цивилизация и справедливость оказывается ничем не прикрытым варварством и беззаконной местью. Каждый новый кризис в классовой борьбе между присвоителями и производителями обнаруживает это все с большей яркостью. Перед неописуемой гнусностью 1871 года совершенно бледнеют даже зверства буржуазии в июне 1848 года. Самоотверженный героизм, с каким население Парижа — мужчины, женщины и дети — сражалось еще целую неделю после вступления версальцев в город, так же отражает величие его дела, как сатанинские подвиги солдатчины отражают исконный дух той цивилизации, наемными защитниками которой являются солдаты. Поистине великолепна эта цивилизация, которая очутилась перед трудной задачей: куда девать горы трупов людей, перебитых ею уже после окончания боя!

Чтобы найти параллель к поведению Тьера и его палачей, надо вернуться ко временам Суллы и обоих римских триумвиратов. То же самое хладнокровное массовое избиение людей; то же самое безразличное отношение к возрасту и полу жертв; та же система пыток пленных; те же гонения, только на этот раз целого

concealed leaders, lest one might escape; the same denunciations of political and private enemies; the same indifference for the butchery of entire strangers to the feud. There is but this difference, that the Romans had no mitrailleuses for the despatch, in the lump, of the proscribed, and that they had not «the law in their hands», nor on their lips the cry of «civilization».

And after those horrors, look upon the other, still more hideous, face of that bourgeois civilization as described by its own press!

«With stray shots», writes the Paris correspondent of a London Tory paper, «still ringing in the distance, and untended wounded wretches dying amid the tombstones of Père la Chaise — with 6,000 terror-stricken insurgents wandering in an agony of despair in the labyrinth of the catacombs, and wretches hurried through the streets to be shot down in scores by the mitrailleuse — it is revolting to see the *cafes* filled with the votaries of absinthe, billiards, and dominoes; female profligacy perambulating the boulevards, and the sound of revelry disturbing the night from the *cabinets particuliers* of fashionable restaurants». M. Edouard Hervé writes in the *Journal de Paris*, a Versaillist journal suppressed by the Commune: — «The way in which the population of Paris (!) manifested its satisfaction yesterday was rather more than frivolous, and we fear it will grow worse as time progresses. Paris has now a *fête* day appearance, which is sadly out of place; and, unless we are to be called the *Parisiens de la décadence*, this sort of thing must come to an end». And then he quotes the passage from Tacitus: — «Yet, on the morrow of that horrible struggle, even before it was completely over, Rome — degraded and corrupt — began once more to wallow in the voluptuous slough which was destroying its body and polluting its soul — alibi proelia et vulnera, alibi balnea popinaeque — (here fights and wounds, there baths and restaurants)». M. Hervé only forgets to say that the «population of Paris» he speaks of is but the population of the Paris of M. Thiers — the *francs-fileurs* returning in throngs from Versailles, Saint-Denis, Rueil, and Saint-Germain — *the* Paris of the «Decline».

In all its bloody triumphs over the self-sacrificing champions of a new and better society, that nefarious civilization, based upon the enslavement of labour, drowns the moans of its victims in a hue-and-cry of calumny, reverberated by a world-wide echo. The serene working men's Paris of the Commune is suddenly changed into a pandemonium by the blood-hounds of «order». And what does this tremendous change prove to the bourgeois mind of all countries? Why, that the Commune has conspired against civilization! The Paris people die enthusiastically for

класса; та же дикая травля скрывшихся вождей, чтобы ни один не спасся; те же доносы на политических и личных врагов; то же равнодушное избиение людей, совершенно непричастных к борьбе. Разница только в том, что у римлян не было митральез, чтобы расстреливать осужденных толпами, что у них не было «в руках закона», а на устах слова «цивилизация».

А после всех этих ужасов взгляните на другую, еще более омерзительную сторону этой буржуазной цивилизации, как она описана в ее собственной печати!

«Когда вдали еще раздаются, — пишет парижский корреспондент одной лондонской торийской газеты, — отдельные выстрелы, и раненые, брошенные на произвол судьбы, умирают среди памятников кладбища Пер-Лашез; когда 6 000 повстанцев бродят, объятые ужасом, в агонии отчаяния, по лабиринту катакомб, а по улицам гонят толпы несчастных, чтобы расстреливать их митральезами целыми пачками, — возмутительно видеть в такую минуту, что кафе переполнены любителями абсента, бильярда и домино, что кокотки нагло разгуливают по бульварам, и крики оргий, раздающиеся из отдельных кабинетов богатых ресторанов, нарушают ночную тишину». Господин Эдуард Эрве пишет в «*Journal de Paris*», версальской газете, запрещенной Коммуной: «Форма, в какой население Парижа (!) выражало вчера свое удовлетворение, была более чем легкомысленна, и мы боимся, что дальше будет еще хуже. Париж имеет сейчас праздничный вид, что крайне неуместно; если мы не хотим заслужить прозвище парижан времен упадка, этому надо положить конец». И далее он цитирует следующее место из Тацита: «И все-таки назавтра после этой ужасной борьбы, и даже раньше, чем она была вполне закончена, Рим, подлый и развратный, снова погряз в болоте распутства, которое разрушало его тело и оскверняло его душу — alibi proelia et vulnera, alibi balnea popinaeque (здесь битвы и раны, там бани и рестораны)». Господин Эрве забывает только сказать, что «население Парижа», о котором он говорит, есть лишь население тьеровского Парижа, Парижа franc-fileurs'ов, которые толпами возвращаются теперь из Версаля, Сен-Дени, Рюэля и Сен-Жермена; это действительно Париж «времен упадка».

Эта гнусная цивилизация, основанная на порабощении труда, при каждом своем кровавом триумфе над самоотверженными борцами за новое и лучшее общество заглушает стоны своих жертв диким воем клеветы, который отдается эхом во всех концах света. Веселый рабочий Париж Коммуны сразу превращен в кромешный ад кровавыми псами «порядка». Что же доказывает это чудовищное превращение рассудку буржуазии всех стран? Да только то, что Коммуна устроила заговор против цивилизации! Парижский народ с энтузиазмом уми-

the Commune in numbers unequalled in any battle known to history. What does that prove? Why, that the Commune was not the people's own government, but the usurpation of a handful of criminals! The women of Paris joyfully give up their lives at the barricades and on the place of execution. What does this prove? Why, that the demon of the Commune has changed them into Megaeras and Hecates! The moderation of the Commune during two months of undisputed sway is equalled only by the heroism of its defence. What does that prove? Why, that for months the Commune carefully hid, under a mask of moderation and humanity, the blood-thirstiness of its fiendish instincts, to be let loose in the hour of its agony!

The working men's Paris, in the act of its heroic self-holocaust, involved in its flames buildings and monuments. While tearing to pieces the living body of the proletariate, its rulers must no longer expect to return triumphantly into the intact architecture of their abodes. The Government of Versailles cries, «Incendiarism!» and whispers this cue to all its agents, down to the remotest hamlet, to hunt up its enemies everywhere as suspect of professional incendiarism. The bourgeoisie of the whole world, which looks complacently upon the wholesale massacre after the battle, is convulsed by horror at the desecration of brick and mortar!

When governments give state-licenses to their navies to «kill, *burn* and destroy», is that a license for incendiarism? When the British troops wantonly set fire to the Capitol at Washington and to the summer palace of the Chinese Emperor, was that incendiarism? When the Prussians, not for military reasons, but out of the mere spite of revenge, burnt down, by the help of petroleum, towns like Châteaudun and innumerable villages, was that incendiarism? When Thiers, during six weeks, bombarded Paris, under the pretext that he wanted to set fire to those houses only in which there were people, was that incendiarism? In war, fire is an arm as legitimate as any. Buildings held by the enemy are shelled to set them on fire. If their defenders have to retire, they themselves light the flames to prevent the attack from making use of the buildings. To be burnt down has always been the inevitable fate of all buildings situated in the front of battle of all the regular armies of the world. But in the war of the enslaved against their enslavers, the only justifiable war in history, this is by no means to hold good! The Commune used fire strictly as a means of defence. They used it to stop up to the Versailles troops those long straight avenues which Haussmann had expressly opened to artillery-fire; they used it to cover their retreat, in the same way as the Versaillese, in their advance, used their shells which destroyed at least as many buildings as the fire of the Commune.

рает за Коммуну в числе, не сравнимом ни с одной из битв, известных истории. Что это доказывает? Да только то, что Коммуна была не народным правительством, а насильственным захватом власти кучкой преступников! Парижские женщины с радостью жертвуют своей жизнью на баррикадах и на месте казни. Что это доказывает? Да только то, что демон Коммуны превратил их в Мегер и Гекат! Умеренность Коммуны за все время ее двухмесячного безраздельного господства может сравниться только с героизмом ее обороны. Что это доказывает? Только то, что Коммуна несколько месяцев тщательно скрывала под личиной умеренности и гуманности свою дьявольскую кровожадность, чтобы дать ей полную волю в час своей предсмертной агонии!

Рабочий Париж, в акте геройского самосожжения, предал огню здания и памятники. Когда владыки пролетариата рвут на части его живое тело, пусть они не рассчитывают вернуться с торжеством в свои неповрежденные жилища. Версальское правительство кричит: «Поджог!» — и нашептывает это слово всем своим приспешникам, до самых отдаленных деревушек, чтобы затравить своих врагов как профессиональных поджигателей. Буржуазия всего мира благосклонно взирает на массовое убийство людей после боя, но содрогается от ужаса, когда святотатственно оскверняют кирпичи и известку!

Когда правительства дают своим военным флотам официальное разрешение «убивать, *жечь* и разрушать», есть ли это разрешение поджогов? Когда британские войска совершенно бесцельно подожгли Капитолий в Вашингтоне и летний дворец китайского императора, — был ли это поджог? Когда пруссаки не из военных соображений, а просто из чувства злобной мести сжигали при помощи керосина целые города, вроде Шатодена, и бесчисленные деревни, — был ли это поджог? Когда Тьер в течение шести недель бомбардировал Париж, оправдываясь тем, что он хочет поджечь только те дома, в которых есть люди — был ли это поджог? На войне огонь — столь же законное оружие, как и всякое другое. Здания, занятые неприятелем, бомбардируют для того, чтобы их сжечь. Когда обороняющимся приходится оставить эти здания, они сами предают их огню, чтобы нападающие не могли их использовать. Быть сожженными — всегда было неизбежной судьбой всех зданий, расположенных перед боевым фронтом любой регулярной армии. Но в войне рабов против их поработителей, единственной правомерной войне в истории, это объявляется решительно недопустимым! Коммуна пользовалась огнем как средством обороны в самом строгом смысле слова. Она прибегла к нему, чтобы не допустить версальские войска в те длинные, прямые улицы, которые Осман умышленно оставил открытыми для артиллерийского

It is a matter of dispute, even now, which buildings were set fire to by the defence, and which by the attack. And the defence resorted to fire only then, when the Versaillese troops had already commenced their wholesale murdering of prisoners. Besides, the Commune had, long before, given full public notice that, if driven to extremities, they would bury themselves under the ruins of Paris, and make Paris a second Moscow, as the Government of Defence, but only as a cloak for its treason, had promised to do. For this purpose Trochu had found them the petroleum. The Commune knew that its opponents cared nothing for the lives of the Paris people, but cared much for their own Paris buildings. And Thiers, on the other hand, had given them notice that he would be implacable in his vengeance. No sooner had he got his army ready on one side, and the Prussians shutting up the trap on the other, than he proclaimed: «I shall be pitiless! The expiation will be complete, and justice will be stern!» If the acts of the Paris working men were vandalism, it was the vandalism of defence in despair, not the vandalism of triumph, like that which the Christians perpetrated upon the really priceless art treasures of heathen antiquity; and even that vandalism has been justified by the historian as an unavoidable and comparatively trifling concomitant to the Titanic struggle between a new society arising and an old one breaking down. It was still less the vandalism of Haussmann, razing historic Paris to make place for the Paris of the sightseer!

But the execution by the Commune of the sixty-four ho ages with the Archbishop of Paris at their head! The bourgeoisie and it army in June, 1848, re-established a custom which had long disappeared from the practice of war — the shooting of their defenceless prisoners. Tl is brutal custom has since been more or less strictly adhered to by the suppressors of all popular commotions in Europe and India; thus proving that it constitutes a real «progress of civilization»! On the other hand, the Prussians, in France, had re-established the practice of taking hostages — innocent men, who, with their lives, were to answer to them for the acts of others. When Thiers, as we have seen, from the very beginning of the conflict, enforced the humane practice of shooting down the Communal prisoners, the Commune, to protect their lives, was obliged to resort to the Prussian practice of securing hostages. The lives of the hostages had been forfeited over and over again by the continued shooting of prisoners on the part of the Versaillese. How could they be spared any longer after the carnage with which Mac-

огня; она воспользовалась им, чтобы прикрыть свое отступление, так же, как версальцы, наступая, пользовались своими гранатами, которые разрушили во всяком случае не меньше домов, чем огонь Коммуны. Еще до сих пор остается под вопросом, какие здания были зажжены оборонявшимися, и какие — нападавшими. Да и прибегли-то оборонявшиеся к огню лишь после того, как версальские войска уже начали свои массовые избиения пленных. — К тому же Коммуна совершенно открыто объявила заранее, что если ее доведут до крайности, то она похоронит себя под развалинами Парижа и сделает из Парижа вторую Москву, — как то же обещало сделать и правительство обороны, но лишь для того, чтобы замаскировать свою измену. С этой целью Трошю и приготовил запас керосина. Коммуна знала, что ее противники нисколько не дорожат жизнью парижан, но зато весьма дорожат своими парижскими домами. Да и Тьер, с другой стороны, объявил ей, что он будет беспощаден в своей мести. И едва только его армия подготовилась к бою, с одной стороны, а пруссаки захлопнули капкан с другой, как он воскликнул: «Я буду беспощаден! Искупление будет полное, суд будет суровый!» Если действия парижских рабочих были вандализмом, то это был вандализм отчаянной обороны, а не вандализм торжествующих победителей, вроде учиненного христианами над действительно бесценными художественными сокровищами языческой древности; но даже и этот вандализм был оправдан историками как неизбежный и сравнительно маловажный эпизод в титанической борьбе нарождавшегося нового общества с распадавшимся старым. И уж еще меньше походили действия Коммуны на вандализм Османа, который уничтожил исторический Париж, чтобы очистить место для Парижа бездельников!

А произведенная Коммуной казнь шестидесяти четырех заложников во главе с парижским архиепископом! Буржуазия и ее армия восстановили в июне 1848 г. давно исчезнувший из военной практики обычай — расстреливать беззащитных пленных. С тех пор этот зверский обычай укоренился более или менее прочно среди усмирителей всех народных волнений в Европе и Индии, доказывая этим, что он представляет собою действительный «прогресс цивилизации!» С другой стороны, пруссаки во Франции снова восстановили практику брать заложников — ни в чем не повинных людей, которые своею жизнью должны были отвечать за действия других. Если Тьер, как мы видели, с самого начала войны ввел гуманный обычай расстреливать пленных коммунаров, то Коммуна была вынуждена, для защиты их жизни, прибегнуть к прусской практике брать заложников. Версальцы, продолжая расстреливать пленных, сами жертвовали жизнью своих заложников. Можно ли было еще щадить их после той

Mahon's praetorians celebrated their entrance into Paris? Was even the last check upon the unscrupulous ferocity of bourgeois governments — the taking of hostages — to be made a mere sham of? The real murderer of Archbishop Darboy is Thiers. The Commune again and again had offered to exchange the archbishop, and ever so many priests in the bargain, against the single Blanqui, then in the hands of Thiers. Thiers obstinately refused. He knew that with Blanqui he would give to the Commune a head; while the archbishop would serve his purpose best in the shape of a corpse. Thiers acted upon the precedent of Cavaignac. How, in June, 1848, did not Cavaignac and his men of order raise shouts of horror by stigmatizing the insurgents as the assassins of Archbishop Affre! They knew perfectly well that the archbishop had been shot by the soldiers of order. M. Jacquemet, the archbishop's vicar-general, present on the spot, had immediately afterwards handed them in his evidence to that effect.

All this chorus of calumny, which the party of order never fail, in their orgies of blood, to raise against their victims, only proves that the bourgeois of our days considers himself the legitimate successor to the baron of old, who thought every weapon in his own hand fair against the plebeian, while in the hands of the plebeian a weapon of any kind constituted in itself a crime.

The conspiracy of the ruling class to break down the Revolution by a civil war carried on under the patronage of the foreign invader — a conspiracy which we have traced from the very 4th of September down to the entrance of MacMahon's praetorians through the gate of St. Cloud — culminated in the carnage of Paris. Bismarck gloats over the ruins of Paris, in which he saw perhaps the first instalment of that general destruction of great cities he had prayed for when still a simple Rural in the Prussian *Chambre introuvable* of 1849. He gloats over the cadavres of the Paris proletariate. For him this is not only the extermination of revolution, but the extinction of France, now decapitated in reality, and by the French Government itself. With the shallowness characteristic of all successful statesmen, he sees but the surface of this tremendous historic event. Whenever before has history exhibited the spectacle of a conqueror crowning his victory by turning into, not only the gendarme, but the hired bravo of the conquered Government? There existed no war between Prussia and the Commune of Paris. On the contrary, the Commune had accepted the peace preliminaries, and Prussia had announced her neutrality. Prussia was, therefore, no belligerent. She acted the part of a bravo, a cowardly bravo, because incurring no danger; a hired bravo, because stipulating beforehand the payment of her blood-money of 500 millions on the fall of Paris. And thus, at last, came out the true

кровавой бойни, которой преторианцы Мак-Магона отпраздновали свое вступление в Париж? Неужели и последняя сдержка разнузданного зверства буржуазных правительств — взятие заложников — должна была остаться пустым словом? Истинный убийца архиепископа Дарбуа — Тьер. Коммуна снова и снова предлагала обменять архиепископа и даже многих других священников на одного единственного Бланки, который был тогда в руках Тьера. Но Тьер упорно отказывался. Он знал, что в лице Бланки он даст Коммуне голову, тогда как архиепископ будет гораздо полезнее для его целей, когда будет трупом. Тьер действовал по примеру Кавеньяка. Разве в июне 1848 г. Кавеньяк и его люди порядка не подняли криков ужаса, клеймя повстанцев как убийц архиепископа Аффра! А между тем они отлично знали, что архиепископ был расстрелян солдатами партии порядка. Г. Жакме, генеральный викарий архиепископа, присутствовавший при расстреле, засвидетельствовал им этот факт немедленно же после этого.

Весь тот поток клеветы, который партия порядка в своих кровавых оргиях никогда не забывает обрушить на свои жертвы, доказывает только, что буржуа наших дней смотрит на себя как на законного наследника прежнего феодала, который считал себя в праве употреблять любое оружие против плебея, тогда как какое бы то ни было оружие в руках плебея уже само по себе являлось преступлением.

Заговор господствующего класса для подавления революции с помощью гражданской войны, ведшейся под покровительством чужеземного завоевателя, — этот заговор, который мы проследили от 4 сентября до вступления преторианцев Мак-Магона через ворота Сен-Клу, завершился кровавой бойней в Париже. Бисмарк с удовольствием взирает на развалины Парижа и, может быть, видит в них первый шаг на пути ко всеобщему разрушению больших городов, о котором он мечтал еще в те времена, когда был простым помещичьим депутатом в прусской chambre introuvable [бесподобной палате] 1849 года. Он с удовольствием взирает на трупы парижского пролетариата. Для него это не только искоренение революции, но и уничтожение Франции, ныне действительно обезглавленной, и притом самим французским правительством. С поверхностностью, характерной для всех преуспевающих государственных деятелей, он видит только внешнюю сторону этого громадного исторического события. Было ли до сих пор видано в истории, чтобы победитель увенчал свою победу тем, что превратился не только в жандарма, но в наемного убийцу в руках побежденного правительства? Между Пруссией и Парижской Коммуной не было войны. Наоборот, Коммуна приняла предварительные условия мира, и Пруссия объявила свой нейтралитет. Значит, Пруссия не была воюющей стороной. Она действовала как убийца — как трусливый

character of the war, ordained by Providence as a chastisement of godless and debauched France by pious and moral Germany! And this unparalleled breach of the law of nations, even as understood by the old world lawyers, instead of arousing the «civilized» Governments of Europe to declare the felonious Prussian Government, the mere tool of the St. Petersburg Cabinet, an outlaw amongst nations, only incites them to consider whether the few victims who escape the double cordon around Paris are not to be given up to the hangman at Versailles!

That after the most tremendous war of modern times, the conquering and the conquered hosts should fraternize for the common massacre of the proletariate — this unparalleled event does indicate, not as Bismarck thinks, the final repression of a new society upheaving but the crumbling into dust of bourgeois society. The highest heroic effort of which old society is still capable is national war; and this is now proved to be a mere governmental humbug, intended to defer the struggle of classes, and to be thrown aside as soon as that class struggle bursts out in civil war. Class rule is no longer able to disguise itself in a national uniform; the national Governments are *one* as against the proletariate!

After Whit-Sunday, 1871, there can be neither peace nor truce possible between the working men of France and the appropriators of their produce. The iron hand of a mercenary soldiery may keep for a time both classes tied down in common oppression. But the battle must break out again and again in ever-growing dimensions, and there can be no doubt as to who will be the victor in the end, — the appropriating few, or the immense working majority. And the French working class is only the advanced guard of the modern proletariate.

While the European Governments thus testify, before Paris, to the international character of class rule, they cry down the International Working Men's Association — the international counter-organization of labour against the cosmopolitan conspiracy of capital — as the head fountain of all these disasters. Thiers denounced it as the despot of labour, pretending to be its liberator. Picard ordered that all communications between the French Internationals and those abroad should be cut off; Count Jaubert, Thiers's mummified accomplice of 1835, declares it the great problem of all civilized governments to weed it out. The

убийца, потому что не подвергалась сама никакой опасности, и как наемный убийца, потому что заранее обусловила падением Парижа уплату ей 500 миллионов, этой кровавой цены. Тут-то и обнаружился наконец истинный характер этой войны, ниспосланной провидением для наказания безбожной и развратной Франции рукою благочестивой и нравственной Германии! И это беспримерное даже с точки зрения юристов старого мира нарушение международного права, вместо того чтобы побудить «цивилизованные» правительства Европы объявить вне закона преступное прусское правительство, являющееся простым орудием в руках петербургского кабинета, дает им лишь повод поставить вопрос, не выдать ли версальскому палачу и те немногие жертвы, которые проскользнули через двойной кордон, окружавший Париж!

То, что после самой ужасной войны нового времени победившие и побежденные войска братаются, чтобы вместе избивать пролетариат, — это беспримерное событие свидетельствует не об окончательном подавлении поднимающегося нового общества, как думает Бисмарк, а о распадении в прах буржуазного общества. Величайший героический подвиг, на какой еще способно старое общество, — это национальная война; но и она оказалась теперь чистейшим мошенничеством правительства, которое замышляет ее с целью оттянуть борьбу классов и сразу же отбрасывает ее прочь, как только классовая борьба разражается гражданской войной. Классовое господство уже не может больше прикрываться национальным мундиром; национальные правительства *едины* против пролетариата!

После троицына дня 1871 г. не может быть ни мира, ни перемирия между французскими рабочими и присвоителями продукта их труда. Железная рука наемной солдатчины может на время придавить оба эти класса вместе общим гнетом. Но борьба неизбежно будет разгораться снова и снова во все больших размерах, и не приходится сомневаться, кто в конце концов останется победителем, — немногие ли присвоители или огромное большинство трудящихся. А французский рабочий класс является лишь авангардом современного пролетариата.

Засвидетельствовав таким образом перед Парижем международный характер своего классового господства, европейские правительства вопят в то же время, что главнейшим источником всех бедствий является Международное товарищество рабочих, эта международная контр-организация труда против всемирного заговора капитала. Тьер обвинял эту организацию в том что она — деспот труда, который выдает себя за его освободителя. Пикар приказал, чтобы все сношения между французскими членами Интернационала и его заграничными членами были прерваны; граф Жобер, превратившийся в мумию,

Rurals roar against it, and the whole European press joins the chorus. An honourable French writer, completely foreign to our Association, speaks as follows: — «The members of the Central Committee of the National Guard, as well as the greater part of the members of the Commune, are the most active, intelligent, and energetic minds of the International Working Men's Association; .... men who are thoroughly honest, sincere, intelligent, devoted, pure, and fanatical in the *good* sense of the word». The police-tinged bourgeois mind naturally figures to itself the International Working Men's Association as acting in the manner of a secret conspiracy, its central body ordering, from time to time, explosions in different countries. Our Association is, in fact, nothing but the international bond between the most advanced working men in the various countries of the civilized world. Wherever, in whatever shape, and under whatever conditions the class struggle obtains any consistency, it is but natural that members of our association should stand in the foreground. The soil out of which it grows is modern society itself. It cannot be stamped out by any amount of carnage. To stamp it out, the Governments would have to stamp out the despotism of capital over labour — the condition of their own parasitical existence.

Working men's Paris, with its Commune, will be for ever celebrated as the glorious harbinger of a new society. Its martyrs are enshrined in the great heart of the working class. Its exterminators history has already nailed to that eternal pillory from which all the prayers of their priests will not avail to redeem them.

The General Council

M. T. Boon, Fred. Bradnick, G. H. Buttery, Caihil, William Hales, Kolb, Fred. Lessner, B. Lucraft, George Milner, Thomas Mottershead, Charles Murray, George Odger, Pfander, Rühl, Sadler, Cowell Stepney, William Townshend.

Corresponding Secretaries

Eugène Dupont, for France.
Karl Marx, for Germany and Holland.
Fred. Engels, for Belgium and Spain.
Hermann Jung, for Switzerland.
P. Giovacchini, for Italy.
Zévy Maurice, for Hungary.
Anton Zabicki, for Poland.
James Cohen, for Denmark.
J. G. Eccarius, for the United States.

сообщник Тьера по 1835 г., заявляет, что главная задача всех цивилизованных правительств — искоренение Интернационала. Помещичьи депутаты поднимают против него вой, и вся европейская печать присоединяется к этому хору. Но вот что говорит один почтенный французский писатель, не имеющий ничего общего с нашим Товариществом: «Члены Центрального Комитета национальной гвардии, как и большинство членов Коммуны, — самые деятельные, умные и энергичные головы Международного товарищества рабочих... Это люди глубоко честные, искренние, умные, самоотверженные, чистые и фанатичные в *хорошем* смысле этого слова». Буржуазный рассудок, пропитанный полицейщиной, разумеется представляет себе Международное товарищество рабочих действующим по способу тайного заговорщического общества, центральный орган которого назначает время от времени восстания в разных странах. На деле же наше Товарищество есть лишь международный союз наиболее передовых рабочих в разных странах цивилизованного мира. В каком бы месте, в какой бы форме и при каких бы условиях классовая борьба ни происходила, каково бы ни было ее содержание, — само собою разумеется, что повсюду члены нашего Товарищества должны быть в первых рядах. Почва, из которой оно вырастает, есть само современное общество. Это Товарищество не может быть искоренено, сколько бы крови ни было пролито. Чтобы искоренить его, правительства должны были бы искоренить деспотическое господство капитала над трудом, т. е. условия своего собственного паразитического существования.

Рабочий Париж с его Коммуной всегда будут чествовать как славного предвестника нового общества. Его мученики воздвигли себе памятник в великом сердце рабочего класса. Его палачей история уже пригвоздила к вечному позорному столбу, от которого их не спасут никакие молитвы их попов.

Генеральный совет

М. Т. Бун, Фр. Брэдник, Дж. Х. Баттери, Кэйхиль, Уильям Хэйльс, Кольб, Фр. Лесснер, Б. Лекрафт, Джордж Мильнер, Томас Мотерсхед, Чарльз Мэрри, Джордж Оджер, Пфэндер, Рюль, Садлер, Коуэлл Степни, Вильям Таунсхенд.

Корреспонденты-секретари

Эжен Дюпон для Франции.	П. Джоваккини для Италии.
Карл Маркс для Германии и Голландии.	Зеви Морис для Венгрии.
Фридрих Энгельс для Бельгии и Испании.	Антон Забицкий для Польши.
Герман Юнг для Швейцарии.	Джемс Коен для Дании.
	И. Г. Эккариус для Соединенных Штатов.

Hermann Jung, Chairman.
John Weston, Treasurer.
George Harris, Financial Sec.
John Hales, General Sec.

Office — 256, *High Holborn, London, W. C.,*
May 30th, 1871.

NOTES

«The column of prisoners halted in the Avenue Uhrich, and was drawn up, four or five deep, on the footway facing to the road. General Marquis de Gallifet and his staff dismounted and commenced an inspection from the left of the line. Walking down slowly and eyeing the ranks, the General stopped here and there, tapping a man on the shoulder or beckoning him out of the rear ranks. In most cases, without further parley, the individual thus selected was marched out into the centre of the road, where a small supplementary column was, thus, soon formed. . . . . It was evident that there was considerable room for error. A mounted officer pointed out to General Gallifet a man and woman for some particular offence. The woman, rushing out of the ranks, threw herself on her knees, and, with outstretched arms, protested her innocence in passionate terms. The general waited for a pause, and then with most impassible face and unmoved demeanour, said, 'Madame, I have visited every theatre in Paris, your acting will have no effect on me' ('ce n'est pas la peine de jouer la comédie'). . . . . It was not a good thing on that day to be noticeably taller, dirtier, cleaner, older or uglier than one's neighbours. One individual in particular struck me as probably owing his speedy release from the ills of this world to his having a broken nose. . . . . Over a hundred being thus chosen, a firing party told off, and the column resumed its march, leaving them behind. A few minutes afterwards a dropping fire in our rear commenced, and continued for over a quarter of an hour. It was the execution of these summarily-convicted wretches». — *Paris Correspondent «Daily News»*, June 8th. — This Gallifet, «the kept man of his wife, so notorious for her shameless exhibitions at the orgies of the Second Empire», went, during the war, by the name of the French «Ensign Pistol».

«The *Temps*, which is a careful journal, and not given to sensation, tells a dreadful story of people imperfectly shot and buried before life

Герман Юнг, председатель.
Джон Уэстон (Weston), казначей.

Джордж Харрис, финансовый секретарь.
Джон Хэйльс, генеральный секретарь.

256. High Holborne London W. G.
30 мая 1871 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

«Колонна арестованных остановилась на Авеню Урих и выстроилась, по четыре или пять человек в ряд, на тротуаре вдоль улицы. Генерал маркиз де-Галлифе и его штаб спешились и начали осмотр с левого фланга. Медленно двигаясь и осматривая ряды, генерал останавливается то тут, то там, хлопая какого-нибудь человека по плечу или вызывая его кивком головы из задних рядов. В большинстве случаев выбранный таким образом выходил, без дальних слов, на середину улицы, где вскоре образовалась небольшая новая колонна... Было очевидно, что тут был значительный простор для ошибок. Офицер верхом на лошади указал генералу Галлифе на мужчину и женщину, будто бы виновных в особом преступлении. Женщина, выбежав из рядов, бросилась на колени и с протянутыми вперед руками стала в страстных выражениях уверять в своей невиновности. Генерал выждал некоторое время и с совершенно бесстрастным лицом и безучастным видом сказал: «Сударыня, я бывал во всех театрах Парижа, ваша игра не произведет на меня никакого впечатления» («ce n'est pas la peine de jouer la comédie» — «нет смысла играть комедию»).... Плохо было в этот день оказаться заметно выше, грязнее, чище, старше или некрасивее своих соседей. Один человек особенно поразил меня: очевидно, он скорее других избавился от бремени жизни благодаря своему сломанному носу.. Когда больше сотни было выбрано таким образом, был выделен отряд расстреливающих, и главная колонна двинулась вперед, оставив их позади себя. Несколько минут спустя позади нас раздалась беспорядочная стрельба и продолжалась около четверти часа. Это была казнь тех наспех осужденных бедняг». *(Парижский корреспондент „Daily News“*, 8 июня.) — Этот Галлифе — сутенер своей жены, известной бесстыдным выставлением напоказ своего тела на оргиях Второй империи — во время войны был известен под кличкой французского «прапорщика Пистоля».

«Такая осторожная и не падкая до сенсаций газета, как *„Temps“*, рассказывает жуткую повесть о людях, не застреленных насмерть

was extinct. A great number were buried in the square round St. Jaques-la-Bouchière; some of them very superficially. In the daytime the roar of the busy streets prevented any notice being taken; but in the stillness of the night the inhabitants of the houses in the neighbourhood were roused by distant moans, and in the morning a clenched hand was seen protruding through the soil. In consequence of this, exhumations were ordered to take place.... That many wounded have been buried alive I have not the slightest doubt. One case I can vouch for. When Brunel was shot with his mistress on the 24th ult. in the courtyard of a house in the Place Vendôme, the bodies lay there until the afternoon of the 27th. When the burial party came to remove the corpses, they found the woman living still, and took her to an ambulance. Though she had received four bullets she is now out of danger.» — *Paris Correspondent «Evening Standard,»* June 8th.

и похороненных заживо. Многие из них были зарыты в сквере вокруг St. Jacques la Bouchière; некоторые очень неглубоко. Днем уличный шум не позволял ничего расслышать; но в тишине ночи жители домов, находящихся по соседству, были разбужены отдаленными стонами, а утром они увидели, как сжатая в кулак рука высовывается из земли. Вследствие этого было предписано откопать зарытых... У меня нет ни малейшего сомнения, что многие раненые были похоронены заживо. За один случай я могу поручиться. Когда Брюнель был расстрелян вместе со своей возлюбленной 24 мая во дворе одного дома на Вандомской площади, их тела лежали там до вечера 27-го. Когда погребальный отряд явился, чтобы убрать тела, он увидел, что женщина еще жива, и отвез ее в больницу. Хотя в нее попали четыре пули, она теперь вне опасности». *(Парижский корреспондент „Evening Standard“* от 8 июня.)

ВЫПИСКИ ИЗ ГАЗЕТ

ОТ 18 МАРТА ДО 1 МАЯ 1871 г.

Выписки Маркса из газет в дни Парижской Коммуны Часть страницы. 144 — 146.
(Уменьшено)

Nachzusehn: Daily News und Pall Mall vom 19 März, 22 Mars, 24 M. 29 M.

Daily News. 18 March. [*№ 7763*]

Picard, the Home Minister, engaged to reorganize the Municipal Council. Préfecture of Seine offered to Casimir Perier. *General Valentin the new prefect of police. Temps* thinks that his appointment a warning, that the government does not consider the state of Paris normal. «It is certain», it adds, «that the cannons of Montmartre cannot remain in position indefinitely». [p. 4, c. 5] *(Paris. 16 March.) (Elections at Paris took place at the 8-th March.)* «These fine fellows (the National Guards) have become unruly and refuse authority».

(Paris Corresp. 16 March) Valentin's «first business is to establish a thoroughly efficient constabulary». «rebels of Montmartre... great heroes... so long as the people came to look at them». «Shamfights and sham-soldiery». «The sham is all in all». Als Beweis, dass die National Guards sham, dass das *Thiers* government has «rewarded the French army with no less than 3 658 crosses of the Legion of Honour». «Plan *des government to lay a «stamp of 2 centimes on each copy of every periodical, whatever its nature».* [p. 6, c. 1]

Paris, 17 March (telegram): «All the government officials... returned to Paris... Thiers, who is to receive 3 million fcs. a year, has his headquarters at Versailles... Excitement... among merchants... *Petitions for a speedy modification of the law relating to bills of exchange».* [p. 3, c. 1]

Situation. 18 Mars. [№ 154]

Les Canons de Montmartre: «mieux gardés que jamais... le *comité central* (der Garde nationale) est tout-puissant; il donne exclusivement des ordres, et son influence efface absolument celle des magistrats municipaux». *(Journal des Débats)* «En dehors des défiances que soulève l'attitude du gouvernement en ce qui touche au *transport de l'Assemblée à Versailles* et aux *mesures prises contre la presse*, le bruit a couru à Montmartre que le général Vinoy s'était décidé *à faire le blocus de*

Справиться: «Daily News» и «Pall Mall» от 19, 22, 24 и 29 марта.

«Daily News». 18 марта

Пикар, министр внутренних дел, занят реорганизацией муниципального совета. Пост префекта департамента Сены предложен Казимиру Перрье. *Генерал Валантен — новый префект полиции.* «*Temps*» полагает, что его назначение есть предостережение, что правительство не считает положение в Париже нормальным. «Несомненно, — прибавляет газета, — что пушки Монмартра не могут оставаться на позиции бесконечно». *(Париж, 16 марта.) (Выборы в Париже состоялись 8 марта.)* «Эти молодчики (национальные гвардейцы) стали непокорны и отказываются повиноваться».

(Корреспонденция из Парижа от 16 марта). Валантен «в первую очередь хлопочет о создании вполне надежной полиции». «Монмартрские мятежники... великие герои... пока народ собирался, чтобы на них глазеть». «Игра в войну, игра в солдаты». «Все как есть не настоящее». В качестве доказательства, что национальная гвардия — только для показа, приводится то, что правительство *Тьера* «наградило французскую армию не менее чем 3658 орденами Почетного легиона». «План *правительства — обложить «гербовым сбором в 2 сантима каждый экземпляр всех периодических изданий какого бы то ни было рода»*.

Париж. 17 марта (телеграмма). «Все правительственные чиновники.... вернулись в Париж... Тьер, которому назначен оклад в 3 миллиона франков в год, свою главную квартиру имеет в Версале... Возбуждение среди купцов.... *Петиции о скорейшем изменении закона о векселях*».

«Situation». 18 марта

Пушки Монмартра «охраняются, лучше чем когда-либо... *Центральный комитет* (национальной гвардии) всемогущ; приказания отдает исключительно он, и его влияние сводит совершенно на нет влияние муниципальных чиновников» («*Journal des Débats*»). «Помимо недоверия, внушаемого занятой правительством позицией в вопросе о *переводе Собрания в Версаль* и о *мерах, принятых против печати*, в Монмартре прошел слух, что генерал Винуа решил

Montmartre. Quelque absurde que puisse paraître ce bruit, il a été fortement accrédité dans le public. De là... la résolution inébranlable de ne pas se démunir de l'artillerie etc». «Après cela... la question d'*Aurelle de Paladines*... le noeud du débat. La garde nationale veut étendre à son chef suprême le droit d'élection et non l'accepter du Gouvernement... Question de principe... qui a fait rompre les transactions etc. ... Garibaldi... unanimement proclamé comme général en chef de la garde nationale... On est intraitable sur ce point». [p. 3, c. 1)

«La grotesque armée des bataillons révolutionnaires continue à camper à Montmartre, autour des canons conquis sur les artilleurs français. Le gouvernement ne trouve-t-il pas que ce carnaval démagogique se prolonge un peu trop avant dans le carême? N'y aurait il pas plus d'avantages à faire cesser cette lugubre plaisanterie qu'à supprimer quelques journaux obscurs et à empêcher de créer *jusqu'à la levée de l'état de siège* de nouveaux organes de publicité? Nous espérons que le commandant de l'armée de Paris ne tardera pas à... rétablir l'ordre». (*Liberté*, 16 Mars)

«Hier matin (16-th — 17-th), une longue file de chariots d'artillerie se sont dirigés, par ordre, vers les hauteurs de Montmartre, afin de charger et d'emmener les munitions du trop fameux parc des buttes. L'opération, selon les instructions données, devait réussir d'emblée, ou bien, il ne devait pas y être donné suite, selon l'attitude des volontaires. Il paraît que la nuit n'avait pas encore porté conseil; on a parlé à peine quelques minutes, et les chariots sont revenus. Les gardes nationaux ont, en effet, gardé leurs canons, mais tout cela s'est fait sans causer aucun tumulte». *(Gaulois.)* [p. 3, c. 2]

Assemblée nationale. 11 Mars (Bordeaux) *Président:* «Notre prochaine séance est fixée *à Versailles au lundi 20 Mars*». [p. 3, c. 4]

Nach loi votée (proposée par Dufaure) 10 Mars à l'Assemblée billets à payer dès le 16-th. (Télégramme 16 Mars Paris) («On s'accorde généralement à reconnaître que cette loi a été votée avec trop de précipitation».)

Paris 16 Mars (télégramme) «Le *jardin du Luxembourg*... fermé au public. Le 115-e régiment de ligne y est campé. Trois autres régiments occupent les boulevards près de l'Observatoire». [p. 4, c. 2]

11 Mars. Affiche Rouge, adressée aux «*soldats*», placardée aujourd'hui partout au nom des *délégués de la garde nationale.* (Votée dans une séance tenue au Wauxhall *10 Mars)* Darin u. a. «*Il y a à Paris 300 000 gardes nationaux*, et cependant on y fait entrer des troupes que l'on cherche à tromper sur l'esprit de la population parisienne. Les hommes qui ont organisé la défaite, démembré la France, livré

блокировать Монмартр. Как бы ни казался нелеп этот слух, в публике ему очень верят. Отсюда непоколебимая решимость не отдавать артиллерию и т. д.». «После этого.... вопрос о *Д'Орель де-Паладине*... узловой пункт спора. Национальная гвардия хочет распространить право избрания на своего главнокомандующего и отказывается принимать его от правительства.... Принципиальный вопрос... приведший к разрыву переговоров и т. д.... Гарибальди... единодушно провозглашен главнокомандующим национальной гвардии... В этом пункте не уступят ни на иоту».

«Смехотворная армия революционных батальонов продолжает стоять лагерем в Монмартре вокруг пушек, отбитых у французских артиллеристов. Не думает ли правительство, что этот демагогический карнавал немного слишком затянулся в великом посту? Не полезнее ли было бы прекратить эту зловещую шутку, чем заниматься запрещением нескольких мало известных газет и *до снятия осадного положения* препятствовать созданию новых органов гласности? Мы надеемся, что командующий парижской армией не замедлит... восстановить порядок». *(«Liberté». 16 марта).*

«Вчера утром (16-го или 17-го) длинная вереница артиллерийских повозок, получив приказ, направилась к высотам Монмартра, чтобы нагрузить и увезти огнестрельные припасы пресловутого парка Монмартрских высот. Согласно данным инструкциям, эту операцию, в зависимости от поведения добровольцев, надо было либо закончить успехом сразу, либо не надо было продолжать. Повидимому, ночь не принесла решения; поговорили всего лишь несколько минут, и повозки вернулись. Национальные гвардейцы, действительно, охраняли свои пушки, но все это произошло без всякого шуму». *(«Gaulois»).*

Национальное собрание. 11 марта (Бордо). *Председатель:* «Наше следующее собрание назначено *в Версале на понедельник 20 марта*».

Согласно закону (предложенному Дюфором), принятому в Собрании 10 марта, векселя подлежат оплате, начиная с 16-го. (Телеграмма от 16 марта. Париж.) («Все согласно признают, что этот закон был принят слишком поспешно».)

Париж. 16 марта (телеграмма). «*Люксембургский сад*... закрыт для публики. В нем расположился 115-й линейный полк. Три другие полка занимают бульвары по соседству с обсерваторией».

11 марта. «*Красная Афиша*, обращенная к «*Солдатам*», сегодня расклеена повсюду от имени *делегатов национальной гвардии*». (Принято в заседании, происходившем в Воксале *10 марта*.) В ней, между прочим: «*В Париже имеется 300 000 национальных гвардейцев*, а между тем в него вводят войска, которых стараются обмануть насчет настроений парижского населения. Люди..

tout notre or, *veulent* échapper à la responsabilité qu'ils ont assumée en suscitant la guerre civile. Ils comptent que vous serez les dociles instruments du crime qu'ils méditent». «Que veut le peuple de Paris? Il veut conserver ses armes, choisir lui-même ses chefs, et les révoquer quand il n'a plus confiance en eux. Il veut que l'armée soit renvoyée dans ses foyers».

Paris 11 Mars. Protestation du «*Cri du Peuple*» (im Rappel) contre sa suspension par Vinoy (mit noch 5 andern journaux). Vinoy invoque l'état de siège de Paris, déclaré par l'ex-impératrice. «Le Quatre septembre a passé par là-dessus, et l'Assemblée vient de voter la déchéance de l'Empire». [p. 7., c. 4]

Le Champ de Mars et le *Trocadero* occupés par des régiments de l'armée de Chanzy, artillerie etc. [p. 8., c. 1]

La Liberté. [*18 Mars*]

Paris 18 Mars. «Le calme le plus complet continue à régner dans les quartiers excentriques». «La défiance a été accrue par la nomination du *général Valentin à la préfecture de police.* On n'a pu pardonner... son passage *à la garde municipale...* Rapprochement entre la nomination de Valentin et celle (im Dezember) de... *Espinasse*». [p. 1, c. 6] Proclamations von *Flourens und Blanqui,* condamnés à mort, affichées dans la Capitale.

Blanqui sagt u. a.: «Le 4 septembre un groupe d'individus qui, sous l'empire, s'étaient créé une popularité [p. 3., c. 2] facile, s'était emparé du pouvoir... pour la plupart les bourreaux de la République de 1848... les créateurs de l'empire... pour ne pas diviser la nation, chacun se mit de toutes ses forces à l'oeuvre de salut... Après avoir distribué à leurs amis toutes les places où ils ne conservaient pas les bonapartistes, ces hommes croisèrent les bras... En même temps, l'ennemi enserrait Paris... c'était par de fausses dépêches, par de fallacieuses promesses que le gouvernement répondait à toutes les demandes d'éclaircissements. L'ennemi continuait à élever des batteries etc.,... et à Paris, 300 000 citoyens restaient sans armes, et sans ouvrage, et bientôt sans pain, sur le pavé de la capitale. Le péril était imminent... Or, au gouvernement issu d'une surprise, il fallait substituer la Commune... De là le mouvement du 31 Octobre». [p. 3, c. 3]

Le National. 18 Mars. [№ 781]

Erklärung vom 17 Mars durch *100 chefs de bataillons* (votée unanimement 16 Mars café Pilon, boulevard Beaumarchais, au coin de la rue des Vosges): «fermement décidés à repousser, par tous les moyens possibles, *les attaques qu'on oserait tenter contre la République,* et

организовавшие поражение, расчленившие Францию, отдавшие все наше золото, *хотят* избежать взятой ими на себя ответственности, разжигая гражданскую войну. Они рассчитывают, что вы будете послушным орудием замышляемого ими преступления». «Чего хочет народ Парижа? Он хочет сохранить свое оружие, сам выбирать своих начальников и отзывать их, когда перестанет им доверять. Он хочет, чтобы армия была распущена по домам».

Париж. 11 марта. Протест «*Cri du Peuple*» (в «Rappel») против его запрещения генералом Винуа (вместе с пятью другими газетами). Винуа ссылается на осадное положение в Париже, объявленное бывшей императрицей. «4 сентября лишило это объявление силы, а Собрание только что голосовало упразднение империи».

Марсово поле и *Трокадеро* заняты полками армии Шанзи, артиллерией и т. д.

«*La Liberté*». *18 марта*

Париж. 18 марта. «Полнейшее спокойствие продолжает царить в окраинных кварталах». «Недоверие возросло вследствие назначения *генерала Валантена префектом полиции.* Ему не могли простить... его переход к *муниципальной гвардии*... Сопоставление назначения Валантена с назначением... *Эспинасса* (в декабре)». Прокламации *Флуранса и Бланки*, приговоренных к смерти, расклеены в столице.

Бланки, между прочим, говорит: «4 сентября группа лиц, которые при империи добились дешевой популярности, завладела властью... в большинстве палачи республики 1848 года... создатели империи... чтобы не вносить раскола в нацию, каждый с напряжением всех сил приступил к делу спасения... Раздав своим друзьям все те посты, на которых они не сохранили бонапартистов, эти люди спокойно сложили руки... Между тем неприятель окружал Париж... правительство отвечало ложными депешами, лживыми обещаниями на все требования разъяснить положение дела. Неприятель продолжал сооружать батареи и т. д... а в Париже 300 000 граждан оставались без оружия, без работы, а вскоре и без хлеба, на мостовой столицы. Опасность была неотвратимой... К тому же правительство, возникшее путем внезапного захвата, следовало заменить Коммуной... Отсюда и произошло движение 31 октября».

«*Le National*». *18 марта*

Заявление, от 17 марта, *100 батальонных командиров* (принятое единогласно 16 марта в кафе Пилон, на бульваре Бомарше, на углу улицы Вож), «полных твердой решимости всеми возможными средствами отразить нападения, *которые посмели бы предпринять против республики*, а равным образом сопротивляться *всякой попытке*

à s'opposer également *à toute tentative de désarmement de la garde nationale*, garde naturel du pacte social, de l'ordre et de la liberté publique». «Il y a» (heissts in dem *National*) «en ce moment à Satory, un camp de 30 000 hommes, campés là par ordre exprès du Vinoy». [p. 2, c. 3—4]

19 und 20 März. Situation. [№ 155]
(1 Nummer für beides zusammen)

Télégrammes: Paris 16 Mars: Général d'Aurelle de Paladines, en habits bourgeois, a inspecté les canons de Montmartre. [p. 4, c. 1]

Paris 17 Mars: La nuit dernière, tout était tranquille, *(16 Mars)*, quand les autorités ont envoyé des artilleurs pour enlever les canons de la place des Vosges, qui semblaient ne pas être gardés. Mais aussitôt que les soldats apparurent avec leurs chevaux, le rappel fut battu, et l'officier se retira avec ses hommes. [p. 4, c. 2]

Situation zitiert aus *Times*, wonach die opposition au gouvernement n'est qu'une affaire de 30 sous. (Allocation aux gardes nationaux). «Supprimez cette allocation, le peuple raisonnera, et les rebelles et les fainéants, ce qui est synonyme, seront bientôt réduits à se soumettre par la faim». [p. 5, c. 4]

Siècle sagt über *Picard:* «Aussitôt le décret signé (suppression des 6 journaux), le ministre disparaît et cède la place au directeur de journal, qui s'empresse de blâmer le gouvernement de sa décision... on écrit que Paris est calme, que les diatribes des journaux supprimés étaient inoffensives etc». *(Electeur du 14 Mars).* [p. 7, c. 3]

19 Mars. Le Figaro. [№ 74]

«M. Thiers veut tout simplement organiser une armée à peu près semblable — sauf la garde — à l'armée de l'empire». [p. 1, c. 1]

«La fédération nouvelle (de la Garde Nationale) est donc une alliance de tous les bataillons de la garde nationale, mis en rapport les uns avec les autres par des *délégués de chaque compagnie*, nommant à leur tour *des délégués de bataillon*, qui nomment à leur tour *un délégué major*, *général de légion* etc., qui doit représenter tout un arrondissement, et conférer avec les 19 autres délégués des 19 autres arrondissements... Ces 20 délégués, nommés par la majorité des bataillons de la garde nationale, ont pour mission de... nommer *un général*».

Corbon, maire démissionnaire, teilt mit Rede des *Trochu*, le lendemain de l'affaire de Buzenval: «La première question, dit le général, que s'empressèrent de m'adresser mes nouveaux collègues *le soir même du 4 septembre*, fut celle de savoir si Paris était en état de soutenir, avec chance de succès, un siège contre l'armée prussienne. *Je n'hésitais*

обезоружить национальную гвардию, являющуюся естественным стражем общественного договора, порядка и общественной свободы». «В настоящее время (говорит «*National*») в Сатори находится лагерь, состоящий из 30-000 человек, размещенных там по специальному приказанию Винуа».

19 и 20 марта. «Situation»
(1 номер за два дня).

Телеграммы. Париж. 16 марта. Генерал д'Орель де-Паладин, одетый в штатское, произвел осмотр пушек на Монмартре.

Париж. 17 марта. В последнюю ночь все было спокойно *(16 марта)*, когда власти послали артиллеристов забрать стоящие на площади Вож пушки, которые, повидимому, оставались без охраны. Но как только показались солдаты с лошадьми, ударили сбор, и офицер со своими людьми ретировался.

«*Situation*» цитирует «*Times*», согласно которому оппозиция правительству сводится к тридцати су. (Пособие национальным гвардейцам.) «Уничтожьте это пособие, — народ образумится, а бунтарей и бездельников, — что одно и то же, — голод вскоре заставит подчиниться».

«*Siècle*» говорит о *Пикаре*: «Как только декрет (о закрытии 6 газет) подписан, министр исчезает и уступает место редактору газеты, который спешит выразить правительству порицание за его решение... пишут, что Париж спокоен, что выпады запрещенных газет были безобидны и т. д.» *(«Electeur» от 14 марта).*

19 марта. «Le Figaro»

«Тьер хочет попросту организовать армию, почти похожую, за исключением гвардии, на армию империи».

«Таким образом, новая федерация (национальной гвардии) представляет союз всех батальонов национальной гвардии, связанных друг с другом через посредство *делегатов от каждой роты*, в свою очередь назначающих *делегатов батальонов*, которые в свою очередь назначают *делегата-майора*, *генерала легиона и т. д.*, который должен представлять целый округ и сноситься с прочими 19 делегатами остальных 19 округов... Эти 20 делегатов, избранные большинством батальонов национальной гвардии, имеют своим назначением... избрание *генерала*».

Корбон, мэр в отставке, сообщает речь *Трошю* на следующий день после сражения в Бюзанвале: «Первый вопрос, — сказал генерал, — который поспешили задать мне мои новые коллеги *вечером же 4 сентября*, был о том, мог ли Париж с какими-нибудь шансами на успех выдержать осаду прусской армии. *Я не колеблясь*

pas à répondre négativement. Quelques-uns de mes collègues sont ici: ils peuvent témoigner de la véracité de mes paroles et *de la persistance de mon opinion.* Je leur dis, en propres termes, que, en l'état des choses, tenter à Paris de soutenir un siège contre l'armée prussienne *serait une folie.* Sans doute, continuai-je, ce pouvait être *une* [p. 3, c. 1] *folie héroique;* mais ce ne serait que cela... Je veux bien admettre que d'une héroique folie puisse sortir, *comme par miracle,* un résultat heureux. *Mais je ne l'espère pas...* Voilà, Messieurs les maires, ce que j'ai dit aux collègues que venait de me donner l'acclamation populaire... *Les événements n'ont pas démenti ma prévision».* [p. 3, c. 2]

20 Mars. Daily News. [№ 7765]

Leading Article: «The present government of France (Thiers etc.) is as Republican as it can well be». «The *mob* that now imperils the safety of Paris and of France». «the *rabble».* «an armed and insurgent mob... may... form a Government whose *raison d'être* would be the legalization of exaction and pillage». «This deplorable crime (General Lecomte and Clément Thomas)... foretaste of another Reign of Terror». «d'Aurelle de Paladines... brave general». «factious persons whom indolence and ignorance have urged to break the law». «the populace of Montmartre does not establish any special heroism for itself». [p. 4, c. 6] «The ministry also desire a Republic, if such be the will of France; and what, therefore, is all the disturbance about?» «The Federation Committee retains power by reason of a *popular disquiet that refuses to be refined away by the processes of logic».* (Bravo, penny-a-liner!) «There remains, therefore, nothing but the harsher processions of coercion; and General *d'Aurelle* is not a man to depart from his word... The enemy is already within the walls of Paris, and must be *dealt with emphatically».* [p, 5. c. 1]

Paris Correspondent. Saturday night (18 Mars). «Assembly... to meet at Versailles on Monday (20 Mars)... Government could not show their faces before... power to *command order* in Paris». «Government... determined to take forcible possession of Montmartre, and the 2 or 300 guns and mitrailleuses there held captive at the order of a self-constituted committee... Utterly unknown to fame. They had so long ruled this district of the metropolis... *Order of last* Sunday *(12 Mars),* suppressing the seditious papers, and that no other periodical prints should appear without permission, has been disregarded... new seditious prints appear every day without leave». Early in the morning (18) walls covered with *proclamation of Thiers,* worin u. a. «The Government has resolved to act. The criminals who affect to institute a Government

ответил отрицательно. Некоторые из моих коллег присутствуют здесь: они могут засвидетельствовать истинность моих слов и *неизменность моего мнения*. В тех же самых выражениях я сказал им, что при настоящем положении вещей пытаться выдержать в Париже осаду против прусской армии *было бы безумием*. Конечно, — продолжал я, — это было бы *героическим безумием*, но не более того... Я готов допустить, что героическое безумие, *каким-либо чудом*, может окончиться счастливым результатом, *но не надеюсь на это*... Вот, господа мэры, что сказал я лицам, которых народное голосование только что перед тем дало мне в товарищи... *События не обманули моего предвидения*».

20 марта. «Daily News»

Передовица: «Нынешнее правительство Франции (Тьер и т. д.) настолько республиканское, насколько это возможно». «*Чернь*, которая угрожает теперь безопасности Парижа и Франции». «*Сброд*». «Вооруженная и бунтующая чернь... может... образовать правительство, смысл существования которого заключался бы в узаконении поборов и грабежа». «Это достойное сожаления преступление (генерал Леконт и Клеман Тома)... предзнаменование нового царства террора». «Д'Орель де-Паладин... храбрый генерал». «Мятежники, праздность и невежество которых привели к нарушению закона». «Чернь Монмартра не приобретает себе репутации особенного героизма». «Министерство тоже хочет республики, если такова воля Франции; но из-за чего в таком случае вся сумятица?» «Федеральный комитет удерживает власть благодаря *народному волнению*, *которое нельзя успокоить при помощи логических доводов*». (Браво, грошевый писака!) «Поэтому не остается ничего, кроме более суровых мер принуждения; а генерал *д'Орель* [де-Паладин] не таков, чтобы отказаться от своего слова... Враг уже в стенах Парижа, и против него надо *действовать энергично*».

Парижский корреспондент. Суббота, ночь (18 марта). «Собрание... должно открыться в Версале в понедельник (20 марта)... Правительство не могло показаться прежде чем... оно было в состоянии *водворить порядок* в Париже». «Правительство... решило силой захватить Монмартр и 200 или 300 пушек и митральез, удерживаемых там по приказу самочинного комитета... Состоит из совершенно никому не известных людей. Они так долго управляли этим участком столицы... *Приказ*, *изданный в прошлое* воскресенье *(12 марта)*, о закрытии мятежных газет и о том, что никакие другие периодические издания не должны выходить в свет без разрешения, был оставлен без всякого внимания... новые мятежные издания выходят ежедневно без всякого разрешения». Рано утром (18-го) на стенах расклеены

must be delivered to regular justice, and the cannons taken away must be restored to the arsenals». Late in the afternoon, proclamation desselben Thiers und seiner 9 Kollegen to the «*National Guards*»: «The Government is «not» preparing a *coup d'état.* The Government of the Republic has not and cannot have any other aim than the safety of the Republic». Es will mit seinen measures nur «maintenance of order» und do away «with an insurgent committee whose members — *almost all unknown to the population* [p. 5, c. 4] represent only *communist doctrines*, and would consign Paris to *pillage* and France to death etc.». *Late in the evening* a third proclamation to the National Guard, signed by *Ernest Picard und d'Aurelle:* «Some misguided men... *resist* forcibly *the National Guard* and the Army...*The Government has chosen that your arms should be left to you.* Seize them with resolution to establish the reign of law, and *to save the Republic from anarchy*!»

At *9 in the morning* I (the correspondent) was in the Faubourg of Montmartre, numerous groups assembled «we are to give up our cannon, by the side of which we are determined to protect the Republic they are so evidently desirous of knocking down».

About 3 in the morning (18 March) troops of the Line and some Mobiles suddenly surrounded the heights of Montmartre, and charging up took possession of the cannon, which they did with ease, as their attack was wholly unexpected. But the people called to arms by the rappel which was immediately sounded, came in great numbers, especially from Belleville, and reconquered the position. A body of policemen had been disarmed, and the people were now again in the possession of their guns. 15 persons killed in the scrimmage.

At half past three in the morning the Buttes Montmartre surrounded by the troops of *General Vinoy*, which took possession of all the leading thcroughfares, and planted guns and mitrailleuses at various points. At *5 o'clock* a regiment from the *army of Faidherbe*, the 88-th of the Line, which arrived only yesterday in Paris, went up towards the Tower of Solferino, surprised the National Guards, who numbered little more than a score and took possession at once of the heights and of the guns. *In about an hour* the National Guard began to arrive, not strong enough to recover what they had lost, but bold enough to exchange shots with the troops of the Government. Several deaths of noncombatants. National Guards retook all their cannon, took some of the guns and mitrailleuses which the Line led up the slopes of Montmartre. Some of the regiments of the Line fraternized with the National Guards. People shouted «Vive la Ligne». In the midst of the soldiers several po-

воззвания Тьера, в которых, между прочим, говорится: «Правительство решило действовать. Преступники, которые имеют притязания на учреждение правительства, должны быть переданы в руки установленной судебной власти, а захваченные пушки возвращены в арсеналы». К концу дня воззвание того же Тьера и девяти его коллег к «*Национальной гвардии*»: «Правительство *не* подготовляет *государственного переворота*. Правительство республики не имеет и не может иметь иной цели, кроме безопасности республики». Своими мерами оно хочет только «поддержать порядок» и покончить «с мятежным комитетом, члены которого — лица, *почти сплошь населению не известные* — представляют исключительно *коммунистические учения* и предадут Париж *грабежу*, а Францию гибели и т. д.». *Поздно вечером* третье воззвание к национальной гвардии, подписанное *Эрнестом Пикаром и д'Орелем:* «Некоторые сбитые с толку лица... силою *сопротивляются национальной гвардии* и армии... *Правительство приняло решение оставить вам оружие.* Возьмитесь за это оружие, с решимостью установить господство закона и *спасти республику от анархии!*»

В 9 часов утра я (корреспондент) был в предместьи Монмартр, собрались многочисленные группы, «от нас требуют сдачи наших пушек, возле которых мы решили защищать республику, с которой они явно хотят покончить».

Около 3 часов утра (18 марта) линейные части и некоторое количество мобилей внезапно окружили высоты Монмартра и, произведя атаку, завладели пушками, что им удалось легко, так как их атака была совершенно неожиданна. Однако народ, призванный к оружию благодаря немедленно поднятой тревоге, явился в большом числе, особенно из Бельвилля, и снова завладел позицией. Отряд полицейских был разоружен, и народ опять вернул себе свои пушки. 15 человек было убито в схватке.

В половине четвертого утра высоты Монмартра были окружены отрядами *генерала Винуа*, которые захватили все ведущие туда проходы и установили в разных пунктах пушки и митральезы. *В 5 часов* один полк *армии Федерба*, 88-й линейный, только вчера прибывший в Париж, поднялся к башне Сольферино, захватил врасплох национальную гвардию, насчитывавшую немногим более двух десятков человек, и сразу овладел высотами и пушками. *Приблизительно через час* начали прибывать национальные гвардейцы, недостаточно многочисленные, чтобы вернуть потерянное, но достаточно смелые, чтобы начать перестрелку с правительственными войсками. Несколько убитых среди посторонних. Национальная гвардия отобрала обратно все свои пушки, захватила несколько пушек и митральез, которые линейные войска подвезли к склонам Монмартра. Некоторые из линейных полков братались с национальной гвардией. В народе раздавались

licemen, charged with Chassepots, they were roughly handled. *Lecomte*, one of the Generals in command of the troops, taken prisoner. Conducted to the gardens of the Château Rouge. The loyal portion of the army forced to retire, together with the loyal National Guards, utterly foiled and discomfited. The [p. 5, c. 5] rebels are gaining upon the town point by point. They have come down from Montmartre and taken possession of the Prince Eugene barracks, planted the red flag on the column of the Bastille, half Paris in their hands.

Now (*10 o'clock* in the night) the insurgents are erecting barricades. The barricade at the top of the rue Rochechouart is becoming quite formidable.

Other Correspondent. (Paris, 18 Mars, night) «General Vinoy in person, at the head of a considerable military force, marched in the dead of night to Montmartre, hoping to surprise the National Guard, who hold artillery there... By daybreak his troops occupied the Boulevard Clichy and the heads of all the streets leading to the heights of Montmartre. But when order was given to act, all the troops of the line threw the butts of their muskets in the air, and fraternised with the insurgents». «A bas Vinoy». «Some of the *Gardes de Paris* stood well for a short time, and responded to a fire first opened upon them by the insurgents... Very soon all fighting ceased... Vinoy... retired in excellent order». [p. 5, c. 6]

Telegrams. Paris 18 Mars: The 17 deputies of Paris who recently signed a conciliatory manifesto addressed to their electors, held a meeting *on Mars 17*, fresh appeal to moderation, insist upon the National Guards delivering their cannons to the authorities. *Schölcher* made particularly vigorous speech to this effect. *Nearly all the Paris papers* against the Federation Committee of the National Guard etc.

Nach dem Sieg: The general opinion among the groups in Montmartre and Belleville is that the Assembly must be immediately dissolved, and another elected to sit at Paris.

18 Mars, about 4 o'clock in the afternoon Lecomte and Clément Thomas shot... General Vinoy's staff, with all the troops of the Line and Gendarmerie, withdrawn to the left bank of the Seine. No rioting or injury to property reported to the present. [p. 3, c. 1]

21 Mars. Standard. [№ 14550]

Leading article: «Traitors of Belleville... the siege of Paris... had liberated them from the unpleasant necessity of labour... paid by the government for doing nothing; armed with weapons which they utterly refused to use against the public enemy, fed at the expense

возгласы: «Да здравствует армия!» Среди солдат несколько полицейских, вооруженных ружьями Шаспо, подверглись грубому обращению. *Леконт*, один из генералов, командовавших войсками, взят в плен. Отведен в сады Шато Руж. Лойяльная часть армии была принуждена удалиться вместе с лойяльной национальной гвардией, совершенно разбитая и расстроенная. Мятежники захватывают один пункт города за другим. Они спустились с Монмартра и захватили казармы принца Евгения, водрузили красный флаг на колонне Бастилии, половина Парижа находится в их руках.

В настоящее время (*10 часов* вечера) инсургенты сооружают баррикады. Баррикада в верхней части улицы Рошуар принимает вид чрезвычайно грозный.

Другой корреспондент. (Париж. 18 марта, ночь). «Генерал Винуа лично во главе значительного отряда в глухую ночь направился в Монмартр в надежде захватить врасплох национальную гвардию, которая удерживает там артиллерию... На рассвете его отряды заняли бульвар Клиши и выходы всех улиц, ведущих к высотам Монмартра. Но когда был дан приказ действовать, все солдаты линейных войск подняли кверху приклады ружей и стали брататься с инсургентами». «Долой Винуа!» «Часть *парижской гвардии* некоторое время держалась стойко и отвечала на огонь, открытый по ней инсургентами... Очень скоро всякая борьба прекратилась... Винуа отступил в полном порядке».

Телеграммы. Париж. 18 марта. 17 депутатов Парижа, недавно подписавших манифест в примирительном духе, обращенный к их избирателям, устроили *17 марта* собрание; новый призыв к умеренности, настаивают на том, чтобы национальная гвардия сдала свои пушки властям. *Шельхер* произнес особенно сильную речь в этом смысле. *Почти все парижские газеты* против Федерального комитета национальной гвардии и т. д.

После победы: Общее мнение среди групп в Монмартре и Бельвилле таково, что Собрание должно быть немедленно распущено и избрано другое, с местопребыванием в Париже.

18 марта, около 4 часов пополудни Леконт и Клеман Тома расстреляны... Штаб генерала Винуа со всеми линейными войсками и жандармерией удалился на левый берег Сены. Пока нет никаких сообщений о беспорядках или покушениях на частную собственность.

21 марта. «Standard»

Передовая статья: «Изменники из Бельвилля... осада Парижа... избавила их от неприятной необходимости работать... оплачиваемые правительством за ничегонеделанье; снабженные оружием, которое они упорно отказывались применять против врагов общественного

of the State... their cheap patriotism... drink and tobacco out of their... 30 sous... in no hurry to part with these blessings... the war over, those men had no mind to forego their *comfortable* positions... their pleasant idleness, and go back to hard work and hard living... In past times the National Guard represented the respectability of Paris... during the siege the *roughs* of Paris had been enrolled... The *removal of General Aurelle* de Paladines in favour of a more popular chief, whom nevertheless the National Guard refused to recognize; *the resignation of Jules Ferry*, the *retirement of Vinoy*, at once demonstrated the terror of the administration... Red Republic dominated by the *thieves, rowdies, and demagogues of Paris...* To yield would be ruin... Communism of the worst species, cruelty the most unsparing... [p. 4, c. 4] the *canaille* of Paris...» ([p. 4, c. 5]

Paris Corr. 19 Mars, evening. «Some twenty *low rowdies* the arbiters of Paris. For the present they... are good enough *to put off the sacking* of the town until they shall have received reinforcements from Lyons and Marseilles... (On the 18-th) they have occupied all the public buildings in the place Vendôme... this morning... *the famous Central Committee* took possession of the Hôtel de Ville... the old Town Hall hemmed in by a perfect circle of barricades... [p. 5, c. 2] *Up to this morning Dufaure, Jules Favre, Picard, Simon, Admiral Pothuau and General Leflô remained in Paris...» Published still proclamation to the National Guard and then left for Versailles.* In der Proclamation: «Who are the members of this (Central) Committee? No one in Paris knows them; their names are new to all the world... Are they Communists, or Bonapartists, or Prussians?» A little later the insurgents occupied the Ministry of Finance, the Ministry of the Interior, the National Printing Office, and the Elysée. *Das Committee 20 members.* Proclamation desselben vom 19 Mars: «L'état de siège est levé. Le peuple de Paris est convoqué dans ses sections pour faire ses élections communales». Ditto: «*Aux Gardes Nationaux de Paris*». «Vous nous avez chargés d'organiser la défence de Paris et de vos droits... A ce moment notre mandat est expiré; nous vous le rapportons, car nous ne prétendons pas prendre la place de ceux que le souffle populaire vient de renverser». *General Lecomte* was put to death by *some men of the 88-th Regiment* of the Line, who shouted: «It is your turn now; you wanted us to fire on the people»... *What is amazing is the utter tranquillity of Paris.*— The day was a fine one, and the Champs-Elysées, the Rue Rivoli, and Palais Royal were crowded with the usual Sunday assemblages of holiday makers. Even in the quarters bristling with bayonets there is no agitation... I should be sorry to see Paris occupied (by the Prus-

порядка, получая пропитание за счет государства... их дешевый патриотизм... выпивка и табак из получаемых ими... 30 су... отнюдь не спешат расстаться с этими благами... Когда кончилась война, эти люди не были намерены отказаться от своего *связанного с удобствами* положения... от своей приятной праздности и вернуться к тяжелому труду и жизни среди лишений... В прошлом национальная гвардия представляла порядочные элементы парижского населения... во время осады в нее набрали подонки Парижа... *Удаление генерала Орель де-Паладина* с заменой его более популярным начальником, которого национальная гвардия, тем не менее, отказалась признать; отказ *Жюля Ферри от власти*, *отступление Винуа* сразу наглядно показали, что правительство терроризовано... Красная республика под господством *воров*, *хулиганов и парижских демагогов*... Уступка означала бы гибель... Коммунизм худшего сорта, самая беспощадная жестокость... парижская *сволочь*...»

Парижский корреспондент. 19 марта, *вечер*. «Каких-нибудь двадцать *хулиганов низшего разбора* — полные хозяева Парижа. Пока что, они... еще довольно милостиво *откладывают разграбление* города, пока не получат подкреплений из Лиона и Марселя... (18-го числа) они заняли все общественные здания на Вандомской площади... нынешним утром... *знаменитый Центральный комитет* захватил ратушу... старый городской рынок окружен сплошным кольцом баррикад... *Вплоть до нынешнего утра Дюфор*, *Жюль Фавр*, *Пикар*, *Симон*, *адмирал Потуо и генерал Лефло оставались в Париже...*» *Опубликовали воззвание к национальной гвардии*, *а затем отправились в Версаль*. В воззвании: «Кто члены этого (Центрального) Комитета? Никто в Париже их не знает; их имена новы для всего мира... Кто они, коммунисты, бонапартисты или пруссаки?» Несколько позже инсургенты заняли министерство финансов, министерство внутренних дел, Национальную типографию и Елисейский дворец. *Комитет из 20 членов*. Его воззвание от 19 марта: «Осадное положение снято. Народ Парижа приглашается в секции для производства коммунальных выборов». Воззвание того же Комитета: «*К национальным гвардейцам Парижа*»: «Вы возложили на нас обязанность организовать защиту Парижа и ваших прав... В настоящее время срок нашего мандата истек; мы возвращаем его вам, ибо мы не претендуем занять место тех, кого опрокинул народный вихрь». Генерал Леконт был убит *несколькими солдатами 88-го... линейного полка*, которые кричали: «Теперь твоя очередь; ты требовал, чтобы мы стреляли в народ!»... *Что всего удивительнее*, *так это полнейшее спокойствие Парижа*. — День был чудесный, и Елисейские поля, улица Риволи и Пале-Рояль были заполнены обычной воскресной толпой, предающейся праздничному отдыху. Даже в кварталах, ощетинившихся штыками, не заметно

sians), but it would be compensation to witness the dressing which *ces Messieurs de Belleville* would be sure to receive... *General Chanzy* is in the hands of the insurgents. [p. 5, c. 3]

. *Telegrams. Paris 19 Mars:* The Central Committee has installed provisional Commissioners at all the Mairies, and has also taken possession of all the ministries and telegraph offices... The *mayors and deputies of Paris* sent deputation to Government to obtain the removal of Vinoy, Paladines, Valentin, Jules Ferry. Ferry resigned. *Langlois* appointed instead of Paladines. Went to the Central Committee, asked by Brunet whether he recognized it. Da nicht, nicht. Resigned.

Paris 20 March. Rumour that the National Guard intended marching to Versailles. [p. 6, c. 1]

Proclamation of L. Blanc, Schoelcher, Peyrat, Adam, Floquet, Bernard, Langlois, Lockroy, Farcy, Brisson, Greppo, Millière. Verlangen: «election of all chiefs in the National Guard» und «creation of a municipal council elected by all the citizens». Und maires und adjoints von 19 arrondissements.

21 Mars. Cloche. [№ 385]

Hier *Figaro* sealed, sein Wiedererscheinen verboten. [p. 1, c. 2]

Proclamation du Comité Central (19 Mars): «Il (le comité) n'a pas été inconnu, car il était issu de la libre expression des suffrages de 215 bataillons de la garde nationale... la garde nationale n'a commis ni excès ni représailles... Et pourtant, les provocations n'ont pas manqué... le gouvernement n'a cessé, par les moyens les plus honteux, de tenter l'essai du plus épouvantable des crimes: *la guerre civile.* Il a calomnié Paris et a ameuté contre lui la province. Il a amené contre nous nos frères de l'armée... Il a voulu nous imposer un général en chef. Il a, par des tentatives nocturnes, tenté de nous désarmer de nos canons, après avoir été empêché par nous de les livrer aux Prussiens». Wollte arracher à Paris la couronne de capitale... «Jamais un arrêt d'exécution n'a été signé par nous; jamais la garde nationale n'a pris part à l'exécution d'un crime».

Das Committee, durch décret vom 19 Mars, *bestimmt élections municipales für 22 Mars.* Ferner angezeigt: «nous déclarons, dès à présent, être fermement décidés à faire respecter les préliminaires (de la Paix), afin d'arriver à sauvegarder à la fois le salut de la France républicaine et de la paix générale». [p. 1, c. 4]

Aufruf der *délégués du Journal Officiel aux départements,* gerich-

никакого возбуждения... Мне было бы жаль увидеть Париж занятым (пруссаками), зато было бы компенсацией присутствовать при взбучке, которую наверное эти *господа из Бельвилля* получили бы... *Генерал Шанзи* находится в руках инсургентов.

Телеграммы. Париж. 19 марта. Центральный комитет назначил временных комиссаров во все мэрии, а также завладел всеми министерствами и телеграфными отделениями... *Парижские мэры и депутаты* отправили к правительству депутацию с целью добиться удаления Винуа, Паладина, Валантена, Жюля Ферри. Ферри сложил с себя должность. *Ланглуа* был назначен вместо Паладина. Он явился в Центральный комитет, был спрошен Брюне, признает ли он комитет. Чтож, нет, так нет. Сложил с себя должность.

Париж, 20 марта. Слух, что национальная гвардия намеревается итти на Версаль.

Воззвание Л. Блана, Шельхера, Пейра, Адама, Флоке, Бернара, Ланглуа, Локруа, Фарси, Бриссона, Греппо, Мильера. Требуют: «избрания всех начальников национальной гвардии» и «создания муниципального совета, избранного всеми гражданами», а также мэров 19 округов и их помощников.

21 марта. «Cloche»

Вчера «*Figaro*» опечатан, его дальнейший выход воспрещен.

Воззвание Центрального комитета (19 марта): «Он (Комитет) не являлся неизвестной организацией, ибо он был результатом свободно выраженной воли 215 батальонов национальной гвардии... со стороны национальной гвардии не было ни эксцессов, ни репрессий... И тем не менее, дело не обошлось без провокаций... правительство не переставало с помощью самых постыдных способов пытаться совершить самое ужасное из преступлений — *вызвать гражданскую войну.* Оно клеветало на Париж и возбуждало против него провинцию. Оно повело против нас наших братьев-солдат... Оно хотело навязать нам главнокомандующего. Путем ночных вылазок оно пыталось лишить нас наших пушек, после того как мы помешали ему выдать их пруссакам». Оно хотело отнять у Парижа звание столицы... «Никогда мы не подписывали постановления о смертной казни; никогда национальная гвардия не принимала участия в каком-либо преступлении».

Декретом 19 марта Комитет *назначает муниципальные выборы на 22 марта.* Далее сообщается: «Мы теперь же объявляем о нашем твердом решении заставить уважать предварительные условия (мира), чтобы одновременно обеспечить благополучие республиканской Франции и общий мир».

Воззвание *делегатов «Journal Officiel» к департаментам,* адресо-

tet sowohl an die grandes villes als campagnes. «Que la province se hâte donc d'imiter l'exemple de la capitale en s'organisant d'une façon républicaine, et qu'elle se mette au plus tôt en rapport avec elle au moyen des délégués».

All *political prisoners mis en liberté.*

Andere Publikationen im nicht offiziellen Teil des Journal Offiziel: «Seuls, deux hommes qui s'étaient rendus impopulaires par des actes que nous qualifions dès aujourd'hui d'iniques, ont été frappés dans un moment d'indignation populaire. Le comité de la Fédération de la garde nationale, pour rendre hommage à la vérité, déclare qu'il est étranger à ces deux exécutions». [p. 1, c. 5]

Vers quatre heures, plusieurs bataillons, conduits par Flourens, se dirigent vers les Tuileries. [p. 1, c. 6]

Drapeau rouge arboré à l'Hôtel de Ville.

Invasion durch Gardes Nationaux des «Gaulois». [p. 2, c. 1]

22 March. Petit Journal. [№ 3002]

L'admiral Saisset est nommé commandant en chef des gardes nationales de la Seine. [p. 1, c. 4]

Le bruit persiste à courir (à Versailles) que 50 000 Parisiens et un nombre incalculable de canons et de mitrailleuses sont en marche sur l'Assemblée. [p. 1, c. 1]

L'Assemblée (20 Mars) vote *l'état de siège* du département de Seine-et-Oise, proposé par E. Picard — une loi qui confère à des soldats même le pouvoir judiciaire. [p. 1, c. 3]

«*Journal Officiel*» (des Comité) sagt u. a. (20 Mars): «Les prolétaires de la capitale, au milieu des défaillances et des trahisons des classes gouvernantes, ont compris que l'heure était arrivée pour eux de sauver la situation en prenant en mains la direction des affaires publiques... [p. 2, c. 2] Les travailleurs, ceux qui produisent tout et ne jouissent de rien, ceux qui souffrent de la misère au milieu des produits accumulés, fruit de leur labeur et de leurs sueurs, devront-ils donc sans cesse être en butte à l'outrage? Ne leur sera-t-il jamais permis de travailler à leur émancipation sans soulever contre eux un concert de malédictions?... Les désastres et les calamités publiques dans lesquels son (de la bourgeoisie) incapacité politique et sa décrépitude morale et intellectuelle ont plongé la France... Si, depuis le 4 septembre dernier la classe gouvernante avait laissé un libre cours aux aspirations et aux besoins du peuple... si elle n'avait pas préféré la ruine de la patrie au triomphe certain de la République en Europe, nous n'en serions pas où nous en sommes et nos désastres eussent été évités. Le prolétariat, en face de la menace permanente de ses droits, de la négation absolue

ванное как большим городам, так и сельским местностям. «Итак, пусть провинция поспешит последовать примеру столицы, организуясь на республиканский манер, и пусть она как можно скорее войдет в сношения с столицей чрез посредство делегатов».

Все *политические заключенные выпущены на свободу.*

Прочие публикации в неофициальной части «*Journal Officiel*»: «Только два человека, вызвавшие против себя раздражение действиями, которые мы теперь же квалифицируем как преступные, навлекли на себя кару в минуту народного гнева. Чтобы восстановить истину, Комитет федерации национальной гвардии заявляет, что он непричастен к этим двум казням».

Около четырех часов несколько батальонов с Флурансом во главе направляются к Тюильри.

Красное знамя водружено на Ратуше.

Вторжение национальных гвардейцев в помещение газеты Gaulois».

22 марта. «Petit Journal»

Адмирал Сессе назначен главнокомандующим национальной гвардии Сены.

(В Версале) продолжает циркулировать слух, что 50 000 парижан и неисчислимое количество пушек и митральез идут походом на Собрание.

Собрание (20 марта) по предложению Пикара голосует объявление департамента Сены и Уазы *на осадном положении* — закон, который даже простым солдатам дает судебную власть.

«*Journal Officiel*» (Комитета), между прочим, говорит (20 марта): «Пролетарии столицы среди банкротства и измены правящих классов поняли, что для них настал час, когда они должны спасти положение, взяв в собственные руки управление общественными делами... Труженики, т. е. те, которые производят все, и не пользуются ничем, те, которые страдают от нищеты среди накопленных продуктов, плодов их тяжелого труда и пота, неужели эти люди должны без конца подвергаться оскорблению? Неужели им никогда не будет позволено трудиться для своего освобождения, не возбуждая против себя целого хора проклятий?.. Общественные катастрофы и бедствия, в которые ее (буржуазии) политическая бездарность и ее нравственный и интеллектуальный маразм ввергли Францию... Если бы после 4 сентября прошлого года правящий класс дал свободный выход стремлениям и нуждам народа... если бы он не предпочел гибель родины верному торжеству республики в Европе, мы не оказались бы в положении, подобном нынешнему, и избегли бы катастроф. Пролетариат, пред лицом постоянной угрозы своим

de toutes ses légitimes aspirations, de la ruine de la patrie et de toutes ses espérances, a compris qu'il était de son devoir impérieux et de son droit absolu de prendre en main ses destinées et d'en assurer le triomphe en s'emparant du pouvoir... Le cours du progrès, un instant interrompu, reprendra sa marche, et le prolétariat accomplira, malgré tout, son émancipation». [p. 2, c. 3]

Prorogation d'un mois des échéances des effets de commerce. [p. 3, c. 1] Jusqu'à nouvel ordre, les propriétaires et les maîtres d'hôtel ne pourront congédier leurs locataires.

Lecomte, sagt das *Journal Officiel*, avait commandé à quatre reprises, sur la place de Pigalle, de charger une foule inoffensive de femmes et d'enfants.

Clément Thomas a été arrêté au moment où il levait, en vêtements civils, un plan des barricades de Montmartre. Le premier fusillé par des soldats, l'autre par des gardes nationaux. [p. 3, c. 2]

21 Mars. Daily News. [№ 7766]

Leader: «mock heroics... sham sentiment... stale antics of the stage». [p. 4, c. 4] «Exhausted braggadocio, with neither faith nor fight in it... Like the insurgents of June,... they resent the sudden cessation of pay and idleness... If the legislators who have neither unanimity enough to restore... monarchy, nor public virtue enough to sustain a Republic, have counted upon the Germans returning to pacify Paris etc». [p. 4, c. 5]

Paris Corresp. 20 Mars. The members of the Committee present insisted that the Generals should not be shot... [p. 5, c. 5] Never had any law such bad effect than the Dufaure law of the 10-th March against the passionate appeals of the Parisian merchants, has produced a perfect panic. The shopkeepers: «We be all dead men». So all the life and soul has been taken out of 1 000-nds of National Guards... Prussians re-entered St. Denis etc. [p. 5, c. 6]

23 Mars. Daily News. [№ 7768]

Bank of France forced to pay a million of fcs., for which a Treasury bill given. Communal elections postponed to 23 Mars.

Leader: The Proletariat reigns at Paris and the peasantry at Versailles... [p. 4, c. 5] this bitter fear of the betrayal of the Republic is at the bottom of the difficulties of the situation... The insurgents demand: election of a Communal Council of Paris by popular vote; reorganisation of National Guard, popular election of its officers; suppression of the Police Prefecture, and control of police by the Communal

правам, пред лицом полнейшего отрицания всех своих законных стремлений, гибели отечества и всех своих надежд, понял, что его повелительный долг и его безусловное право — взять в собственные руки свою судьбу и обеспечить свое торжество захватом власти... Течение прогресса, на мгновение прерванное, возобновит свой поступательный ход, и пролетариат, несмотря ни на что, осуществит свое освобождение».

Продление на месяц сроков платежа по коммерческим векселям. Впредь до нового распоряжения домовладельцы и управляющие гостиницами не могут требовать от съемщиков освобождения помещений.

Леконт, — говорит «*Journal Officiel*», — на площади Пигалль четыре раза приказывал атаковать мирную толпу женщин и детей.

Клеман Тома был арестован в тот момент, когда, одетый в штатское платье, он снимал план баррикад Монмартра. Первый был расстрелян солдатами, второй — национальными гвардейцами.

21 марта. «Daily News»

Передовая. «Фальшивая героика... напускные чувства... шаблонные театральные трюки». Пустая похвальба, без веры и без боевого пыла... Подобно июньским инсургентам... они озлоблены внезапным прекращением платы и безделья... Если законодатели, которым нехватает ни единодушия для восстановления... монархии, ни гражданской доблести для поддержания республики, рассчитывали на возвращение немцев для умиротворения Парижа и т. д.».

Парижский корреспондент. 20 марта. Присутствовавшие члены Комитета настаивали на том, чтобы не расстреливать генералов... Никогда никакой закон не имел столь вредного действия, как закон Дюфора от 10 марта, изданный вопреки страстным обращениям парижских торговцев; он вызвал настоящую панику. Лавочники: «Мы все люди конченные». Так вынули всю жизнь и душу из тысяч национальных гвардейцев... Пруссаки вновь вошли в Сен-Дени и т. д.

23 марта. «Daily News»

Французский банк принужден уплатить миллион франков, взамен которых выданы казначейские обязательства. Коммунальные выборы отложены до 23 марта.

Передовая. Пролетариат господствует в Париже, а крестьянство в Версале... Этот острый страх измены республике лежит в основе трудностей положения... Инсургенты требуют: избрания парижского Коммунального совета народным голосованием, реорганизации национальной гвардии, избрания ее офицеров народом, упразднения полицейской префектуры и подчинения полиции коммунальным

authorities; suppression of the army of Paris... Neither side likes to give the signal for civil war. [p. 4, c. 6]

Versailles 20 Mars. National Assembly. Urgency of municipal law voted; ditto bill (urgency voted) of repealing Dufaure's act.

21 Mars. National Assembly. Urgency to restore all the Bonapartist Council Generals voted, despite Picard, proposed by «rural» *de Gaslonde.* A Proclamation, read by *Lasteyrie*, «to *Citizens* and Soldiers» voted unanimously. Peyrat wanted to add: «Vive la France! *Vive la République!*» (Frantic roars of dissent from the Rurals). *Thiers:* it might be a very legitimate proposal etc. (Dissent der ruraux) *Jules Favre* made a harangue against the doctrine of the Republic being superior to universal suffrage. He flattered the «rural» majority, and said he repented of having kept the arms for the National Guard which the Prussians threatened to take away from them. The Prussians were at this moment diplomatically asking him, whether, if the insurrection prevailed in Paris, they would not have a right to suppress it. Thiers spoke more conciliatory than Favre, and said at last positively that «come what might he would not send an armed force to attack Paris». [p. 5, c. 6]

Paris Corr. 21 Mars. Forts around Paris in the hands of the insurgents. (Committee). *Lyons* is following, declaring itself a free town, against the Rurals... [p. 6, c. 1] The soldiers of the 81-st insisted upon shooting Lecomte and Clément Thomas... [p. 6, c. 2] Both Dufaure and Picard's best clients are amongst the proprietors averse to losing anything by the siege of Paris... [p. 6, c. 3]

Telegrams. Paris 21 Mars. About 4 000 «unarmed» reactionists marched through the streets in the central districts, their numbers increasing at every step, unter cries: «*Vive la France! Vive l'Assemblée Nationale!*» «*A bas le Comité*». Went on till the Bourse was reached, when the commandant of the 11-th battalion, which was on guard there, gave orders for the salute being beaten, as evidence of sympathy with the manifestation. Mairie of the 2-nd Arrondissement, Rue de la Banque, remains in the hands of the regular municipality... Admiral Saisset's nomination to the command in chief of the National Guards... confirmed... He will act in union with the Mayors. [p. 3, c. 1]

21 March. Mayors refuse their concurrence in the voting for the Commune. *22 March.* Committee declares that they will take place without them. «*Avertissement*» against the journals, against the declaration of yesterdays papers, against voting. Warns them.

властям, упразднения парижской армии... Ни той, ни другой стороне не хочется подать сигнал к гражданской войне.

Версаль, *20 марта*. Национальное собрание. Принята спешность муниципального закона; также (принята спешность) отмены закона Дюфора.

21 марта. Национальное собрание. По предложению «представителя помещиков» *де-Гаслонда*, вопреки Пикару принята спешность восстановления всех бонапартовских Генеральных советов. Прочитанное *Ластейри* воззвание «*К гражданам* и солдатам» принято единогласно. Пейра пожелал прибавить: «Да здравствует Франция! *Да здравствует республика!*» (Неистовые крики протеста «помещичьих представителей».) *Тьер:* это могло бы быть весьма законным предложением и т. д. (Протесты помещичьих представителей.) *Жюль Фавр произнес речь против доктрины*, *будто республика выше всеобщего избирательного права*. Он льстил «помещичьему» большинству и сказал, что раскаивается в том, что сохранил для национальной гвардии оружие, которое пруссаки грозили у нее отобрать. В то время пруссаки дипломатично спрашивали его, не будет ли им, в случае победы восстания в Париже, дано право его подавить. Тьер говорил в более примирительном духе, чем Фавр, и, в конце концов, положительно заявил, что «что бы ни случилось, он не пошлет вооруженной силы для нападения на Париж».

Корреспонденция из Парижа. 21 марта. Форты вокруг Парижа в руках инсургентов. (Комитет.) *Лион* следует примеру, провозглашает себя свободным городом и против «помещиков»... Солдаты 81-го полка настаивали на расстреле Леконта и Клемана Тома... Лучшие клиенты как Дюфора, так и Пикара находятся среди собственников, решительно противящихся тому, чтобы понести какие-либо потери вследствие осады Парижа...

Телеграммы. Париж, 21 марта. Около 4 000 «безоружных» реакционеров прошли по улицам центральных кварталов, увеличиваясь в числе на каждом шагу, с криками: «*Да здравствует Франция! Да здравствует Национальное собрание!*» «*Долой Комитет!*» Они шли, пока не достигли здания биржи, когда командир 11-го батальона, державшего там караул, приказал бить салют в знак сочувствия манифестации. Мэрия 2-го округа на улице Банка остается в руках легального муниципалитета... Назначение адмирала Сессе главнокомандующим национальной гвардии... утверждено... Он будет действовать в единении с мэрами».

21 марта. Мэры отказываются участвовать в голосовании за Коммуну. *22 марта*. Комитет заявляет, что выборы состоятся и без них. «*Предостережение*» по адресу газет, высказавшихся вчера против голосования. Предупреждает их.

Official Journal (des Comité): «Assembly only elected for a specific purpose — on the eve of a capitulation, when the territory was in the occupation of the enemy... The deputies of the departments occupied could not have been freely elected». Ausserdem «elected under reactionary influence». «Let them quietly resolve the... task of peace and war, and disappear». [p. 3, c. 2]

Berlin. March 22. The *Provincial Correspondence* says: «We shall certainly not now interfere with the internal dissensions of Paris and France». Return of the French prisoners stopt for the present.

Versailles. March 22. Canrobert has made dignified advances to Thiers, by whom they have been received in a fitting manner. [p. 3, c. 3]

23 Mars. Daily Telegraph. [№ 4921]

Paris 21 Mars. The first manifestation of the solid men of Paris occurred to-day. Auf dem «*Flag of France*»... inscription «les hommes d'ordre». All gentlemen. Moved slowly up the *Boulevard des Italiens*, proceeded towards the *Porte St. Denis*, passed in the *Rue Vivienne*, at three defiled into the *Place de la Bourse*. As many as 2 000 people about that place — solid men! (Improvised government hold its conclaves in the *Place Vendôme.*) The men of order rushed to the «railing» of the Exchange. Brokers and merchants now swelled the body to 3 000, proceeded down the Rue *Notre Dame des Victoires*, at half past 3 their head passed into the *rue Druot*, the sentinels retreated to the Mairie of the 9-th Arrondissement. A short distance from the Boulevard in the Rue Druot is the Mairie of the 9-th Arrondissement and directly opposite the Gendarmerie — both of which places command the approaches to Montmartre. Here also the Party of Order found many new adherents. The Guards and Men of Order fraternized. They put on the *blue* ribbon as *symptom of order.* This fact leaves no doubt that the men of order have an organisation; for even as we proceeded down the *Rue Lafayette* men came out at various intervals and distributed the blue ribbon. At the *Rue de la Paix* the body swelled to 5 000 men. Many wearers of the Legion of Honour and solid merchants. [p. 5, c. 5] Mass surged to the *Place Vendôme.* At 3.40 the sentinels guarding the rue de la Paix, fled into the Place Vendôme. The whole movement seemed a surprise. There were no preparations to meet it. — The National Guards disperse the throng, and reoccupy all their old outposts at 5 p. m. Once in front of the Etat Major of the Garde Nationale, the men of order cover the whole place. «Down with the Central Committee». This the first manifestation of the «men of order» to be repeated to-morrow on *22 Mars.* [p. 5, c. 6]

«Journal Officiel» (Комитета). «Собрание избрано только для специальной цели — накануне капитуляции, когда территория была занята неприятелем... Депутаты занятых департаментов не могли быть свободно избраны». Кроме того, «они избраны под реакционным влиянием». «Пусть они спокойно решат... задачу мира и войны и исчезнут».

Берлин. 22 марта. «Провинциальная корреспонденция» говорит: «Мы, конечно, не станем вмешиваться во внутренние раздоры между Парижем и Францией». Возвращение французских пленных пока приостановлено.

Версаль. 22 марта. Канробер торжественно предложил свои услуги Тьеру, который принял их подобающим образом.

23 марта «Daily Telegraph»

Париж, 21 марта. Сегодня произошла первая демонстрация солидных людей Парижа. На *«Знамени Франции»*... надпись «люди порядка». Сплошь чистая публика. Двигались медленно вверх по Итальянскому бульвару, проследовали к *воротам Сен-Дени*, перешли в улицу Вивьенн, в три часа дефилировали на *Площади Биржи*. На этой площади и вокруг нее по крайней мере 2 000 человек — солидные люди! (Импровизированное правительство устраивает свои тайные совещания на *Вандомской площади)*. Люди порядка устремились к «перилам» биржи. Тут маклера и купцы увеличили толпу до 3 000, она прошла по улице *«Notre Dame des Victoires»*, в половине третьего ее голова вошла в *улицу Дрюо*, караульные посты отошли к мэрии 9-го округа. В небольшом расстоянии от бульвара, на улице Дрюо находится мэрия 9-го округа, а прямо напротив — Жандармерия, причем оба здания командуют над подступами к Монмартру. Здесь к партии порядка тоже присоединилось много народа. Между гвардейцами и людьми порядка произошло братание. Они нацепили *синие* ленты, как *символ порядка*. Это обстоятельство не оставляет сомнения, что люди порядка имеют организацию; ибо даже когда мы спускались по *улице Лафайета*, от времени до времени выходили люди и раздавали синие ленты. На *улице Мира* толпа увеличилась до 5 000 человек. Много кавалеров почетного легиона и солидных купцов. Масса докатилась до *Вандомской площади*. В 3 часа 40 минут часовые, охранявшие улицу Мира, бежали на Вандомскую площадь. Все движение, кажется, было внезапным. Не было сделано никаких приготовлений, чтобы помешать ему. — Национальная гвардия разгоняет толпу и в 5 часов пополудни занимает все свои прежние аванпосты. Очутившись перед штабом национальной гвардии, люди порядка заполняют всю площадь.

In dem Zitat des *Daily Telegraph*-Penny-a-Liner «Manifestation of the solid men of Paris... All who were in the line of march were what *the world calls gentlemen* — that is with silk hats, fine cloth». [p. 5, c. 5]

Ein andrer der Penny-a-liner sagt von den members des Central Committee that they were «spare men having about them that hangdog look, characteristic of the Paris workmen that had to pass through the Paris famine». (so ungefähr)

25 March. Le Rappel. [№ 650]

Versailles. Assemblée Nationale 23 Mars und nachher séance de Nuit selben Tag. Die Versöhnungsmaires (vor den Wahlen vom 26. Mars) venus exprès de Paris mit propositions qu'un des maires-représentants se chargeait de lire de la tribune. Als die maires eintraten, les membres de la gauche se levèrent: «*Vive la République*», worauf die maires antworten mit demselben Ruf. Darauf indignation von den Castellane, Baze, Buffet, M. de Lorgeril s'est couvert et tous les villages présents ont répondu à l'acclamation: *Vive la République!* par le grognement: *A l'ordre, à l'ordre.* On sommait le président de suspendre la séance. Le docile *Grévy* déclarait l'ordre du jour épuisé, et a disparu avec prestesse, au milieu des réclamations et des protestations de la gauche. L'ordre du jour n'était pas épuisé, parce que la proposition des maires pas même lue à la tribune. Représentants de Paris parlèrent de donner leur démission à l'ouverture de la séance de nuit. Dans l'intervalle des pourparlers et des négociations. Thiers intervint. Grévy entschuldigt sich à la reprise de la séance etc. Une demi-heure après, elle écoutait avec componction la lecture de la proposition des maires, votait l'urgence, et la renvoyait tout de suite pour le fond à l'examen des bureaux. [p. 1, c. 1]

Wie das «Vive la République» gerufen wird, *M. de Castellane:* «Nous ne pouvons supporter cela». Un grand nombre de députés siègeant à droite quittent leurs bancs, arrivent au pied de la tribune et interpellent vivement le président.

Die Vorschläge der maires von Paris: 1) que l'Assemblée nationale se mît en communication permanente avec les maires de la capitale; 2) qu'elle voulût bien autoriser les maires à prendre, au besoin, les mesures que le danger public réclamerait impérieusement; 3) que l'élection du général en chef de la garde nationale fût fixée au 28 de ce mois; 4) que l'élection du conseil municipal de Paris eût lieu même avant le 3 avril; 5) en ce qui concerne la loi relative à l'élection

«Долой Центральный комитет». Это — первая демонстрация «людей порядка», которая должна быть повторена завтра, *22 марта*».

В цитате грошевого писаки из «*Daily Telegraph*»: «Демонстрация солидных людей Парижа... Все, участвовавшие в шествии, представляли собою то, что *весь мир называет джентльменами*, т. е. людей в цилиндрах, одетых в тонкое сукно».

Другой грошевый писака говорит о членах Центрального комитета, что они представляют из себя «тощих людей, имеющих пришибленный вид, столь характерный для парижских рабочих, которым пришлось пережить парижскую голодовку» (приблизительно так).

25 марта. «*Le Rappel*»

Версаль. Национальное собрание 23 марта и затем ночное заседание в тот же день. Мэры-примирители (перед выборами 26 марта), специально прибывшие из Парижа с предложениями, которые один из них, член собрания, взялся прочитать с трибуны. Когда мэры вошли, члены левой поднялись: «*Да здравствует республика*», на что мэры ответили таким же возгласом. Это вызывает возмущение Кастеллана, База, Бюффе; г. де-Лоржери надел шляпу, и вся присутствующая деревенщина ответила на возгласы «*Да здравствует республика!*» недовольным ворчанием: «*К порядку, к порядку*». От председателя потребовали закрытия заседания. Послушный *Греви* объявил повестку дня исчерпанной и проворно исчез среди возражений и протестов левой. Повестка дня исчерпана не была, так как предложение мэров даже не было прочитано с трибуны. Представители Парижа говорили о том, чтобы подать в отставку при открытии ночного заседания. В перерыве — обсуждения и переговоры. Вмешивается Тьер. При возобновлении заседания Греви приносит извинения и т. д. Спустя полчаса собрание сосредоточенно заслушало предложение мэров, голосовало спешность его и тут же передало рассмотрение его по существу в бюро.

Как только раздается возглас «Да здравствует республика!» — *де-Кастеллан:* «Мы не можем этого терпеть». Большое число депутатов, сидящих на правых скамьях, покидают свои места, подходят к трибуне и обращаются с оживленными запросами к председателю.

Предложения мэров Парижа: 1) чтобы Национальное собрание вошло в постоянный контакт с мэрами столицы; 2) чтобы оно согласилось уполномочить мэров, в случае необходимости, принимать меры, которых настоятельно потребовала бы угроза общественной безопасности; 3) чтобы выборы главнокомандующего национальной гвардии были назначены на 28-е число этого месяца; 4) чтобы выборы муниципального совета Парижа состоялись даже раньше 3 апреля;

municipale, que la condition d'éligibilité fut réduite à six mois de domicile, et que les maires et adjoints procédassent de l'élection. [p. 2, c. 4]

In derselben *Nachtséance:* Interpellation du compère de Jules Favre, eines M. Turquet, ce que voulait dire la *dépêche du commandant prussien au Comité Central.* [p. 1, c. 1]. Favre, après quelques platitudes à la Prusse, «*qui veut bien ne pas douter de sa sincérité*», a menacé encore Paris du fer et du feu de M. de Moltke. «C'est la coupable émeute de Paris... *à jamais maudite,* qui consomme la malheur du pays». Saint Jules Favre, priez Bismarck pour nous!

Versailles 24 Mars. Les échéances prorogées d'un mois. [p. 1, c. 2]

Comité central verordnet die Wahlen für Sonntag, 26 März.

Die ruraux le parti «qui a toujours eu pour moyen la guerre civile, qui a dans son passé les deux chouanneries, qui a levé l'armée de Condé et les paysans de Charette, qui est rentré en France par la grâce de Dieu et du roi de Prusse». [p. 1, c. 3]

A la gare de Versailles, il y a un commissaire de police spécial qui demande aux arrivants s'ils ont des journaux. S'ils en ont qui déplaisent à la majorité de l'Assemblée, ces journaux sont saisis. A Paris, à côté de ses proclamations, le comité laisse s'établir celles du gouvernement de Versailles. [p. 1, c. 4]

23 Mars. Saisset als Commandant en chef provisoire zeigt den Parisern an, dass die députés de la Seine und die maires élus ont obtenu du *gouvernement de l'Assemblée Nationale:* «1) la reconnaissance complète des franchises municipales; 2) l'élection de tous les officiers de la garde nationale, y compris le Général en chef; 3) des modifications à la loi sur les échéances; 4) un projet de loi sur les loyers, favorable aux locataires, jusqu'à et y compris les loyers de 1 200 fcs.».

22 Mars. In dem Aufruf des Comités für die Wahlen u. a: «Pour la première fois depuis le 4 septembre la République est affranchie *du gouvernement de ses ennemis...* [p. 1, c. 6] à la cité une milice nationale qui *défend les citoyens contre le pouvoir, au lieu d'une armée permanente qui defend le pouvoir contre les citoyens*».

Favre. Dès son arrivée au pouvoir, M. Jules Favre s'est empressé de faire mettre en liberté *Pic et Taillefer,* condamnés pour vol et faux en écriture dans l'affaire de *l'Etendard.* Taillefer, rattrapé, réincarcéré par ordre du comité.

Affaire de Vendôme. 22 Mars. Journal Officiel: A $1^1/_2$ heures, la manifestation, qui se massait depuis midi sur la place de la *Nouvelle*

5) что касается закона о муниципальных выборах — чтобы условия избираемости были сведены к шести месяцам проживания в одном месте и чтобы мэры и их заместители были выборными.

В этом же *ночном заседании:* запрос некоего Тюрке, приспешника Жюля Фавра, о том, что означала *депеша прусского командующего Центральному комитету.* Фавр, после нескольких пошлостей по адресу Пруссии, «*которая пусть благоволит не сомневаться в его искренности*», еще раз пригрозил Парижу огнем и мечом Мольтке. «Это — преступный мятеж Парижа... *навеки проклятый*, довершает бедствия страны». Святой Жюль Фавр, молись Бисмарку о нас!

Версаль. 24 марта. Сроки платежа продлены на месяц.

Центральный комитет назначает выборы на воскресенье, 26 марта.

Помещики — партия, «которая всегда в качестве средства прибегала к гражданской войне, которая в своем прошлом насчитывает два восстания шуанов, которая навербовала армию Конде и крестьян Шаретта, которая вернулась во Францию милостью божией и короля Пруссии».

На версальском вокзале имеется особый полицейский комиссар, который опрашивает прибывающих, имеются ли у них газеты. Если у них оказываются газеты, неугодные большинству собрания, таковые конфискуются. В Париже Комитет рядом с собственными воззваниями допускает расклейку воззваний версальского правительства.

23 марта. Сессе в качестве временного главнокомандующего сообщает пруссакам, что депутаты от департамента Сены и избранные мэры добились от *правительства Национального собрания:* «1) полного признания муниципальных свобод; 2) выбора всех офицеров национальной гвардии, включая главнокомандующего; 3) изменения закона о сроках платежа; 4) проекта закона о квартирной плате, благоприятного для съемщиков, платящих до 1 200 франков включительно».

22 марта. В воззвании избирательных комитетов между прочим говорится: «Впервые после 4 сентября республика освобождена *от правительства своих врагов...* в городе — национальная милиция, защищающая *граждан от власти, вместо постоянной армии, которая защищает власть от граждан*».

Фавр. С момента своего прихода к власти Жюль Фавр поспешил освободить *Пика и Тайефера*, осужденных за воровство и подделку бумаг в деле *l'Etendard.* Тайефер снова взят и посажен по приказанию Комитета.

Вандомская стычка. 22 марта. «Journal Officiel». В 1 час 30 минут демонстрация, собиравшаяся с полудня на площади *Новой*

Opéra, s'est engagée dans la rue de la Paix. [p. 2, c. 1] Dans les premiers rangs, un groupe très exalté, parmi lesquels de *Heeckeren*, *de Coëtlogon et H. de Pène*, anciens familiers de l'empire. Arrivée à la hauteur de la rue *Neuve-St.-Augustin* la manifestation a entouré, maltraité et desarmé deux gardes nationaux détachés des sentinelles avancées. Ils se sont réfugiés sur la place de Vendôme. Aussitôt les gardes nationaux, saisissant leurs armes, se sont portés immédiatement en ordre de bataille, jusqu'à la hauteur de la rue Neuve-des-Petits Champs. Recommandation était faite de ne pas tirer. Le premier rang de la foule, 800 — 1 000, se trouve bientôt face à face avec les gardes nationaux mit: «*A bas les assassins! à bas le Comité!*». Grossières insultes contre les gardes nationaux. On les appelle: «*Assassins, lâches, brigands*». *Ces furieux saisissent les fusils des gardes nationaux. On arrache le sabre d'un officier.* Les cris redoublent. Véritable émeute. *Un coup de revolver* vient atteindre à la cuisse [le] *citoyen Maljournal, lieutenant d'état-major de la place, membre du comité central.* Le général Bergeret, commandant [de] la place, accouru au premier rang dès le debut, fait sommer les émeutiers de se retirer. Pendant près de cinq minutes roulement du tambour. Dix sommations sont faites. On y répond par des cris et des injures. Deux gardes nationaux tombent grièvement blessés. Cependant leurs camarades hésitent, et tirent en l'air. *Les émeutiers s'efforcent de rompre les lignes et de les désarmer.* Des coups de feu retentissent et l'émeute est subitement dispersée. Le général Bergeret fait immédiatement cesser le feu. Des maisons des coups de fusil ont été tirés sur les gardes nationaux. Deux entre eux sont tués, Wahlin et François, huit ont été blessés. *Vicomte de Molinet*, au premier rang de l'émeute, tué par derrière (durch seine Eignen). Auf seinem corps on trouve un *poignard* fixé à la ceinture par une chaînette. Un grand nombre de revolvers et de cannes à épée ont été ramassés dans la rue de la Paix et portés à l'état-major de la Place. [p. 2, c. 2]

25 March. Daily News. [№ 7770]

Leader: «At no time in her history has France sunk so low as at this moment, when we find the elected and representative Government of the country courting the assistance of her bitterest enemy to subdue rebellion, while the rebels themselves are anxious to be on friendly terms with that enemy, so as to secure their own ends». «*Savage rabble*», [p. 4, c. 5] «*outlaws of society*», «*fired upon defenceless citizens*», «*cowardly ruffians* who were guilty of Wednesday's massacre», «general de Charette... commissioned to increase his Volunteer legion of the West».

Оперы, вошла в улицу Мира. В первых рядах — очень возбужденная группа, среди которых *де-Геккерен*, *де-Коэтлогон и А. де-Пен*, старые выкормыши империи. Поравнявшись с улицей *Нев-Сент-Огюстен*, демонстранты окружили, поиздевались и обезоружили двух национальных гвардейцев, отделившихся от выдвинутых вперед караульных постов. Последние спаслись на Вандомскую площадь. Немедленно вслед за этим национальные гвардейцы, захватив свое оружие, отправились в боевом порядке к улице Нев-де-Пти-Шан. Была дана директива не стрелять. Первая шеренга толпы, человек 800 — 1 000, вскоре оказывается лицом к лицу с национальными гвардейцами, выкрикивая: «*Долой убийц, долой Комитет!*» Грубые ругательства по адресу национальных гвардейцев. Им кричат: «*Убийцы, трусы, разбойники*». *В исступлении демонстранты хватают ружья национальных гвардейцев. У одного офицера вырывают саблю*. Крики усиливаются. Настоящее восстание. Раздается *револьверный выстрел*, и пуля попадает в бедро *гражданину Мальжурналю*, лейтенанту *штаба площади*, *члену Центрального комитета*. Генерал Бержере, комендант площади, в самом начале подоспевший к первой шеренге, требует, чтобы мятежники удалились. В течение почти пяти минут гремит барабан. Десять раз повторяется требование разойтись. Толпа отвечает на это криками и бранью. Два национальные гвардейца падают тяжело раненные. Однако их товарищи колеблются и стреляют в воздух. *Бунтовщики пытаются прорвать ряды гвардейцев и обезоружить их*. Раздаются выстрелы, и мятежники тотчас же рассеиваются. Генерал Бержере приказывает немедленно прекратить огонь. Из домов в национальных гвардейцев стреляли из ружей. Двое из них, Вален и Франсуа, были убиты, восемь — ранены. *Виконт де-Молине*, в первом ряду толпы, убит сзади (своими же). На убитом находят *кинжал*, прикрепленный к поясу цепочкой. Большое количество револьверов и тростей-шпаг было подобрано на улице Мира и отнесено в штаб площади.

25 марта. «Daily News»

Передовая. «Еще никогда в течение своей истории Франция не падала так низко, как в этот момент, когда мы видим, что избранное и представляющее страну правительство заискивающе просит своего злейшего врага помочь подавлению мятежа, а сами мятежники всячески стараются быть на дружеской ноге с этим врагом, чтобы обеспечить себе достижение своих собственных целей». «*Дикий сброд*», «*отверженцы общества*», «*стреляли в беззащитных граждан*», «*трусливые негодяи*, на которых падает вина за происшед-

«*General von Schlotheims* announcement has given rise to the rumour that... Bismarck has been secretly fomenting these disturbances». «It is no less certain *that the most humane among us* would not be too scrupulous about the repressive measures which might be necessary to secure that end» (to put down the rebellion.) [p. 4, c. 6]

Telegrams, Paris 24 Mars: Resistance to the rebels is spreading. *In the loyal districts several recalcitrant bataillons have been disarmed;* many National Guards allow themselves to be disarmed easily. *The Journal Officiel* (only a letter to it) explains what was meant when it proposed that the greater part of the indemnity should be paid by the authors of the war. The property of the rich proprietors of France *170 milliards,* confiscate 3 or 4% of that property... *Jules Favre,* at Versailles, has declared that, to his astonishment, he is quite ignorant of the correspondence between the commander of the 3-d German Army Corps and the insurgents. [p. 3, c. 1]

Paris. 23 Mars. All the space between the Rue Richelieu, Boulevard et Rue Montmartre etc. etc. occupied by the reactionary National Guards of those districts. The boys of the Ecole Polytechnique placed themselves at the disposal of the reactionary Provisional Staff installed in the Place de la Bourse to act as aides-de-camp. [p. 3, c. 2]

Admiral Saisset commander-in-chief of the National Guard, Langlois et Schoelcher have undertaken the moving and concentration of the «orderly» bataillons. Their staff is provisionally installed in the Place de la Bourse. Lyons has proclaimed the Commune. Ditto Marseilles. [p. 3, c. 3]

Irishman 1. April. [Vol. XIII, № 39]

«*felon sheets, the Figaro and the Gaulois*». «Qu'est le producteur? Rien. Que doit il être? Tout. Quel est le travailleur? Rien. Que doit il être? Tout». [p. 626, c. 1]

25 March. Saisset, after having shifted his flag from the Bourse to the Western railwaystation, issued an order directing the faithful battalions of the National Guards to return home, while he threw down his command and left Paris. [p. 627, c. 2] — *Valentin, ex-Colonel of Gendarmes.*

Paris. 26 March. Abdication of the Central Committee to the new elected maires etc. Elections took place on 26 (Sunday). The majority of the papers go with the *Journal des Débats,* which declares that it will not join in a vote which is appointed without right. More

шую в среду бойню», «генерал де-Шаретт... получил поручение увеличить свой Западный легион добровольцев».

«Объявление *генерала фон-Шлотгейма* дало повод к возникновению слуха, что... Бисмарк втайне возбуждает эти беспорядки». «Не менее достоверно, *что и самые гуманные из нас* не были бы слишком щепетильны в выборе репрессивных мер, которые оказались бы нужны для обеспечения этой цели» (подавления мятежа).

Телеграммы. Париж. 24 марта. Сопротивление мятежникам распространяется. В оставшихся *лойяльными округах несколько упорствующих батальонов были разоружены;* многие национальные гвардейцы легко дают себя разоружить. «*Journal Officiel*» (только письмо в газету) объясняет, что именно он хотел сказать, предлагая, чтобы большая часть контрибуции была уплачена виновниками войны. Имущество богатых собственников Франции стоит *170 миллиардов*, — надо конфисковать 3 или 4% этого имущества... *Жюль Фавр* в Версале заявил, что, к его удивлению, ему решительно ничего не известно насчет переписки между командиром 3-го германского армейского корпуса и инсургентами.

Париж. 23 марта. Все пространство между улицей Ришелье, бульваром и улицей Монмартр и т. д. и т. д. занято реакционной национальной гвардией этих округов. Ученики «Политехнической школы» предоставили себя в распоряжение реакционного временного штаба, поместившегося на площади Биржи, чтобы выполнять роль адъютантов.

Адмирал Сессе, главнокомандующий национальной гвардии, Ланглуа и Шельхер предприняли перемещение и концентрацию батальонов «порядка». Их штаб временно поместился на площади Биржи. Лион провозгласил Коммуну. Также — Марсель.

«Irishman». 1 апреля

«Преступные листки, Figaro и Gaulois». «Что такое производитель? Ничто. Чем он должен быть? Всем. Что такое рабочий? Ничто. Чем он должен быть? Всем».

25 марта. Сессе, перенеся свой флаг с Биржи на вокзал Западной железной дороги, издал приказ, предписывающий верным батальонам национальной гвардии разойтись по домам, а в то же время сам сложил с себя командование и покинул Париж. — *Валантен, бывший жандармский полковник.*

Париж. 26 марта. Отказ Центрального комитета от власти в пользу вновь избранных мэров и т. д. Выборы состоялись 26-го (в воскресенье). Большинство газет вторят «*Journal des Débats*», который заявляет, что он не присоединится к голосованию, назначенному

persons are voting in the loyal part of the town than was expected. Saisset said it would require 300 000 men to put down the insurrection. The Committee have been victorious except in the 1, 2 and 7 arrondissements. [p. 627, c. 3] The discipline observed by the insurgent troops is remarkably good. McMahon has offered his services to Thiers. Gen. Cathelineau has summoned his Vendeans to meet him at Rambouillet. [p. 628, c. 1]

Versailles, 27 March. Thiers: «I give a formal contradiction to those who accuse me of leading the way for a monarchical settlement. *I found the Republic an accomplished fact.* Before God and men I declare I will not betray it etc.»

Lyons, March 27. Defeat of the Commune.

The Versailles government have determined on attacking Paris. [p. 628, c. 2]

The *Mairies* of the 1-st, 2-nd and 16-th arrondissements, held by the «party of order», were surrounded by the Red battalions, amply supported by artillery, and their garrisons given the choice either to evacuate the buildings or agree to allow the voting to take place on the appointed date. The «party of order» chose the latter alternative. Deputies and Mayors of Paris present in the city affixed their names to a document, counter-signed by the delegates of the Central Committee, in which they recognised the validity of the elections in question, exhorting all citizens to vote, and the Central Committee made the same appeal. Out of 500 000 voters very nearly the half did not come to the polls. Elections took place under the regime of the electoral law of 1849, which prescribes $^1/_8$ of the voters on the registry to be a sufficient majority. Hence the elected legal representation of Paris. [p. 628, c. 3] *Most of the Reds bore the traces of poverty and bad feeding.*

Vendôme Affaire. A number of cane-swords and revolvers lay on the streets by which the «unarmed» demonstration had passed. Pistol shots were fired before the insurgents received orders to fire on the crowd. The *Officiel* adds that general Sheridan, who witnessed the whole affair from a window in the Rue de la Paix, can give testimony to the fact that the manifesters were the aggressors.

22 March. Abends (nach der Demonstration) the *rappel* was beaten in the 1-st, 2-nd and 16-th wards, and on the *morning* of the 23-d, the whole space, shut in by the Boulevard, the Rue Richelieu, the Rue Montmartre, and the Rue des Halles, was occupied by the opponents of the Commune. The *mairie* in the Place de la Bourse was made the headquarters of this party. At a short distance from this point, the

незаконно. В лойяльной части города в голосовании участвует больше лиц, чем этого ожидали. Сессе сказал, что для подавления восстания потребовалось бы 300 000 человек. Комитет одержал победу всюду, за исключением 1-го, 2-го и 7-го округов. Дисциплина повстанческих отрядов замечательно хороша. Мак-Магон предложил свои услуги Тьеру. Генерал Кателино приказал своим вандейцам прибыть к нему в Рамбулье.

Версаль. 27 марта. Тьер: «Я официально опровергаю тех, кто обвиняет меня, будто я веду дело к установлению монархии. *Я застал Республику как совершившийся факт.* Перед богом и людьми я заявляю, что не предам ее и т. д.».

Лион. 27 марта. Поражение Коммуны.

Версальское правительство решило напасть на Париж.

Мэрии 1-го, 2-го и 16-го округов, занятые «партией порядка», были окружены красными батальонами, поддержанными сильной артиллерией, и их гарнизонам было предложено на выбор, либо эвакуировать здания, либо согласиться допустить производство выборов в назначенный день. «Партия порядка» предпочла последнее. Депутаты и мэры Парижа, находящиеся в городе, присоединили свои имена к документу, скрепленному делегатами Центрального комитета, в котором они признали законность данных выборов, приглашая всех граждан участвовать в голосовании, а Центральный комитет выпустил подобный же призыв. Из 500 000 избирателей добрая половина не явилась к урнам. Выборы происходили согласно избирательному закону 1849 г., устанавливающему, что $^1/_8$ часть избирателей, состоящих в списках, должна считаться достаточным большинством. В силу этого, избранные являются законными представителями Парижа. *Наружность большинства красных говорила о бедности и плохом питании.*

Вандомская стычка. Большое количество палок со стилетами и револьверов лежит на улицах, по которым прошла *«безоружная» демонстрация.* Револьверные выстрелы раздались раньше, чем инсургенты получили приказание стрелять в толпу. «*Officiel*» прибавляет, что генерал Шеридан, смотревший на все происходившее из окна дома на улице Мира, может засвидетельствовать, что нападающими были демонстранты.

22 марта. Вечером (после демонстрации) ударили *сбор* в 1-м, 2-м и 16-м округах, и *утром* 23-го все пространство, заключенное между бульваром, улицей Ришелье, улицей Монмартр и улицей Рынка, было занято противниками Коммуны. *Мэрия* на площади Биржи была взята под главную квартиру этой партии. В небольшом расстоянии от этого места аванпосты борющихся партий стояли

advanced posts of the rival factions faced each other... The partisans of the Assembly had no cannon ... madness to struggle with their adversaries without artillery. Saisset, nominated General in Chief of the National Guard by the Mayors of Paris, at first attempted to organise the loyalists with the view of ousting the Committee from the Hôtel de Ville, left Paris for Versailles on Saturday, after ordering the entire National Guard off duty. His own party obeyed him, but the «Red» bataillons did not. [p. 629, c. 1]

The election was conducted fairly and regularly. Never in the police-ridden era of the Empire did the polls present a quieter aspect. [p. 628, c. 3] There was consternation at Versailles. An attack on Versailles was expected on Thursday week *(23 March)*, for the leaders of the Communal agitation had announced that they would march on Versailles, if the Assembly took any hostile action. The Assembly did not. On the contrary, it voted as urgent a proposition to hold Communal elections in Paris etc. By the concessions the Assembly admitted its powerlessness. [p. 640, c. 1]

Royalist Intrigues at Versailles. Bonapartist Generals and Duc d'Aumale. Favre bent upon displacing Thiers. Favre even avowed that he had received a letter from Bismarck, announcing that unless order were restored by Sunday last (26 March), Paris would be occupied by the German troops. *Reds* saw plainly through this little artifice. Liberation of *Chanzy* took place almost simultaneously with the retreat of Saisset. The royalist journals were unanimous in *decreeing the death of the general.* They desired to fix that amiable proceeding on the «*Reds*». «Three times he had been ordered to execution, and now he was really going to be shot». The *Reds* do not treat their prisoners [worse] than the *Ministers of England their Irish victims.* Elections delayed through a desire to compromise with the Government on the subject, although knowing these delays were dangerous, and would only give the Royalist reactionists time to act. — The regulations for the voting were such as to assure the most perfect freedom from intimidation... Out of a Communal Council of 90 members 72 Reds chosen... The abstainers cannot be accounted as opponents of the Commune, for the largest proportion of *votes were registered in the Conservative Districts. Proclamation of the Commune on March 28.* Enthusiasm at its installation. [p. 640, c. 2] They want a Republic which secures the fullest extension of popular rights.

Programm of the Commune: The desire to establish a free Commune in every leading French town (capital of each department). The

лицом к лицу... Приверженцы Собрания не имели артиллерии... безумие вступать в борьбу с противниками, не имея артиллерии. Сессе, которого мэры Парижа назначили главнокомандующим национальной гвардии, сначала попытался организовать «лойяльных» с намерением выгнать Комитет из ратуши, а затем покинул Париж и отправился в субботу в Версаль, предварительно приказав всей национальной гвардии оставить службу. Его партия повиновалась ему, «красные» же батальоны не повиновались.

Выборы проводились с соблюдением всех гарантий и порядка. Никогда в эпоху полицейского засилья при империи выборы не представляли такого спокойного зрелища. В Версале царило полное замешательство. Атака на Версаль ожидалась через неделю в четверг *(23 марта)*, ибо вожди коммунального движения объявили, что они намерены итти на Версаль, если Собрание предпримет какие-либо враждебные действия. Собрание таковых не предприняло. Напротив, оно голосовало в порядке спешности предложение произвести коммунальные выборы в Париже и т. д. Уступками Собрание признало свое бессилие.

Роялистские интриги в Версале. Бонапартистские генералы и герцог Омальский. Фавр хочет сместить Тьера. Фавр даже открыто признал, что им было получено письмо от Бисмарка, сообщавшее, что если порядок не будет восстановлен к прошлому воскресенью (26 марта), Париж будет занят германскими войсками. Эту маленькую уловку *красные* легко разглядели. Освобождение Шанзи произошло почти одновременно с уходом Сессе. Роялистские газеты были единодушны, *предопределяя генералу смертный приговор.* Им хотелось навязать *«красным»* эту милую процедуру. «Три раза назначалась его казнь, и на этот раз он действительно должен быть расстрелян». *Красные* обращаются со своими пленными не хуже, чем *английские министры со своими ирландскими жертвами.* Выборы отсрочены ввиду желания притти на этот счет к соглашению с правительством, хотя было известно, что такие отсрочки опасны и лишь могут дать роялистам-реакционерам время для их действий. — Порядок голосования был таков, что он вполне обеспечивал самую полную свободу от запугивания... Из 90 членов коммунального совета избрано 72 красных... Воздержавшихся нельзя считать противниками Коммуны, так как наибольшая *пропорция голосов (?Ред.) была зарегистрирована в консервативных округах. Провозглашение Коммуны 28 марта.* Энтузиазм при принятии ею власти. Они желают такой республики, которая полностью обеспечивает права народа.

Программа Коммуны: Желание учредить свободную Коммуну в каждом ведущем городе Франции (столице каждого департамента).

departmental Commune is to be elected by the people of its department, and to be a perfect legislative chamber. It is to govern the finance and the military organisation of its district and to have full power to levy taxes and to borrow money for these purposes, just as the State legislatures of the United States. *National* affairs are to be managed by a National Assembly chosen from the Nation. [p. 640, c. 3]

27 March. Standard. [№ 14555]

Paris, 26 March. Left Rep. Party at Versailles, 120 members resolved to support the Government so long as it maintained itself on the Rep. platform. Yesterday evening Chanzy arrived. [p. 6, c. 1]

Leader: «*Assi*, the blacksmith». «When will some brave ruler of men arise in France with capacity and courage enough for the task of saving the country by blowing the Republic into space with «a whiff of grapeshot». [p. 4, c. 5]

Paris Corr. 25 March. «*sang-impurs*» (the Rebels). Spricht von «re infecta». [p. 5, c. 2]

Versailles 25 March. Order restored at Lyon, St. Etienne etc. [p. 3, c. 3—4]

25 March. Commune proclaimed at Marseilles. [p. 3, c. 3]

Another leader: «Socialism... has given to French Republicanism whatever real life, whatever true hold on the population it may possess... the masses, the rank and file of the republican party — ... prepared to fight,... kill and... die for the Republic — are socialists almost to a man». Placard of the *Syndicate of Trade Unions of stonemasons*... Socialism in its most vicious aspect. «*Relation between Communism and Carnage*». «The French ouvrier, an *infidel* to the core, recognises no Paradise after death, and is, therefore, passionately [p. 1, c. 1] anxious to snatch a Paradise in this life». [p. 1, c. 2]

27 March. Daily News. [№ 7771]

Leader: There are two nations in France — the peasantry officered by the priests — and the workmen, led by politicians and journalists (!). «Thiers... has chosen his ambassadors... with a view of reviving the traditions of Orleanism... The members of the *International Society*, who are bent not only on a Republic, but on a socialistic Republic, find an occasion for secretly promoting the war of labour, or perhaps we ought rather to say *of idleness*, for such in the end it would prove against Capital». [p. 5, c. 2]

Департаментская Коммуна должна быть избираема населением своего департамента и представлять полномочную законодательную палату. Она должна управлять финансами и военной организацией своего округа и обладать полной властью взимать налоги и заключать займы для этих целей, совершенно так же, как законодательные органы отдельных штатов в Соединенных Штатах. *Общенациональные* дела должны находиться в ведении Национального собрания, избираемого всей нацией.

27 марта. «Standard»

Париж. 26 марта. Левая республиканская партия в Версале, насчитывающая 120 членов, решила поддерживать правительство, пока оно остается на республиканской платформе. Вчера вечером прибыл Шанзи.

Передовая. «Асси, кузнец». «Когда же появится во Франции смелый правитель, обладающий способностями и мужеством, достаточными для того, чтобы спасти страну, сметя республику «залпами картечи».

Корреспонденция из Парижа. 25 марта. «Подлое отродье» (Мятежники). Говорит о «незавершенном деле».

Версаль, 25 марта. Порядок восстановлен в Лионе, Сент-Этьене и т. д.

25 марта. Коммуна провозглашена в Марселе.

Другая передовая: «Социализм... дал французскому республиканизму всю ту действительную жизнь, все подлинное влияние на население, которыми он обладает... массы, рядовые члены республиканской партии — ... готовые сражаться... убивать и... умирать за республику — почти до последнего человека состоят из социалистов». Афиша *Синдиката профессиональных союзов каменщиков...* Социализм в его самом зловредном виде. «*Связь между коммунизмом и резней*». «Французский рабочий, *неверующий* до мозга костей, не признает никакого рая после смерти и потому страстно стремится урвать себе рай в этой жизни».

27 марта. «Daily News»

Передовая. Во Франции существуют две нации — крестьянство, которым руководит духовенство, и рабочие, которых ведут политики и журналисты (!). «Тьер... выбрал своих посланников... имея в виду оживить традиции орлеанизма... Члены *Международного Товарищества,* стремящиеся не только к республике, но и к социалистической республике, находят повод для тайного возбуждения войны труда, или, пожалуй, следует скорее сказать войны *лени* — ибо таковой она окажется в конце концов — против капитала».

Paris Corr. 25 March. The Peace negociations with Admiral Saisset had been concluded on the following terms: that the different mairies which had been invaded, should be restored to their different districts; the Mayors to return to their posts; to prepare for the immediate election of the Commune; after them the central Council and Saisset to withdraw. War alles Humbug. [p. 5, c. 5] Next morning (25) the *Journal Officiel* decided the question, ordered elections for 26-th. On this point the negociations had split. Mayors and deputies of Paris had to give in.

25 March. Versailles. Assemblée Nationale. «The Bonapartist judges who served in the mixed Commissions of 1852 and made themselves degraded instruments of the coup d'état by giving a semblance of legality to the transportation to Cayenne of republicans on the black books of Louis Napoléon Bonaparte — dismissed by Crémieux — reinstalled». [p. 5, c. 6] «*Jules Favre* has made a most atrocious... attempt to provoke civil war, and has caressed in a way which will never be forgotten,... the idea of a Prussian occupation of Paris to restore order». [p. 6, c. 1]

Paris 26 March. Organe Officiel de la Commune excites the passions of the mob by assuring in long articles of the largest type that the Assembly has appointed the Duke of Aumale Lieutenant-General of the Kingdom. [p. 3, c. 1]

28 March. Petit Journal. [№ 3008]

Le comité a mis en liberté non seulement Général *Chanzy* mais aussi Général de *Langourian.* [p. 3, c. 3]

28 March. Daily News. [№ 7772]

26 March. Paris Corr. «A revolution may be right, and yet not legal; on the other hand, it may be legalised, and yet still be wrong. When the *coup d'état* was legalised, did that make it right? And was the Revolution of 4-th September wrong because it was illegal? — ... let them not talk nonsence about the shamefulness of illegality in a country where every party except one, the high and dry Legitimists, who are in a desperate minority, have planted their standards in illegality, and through illegality have risen to power». [p. 5, c. 5] «It is most remarkable that the General (at Lyons) whose proclamation Picard cited to the National Assemblée, was constrained to put at the bottom of his letter «*Vive la République*» before «L'Assemblée Nationale». Three days ago the Assembly deliberately eliminated the words «Vive la République» from their proclamation to the «Citizens and the Army». Ueber die fraternization and handshaking der Bour-

Корреспонденция из Парижа. 25 марта. Мирные переговоры с адмиралом Сессе были закончены на следующих условиях: различные мэрии, которые были захвачены, должны быть возвращены соответствующим округам; мэры должны вернуться на свои посты; должны быть сделаны приготовления для немедленных выборов Коммуны; после них центральный Совет и Сессе должны уйти. Конечно, все это вранье. На следующее утро (25) «*Journal Officiel*» решил вопрос, назначил выборы на 26-е. По этому пункту в переговорах обнаружилась непримиримость сторон. Мэрам и депутатам Парижа пришлось уступить.

25 марта. Версаль. Национальное собрание. «Бонапартистские судьи, которые служили в смешанных комиссиях 1852 г. и сделались бесстыдным орудием государственного переворота тем, что придали ссылкам в Кайенну республиканцев, занесенных в черные списки Луи-Наполеона Бонапарта, мнимую законность, и которые были уволены Кремье, ныне восстановлены». «*Жюль Фавр* сделал гнуснейшую... попытку вызвать гражданскую войну, и — что никогда ему не будет забыто — носился с идеей прусской оккупации Парижа в целях восстановления порядка».

Париж. 26 марта. Официальный орган Коммуны возбуждает страсти черни, уверяя в длинных статьях, напечатанных крупнейшим шрифтом, что Собрание назначило герцога Омальского наместником королевства.

28 марта. «Petit Journal»

Комитет выпустил на свободу не только генерала *Шанзи*, но и генерала *де-Лангурьена*.

28 марта. «Daily News»

26 марта. Корреспонденция из Парижа. «Революция может быть права и все же незаконна; с другой стороны, она может быть узаконена и все же быть неправой. Когда государственный переворот был узаконен, сделался ли он от этого правым? И была ли революция 4 сентября неправа вследствие того, что она была незаконна?... Пусть же не болтают вздора о позоре незаконности в стране, где все партии, за исключением одной — закоснелых и чопорных легитимистов, пребывающих в безнадежном меньшинстве, — водрузили свое знамя на незаконности и через незаконность пришли к власти». «Всего замечательнее то, что генерал (в Лионе), воззвание которого Пикар цитировал Национальному собранию, был принужден поставить в конце своего письма, перед словами «Национальное собрание», слова «*Да здравствует республика*». Три дня тому назад Собрание умышленно выключило слова «Да здравствует республика» из своего воззвания «К граж-

geois am Election day mit den Reds: «Those gentlemen who go about the courts of the mayoralties, shaking hands with the insurgent National Guards, talk of nothing among themselves but «repressive measures», «energy» and «mitraille». A fat bourgeois in my presence, with irate countenance and animated gesture, expressed it as his hope and belief that «the canaille» with which he... volunteered to fraternize, would be in a few days decimated *en masse* and sent to fry in Cayenne». If the Assemblée had the power to organize wholesale fusillades it might do so, with the warm approval of the *wealthy bourgeois* of Paris. Though the Red flag floats on the Hôtel-de-Ville, the people there less blood-minded than the honest and moderate who live under the shadow of the Column Vendôme. *The runaways of yesterday think to-day by flattering the men of the Hôtel-de-Ville to keep them quiet until the Rurals and Bonapartist generals, who are gathering at Versailles, will be in position to fire on them.* [p. 5, c. 6]

28 March. Standard. [№ 14556]

«*Incapable amateurs*» (govern at Paris) [p. 4, c. 5] «bloodthirsty mountebanks». «France has sunk to the meek level of the early Christian martyrs... Damnatur ad bestias». [p. 1, c. 3]

30 March. Daily News. [№ 7774]

The Paris Government wants «money» and proves it by different means. But according to the British penny-a-liner a «cheap» government has no right to live. [p. 6, c. 4]

Telegr. Paris 29 March. Central Committee burnt all the papers of the police office... The shopkeepers are dissatisfied with M. Dufaure's Bill regulating House Rents... [p. 3, c. 1] *M. Rampont* «the Director of the Post Office, has formally refused to cede his place to the new director appointed by the Committee». 28 March. Order has been reestablished at Toulouse, Lyons, Marseilles, St. Etienne. M. de Charette has arrived at Versailles with 8 000 Bretons. [p. 3, c. 2]

28 March. Paris Corr. «The members of the Central Committee are very able men... Their practical knowledge is of a superior kind, their information on political questions considerable... their organisation perfect... It will not do to treat these men in the *Hôtel de Ville* as weaklings, they are strong men... stern and intelligent... who will not endure that the ignorant peasantry who know not what they vote should rule France». [p. 6, c. 4]

Versailles. Assembly 28 March. Floquet: «They are fools», «Ver-

данам и армии»». О братании и рукопожатиях буржуа с красными в день выборов: «Эти господа, которые толкутся во дворах мэрий, обмениваются рукопожатиями с мятежными национальными гвардейцами, только и говорят между собою что о «репрессивных мерах», «энергии» и «картечи». В моем присутствии толстый буржуа с озлобленным лицом и оживленной жестикуляцией выражал свою надежду и веру, что «сволочь», с которою он... добровольно братался, через несколько дней подвергнется *массовому* избиению и будет отправлена жариться в Кайенну». Если бы Собрание имело силы организовать массовые расстрелы, оно могло бы сделать это при горячем одобрении *богатых буржуа* Парижа. Хотя на Ратуше развевается красный флаг, народ там менее кровожаден, чем те честные и умеренные люди, которые живут под сенью Вандомской колонны. *Вчерашние беглецы сегодня, льстя людям из Ратуши, думают удержать их в спокойствии до той поры, когда помещичьи депутаты и бонапартистские генералы, собирающиеся в Версале, окажутся в состоянии открыть по ним огонь.*

28 марта. «Standard»

«*Неспособные дилетанты*» (правят в Париже). «Кровожадные скоморохи». «Франция опустилась до уровня смиренных мучеников раннего христианства... Обречена на съедение зверям».

30 марта. «Daily News»

Парижское правительство нуждается в «деньгах» и доказывает это различными способами. Но согласно британскому грошевому писаке «дешевое» правительство не имеет права на существование.

Телеграммы. Париж, 29 марта. Центральный комитет сжег все бумаги полицейского ведомства... Лавочники недовольны законом Дюфора, регулирующим квартирную плату... *Рампон*, «директор почтового управления, официально отказался сдать свой пост новому директору, назначенному Комитетом». 28 марта. Порядок восстановлен в Тулузе, Лионе, Марселе, Сент-Этьене. Де-Шаретт прибыл в Версаль с 8 000 бретонцев.

28 марта. Парижский корреспондент. «Члены Центрального комитета — люди весьма дельные... Их практические познания много выше обычного уровня, их осведомленность в вопросах политики — значительна... их организация — превосходна... Было бы ошибкой обращаться с этими людьми из *Ратуши*, как с ничтожеством, это люди сильные... суровые и умные... которые не потерпят, чтобы невежественные крестьяне, не знающие, за что они подают голос, управляли Францией».

Версаль. Собрание 28 марта. Флоке: «Они — глупцы», «Версаль

sailles was but 5 leagues from Paris, it was 1 000 leagues distant in ideas».

Fresneau, an old Deputy of 1849: Wanted to know from M. Picard whether any effectual means had been or would be taken to *prevent the International Society* from communicating with Paris. *Picard* evaded the questions, saying an answer would be premature, as deeds and not words were now wanted.

Dufaure laid on the table his bill for payments of rents in Paris. The bill gives the debtor only the option of paying up at once (the houselord must not share in the nuisance of the war), or going to law to establish a plea of poverty. (Rents for the last 6 months.) [p. 6, c. 5]

Many of the journals of order which lately joined the solemn league and covenant not to countenance the illegal municipal elections, now say that they constitute a *fait accompli*, and that the Versailles government must compromise with Paris. Thus *Siècle*, *Temps*, *Avenir National*. [p. 6, c. 6]

Leader. «A prey to selfish and unworthy dread of the only form of Government which offers a neutral ground of reconciliation for all parties, the majority of the Assembly... persisted in the *moral decapitation* of France by removing the seat of government from the natural and historic centre of her territorial, political, intellectual, and social unity. Treating Paris as an enemy, instead of as the express image and consumate expression of the national life, it has forfeited the title of a national representation. Moreover, from the moment, when it had ratified the *terms of peace*, the continuance of its own powers became an *unconstitutional usurpation*». [p. 5, c. 1]

30 Mars. Rappel. [№ 655]

Thiers n'a jamais fait que des fautes, et n'a jamais causé que des catastrophes. [p. 1, c. 1]

La garde nationale, tenue en suspicion et laissée à l'écart par des généraux incapables ou traîtres, avait pourtant prouvé *à Buzenvall* ce qu'elle aurait pu faire; son artillerie était sa propriété à double titre: d'abord elle l'avait payée, puis le traité de paix ne la laissait *à la France que parce qu'elle lui appartenait*. Vinoy a perdu sans tirer un coup de feu la bataille de la place Pigalle. Thiers, vaincu avec le général-sénateur de l'empire, a pris la fuite à Versailles. Versailles est plein de troupes; 100 000 hommes sont rassemblés au camp de Satory, un général en chef, *du Barail*, est choisi; on réunit les *Bre-*

отстоял от Парижа всего на расстоянии пяти лиг, в смысле же идей он находился от него на расстоянии 1 000 лиг».

Френо, старый депутат 1849 г.: Желал бы узнать от Пикара, приняты ли уже, или будут предприняты эффективные меры, чтобы *воспрепятствовать Международному Товариществу* войти в сношения с Парижем. *Пикар* уклонился от ответа на вопрос заявлением, что ответ был бы преждевременным, так как в настоящий момент требуются не слова, а дела.

Дюфор предложил свой законопроект об уплате квартирной платы в Париже. Законопроект дает должнику только выбор, либо уплатить сразу (домовладельцы не должны терпеть убытки за нанесенный войной ущерб), либо обратиться в суд для установления своей бедности. (Квартирная плата за последние 6 месяцев.)

Многие газеты порядка, недавно присоединившиеся к торжественному союзу и соглашению о том, чтобы не оказывать содействия незаконным муниципальным выборам, теперь заявляют, что последние представляют *совершившийся факт* и что версальское правительство должно притти к соглашению с Парижем. Таковы «*Siècle*», «*Temps*», «*Avenir National*».

Передовая: «Жертва эгоистического и недостойного страха перед единственной формой правительства, создающей нейтральную почву для примирения всех партий, большинство Собрания... настаивало на *моральном обезглавлении* Франции посредством удаления резиденции правительства из естественного и исторического центра ее территориального, политического, интеллектуального и социального единства. Видя в Париже врага, а не подлинный образ и высшее выражение национальной жизни, оно потеряло право на звание народного представительства. Сверх того, с момента, когда оно ратифицировало *условия мира*, сохранение им своих полномочий превратилось в *неконституционную узурпацию*».

30 марта. «Rappel»

Тьер всегда делал лишь ошибки и всегда вызывал лишь катастрофы.

Национальная гвардия, которую генералы, бездарные или изменники, держали под подозрением или подальше от дел, тем не менее доказала в *Бюзанвале*, на что она способна; ее артиллерия принадлежала ей в силу двоякого права: во-первых, она *за нее заплатила*, а во-вторых, мирный договор оставил ее *за Францией лишь потому, что она принадлежала национальной гвардии*. Винуа без выстрела проиграл сражение на площади Пигалль. Тьер, побежденный вместе с генералом-сенатором империи, бежал в Версаль. Версаль полон войск; 100 000 человек собрано в лагере Сатори, выбран

tons de *M. Charette* et les municipaux de M. Valentin aux sergents de ville de M. Pietri.

30 Mars. Proclamation de la Commune. Darin: «Aujourd'hui, les criminels, que vous n'avez pas même voulu poursuivre, abusent de votre magnanimité pour organiser aux portes mêmes de la cité un foyer de conspiration monarchique. Ils invoquent la guerre civile, ils mettent en oeuvre toutes les corruptions, ils acceptent toutes les complicités, ils ont osé mendier jusqu'à l'appui de l'étranger». [p. 1, c. 2]

Séance de la Commune du 29 Mars: le Comité central a remis ses pouvoirs, déclare de n'être plus désormais que ce qu'il était avant le mouvement: *le conseil de famille de la garde nationale.* [p. 1, c. 3]

28 Mars. Versailles. Circulaire de Thiers, aux préfets et sous-préfets: «Il faut que les bons ouvriers, si nombreux par rapport aux mauvais, sachent que si le pain s'éloigne encore une fois de leur bouche, ils le doivent aux adeptes de *l'Internationale,* qui sont les tyrans du travail, dont ils se prétendent les libérateurs». [p. 1, c. 5]

M. Jules Ferry, ex-maire de Paris, a défendu, par une circulaire en date du mardi 28 mars, aux employés de l'octroi, de continuer toute perception pour la ville de Paris. [p. 1, c. 6]

La peste bovine sévit avec une telle vigueur, qu'on a dû suspendre toutes les foires de Normandie où se font à cette époque de l'année les ventes de bestiaux. Les boeufs qui alimentent Paris viennent tous maintenant de Portugal. [p. 2, c. 1]

31 Mars. Daily News. [№ 7775]

Telegrammes. Paris. March 30. Rampont quits for Versailles (Commune having seized upon the post-office). The Government refuses to let provisions enter Paris. The Commune refuses to let wine leave Bercy, the great depôt in Paris. No one in Paris shall obey instructions from Versailles. *Central Committee should continue in operations as the Council of the National Guards. Rent for the last 3 quarters up to April wholly remitted.* Whoever has paid any of these 3 quarters shall have the right of setting that sum against future payments. The same law to prevail in the case of furnished apartments. No notice to quit coming from landlords to be valid for 3 months to come. Forbidden to post notices on the walls of Paris emanating from Versailles.

Figaro (which had been allowed to reappear) seized again, not to be allowed to appear any more.

главнокомандующий *дю-Баррай;* к городовым Пьетри присоединяют *бретонцев Шаретта* и солдат муниципальной гвардии Валантена.

30 марта. Воззвание Коммуны. В нем сказано: «Сегодня преступники, которых вы даже не пожелали преследовать, злоупотребляют вашим великодушием, чтобы у самых ворот города организовать очаг монархического заговора. Они призывают к гражданской войне, они пускают в ход все средства развращения, они принимают все предложения соучастия, они обнаглели до того, что даже клянчат о помощи у иностранцев».

Заседание Коммуны 29 марта: Центральный комитет передал свои полномочия, заявляет, что отныне он является лишь тем, чем был до движения: *семейным советом национальной гвардии.*

28 марта. Версаль. Циркуляр Тьера префектам и супрефектам: «Необходимо, чтобы честные рабочие, которых гораздо больше, чем негодных, знали, что если хлеб еще раз уходит от их рта, то этим они обязаны приверженцам *Интернационала*, которые являются тиранами труда, хотя выдают себя за его освободителей».

Жюль Ферри, бывший мэр Парижа, запретил циркуляром от вторника 28 марта акцизным чиновникам городских таможен взимать впредь какие бы то ни было сборы в пользу города Парижа.

Чума рогатого скота свирепствует с такой силой, что пришлось отменить все ярмарки в Нормандии, на которых в эту пору года происходят продажи скота. Быки для продовольствия Парижа в настоящее время все доставляются из Португалии.

31 марта. «Daily News»

Телеграммы. Париж. 30 марта. Рампон уезжает в Версаль (так как Коммуна захватила управление почт). Правительство отказывается пропускать продовольствие в Париж. Коммуна отказывается выпускать вина из Берси, большого винного склада в Париже. Никто в Париже не должен повиноваться предписаниям из Версаля. *Центральный комитет должен продолжать свою деятельность в качестве Совета национальной гвардии. Квартирная плата за последние три квартала, по апрель, сложена полностью.* Кто уплатил за какой-либо из этих кварталов, тот имеет право зачесть эту сумму в счет будущих платежей. Тот же закон должен иметь силу и в отношении меблированных комнат. Никакое уведомление домохозяина об очищении квартиры не должно иметь силы в течение ближайших трех месяцев. Запрещено вывешивать на стенах парижских домов объявления, исходящие от Версаля.

«Figaro» (выход которого был снова разрешен) опять конфискован и запрещен окончательно.

The Commune of Paris still presumes to legislate on *national* questions.

Thiers forbids importation of horses into Paris. [p. 3, c. 3] No more tribunals or courts sitting at the Palais de Justice. No more judges. [p. 3, c. 4]

The disarmament of loyal National Guards in Passy, Ternes et Batignolles is actively continued. Every district which voted against the Commune deprived of its Chassepots. [p. 3, c. 3]

Members of the commune a monthly salary of 300 fcs; sum that had been fixed by M. Ferry as a provisional allowance for the mayors and adjoints of Paris during the siege.

The Executive committee of the Commune appointed for one month, can be revoked at any time. [p. 3, c. 4]

Paris Corr. 29 March. The French towns will one day rise together to insist on their supremacy in the councils of the nation. The Commune is at its wit's end for money. Varlin told the Commune this at its first sitting. [p. 5, c. 4] The Commune, rather hard upon men, in many cases depriving them of their liberty, and subjecting them to the severest discipline, is extremely anxious for the liberty of women, abolished the police department busying itself with their morals.

Dufaure's bill on house-rent: proposes to give to the courts of arbitration power not only to defer payment to the extent of 2 years, but, *in the case of purely commercial tenants,* to remit altogether $^1/_4$ of the rent. Condemned by the most moderate journals. The concessions to the tenants nothing, for by common law the ordinary courts can relieve debtors from obligations the fulfilment of which prevented by force *supérieure.* Great masses *besides tradesmen* lost during siege their incomes from which house-rents paid. [p. 5, c. 5]

21 Mars. Situation. [№ 156]

Les hommes du 4 Septembre retiennent les Prussiens à la Porte de Paris, après les y avoir fait venir. [p. 7, c. 1]

Thiers n'a jamais été ministre sans pousser les soldats au massacre du peuple, [p. 7, c. 2] parricide, incestieux, concussionaire, plagiaire, traître, ambitieux, un impuissant.

Dufaure [p. 7, c. 3] l'austérité de la coquinerie. E. Picard vou lait être le ministre de Louis Bonaparte. [p. 7, c. 4]

Bismarck — à son retour à Berlin — disait à *Frankfort:* «L'Assemblée nationale eut préféré voir la Prusse occuper Paris, désarmer la Garde Nationale, et tenir la canaille en respect; mais comme le gou-

Парижская Коммуна все еще позволяет себе законодательствовать по *национальным* вопросам.

Тьер воспрещает ввоз лошадей в Париж. Во Дворце правосудия более не заседают ни трибуналы, ни суды. Судей больше нет.

Разоружение лойяльной национальной гвардии в Пасси, Терн и Батиньоле энергично продолжается. Каждый округ, голосовавший против Коммуны, лишен своих шаспо.

Члены Коммуны получают месячное жалованье в 300 франков; эта сумма была установлена Ферри в качестве временного жалованья парижским мэрам и их заместителям во время осады.

Исполнительный комитет Коммуны, назначаемый на один месяц, может быть отозван во всякое время.

Корреспонденция из Парижа. 29 марта. Французские города в один прекрасный день восстанут совместно, чтобы настоять на своем главенстве в представительных органах нации. По части финансов Коммуна в отчаянном положении. Варлен сказал ей об этом уже в первом заседании. Коммуна, изрядно суровая в отношении мужчин, лишая их во многих случаях свободы и подчиняя строжайшей дисциплине, чрезвычайно заботится о свободе женщин, она упразднила отдел полиции, занятый надзором за их нравственностью.

Законопроект Дюфора о квартирной плате: предлагает дать третейским судам власть не только отсрочивать платежи на срок до двух лет, но *когда съемщиками являются занимающиеся только торговлей*, снижать арендную плату на целую четверть. Осуждается самыми умеренными газетами. Льготы квартиронанимателям, в сущности, не дают ничего, ибо в силу обычного права обыкновенные суды могут освобождать должников от обязательств, выполнению которых мешает *непреодолимая сила. Кроме торговцев* масса народа во время осады лишилась своих доходов, из которых уплачивалась квартирная плата.

21 марта. «Situation»

Люди четвертого сентября, которые в свое время привели пруссаков к воротам Парижа, удерживают их здесь.

Тьер никогда не бывал министром без того, чтобы не толкать солдат на избиение народа... отцеубийца, кровосмеситель, взяточник, плагиатор, изменник, честолюбец, импотент.

Дюфор, непреклонный в подлости. *Э. Пикар* хотел быть министром Луи Бонапарта.

Бисмарк — на обратном пути в Берлин — сказал во *Франкфурте:* «Национальное собрание предпочло бы стать свидетелем занятия Парижа пруссаками, обезоружения национальной гвардии и усмирения

vernement prussien avait résolu de ne pas sacrifier un seul homme de plus, après avoir atteint le but essentiel de la campagne, il n'avait pu rendre ce service à l'Assemblée nationale». Ainsi Thiers et Jules Favre (s'autorisant de l'opinion de la majorité de l'Assemblée) ont sollicité l'occupation de Paris et le massacre des Parisiens. [p. 8, c. 1] On ne saurait blâmer les Parisiens de ne pas vouloir subir le gouvernement élu par des hommes, qui ont sollicité leur massacre du Chancellier de l'Empire allemand. [p. 8, c. 2]

28 Mars. Situation. [№ 162]

Brief von *Schlotheim* vom 11 Mars. Answer des Comité central vom *22 Mars* «informe, que la révolution accomplie à Paris... ayant un caractère essentiellement municipal, n'est en aucune façon agressive contre les armées allemandes. Nous n'avons pas qualité pour discuter les préliminaires de paix votés par l'Assemblée de Bordeaux». [p. 2, c. 3] Die affaire von 22 Mars provoquée par ce faussaire, ce jésuite infâme *Jules Favre,* qui est monté (21 oder 22) à la tribune de l'Assemblée de Versailles «pour insulter ce peuple qui l'a tiré du néant et soulever contre Paris les départements». [p. 2, c. 4]

Journée du 24 Mars. Versuch der résistance des hommes d'ordre. [p. 4, c. 2] *25 Mars.* Geschichte mit Saisset am Ende. [p. 4, c. 2 — 3]

Versailles, 27 Mars. Duc D'Aumale à Versailles. [p. 4, c. 1]

1 Avril. Daily News. [№ 7776]

Leader: The better class of people are leaving Paris... 150 000 fled since the elections. *Exodus...* Step by step the Commune of Paris is declaring itself the Government of France. It has already assured political functions *so far as the city is concerned.* Jammer des *Siècle!* [p. 5, c. 3]

Telegr. Paris 31 March. The Commune has forced loan from 5 insurance Companies, *conscription abolished* (29 March). The Commune has declared the incompatibility of a seat in its ranks with a seat in the Assembly. *Declares Foreigners can have seat in it, declared the election of Frankel valid.* The mitrailleuses sent to support Saisset, in the hands of the Commune. [p. 3, c. 1] *Constitutionnel* seized *(March 31).* [p. 3, c. 2]

Paris Corr. 30 March. Moniteur (Versailles) says that Paris cannot be *a free city,* because it is the capital. Paris objects to be the capital of government whose form dictated by the ruraux. Decree on house-rent *29 March.* [p. 5, c. 5] Sale of pawned articles at Mont de Piété suspended. *(29, March).* [p. 5, c. 6] To the objection that our new governors, numbering 29, are unknown, their organs reply: «So were the 12 Apostles». [p. 6, c. 1]

сволочи; но так как прусское правительство решило не жертвовать более ни единым солдатом, после того как главная цель кампании достигнута, то оно не могло оказать этой услуги Национальному собранию». Таким образом, Тьер и Жюль Фавр (опираясь на мнение большинства Собрания) добивались оккупации Парижа и резни парижского населения. Никто не может осуждать парижан за то, что они не захотели мириться с существованием правительства, избранного людьми, которые добивались от канцлера Германской империи их избиения.

28 марта. «Situation»

Письмо фон-*Шлотгейма* от 11 марта. Ответ Центрального комитета от *22 марта* «сообщает, что совершившаяся в Париже революция... нося по существу муниципальный характер, отнюдь не направлена против германских армий. Мы не имеем полномочия обсуждать предварительные условия мира, принятые Бордоским собранием». Дело 22 марта вызвано этим фальсификатором, этим подлым иезуитом, *Жюлем Фавром*, который (21-го или 23-го) поднялся на трибуну Версальского собрания, «чтобы надругаться над этим народом, извлекшим его из ничтожества, и поднять департаменты против Парижа».

Днем 24 марта. Попытка сопротивления со стороны людей порядка. *25 марта.* История с Сессе кончена.

Версаль. 27 марта. Герцог Омальский в Версале.

1 апреля. «Daily News»

Передовая. Зажиточный класс покидает Париж... 150 000 человек со времени выборов бежало. *Исход*... Шаг за шагом Парижская коммуна объявляет себя правительством Франции. Она уже обеспечила за собой политические функции, *поскольку дело идет о городе*. Отчаянные вопли *«Siècle!»*.

Телеграмма. Париж. 31 марта. Коммуна заключила принудительный заем у пяти страховых обществ, *обязательная воинская повинность отменена (29 марта)*. Коммуна объявила, что членство в ее рядах несовместимо с членством в Собрании. *Объявляет, что иностранцы могут быть ее членами, объявила избрание Франкеля действительным.* Митральезы, посланные на поддержку Сессе, в руках Коммуны. *«Constitutionnel»* конфискован *(31 марта)*.

Корреспонденция из Парижа. 30 марта. «Moniteur» (Версаль) говорит, что Париж не может быть *вольным городом*, ибо он является *столицей*. Париж отказывается быть столицей правительства, форма которого продиктована «помещиками». Декрет о квартирной плате от *29 марта*. Продажа заложенных в ломбарде вещей приостановлена. *(29 марта)*. На возражение, что наши новые правители, в числе 29, никому не известны, их органы печати отвечают: «Неизвестны были и 12 апостолов».

3 April. Petit Journal. [№ 3014]

Jeux de hasard suppressed. [p. 1, c. 3]

3 April. Evening Standard. [№ 14561]

Telegr. Paris. April 2. Gefecht zwischen Courbevoie und Neuilly, close to Paris. National Guards beaten, bridge of Neuilly occupied by the «Thiers» soldiers. [p. 5, c. 1] (Gen. *Bruat.*) [p. 4, c. 4] Several thousands of National guards having come out of Paris and occupied Courbevoie, Puteaux, and the bridge of Neuilly, routed. Many prisoners taken. [p. 5, c. 1] Many of the insurgents immediately shot as «rebels». Versailles troops began the firing. [p. 4, c. 4]

31 March. Corresp. 31-st Regiment surrendered at the Parisian outposts. [p. 2, c.1] *1 April.* Rochefort says: «We have to elect municipal Councils through all France, and then proceed to general elections». [p. 2, c. 3] *Journal Officiel* (1 April) *der Commune:* «the revolution of the 18-th of March had not for its only object the securing to Paris of communal representation elected, but subject to the *despotic tutelage of a national power strongly centralised.* It is to conquer and secure independence for all the communes of France and also all groups of superior cantons, departments, and provinces, united among themselves for their common interest by a really national pact; it is to guarantee and perpetuate the Republic... Paris has renounced her *apparent omnipotence* which is identical with her forfeiture, she has not renounced that moral power, that intellectual influence, which so often has made her victorious in France and Europe in her propaganda». *Comité Central* (das alte) has left the Hôtel de Ville, and taken up its quarters in the *Château d'Eau.*

April 2: the highest salary to Communal authorities 6 000 f. [p. 2, c. 5] Bank has advanced 3 millions to the Central Committee. The army of Versailles has occupied St. Cloud and the line of the Seine. [p. 2, c. 6]

3 April. Daily Telegraph. [№ 4930]

Leader. «these outlaws». «ungrammatical cads». «filibusters of the Hôtel de Ville». [p. 5, c. 4] «Assassins» «Convicts» [p. 4, c. 5] «kick down the rights of property with decrees». [p. 5, c. 4] «The army of the Commune!... Bombastes Furioso never commanded a more unlike lot». [p. 5, c. 5]

1 April friends of order are in force, and hold the bridge of Auteuil — where General *Galliffet,* with his Chasseurs d'Afrique, some Zouaves, etc. are camped. [p. 6, c. 1]

3 апреля. «Petit Journal»

Азартные игры запрещены.

3 апреля. «Evening Standard»

Телеграмма. Париж. 2 апреля. Бой между Курбвуа и Нейи под самым Парижем. Национальная гвардия разбита, мост Нейи занят «тьеровскими» солдатами (ген. *Брюа*). Несколько тысяч национальных гвардейцев, вышедших из Парижа и занявших Курбвуа, Пюто и мост Нейи, разбиты. Взято много пленных. Многие из инсургентов расстреляны тут же, как «бунтовщики». Версальские войска открыли огонь первыми.

31 марта. Корреспонденция. 31-й полк сдался на парижских аванпостах. *1 апреля.* Рошфор говорит: «Мы должны избрать муниципальные советы по всей Франции и затем приступить к общим выборам». *«Journal Officiel» Коммуны (1 апреля):* «Революция 18 марта не имела своей единственной целью обеспечение Парижу выборного коммунального представительства, но в то же время подчиненного *деспотической опеке национальной строго централизованной власти.* Она имеет целью завоевание и обеспечение независимости всем коммунам Франции, а также всем группам высших кантонов, департаментов и провинций, объединенных ради своего общего интереса посредством действительно национального договора; она имеет целью гарантировать республику и обеспечить ее длительность... Париж отказался от своего *кажущегося всемогущества*, которое тождественно с злоупотреблением, он не отказался от той моральной власти, того умственного влияния, которые так часто давали ему победу в его пропаганде во Франции и в Европе». *Центральный комитет* (старый) покинул Ратушу и водворился в *Шато д'О.*

2 апреля. Высший оклад жалованья коммунальным должностным лицам — 6 000 фр. Банк авансировал Центральному комитету 3 миллиона. Версальская армия заняла Сен-Клу и линию Сены.

3 апреля. «Daily Telegraph»

Передовая. «Эти отщепенцы», «полуграмотные хамы», «флибустьеры Ратуши». «Убийцы», «каторжники» «декретами расправляются с правом собственности». «Армия Коммуны!.. Никогда Бомбастес Фюриозо не командовал более неподобной компанией!»

1 апреля. Друзья порядка имеют перевес и удерживают мост Отейль, где расположился генерал *Галлифе* со своими африканскими егерями, некоторым количеством зуавов и т. д.

4 April. Daily Telegraph. [№ 4931]

Paris. 3 April (Telegr.) 25 soldiers of the 80-th Regiment of the Line, shot as «rebels» by the men of the 75-th. Bergeret, Flourens present. They believed that the Commandant of the Mont Valérien had promised not to fire. The firing from the Mont Valérien did it. [p. 3, c. 3] The Executive Committee accuses Thiers, Favre, Picard, Dufaure and Pothuau of commencing a civil war in France, and has sequestered their property until they deliver themselves up to justice. [p. 3, c. 4]

Paris, April 3. Decree separates the Church from the State, suppresses the religious budget, and declares all clerical estates national properties.

Commune in a proclamation: The Government of Versailles has attacked us. Not being able to count upon the army, it has sent *Pontifical Zouaves of Charette, Bretons of Trochu* and *gendarmes of Valentin,* in order to bombard Neuilly. *Mac Mahon* appointed general in chief at Versailles. [p. 3, c. 5]

4 April. Times. [№ 27028]

Leader. Encounter before Paris on Sunday 2 April. Great battle of 3 April.

On 2 April the Versailles government had sent forward a division chiefly consisting of *Gendarmes, Marines, Forest Guards, and Police* Versailles troops in this first engagement 4 to 1, sent them in wild flight over the bridge of Neuilly; [p. 8, c. 4] the insurgents, though engaging against overwhelming odds with unequal weapons, had to fall back in complete disorder. *Stood their ground at their barricade before the bridge* for a long time keeping up a very hot fusillade. Some of the insurgent prisoners shot in cold-blood.

Throughout the night and at break of day, the insurgents assembled to the number of 100 000, and marching in 3 columns from *Clichy and Neuilly, Point du Jour* and *Châtillon,* they advanced upon Versailles. Their right suffered severely on nearing Mont Valérien, at once broken and dispersed; but on the southeast, the centre and left of the insurgents... gained ground upon the enemy in the direction of Meudon, where *Bergeret* was at 10 o'clock, asking for reinforcements. 30 000 with artillery, sent to his support under Gustave Flourens, thwarted by the governmental troops, fell disorderly back upon Paris.

«*mere Paris rabble*» [p. 8, c. 5] «*the conspiracy against civilisation*» «*the social outcasts of Belleville*». «*Paris, that is, the rich, the capitalists the idle*» [p. 8, c. 6]

4 апреля. «*Daily Telegraph*»

Париж. 3 апреля (телеграмма). 25 солдат 80-го линейного полка расстреляны как «бунтовщики» солдатами 75-го полка. Бержере, Флуранс присутствуют. Они поверили в то, что комендант форта Мон-Валерьен обещал не стрелять. Это сделала стрельба с форта Мон-Валерьен. Исполнительный комитет обвиняет Тьера, Фавра, Пикара, Дюфора и Потуо в том, что они начали гражданскую войну во Франции, и секвестровал их собственность впредь до того, как они отдадут себя в руки правосудия.

Париж. 3 апреля. Декрет производит отделение церкви от государства, упраздняет бюджет духовного ведомства и объявляет все имения духовенства национальной собственностью.

Коммуна в своем воззвании: Версальское правительство напало на нас. Не рассчитывая на армию, оно отправило *папских зуавов Шаретта, бретонцев Трошю и жандармов Валантена* с целью бомбардировать Нейи. *Мак-Магон* назначен в Версале главнокомандующим.

4 апреля. «*Times*»

Передовая. Схватка под Парижем в воскресенье, 2 апреля Большое сражение 3 апреля.

2 апреля версальское правительство выслало вперед дивизию, состоящую главным образом из *жандармов*, *морской пехоты*, *лесной стражи и полиции.* В этой первой схватке версальские отряды, будучи в численном отношении к противнику, как 4 к 1, погнали его в беспорядочном бегстве через мост Нейи; инсургенты, ввязавшись в бой против подавляющего перевеса сил, будучи хуже вооружены, были принуждены отступить в полном беспорядке. *Долго держались у своей баррикады перед мостом*, поддерживая горячую перестрелку. Несколько взятых в плен инсургентов хладнокровно расстреляны.

В течение ночи и на рассвете инсургенты собрались в числе 100 000 и, двигаясь 3 колоннами от *Клиши и Нейи*, *Пуан-дю-Жур и Шатийона*, стали наступать на Версаль. Их правое крыло потерпело жестокий урон при приближении к Мон-Валерьен, сразу пришло в расстройство и рассеялось; но на юго-востоке центр и левый фланг инсургентов... оттеснили неприятеля в направлении Медона, где *Бержере* был в 10 часов, прося подкреплений. 30 000 с артиллерией, посланные ему на поддержку под командой Гюстава Флуранса, встреченные правительственными войсками, в беспорядке отступили назад к Парижу.

«Чистейший парижский сброд», *«заговор против цивилизации»*, *«белльвильские отбросы общества»*. *«Париж, это — богатые, капиталисты, праздные»*.

4 April. Daily News. [№ 7778]

Corr. Paris. 2 April (Sunday night). The Versailles troops of the line were full of wavering. The chief part of the Versailles fighting done by the Gendarmerie and the artillery. Affaire at Neuilly practically over at half past 12 in the morning. Communal forces have Châtillon. [p. 5, c. 5]

4 April. Situation. [№ 168]

Arthur Picard, frère de Ernest (Bericht aus dem Cabinet du Préfet de Police, 31 July, 1867 als Escroc an der Börse etc. signalisiert) (escroquerie en matière de jeux de Bourse) (ausgeschlossen von der Bourse). (Als Kandidat dans Seine-et-Oise, pour le prochain Conseil Général vorgebracht von Jules Favre, Odilon Barrot, E. Picard etc.) Picard a volé 300 000 fcs. (als directeur de la succursale de la Société générale, rue Palestro, No. 5, où il avait été placé à la demande de son frère). «Picard a été arrêté aussitôt. Il avoua tout, et il vient être écroué au dépôt de la Préfecture». (*Extrait.* Officier de Paix. Boudeville, *11 Décembre 1868*) A. Picard, rédacteur du journal de son frère, «*L'électeur libre*, qui a la spécialité d'appeler chaque pour les républicains: pillards, bandits et partageux». [p. 2, c. 4]

5 April. Situation. [№ 169]

Journal Officiel du 31 Mars (Commune): Rapport de la Commission des élections. «Considérant que le drapeau de la Commune est celui de la *République Universelle* etc... les étrangers peuvent être admis... hence Franckel». Valide aussi les élections die nicht $^1/_8$ der Stimmen nach loi von 1849, weil «le *plébiscite impérial* ... du 3 novembre» has artificially (falsely) raised the number of elections, «décès pendant le siège, habitants qui ont abandonné Paris après la capitulation, chiffre considérable pendant le siège des réfugiés étrangers à Paris etc.» Commune adopte ces conclusions. [p. 2, c. 4]

Paris. 4 Avril. Telegr. Vers 4 heures du matin, *Flourens et Duval* ont opéré leur jonction au Rondpoint de Courbevoie. Les troupes haben dennoch vorwärts marschiert. Les deux colonnes ont pu franchir la ligne et se mettre en marche sur Versailles.

Floquet et Lockroy ont donné leur démission des députés, disant que leur place est au milieu de leurs concitoyens. [p. 4, c. 1]

La gendarmerie s'est surtout fait remarquer par la dureté de sa conduite. [p. 4, c. 4]

4 апреля. «Daily News»

Корреспонденция. Париж. 2 апреля (воскресенье ночью). Версальские линейные войска были полны колебаний. Главная часть версальского сражения проведена жандармерией и артиллерией. Дело у Нейи фактически закончено в половине первого ночи. Отряды Коммуны занимают Шатийон.

4 апреля. «Situation»

Артур Пикар, брат Эрнеста (доклад кабинета префекта полиции 31 июля 1867 г. отмечает как биржевого мошенника) (мошенничество в биржевой игре) (исключен из биржи). (В качестве кандидата был предложен Жюлем Фавром, Одилоном Барро, Э. Пикаром и т. д. в департаменте Сены и Уазы в ближайший Генеральный совет). Пикар украл 300 000 франков (в качестве директора филиального отделения Генеральной компании, ул. Палестро, № 5, куда он был назначен по просьбе своего брата). «Пикар был тотчас же арестован. Он сознался во всем и только что посажен под арест в Префектуре». (*Извлечение.* Полицейский надзиратель. Будвиль, 11 декабря 1868 г.) А. Пикар, редактор газеты своего брата «*L'électeur libre*», «специальность которого состоит в том, что он каждый день называет республиканцев грабителями, бандитами и раздельщиками».

5 апреля. «Situation»

«Journal Officiel» (Коммуны) от 31 марта. Отчет комиссии по выборам. «Принимая во внимание, что знамя Коммуны есть знамя *всемирной республики*» и т. д..... иностранцы могут быть допущены... ...отсюда Франкель». Утверждает также выборы не собравшие $^1/_8$ голосов, как этого требует закон 1849 г., ибо «*императорский плебисцит* от 3 ноября» искусственно (путем подлога) увеличил число голосовавших, «смертность во время осады, жители, покинувшие Париж после капитуляции, значительное число иностранцев-эмигрантов в Париже во время осады и т. д.». Коммуна принимает эти заключения.

Париж. 4 апреля. Телеграмма. К 4 часам утра *Флуранс и Дюваль* произвели соединение у Ронпуан-де-Курбвуа. Однако отряды пошли вперед. Обе колонны смогли перейти линию и двинуться на Версаль.

Флоке и Локруа сложили с себя депутатские полномочия, заявив, что их место — среди своих сограждан.

Жандармерия в особенности отличилась жестокостью обращения.

5 April. Echo. № [724]

Telegrammes. Versailles. April 4. Gustave Flourens killed. Evening: The redoubt of Châtillon taken this morning. 2 000 prisoners, including Gen. Henry, brought to Versailles. *General Duval was shot inside the redoubt.* Large numbers of sailors and soldiers are continually joining the National Guards. [p. 5, c. 1]

5 April. Daily Telegraph. [№ 4932]

Telegrammes. April 4. Versailles. Rebels beaten under Mont Valérien, and on the heights of Meudon. *Every man wearing the uniform of the regular army who was captured in the ranks of the Communists*, was straightway shot without the slightest mercy. The governmental troops were perfectly ferocious against the traitors and rebels.

Paris. April 4. Strangers and inhabitants rushing in hottest haste from the Capital.

At break of this day the Versailles troops attacked the Redoubt of Châtillon, massacred the Communists, who allowed them quietly to approach *as friends.* [p. 3, c. 3]

April 3. Duval and Flourens effected a junction at the Rond Point of Courbevoie. Scarcely arrived, subjected to powerful fire from Mont Valérien. [p. 3, c. 4]

Leader: It really appears that Thiers has broken the neck of the counterrevolution. [p. 4, c. 4] «The successes of Monday were *crowned* by the death... of Mr. Flourens». «Mr. Thiers was enabled to communicate these *encouraging* particulars to the Assembly on Monday». «The body of Flourens is at Versailles and therefore *we may be sure* his restless spirit is quiet at last». «The strategy of the printer Bergeret». «What but contempt can be felt for those children of liberty». «It is not History — it is Hysteria». [p. 4, c. 5]

Legt seine *Correspondence from Paris 3 April* under the heading: «*The Collapse of the Commune*». «*Absinthe and the tall talk*». «The men believed that Mont Valérien was in the hands of the Communists; the staff officers thought that some arrangement had been made with its Commandant not to fire on the National Guard as they passed. Cruelly indeed were they deceived». [p. 5, c. 4]

5 April. Standard. [№ 14563]

Leader: «Flourens... was not *a mere rowdy* like the rest». [p. 4, c. 5] «Revolutionary Ruffianism». [p. 1, c. 3]

Paris. April 4. Telegram. The Army of the Commune still holds out at Vanves, Issy, Clamart, where they have been vigorously attacked all the day. Fighting is still going on. [p. 5, c. 1]

5 апреля. «Echo»

Телеграммы. Версаль. 4 апреля. Гюстав Флуранс убит. Вечер: Шатийонский редут взят сегодня утром. 2 000 пленных, в том числе ген. Анри, приведены в Версаль. *Генерал Дюваль был расстрелян в самом редуте.* Матросы и солдаты в большом числе продолжают переходить на сторону *национальной гвардии.*

5 апреля. «Daily Telegraph»

Телеграммы. 4 апреля. Версаль. Мятежники разбиты у Мон-Валерьен и на высотах Медона. *Каждый солдат, одетый в мундир регулярной армии, будучи захвачен в рядах коммунистов*, тут же без всякой пощады подвергался расстрелу. Правительственные войска действовали крайне свирепо против изменников и мятежников.

Париж, 4 апреля. Иностранцы и жители с стремительной поспешностью бегут из столицы.

Сегодня, на рассвете, версальские войска атаковали Шатийонский редут, произвели резню коммунистов, которые спокойно подпустили их как *друзей.*

3 апреля. Дюваль и Флуранс произвели соединение у Ронпуан-де-Курбвуа. Едва прибыв на место, подверглись сильнейшему обстрелу с Мон-Валерьен.

Передовая. Повидимому Тьер действительно сломал шею контрреволюции. «Достигнутые в понедельник успехи были *увенчаны* смертью Флуранса». «Тьер мог сообщить Собранию эти *ободряющие* подробности в понедельник». «Тело Флуранса находится в Версале, и потому *мы можем быть уверены*, что его неугомонный дух наконец успокоился». «Стратегия печатника Бержере». «Что, кроме презрения, можно испытывать к этим сынам свободы». «Это не история, это — истерия».

Помещает свою *корреспонденцию из Парижа* от *3 апреля* под заглавием: «*Крушение Коммуны*». «*Абсент и застольная беседа*». «Солдаты думали, что Мон-Валерьен находится в руках коммунистов; офицеры штаба думали, что с комендантом так или иначе достигнуто соглашение, чтобы он не стрелял в национальную гвардию при ее прохождении. Жестоко же они были обмануты».

5 апреля. «Standard»

Передовая. «Флуранс был *не простой хулиган*, подобно остальным». «Революционное зверство».

Париж. 4 апреля. Телеграмма. За пределами города армия Коммуны еще держится в Ванв, Исси, Кламаре, где она в течение всего дня подвергалась энергичным атакам. Бой еще продолжается.

During the arrangement, Col. Flourens and his Garibaldian aide de camp, were *surprised at Châtillon*, and the former, having discharged his revolver, had his head cleft open by a sabre blow, and his dead body was brought to Versailles. [p. 6, c. 2] The death is *a clear gain to France.*

Leader: Flourens and Bergeret duped by belief in the *Valeriens...* «Ever since the middle of February Thiers has been the head of a Conservative and Monarchical Assembly. If he crushes the Commune he will have crushed it thanks to a Conservative and Monarchical army». [p. 4, c. 5]

April 2 (Vengeur) «This morning the Chouans of Charette, the Vendeans of Cathelineau, the Bretons of Trochu, aided by the Gendarmes of Valentin, covered the inoffensive village of Neuilly with grape and shells, and engaged in civil war with our national guards». [p. 5, c. 3]

5 April. Daily News. [№ 7779]

Leader. «General *Vinoy*, with two brigades of infantry, and General *Galliffet* — the husband *of that charming Marchioness whose costumes at the masked balls were one of the wonders of the Empire* — at the head of a brigade of cavalry and a battery of artillery, advanced upon Courbevoie». [p. 4, c. 6] *(This the first fight).* «The unconscionable cowardice of the National Guard». [p. 5, c. 1]

6 April. Daily Telegraph. [№ 4933]

Telegr. Paris. April 5. In a proclamation issued to the inhabitants, the Commune complains that the Monarchists wage war like savages; they shoot prisoners; they murder the wounded; they fire on ambulances; troops raise the butt-end of their rifles in the air, and then fire traitorously. Unmarried men from 17 — 35 years are forced to serve. *Archbishop of Paris* arrested, accused of plotting against the state; (arrested for the purpose of having a hostage). The Commune threaten to execute him in case the Government of Versailles should go on with its shooting. Arrests of other important personages will be made with the same object. *Curé de la Madeleine* has been arrested. Fighting going on, at the Porte Maillot two officers arrested in the uniform of the National Guard Artillery, recognised as officers of the Gendarmerie who had attempted to enter the town with a carriage ambulance. The populace demanded their instant death. National Guards refused, took them to headquarters in the Place Vendôme.

Débats, Constitutionnel, Liberté seized. *Soir* is expected to meet the same fate.

В то время, когда соглашение имело еще силу, полковник Флуранс и его гарибальдийский адъютант *подверглись внезапному нападению в Шатийоне*, причем первый, выстрелив из револьвера, получил сабельный удар, раскроивший ему череп, и его мертвое тело было доставлено в Версаль. Его смерть представляет *прямую выгоду для Франции*.

Передовая. Флуранс и Бержере стали жертвой своего доверия к *валерианцам*... «С середины февраля Тьер все время был главой консервативного и монархического Собрания. Если он подавит Коммуну, он подавит ее благодаря консервативной и монархической армии».

2 апреля (*«Vengeur»*). «Сегодня утром шуаны Шаретта, вандейцы Кагелино, бретонцы Трошю, при поддержке жандармов Валантена, засыпали картечью и снарядами мирную деревню Нейи и начали гражданскую войну с нашими национальными гвардейцами».

5 апреля. «Daily News»

Передовая. «Генерал *Винуа* с двумя бригадами пехоты, и генерал *Галлифе* — супруг *той очаровательной маркизы, костюмы которой были одним из чудес на маскарадах империи*, — во главе бригады кавалерии и батареи артиллерии, стали наступать на Курбвуа». *(Это — первое сражение)*. «Непостижимая трусость национальной гвардии».

6 апреля. «Daily Telegraph»

Телеграмма. Париж. 5 апреля. В воззвании, обращенном к населению, Коммуна жалуется, что монархисты ведут войну как дикари; они расстреливают пленных, убивают раненых, стреляют по перевязочным пунктам; солдаты поднимают винтовки прикладами вверх, а затем предательски стреляют. Холостых мужчин от 17 до 35 лет принуждают служить. *Архиепископ парижский* арестован, обвинен в заговоре против государства (арестован с целью иметь заложника). Коммуна грозит казнить его, в случае если версальское правительство будет продолжать свои расстрелы. Аресты других значительных лиц будут произведены с тою же целью. *Священник церкви Мадлены* был арестован. Бои продолжаются; у Порт-Майо арестованы два офицера в форме артиллеристов национальной гвардии, опознаны как жандармские офицеры, которые пытались войти в город с санитарной повозкой. Толпа требовала их немедленной смерти. Национальные гвардейцы отказали, забрали их в главную квартиру на Вандомской площади.

«Débats», *«Constitutionnel»*, *«Liberté»* конфискованы. Ожидают, что *«Soir»* постигнет та же участь.

April 4. Declaration of Millière «let France know that Paris is not in a state of insurrection, but ... of legitimate defence;... the people of Paris was not making any aggressive attempt, or creating any disorder, when the Government ordered it to be attacked by the ex-soldiers of the Empire, organised as Praetorian troops, under the command of ex-Senators». [p. 3, c. 4]

Leader: «Only contempt can be felt for National Guards who etc.». [p. 4, c. 4]

Versailles Correspondent. April 3. (Über die Affaire vom 2 April) Attack undertaken on the advice of Vinoy. *25 men of the Line (captives) Vinoy had executed at once.* The *National Guards* prisoners [p. 5, c. 4] brought to Versailles — *villainous looking set difficult to find in the galleys.* Had it not been for a strong guard of gendarmes, they would have been torn to pieces. Were abused in a most energetical manner, hooted and abused as «murderers». [p. 5, c. 5]

5 April. Daily News. [№ 7779]

Telegr. Versailles 4 April. In Thiers proclamation über seine prisoners: «Never had more degraded countenances of a degraded democracy met the afflicted gaze of honest men». [p. 3, c. 1]

Marseilles April 4. Insurgents beaten.

Paris 4 April. The Zouaves of Charette fight under a white flag, every one of them wears on his breast a Jesus' heart, in white cloth, with the inscription: «stop, Jesus' heart is truth». They shout «Vive le Roi»... *Cluseret* appointed head of the war department. [p. 3, c. 2]

Paris Correspondent. 3 April. The most conservative journals make the reflection that the desperate valour displayed by the Paris National Guard in the sad civil war now going on, shows that *General Trochu did not know how to use them against the Prussians.*

7 April. Daily News. [№ 7781]

Telegr. 6 April. Paris. Decree of the *Journal Officiel (Commune):* «Considering that the Versailles Government openly treads under foot the laws of humanity and those of war, and that it has been guilty of horrors such as even the invaders of the French soil have not dishonoured themselves by... it is decreed. Art. 1. Every person guilty of complicity with the Versailles Government will be immediately arrested and imprisoned; Art. 2. A jury will be summoned within 24 hours to investigate the charges brought forward. Art. 3. The jury will give its decision within 48 hours. Art. 4. All accused persons detained by the

4 апреля. Декларация Мильера: «Пусть Франция знает, что Париж находится не в состоянии мятежа, но... законной обороны... парижский народ не делал никаких агрессивных попыток и не создавал никакого беспорядка, когда правительство приказало напасть на него бывшим солдатам империи, организованным в преторианские отряды под командой бывших сенаторов».

Передовая. «Только презрение можно испытывать к национальной гвардии, которая и т. д.».

Версальский корреспондент. 3 апреля. (О сражении 2 апреля.) Атака предпринята по совету Винуа. *Винуа тут же на месте казнил 25 линейных солдат (пленных).* Пленные *национальные гвардейцы* приведенные в Версаль—*группа людей гнусного вида, каких трудно встретить даже на каторге.* Если бы не сильный конвой жандармов, их растерзали бы в клочья. Их осыпали самой отборной бранью и криками и обзывали «убийцами».

5 апреля. «Daily News»

Телеграмма. Версаль. 4 апреля. В воззвании Тьера о его пленных: «Никогда опечаленный взор честных людей не встречал более бесчестных лиц бесчестной демократии».

Марсель. 4 апреля. Инсургенты разбиты.

Париж. 4 апреля. Зуавы Шаретта сражаются под белым знаменем, каждый из них носит на груди сердце Иисуса, в белой ладонке, с надписью: «Стой! Сердце Иисуса есть истина». Они кричат: «Да здравствует король»... *Клюзере* назначен главой военного ведомства.

Парижский корреспондент. 3 апреля. Самые консервативные газеты высказывают мысль, что отчаянная храбрость, проявляемая парижской национальной гвардией в происходящей ныне печальной гражданской войне, показывает, что *генерал Трошю не сумел использовать ее против пруссаков.*

7 апреля. «Daily News»

Телеграмма. 6 апреля. Париж. Декрет в «*Journal Officiel*» *(Коммуны):* «Ввиду того, что версальское правительство открыто попирает ногами закон человечности и законы войны и что оно виновно в таких ужасах, которыми не обесславили себя даже завоеватели, вторгнувшиеся на французскую почву... постановляется. Статья 1. Всякое лицо, виновное в соучастии с версальским правительством, будет немедленно подвергнуто аресту и заключению в тюрьму. Ст. 2. В течение 24 часов будет создана комиссия присяжных для расследования предъявленных обвинений. Ст. 3. Эта комиссия

verdict of the jury will be the hostages of the people of Paris. Art. 5. All execution of a prisoner of war or of a partisan of the regular Government of the Commune of Paris will be immediately followed by the execution of thrice the number of hostages,... who will be selected by lots. Art. 6. Every prisoner of war will be brought before the jury, which will decide whether he is to be immediately set free or detained as a hostage». («*The Commune of Paris*».)

Arrests go on every day. 500 prisoners now in the Conciergerie, many members of the clergy, and the whole staff of the College of Jesuits. Curé of Saint-Augustin to-day arrested.

The Communal Guards are more sober and cautious since they have got rid of the illusion that the army will fraternize with them. Part of the Versailles army who would not fight against Paris sent to the South.Bank of France has advanced another $^1/_2$ million. 400 000 francs seized which the Jesuits wanted to smuggle out of Paris. [p. 3, c. 1]

Versailles. 4 April. General Duval was taken prisoner, and shot instantly. Vinoy protests against any mercy to insurgent officers or line men.

April 5. Proclamation of Commune «Every day the banditti of Versailles slaughter or shoot our prisoners, and every hour we learn that another murder has been committed... The people, even in its anger, detests bloodshed as it detests civil war, but it is its duty to protect itself against the savage attempts of its enemies, and whatever it may cost it shall be an eye for an eye, a tooth for a tooth».

Paris. April 5. Prices of Provision are beginning to rise. *Times* says: «State of 1793 *without its courage*». [p. 3, c. 2]

Leader: 4 days' fighting. [p. 4, c. 4]

Corr. Paris 5 April. Paris Journal, Pays silenced... [p. 5, c. 4] *It appears that Flourens* had fixed his headquarters in a house not far from Meudon. The gendarmes informed by sure spies, a company went out to take him dead or alive. Entered the house, only one advanced into the room where Flourens and his aide-de-camps were preparing to get out of a window. Flourens turned quickly round, fired on the invader. Ball missed. The gendarme cleft his head almost in two by a sword stroke.

It is impossible to conceive anything more inhumanly ferocious than their treatment (of about 1 000 National guards prisoners marched into Versailles) of the Parisian prisoners. They spat in their faces, they tore off their kepies, they yelled curses, they *screamed*

будет выносить свое решение в течение 48 часов. Ст. 4. Все обвиняемые, задержанные под арестом по решению комиссии, будут заложниками парижского народа. Ст. 5. За каждой казнью военнопленного или сторонника законного правительства Парижской Коммуны немедленно последует казнь втрое большего количества заложников... которые будут выбираться по жребию. Ст. 6. Каждый военнопленный будет представлен в комиссию присяжных, которая решит, должен ли он быть немедленно освобожден или задержан в качестве заложника». (*«Парижская Коммуна».*)

Аресты происходят ежедневно. В настоящее время 500 заключенных в Консьержери, много лиц, принадлежащих к духовенству, и вся верхушка коллегии иезуитов. Священник церкви Св. Августина арестован сегодня.

Гвардейцы Коммуны действуют более трезво и осторожно с тех пор, как они освободились от иллюзий, что армия будет брататься с ними. Часть версальской армии, не пожелавшая сражаться против Парижа, отправлена на юг. Французский банк выдал авансом еще $^1/_2$ миллиона. Конфискованы 400 000 франков, которые иезуиты хотели контрабандой вывезти из Парижа.

Версаль, 4 апреля. Генерал Дюваль был взят в плен и немедленно расстрелян. Винуа протестует против какого-либо снисхождения к мятежным офицерам или к солдатам регулярных частей.

5 апреля. Воззвание Коммуны. «Ежедневно версальские бандиты убивают или расстреливают наших пленных, и ежечасно мы узнаем о совершении нового убийства... Народ, даже в своем гневе, ненавидит кровопролитие, как ненавидит и гражданскую войну, но его долг — защитить себя от диких покушений своих врагов, и, чего бы это ни стоило, отныне будет — око за око и зуб за зуб».

Париж. 5 апреля. Цены на продукты начинают расти. «*Times*» говорит: «Положение как в 1793 г., но *без тогдашнего мужества*».

Передовая. 4 дня идет сражение.

Корреспонденция. Париж. 5 апреля. «*Paris Journal*», «*Pays*» приведены к молчанию... *Повидимому, Флуранс* избрал свою главную квартиру *в доме недалеко от Медона.* Жандармы были уведомлены надежными шпионами, одна рота выступила, чтобы захватить его мертвым или живым. Она вошла в дом, только один пошел вперед в комнату, где Флуранс и его адъютант собирались выскочить из окна. Флуранс быстро повернулся, выстрелил в непрошенного гостя, промахнулся. Жандарм ударом сабли раскроил ему череп почти надвое.

Невозможно представить себе что-либо более бесчеловечно жестокое, чем их обращение (приблизительно с 1 000 пленными национальными гвардейцами, приведенными в Версаль), с пленными парижанами. Они плевали им в лицо, они срывали с них

the coarsest epithets they could think of at them. M. Picard, with his hands in his trousers pockets, walked from group to group cracking jokes. On the balcony of the Prefecture, *Madame Thiers* and a bevy of ladies in excellent health and spirits... The hero of the day was Henry, who marched at the head of the squad of prisoners, so handsome, so manly, so ingenious, so indifferent to the fate in store for him... odious wretches insulted him... The prisoners were marched into the barrack yard in front of the palace, *where they were minutely searched by the police of M. Pietri, who have been gathered to Versailles by Picard.* The Bellevites were so roughly handled that reaction had set in for them. General Vinoy, surrounded by a brilliant staff, came galloping into Versailles. [p. 5, c. 5]

April 7. Times. [№ 27031]

Leader. «Paris — unredeemed Pandemonium». [p. 6, c. 3]

Telegr. Paris. 6 April. Vinoy to be named grand chancellor of the Legion of Honour. [p. 7, c. 3] The troops of the Assembly dislodged the insurgents from their positions at the bridge of Neuilly.

F. Sarcey in the *Gaulois* über die Prisoners: «the greatest part of these wretches have a positively idiotic appearance. They might be called *brute beasts* rather than *ferocious animals*». [p. 7, c. 4]

8 April. Daily News. [№ 7782]

Tel. Disp. Paris, 7 April. Incumbents of all the principal churches arrested; to-day the Curés of St. Sulpice, St. Severin, Notre Dame de Lorette, in consequence of their wanting to save the Church property from the clutches of the Commune. All National Guards who will not serve, no pay, disarmed, will lose their civil rights.

April 6. Galliffet driving over the bridge of Neuilly the few detachments of the National Guards which still lurked in Courbevoie, after varying success. [p. 3, c. 1] Church of St. Laurent to-day pillaged by the National Guards. 1 800 prisoners in Versailles, including 59 officers. Courts-martial have been ordered.

In the Versailles Assembly Dufaure proposed a bill to shorten the formalities of courts martial. Immense majority voted urgency. Even the *Soir* condemns that bill. 500 prisoners sent to Belle-Isle, 500 to Lorient, 500 to Brest. [p. 3, c. 2]

Paris, April 7. Einige successes der Pariser (plateau of Châtillon retaken etc). [p. 3, c. 3]

кепи, они кричали им проклятия, они *осыпали их грубейшей бранью*, какую только могли придумать. Пикар, засунув руки в карманы штанов, прохаживался от одной группы к другой, отпуская шуточки. На балконе префектуры — *г-жа Тьер* с целой компанией дам, цветущих здоровьем и веселых... Героем дня был Анри, который шел во главе отряда пленных, такой красивый, такой мужественный, столь непринужденный, столь равнодушный к ожидавшей его судьбе... гнусные негодяи осыпали его оскорблениями... Пленные были отведены во двор казармы напротив дворца, *где их тщательно обыскала полиция Пьетри, собранная в Версале Пикаром.* С бельвилльцами обращались так грубо, что в отношении к ним наступила реакция. Генерал Винуа, окруженный блестящим штабом, галопом прибыл в Версаль.

7 апреля. «Times»

Передовая. «Париж — это ад кромешный».

Телеграмма. Париж. 6 апреля. Винуа должен быть назначен великим канцлером ордена Почетного легиона... Войска Собрания вытеснили инсургентов из их позиций у моста Нейи.

Ф. Сарсе в «*Gaulois*» о пленных: «Большинство этих жалких существ выглядит положительно идиотами. Их можно назвать скорее *скотами*, *животными*, чем *дикими зверями*».

8 апреля. «Daily News»

Телеграмма. Париж. 7 апреля. Арестованы настоятели всех главных церквей; сегодня арестованы священники церквей Сен-Сюльпис, Сен-Северен, Нотр-Дам-де-Лорет, вследствие их намерения спасти церковное имущество от лап Коммуны. Все национальные гвардейцы, которые не хотят служить, лишатся жалованья, будут обезоружены, потеряют свои гражданские права.

6 апреля. Галлифе гонит через мост Нейи несколько отрядов национальной гвардии, которые после боя, веденного с переменным успехом, еще прятались в Курбвуа. Сегодня церковь Сен-Лоран разграблена национальными гвардейцами. В Версале 1 800 пленных, включая 59 офицеров. Назначены военно-полевые суды.

В версальском Собрании Дюфор предложил законопроект, имеющий в виду сократить формальности военно-полевых судов. Огромное большинство голосовало за спешность законопроекта. Даже «*Soir*» осуждает этот законопроект. 500 пленных отправлено в Белль-Иль, 500 в Лориан, 500 — в Брест.

Париж. 7 апреля. Некоторые успехи парижан (Шатийонское плато взято обратно и т. д.).

8 April. Standard. [№ 14566]

Paris 6. April. This is the 5-th day of fighting; the forces of the Commune have everywhere been driven back. [p. 5, c. 3]

Petit Journal. 10 Avril. [№ 3020]
(Also: Paris *9* April)

8 Avril. Fighting continued to-day more desperate than ever.

Paris 6 Avril. Grade de général supprimé. Citoyen *Ladislas Dombrowski*, commandant de la 12-e légion, nommé commandant de la place de Paris, statt Bergeret. [p. 3, c. 2]

10 April. Standard. [№ 14567]

Leader: «orgie of blood and fire». [p. 4, c. 5] «nameless herd of ignoble roughs now rioting at the Hôtel de Ville». [p. 4, c. 4]

Tel. Assemblée. (Versailles) 8 April. Dufaure wants new press law (mit «juries» of his stamp...) [p. 2, c. 2] *Siècle* protests against the prohibition *issued* by the Commune against the *meeting recently projected at the Bourse in favour of conciliation*... Versailles troops carried the barricade at the Neuilly bridge at about 7 o'clock yesterday evening. [p. 2, c. 1] 8 April: Mont Valérien and the Versailles batteries situated on the bridge of Neuilly are bombarding the porte Maillot, and sweeping down the Avenue de la Grande Armée. Committee despatches reinforcements to the Porte Maillot. *Delegate of the war office:* «Service in... war... for men von 17 — 19 free, obligatory von 19 — 40,... National Guards,... married or unmarried». [p. 2, c. 2] — The Versailles Government seem inclined to undertake a regular siege of Paris. [p. 5, c. 1] *General Henry* escaped from Versailles. [p. 2, c. 1]

10 April. Daily News. [№ 7783]

Paris 9 April. Cathedral of Notre Dame sacked.

The *Assembly* (Versailles 9 April) voted by 285 against 275, that the mayors should be elected in every commune. But Thiers vehemently threatening to resign made them vote an amendment, giving the Executive the nomination of mayors in communes of over 20 000.

Versailles, 8 April: The Versailles troops gained a considerable advantage *(7 April)*, when they took the Neuilly bridge, and can now send any number of troops to the left bank of the Seine; but they have not taken the Porte Maillot, nor have on any point got across the fortifications of Paris. Great losses on the Versailles side. [p. 3, c. 2]

8 апреля. «Standard»

Париж. 6 апреля. Сегодня пятый день сражения; войска Коммуны повсюду отброшены назад.

«Petit Journal». 10 апреля
(т. е.: Париж, 9 апреля)

8 апреля. Сегодня бой продолжается с бо́льшим ожесточением, чем когда-либо.

Париж. 6 апреля. Генеральский чин отменен. Гражданин *Владислав Домбровский*, командир 12-го легиона, назначен комендантом Парижа вместо Бержере.

10 апреля. «Standard»

Передовая. «Оргия крови и огня». «Неописуемое стадо подлых головорезов бесчинствует теперь в ратуше».

Телеграмма. Собрание. (Версаль). 8 апреля. Дюфор требует нового закона о печати (с «комиссиями присяжных» его марки)... «*Siècle*» протестует против *изданного* Коммуной запрещения *собрания в пользу примирения, которое недавно проектировали устроить на Бирже*... Версальские отряды взяли баррикаду у моста Нейи вчера, около 7 часов вечера. *8 апреля:* монвалерьенские и версальские батареи, расположенные на мосту Нейи, бомбардируют Порт-Майо и стреляют вдоль Авеню Великой армии. Комитет отправляет подкрепления к Порт-Майо. *Делегат военного ведомства:* «Военная... служба для мужчин от 17 — 19 лет — по желанию, от 19 до 40 лет — обязательная... в национальной гвардии... для женатых и неженатых». Версальское правительство, повидимому, склонно предпринять правильную осаду Парижа. *Генерал Анри* бежал из Версаля.

10 апреля. «Daily News»

Париж. 9 апреля. — Собор Нотр-Дам разграблен.

Собрание (Версаль, 9 апреля) 285 голосами против 275 постановило, что мэры должны избираться в каждой Коммуне. Однако Тьер, энергично угрожая уйти в отставку, заставил собрание голосовать за поправку, предоставляющую исполнительной власти право назначения мэров в коммунах с населением свыше 20 000.

Версаль. 8 апреля. Взятием моста Нейи версальцы добились значительного преимущества *(7 апреля)* и могут теперь послать любое количество войск на левый берег Сены; однако они не взяли Порт-Майо и ни в одном пункте не перешли парижских фортификаций. У версальцев большие потери.

General (Marquis) *de Galliffet,* who on (6 April) «surprised» near Rueil a captain, lieutenant, and private of National Guards, *had them at once shot,* and immediately published a proclamation to glorify himself in the deed. [p. 5, c 4.]

Rappel. 10 April. [№ 666]

Assemblée, 8 Avril. M. Dufaure a déploré que le gouvernement restât si longtemps désarmé, en présence des «excès» commis par les journaux des départements. [p. 1, c. 3]

9 April. 28 conseillers communaux à choisir aujourd'hui.

Il y a tous les soirs réunion de la gauche dans la salle du Jeu de Paume. [p. 1, c. 4] Die prisonniers (bei ihrem départ von Versailles) about 1 400 enchaînés cinq par cinq. Escortés par 450 gardiens de la paix mobilisés. *Combault* gefangen, un corporal lui flanque un coup de pied dans le derrière. *Duval* (qui se conduisit très bravement) fusillé par Ordre de *Vinoy*... 1 100 insurgents dans un bâtiment au camp de Satory. On tient les prisonniers dans l'obscurité et liés... un pain par jour. [p. 2, c. 2]

«Les sergents de ville qui se battent contre Paris ont 10 francs par jour». [p. 2, c. 3]

La Commune a chargé un de ses membres *Protot,* de sauvegarder la liberté individuelle des citoyens. [p. 2, c. 3] Mehr als 150 entlassen. Viele arrêtés, sans motifs sous le gouvernement de la défense, *pas encore interrogés.* Manche noch nicht interrogiert, schon *seit Jahr* eingesperrt (unter Bonaparte). [p. 2, c. 4]

11 April. Le Rappel. [№ 667]

9 und 10 Avril. Dombrowski nimmt *d'Asnières* und *Bois-Colombes* sous le feu du Mont Valérien. [p. 1, c. 5]

Les généraux de l'Empire bombardent l'Arc de Triomphe, épargné par les Prussiens. [p. 2, c. 2]

11 April. Daily News. № [7784]

Telegr. 10 April. Paris. Army unable to retain its advanced positions, forced to withdraw after battering in the bridge and gate of Porte Maillot... [p. 3, c. 1] Commune busy in construction of barricades.

Versailles. 10 April. Sortie of the insurgents 10 000 strong occupies Châtillon, the houses and the entrenchments.

9 April. Jules Favre returned from Rouen, dined with Thiers: *grand dinner* (ambassadors, ministers, generals). There has been another sortie by Auteuil and Point-du-Jour. The Commune occupies

Генерал (маркиз) *де-Галлифе*, который (6 апреля) «захватил врасплох» близ Рюэля капитана, лейтенанта и рядового национальной гвардии, *расстрелял их на месте* и немедленно опубликовал прокламацию в прославление своего подвига.

«Rappel». 10 апреля

Собрание. 8 апреля. Дюфор сетовал, что правительство так долго оставалось безоружным при наличии «эксцессов» со стороны департаментских газет.

9 апреля. Сегодня должны состояться выборы 28 коммунальных советников.

Каждый вечер в зале для Игры в Мяч происходят собрания левой. Пленные (при отправке из Версаля), в числе приблизительно 1 400, скованы вместе по 5 человек. Конвоируются *450* мобилизованными стражниками. *Комбо* взят в плен, какой-то капрал дал ему пинка ногой в зад. *Дюваль* (проявивший большую храбрость) расстрелян по приказанию *Винуа*... 1 100 инсургентов помещены в здании в лагере Сатори. Пленных держат в темноте, связанными... одна булка в день.

«*Горсдовые, сражающиеся против Парижа, получают 10 франков в день*».

Коммуна поручила одному из своих членов, Прото, охранять личную свободу граждан. Более 150 отпущены. Много арестованных без всяких оснований при правительстве обороны, *еще не допрошены*. Некоторые, еще не допрошенные, сидят в заключении *уже год* (при Бонапарте).

11 апреля. «Le Rappel»

9 и 10 апреля. Домбровский берет *Аньер* и *Буа Коломб* под огнем форта Мон-Валерьен.

Генералы империи бомбардируют Триумфальную арку, пощаженную пруссаками.

11 апреля. «Daily News»

Телеграмма. 10 апреля. Париж. Армия, не имея возможности удержать свои выдвинутые вперед позиции, принуждена отступить после бомбардировки моста и ворот Порт-Майо... Коммуна занята постройкой баррикад.

Версаль. 10 апреля. Совершивший вылазку десятитысячный отряд инсургентов занимает Шатийон, дома и окопы.

9 апреля. Жюль Фавр вернулся из Руана, обедал с Тьером: *парадный обед* (послы, министры, генералы). Была другая вылазка у Отейля и Пуан-дю-Жур. Коммуна занимает Булонь и другие

Boulogne and other villages on the Seine. *Gaulois* estimates the number of clergymen arrested at 300. [p. 3, c. 2]

11 April. Petit Journal. [№ 3021]

Différentes visites, domiciliaires and arrestations, l'Hôtel *Lafont, inspecteur général des prisons.* Kerl war fort. Ein Wagen documents etc. von ihm fortgeschleppt. Ditto bei Lehideux, banquier; Thomassin, directeur (one of three) der Compagnie de l'Ouest arrested wegen Umtrieben mit Thiers etc. [p. 3, c. 4]

12 April. Daily News. [№ 7785]

Siècle et *Temps* suppressed.

Telegram 11 April. Lull in the fighting now incessant for 9 days. [p. 3, c. 1] *Night* action commenced again. [p. 3, c. 1—2]

Versailles 11 April. Favre read in the tribune with tragic-comic accents and annotations, a despatch from Paschal Grousset to the German General, inquiring whether the Versailles Government had paid the first instalment of 500 millions, and when the forts will be surrendered to the Paris Commune, to which they of right belong.

Gaulois ridicules Favre's theatrical manner, and says he beats Frederick Lemaître. [p. 3, c. 1]

12 April. Le Vengeur. [2-e série № 14]

Paris a prouvé, en défendant la Commune, qu'il aurait sauvé la nation si le gouvernement provisoire l'avait armé, au lieu de le calomnier, de le trahir et de le livrer. [p. 1, c. 1] Toujours même pluie de bombes et d'obus dans le quartier de l'Etoile. [p. 1, c. 4]

1840 à la Chambre, loi des fortifications.

Thiers disait: «Quoi! imaginer que des ouvrages de fortification quelconque peuvent nuire à la liberté ou l'ordre. *C'est se placer hors de toute réalité.* Et d'abord, c'est calomnier un gouvernement *quel qu'il soit* de supposer qu'il puisse un jour chercher à se maintenir en bombardant la capitale. Quoi! après avoir percé de ses bombes la voûte des Invalides ou du Panthéon, après avoir inondé de ses feux la demeure de vos familles, il se présenterait à vous pour vous demander la confirmation de son existence! *Mais il serait cent fois plus impossible* après la victoire qu'auparavant». [p. 2, c. 2]

La Vérité: «Nous ne voulons pas seulement la République, mais les institutions républicaines à la base et au faîte de l'édifice social».

Ces citoyens *(Louis Blanc, H. Brisson. Ed. Adam, L. Tirard;*

деревни на Сене. «*Gaulois*» определяет число арестованных священников в 300 человек.

11 апреля. «Petit Journal»

Различные домовые обыски и аресты, между прочим в особняке *Лафона, генерального инспектора тюрем.* Парень удрал. От него вывезена целая повозка документов и т. п. Равным образом обыск у банкира Леиде; Томассен один из (трех) директоров Компании Западных железных дорог арестован за подозрительные сношения с Тьером и т. д.

12 апреля. «Daily News»

«*Siècle*» и «*Temps*» закрыты.

Телеграмма. 11 апреля. Затишье в сражении, не прекращавшемся в течение последних 9 дней. Снова начался *ночной* бой.

Версаль. 11 апреля. Фавр в траги-комическом тоне и с комментариями прочитал с трибуны депешу Паскаля Груссе германскому генералу, осведомляющуюся о том, уплатило ли версальское правительство первый взнос в 500 миллионов, и о том, когда форты будут сданы Парижской Коммуне, которой они принадлежат по праву.

«*Gaulois*» высмеивает театральную манеру Фавра и говорит, что он перещеголял Фредерика Леметра.

12 апреля. «Le Vengeur»

Защищая Коммуну, Париж доказал, что он спас бы нацию, если бы временное правительство его вооружило, вместо того чтобы клеветать на него, изменять ему и предавать его. Попрежнему тот же град бомб и гранат в квартале Этуаль.

1840 г. в палате, закон о крепостных сооружениях.

Тьер говорил: «Как! Воображать, что какие бы то ни было укрепления могут повредить свободе или порядку. *Ведь это значит потерять всякое чувство реальности.* И прежде всего, *каково бы ни было* правительство, было бы клеветой на него допускать, что оно когда-либо могло бы сделать попытку удержаться путем бомбардировки столицы. Неужели, пробив своими бомбами купол дома Инвалидов или Пантеона, обрушив свой огонь на жилища ваших семей, оно смогло бы предстать пред вами с просьбой утвердить его существование! *Но ведь оно сделалось бы во сто крат невозможнее* после победы, чем было до нее».

«*La Vérité*». «Мы хотим не только республики, но и республиканских учреждений, начиная от фундамента и кончая вершиной социального здания».

Эти граждане *(Луи Блан, А Бриссон, Эд. Адам, Л. Тирар,*

E. Farcy, A. Peyrat, Edgar Quinet, Langlois, Dorian) parlent *d'insurrection* et des mots de modération prononcés par M. Thiers. [p. 2, c. 4]

12 April. Standard. [№ 14569]

Leader. The world which was lately upbraiding Paris for its want of spirits is now compelled to bewail its courage... desperate obstinacy... If the Versailles army has grown accustomed to bombarding Paris, Paris has grown accustomed to being bombarded: «The bombardment of Paris by the Prussian was almost a farce... The bombardment of Paris by Frenchmen is a stern reality». [p. 4, c. 4]

12 April. Situation. [№ 174]

Fast 100 Bonapartist Generals at Versailles. Les officiers supérieurs sont presque tous rentrés en France, et ont reçu un emploi de leur grade. [p. 3, c. 4]

Paris 11 April. La ligue républicaine a publié un manifeste pour faire cesser la lutte fratricide. Verlangt: la suppression de l'armée de Paris, remplacée par la garde nationale; l'élection de tous les fonctionnaires de Paris par les citoyens, enfin armistice complet pour les citoyens. Gingen zu Thiers. Abgewiesen. Nun nach den andren Städten. [p. 4, c. 1]

La garde nationale et l'armée se battent courageusement sur le terrain même où Trochu prétendait ne pas pouvoir réussir à les opposer victorieusement aux Prussiens. M. Trochu n'a jamais osé s'avancer à portée de balle des lignes prussiennes. Les forts de Paris, et notamment le Mont Valérien d'aucune valeur contre les Prussiens, parce que leur feu ne peut dominer les hauteurs qui environnent la capitale et sur lesquelles ils auraient dû être construits, mais il n'est pas de même *contre* Paris. Ainsi, construits par Thiers de façon à le pouvoir bombarder plus facilement, et non à protéger Paris contre l'ennemi. Le carnage donc la réalisation du plan de Thiers sous Louis Philippe. [p. 4, c. 4]

Les hommes du Quatre Septembre font bombances, sous les regards ardents des *dames* de M. Thiers et de M. Jules Favre... ces *mégères avancées...* fêtent le retour de Favre de Rouen! [p. 5, c. 4]

L'Assemblée a usurpé le mandat souverain que nul ne leur a offert; la convention en vertu de laquelle ils sont élus leur a, au contraire, formellement dénié. Ils ont investi Thiers d'un titre qu'ils ne pouvaient regulièrement lui donner. [p. 6, c. 2]

Vérité du 4 Septembre. «Nous avons dit pendant le siège que l s généraux aimaient mieux trahir, sinon en réalité, au moins au fait,

Э. Фарси, А. Пейра, Эдгар Кине, Ланглуа, Дориан) говорят о *восстании* и о словах умеренности, произнесенных Тьером.

12 апреля. «Standard»

Передовая. Мир, который еще недавно издевался над Парижем за недостаток у него смелости, принужден теперь жалеть об его мужестве... об отчаянном упорстве... Если для версальской армии бомбардировка Парижа вошла в привычку, то и для Парижа стало привычным делом подвергаться бомбардировке: «Бомбардировка Парижа пруссаками была почти шуткой. Бомбардировка Парижа французами — суровая действительность».

12 апреля. «Situation»

Почти 100 бонапартовских генералов в Версале. Почти все высшие офицеры вернулись во Францию и получили назначения соответственно чину каждого.

Париж. 11 апреля. Республиканская лига опубликовала манифест с целью прекратить братоубийственную войну. Требует: уничтожения парижской армии, с заменой ее национальной гвардией; выборов гражданами всех должностных лиц Парижа, наконец, полного перемирия для граждан. Отправились к Тьеру. Получили отказ. Тогда — в другие города.

Национальная гвардия и армия храбро сражаются на том же самом театре военных действий, где, по словам Трошю, он не мог успешно противопоставить их пруссакам. Трошю ни разу не отважился двинуться в район действия прусских пуль. Форты Парижа, и в особенности Мон-Валерьен, не имеют никакого значения против пруссаков, ибо их огонь не может господствовать над окружающими столицу высотами, где именно их и следовало бы в свое время построить; иное, однако, дело *против* Парижа. Таким образом, они построены Тьером так, чтобы можно было легче бомбардировать Париж, а не защищать его от неприятеля. Значит, нынешняя бойня есть осуществление тьеровского плана, задуманного при Луи-Филиппе.

Люди четвертого сентября занимаются кутежами под пылкими взорами *дам* Тьера и Жюля Фавра... эти *перезрелые мегеры*... празднуют возвращение Фавра из Руана!

Собрание незаконно присвоило себе мандат на верховную власть, которого ему не предлагал никто; напротив, соглашение на основании которого они избраны, определенно отказало им в таковом. Они облекли Тьера правомочием, которого они законным порядком не могли ему дать.

«Verité» 4 сентября. «Мы говорили во время осады, что генералы предпочитали, если не в буквальном смысле, то, по крайней мере,

la cause de la défense nationale, plutôt que d'avoir l'air de céder aux réclamations unanimes de la population civile, ou, ce qui revient au même, de la garde nationale. Ces galants officiers tous bonapartistes, orléanistes ou légitimistes, sentaient à merveille que le triomphe de Paris qu'ils avaient mission de sauver serait en même temps le triomphe de la République dont ils avaient horreur. C'est pourquoi ils se sont si mal battus pendant le siège, c'est pourquoi ils n'ont jamais consenti à employer la garde nationale... Le véritable adversaire de Trochu n'a jamais été les Prussiens, mais la République. Il a toujours eu pour but la capitulation de Paris... la guerre civile actuelle n'est que la continuation de cette conspiration qu'on appelait le plan Trochu. C'est la lutte du *fonctionnarisme*, du *parasitisme* et, en un mot, de toutes les passions monarchiques coalisées contre la démocratie française, dont Paris peut être considéré... le centre et le foyer... Les Vinoys, les Jules Favres, les Picards, gens dont la fortune et l'avenir dépendent du succès de la réaction... Paris a l'horreur des hommes du Quatre Septembre qui l'ont exploité, affamé, trahi... Auf der einen Seite travailleurs honnêtes, [p. 7, c. 2] auf der andern ces avocats, ces spadassins, ces gentillâtres...» [p. 7, c. 3]

13 Avril. Situation. [№ 175]

Télégrammes. Paris 12 Avril. Aujourd'hui on n'a cessé de bombarder Maillot. — Une partie des biens de ceux qui se sont réfugiés sera confisquée... [p. 4, c. 1] hommes sans conviction et sans courage qui remplacent l'une par l'habilité et l'autre par le cynisme. [p. 5, c. 2]

13 Avril. Le Rappel. [№ 669]

«Il ne faut point confondre le mouvement de Paris avec la surprise de Montmartre, qui n'en a été que l'occasion et le point de départ; ce mouvement est général et profond dans la conscience de Paris; le plus grand nombre de ceux-là mêmes qui, pour une cause ou pour une autre, s'en sont tenus à l'écart, n'en désavouent point pour cela la légitimité sociale. Qui est ce qui affirme cela? Des «individus appartenant à la Commune», comme dit J. Favre? Non, *ce sont les délégués des Chambres syndicales.* Ce sont des hommes qui parlent au nom de 7 — 8 000 commerçants et industriels... Ils sont allés le dire à Versailles». [p. 1, c. 1]

«Ces provinciaux espiègles». «Ils excitent la foule à insulter les vaincus dans les rues de Versailles»... aussi odieux que ridicules. [p. 1, c. 3]

«*M. Lucien Dubois*, inspecteur des halles [p. 1, c. 6] et marchés, est détenu depuis deux jours au dépot de la préfecture de police... Accusé d'avoir dissimulé une partie du stock de farine qui se trouve en magasins».

на деле, предать дело национальной обороны, лишь бы не иметь такого вида, что они уступают единодушным требованиям гражданского населения или, что то же, национальной гвардии. Эти галантные офицеры, сплошь бонапартисты, орлеанисты или легитимисты, великолепно сознавали, что торжество Парижа, в спасении которого заключалась их миссия, было бы в то же время торжеством республики, внушавшей им отвращение. Вот почему они так плохо сражались во время осады, вот почему они никогда не соглашались вводить в дело национальную гвардию... Настоящим противником Трошю никогда не были пруссаки, этим противником была республика. Его целью всегда была капитуляция Парижа... нынешняя гражданская война есть лишь продолжение того заговора, который называли планом Трошю. Это борьба *чиновничества*, *паразитизма*, словом, всех монархических страстей, объединившихся против французской демократии, центром и очагом... которой можно считать Париж... Все эти Винуа, Жюли Фавры, Пикары — люди, благосостояние и будущность которых зависят от успеха реакции... Париж питает отвращение к людям четвертого сентября, которые эксплоатировали его, морили голодом, предали... На одной стороне честные труженики, на другой — эти адвокаты, эти наемные убийцы, эти дворянчики...»

13 апреля. «Situation»

Телеграммы. Париж. 12 апреля. Сегодня не переставая бомбардируют Майо. — Часть имущества бежавших будет конфискована... люди без убеждений и без мужества, у которых первое заменяется ловкостью, второе — цинизмом.

13 апреля. «Le Rappel»

«Не следует смешивать парижское движение с внезапным захватом Монмартра, который явился для него только поводом и исходным пунктом; это движение имеет всеобщие и глубокие корни в сознании Парижа; большинство даже тех, кто, по той или иной причине, держатся от него в стороне, не отвергают из-за этого его общественную законность. Кто же утверждает это? Не «личности ли, принадлежащие к Коммуне», как говорит Ж. Фавр? Вовсе нет, *это утверждают делегаты синдикальных палат.* Это — люди, которые говорят от имени 7 — 8 000 торговцев и промышленников... Они отправились заявить об этом в Версале».

«Эти проницательные провинциалы». «Они подстрекают толпу на улицах Версаля оскорблять побежденных»... столь же гнусные, сколь смешные.

«*Люсьен Дюбуа*, инспектор рынков и базаров, уже два дня сидит под арестом в префектуре полиции... Обвиняется в утайке части запасов муки, находящихся в магазинах».

La province est sous le coup de la loi des suspects. Les arrestations se multiplient.

Die lettres of the Archbishop of Paris (*Darboy*) (*d. d. Mazas 8 April*) an Thiers und im selben Sinn von *Deguerry* (curé de la Madeleine) [p. 2, c. 1] (d. d. Conciergerie 7 April) ne sont pas signées par deux prêtres en liberté, mais par deux ecclésiastiques prisonniers et qui pourraient craindre d'être les objets des «*terribles représailles*» dont parle M. Deguerry. (In dem Brief des letzten Kerls heissts: «Ces exécutions soulèvent de grandes colères à Paris et peuvent y produire de «terribles représailles».) «Ainsi l'on est résolu, à chaque nouvelle exécution, d'en ordonner deux des nombreux ôtages que l'on a entre les mains. Jugez à quel point ce que je vous demande comme prêtre est d'une rigoureuse et absolue nécessité».

Der *Rappel* bemerkt: «Une chose qui a été fort remarquée, c'est que, commerçants, francs-maçons, journalistes, maires, représentants, tous les groupes de citoyens se sont entremis pour arrêter l'effusion du sang — excepté les prêtres. La *députation des chambres syndicales* est allée deux fois à Versailles; la députation de *franc-maçonnerie*, et la députation de *l'Union Républicaine* en arrivent. Les curés sont restés à Paris. C'est pourquoi nous craignons que l'intervention «de deux des nombreux ôtages que l'on a entre les mains» ne fasse croire que le sang dont ils aspirent à empècher l'effusion — est le leur». La République laissera aux généraux de l'Empire «les atroces excés qui ajoutent à l'horreur de nos luttes fratricides». [p. 2, c. 2] (Die letzten Worte aus dem Brief des archevêque.)

Héroisme des femmes à Paris! [p. 2, c. 3 — 4]

13 April. Daily News. [№ 7786]

Telegr. Paris. 12 April. Paris was in great commotion last night, on account of the night attack made by the Versailles troops on the west and south of Paris, simultaneously. The troops just received 30 new guns of large calibre, and began to try them last night. Failed. Continued to-day. (*Rochefort* in another article to-day denounces *Felix Pyat and his set* as abominable tyrants or rather *downright fools*.) Chief object of the cannonade to-day Porte Maillot, battered by the guns of Mont Valérien.

Numerous shells about the Arch of Triumph.

Catholic General *Cathelineau* forms at Compiègne a Breton legion. [p. 3, c. 1]

Провинция находится под ударом закона о подозрительных. Аресты учащаются.

Письма архиепископа парижского *(Дарбуа) (датированы: Мазас, 8 апреля)* к Тьеру, и письма *Дегерри* (священника церкви Мадлены) (датированы: Консьержери, 7 апреля) такого же содержания подписаны не двумя священниками, находящимися на свободе, но двумя духовными лицами, находящимися в заключении, которые могут опасаться, что они станут объектом «*страшных репрессий*», о которых говорит Дегерри. (В письме этого субъекта говорится: «Эти казни вызывают великий гнев в Париже и могут повести к страшным репрессиям».) «Так, уже принято решение в ответ на каждую новую казнь казнить двоих из многочисленных заложников, которых держат в своих руках. Судите же, до какой степени настоятельно и безусловно необходимо то, чего я требую от вас, как священник».

«*Le Rappel*» замечает: «Одна вещь обратила на себя внимание, а именно, что торговцы, франк-масоны, журналисты, мэры, депутаты, все группы граждан, за исключением священников, выступили посредниками с целью прекратить кровопролитие. *Депутация синдикальных палат* два раза побывала в Версале; депутация *франк-масонов* и депутация *Республиканского союза* возвращаются оттуда. Священники остались в Париже. Вот почему мы опасаемся, как бы вмешательство «двоих из многочисленных заложников, которых держат в своих руках», не внушило мысли, что кровь, пролитию которой они стараются помешать, это их собственная кровь». Республика предоставит генералам империи «совершать отвратительные эксцессы, которые увеличивают ужас нашей братоубийственной борьбы». (Последние слова — из письма архиепископа.)

Героизм женщин в Париже!

13 апреля. «Daily News»

Телеграмма. Париж. 12 апреля. Этой ночью Париж был в сильном возбуждении благодаря ночной атаке, произведенной версальскими войсками одновременно на западе и юге от города. Войска только что получили 30 новых пушек крупного калибра и начали испытывать их в эту ночь. Не достигли своей цели. Продолжали сегодня. (*Рошфор* в другой статье сегодня изобличает *Феликса Пиа и его компанию*, как отвратительных тиранов или, скорее, как *явных глупцов*.) Главная цель сегодняшней канонады — Порт-Майо, который бомбардировали пушки с Мон-Валерьен.

Много снарядов вокруг Триумфальной арки.

Католический генерал *Кателино* формирует в Компьене бретонский легион.

Corr. St. Denis April 11. The best (governmental) troops the *corps of gendarmes*, mostly *Corsicans.* [p. 6, c. 3]

Versailles 11 April. Corr. War in Paris. In Paris nothing to indicate that a fierce combat was raging within 2 miles of the Madeleine. The cafés had their usual number of inmates, and most of the theatres were open. The «Gaulois» picture (in yesterday's edition) of a complete reign of terror and violence... a mere *fiction...* very violent counsels prevail with the authorities of the regular troops. *Most horrible details* of the cold-blooded shooting of prisoners, not deserters, related with an evident gusto by general officers and other eye-withesses. [p. 6, c. 4]

An English Visitor in Paris: «As for my general impressions with regard to the Commune, I must beg to differ entirely from the correspondents who have painted the Nationals in such black colours, and who pretend that they represent only a small section of Paris. The contest seems to me to be eminently one between Paris and the peasants, and the great majority of those now in Paris sympathise heartily with the Commune. The ramparts are crowded with people of all ranks, and among them *many bourgeois* wishing success to the Guards, and cursing «ces Prussiens-là». The National Guards are by no means an ill-looking set of men; in fact, their respectability struck me at once, and their officers are of the usual and most polished type of French officer, and a regiment of the Guard may compare well with the Mobile and even the Line, certainly in looks, and, I fancy, also in fighting. I may add *that since I have been in Paris, I have not seen one man drunk,* and both at the Hôtel de Ville and everywhere else, have met with the greatest politeness, and I believe that every unprejudiced Englishman coming and seeing the untiring energy, the self-denial, the patriotism of these men *as compared with the sloth and jobbery of Empire and Assembly alike,* would end by crying, as all do here: «*Vive la Commune! Vive Paris!*»

14 April. Situation [№ 176]

L'Officiel de la Commune: «Lorsque les perquisitions eurent fait découvrir la preuve de la véracité des informations; ordre donné et payement fait par le Gouvernement de Versailles; recommandation récente d'accélerer l'execution d'une guillotine perfectionnée; plan, ouvriers, outils, et enfin le corps de délit. Réquisition en fut opérée,

Корреспонденция. Сен-Дени. 11 апреля. Лучшие (правительственные) отряды — *корпус жандармов*, в большинстве *корсиканцы*.

Версаль. 11 апреля. Корреспонденция. Война в Париже. В Париже ничто не указывает на то, что яростный бой кипел в расстоянии 2 миль от Мадлены. В кофейнях обычное число посетителей, и большинство театров было открыто. Картина полного господства террора и насилия, данная в «Gaulois» (во вчерашнем номере)... чистейшая *выдумка*... командный состав регулярных войск находится под влиянием самых необузданных советов. *Самые ужасающие подробности* о хладнокровно совершаемых расстрелах пленных, притом не дезертиров, передаются с явным смакованием штаб-офицерами и другими очевидцами.

Англичанин, посетивший Париж: «Что касается моих общих впечатлений от Коммуны, то я позволю себе совершенно разойтись с корреспондентами, которые изобразили национальных гвардейцев в столь мрачных красках и которые утверждают, будто они представляют лишь небольшую часть Парижа. Мне кажется, что происходящий спор ведется по преимуществу между Парижем и крестьянством, и что громадное большинство людей, находящихся ныне в Париже, от всего сердца сочувствуют Коммуне. На валах толпы людей всех состояний, среди них *много буржуа*, желающих успеха гвардейцам и проклинающих «тех пруссаков». Национальные гвардейцы отнюдь не представляют из себя невзрачную компанию, — наоборот, их в высшей степени порядочный вид сразу поразил меня, а их офицеры принадлежат к обычному, чрезвычайно благовоспитанному типу французского офицера, и полк национальной гвардии не уступает, во всяком случае, по внешности, а также, думается мне, и по боевым качествам, мобилям и даже линейным войскам. Могу прибавить, *что с тех пор, как я в Париже, я не видел ни одного пьяного*, и что как у ратуши, так и всюду в других местах я встречал величайшую вежливость; и я думаю, что каждый непредубежденный англичанин, придя сюда и видя неутомимую энергию, самоотвержение, патриотизм этих людей *и сравнив это с мешкотностью и барышничеством как империи, так и Собрания*, в конце концов воскликнет, как это делают здесь все: «*Да здравствует Коммуна! Да здравствует Париж!*»

14 апреля. «Situation»

«L'Officiel» Коммуны: «Когда обыски дали доказательство правильности информации, а именно: отданный версальским правительством приказ и произведенный им платеж, недавнее предложение ускорить изготовление усовершенствованной гильотины, план, рабочие, инструменты и, наконец, вещественное доказательство, и

ainsi que de l'instrument ordinaire: le sous-comité assemblé en délibération, décida que les deux instruments de supplice seraient brûlés en place publique, après que l'avis en aurait été lu et tambouriné. Voici le texte du placard affiché: «Citoyens. Informé qu'il se faisait en ce moment une nouvelle guillotine, payée et commandée par l'odieux gouvernement déchu (guillotine plus portative et accélérative), le sous-comité du 11-e arrondissement a fait saisir ces instruments serviles de la domination monarchique et en a voté la destruction pour toujours. En conséquence, la combustion va en être faite, sur la place de la Mairie, pour la purification de l'arrondissement et la consécration de la nouvelle liberté, à 10 heures, 6 Avril 1871».

Les membres du Sous-Comité etc. 5 Avril 1871. [p. 2, c. 4]

«*L'Assemblée siège paisiblement*» (Circulaire de Thiers aux préfets). Elle aussi a *le coeur léger...* N'était-ce pas assez pour ces Spartiates de pacotilles, qui ne savaient *ni mourir, ni être victorieux*, d'avoir livré Paris par une capitulation honteuse; avaient-ils juré aussi de l'achever par la guerre civile?... [p. 5, c. 3] un Triboulet sanguinaire à la livrée rouge de Philippe-Egalité.

«Thiers et les Hommes du 4 Septembre, aveuglés par la *cupidité plus encore que par la passion politique...* recourt à la plus infâme des calomnies, que les troupes de Versailles n'ont devant elles que des forçats en rupture de ban. 200 000 forçats à Paris... Plaisanterie odieuse». [p. 5, c. 4]

«Au moment où a éclaté la Révolution parisienne, l'emprunt Pouyer-Quertier allait être conclu; et par des moyens, à l'emploi desquels la maison Rothschild elle-même ne pouvait s'opposer, ces messieurs et ces dames se trouvaient pouvoir réaliser, en 10 années, un bénéfice net de 327 835 000 fcs... L'opération était conclue; les parts étaient faites, il ne manquait, pour mettre la main dessus, que d'alléger Montmartre de ses canons... [p. 6, c. 1] Les *dames Thiers, Jules Favre, Pouyer-Quertier, Picard et Simon se connaissent en chiffre...* Sous l'empire d'une telle préoccupation le salon de M-me Thiers est devenu l'antre des femmes. Sans la moindre vergogne les femmes y sautent au cou des généraux revenant du champ de bataille, pour un pouce de terrain gagné qui rapproche la bande de la caisse; la personne etc... a entendu ce cri du coeur sortir des lèvres de M-lle Dosne: «Les misérables, quand tout allait être signé!» [p. 6, c. 2]

Social: «Flourens tué! les fédérés vaincus! La rente montait». «Tous les coulissiers le savent, notre victoire est leur défaite. Le travail viendra reprendre la place qu'ils ont volée». [p. 7, c. 1]

Vengeur: Thiers. 1) Qui a renié en 1830 la République du *National*

когда все это, а также обычные инструменты были реквизированы, тогда подкомиссия, собравшись для обсуждения, постановила, что оба орудия казни должны быть публично сожжены на площади, причем уведомление об этом должно быть предварительно прочитано под барабанный бой. Вот текст расклеенной афиши: «Граждане! Получив сведения, что в настоящий момент изготовляется новая гильотина, оплаченная и заказанная ненавистным павшим правительством (гильотина, более портативная и действующая быстрее), подкомиссия 11-го округа велела конфисковать эти рабские орудия монархического господства и постановила уничтожить их навсегда. В силу этого предстоит ее сожжение на площади мэрии в целях очищения округа и освящения новой свободы, что произойдет в 10 часов, 6 апреля 1871 года».

Члены подкомиссии и т. д. 5 апреля, 1871 г.

«*Собрание мирно заседает*» (Циркуляр Тьера префектам). У него тоже *легко на сердце*... Не достаточно ли было для этих спартанцев дешевого сорта, не умевших *ни умирать*, *ни побеждать*, того, что позорной капитуляцией они выдали Париж врагу; разве поклялись они также увенчать капитуляцию гражданской войной?.. кровожадный Трибуле в красной ливрее Филиппа Эгалите.

«Тьер и люди четвертого сентября, ослепленные *алчностью еще более, нежели политической страстью*... прибегают к самой подлой клевете, будто версальские войска имеют дело лишь с беглыми каторжниками. 200 000 каторжников в Париже... Гнусная шутка»..

«В момент, когда вспыхнула парижская революция, предстояло заключение займа Пуйе-Кертье; и с помощью способов, применению которых не могла воспротивиться даже фирма Ротшильда, этим господам и дамам представлялась возможность в течение 10 лет реализовать чистый барыш в 327 135 000 франков... Сделка была заключена; доли были определены, и, чтобы заграбастать их, оставалось только освободить Монмартр от его пушек... *Дамы Тьера*, *Жюля Фавра*, *Пуйе-Кертье*, *Пикара и Симона знают толк в цифрах*... Под влиянием таких интересов салон г-жи Тьер превратился в вертеп женщин. Отбросив всякий стыд, здесь женщины при каждом дюйме завоеванной территории, который приближает банду к кассе, бросаются на шею возвращающимся с поля сражения генералам; одно лицо... слышало этот крик сердца, вырвавшийся из уст мадемуазель Дон: «Мерзавцы, ведь все уже было готово к подписанию!»

«*Social*»: «*Флуранс убит! федералисты побеждены! Рента поднялась*». «Все биржевые зайцы это знают, наша победа означает их поражение. Труд придет занять место, украденное ими».

«*Vengeur*»: *Тьер*. 1) Кто в 1830 г. отказался от республики

pour se convertir à la meilleure des Républiques? Thiers. 2) Qui a trahi son bienfaiteur, M. Lafitte, pour prendre sa place de ministre? Thiers. 3) Qui a emprisonné son ami et collaborateur Carrel pour garder sa place de ministre? Thiers. 4) Qui a, comme ministre, altéré l'histoire de la Révolution, qu'il avait faite comme républicain? Thiers. 5) Qui a proposé les lois de Septembre contre la presse? Thiers. 6) Qui a proposé la loi du 31 Mai contre la liberté de la presse? Thiers. 7) Qui a rengainé l'épée de la France, en 1840 pour la prendre en 1871? Thiers. 8) Qui a fait les forts détachés contre Paris, pour le roi de Prusse? Thiers. 9) Qui a signé les bons de plomb pour Transnonain et la guillotin- pour Busançois? Thiers. 10) Qui a été le geôlier-accoucheur de la légitimité et le parrain de la quasi-légitimité? Thiers. 11) Qui a été le frère et le conseil d'un Judas qui vendit les quatre sergents de La Rochelle? Thiers. 13) Qui a, comme Tartufe, courtisé la mère pour épouser la — Thiers. 14) *Qui est parti d'Aix gueux comme Job, pour devenir deux fois millionaire en devenant deux fois ministre?* Thiers. 15) Qui a prêté serment à la royauté, à la république, à l'empire et à la république en attendant le reste? Thiers. 16) Qui a été l'historien national, *le brosseur de la rédingote grise, le balayeur de la rue de Poitiers?* Thiers. 17) Qui a écrit 20 pages pour le despotisme et pas une seule pour la liberté? Thiers. 18) *Qui a voté pour la guerre de Rome, pour* la guerre de *Mexique*, pour toutes les guerres? Thiers. 19) *Qui a le plus crié contre l'unité allemande, pour les bords du Rhin* et la guerre de Prusse? Thiers. 20) Qui a le plus vanté le vieux *système militaire impérial, grande armée et gros budget?* Thiers. 21) Qui a voté les hommes et l'argent de cette guerre d'Allemagne quand la France n'était pas prête? Thiers. 22) Qui a empêché le peuple de la faire à temps par le moyen de Danton, la levée en masse? Thiers. 23) *Qui a été mendier l'aide des rois pour la République en échange d'un roi?* Thiers. 24) Qui a signé une paix mortelle à la France, une paix parricide, en complicité d'un faussaire? Thiers. 25) Qui est président de la République pour restaurer la royauté? Thiers. 26) Qui, enfin, par ses vertus publiques et privées, le parjure et l'inceste, par son amour *de la vile multitude* et sa haine de Mazas, est 26 fois représentant du peuple? Qui est le sauveur de la propriété, de la réligion et de la famille, *le père de la Patrie... et de sa femme? Thiers.* [p. 7, c. 2]

April 14. Standard

Leader. M. Thiers seems incapable of taking to heart the pregnant wisdom locked up in the famous brief advice *of frapper vite, et frapper*

«*National*'я», чтобы обратиться в приверженца лучшей из республик? Тьер. 2) Кто предал своего благодетеля Лафитта, чтобы занять его место министра? Тьер. 3) Кто посадил в тюрьму своего друга и сотрудника Карреля, чтобы удержать за собой свое министерское место? Тьер. 4) Кто, став министром, подделал историю революции, которую он же написал в бытность свою республиканцем? Тьер. 5) Кто предложил сентябрьские законы против печати? Тьер. 6) Кто предложил закон 31 марта против свободы печати? Тьер. 7) Кто вложил в ножны меч Франции в 1840 г., чтобы взять его в 1871 г.? Тьер. 8) Кто построил в интересах прусского короля изолированные форты вокруг Парижа? Тьер. 9) Кто подписал боны на свинец для бойни на улице Транснонен и на гильотину для Бюзансуа? Тьер. 10) Кто был тюремщиком-акушером легитимности и восприемником квази-легитимности? Тьер. 11) Кто был братом и советчиком Иуды, продавшего четырех ларошельских сержантов? Тьер. 12) Кто, подобно Тартюфу, ухаживал за матерью, чтобы жениться на...? Тьер. 14) *Кто отправился из Экса нищим, как Иов, чтобы, став дважды министром, стать дважды миллионером?* Тьер. 15) Кто присягал королевской власти, республике, империи и опять республике в ожидании дальнейшего? Тьер. 16) Кто был национальным историком, *чистильщиком серого сюртука, метельщиком улицы Пуатье?* Тьер. 17) Кто написал 20 страниц в пользу деспотизма и ни одной страницы в пользу свободы? Тьер. 18) *Кто голосовал за войну в Риме, за мексиканскую войну*, за все войны? Тьер. 19) *Кто всего больше кричал против германского единства, в защиту границы на Рейне* и за войну с Пруссией? Тьер. 20) Кто всего больше восхвалял старую *императорскую военную систему, большую армию и большой бюджет?* Тьер. 21) Кто голосовал за набор солдат и деньги для этой войны с Германией, в то время как Франция не была готова? Тьер. 22) Кто помешал народу во-время провести эту войну по способу Дантона, посредством поголовного ополчения? Тьер. 23) *Кто клянчил у королей помощи, чтобы обменять республику на короля?* Тьер. 24) Кто в сообщничестве с фальсификатором подписал мир, гибельный для Франции, мир отцеубийственный? Тьер. 25) Кто состоит президентом республики, для того чтобы восстановить монархию? Тьер. 26) Кто, наконец, в силу своих общественных и частных добродетелей, клятвопреступления и кровосмесительства, в силу своей любви к «*подлой толпе*» и своей ненависти к тюрьме Мазас, является 26-кратным представителем народа? Кто спаситель собственности, религии и семьи, *отец отечества... и своей жены? Тьер.*

14 апреля. «Standard»

Передовая. Тьер повидимому неспособен проникнуться многозначительной мудростью, содержащейся в знаменитом кратком

fort!.. he ought to be aware that from the moment, [he allowed] shells from Valérien to fall within *the enceinte,* he had committed himself to all the odium which necessarily attends a resolute policy... He has already done enough to be handed down, to use M. Jules Favre's language, to the execration of history, as history is read in Belleville.

April 14. Rappel. [№ 670]

Paris, 12 April. Décret sur la démolition de la colonne de la place de Vendôme comme «monument de barbarie, symbole de force brute et de fausse gloire, une affirmation du militarisme, une *négation* du droit international» etc. [p. 1, c. 3]

April 13. Dalouvert chef du cabinet de la haute police (occulte) sous l'empire, arrêté. [p. 2, c. 2]

April 12. Décret: «Toutes poursuites pour échéances... suspendues... Le *Journal Officiel* publie le décret sur les échéances». [p. 2, c. 4]

15 April. Standard. [№ 14572]

The German threat to bombard Paris furnished the members of the new Republic Government, and the French newspapers of all parties, with the occasion for most indignant and eloquent «denunciation» of the *«barbarians»* who acknowledge no other law than the promotion of their own purposes. It provoked, moreover, a *general condemnation in all neutral countries,* the English whipper in (Glyn) of course excepted. And when after waiting some months the Germans did at last bombard Paris, *holy indignation of Jules Favre etc.* During the last week Paris has been subjected to a bombardment infinetely more destructive than that which it sustained at the hands of the Germans. Tenfold at least bombarded Paris after whining about the sanctity of the city... [p. 4, c. 5] There is no strategical advantage to be gained in raining down shells in the Avenue de la Grande Armée and the Avenue Wagram, smashing lamp-posts, and killing and wounding harmless lookers on, women, and children. Creates bad feeling among the *Party of Order.* What is bombarded is the *Westend of Paris,* das proletarische Paris ausser ihren canons... the troops of the Commune are evidently at least a match for the regulars, who have been making such futile and feeble attemps to penetrate into Paris. [p. 5, c. 4] *Commune has sent all the Government plate it could lay hands on to the Mint* etc. [p. 5, c. 5]

совете «*бить быстро и бить сильно*»!.. он должен сознавать, что с того момента, когда он допустил, чтобы снаряды с форта Мон-Валерьен стали падать внутрь *городской черты*, он сделался предметом всей ненависти, которая неизбежно сопровождает решительную политику... Он сделал уже достаточно, чтобы, — пользуясь выражением Жюля Фавра, — быть преданным проклятию истории, как она понимается в Бельвилле.

14 апреля. «Rappel»

Париж. 14 апреля. Декрет о разрушении колонны на Вандомской площади, как «памятника варварства, символа грубой силы и ложной славы, утверждения милитаризма и *отрицания* международного права» и т. д.

13 апреля. Далувер, начальник кабинета высшей полиции (тайной) при империи, арестован.

12 апреля. Декрет: «Все иски в связи с сроками платежа... приостановлены... «*Journal Officiel*» публикует декрет о сроках платежа».

15 апреля. «Standard»

Угроза немцев бомбардировать Париж дала членам нового республиканского правительства и французским газетам всех партий повод для самых негодующих и красноречивых «обличений» «*варваров*», которые не признают иного закона, кроме заботы о достижении своих собственных целей. Она сверх того вызвала *общее осуждение во всех нейтральных странах*, за исключением, конечно, английского «погонщика» (Глина). И когда после нескольких месяцев ожидания немцы, наконец, бомбардировали Париж, *священное негодование Жюля Фавра и т. д.* В течение последней недели Париж подвергся бомбардировке, бесконечно более разрушительной, нежели та, которую он перенес от немцев. После слезливых воплей о священной неприкосновенности города по меньшей мере десять раз бомбардировали Париж... Нельзя получить никакого стратегического преимущества, осыпая градом снарядов авеню Великой Армии и авеню Ваграм, сокрушая фонарные столбы, убивая и раня мирных зрителей, женщин и детей. Она вызывает раздражение среди *партии порядка.* Бомбардировке подвергается *западная часть Парижа*, пролетарская часть Парижа вне действия их пушек... войска Коммуны, очевидно, по меньшей мере, не уступают регулярным, которые делали столь безуспешные и слабые попытки проникнуть в Париж. *Коммуна отправила все правительственное серебро, которое смогла захватить*, *в монетный двор* и т. д.

16 April. Rappel. [№ 672]

En même temps que *Thiers* promettait *(Antwort an die Ligue de l'Union Républicaine)* «le droit communal» à Paris, Thiers a forcé l'Assemblée à le refuser à toutes les villes. Paris — exceptionnellement — zu teilen in 80 quartiers ou îlots, dont chacun séparément nomme un *seul* conseiller — au *scrutin individuel* — et quelle que soit sa population, qu'il compte 3 000 oder 30 000 âmes. [p. 1, c. 2]

Le Journal officiel a inauguré la publicité des séances de la Commune (15 Avril) [p. 1, c. 6]

Paris. 14 Avril, Casimir Bouis, nommé président d'une commission d'enquête in den doing der dictature du 4 septembre. [p. 2, c. 5]

17 April. Standard. [№ 14573]

(In dieser Nummer, p. 3 auch die Sache wegen *Tolain*).

The *National Assembly. April 14* passierte *Municipal Bill* by an enormous majority; *dilto: the bill relating to press offences* etc. [p. 3, c. 2]

16 and 17 April. Situation. [№ 178]

Le citoyen Beslay (für die Commune) a fait traité avec la Banque de France. Aux termes de cet accord, la Commune reconnaissait à la Banque son caractère d'établissement privé et s'engageait à faire reespecter la Banque, soit par l'organisation d'un bataillon de gardes nationaux composé des employés de l'établissement, soit, s'il était besoin, en adjoignant à ce bataillon d'autres détachements commandés par la Commune. Par contre, la Banque devait fournir à la Commune, sur un reçu de Mr. Beslay, les fonds appartenant à la ville de Paris et déposés à la Banque, et, dans le cas où ces fonds seraient épuisés, celle-ci devait faire à la Commune des avances, garanties par la remise de titres sur les biens de la ville. [p. 8, c. 4]

17 April. Rappel. [№ 673]

L'effort tenté par la *Ligue de la réunion républicaine* n'a pas réussi... [p. 1, c. 2] *Lockroy prisonnier à Versailles...* [p. 1, c. 3]

Les mensonges et les calomnies des journaux de Versailles parviennent seuls aux départements, et y font loi... Ils s'indignent des pillages et des meurtres dont une bande de 20 000 malfaiteurs déshonore la capitale. La *Ligue* (de l'*Union Républicaine*) se donne pour premier devoir de faire la lumière et de rétablir les relations normales entre la province et Paris. [p. 1, c. 4]

16 апреля. «*Rappel*»

В то самое время, как *Тьер* обещал *(Ответ Лиге республиканского союза)* «коммунальное право» Парижу, он принудил Собрание отказать в нем всем городам. Париж — в виде исключения — разделить на 80 кварталов или участков, из которых каждый отдельно назначает — *путем индивидуальной баллотировки* — *одного* советника независимо от того, насчитывает ли он 3 000 или 30 000 душ населения.

«*Le Journal Officiel*» начал публиковать отчеты о заседаниях Коммуны (15 апреля).

Париж. 14 апреля. Казимир Буи назначен председателем комиссии по расследованию действий диктатуры 4 сентября.

17 апреля. «*Standard*»

(В этом номере, стр. 3, также дело *Толена*).

Национальное собрание. 14 апреля огромным большинством прошел *муниципальный закон; там же: законопроект, касающийся проступков печати* и т. д.

16 и 17 апреля. «*Situation*»

Гражданин Беле (от имени Коммуны) заключил договор с Французским банком. По условиям этого соглашения Коммуна признала за банком его характер частного учреждения и обязалась охранять неприкосновенность банка либо путем организации батальона национальной гвардии, составленного из служащих в этом учреждении, либо, если понадобится, путем присоединения к этому батальону других отрядов, откомандированных Коммуной. С своей стороны, банк должен был снабжать Коммуну, под расписку г. Беле, суммами, принадлежащими городу Парижу и депонированными в банке, а в случае, если бы эти суммы оказались исчерпанными, банк должен был бы предоставить Коммуне авансы, гарантированные передачей банку прав на имущества города.

17 апреля. «*Rappel*»

Энергичная попытка, предпринятая *Лигой республиканского союза*, не удалась... *Локруа — пленник в Версале*...

Только лживые измышления и клевета версальских газет достигают департаментов и господствуют там... Они негодуют по поводу грабежей и убийств, которыми банда в 20 000 злодеев позорит столицу... *Лига (Республиканский союз)* считает своим первым долгом распространять правильные сведения и восстановить нормальные отношения между провинцией и Парижем.

Nachwahlen für «Conseillers» (communes) den 16. Avril. Sehr grosse Abstention *(Dupont choisi au 17 arrondissement)* [p. 1, c. 5]

La Commission des quinze (der Assemblée) et les journaux de Versailles sont d'accord pour nier officiellement et officieusement, les «prétendues exécutions sommaires et les représailles attribuées aux troupes de Versailles». Et les *exécutions de Duval et des gardes* nationaux, ordonnées par Vinoy et Galliffet?

La *Vérité* cite le passage suivant d'un discours de Thiers prononcé *en janvier 1848:* «Vous savez, Messieurs, ce qui se passe à *Palerme:* vous avez tous tressailli d'horreur en apprenant que pendant 48 heures, une grande ville a été bombardée. Par qui? Etait-ce par un ennemi étranger, exerçant les droits de la guerre? Non, messieurs, *par son propre gouvernement*. Et pourquoi? Parce que cette ville infortunée *demandait des droits*. Eh bien! *Pour la demande de ses droits*, il y a eu 48 heures de bombardement. Permettez-moi d'en appeler à l'opinion européenne. C'est un service à rendre à l'humanité que de venir, du haut de la plus grande tribune peut-être de l'Europe, faire retentir quelques paroles *d'indignation contre de tels actes!*» [p. 2, c. 2] (Sieh *Schluss des Zitats etc. 19 April. Vengeur*).

In derselben Nummer des *Rappel die Loi Municipale*, gemacht durch die *Ruraux, 14 Avril, 1871.* [p. 2, c. 3]

Die Commission sur les échéances [p. 2, c. 2] propose à la Commune: *Art. 1.* Le remboursement des dettes de toute nature souscrites jusqu'à ce jour, et portant échéance: *billets à ordre, lettres de change, factures réglées, mandats, dettes (concordaires)* etc., sera effectué dans un délai de 2 années, à partir du 15 Juillet prochain, et sans que ces dettes puissent être chargées d'aucun intérêt. *Art. 2.* Le total des sommes dues sera divisé en *8 coupures égales*, *payables par trimestre*, à partir de la date ci-dessous indiquée. *Art. 4 und 5.* Die porteurs des créances können nur verklagen im gewöhnlichen Weg «sur la *coupure* qui y donnera lieu». [p. 2, c. 3]

18 Avril. Daily News. [№ 7790]

Paris. Teleg. 17 Avril. The Commune has appointed a Commission to inquire into the number of workshops and manufactories in Paris now closed through the absence of their owners, or their refusal to open them under present circumstances. The Commission is to prepare a report showing under what conditions they may be transferred to cooperative societies of workingmen, to be opened by them for their own behoof, and what indemnity they may be called upon to pay to the dispossessed occupants.

Дополнительные выборы «советников» (коммуны) 16 апреля. Весьма большое количество воздержавшихся. *(Дюпон выбран в 17-м округе.)*

Комиссия пятнадцати (Собрания) и версальские газеты солидарны в своем официальном и официозном отрицании «мнимых массовых казней и репрессий, приписываемых версальским войскам». А *казни Дюваля и национальных гвардейцев* по приказанию Винуа и Галлифе?

«*Vérité*» приводит следующее место из одной речи Тьера, произнесенной в *январе 1848 г.:* «Вы знаете, господа, что происходит в *Палермо:* вы все содрогнулись от ужаса при вести, что большой город в течение 48 часов подвергался бомбардировке. И кем же? Чужеземным неприятелем, осуществляющим право войны? Нет, господа, *своим же собственным правительством.* И за что? За то, что этот несчастный город *требовал прав.* Да, *за требование своих прав* он был подвергнут 48-часовой бомбардировке. Я апеллирую к общественному мнению Европы. Будет заслугой перед человечеством подняться и с величайшей, может быть, из трибун Европы заявить во всеуслышание несколько слов *негодования против подобных актов!*» (См. *конец цитаты и т. д. 19 апреля.* «*Vengeur*».)

В том же номере «*Rappel*» *муниципальный закон*, составленный *помещиками 14 апреля 1871 года.*

Комиссия по срокам платежа предлагает Коммуне: *Ст. 1.* Уплата долгов всех видов, сделанных до нынешнего дня, сроки платежей которых наступают: *векселей на предъявителя*, *заемных писем*, *оплаченных фактур*, *чеков*, *соглашений о долгах* и т. д., будет произведена в течение двух лет, считая от ближайшего 15 июля, причем на эти долги не могут начисляться проценты. *Ст. 2.* Вся сумма, составляющая долг, будет разделена на *8 равных частей*, *подлежащих оплате каждые три месяца*, начиная с указанного ниже дня. *Ст. 4 и 5.* Кредиторы могут учинять иски лишь обычным порядком «на ту *часть долга*, которая дает к тому основание».

18 апреля. «*Daily News*»

Париж. Телеграмма. 17 апреля. Коммуна назначила комиссию для выяснения числа мастерских и фабрик в Париже, ныне закрытых по причине отсутствия их собственников или отказа последних открыть их при настоящих обстоятельствах. Комиссия должна приготовить доклад, указывающий, на каких условиях они могут быть переданы кооперативным обществам рабочих, с тем, чтобы последние открыли их в своих собственных интересах, и какое вознаграждение можно предложить рабочим уплатить экспроприированным владельцам.

The commune has 38 Million francs cash. A great many unsold bonds of the City of Paris were found at the Hôtel de Ville. These bonds were what remained from the issue of scrip for the last loan contracted by the City of Paris. Being perfectly legal, bought by the Bank of France from the Commune. — The state of siege felt in the matter of food. Prices are rising very fast... Paris is to be starved out. [p. 3, c. 1]

Leader. «The Reds of Paris are not given to reflection... Regiments of loungers, who draw their pay, wear a uniform, and enjoy idleness on the centimes granted them by an illegal power, are not likely to give up that occupation through mere weariness of it». [p. 4, c. 5]

•

19 Avril. Vengeur. [2-e série, № 21]

(cf. 17 Avril Rappel) «Messieurs, lorsque, il y a 50 ans, les Autrichiens exerçant les droits de la guerre, pour s'épargner les longueurs d'un siège, voulurent bombarder Lille, lorsque plus tard les Anglais, qui exerçaient aussi les droits de la guerre, bombardèrent Copenhague; et tout récemment, *quand le régent Espartero,* qui avait rendu des services à son pays, *pour reprimer une insurrection, a voulu bombarder Barcelone;* dans tous les partis, il y a eu un cri général d'indignation». [p. 1, c. 2]

In seinem *circulaire vom 16 Avril* sagt Thiers: «Si quelques coups de canon se font entendre, ce n'est pas le fait de l'armée de Versailles, c'est celui de quelques insurgés voulant faire croire qu'ils combattent, lorsqu'ils osent à peine se faire voir». [p. 1, c. 3]

«La Commune... a donné ordre aux mairies *de ne faire aucune distinction entre les femmes légitimes ou dites illégitimes,* les mères et les veuves des gardes nationaux, quant à l'indemnité des 75 centimes».

Vérité sagt: «Il n'est pas difficile de deviner quels sont les hommes chargés de réduire Paris et de le ramener à l'obéissance. Tels on les a vus pendant le siège, tels on les retrouve aujourd' hui, que d'assiégés ls sont devenus assiégeants. *Le mensonge, comme par le passé, est leur arme favorite.* De même, qu'ils annonçaient naguère des victoires impossibles à contrôler en raison du blocus effectif de Paris, ils publient maintenant les nouvelles les plus fausses. Pour achever la ressemblance, ils suppriment, saisissent les journaux de la capitale, interceptent les communications, de telle sorte que la province en est réduite aux nouvelles qu'il plaît à MM. Jules Favre, Picard et consorts de lui donner, sans qu'il soit possible de vérifier l'exactitude de leur dire... Plus loin, le journal officiel affirme que l'armée de Versailles

Коммуна имеет 38 миллионов франков наличными. Большое количество непроданных облигаций города Парижа было найдено в Ратуше. Эти облигации представляли остаток от выпуска сертификатов последнего займа, заключенного городом Парижем. Так как они были вполне законны, то французский банк купил их у Коммуны.—Состояние осады дает себя чувствовать в продовольственном деле. Цены поднимаются очень быстро... Парижу предстоит погибнуть от голода.

Передовая. «Красные в Париже беззаботны... Полки, составленные из бездельников, которые получают свою плату, носят мундир и наслаждаются праздностью на сантимы, пожалованные им незаконной властью, едва ли откажутся от этого занятия только потому, что устанут предаваться ему».

19 апреля. «Vengeur»

(Ср. «Rappel» за 17 апреля). «Господа, когда 50 лет тому назад австрийцы, пользуясь правом войны, с целью избавиться от затяжной осады, захотели бомбардировать Лилль, когда позже англичане, тоже пользуясь правом войны, бомбардировали Копенгаген и совсем недавно, *когда регент Эспартеро*, оказавший услуги своей стране, *захотел бомбардировать Барселону*, *чтобы подавить восстание*, со всех концов мира раздался всеобщий крик негодования».

В своем *циркуляре от 16 апреля* Тьер говорит: «Если слышится несколько пушечных выстрелов, то это не является делом версальской армии, это является делом нескольких повстанцев, которые хотят убедить, что они сражаются, тогда как они едва осмеливаются показаться».

«Коммуна... приказала мэриям в отношении пособия в 75 сантимов не *делать никакого различия между законными женами и так называемыми незаконными*, матерями и вдовами национальных гвардейцев».

«Vérité» говорит: «Нетрудно угадать, каковы люди, которым поручено смирить Париж и привести его к повиновению. Такими видели их во время осады, такими же они оказываются теперь, когда из осажденных они превратились в осаждающих. *Как и в прошлом, ложь является их излюбленным оружием.* Так же, как недавно они сообщали о победах, которые вследствие действительной блокады Парижа было невозможно проверить, теперь они публикуют самые лживые известия. В довершение сходства они уничтожают и конфискуют столичные газеты, перехватывают сообщения, так что провинция вынуждена ограничиваться известиями, которые гг. Жюлю Фавру, Пикару и их компаньонам, заблагорассудится дать ей, причем проверить точность их сообщений невозможно... Далее, официальная

se tient sur la plus stricte défensive. «Si quelques coups de canon» (etc. *Vide super*) — N'en déplaise à ce véridique gouvernement nous invitons ses membres à venir passer quelques heures aux Champs-Elysées ou aux Ternes. Ils pourront s'assurer par eux-mêmes, que les coups de canon, pas plus que les obus qui éclatent et tuent des passants, ne proviennent pas tous du fait des fédérés».

Mot d'ordre: «Le gouvernement versaillais démolit sans scrupules cheminées et crève avec le plus grand sang-froid vos canapés à coup d'obus, mais il trouverait *odieux qu'on les vendit.* On ne pousse pas plus loin la logique et la probité... [p. 2, c. 3] Ainsi l'Arc de Triomphe porte sur ses bas-reliefs 80 traces d'obus. La rue Galilée est devenue inhabitable, les toits d'alentour s'effondrent sous les bombes, et ce ne sont pas les troupes de Versailles qui tirent sur Paris. Mais qui diable est-ce donc? Les troupes de la Commune peut-être, qui écornent elles-mêmes les monuments pour laisser supposer que M. Thiers est capable de bombarder la capitale qui l'a élu, etc.»... *Bomba... Réveil* sagt: «Les obus, les boîtes à mitraille, les bombes, trouent les murs, enfoncent les toits, percent les planchers, tuent les femmes et les enfants, coupent en deux des marchands dans leur magasin, des ouvriers à leur établi, le tout pour la plus grande gloire de l'Assemblée rurale de Versailles et le triomphe des idées d'autorité et de centralisation que représente si bien le *petit Exécutif*».

L'Opinion Nationale: «Ce qui se passe à Neuilly est terrible; c'est une honte pour notre Siècle». [p. 2, c. 4]

Le projet de loi sur l'enquête relative à la cession aux compagnies ouvrières des ateliers abandonnés, est mis aux voix et adopté.

La Liberté (journal franc-fileur publié à St. Germain) sagt u. a.: «En présence des pitoyables scènes qui se multiplient à l'Assemblée, il était permis de croire qu'à défaut de la conscience de sa mission, la triste expérience qu'elle fait journellement d'elle-même, lui démontrerait l'absolue nécessité où elle est de se séparer. Quel vertige s'est donc emparé de cette Assemblée qu'au lieu de songer à se concilier, par une retraite, le pardon de ses fautes, elle *s'installe dans des attributions usurpées et s'organise savamment pour en commettre de nouvelles et mille fois plus graves*». [p. 2, c. 2]

19 April. Standard. [№ 14575 and 14873]

Paris. 18 April. Tel. Capture of Château of Becon durch 36-th Regiment under Colonel Davoust. Defeat of the Reds at Asnières. The

газета утверждает, что версальская армия придерживается строжайшей оборонительной тактики. «Если слышится несколько пушечных выстрелов» *(и т. д., см. выше)*. Пусть не сердится это правдивое правительство на то, что мы приглашаем его членов провести несколько часов в Елисейских полях или в Терн. Они смогут удостовериться лично, что пушечные выстрелы, а равно и разрывающиеся и убивающие прохожих снаряды не все являются делом рук федератов».

«*Mot d'Ordre*». «Версальское правительство без зазрения совести разрушает снарядами ваши камины и с величайшим хладнокровием ломает ваши диваны, но оно сочло бы *чудовищным их продажу* [с аукциона? *Ред.*]. В смысле логики и честности дальше итти некуда... Таким образом, Триумфальная арка имеет на своих барельефах 80 следов попаданий снарядов. На улице Галилея жить стало невозможно, крыши соседних домов обвалились от бомб, — и это не версальские войска бомбардируют Париж. Но в чем же тут дело, чорт возьми? Быть может, это делают войска самой Коммуны которые обламывают памятники, чтобы внушить предположение, что г. Тьер способен бомбардировать столицу, которая выбрала его и т. д.»... *Бомба... «Réveil»* говорит: «Снаряды, картечь, бомбы дырявят стены, проламывают крыши, пробивают потолки, убивают женщин и детей, разрывают в куски купцов в их лавках, рабочих за их верстаками, и все это для вящшей славы деревенского Собрания в Версале и торжества идей власти и централизации, которые столь хорошо представлены *маленькой исполнительной властью*.

«*L'Opinion Nationale*»... «То, что происходит в Нейи, — ужасно; это позор для нашего века».

Законопроект об обследовании, касающемся уступки рабочим товариществам брошенных хозяевами мастерских, поставлен на голосование и принят.

«*La Liberté*» (газета героев тыла, издаваемая в Сен-Жермене), между прочим, говорит: «Ввиду жалких сцен, которые в Собрании становятся все чаще, можно было думать, что, несмотря на непонимание им своего назначения, его собственный ежедневный печальный опыт должен был бы указать ему момент, когда ему безусловно необходимо разойтись. Какое же головокружение овладело этим Собранием, ибо вместо того, чтобы думать о снискании себе путем ухода прощения своих ошибок, оно *удерживает узурпированные права и умело организуется, чтобы совершить новые ошибки, и в тысячу раз более серьезные*».

19 апреля. «Standard»

Париж. 18 апреля. Телеграмма. Взятие замка Бекона 36-м полком под командой полковника Даву. Поражение красных у Аньера.

Reds do not now hold a single inch of ground on the right bank of the Seine from Neuilly to St. Denis... Passy, Trocadero, Ternes, Levallois und Clichy, extensively bombarded. *The end is evidently approaching.* [p. 5, c. 1]

Paris 17 April. The result of yesterday's voting for members to fill the vacant seats in the Commune is check to that body in 13 arrondissements. Only in 4 did some candidates obtain even as much as $^1/_8$ of the votes to be recorded. In all the others no candidate duly elected. [p. 6, c. 1]

Leader: the reinforcements which Marshal MacMahon is continually receiving begin to tell upon the course of the contest [p. 4, c. 5—6].

19 April. Daily News. [№ 7791]

Paris 17 April. Corr. «Private crime is wonderfully diminished in Paris». [p. 5, c. 5]

20 April. Le Mot d'Ordre. [№ 56]

Le *Mot d'Ordre* avait prêché le vote à outrance. C'est l'abstention qui a triomphé. [p. 1, c. 1]

Hier commissaire de police a arrêté *Polo*, directeur de *l'Eclipse.* (Kein politisches Journal)).

Les gendarmes usent des procédés prussiens à l'égard des troupes fédérées. Lorsqu'ils parviennent à cerner quelques Parisiens dans une maison, ils inondent le bâtiment de pétrole et y mettent le feu. Plusieurs cadavres de gardes nationaux calcinés ont été transportés à l'ambulance de la presse des Ternes. [p. 1, c. 6]

Les prix des comestibles a augmenté depuis quelques jours, dans des proportions considérables. [p. 2, c. 1]

On sait la haine féroce du petit bonhomme (Thiers) *contre les chemins de fer.* Sous la monarchie de juillet, il traitait dédaigneusement de chimère, la construction des voies ferrées!

Les princes d'Orléans à Versailles. [p. 2, c. 3]

On va publier ces jours-ci *la correspondance d'Ernest Picard avec son agent de change.* Pourrait avoir pour titre: *«De l'art, non d'élever mais d'abaisser une nation et de s'en faire 100 000 l. de rente».*

Les professeurs de l'Ecole de médecine ont abandonné leur poste; les cours sont suspendus. Die Commission d'enseignement a pris des mesures zur Stiftung freier Faculté. [p. 2, c. 4]

Красные теперь не занимают ни единого дюйма территории на правом берегу Сены от Нейи до Сен-Дени... Пасси, Трокадеро, Терн, Леваллуа и Клиши подвергаются сильной бомбардировке. *Конец, очевидно, приближается.*

Париж. 17 апреля. Результат вчерашнего голосования при выборе членов на вакантные места в Коммуне является неудачей этого учреждения в 13 округах. Только в 4 округах несколько кандидатов получили хоть $^1/_8$ голосов из числа имеющих право выбирать. Во всех прочих округах ни один кандидат не был избран по правилам.

Передовая. Подкрепления, непрерывно получаемые маршалом Мак-Магоном, начинают сказываться на ходе борьбы.

19 апреля. «Daily News»

Париж. 17 апреля. Корреспонденция. «Число преступлений удивительно уменьшилось в Париже».

20 апреля. «Le Mot d'Ordre»

«Le Mot d'Ordre» проповедывал голосование во что бы то ни стало. Однако восторжествовало воздержание от голосования.

Вчера полицейский комиссар арестовал *Поло*, редактора «L'Èclipse». (Газета не политическая.)

По отношению к отрядам федератов жандармы применяют приемы пруссаков. Когда им удается окружить нескольких парижан в каком-либо доме, они обливают его керосином и поджигают. Несколько обгорелых трупов национальных гвардейцев были перенесены в амбулаторию прессы в квартале Терн.

Цена на съестные припасы уже несколько дней значительно повысилась.

Известна дикая ненависть «маленького человечка» (Тьера) *против железных дорог.* Во время июльской монархии он презрительно третировал постройку железных дорог как химеру!

Орлеанские принцы в Версале.

В ближайшие дни предстоит опубликование *переписки Эрнеста Пикара со своим биржевым маклером.* Ее можно было бы озаглавить: *«Об искусстве не возвысить нацию, но унизить и извлечь из этого для себя стотысячную ренту».*

Профессора Медицинской школы оставили свои посты; лекции прекращены. Комиссия по просвещению приняла меры к учреждению свободного факультета.

20 Avril. Daily News. [№ 7792]

Corr. Paris 18. Private houses have been invaded and papers seized; but no furniture has been carried away and sold by auction.

Vote of the 16-th April:

2 Arrond: Inscribed: 22 858. *Voters:* 11 143 (March 26). *Voters 3 498* (16 April). *Sérailler 3 141.*

17 Arrond: *Inscribed:* 26 574. *Voters*: 11 329 (March 26). *Voters* 4 848 (16 Avril). *Dupont* 3 450. [p. 5, c. 5]

Versailles. 17 April. The proscripts of 1852, both Orleanists and Republicans, have not a word to say against M. Thiers *for reviving M. Pietri's Police,* and making use of it exactly as the Emperor did, when Espinasse and Morny were Ministers of the Interior... *Picard's last decree* beats the law of «*Suspects*» of the First Revolution. Gendarmes are enjoined to search every train going in the direction of Paris or Versailles, and arrest all those who «appear to them» of suspicious appearance, take their papers from them, and not let them go until the Prefect (who may want to refer to Picard) gives an order for their liberation. The passport nuisance is re-established in all its ancient vigour. Ladies travelling, or walking by themselves, are exposed to worse indignities than imprisonment. [p. 5, c. 6]

Paris April 19. Telegramme. Opinion Nationale, Bien Public, Soir, Cloche suppressed. *(Tolain.)* «Considering that Sieur Tolain, elected to the National Assembly as a representative of the working classes, has deserted his cause in the most disgraceful manner, the International (Federal) Council of Paris excludes him, and proposes to the Council General of London to concur (confirm this) with this». — Another Cannonade. — *Court Martial* at Paris established to decide upon every offence, affecting public safety. *Uhlbach arrested.* — *Gaulois* confesses: that there is an *ensemble* in the plan of defence of the insurgents, and that the leaders show intelligence and daring. [p. 3, c. 1]

St. Denis Avril 17. Interview with *General von Pape (Prussian Commander at St. Denis).* Bismarck had sent no ultimatum to Thiers, requiring him to put an end to the disorders in Paris by the 23-d at latest, or put up with a Prussian intervention. As long as Prussia held so immense a part of France, there could be no advantage in interference. It might *revive* the hatred against the victors which had all but died away. The Prussian government ready to do anything short of active and direct intervention to assist the party of order in putting

20 апреля. «Daily News»

Корреспонденция. Париж. 18 апреля. Частные дома подверглись налетам, причем бумаги захватывались; однако случаев увоза мебели и продажи ее с аукциона не было.

Голосование 16 апреля:

2-й округ: избирателей по спискам — 22 858. *Голосовало* — 11 143 (26 марта). *Голосовало* — 3 498. (16 апреля.) *Серрайе* — 3 141.

17-й округ: избирателей по спискам: 26 574. *Голосовало* — 11 329 (26 марта). *Голосовало* — 4 848 (16 апреля). *Дюпон* — 3 450.

Версаль. 17 апреля. Опальные 1852 г., как орлеанисты, так и республиканцы, ни слова не возражают против Тьера *в связи с восстановлением полиции Пьетри* и использованием ее совершенно так же, как в свое время это делал император, когда Эспинасс и Морни были министрами внутренних дел... *Последний декрет Пикара* побивает закон о «*подозрительных*» первой революции. Жандармам предписано обыскивать каждый поезд, идущий в направлении к Парижу или Версалю, и арестовывать всех, чья наружность «покажется им» подозрительной, отбирать у них паспорта и не отпускать их, пока префект (который, возможно, пожелает снестись с Пикаром) не даст приказ об их освобождении. Мерзости паспортной системы восстановлены во всей их былой силе. Дамы, путешествующие или гуляющие без спутников, подвергаются оскорблениям, худшим, чем заключение в тюрьму.

Париж. 19 апреля. Телеграмма. «*Opinion Nationale*», «*Bien Public*», «*Soir*», «*Cloche*» закрыты. *(Толен.)* «Ввиду того, что господин Толен, избранный в Национальное собрание как представитель рабочего класса, самым позорным образом изменил своему делу, Интернациональный (Федеральный) совет в Париже исключает его и предлагает Генеральному совету в Лондоне согласиться с этим (утвердить это»). — Новая канонада. — *Военно-полевой суд* в Париже учрежден для решения дел о каждом проступке, наносящем ущерб общественной безопасности. *Ульбах арестован.* — «*Gaulois*» признает, что в плане обороны инсургентов есть *известная цельность* и что их вожди проявляют ум и отвагу.

Сен-Дени. 17 апреля. Свидание с *генералом фон-Папе (прусским командующим в Сен-Дени).* Бисмарк не посылал Тьеру никакого ультиматума с требованием прекратить беспорядки в Париже самое позднее к 23-му числу или в противном случае, примириться с вмешательством пруссаков. Пока Пруссия занимает такую огромную часть Франции, ей нет никакой выгоды вмешиваться. Это могло бы *оживить* ненависть против победителей, которая уже почти исчезла. Прусское правительство готово сделать все, что угодно, за

an end to the disturbances. The Treaty fixed the boundaries of the Prussian occupation during and after the armistice, and described with great minuteness the neutral ground which neither army had a right to tread on. That neutral ground still exists from the enceinte to the line of Prussian outposts, although the German general has a discretionary power to allow his soldiers to occupy it up to the walls of the city. When MacMahon is allowed to march on this ground and surround the city, it will be with the express permission and connivance with Prussia, and in so far as this permission would never be granted to a soldier of the Commune, Prussia may be said, to actively assist Versailles in putting down the insurrection.

Nach *v. Pape* MacMahon could not attack the City Walls or the forts for at least 3 weeks, at the present rate of progress of his army. V. Pape said nur 50 000 men (till 15 April night) could be depended upon by Versailles. And with these, MacMahon has to guard Versailles, and the rest of the men who cannot be relied on. It was incredible, with what contempt the soldiers of Alsace and Lorraine, who were returning home, spoke of the whole army, and the officers in particular. Their comrades, not of the same provinces, swore they would lift a gun neither for Versailles nor Paris. They are sent down to South or Havre to be reorganized. Very few men who arrive in Versailles from all parts of the country, from Belgium, Germany, Switzerland, remain there to form part of MacMahon's army; and he wants at least 120 000 men. *A distinct offer had been made on the part of the Prussian government* to send troops *to the assistance of Versailles, and since then it had been proposed to cut the railways and shut Paris up*, but Thiers' answers so weak, that no third offer made... Although Germany remains neutral and stands aloof, at any moment ready to step in in the cause of order. [p. 6, c. 1]

21 April. Echo [№ 737]

Versailles. 21 April. Governmental *Successes at Neuilly. Capture of barricades and cannons.* [p. 5, c. 2]

21 April. Daily News. [№ 7793]

20 April. Capture of Asnières by Dombrowski. Bien Public published to-day despite the prohibition.

20 April. St. Dénis. There are symptoms among the Prussian troops of an intention to break up. The forts will be given up to the lawful government to enable the Prussians to retire to Rheims. *Canrobert* has

исключением активного и прямого вмешательства, чтобы помочь партии порядка положить конец беспорядкам. Договор установил границы прусской оккупации на время перемирия и после него и с большой тщательностью очертил нейтральную зону, на которую не имеет права вступить ни та, ни другая армия. Эта нейтральная зона еще существует от черты города до линии прусских аванпостов, хотя германский генерал имеет дискреционное право позволить своим солдатам занять ее до самых стен города. Когда Мак-Магону будет разрешено пройти по этой зоне и окружить город, это совершится с определенного разрешения и при попустительстве Пруссии, и поскольку такое разрешение никогда не будет дано солдатам Коммуны, Пруссия, можно сказать, активно помогает Версалю подавить восстание.

По мнению *фон-Папе* Мак-Магон не сможет атаковать стены города или форты в течение, по крайней мере, 3 недель, судя по нынешнему темпу продвижения его армии. Фон-Папе сказал, что (до ночи 15 апреля) Версаль мог рассчитывать только на 50 000 человек. И с таким числом Мак-Магон должен охранять Версаль; остальные солдаты таковы, что на них нельзя положиться. Невероятно, с каким презрением солдаты Эльзаса и Лотарингии, возвращавшиеся домой, говорили обо всей армии, и в особенности об офицерах. Их товарищи, из других провинций, клялись, что они не возьмут в руки ружье ни ради Версаля, ни ради Парижа. Они отправлены на юг или в Гавр для реорганизации. Очень мало солдат, прибывающих в Версаль из всех частей страны, из Бельгии, Германии, Швейцарии, остаются там, чтобы войти в состав армии Мак-Магона; а ему требуется по меньшей мере 120 000 человек. *Со стороны прусского правительства было сделано определенное предложение* послать войска *для поддержки Версаля, а после этого было предложено прервать железнодорожное сообщение и отрезать Париж*, но Тьер ответил так неопределенно, что третьего предложения не последовало... Хотя Германия остается нейтральной и стоит в стороне, она во всякую минуту готова вступиться за дело порядка.

21 апреля. «Echo»

Версаль. 21 апреля. Успехи правительственных войск *в Нейи. Взятие баррикад и пушек.*

21 апреля. «Daily News»

20 апреля. Взятие Аньера Домбровским. Газета «*Bien Public*», несмотря на запрещение, сегодня вышла.

20 апреля. Сен-Дени. Среди прусских войск замечаются признаки намерения уйти. Форты будут переданы законному правительству, чтобы дать пруссакам возможность удалиться в Реймс. Прибыл *Кан-*

arrived and visited Thiers. *Ducrot* expected with 8 000 from Cherbourg. 7 000 troops arrived from Switzerland (General Clinchamp). [p. 3, c. 4]

The Commune has declared that all judgments of Law Courts must be rendered in his name.

19 April. Declaration of the Commune: «What does Paris demand? The Recognition and Consolidation of the Republic, and the absolute autonomy of the Commune extended to all places in France... equal for all Communes... The inherent rights of the Commune... to vote the Communal budget of receipts and expenses, the improving and alteration of taxes, the direction of local services, the organization of the magistracy, internal police and education. The administration of the property... of the Commune, the choice by election or competition with the responsibility and permanent right of control and revocation of the Communal magistrates, and officials of all classes... right of meeting and publicity... The organization of urban defence and... the National Guard, which elects its chiefs, and alone watches over the maintenance of order in the city. Paris wishes nothing more under the head of local guarantees, on the well understood condition of regaining in a grand central administration and delegation from the Federal Communes the realisation and practice of those principles etc... desires. not «to impose its will and supremacy of the rest of the nation... The unity which has been imposed upon us up to the present, by the Empire, the Monarchy, and Parliamentary Government, is nothing but centralisation, despotic, unintelligent, arbitrary, and onerous. The political unity as desired by Paris, is a voluntary association of all local initiatives... End of... the governmental and clerical world, of military supremacy and bureaucracy and jobbing in monopolies and privileges, to which the proletariat owed its slavery, and the country its misfortunes and disasters... Paris is only in arms in consequence of her devotion to liberty, and the glory of all in France ought to cause this bloody conflict to cease. It is for France to disarm Versailles by a solemn manifestation of her irresistible will... It is our duty to fight and conquer».

18 April. Republican League has published this: «M. Thiers statements to our delegates afford us guarantees neither for the maintenance of the Republic nor the establishment of Communal liberty, in fact, [p. 3, c. 5] for none of the things we demanded». «... the only possible issue from the present conflict is to be found in a compromise... We have decided for the present moment to place ourselves in communication with the municipal councils of the provincial towns of France and to make known to them the legitimate wishes of Paris... Lyons,

робер и посетил Тьера. *Дюкро* ожидается из Шербурга с 8 000 человек. Отряд в 7 000 человек прибыл из Швейцарии (генерал Кленшан).

Коммуна объявила, что все приговоры судов должны выноситься от ее имени.

19 апреля. Воззвание Коммуны. «Чего требует Париж? Признания и упрочения республики, а также полной автономии Коммуны, распространенной на все населенные пункты Франции... равной для всех коммун... Присущие Коммуне права... решать вопросы коммунального бюджета доходов и расходов, улучшения и изменения налогов, руководства обслуживанием местных нужд, организации судебной магистратуры, внутренней политики и народного образования. Управление имуществом... Коммуны, избрание коммунальных судей и чиновников всех классов посредством выборов или конкурса, с ответственностью их и постоянным правом контроля над ними и их отозвания... право собраний и гласность... Организация городской обороны и национальной гвардии, которая избирает своих начальников и одна наблюдает за поддержанием порядка в городе. По части местных гарантий Париж не желает ничего большего, при само собою разумеющемся условии, что в крупных вопросах центральное правительство и представительство федеральных Коммун явятся осуществлением и применением тех же принципов и т. д... он не желает «навязывать свою волю и верховенство остальной части нации... Единство, которое было навязано нам до сих пор империей, монархией и парламентским правительством, есть не что иное, как централизация, деспотическая, неразумная, произвольная и обременительная. Политическое единство, которого желает Париж, есть добровольное объединение всех местных инициатив... Конец... правительственного и клерикального мира, военного верховенства, бюрократии, торговли монополиями и привилегиями, которым пролетариат был обязан своим рабством, а страна — своими бедствиями и катастрофами... Париж взялся за оружие только в силу своей преданности свободе, и величие всей Франции требует прекращения этого кровавого конфликта. Сама Франция должна обезоружить Версаль торжественным изъявлением своей непоколебимой воли... Наш долг сражаться и победить».

18 апреля. Республиканская лига опубликовала следующее: «Заявления Тьера нашим делегатам не гарантируют нам ни сохранения республики, ни установления коммунальной свободы, в сущности ничего из того, чего мы требовали». «...единственный возможный выход из нынешнего конфликта должен быть найден в компромиссе... Мы решили, пока что, войти в общение с муниципальными советами провинциальных городов Франции и довести до их сведения законные пожелания Парижа... Лион, добившийся собственной Коммуны,

which has obtained its Commune, Lille, Mâcon, and other towns which understand that the cause of Paris is the cause of all the Communes of France, have anticipated our appeal. Their intervention is a sign which it would be imprudent in the National Assembly to misunderstand. Let the Assembly comprehend at last that all the great towns of France have resolved to uphold against all the Republican form of government, and to give it, as an *unshakeable basis, communal liberties in their integrity*».

Versailles. April. 20. Brunet moved appointment of a committee of 25 to make an appeal for conciliation. Urged the Assembly to declare itself ready to treat with Paris. Rejected by previous question. [p. 3, c. 6]

Leader. «The 20 millions £. St. are in readiness in Versailles... to buy the retirement of the Prussian garrisons... Thiers not anxious to see them go. The possession of... forts and lines now held by the Germans would be of immeasurable service to MacMahon, if he had troops enough to hold them.. but... his available resources fell... short of that». «As for a simultaneous attack on Paris on the north-west, west and south... is practicable now as it would be after the withdrawal of the Germans,... v. Pape having expressed his willingness to allow Marshal MacMahon to advance along the neutral ground lying between the enceinte and the German outposts». [p. 5, c. 1]

20 April. Daily News. [№ 7792]

Aus Brief von Littré: «This terrible, this fratricidal war is the work of the Assembly. It would have sufficed to have definitely proclaimed the Republic, instead of accepting it provisionally, and hampered with innumerable conditions — to have removed the Assembly at once to Paris, and recognised its municipal rights; and by a *single law upon the vexed questions of échéances and rents* to have called upon the provinces which had escaped from the invaders to bear some part of the burden thrown upon Paris during its long siege. These simple acts would have been sufficient to avert the present conflict... Instead of this, the Assembly has let slip no opportunity of manifesting its hatred of Paris and of the Republic. It prevented Garibaldi from speaking — it howled down Victor Hugo — it let be known, by the mouth of those whom it allowed to speak, that its intention was to *decapitalise* Paris, and when in the Committee-rooms it was replied — «You wish, then, for civil war?» they answered: «If civil war arises — if Paris rebels — we will crush her». That was not enough; Paris was wise, and gave no sign. But it was necessary, as in 1848 (June), to bring about an insurrection, in order to have an excuse for smothering

Лилль, Макон и другие города, которые понимают, что дело Парижа есть дело всех коммун Франции, предвосхитили наш призыв. Их вмешательство является указанием, неправильно понять которое было бы неблагоразумно для Национального собрания. Пусть Собрание наконец поймет, что все большие города Франции решили вопреки всему поддержать республиканскую форму правления и дать стране, в качестве *непоколебимой основы, коммунальные свободы во всей их полноте*».

Версаль. 20 апреля. Брюне предложил назначить комиссию из 25 членов для составления воззвания о примирении. Убеждал собрание выразить готовность вести переговоры с Парижем. Его предложение отклонено путем предварительной постановки на голосование.

Передовая. «20 миллионов ф. ст. уже приготовлены в Версале... на предмет уплаты за удаление прусского гарнизона... Тьер не очень стремится к тому, чтобы пруссаки ушли. Обладание... ныне занимаемыми немцами фортами и линиями оказало бы Мак-Магону неизмеримую услугу, если бы у него было достаточно войск, чтобы удержать их... но... средств, находящихся в его распоряжении... для этого недостаточно». «Что же касается одновременной атаки на Париж с северо-запада, запада и юга... то она столь же выполнима теперь, как и после ухода немцев... ибо фон-Папе выразил свою готовность позволить Мак-Магону наступать вдоль нейтральной полосы, лежащей между городской чертой и германскими аванпостами».

20 апреля. «Daily News»

Из письма Литтре: «Эта ужасная, эта братоубийственная война есть дело Собрания. Достаточно было бы окончательно провозгласить республику, вместо того, чтобы принимать ее только временно и затруднять ее бесчисленными оговорками, немедленно перевести Собрание в Париж и признать его муниципальные права; следовало бы обратиться к провинциям, которые не подверглись нашествию, *с одним единственным законом, посвященным трудному вопросу о сроках платежей и квартирной плате*, законом, содержащим призыв взять на себя часть бремени, свалившегося на Париж во время его долгой осады. Этих простых мероприятий было бы достаточно для избежания нынешнего конфликта... Вместо этого Собрание не упустило ни одного случая открыто проявить свою ненависть к Парижу и республике. Оно не дало Гарибальди говорить, диким ревом оно заглушило слова Виктора Гюго; устами тех, кому оно разрешило говорить, оно оповестило, что его намерением было *лишить* Париж *звания столицы*, и когда в помещении комиссии возразили: «В таком случае, вы хотите гражданской войны?» — оно дало такой ответ: «Если гражданская война начнется, если Париж восстанет, мы сокрушим его». Этого ему

the Republic. It was necessary, moreover, that the signal for this insurrection should not be the proclamation of a Monarchy, for such a step would have roused every city in France. What did the Executive then do? It named *Vinoy* Governor of Paris — *Vinoy, the mitrailleur* of the 2-nd December; it named *Valentin* Préfet of the Police and *d'Aurelle de Paladines* Commander-in-Chief of the National Guard... under the pretence of reorganizing them. Paris disarmed; Paris manacled by the Vinoys, the Valentins, the Paladines, the Republic was lost. This the Parisians understood. With the alternative of succumbing without fighting, and risking a terrible contest of uncertain issue, they chose to fight; and I cannot but praise them for it.... If the Commune succumbs, the Republic is lost, and the restoration of a Monarchy in France, where the monarchical feeling is dead, is the end of our country». [p. 3, c. 3]

22 April. Mot d'Ordre. [№ 58]

Le *Mont Valérien* vient de recevoir 40 pièces de 30, destinées à pulvériser *Neuilly*, *Asnières* et toute la partie sud du Paris *insurgé*, comme disent les ruraux. [p. 2, c. 1]

«La Prusse a mis tant d'empressement à permettre à Thiers 80 000, puis 150 mille hommes, au lieu des 40 000 fixés par le traité... L'épuisement, la ruine de la France, voilà la volonté Allemande. (Sonst la *Prusse n'avait qu'à rejeter simplement les demandes du second bombardeur pour le contraindre à rétablir l'ordre en traitant immédiatement avec Paris.*) [p. 2, c. 2] La guerre civile ajoute le plus beau rouage à leur système d'épuisement». Elle veut de l'argent! Qu'on veuille donc songer que chaque jour de retard nous coûte 120 000 fcs. pour l'entretien des troupes d'occupation, et que cette menue monnaie, depuis le jour de l'armistice, ne laisse pas que de grossir la somme de 5 milliards et de vider un peu nos poches. [p. 2, c. 3]

Paris 19 Avril. Commune erklärt auch die *untergesetzlichen* majorités valides. [p. 2, c. 5].

22 Avril. L'Avant-Garde. [№ 451]

Versailles. 19 Avril. Le mouvement de Bordeaux est l'objet de toutes les préoccupations. On l'attribue dans les couloirs à la teneur de la loi municipale. La foule a parcouru les rues, criant: à bas Thiers! Vive la Commune! Des groupes se sont présentés sans armes à l'Hôtel-de-Ville. Un vrai meeting populaire. Pas de violences. Les pétitions des

было еще мало; Париж действовал мудро и не подавал знака. Но, как и в июне (1848 г.), было необходимо вызвать восстание, чтобы иметь оправдание для удушения республики. Сверх того, было необходимо, чтобы сигналом для восстания послужило не провозглашение монархии, ибо подобный шаг поднял бы каждый город во Франции. Что же сделала исполнительная власть? Она назначила губернатором Парижа *Винуа — Винуа, расстрельщика* 2 декабря; она назначила *Валантена* префектом полиции, а *д'Орель де-Паладина* главнокомандующим национальной гвардии... под предлогом ее реорганизации. Раз Париж обезоружен, раз Париж скован по рукам всеми этими Винуа, Валантенами и Паладинами, — республика погибла. Парижане это поняли. Поставленные перед выбором: либо подчиниться без боя, либо отважиться на страшное столкновение, исход которого неизвестен, они выбрали борьбу; и я могу только похвалить их за это... Если Коммуна падет, республика погибла, а восстановление монархии во Франции, где монархические чувства умерли, будет концом нашей страны».

23 апреля. «Mot d'Ordre»

Мон Валерьен только что получил 40 пушек 30-го калибра, предназначенных стереть в порошок *Нейи*, *Аньер* и всю южную часть *восставшего* Парижа, как выражаются помещичьи представители.

«Пруссия с такой готовностью разрешила Тьеру получить 80 000, затем 150 000 человек, вместо 40 000, определенных договором... Истощения, гибели Франции — вот чего хотят немцы. (Иначе *Пруссии надо было попросту лишь отвергнуть просьбы второго бомбардира, чтобы принудить его восстановить порядок, немедленно договорившись с Парижем.*) Гражданская война вводит новый великолепный механизм в их систему истощения». Она требует денег! Подумайте только о том, что каждый день запоздания обходится нам в 120 000 франков на содержание оккупационных войск, и что со времени перемирия эта мелочь непрерывно увеличивает сумму в 5 миллиардов и немного опорожнивает наши карманы.

Париж. 19 апреля. Коммуна объявляет также избранными лиц, *не получивших* большинства, *предписанного законом.*

22 апреля. «L'Avant-Garde»

Версаль. 19 апреля. Движение в Бордо является предметом всеобщего беспокойства. В кулуарах его приписывают содержанию муниципального закона. Толпа ходила по улицам с криками: «Долой Тьера! Да здравствует Коммуна!» У ратуши собрались группы безоружных людей. Настоящее народное собрание... Никакого насилия...

Conseils municipaux pour une solution pacifique arrivent chaque jour plus nombreuses. [p. 2, c. 2]

Appel de la Chambre syndicale des ouvriers mécaniciens: convoquent les ouvriers mécaniciens pour le dimanche 23 Avril, 1871. *Programme:* Emancipation sociale — Projet d'association — Défense de la République et de la Commune. [p. 2, c. 3]

Décret de la Commune: l'établissement d'une compagnie d'aérostiers civils et militaires de la Commune de Paris (placed under Capitaine Durnof.)

Paris. 20 Avril. Commission exécutive: Art. 1. Le travail de nuit est supprimé. Art. 2. Les placeurs institués par la police impériale sont supprimés. Cette fonction est remplacée par un registre placé dans chaque mairie pour les inscriptions des ouvriers boulangers. Un registre central sera établi au ministère du commerce. [p. 2, c. 6]

22 Avril. Situation. [№ 183]

15 Avril. Réquisition im Hôtel des frères Pereire, rue du faubourg St. Honoré. [p. 7, c. 2]

22 April. Daily News. [№ 7794]

Paris. April 21. Fighting going on with various success. Asnières has become untenable for both sides... Neue Commission gewählt *Frankel* (Labour and Exchange) *Cluseret* (War) *Jourde* (Finance) *Viard* (Subsistances) *Paschal Grousset* (Foreign Affairs) *Protot* (Justice) *Andrieux* (Public Works) *Vaillant* (Education) *Raoul Rigault* (Public Safety).

The ministry thus constituted is to hold power under the following conditions:

«1) The executive power is and remains confided provisionally to one Delegate from *each of the 9 Commissions,* amongst which the Commune has divided the work of administration. 2) The Delegates will be named by the Commune by a majority of votes. 3) The delegates will meet each day, and take by majority the decisions relative to each of their departments. 4) Each day they will render an account to the Commune in secret Committee of the measures decreed or executed by them, and the Commune will ratify those measures». [p. 3, c. 1]

One decree of the Commune closing all cafés at midnight... *Bien Public* at last fairly suppressed. It does not appear to-day.

Cri du Peuple violently attacks Cluseret, even accuses him of cowardice.

Versailles 20 April. Thiers gave grand military dinner to *Gen.*

Каждый день все в большем числе поступают петиции муниципальных советов в пользу мирного разрешения конфликта.

Призыв синдикальной палаты рабочих-механиков: созывают рабочих-механиков на воскресенье 23 апреля 1871 г. *Программа:* Социальное освобождение. Проект товарищества. — Оборона республики и Коммуны.

Декрет Коммуны. Учреждение общества гражданских и военных воздухоплавателей Парижской Коммуны (под руководством капитана Дюрнофа).

Париж. 20 апреля. Исполнительная комиссия. Ст. 1. Ночной труд отменен. Ст. 2. Посредники по подысканию работы, учрежденные императорской полицией, упразднены. Эта функция заменена списком, находящимся в каждой мэрии для внесения в него рабочих-булочников. Центральный список будет заведен в министерстве торговли.

22 апреля. «*Situation*»

15 апреля. Реквизиция в особнякс братьев Перейр, на улице Фобур Сент-Оноре,

22 апреля. «*Daily News*»

Париж. 21 апреля. Бой продолжается с переменным успехом. Аньер стало невозможным удерживать для обеих сторон... Избрана новая Комиссия: Франкель (труд и обмен), *Клюзере* (военные дела), *Журд* (финансы), *Виар* (продовольствие), *Паскаль Груссе* (иностранные дела), *Прото* (юстиция), *Андриe* (общественные работы), *Вайан* (просвещение), *Рауль Риго* (общественная безопасность).

Составленное таким образом министерство будет функционировать на следующих условиях: «1) Исполнительная власть попрежнему временно остается вверенной одному делегату от *каждой из 9 комиссий*, между которыми Коммуна разделила дело управления. 2) Делегаты будут назначаться Коммуной большинством голосов. 3) Делегаты будут собираться ежедневно и большинством голосов принимать решения, касающиеся каждого из их ведомств. 4) Они ежедневно будут отдавать отчет Коммуне в тайном комитете о постановленных и выполненных ими мероприятиях, а Коммуна будет утверждать такие меры».

Декрет Коммуны, предписывающий закрывать все кафе в полночь... «*Bien Public*» наконец запрещен совершенно. Сегодня он не выйдет.

«*Cri du Peuple*» яростно нападает на Клюзере, даже обвиняет его в трусости.

Версаль. 20 апреля. Тьер дал торжественный обед военным в

Ducrot, who arrived from Cherbourg with 15 000 men of the Metz garrison returned from Germany.

About 100 seats vacant in the Assembly... Requisitions have been made in the residences of all the members of the late Government of National Defence. [p. 3, c. 2]

22 April. Irishman. [vol. XIII, № 42]

Paris, 16 Avril. Paris received notice to surrender in 24 hours. People are flying from Paris in greater number than ever. [p. 674, c. 2[

12 Avril. Destruction des Arc de Triomphe. [p. 677, c. 2]

23 April. Observer. [№ 4170]

The «*really dangerous classes*» are thus described in the *Rappel:* «The quiet inhabitants of *St. Germain-en-Laye* amuse themselves a good deal just now. Some enterprising persons have set up telescopes on their terrace; all wait their turn to see the battle taking place before Paris... The civil war is but an agreeable digression. Parisians and Versaillese are but actors playing their parts a little more seriously than usual, that is all... St. Germain is at this moment inhabited by persons who have no real tie to the French nation. Its new population is composed of «*franc-fileurs*» and *Parisians of the boulevard*, male and female, frightened away by the events. The town is but a *rural Café Anglais*, or a magnificent *maison dorée*. The *habitués* of these two establishments have no nationality, they are a species apart—*emminently imperialist creatures*, who know nothing of life but what is amusing!... What is to be done to resume the joyous napoleonic existence? Why, look at the battle, and count the cannon-shot, to be sure. The Châtelet had some military pieces lately; but this performance is much better got up. The men who fall are really dead, the cries of the wounded are cries in good earnest. Besides, the whole thing is intensively historical. These ladies and gentlemen are right in observing this spectacle so curiously, for it is precisely against them that these desparate fights are directed. *What Paris will no longer stand is just the existence of the Cocottes and Cocodès.* What it is resolved to drive away or transform is this useless, sceptical and egotistical race, which has taken possession of the gigantic town to use it as its own. No celebrity of the Empire (i. e. keine seiner Huren) shall have the right to say «Paris is very pleasant in the best quarters, but there are too many poor in the others». [p. 5, c. 3]

честь *генерала Дюкро*, прибывшего из Шербурга с 15 000 солдат из бывшего гарнизона Меца, вернувшихся из Германии.

В Собрании около 100 мест вакантны... В домах всех членов бывшего правительства национальной обороны были произведены реквизиции.

22 апреля. «Irishman»

Париж. 16 апреля. Парижу предъявлено требование сдаться в 24-часовой срок. Жители бегут из Парижа в большем числе, чем когда-либо.

12 апреля. Разрушение Триумфальной Арки.

23 апреля. «Observer»

«*Действительно опасные классы*» описаны в «*Rappel*» так: «Мирные жители Сен-Жермен ан Лэ в настоящую минуту очень развлекаются. Некоторые предприимчивые люди поставили на своих террасах подзорные трубы; все ждут своей очереди поглядеть на сражение, происходящее под Парижем... Гражданская война является лишь приятным развлечением. Парижане и версальцы — не более, как актеры, разыгрывающие свои роли несколько серьезнее обычного, вот и все... Сен-Жермен в настоящий момент населен лицами, у которых настоящих связей с французской нацией нет. Его новое население состоит из героев тыла и *парижской бульварной публики*, мужского и женского пола, которых события спугнули с мест. Город представляет собой либо *дачное «английское кафе»*, либо великолепный притон. У завсегдатаев двух этих заведений нет национальности, они представляют собою особую разновидность — *продукт специально императорского режима:* из жизни им знакомо лишь то, что доставляет развлечение!.. Что же предпринять для возобновления веселой жизни наполеоновских дней? Глядите же на сражение и считайте пушечные выстрелы. В Шатле последнее время давались кое-какие военные пьесы; но это представление поставлено гораздо лучше. Люди, которые падают, действительно мертвы, крики раненых — самые настоящие. К тому же все это так исторически значительно. Эти дамы и господа правы, наблюдая с таким любопытством это зрелище, ибо эти отчаянные бои направлены именно против них. *Чего Париж не хочет более терпеть, так это именно существования кокоток и модных хлыщей.* Он решил либо выгнать вон, либо переделать эту бесполезную, скептическую и эгоистичную породу людей, которая завладела гигантским городом, чтобы пользоваться им, как своей собственностью. Ни одна знаменитость империи (т. е. никакая из ее шлюх) не будет иметь права сказать: «Париж очень приятен в лучших кварталах, но в нем слишком много бедняков в других».

24 April. Daily News. [№ 7795]

Leader: «Day after day passes, and the utterly hopeless character of the insurrection in Paris becomes more and more apparent». [p. 4, c. 5]

Paris 22 April (Corresp.) «He must have great faith who still believes with M. Thiers in the easiness of victory for the troops of Versailles. Every day in which victory is deferred is a gain to the Commune». [p. 5, c. 4]

Corr. Versailles. 22 April. «The danger to the insurgents does not lie in front of them, but at their flanks. The rumour is current at present that St. Denis is being cleared by the Prussians, and occupied by Governmental troops. No foundation in the report, but by the time MacMahon has his troops sufficiently organised, the movement will either have taken place, or General von Pape will allow him to cross the Seine through the town and throw himself into St. Ouen. There is a redoubt close to the village, but as yet the Germans have refused anyone the permission to occupy it. Mac Mahon would probably get this permission, establish himself in St. Ouen, and threaten Clichy by that means on the right». [p. 5, c. 6]

Paris, April 23. (Telegram). The gendarmes of the Versailles Government at St. Denis, by favour of the Prussians, strictly search every train which goes into Paris by the Northern Railway, in accordance with Picard's directions that suspicious foreigners must be kept out of Paris. The students of medecine, convoked to reorganise a medical school, refused to go into the question with the Commune, and broke up amid cries of «*Vive la République*»... [p. 3, c. 1] Some very curious documents relative to the siege of Paris have been discovered in the War office... The Commune has adopted the proposition of Delescluse, that military affairs shall be directed by the decisions of the majority of the delegates, not by Cluseret alone. [p. 3. c. 2]

Havre. April 23. The Municipal Council of Havre has to-day despatched three of its members to Paris and Versailles with instructions to offer mediation, with the view of terminating the civil war on the basis of the maintenance of the Republic, and the granting of municipal franchises to the whole of France. [p. 3. c. 3]

23 and 24 April. Situation. [№ 184]

Réunion des artistes de Paris, sous la présidence du citoyen Courbet. Kerls wollen die Vendômesäule nicht zerstört haben. (Ganz freie Diskussion). (Öffentliche Sitzung). In der Tat hat die Commune nun beschlossen nur den Bonaparte herunter zu haben und an seine Stelle die Freiheit zu setzen. (about 3 000 artistes à Paris.)

24 апреля. «Daily News».

Передовая. «Дни идут за днями, и совершенно безнадежный характер парижского восстания становится все более очевидным».

Париж. 22 апреля. (Корреспонденция). «Много веры должно быть у того, кто еще рассчитывает вместе с Тьером на легкую победу версальских войск. Каждый день, отсрочивающий победу, есть выигрыш для Коммуны».

Корреспонденция. Версаль. 22 апреля. «Опасность для инсургентов находится не перед ними, а на их флангах. В настоящее время ходит слух, что Сен-Дени очищается пруссаками и занимается правительственными войсками. Сообщение ни на чем не основано, однако к тому времени, когда Мак-Магон достаточно сорганизует свои войска, движение будет либо уже произведено, либо генерал фон-Папе позволит ему перейти Сену в городе и броситься в Сент-Уан. Там есть редут близ самой деревни, но до сих пор немцы не разрешали занять его ни той, ни другой стороне. Мак-Магон, вероятно, получит это разрешение, обоснуется в Сент-Уане и, таким образом, будет угрожать Клиши справа».

Париж. 23 апреля. (Телеграмма). С согласия пруссаков жандармы версальского правительства, в соответствии с распоряжением Пикара, чтобы подозрительные иностранцы не допускались в Париж, тщательно обыскивают в Сен-Дени каждый поезд, идущий в Париж по Северной железной дороге. Студенты-медики, созванные для реорганизации Медицинской школы, отказались обсуждать вопрос с Коммуной и разошлись с криками: «Да здравствует республика»... Несколько весьма любопытных документов, относящихся к осаде Парижа, было обнаружено в военном министерстве... Коммуна приняла предложение Делеклюза, чтобы военные дела направлялись согласно решению большинства делегатов, а не одного Клюзере.

Гавр. 23 апреля. Сегодня муниципальный совет Гавра отправил трех своих членов в Париж и Версаль, дав им инструкции предложить посредничество в целях прекращения гражданской войны на основе сохранения республики и дарования всей Франции муниципальных свобод.

23 и 24 апреля. «Situation»

Собрание художников Парижа под председательством гражданина Курбе. Эти парни хотят, чтобы Вандомская колонна не была разрушена. (Вполне свободная дискуссия.) (Публичное заседание.) В действительности же, Коммуна постановила лишь снять статую Бонапарта и на его место поставить статую Свободы (в Париже около 3 000 художников).

«Toutes les grandes villes du monde entier envient à la nôtre; ce génie de l'art qui préside au travail intelligent de nos ouvriers et qui a fait la réputation incontestée et sans rivale de Paris» (sagt der Lause-*Soir* selbst.) [p. 2, c. 4] On a déclaré que les femmes étaient assimilées aux hommes, à la fois électeurs et éligibles. (der Artist Club) [p. 3. c. 1]

Leader. On est en train de vendre la colonne; l'Arc de Triomphe s'écroule. [p. 5, c. 4]

25 April. Situation. [№ 185]

Les provocateurs et les instigateurs sont les hommes qui ne craignent pas d'abord de pousser la masse à l'émeute pour obtenir le pouvoir, n'hésitent pas ensuite à massacrer leurs frères pour s'y consolider.

Erklärung im *Echo francais von C. Delpech,* ancien officier de la 8-e légion, gegründet auf Erklärung des vicaire général, *M. Jacquemet:* «Je soussigné vicaire général de l'archevèque de Paris, qui avais l'honneur de l'accompagner dans la mission de paix et de charité qu'il avait entreprise» etc. (Erklärung vom 26 Juin, 1848). Dennoch am 25 Juin der archevèque de Paris tué par les troupes de Cavaignac, nicht durch die insurgés. [p. 7, c. 4]

Constitutionnel et *Pays* avaient pris le parti de démonter leurs machines et d'emballer les casses pour aller s'établir en province. Par ordre de la commission de la sûreté générale, tout le matériel a été saisi et mis sous scellés. [p. 8, c. 1]

24 April. Mot d'Ordre. [№ 60]

Versailles. 22 Avril. MacMahon présida à Rambouillet grand conseil de guerre auquel assistaient tous les généraux réunis à Versailles pour travailler à l'anéantissement de Paris. Jamais, de mémoire de porte-sabre, on n'a vu tant de généraux rassemblés. A ceux qui avaient fui Paris dans la nuit du 19 mars, sont venus se joindre tous ceux que les décrets de Gambetta avaient improvisés en province, puis tous ceux qui se sont rendus à Sedan. C'est un concile oecuménique de grosses épaulettes... Les revenants de Sedan refusent de reconnaître comme collègues les généraux de Gambetta, à quoi ceux-ci répondent avec certaine raison que, s'étant battus pendant 6 mois pendant que les autres roulaient des cigarettes en Allemagne, ils constituent [p. 1 c. 2] plus que les autres les chefs de corps.

Trois armées à Versailles: 1) Les sergents de ville et les gendarmes déguisés en gardes nationaux ou en mobiles... des mouchards habillés en officiers;

«Все большие города всего мира чувствуют зависть к нашему городу, это — гений искусства, руководит осмысленным трудом наших рабочих и создал неоспоримую, не имеющую соперников репутацию Парижа» (говорит сам паршивый «*Soir*»). Было объявлено, что женщины приравниваются к мужчинам, одновременно могут избирать и быть избираемы (Клуб художников).

Передовая. Приступают к продаже колонны; Триумфальная Арка рушится.

25 апреля. «Situation»

Провокаторы и подстрекатели — это люди, которые не боятся сначала толкать массы к возмущению, чтобы получить власть, а затем без всяких колебаний производят избиение своих братьев, чтобы утвердить свою власть.

Заявление бывшего офицера 8-го легиона *К. Дельпеша* в «*Echo Français*» основано на заявлении генерального викария, *Жакме:* «Я, нижеподписавшийся, генеральный викарий парижского архиепископа, имевший честь сопровождать его в выполнении предпринятой им миссии мира и милосердия» и т. д. (Заявление от 26 июня 1848 г.). Однако 25 июня архиепископ парижский убит войсками Кавеньяка, а не инсургентами.

«*Constitutionnel*» и «*Pays*» решили разобрать свои машины и упаковать наборные кассы, чтобы перебраться в провинцию и обосноваться там. По приказу комиссии общественной безопасности на весь материал был наложен арест, и он был опечатан.

24 апреля. «Mot d'Ordre»

Версаль. 22 апреля. Мак-Магон председательствовал в большом военном совете в Рамбулье, на котором присутствовали все генералы, собранные в Версале, чтобы трудиться над уничтожением Парижа. Военщина не запомнит столь многочисленного собрания генералов. К генералам, убежавшим из Парижа ночью 19 марта, присоединились все генералы, в свое время импровизированные в провинции декретами Гамбетты, затем, все сдавшиеся при Седане. Это — вселенский собор густых эполет... Восставшие из мертвых герои Седана отказываются признать своими коллегами генералов Гамбетты, на что последние не без резона отвечают, что, участвуя в боях в течение 6 месяцев, в то время как те крутили папиросы в Германии, они в большей мере являются настоящими командирами корпусов.

В Версале три армии: 1) Городовые и жандармы, переодетые в национальных гвардейцев или мобилей... шпионы, переодетые офицерами.

2) l'armée de Sedan qui est ramenée de force à Versailles, dès sa rentrée sur le territoire français;

3) l'armée de province qui se compose d'officiers en quête de subsides et de secours, et qui ne compte pas un seul soldat.

Ces 3 armées si bizarres s'entredétestent et de nombreux duels ont lieu entre officiers.

Les délégués de Lyon reçus hier matin par Picard, puis par Thiers. [p. 1, c. 3] Ils sont partis peu satisfaits des dispositions du gouvernement qui veut «*La guerre à tout prix*». [p. 1, c. 4]

Depuis 2 jours des groupes de gendarmes qui gardent les routes convergeant vers Paris, arrêtent et confisquent les provisions et denrées dirigées sur la capitale. [p. 2, c. 2]

Les arrivages de la province et de la banlieue sont plus satisfaisants aujourd'hui.

30 000 hommes de l'ex-garde impériale réorganisée par *Ducrot*, dit ni Mort ni Victorieux, contournent en ce moment même *St. Denis*, par *Montmorency* et *Groslay*, et doivent, d'accord avec le général de Fabrice, opérer une diversion puissante du côté de l'Est. (Man sagt: *Canrobert* soll sie kommandieren.) [p. 2, c. 3]

A Versailles le cacochyme *Changarnier* vient d'être nommé grand'croix de la Légion d'honneur par un décret du chef de l'exécutif, son vieux complice de 48 et de 51. *Vinqy* qui cumule les fonctions de décembriseur, d'assassin du général Duval et de grand chancelier de la Légion d'honneur, a été chargé de l'exécution de ce décret. Voilà où ils en sont. [p. 2, c. 1]

Versailles April 22: numerous promotions in, and appointements to, the Legion of Honour in the *Army of the Rhine*, in order, as proposed by General *Le Flô*, to put an end to the great inequality existing in regard to the rewards granted between that army and the *army of Paris, the North,* and *the Loire.* Generals Changarnier, Bourbaki, Cissey, and Bisson are appointed Grand Crosses.

120 Sitze vacant in der assemblée.

25 April. Daily News. [№ 7796]

Leader: Suspension of arms at Neuilly. The incessant cannonading of the last few weeks has been far more destructive to the houses of the people living in the outskirts of Paris than to the soldiers engaged in these artillery duels. Damage done to property immense, and the injuries suffered by private individuals altogether disproportionate to those borne by the troops etc. Quarrels of the commune published in open daylight... Central Committee and Cluseret at open feud. [p. 5. c. 2]

Paris. 23 April. Corr. The armistice put off, in order not to recog-

2) Седанская армия, насильно приведенная в Версаль по возвращении на французскую территорию.

3) Провинциальная армия, состоящая из офицеров, ищущих субсидий и пособий, и в которой не числится ни одного солдата.

Эти три столь странные армии ненавидят друг друга, и между офицерами часто происходят дуэли.

Делегаты Лиона вчера утром приняты Пикаром, затем Тьером. Они уехали, мало удовлетворенные намерениями правительства, которое хочет *«войны во что бы то ни стало»*.

Вот уже два дня, как группы жандармов, охраняющие дороги, ведущие к Парижу, останавливают и конфискуют съестные припасы и товары, направляемые в столицу.

Подвоз из провинции и из-под города сегодня более удовлетворителен.

30 000 солдат бывшей императорской гвардии, реорганизованной *Дюкро*, прозванного «ни мертвый, ни победоносный», в этот самый момент огибают *Сен-Дени* через *Монморанси* и *Гроле* и, в согласии с генералом де-Фабрис, должны произвести мощную диверсию с востока. (Говорят, ими будто бы командует *Канробер*.)

В *Версале* хилый *Шангарнье* только что получил большой крест ордена почетного легиона, по декрету главы исполнительной власти, его старого сообщника 48 и 51 годов. *Винуа*, соединяющий в своем лице функции участника декабрьского переворота, убийцы генерала Дюваля и великого канцлера ордена почетного легиона, получил поручение выполнить этот декрет. Вот до чего они дошли.

Версаль. 22 апреля. Многочисленные повышения в рангах ордена почетного легиона и новые награждения орденом офицеров *рейнской армии* с целью уничтожить, согласно предложению генерала *Лефло*, огромное неравенство в пожаловании наград, существующее между этой армией и *армиями парижской*, *северной* и *луарской*. Генералы Шангарнье, Бурбаки, Сиссе и Биссон получили большие кресты.

В Собрании вакантны 120 мест.

25 апреля. «Daily News»

Передовая. Перемирие в Нейи. Непрерывная бомбардировка нескольких последних недель была гораздо более разрушительной для домов людей, живущих на окраине Парижа, нежели для солдат, участвовавших в этой артиллерийской дуэли. Убытки, нанесенные имуществу, огромны, а вред, причиненный частным лицам, совершенно несоизмерим с потерями войск и т. д. Раздоры в Коммуне открыто разглашаются печатью... Центральный комитет и Клюзере в открытой вражде.

Париж. 23 апреля. Корреспонденция. Перемирие отложено, дабы

nize the belligerent rights of the «rebels»... But gradually, by mere efflux of time, the rebels are ceasing to be rebel, and are assuming the position of belligerents... In fact, the insurgents have ceased to be insurgents, they have an authority and a domain of their own; and within the lines of which they are masters their power is as legitimate as that which after the downfall of the late Empire the late Government enjoyed all over France... In the fact of putting it down (the Commune) the Versailles Government will destroy itself. [p. 5, c. 5]

St. Germain-en-Laye. 23 April. The terror of spy (on the part of the Versaillese) is much greater than inside; every one who enters or leaves this place or Versailles has to produce a passport or certificate of some kind or other. Domiciliary visits on the part of the Police Commissaries... Thiers has not hesitated to put his name to the statement, so notoriously incorrect, that no prisoners have been shot by the troops... the Government laws on leases and bills of exchange entailed the bankruptcy of the majority of the respectable shopkeepers of Paris... On the Saturday following the affair of the Place Vendôme, when the Commune was suffering from the reaction caused by the bloodshed of that afternoon, when the *mairies* of the 1-st, 2-nd, 8-th and 9-th Arrondissements, the Bank, the Bourse, the Grand Hôtel, and the Gare de St. Lazare, were all held by the well disposed; when the walls were posted with admiral Saisset's proclamation that he was come to lay down his life, after the example of his son, for the cause of «honour and country», and the mayors of Paris, with the deputies, were besieging Versailles, with entreaties for assistance, the Government could not lay his hands on 10 000 reliable troops and at 5 o'clock Saisset made his escape... The Guards of order broke up and went to their respective homes etc. [p. 5, c. 6]

25 April. Mot d'Ordre. [№ 61]

La délégation maçonnique, à laquelle s'étaient joints deux membres des chambres syndicales, reçue *(23 ou 24 April!)* à Versailles par Thiers. Sa mission était d'abord de réclamer un armistice qui permît à la malheureuse population de Neuilly, des Ternes et de Sablonville, enfermée dans ses caves, de sortir et de se mettre en lieu de sûreté; ensuite de proposer un arrangement basé sur la reconnaissance pure et simple des franchises municipales de la ville de Paris.

Sur le premier point, Thiers a déclaré que, sans consentir à un [p. 1, c. 3] armistice régulier conforme aux lois de la guerre, il donnerait l'ordre au général Ladmirault, commandant le 1-er corps d'armée versaillais, d'accorder, sur l'envoi d'un parlementaire, une trêve d'une durée égale au temps strictement nécessaire à l'évacuation des villages bombardés.

не признавать за «мятежниками» права воюющей стороны. Однако постепенно, просто в силу течения времени, мятежники перестают быть мятежниками и приобретают положение воюющей стороны... Действительно, инсургенты перестали быть инсургентами, они имеют собственную власть и собственную территорию, в пределах которой они являются хозяевами, их власть столь же законна, как и та власть, которою после падения последней империи пользовалось над всей Францией последнее правительство... Фактом подавления ее (Коммуны) версальское правительство разрушит само себя.

Сен-Жермен ан Лэ. 23 апреля. Боязнь шпионов (у версальцев) гораздо сильнее, чем внутри Парижа; каждый, кто прибывает сюда или в Версаль или покидает их, должен предъявить паспорт или удостоверение того или иного рода. Домашние обыски со стороны полицейских комиссаров... Тьер не задумался дать свою подпись под сообщением, заведомо неверным, будто бы пленные вовсе не расстреливались войсками... Правительственные законы об арендах и векселях повлекли за собою банкротства большинства пользующихся хорошей репутацией лавочников Парижа... В первую субботу после происшествий на Вандомской площади, когда Коммуна болезненно переживала реакцию, вызванную кровопролитием этого дня, когда *мэрии* 1-го, 2-го, 8-го и 9-го округов, банк, биржа, Гранд-Отель и вокзал Сен-Лазар все находились в руках благомыслящих; когда на стенах были расклеены прокламации адмирала Сессе о том, что он явился по примеру своего сына пожертвовать своею жизнью за «честь и родину», а мэры Парижа вместе с депутатами осаждали Версаль просьбами о помощи, правительство не могло собрать 10 000 надежных войск, и в 5 часов Сессе улизнул... Гвардейцы, принадлежащие к партии порядка, разошлись и отправились по домам и т. д.

25 апреля. «Mot d'Ordre»

Делегация масонов, к которой присоединились два члена синдикальных палат, принята *(23 или 24 апреля!)* в Версале Тьером. Ее миссия заключалась, во-первых, в том, чтобы потребовать перемирия, которое позволило бы несчастному населению Нейи, Терн и Саблонвиля, загнанному в погреба, выйти оттуда и отправиться в безопасное убежище; затем, чтобы предложить соглашение, основанное на безусловном признании муниципальных свобод города Парижа.

По первому пункту Тьер заявил, что, не соглашаясь на настоящее перемирие сообразно законам войны, он готов дать командиру 1-го корпуса версальской армии, генералу Ладмиро, приказ предоставить, по прибытии к нему парламентера, перерыв на строго ограниченный срок, необходимый для эвакуации бомбардируемых деревень.

Thiers s'est montré fort étonné de ce que la loi municipale votée par l'Assemblée de Versailles n'avait pas soulevé le moindre enthousiasme dans Paris... «C'est», répétait-il sans cesse, «la loi la plus libérale qu'une Assemblée française ait jamais votée sur l'organisation des municipalités». «Et la *loi municipale de 91?*» «Voudriez-vous donc nous ramener aux folies de nos ancêtres?» Il a déclaré qu'aussitôt les forts laissés par les Prussiens son intention est de bombarder Paris pour «rétablir le pouvoir légitime».

Le rapport des délégués doit être représenté aujourd'hui à deux heures à l'assemblée générale de la franc-maçonnerie. [p. l. c. 4].

Les délégués de Lyon ont quitté Versailles, après nouvelle entrevue avec Thiers, qui ne s'est en rien départi de son obstination insensée. «S'il en est ainsi, ont-ils dit en le quittant, dans quelques jours on vous apprendra que Lyon a proclamé sa Commune. La réponse que nous apportons à nos concitoyens les soulèvera tous». [p. 2, c. 5].

Krakehle gegen Garibaldi in der *Assemblée nationale.* [p. 2, c. 2]. «Nous sommes des *gens de parole*» (sagen die Favre et Cons. in der Assemblée.) [p. 2, c. 3]

24 Avril. Tribune de Bordeaux.

(Darin das Programm der Pariser Commune) (vom 19. April).

Conspiration de l'Assemblée rurale. Déjà à ses premiers jours à Bordeaux séances tumultueuses, violences, gaucheries comme l'insulte à Garibaldi, l'injure à la garde nationale de Bordeaux etc.

A Versailles les prétendants à la recherche d'une position royale viennent prendre langue et cherchent des *conjurés.* Les gouvernants sont *Thiers* et *Jules Favre. Thiers* comme ambassadeur patenté de la République française sollicite des entrevues de tous les souverains de l'Europe et n'en obtient rien. Plus de 20 *départements ruraux* wählen ihn. *Thiers' Erklärung vom 10. Mars républicaine. Aber traité secret zwischen ihm und den Ruraux.* Pour faire suite à ses engagements du 10 mars, quels sont les premiers actes de son gouvernement? *D'abord la nomination de d'Aurelle, de Valentin, de Vinoy à des fonctions qui devaient leur permettre d'écraser Paris,* si Paris tentait le moindre soulèvement contre telle ou telle entreprise du pouvoir. *There was grande fermentation dans la capitale justifiée par l'abus de la confiance dont ils avaient été victimes et par une capitulation qui faisait rejaillir sur eux un opprobre qu'ils n'avaient certes pas mérité.* Ces nominations étaient la goutte d'huile jetée sur la plaie... Le pouvoir ne songeait à rien moins qu'au désarmement de la garde nationale de Paris, lequel aurait été suivi d'une mesure semblable pour celle des départe-

Тьер выразил чрезвычайное удивление тому, что муниципальный закон, принятый Версальским собранием, не вызвал ни малейшего энтузиазма в Париже... «Это, — повторял он все время, — самый либеральный закон, когда-либо принятый каким-либо французским законодательным собранием по части организации муниципалитетов». «*А муниципальный закон 91 года?*» — «Что же, вы хотите вернуть нас к сумасбродствам наших предков?» Он объявил, что, как только форты будут оставлены пруссаками, он намеревается бомбардировать Париж, чтобы «восстановить законную власть».

Отчет делегатов должен быть представлен сегодня в два часа общему собранию франк-масонов.

Делегаты Лиона покинули Версаль после нового свидания с Тьером, который ни в чем не отступил от своего бессмысленного упорства. «Если дело обстоит так, — сказали они, покидая его, — через несколько дней вы узнаете, что Лион провозгласил свою Коммуну. Ответ, который мы приносим нашим согражданам, поднимет их всех».

Галдеж против Гарибальди в *Национальном собрании.*

«Мы *люди слова*» (говорят в Собрании Фавр и К°).

24 апреля. «Tribune de Bordeaux»

(Здесь программа Парижской Коммуны) (от 19 апреля).

Заговор помещичьего Собрания. Уже в первые его дни в Бордо бурные заседания, буйства, бестактности, вроде оскорблений Гарибальди, брань по адресу национальной гвардии Бордо и т. д.

В *Версале* претенденты, в поисках королевского титула, являются собирать сведения и ищут *заговорщиков.* Правителями являются *Тьер* и *Жюль Фавр. Тьер* в качестве патентованного посла французской республики ходатайствует об аудиенциях у всех европейских государей, но не добивается этим ничего. Его избирают более чем 20 *сельских департаментов. Заявление Тьера от 10 марта — в республиканском духе. Однако тайный договор между ним и помещичьими депутатами.* Каковы первые акты его правления во исполнение его обязательств 10 марта? *Во-первых, назначение д'Ореля, Валантена, Винуа на должности, которые должны были дать им возможность раздавить Париж,* если бы Париж сделал хотя бы малейшую попытку сопротивления тому или иному предприятию правительства. *В столице происходило сильное брожение, оправдываемое злоупотреблением доверием, жертвой которого парижане были, и капитуляцией, бросившей также и на них пятно бесчестия, несомненно ими не заслуженного.* Эти назначения явились каплей масла на рану... (? Ред.). Власть помышляла не более, не менее, как

ments... Sous cette ténébreuse entreprise il y avait un projet de conjuration... En même temps que ces événements se passaient à Paris et avaient leur contrecoup dans les départements, les *princes d'Orléans se fixaient à Versailles*, malgré que la discussion sur la validité de leur élection fût sans cesse écartée sous prétexte de ne rien envenimer. Leur métier de conspirer, comme celui de Thiers de mentir... Ensuite l'accueil fait par Thiers aux généraux et maréchaux de l'Empire. Tous ces gens-là sont intéressés à la chute de la République qui a l'immense tort à leurs yeux, de ne pas payer assez cher ses serviteurs. S'attachent à tout prétendant réunissant quelques chances... Soin du gouvernement à ne nommer que des monarchistes à des *emplois publics et aux diverses représentations extérieures*. C'est là l'objet de toute sa sollicitude, et elle est trop empressée pour qu'elle soit sans but... Pendant que l'Assemblée se livrait à ces violences et que le gouvernement essayait de porter la main sur la République, les journaux légitimistes et orléanistes reproduisaient un document annonçant que *la fusion entre les Bourbons et les descendants de Philippe-Egalité était à peu près un fait accompli*. Le cousin de la branche cadette, par une lettre rendue publique, avait fait acte de souverain... Donc conspiration: le pouvoir, non seulement en a connu l'existence, mais il l'a favorisée. Thiers secondera la majorité, et alors, si la France ne s'y oppose, la conspiration éclatera et la restauration s'accomplira sans effort ni obstacle. Ou Thiers combattra la majorité, sera obligé à résigner ses pouvoirs. *D'Aumale* étant député, il ne s'agira plus alors que de valider son élection et de l'élever sur le pavois.

Litanie de Guizot contre Paris.

Marie Amélie appela Guizot «un crabe à pattes inflexibles qui se cramponnait au rocher du pouvoir».

A la nouvelle du désastre de Sedan, le peuple se léva d'un bond et proclama la République; *nul*, à ce moment, n'éleva des protestations contre cet acte libre, spontané et unanime. Des représentants auraient-ils le droit de défaire ce que le souverain a fait et dont il exige le maintien?

Carayon-Latour (in der Assemblée) will... nicht forcer (lui, légitimiste) die Versammlung zu entscheiden sur la forme définitive du gouvernement.

Le Favoritisme. La bourgeoisie macht ihre Söhne, parents etc. «*receveurs généraux*». La recette d'Orléans compte au nombre de ces parasites. M. Magne, qui ne coûtait pas au budget de l'empire moins de

о том, чтобы разоружить парижскую национальную гвардию, после чего последовала бы такая же мера в отношении гвардии департаментов... Под этим темным замыслом скрывался проект заговора... В то самое время, как эти события происходили в Париже, находя себе отражение в департаментах, *орлеанские принцы обосновывались в Версале*, несмотря на то, что обсуждение законности их избрания беспрестанно отклонялось под предлогом нежелания подлить масла в огонь. Их ремесло — строить заговоры, как ремесло Тьера — лгать... Затем, прием, оказанный Тьером генералам и маршалам империи. Все эти люди заинтересованы в падении республики, которая в их глазах имеет тот огромный минус, что она недостаточно щедро оплачивает своих слуг. Примыкают ко всякому претенденту, имеющему кое-какие шансы... Старание правительства назначать только монархистов на *общественные должности и в различные представительства за границей*. Вот — предмет всех его забот, и слишком уж оно торопится с этим, чтобы тут не было особой цели... В то время как Собрание предавалось своим буйным выходкам, а правительство пыталось наложить руку на республику, легитимистские и орлеанские газеты перепечатывали документ, сообщавший, что *слияние Бурбонов и потомков Филиппа Эгалите было почти совершившимся фактом*. Письмом, которое было опубликовано, кузен младшей линии совершил акт суверена... Итак, заговор: власть не только знала о его существовании, но покровительствовала ему. Тьер окажет поддержку большинству, и тогда, если Франция не будет противиться, разразится заговор, и реставрация совершится без усилий и препятствий. Либо же Тьер будет бороться с большинством, будет принужден сложить свои полномочия. Так как *герцог Омальский* является депутатом, все дело будет лишь в том, чтобы утвердить его избрание и возвести его на трон.

Нудные, нескончаемые жалобы Гизо на Париж.

Мария-Амелия назвала Гизо «крабом, который мертвой хваткой цеплялся за скалу власти».

При известии о поражении при Седане народ поднялся одним прыжком и провозгласил республику; в тот момент *никто* не поднял протеста против этого свободного, стихийного и единодушного акта. Имеют ли представители право отменять то, что сделал сам носитель верховной власти и сохранения чего он требует?

Карейон-Латур (в Собрании) желает чтобы... не принуждали (его, легитимиста) Собрание принимать решение об окончательной форме правления.

Фаворитизм. Буржуазия делает своих сыновей, родственников и т. д. *«генеральными сборщиками»*. Доход Орлеанской фамилии относится к числу этих паразитических доходов. Г-н Мань, который

5 à 600 000 francs par an, tout en son nom personnel, comme ministre à tout faire, que comme membre du conseil privé et au nom de ses parents de tous les degrés, avait donné à son fils le riche canonicat d'Orléans. M. Alfred Magne s'était retiré le 4 septembre. *M. Pouyer-Quertier*, le nouveau ministre, s'est empressé de doter des 50 à 60 000 fr. que rapporte bien ou mal la recette générale du Loiret *M. Roche Lambert*, son gendre.

Lettres de Lafargue. Depuis la disposition de la police, comme par enchantement, on n'entend parler ni de vols ni d'assassinats, ce qui faisait dire à un patriote que tous les «*conservateurs s'étaient enfuis à Versailles*». *Les cocottes ennemies jurées de la Commune*. La contre-révolution nécessaire pour permettre à ces dames de reprendre leur honnête métier. Leurs consolateurs les *Prussiens*. Elles vont en pèlerinage à St. Denis et les autres lieux occupés par les troupes prussiennes, se consoler de l'absence de leurs amants...

Que faites-vous de toutes les fonctions, emplois, grades de la République! Vous les donnez à tous ses ennemis avérés. Ils sont les patrimoines naturels d'une bourgeoisie épaisse et sans coeur qui a droit d'en jouir exclusivement, et le plus mince de ces emplois donné en dehors de sa caste est un vol qui lui est fait.

25 April. Tribune de Bordeaux.

La résistance à l'oppression, base fondamentale de la liberté et de la civilisation moderne, a sa racine historique, sa tradition dans la *Commune*.

Unter *Bonaparte (Louis):* «tous les maires étant dans les mains des préfets et toutes les communes dans les mains des maires, on a vu fonctionner le mécanisme (i. e. die candidats officiels) avec une incroyable perfection».

Sagt Herr *Thiers* von den *Légitimistes:* «Il y a trois moyens qu'elle emploie sans cesse audacieusement et dont la preuve est partout: *l'invasion étrangère, la guerre civile et l'anarchie*... Jamais un gouvernement qui a ces trois moyens à son usage ne sera celui de la France». *(Moniteur Universel. Séance de la Chambre des Députés du 5 janvier 1833).*

In der Sitzung der Assemblée vom 20. Avril grosse Wut gegen *Jean Brunet*, der proposition liest *pour la pacification de Paris.* (Assemblée soll traiter mit Paris, Commission von 25 ernennen dazu, hostilités suspendieren). The Assembly kills this proposition par la question préalable.

стоил бюджету империи не менее 500 000 — 600 000 франков в год, получаемых им как на свое имя, в качестве министра на все руки, в качестве члена тайного совета, так и на имя своих родственников всех степеней, дал своему сыну богатый каноникат Орлеанов. Альфред Мань устранился 4 сентября. *Пуйе-Кертье*, новый министр, поспешил наградить своего зятя *Рош-Ламбера* 50 000 — 60 000 франков, которые так или иначе приносит должность генерального сборщика департамента Луарэ.

Письма Лафарга. Со времени исчезновения полиции, как бы по волшебству, не слышно более ни о кражах, ни об убийствах, что заставило одного патриота сказать, что все *«консерваторы бежали в Версаль». Кокотки — заклятые враги Коммуны*. Контрреволюция необходима этим дамам для возобновления их честного ремесла. Их утешителями являются *пруссаки*. Они совершают паломничества в Сен-Дени и другие места, занятые прусскими войсками, чтобы утешиться в отсутствие своих любовников...

Что делаете вы со всеми служебными функциями, должностями, чинами республики! Вы раздаете их всем ее заведомым врагам. Они являются естественным наследственным достоянием завидной и бессердечной буржуазии, которая имеет исключительное право пользования ими, и когда самая ничтожная из этих должностей отдается кому-либо, не принадлежащему к ее касте, она считает, что ее обокрали.

25 апреля. «Tribune de Bordeaux»

Сопротивление угнетению, основной базис свободы и современной цивилизации, имеет свой исторический корень, свою традицию в *Коммуне*.

При Бонапарте (Луи): «Так как все мэры находились в руках префекта, а все коммуны находились в руках у мэров, то механизм (т. е. «официальные кандидаты») функционировал с поразительным совершенством».

Тьер говорит о *легитимистах:* «Существуют три средства, которые они смело употребляют всегда, и доказательства чему имеются всюду: *иноземное вторжение, гражданская война и анархия*... Никогда правительство, применяющее эти три средства, не будет правительством Франции (*«Moniteur Universel». Заседание Палаты депутатов 5 января 1833 г.)*.

В заседании Собрания 20 апреля страшное раздражение против *Жана Брюне*, который читает предложение в *целях умиротворения Парижа* (Собранию предлагается вступить в переговоры с Парижем, назначить для этого комиссию из 25 лиц, приостановить военные

Thiers — Mirabeau-mouche. Thiers bedroht die Pariser fortwährend mit der intervention des Prussiens.
Sanglant Tom-Pouce.

26 April. Le Mot d'Ordre [№ 62]

Der traité de Neuilly sollte 24 sein. Thiers verlegte ihn auf 25 (von 9 Uhr nachts bis 5 Uhr abends). [p. 1, c. 1] Dadurch viele Einwohner mit obus überworfen etc. [p. 1, c. 2]

Pyat reprend sa place dans la Commune. [p. 1, c. 6] *Conneau, Devienne* à Versailles. [p. 2, c. 4] *Palikao ditto. de Failly. Canrobert.*

Circulaire de Dufaure (an die Generalprokuratoren): *Versailles, 23 Avril 1871:* [p. 1, c. 6] «Ils (des écrivains) se font, par toute la France, les apologistes effrontés d'une *dictature usurpée par des étrangers ou des repris de justice*... Oui, la force matérielle qui s'est constituée dans Paris sous le nom de la Commune pour commettre de si abominables excès trouva des apologistes... ce ne sont les ennemis d'un gouvernement quelconque, mais de toute société humaine; vous ne devez pas hésiter à les poursuivre. Et ne vous laissez pas arrêter lorsque, dans un langage plus modéré en apparence sans être moins dangereux, ils se font les apôtres d'une conciliation à laquelle ils ne croient pas eux-mêmes; mettant sur la même ligne l'Assemblée issue du suffrage universel et la prétendue Commune de Paris; reprochant à la première de n'avoir pas accordé à Paris ses droits municipaux etc».

Depuis avant'hier les Prussiens empêchent l'entrée à Paris des approvisionnements etc. [p. 2, c. 1] *A St. Denis* la police est faite par des gendarmes et des sergents de ville. Les étrangers, comme les passants, sont examinés etc. [p. 2, c. 2]

26 April. Daily News. [№ 7797]

Lettre of Louis Blanc vom 23 April (Allen Alles) (République une et indivisible.) [p. 3, c. 3]

Corresp. Paris. 24 April. Paris now completely invested. The Prussians have given up the *fort of Charenton to the French army* and the troops from Versailles are coming up to St. Denis. *Lutte* zwischen *Committee Central* (der National guards) und *Kommune* (*Pyat* since the 26-th March in the Commune). [p. 5, c. 5]

(Dufaure wants to put down Paris by press prosecutions in the Provinces. [p. 5, c. 6] Monstruous to bring journals before a jury for preaching «*Conciliation*».) [p. 6, c. 1]

Paris 25 April. (Tel.) *Raoul Rigault* given his demission (as *Minis-*

действия). Собрание хоронит это предложение постановкой предварительного вопроса о том, стоит ли его обсуждать.

Тьер — это Мирабо-муха. Тьер все время угрожает парижанам вмешательством пруссаков.

Кровавый мальчик-с-пальчик.

26 апреля. «Le Mot d'Ordre»

Соглашение относительно Нейи должно было состояться 24-го числа. Тьер перенес его на 25-е (с 9 часов вечера до 5 часов вечера). Вследствие этого много жителей попало под сильный артиллерийский обстрел и т. д.

Пиа снова занимает свое место в Коммуне. *Конно*, *Девьенн* в Версале. *Паликао тоже. де-Файи. Канробер.*

Циркуляр Дюфора (генеральным прокурорам). *Версаль. 23 апреля 1871 г.* «Они (писатели) по всей Франции становятся наглыми защитниками *диктатуры*, *самовластно захваченной иностранцами или понесшими наказание преступниками*... Да, материальная сила, сорганизовавшаяся в Париже под именем Коммуны с целью совершения таких гнусных эксцессов, нашла себе защитников... это не враги какого-либо правительства, но враги всякого человеческого общества; вы должны преследовать их без всяких колебаний. И не допускайте, чтобы вас останавливали в том случае, когда они, говоря языком, по внешности более умеренным, но в сущности не менее опасным, превращаются в апостолов примирения, в которое они сами не верят; когда они ставят на одну доску Собрание, вышедшее из всеобщего голосования, и так называемую Парижскую Коммуну; когда они упрекают Собрание за то, что оно не даровало Парижу его муниципальных прав и т. д.».

Начиная с третьего дня пруссаки мешают подвозу в Париж продовольствия и т. д. *В Сен-Дени* полицейские обязанности несут жандармы и городовые. Иностранцы, как и прохожие, подвергаются допросу и т. д.

26 апреля. «Daily News»

Письмо Луи Блана от 23 апреля. (Всем все) (Республика единая и неделимая).

Корреспонденция. Париж. 24 апреля. Париж в настоящее время окружен полностью. Пруссаки передали *французской армии форт Шарантон*, и войска из Версаля подходят к Сен-Дени. *Борьба* между *Центральным комитетом* (Национальной гвардии) и *Коммуной.* (Пиа с 26 марта в Коммуне.)

(Дюфор хочет подавить Париж преследованиями печати в провинции. Чудовищно привлекать газеты к суду за проповедь «*примирения*».)

ter of Public Safety). Replaced by *Cournet.* (Aber Rigault bleibt *membre de la commission de sûreté*). [p. 3, c. 1]

27 April. Mot d'Ordre. [№ 63]

Le Mot d'Ordre supprimé (à Versailles) par le fuyard Vinoy. [p. 1, c. 1]

Adresse des Délégués de Lyon présentée (24 April) à l'Assemblée par Greppo. [p. 1, c. 6]

Les Prussiens qui empêchaient depuis 2 jours la sortie de St. Denis des vivres destinés à Paris, les laissent passer librement depuis hier matin.

Les gendarmes (jetzt armés) non seulement à St. Denis, mais aussi à Enghien, gardant toutes les voies reliant de ce côté Versailles à Paris. [p. 2, c. 2].

28 April. Mot d'Ordre. [№ 64]

Wieder 4 gardes nationales sans toutes formalités (après avoir été fait prisonniers) *fusillés* par les Versaillais.

Raoul Rigault nommé procureur de la Commune. [p. 1, c. 3].

On annonce *officiellement* dans les journeaux de *Versailles*, dass *duc d'Aumale* und prince de *Joinville* dans l'Oise, près d'Alençon, logés au château de M. D'Audiffret-Pasquier, député à l'Assemblée Nationale... Un *décret de bannissement interdit à la famille d'Orléans le séjour de la France*... (excitateurs à la guerre civile). Ainsi Papa Transnonain *trahit!* Et *Vinoy* a fusillé *Duval*, et *Valentin* a arrêté *Lockroy*, et *Dufaure* a déclaré, dans sa circulaire, que toute tentative de conciliation entre Versailles et Paris devait être considérée comme un crime. [p. 1, c. 5]

Les *propriétaires* qui s'étaient enfuis de Paris à l'approche des Prussiens et qui réclamaient maintenant leurs loyers!

Hier, *les francs-maçons* ont fait une manifestation à l'Hôtel-de Ville, et ont parcouru différents quartiers de la ville, *drapeau rouge* en tête. [p. 1, c. 6]

Une vingtaine d'hommes du 35-e Versaillais, dont deux sous-officiers, sont entrés hier matin à Paris par la porte des Ternes. [p. 2, c. 1]

ditto 30 chasseurs à pied. [p. 2, c. 2]

April 24. Affiche de Beslay: (Contre Thiers) «Asservissement du travail au Capital, tel est le fond de votre politique, et, le jour où vous avez vu la République du Travail siéger à l'Hôtel-de-Ville, vous n'avez cessé de crier chaque jour à la France: «Ce sont des criminels»... «Vous avez mis le comble à ves erreurs et à vos fautes le jour où vous avez forcé l'Assemblée à revenir sur son vote pour garder dans la main du

Париж. 25 апреля. Телеграмма. *Рауль Риго* подал в отставку (от должности *министра общественной безопасности*). Заменен Курне (Однако Риго остается *членом Комиссии безопасности)*.

27 апреля. «Mot d'Ordre»

«Le Mot d'Ordre» закрыто (в Версале) беглецом Винуа.

Обращение делегатов Лиона, представленное (24 апреля) Собранию через Греппо.

Пруссаки, которые два дня не выпускали из Сен-Дени съестных припасов, предназначенных для Парижа, свободно пропускают их со вчерашнего утра.

Жандармы (теперь вооруженные) не только в Сен-Дени, но и в Энгиене, стерегущие все пути, с этой стороны соединяющие Версаль с Парижем.

28 апреля. «Mot d'Ordre»

Опять 4 национальных гвардейца *расстреляны* версальцами без всяких формальностей (после взятия их в плен).

Рауль Риго назначен прокурором Коммуны.

В *версальских* газетах *официально* сообщается, что *герцог Омальский* и принц де-*Жуанвиль* в Уазе, близ Алансона, поместились в замке г-на д'Одифре Паскье, депутата Национального собрания... *Декрет об изгнании запрещает Орлеанской фамилии пребывание во Франции*... (подстрекатели к гражданской войне). Таким образом, Папа Транснонен *изменяет!* И *Винуа* расстрелял *Дюваля*, и *Валантен* арестовал *Локруа*, и *Дюфор* в своем циркуляре заявил, что всякая попытка примирения между Версалем и Парижем должна рассматриваться как преступление.

Домовладельцы, которые бежали из Парижа при приближении пруссаков и которые требовали теперь следуемую им квартирную плату!

Вчера *франк-масоны* устроили манифестацию у Ратуши и прошли по различным кварталам города, неся впереди *красное знамя*.

Десятка два солдат 35-го версальского полка, в том числе два унтер-офицера, вчера утром вошли в Париж через ворота Терн.

Также 30 пеших егерей.

24 апреля. Афиша Беле (против Тьера): «Порабощение труда капиталу — такова сущность вашей политики, и с того дня, когда вы увидели, что республика труда водворилась в Ратуше, вы ежедневно, не переставая, кричали Франции: «вот они — преступники»... «Вы увенчали ваши заблуждения и ошибки в тот день, когда вы принудили Собрание отказаться от своего постановления, чтобы сохранить в

pouvoir la nomination des maires dans les grandes villes». «Vos hommes? Mais ce sont les hommes de l'Empire», «cosaque ou républicaine». [p. 2, c. 5]

28 April. Daily News. [№ 7799]

Tel. Paris. 27 April. Decree des *Paschal Grousset* zum Schutz der foreigners against all requisitions etc. «*Never a government in Paris so... courteous to Foreigners*». No goods — until further notice — allowed to leave Paris. This is in retaliation for the stoppage of the cattle trucks entering Paris and the cutting off of the milk and fish supplies. Die Paris forts (Issy etc.) battered by the Versaillese. [p. 3, c. 4]

29 April. Le Mot d'Ordre. [№ 65]

La Question Blanqui. Halten ihn so verborgen im cachot, dass personne ne sait dans quelle prison on le détient. Thiers will seine Schwester nicht wissen lassen, wo er ist. Gegen den Code — diese réponse de Thiers le rend tout bonnement passible des galères. Und diese chiens se sont déchaînés contre la Commune à propos de *la loi des otages!* c'est à croire que vous voudriez la pousser à l'appliquer! [p. 1, c. 1]

27 Avril. Commissaires envoyés par la Commune à Bicêtre pour faire une enquête sur les gardes nationaux du 185-e bataillon de marche de la garde nationale. Einer davon noch am Leben, sehr schwer verwundet. Er und 3 camarades überrascht durch chasseurs à cheval, forderten sie auf, sich zu ergeben. Taten es. Soldaten liessen sie in Ruhe. Als schon prisonniers, kommt capitaine des chasseurs à cheval, mordet sie mit Revolver. [p. 1, c. 2]

30 April élections municipales dans toute la France.

Commune à Narbonne.

Depuis plus d'un mois 200 000 ouvriers maîtres de Paris. Ils ont des armes, des canons, la force — et la misère. Non seulement ils n'ont pillé aucun hôtel, ils ne se sont vengés d'aucun riche, ils n'ont commis aucune atrocité, mais encore — et c'est à la lettre — ils n'ont pas brisé une branche d'arbre, ils n'ont pas cueilli une fleur dans les jardins publics, confiés à leur seule garde... les paysans brûlaient vifs leurs adversaires... [p. 1, c. 5]

La Gazette de Cologne affirme que le renvoi des prisonniers français a été catégoriquement refusé par Bismarck. (Antwort auf demande formelle de Thiers). [p. 1, c. 6]

Thiers hat den députés de Versailles gesagt, qu'il ne recevra plus aucune députation provinciale chargée d'une mission conciliatrice.

14 wagons de lait arrêtés à la gare de Pontoise par les Prussiens ou les Versaillais.

руках исполнительной власти назначение мэров больших городов». «Ваши люди? Но это люди империи», «казацкой или республиканской».

28 *апреля. «Daily News»*

Телеграммы. Париж. 27 апреля. Декрет *Паскаля Груссе* в целях охраны иностранцев от всяких реквизиций и т. д. «*Никогда никакое правительство в Париже не было столь... любезно в отношении иностранцев*». Впредь до дальнейшего распоряжения не разрешено вывозить из Парижа никаких товаров. Это — в отместку за приостановку ввоза в Париж вагонов со скотом и за перерыв снабжения молоком и рыбой. Парижские форты (Исси и т. д.) бомбардируются версальцами.

29 апреля. Mot d'Ordre»

Вопрос о Бланки. Его так запрятали, что никто не знает, в какой именно тюрьме его держат. Тьер не хочет сообщить его сестре, где он находится. Это противоречит уголовному кодексу — за этот ответ Тьер попросту заслуживает каторги. И эти собаки сорвались с цепи против Коммуны по поводу *закона о заложниках!* Прямо-таки похоже на то, что вы хотели бы толкнуть ее на применение этого закона!

27 апреля. Комиссары посланы Коммуной в Бисетр для производства расследования о национальных гвардейцах 185-го маршевого батальона национальной гвардии. Один из них еще жив, ранен очень тяжело. Он и три его товарища были захвачены врасплох конными егерями, те потребовали от них сдаться. Так и сделали. Солдаты оставили их в покое. Когда они уже были в плену, является капитан конных егерей, убивает их из револьвера.

30 апреля муниципальные выборы по всей Франции.

Коммуна в Нарбонне.

Уже более месяца 200 000 рабочих — хозяева Парижа. У них есть оружие, пушки, сила — и нищета. Они не только не разграбили ни одного особняка, не сделали ни одного богача жертвой своей мести, не совершили ни одной жестокости, но также — и это буквально — не сломали ни одной ветви дерева, не сорвали ни одного цветка в общественных садах, порученных единственно их охране... крестьяне сжигали живьем своих противников...

«*Кельнская газета*» *утверждает, что Бисмарк категорически отказал в отправке пленных французов.* (Ответ на официальную просьбу Тьера.)

Тьер сказал версальским депутатам, что он более не примет ни одной провинциальной депутации, имеющей поручение добиваться примирения.

14 вагонов с молоком задержаны на вокзале Понтуаз пруссаками или версальцами.

La force gouvernementale n'est pas autant *à Versailles qu'à Rueil ou même à St. Germain.* Les sommités bonapartistes groupées dans ces localités ne regardent les hommes champêtres de Versailles que comme des instruments aveugles, mais indispensables au succès de leur cause. Le général Ladmirault, les Galliffet, Canrobert, Vinoy, Ducrot, Maud'hui, Palikao, Jérôme David, Chevreau, Rouher, Conti, de Banville, les Cassagnac, Valentin, n'attendent absolument qu'une chose, c'est que les vicinaux, à l'aide de Thiers, leur aient donné assez de force militaire et préfectorale pour les flanquer à la porte. [p. 2, c. 1]

!!! *Le capitaine de gendarmerie qui a tué Flourens vient d'être decoré.* [p. 2, c. 2]

Assemblée de Versailles. 26 April.

Louis Blanc gegen das circulaire de Dufaure. Er fragt blos demütig den *Dufaure* d'expliquer «toute la portée de sa circulaire». [p. 2, c. 3] Ehe der Kleine herabsteigt, fragt ihn ein Rural (M. le Comte de Rampon) ce qu'il pense du comité de la garde nationale de Paris, «*s'il prend la défense de la Commune*». *Louis Blanc* (au pied de la tribune): «Je pense que la Commune a violé la légalité, pour laquelle je suis (Interromption bruyante: A la Tribune, à la Tribune!) *Je réprouve les actes de la Commune* (Interpellations etc. etc.) Mais ce que je tiens aussi à vous dire, c'est qu'il est à Paris une nombreuse intelligente et honnête population, qui veut l'ordre et qui veut la liberté. C'est avec cette population que vous avez à traiter. Voilà ce que j'ai à dire (Assez! l'ordre du jour!)». *Dufaure* unter grossem Beifall und grosser Unverschämtheit macht die Apologie seines circulaire. Dufaure sagt, dass provincial municipal councils agieren unter Mot d'ordre von Paris. Z. B. der *conseil municipal d'Auch* unanimement lui demande de *proposer immédiatement un armistice* und dass die Versammlung *gewählt 8 Februar* sich auflöst (résigne) da ihr *Mandat expiré.* [p. 2, c. 4]

Dann liest er aus: «*Défense nationale*» *(Journal de Limoges)*: «la province a déjà motivé son mécontentement en refusant les bataillons de volontaires qui lui ont été demandés». Abgeschmackte Antwort des *Louis Blanc,* ob auch die Leute zu verfolgen, die blos *désirent conciliation sans pensée coupable.* [p. 2, c. 5]

29 April. Daily News. [№ 7800]

Tel. Paris 28 April. Fighting and cannonade goes on.

The *Commune* has demanded a payment within 24 hours of 2 million francs from the *railway Companies.* Besides called upon for the future to pay regularly the imposts due since March 18.

Сила правительства находится не столько в *Версале, сколько в Рюэле или даже в Сен-Жермене.* Виднейшие бонапартисты, собравшиеся в этих местах, смотрят на версальскую деревенщину как на слепые, но необходимые для успеха их дела орудия. Генерал Ладмиро, Галлифе, Канробер, Винуа, Дюкро, Модюи, Паликао, Жером Давид, Шевро, Руэр, Конти, де-Банвиль, Кассаньяки, Валантен ждут только одного, а именно — чтобы деревенщина, помогающая Тьеру, дала им достаточно военной и административной силы, чтобы выставить ее за дверь.

!!!*Только что награжден орденом жандармский капитан, убивший Флуранса.*

Версальское собрание. 26 апреля.

Луи Блан против циркуляра Дюфора. Он только смиренно просит *Дюфора* объяснить «все значение его циркуляра». Едва «малыш» сошел с трибуны, как один помещик (граф де-Рампон) спрашивает его, что он думает о комитете парижской национальной гвардии и «*защищает ли он Коммуну*». *Луи Блан* (у подножия трибуны): «Я думаю, что Коммуна нарушила законность, за которую я стою (его шумно прерывают: «на трибуну, на трибуну»!). *Я порицаю действия Коммуны* (запросы и проч. и проч.). Но я считаю также нужным сказать вам, что в Париже есть многочисленное, умственно развитое и честное население, которое хочет порядка, которое хочет свободы. Именно с этим населением вы должны договориться. Вот что я должен сказать. (Довольно! К порядку дня!)». *Дюфор* при громких аплодисментах и с большой наглостью оправдывает свой циркуляр. Дюфор говорит, что муниципальные советы в провинции действуют согласно лозунгам Парижа. Например, *муниципальный совет Оша* единодушно требует от него, чтобы *немедленно было предложено перемирие*, и чтобы Собрание, *избранное 8 февраля*, распустило само себя, (сложило полномочия), так как его *мандат истек.*

Затем он читает из «*Défense nationale*» *(лиможская газета):* «Провинция уже мотивировала свое недовольство, отказавшись дать батальоны добровольцев, которых у нее потребовали». Глупый вопрос *Луи Блана*—подлежат ли преследованию также люди, которые *без всякой преступной мысли хотят* только *примирения.*

29 апреля. «Daily News»

Телеграмма. Париж 28 апреля. Бои и канонада продолжаются.

Коммуна потребовала от *железнодорожных компаний* уплаты в 24-часовой срок 2 миллионов франков. Кроме того им предъявлено требование на будущее время регулярно уплачивать налоги, причитающиеся с 18 марта.

Cry for conciliation. Even *Paschal Grousset. Schism between Commune und Committee Central* more serious. Thiers gets power to declare any department in a state of siege. *Procureur-Général de Mayennes* writes to Dufaure to «resign... I cannot serve an Administration which orders me, in a moment of civil war, to rush into party struggles and prosecute citizens, whom my conscience holds innocent, for uttering the word *conciliation*». [p. 3, c. 1]

Paris. 28 April. Corr. Eighth Battalion of Gardes Nationaux has just issued a statement in which it declares distinctly for the League of Conciliation. Refuses to fight. [p. 5, c. 5]

29 April. Situation. [№ 189]

Paschal Grousset fait cesser son journal «*L'Affranchi*». [p. 2, c. 3]

Journal Officiel de Paris: Tous les jours on trouve des documents nouveaux qui établissent d'une manière authentique la trahison des hommes de la défense nationale, trahison d'autant plus infâme que ces hommes haut placés s'en faisaient un jeu jusque dans leur correspondence.

Paris (12 Décembre, 1870) ((Lettre de *Guiod (Alphonse Simon)* (commandant supérieur de l'artillerie des armées de défence de Paris et Grand-croix de la Légion d'Honneur) (Adressée à *Susanne*, général de division d'artillerie)) Handelt sich um einen gewissen *Hetzel* oder *Hessel*, dem Guiod empfohlen von Suzanne. «Dites-moi franchement ce que vous désirez, et je le ferai. Je le prendrai à mon état-major où il s'embêtera, n'ayant rien à faire, ou bien je l'enverrai au Mont-Valérien, où il courra moins de dangers qu'à Paris (ceci pour les parents), et où il *aura l'air de tirer le canon, parce qu'il tirera le canon en l'air, selon la méthode Noël.* Déboutonnez-vous la bouche, bien entendu». (Dieser *Noël* zu jener Epoche officier supérieur d'artillerie, et, au 12 Décembre 1870, il commandait le fort du Mont-Valérien) (diese Note (Brief etc.) communiqué par le Comité Central.) [p. 2, c. 4] *Proposition d'une ligue de la paix (par Schoelcher).* [p. 3, c. 1—2]

30 April et 1 May. La Situation. [№ 190]

Das Programme des 8-e bataillon de la garde Nationale vom 25 April.

with a smile of elated vanity. [p. 3, c. 4.]

Notes

M. Thiers sagt im speech in Assemblée législative, *17 Janvier*, von seinem Freund *Changarnier:*

Требование примирения. Даже *Паскаль Груссе. Раскол между Коммуной и Центральным комитетом* более серьезен. Тьер получает полномочие объявить любой департамент на осадном положении. *Майенский генеральный прокурор* пишет Дюфору о своем намерении «подать в отставку... Я не могу служить правительству, которое приказывает мне в момент гражданской войны ринуться в партийную борьбу и преследовать граждан, которых я по совести считаю невиновными, за произнесение слова *«примирение»*.

Париж. 28 апреля. Корреспонденция. 8-й батальон национальной гвардии только что опубликовал заявление, в котором он определенно высказывается за Лигу примирения. Отказывается сражаться.

29 апреля. «Situation».

Паскаль Груссе закрывает свою газету *«L'Affranchi»*.

Парижский «Journal Officiel». Каждый день находят новые документы, которые доподлинно устанавливают измену людей национальной обороны, измену, тем более подлую, что эти высокопоставленные лица подшучивали над этим даже в своей переписке.

Париж (12 декабря 1870 г.) (Письмо *Альфонса Симона Гио*, главного начальника артиллерии парижских армий обороны и кавалера большого креста почетного легиона, адресованное *Сюзанну*, артиллерийскому дивизионному генералу). Дело идет о некоем *Гетцеле* или *Гесселе*, рекомендованном Гио Сюзанном. «Скажите мне откровенно, чего вы желаете, и я это сделаю. Я возьму его в мой штаб, где он будет томиться скукой, не имея дела, или же пошлю его в форт Мон-Валерьен, где он будет в большей безопасности, чем в Париже (это для его родителей), и где он *будет делать вид, будто стреляет из пушки, ибо будет стрелять из пушки в воздух, по методу Ноэля*. Само собою разумеется, говорите все напрямик». (Этот *Ноэль* — в то время артиллерийский штаб-офицер, и 12 декабря 1870 г. он командовал фортом Мон-Валерьен) (эта записка (письмо и проч.) сообщена Центральным комитетом.) *Предложение Лиги мира (сделанное Шельхером).*

30 апреля и 1 мая. «La Situation».

Программа 8-го батальона национальной гвардии от 25 апреля.

С улыбкой надменного тщеславия.

Заметки

В речи в Законодательном собрании *17 января Тьер* говорит о своем друге *Шангарнье:*

«Nous avions pu crainde au milieu extraordinaire des esprits, que la politique s'introduisant dans l'armée, n'y affaiblît l'esprit militaire... Eh bien! l'énergique et habile général qui était à sa tête, en ravivant en elle *l'esprit militaire avait étouffé l'esprit politique.* Voilà ce que l'histoire dira un jour, et ce qui sera sa gloire». Ce fut seulement *février 1851* que *Thiers, Changarnier, Odilon Barrot* se séparèrent du gouvernement. Thiers trat so auf wegen Affaire Changarnier. Question de compétition zwischen Bonaparte und Orléans. Neumayer à la revue de Satory. 1869 verlangten die Hunde der *Union Libérale* pour Paris un conseil municipal élu. C'est la République de 1848 qui a remplacé par une commission administrative nommée par le gouvernement *l'ancien conseil municipal élu. 19 Juin 1851 Jules Favre* déclara à la Tribune: «Je comprends parfaitement que le pouvoir municipal, si énorme dans une cité comme Paris, appartienne *à un agent qui soit directement placé sous la main de M. le ministre de l'intérieur.* Et pourquoi, Messieurs? Non seulement, parce que ce serait, suivant moi, une *imprudence politique que de restaurer la Commune de Paris;* mais encore *parce que la présence et l'action du gouvernement central sont une garantie constante pour les citoyens.* Quant à moi, *je ne crains pas qu'on prenne acte contre moi de la déclaration que je dépose ici: Je considérerais comme n'ayant rien appris dans l'histoire, comme étant un homme politique voulant vouer son pays à des tempêtes, celui qui essayerait de ressusciter à l'heure qu'il est, une municipalité indépendante, une Commune de Paris qui ne relèverait pas du Gouvernement*».

Dufaure: Erste was das Ministerium Odilon Barrot tat (26. December 1848) war, gegen disposition formelle de la loi de 1831, den General *Changarnier,* der den Oberbefehl über die Linientruppen hatte, auch zum Chef der Nationalgarde zu machen. Cet *art. 67 de la loi sur la garde nationale* qui consacrait la division radicale de l'autorité militaire et de l'autorité civile, fut abrogé *le 7 juillet 1849;* sur proposition de Montalembert: l'Assemblée donna au gouvernement la faculté de concentrer dans les mains du chef d'une division militaire le commandement des gardes nationales de tous les départements compris dans la même circonscription.

Posten der République (1848 etc.): *Je vais t'assassiner, mais c'est pour ton bien,* ce que bourreau disait à Don Carlos.

2 Juin 1849 nahm *Dufaure* (im Ministerium *Odilon Barrot*) le portefeuille de l'*Intérieur. L'Union Libérale* (1869) s'est réformée comme en 1847. Le général Cavaignac poussait sa candidature à la présidence avec toutes les fureurs du désespoir. Forcé de lever l'état de siège, *le 29 Octobre.* Il insultait la révolution de Février en appelant au pouvoir

«При наличии необычных настроений мы могли опасаться, как бы проникновение политики в армию не ослабило воинского духа... И что же! Энергичный и умелый генерал, стоявший во главе армии, оживляя *в ней воинский дух, подавил дух политики*. Вот что скажет когда-нибудь история, и что послужит ему во славу». *Тьер, Шангарнье, Одилон-Барро* только *в феврале 1851 г.* отделились от правительства. Тьер выступил таким образом в связи с делом Шангарнье. Вопрос о соперничестве между Бонапартом и Орлеанской фамилией. Неймайер на смотру в Сатори. В 1869 г. собаки из *Либерального союза* требовали для Парижа выборного муниципального совета. Именно республика 1848 года заменила *прежний выборный муниципальный совет* административной комиссией по назначению правительства. *19 июня 1851 г. Жюль Фавр* заявил с трибуны: «Для меня вполне понятно, что муниципальная власть, столь огромная в городе, подобном Парижу, принадлежит *агенту, который должен быть непосредственно подчинен министру внутренних дел*. Почему же это, господа? Не только потому, что с моей точки зрения было бы *политически неразумно восстановить Коммуну Парижа*, но и *потому, что наличие и деятельность центрального правительства представляют постоянную гарантию для граждан*. С своей стороны, *я не боюсь, что делаемое мною здесь заявление будет использовано против меня: я считал бы, что человек, который в настоящий момент попытался бы восстановить независимый муниципалитет, Коммуну Парижа, не подчиненную правительству, ничему не научился из истории, что такой человек оказался бы политиком, желающим обречь свое отечество бурям*».

Дюфор. Первым шагом министерства Одилона Барро (26 декабря 1848 г.) было, вопреки формальному постановлению закона 1831 г., назначение генерала *Шангарнье*, имевшего высшее командование над линейными войсками, также начальником национальной гвардии. Эта *67-я статья закона о национальной гвардии*, установлявшая резкое разделение властей военной и гражданской, была отменена *7 июля 1849 г.*; по предложению Монталамбера, Собрание дало правительству возможность сосредоточить в руках начальника военного округа командование национальной гвардией всех департаментов, включенных в один округ.

Положение республики (1848 г. и т. д.): «*Я убью тебя, но для твоего же блага*», как говорил палач Дон-Карлосу.

2 июня 1849 г. *Дюфор* принял (в министерстве *Одилона Барро*) портфель *министра внутренних дел*. *Либеральный союз* (1869 г.) преобразовался, как и в 1847 г. Генерал Кавеньяк продвигал свою кандидатуру в президенты с яростью отчаяния. Принужден снять военное положение *29 октября*. Он издевался над февральской революцией,

2 ministres de *Louis-Philippe, Dufaure et Vivien:* la réunion de la rue de Poitiers avait demandé des positions en garantie etc. M. M. Cavaignac et Marrast, qui avaient besoin de l'appui des dynastiques de l'Assemblée, consentirent à leur donner des garanties positives, et un remaniement ministériel avait lieu. Le *National* livra des portefeuilles à l'ancien *tiers-parti.* Dufaure, tant raillé par le *National* pour avoir refusé d'assister au banquet de Saintes où il voulait qu'on portât un toast à Louis-Philippe, fut appelé *au ministère de l'Intérieur.* Comme tel, il faisait tout pour favoriser la candidature de Cavaignac. La France fut inondée de courtiers électoraux et de brochures vantant les hautes vertus du général; on diffamait et on traînait dans la boue les autres candidats et notamment *Louis Bonaparte,* dont Dufaure allait être quelques mois plus tard le ministre dévoué. On entravait les publications hostiles à Cavaignac en arrêtant leurs distributeurs. Dufaure retardait le départ des malle-postes pour faciliter l'envoi de bulletins favorisant la candidature de Cavaignac. Jamais l'*intimidation et la corruption électorale* ne furent exercées sur une plus large échelle.

Dufaure le ministre de l'état de siege de 1849. Il avait accepté un portefeuille déjà au lendemain d'une date néfaste, *le 13 mai 1839*, c'est-à-dire, qu'il avait été le ministre de la répression impitoyable exercée par le Gouvernement de Juillet, à la suite de la dernière prise d'armes du parti républicain. Le ministre du 13 mai 1839 était digne d'être le ministre du 13 juin 1849.

(*Discussion sur l'Italie*).

In der *Session de 1848* (sous Louis-Philippe) *Thiers:* «Je suis *du parti de la Révolution, tant en France qu'en Europe.* Je souhaite que le gouvernement de la Révolution reste dans les mains des hommes modérés... Mais quand ce gouvernement passera dans les mains d'hommes ardents, fût-ce les radicaux, je n'abandonnerai pas ma cause pour cela. *Je serai toujours du parti de la Révolution*».

Capitulation de Metz.

Tamisier au 31 Octobre donna sa démission, alors *Clément Thomas* (nommé sous le mouvement réactionnaire du *1-er Novembre*). Alors c'est lui qui a fait arrêter et révoquer tous les officiers révolutionnaires de la garde nationale, (c'est lui qui a mis en avant la lâcheté des Belleville men. Lempriére). A l'affaire 22 Janvier (les Bretons ont fusillé des gardes nationaux) (sur la place de l'Hôtel-de-ville) (Ce Résultat résultat de Montretout. (On parle dans les journaux officieusement de capi-

призвав к власти двух министров *Луи-Филиппа — Дюфора и Вивьена:* собрание улицы Пуатье потребовало, в виде гарантий и т. д., некоторых постов. Кавеньяк и Марра, которые нуждались в поддержке приверженцев династии в Собрании, согласились дать им положительные гарантии, и тогда состоялось преобразование министерства. «*Le National*» вручил портфели бывшей «*третьей партии*». Дюфор, которого «*Le National*» столь осмеивал за отказ присутствовать на банкете в Сент, где он находил желательным провозглашение тоста за Луи-Филиппа, был призван возглавлять *министерство внутренних дел*. В качестве министра он делал все зависящее, чтобы способствовать кандидатуре Кавеньяка. Франция была наводнена избирательными маклерами и брошюрами, расхваливавшими возвышенные добродетели генерала; прочих кандидатов осыпали клеветой и топтали в грязи, в особенности *Луи Бонапарта*, при котором Дюфор должен был спустя несколько месяцев стать преданным министром. Всячески мешали враждебным Кавеньяку публикациям, арестовывая их распространителей. Дюфор задерживал отправление почтовых карет, чтобы облегчить рассылку бюллетеней в пользу кандидатуры Кавеньяка. Никогда *предвыборное застращивание и коррупция* не пускались в ход в большем масштабе.

Дюфор, министр военного положения 1849 года. Он принял портфель уже на следующий день после злосчастного дня, а именно *13 мая 1839 г.*, т. е. он был министром беспощадного подавления, произведенного июльским правительством вслед за последним вооруженным выступлением республиканской партии. Министр 13 мая 1839 г. был достоин стать министром 13 июня 1849 года.

(Прения об Италии)

В *февральской сессии 1848 г.* (при Луи-Филиппе). *Тьер:* Я «принадлежу *к партии революции не только во Франции, но и в Европе*. Я желаю, чтобы правительство революции оставалось в руках умеренных людей... Но когда это правительство перейдет в руки людей пылких, будь то даже радикалы, я из-за этого не покину своего дела. *Я всегда буду принадлежать к партии революции*».

Капитуляция Меца

Тамизье 31 октября подал в отставку, тогда (во время реакционного движения *1 ноября* был назначен) *Клеман Тома*. Тогда он велел арестовать и отрешить от должности всех революционных офицеров национальной гвардии (это он заговорил о трусости бельвилльцев. Ламприер). В деле 22 января (бретонцы расстреляли национальных гвардейцев) (на площади Ратуши) (Это — результат Монтрету) (В газетах официозно говорят о капитуляции и переми-

tulation et d'armistice) (l'armistice fait le 28 Janvier). (Démonstration sur la place de l'Hôtel-de-Ville) (tués et blessés). Clément Thomas joua un grand rôle là-dedans comme commandant en chef. (Pendant le siège il ne faisait rien que désorganiser la garde nationale. Il n'a jamais fait la guerre contre les Prussiens. *2 Décembre. Affaire de Champigny.* Trochu faisait jouer un rôle ridicule à la Garde Nationale. Thomas était derrière Trochu qui venait pour haranguer les gardes de désister etc.)

---

10 March. Affiche rouge, adressée aux soldats, placardée aux soldats, placardée aujourd'hui au nom des délégués de la garde nationale:

«Il y a à Paris 300 000 gardes nationaux, et cependant on y fait entrer des troupes que l'on cherche à tromper sur l'esprit de la population parisienne. Les hommes qui ont organisé la défaite, démembré la France, livré tout notre or, *veulent échapper à la responsabilité* qu'ils ont assumée en excitant la guerre civile. Ils comptent que vous serez les dociles instruments du crime qu'ils méditent. Que veut le peuple de Paris? Il veut conserver ses armes, choisir lui-même ses chefs, et les révoquer quand il n'a plus confiance en eux. Il veut que l'armée soit renvoyée dans ses foyers».

---

17 March. Erklärung von *100 chefs* de bataillons (votée unanimement 16 March): «firmly decided to repousser, by all possible means *the attacks which they would dare to attempt against the Republic,* et to oppose themselves equally *to every attempt of disarming the national guard,* the natural guard of the social pact, of ordre, and of public liberty».

Coup of 18 March to take Montmartre by *nocturnal surprise.*

19 March. Central Committee (20 members) (at Hôtel de Ville). Proclamation. «*L'état de siège est levé. Le peuple* de Paris est convoqué dans ses sections pour faire ses élections communales». Ditto aux *Gardes Nationales:* «Vous nous avez chargés d'organiser la défense de Paris et de vos droits... A ce moment notre mandat est expiré; nous vous le rapportons, car nous ne prétendons pas prendre la place de ceux que le souffle populaire vient de renverser».

20 Mars. L'Assemblée vote l'état de siège du département de Seine et Oise, proposé par E. Picard — une loi qui confère à des soldats mêmes le pouvoir judiciaire».

рии), (перемирие заключено 28 января). (Демонстрация на площади Ратуши), (убитые и раненые). Клеман Тома сыграл большую роль в этом случае в качестве главнокомандующего. (Во время осады он только и делал, что дезорганизовал национальную гвардию. Он вовсе не воевал с пруссаками. *2 декабря. Бой при Шампиньи.* Трошю заставил национальную гвардию играть смешную роль. Тома был за спиной Трошю, который держал речи, убеждая гвардейцев отказаться и пр.).

---

10 марта. Красная афиша, обращенная к солдатам и расклеенная сегодня для солдат от имени делегатов национальной гвардии:

«В Париже имеется 300 000 национальных гвардейцев, а между тем в него вводят войска, которых стараются обмануть насчет настроений парижского населения. Люди, организовавшие поражение, расчленившие Францию, отдавшие все наше золото, *хотят избежать взятой ими на себя ответственности*, разжигая гражданскую войну. Они рассчитывают, что вы будете послушным орудием задуманного ими преступления. Чего хочет народ Парижа? Он хочет сохранить свое оружие, сам выбирать своих начальников и отзывать их, когда перестанет им доверять. Он хочет, чтобы армия была распущена по домам».

---

17 марта. Заявление *100 батальонных командиров* (принятое единогласно 16 марта): «полных твердой решимости отразить всеми возможными средствами *нападения, которые посмели бы предпринять против Республики*, а равным образом, сопротивляться *всякой попытке обезоружить национальную гвардию*, являющуюся естественным стражем общественного договора, порядка и общественной свободы».

Попытка 18 марта захватить Монмартр путем *внезапного ночного нападения.*

19 марта. Центральный Комитет (20 членов), (в Ратуше). Прокламация. «*Осадное положение снято.* Парижский *народ* созывается в секции для производства коммунальных выборов». То же — *К национальным гвардейцам:* «Вы возложили на нас обязанность организовать защиту Парижа и ваших прав... В настоящий момент срок нашего мандата истек; мы его возвращаем вам, ибо не претендуем занять место тех, кого только что опрокинула народная буря».

20 марта. Собрание, по предложению Э. Пикара, *вотирует введение осадного положения в департаменте Сены и Уазы* — закон, облекающий самих солдат судебными полномочиями.

21 March. Chanzy — set free und General Langourian. The insurgents demand: election of Communal Council of Paris by popular vote; reorganisation of National Guard, popular elections of its officers; suppression of the Police Prefecture and control of police by the communal authorities.

Neither (!) party likes to give the signal for civil war!

21 March. Urgency to restore all the Bonapartist Council Generals voted. A Proclamation «to citizens and soldiers» voted, Peyrat wanted to add: «Vive la France! *Vive la République.*» Frantic roars of dissent from the Rurals. *Thiers:* «It might be a very legitimate proposal etc. *(Dissent of the Rurals) Jules Favre* made a harangue against the doctrine of the *Republic being superior to Universal suffrage.* Flattered the «rural» majority etc. *Thiers:* «Come what may he would not send an armed force to Paris».

21 March. Official Journal of the Comité: «Assembly only elected for a specific purpose, on the eve of the capitulation, when the territory was in the occupation of the enemy. The deputies of the departements occupied could not have been freely elected». Ausserdem «elected under reactionary influence».

22 March. Canrobert makes dignified advances to Thiers, by whom they have been received in a fitting manner.

23 March. Versailles. Assemblée Nationale. Maires of Paris (delegates for conciliation). Scandalous scene on their calling «Vive la République». The Assembly deliberately eliminated the words «*Vive la République*» from their proclamation to army and citizens. Selbe Sitzung speech *of Favre* does not know what «*the despatch of the Prussian commander to the Central Committee means*». Addresses platitudes to Prussia «*qui veut bien ne pas douter de sa sincérité*», menaces Paris with the fire and sword of Bismarck, «la coupable émeute de Paris à jamais maudite».

22 Mars. Proclamation of Central Comité: «Pour la première fois depuis le 4 Septembre la République est affranchie du *gouvernement de ses ennemis*... à la cité une milice nationale qui *défend les citoyens contre le pouvoir au lieu d'une armée permanente qui défend le pouvoir contre les citoyens*».

The *Versailles Government courts the assistance of the bitterest enemy of France to subdue rebellion.*

Central Committee through its official journal declares that «*the greater part of the war indemnity should be paid by the authors of the war*».

21 марта. Выпущены на свободу Шанзи и генерал Лангуриан. Инсургенты требуют: избрания парижского коммунального совета всенародным голосованием; реорганизации национальной гвардии, избрания ее офицеров народом; упразднения полицейской префектуры и передачи власти над полицией коммунальным властям.

Ни та, ни другая (!) сторона не желает подать сигнал к гражданской войне!

21 марта. Спешность восстановления всех бонапартовских генеральных советов принята. Принимается воззвание «К гражданам и солдатам», Пейра хотел добавить: «Да здравствует Франция! *Да здравствует Республика!*» Неистовые крики протеста со стороны помещиков. *Тьер:* «Это могло бы быть весьма законным предложением и т. д. *(Протесты помещичьих представителей)*. *Жюль Фавр* разглагольствовал против доктрины, будто *республика выше всеобщего избирательного права.* Он льстил «помещичьему» большинству и т. д. *Тьер:* «Что бы ни произошло, он не пошлет вооруженную силу против Парижа».

21 марта. «Journal Officiel» *Комитета:*

«Собрание было избрано только для специальной цели, накануне капитуляции, когда территория была занята неприятелем. Депутаты занятых департаментов не могли быть свободно избраны». Кроме того «они избраны под реакционным влиянием».

22 марта. Канробер торжественно предлагает свои услуги Тьеру, который принял их надлежащим образом.

23 марта. Версаль. Национальное собрание. Парижские мэры (делегация по примирению). Скандальная сцена, когда они воскликнули: «Да здравствует Республика». Собрание преднамеренно выбросило слова «*Да здравствует Республика*» из своего воззвания к армии и гражданам. В том же заседании речь *Фавра* о том, что он не знает, что «*означает письмо прусского командира к Центральному Комитету*». Обращается с пошлостями к Пруссии, «*которая пусть благоволит не сомневаться в его искренности*», угрожает Парижу огнем и мечом Бисмарка, «преступный, навеки проклятый мятеж Парижа».

22 марта. Воззвание Центрального Комитета: «Впервые с 4 сентября Республика освобождена от *правительства своих врагов...* в городе национальная милиция, *защищающая граждан от власти, вместо постоянной армии, которая защищает власть от граждан*».

Версальское правительство, для того, чтобы подавить восстание, выпрашивает содействие злейшего врага Франции.

Центральный Комитет заявляет в своей официальной газете, что «*большая часть военной контрибуции должна быть уплачена зачинщиками войны*».

27 March. Versailles. Thiers: «I found the Republic an accomplished fact». (Nachher wirds wieder *hypothetical* fact).

When on the 27 March the government had received news from defeat of commune at Lyons, it determined on attacking Paris.

Republicains. *Paris 26 March. Left Rep. Party at Versailles, 120 members, resolved to support the Government,* as long as it maintained the Republican platform. Maires and Deputies of Paris tried to prevent the elections of 26 March; had to give in. *Versailles 9 April: tous les soirs réunion de la gauche dans la salle du Jeu de Paume.*

25 March. Versailles Assemblée. The *Bonapartist judges* (ebenso vorher vot d urgency of the reestablishment of the *Bonapartist Conseils Généraux*) who served on the mixed commissions of 1852 and made themselves degraded instruments of the Coup d'Etat by giving a semblance of legality to the transportation to Cayenne of the republicans on the black books of Louis Bonaparte, dismissed by Crémieux — reinstalled! Jules Favre has made a most atrocious attempt to provoke a civil war, and has caressed in a way which will never be forgotten, the idea of Prussian occupation of Paris to restore order.

27 March. Duc d'Aumale à Versailles.

Ende März — Anfang April. Exodus der *party of order*, 150 000 fled since the elections.

To the objection that our new governors, numbering 29, are unknown, the governors reply: «*So were the 12 Apostles*».

Circulaire Dufaures (Conciliation) 23. Avril, 1871.

Assemblée. 27. Avril: «Il n'y a contre la République bu'une conspiration, c'est celle qui est à Paris, et qui oblige à verser le sang français».

«Je le repète à satiété... Que ces armes impies tombent des mains qui les tiennent, et le châtiment s'arrêtera sur le champ; devient un acte de paix, excepté à l'égard des criminels qui, heureusement, ne sont pas très nombreux. (Mouvements sur divers bancs à droite)»... *Thiers:* «Messieurs, dites-le-moi, je vous en supplie, est-ce que j'ai tort? Est-ce que vous avez regret que j'aie pu dire que les criminels sont peu nombreux?... N'est-il pas hureux, heureux dans ce malheur, que ceux qui ont pu verser le sang de Clément Thomas et du général Lecomte soient des raretés?»

27 марта (*Версаль*). *Тьер:* «Я застал Республику как совершившийся факт.» (Впоследствии она снова станет *гипотетическим* фактом).

Когда 27 марта правительство получило известия о поражении коммуны в Лионе, оно решило атаковать Париж.

Республиканцы. *Париж 26 марта. Левая республиканская партия в Версале*, *насчитывающая 120 членов*, *постановила поддерживать правительство*, пока оно будет придерживаться республиканской платформы. Мэры и депутаты Парижа пытались помешать выборам 26 марта; им пришлось уступить. *Версаль. 9 апреля. Все вечера происходят собрания левой в зале для Игры в Мяч.*

25 марта. Версальское собрание. Бонапартовские судьи (до этого принята также спешность восстановления *бонапартовских генеральных советов*), которые, входя в состав смешанных комиссий 1852 г., превратились в бесстыдное орудие государственного переворота тем, что придали видимость законности ссылке в Кайенну республиканцев, числившихся в черных списках Луи Бонапарта, и были уволены Кремье, — восстановлены! Жюль Фавр изо всех сил старался вызвать гражданскую войну и носился с мыслью, которая никогда не будет забыта, с мыслью об оккупации Парижа пруссаками для восстановления порядка.

27 марта. Герцог Омальский в Версале.

Конец марта — начало апреля. «Исход» партии порядка, со времени выборов сбежало 150 000 человек.

В ответ на возражения, что наших новых правителей, число которых 29, никто не знает, правители отвечают: «*Таковы были и 12 апостолов*».

Циркуляр Дюфора (о примирении) 23 апреля 1871 г.

Собрание. 27 апреля. «Существует только один заговор против республики — парижский заговор, вынуждающий нас проливать французскую кровь».

«Я повторяю это до отказа... Пусть нечестивое оружие выпадет из рук, которые его держат, и кара немедленно будет приостановлена; будет заключен акт мира, не распространяющийся, однако, на преступников, которых, к счастью, не очень много. (Движение на различных скамьях правой)»... *Тьер:* «Скажите мне, господа, убедительно прошу вас, разве я неправ? Неужели вы сожалеете о том, что я мог сказать, что преступников не много?.. Разве это не счастье, счастье среди этих бедствий, что те, кто смогли пролить кровь Клемана Тома и генерала Леконта, представляют собой редкость?»

Assemblée du 18 mai Francfort traité, *10 Mai, 1871.* Angenommen in der Versammlung vom 18. Mai, *votants:* 588: pour *490*, contre *98.*

22 Mai «Je vous disais, il y a quelques jours, nous marchons vers le but. Aujourd'hui, je viens vous dire le but est atteint». (21 Mai entry of General Douay par la porte de St. Cloud.)

16 Mai Thiers's maison détruite.

Séance du 11 Mai

21 March «Come what may I will not send an armed force to Paris», while Jules Favre menaced «the coupable émeute de Paris a jamais maudite» with the fire and sword of Bismarck.

27 March «I found the Republic an accomplished fact», goes on with his peace etc., aber beschliesst to go on the same day after having received news of the defeat of the Commune at Lyons.

Mystères du couvent de Picpus. (Mot d'Ordre. 5 May).

Couvent de Picpus, faubourg St. Antoine. Perquisitions there have led to the discovery of an atrocious crime. In a cell of some square feet there were found three nuns there shut up for 9 years. In consequence of this long sequestration they have become idiots. The oldest, 73 years, installed at the casern of Rueilly under the protection of the National guard; the 2 others, one about 40 and the other about 30 years taken care of in the private houses of citizens. Des fouilles opérées dans le couvent have led to the discovery of different skeletons and bones of children buried in the soil.

This monastery (couvent) of Picpus an immense property. — The oldest was in a small cage... Starved, whipped, all because she wanted to leave the cloyster and return to her family. Love Affaire with Father Raphael. When she had got leave to go, she was caught on her departure, and shut up... In two cages, smaller and much more low than those in which the leopards of the Jardin des Plantes. In it un misérable grabat sur lequel les malheureuses ont passé 9 ans.

In a small jardin situated plus au fond du jardin *instruments of torture* (as found in the caves of the Inquisition in Spain and at Rome...). A souterrain leading from the couvent des soeurs de Picpus avec un établissement de réligieux situé tout en face de l'autre côté de la rue. Le traité sur les avortements que l'on a trouvé chez la supérieure est du père Bousquet, capucin.

Dans les souterrains de l'Eglise de St. Laurent un espace de plus de 20 mètres cubes remplis d'ossements humains. Plus loin, quelques squelettes, remontant à une date plus récente.

Собрание 18 мая. Франкфуртский договор, *10 мая 1871 г.* Принят собранием 18 мая, *голосовало* — 588: за — 490, против — 98.

22 мая. «Несколько дней тому назад я говорил вам, что мы приближаемся к цели. Сегодня я пришел сказать вам, что цель достигнута» (21 мая—вступление генерала Дуэ через ворота Сен-Клу).

16 мая. Разрушен дом Тьера.

Заседание 11 мая.

21 марта. «Что бы ни случилось, я не пошлю вооруженных сил на Париж», в то время как Жюль Фавр угрожал «преступному, навеки проклятому мятежу Парижа» огнем и мечом Бисмарка.

27 марта. «Я застал республику как совершившийся факт», продолжает говорить о мире и т. д., но решает в тот же самый день приступить к действиям, получив известия о поражении коммуны в Лионе.

Тайны монастыря Пикпус (Mot d'Ordre. 5 мая).

Монастырь Пикпус, предместье Сент-Антуан. Произведенные там обыски привели к раскрытию зверского преступления. В келье, площадью в несколько квадратных футов, были обнаружены три монахини, которых держали там взаперти в течение 9 лет. В результате долгого заточения они стали идиотками. Самая старшая из них, 73 лет, помещена в казарму Рейи, под защиту национальной гвардии; две другие, из которых одной около 40 и другой около 30 лет, отданы на попечение частных лиц. Раскопки, произведенные в монастыре, привели к открытию нескольких скелетов и детских костей, зарытых в земле.

Этот монастырь Пикпус владеет огромной собственностью. — Самая старшая находилась в тесной клетке... Ее морили голодом, били кнутом лишь за то, что она желала покинуть обитель и вернуться к родным. Любовная связь с отцом Рафаилом. Ей разрешили уйти, но при выходе схватили и заперли... В двух клетках, более тесных и гораздо более низких, чем те, в которых держат леопардов в зоологическом саду. В клетке — жалкий тюфяк, на котором несчастные провели 9 лет.

В садике, расположенном в глубине двора, *орудия пытки* (подобные тем, которые были найдены в Испании и Риме в подвалах инквизиции)... Подземный ход, соединяющий женский монастырь Пикпус с мужским монастырем, расположенным как раз напротив на другой стороне улицы. Трактат об абортах, найденный у настоятельницы, был составлен отцом Бускэ, капуцином.

В подземельях церкви св. Лаврентия пространство свыше 20 куб. метров заполнено человеческими костями. Немного дальше несколько скелетов, относящихся к более близкому времени.

ПЕРВЫЙ НАБРОСОК

«ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ ВО ФРАНЦИИ»

The Government of defence

Four months after the commencement of the war, when the Government of Defence had thrown a sop to [the] Paris National Guard by allowing them to show their fighting capabilities at Buzenvall, the Government considered the opportune moment come to prepare Paris for capitulation. To the assembly of the maires of Paris for capitulation, Trochu in presence of and supported by Jules Favre and some others of his colleagues, revealed at last *his «plan»*. He said literally: «The first question, adressed to me by my colleagues *on the evening of the 4-th September*, was this: Paris, can it stand, with any chance of success, a siege against the Prussian army? *I did not hesitate to answer in the negative.* Some of my colleagues here present will warrant the truth of these my words, and *the persistence of my opinion.* I told them in these very terms that, under the existing state of things, the attempt of Paris to maintain a siege against the Prussian army would be *a folly*. Without doubt I added, this might be *a heroical folly*, but it would be nothing else... *The events have not given the lie to my prevision»*. Trochu's plan, from the very day of the proclamation of the Republic, was *the capitulation of Paris and of France.* In point of fact he was the commander in chief of the Prussians. In a letter to Gambetta, Jules Favre himself confessed so much that the enemy to be put down, was not the Prussian soldier, but the Paris (revolutioner) «demagogue». The highsounding promises to the people by the Government of Defence were therefore as many deliberate lies. The «plan» they systematically carried out by entrusting the defence of Paris to Bonapartist generals, by disorganizing the National Guard and by organizing famine under the maladministration of Jules Ferry. The attempts of the Paris workmen on the 5-th of October, the 31-st of October etc., to supplant these traitors by the Commune, were put down as conspiracies with the Prussian! After the capitulation the mask was thrown off (cast aside). The *capitulards* became a government by the grace of Bismarck. Being his prisoners, they stipulated with him a general armistice the conditions of which disarmed France and rendered all further resistance impossible. Resuscitated at Bordeaux as the Government of the Republic, these very same capitulards through Thiers, their ex-Ambassador, and Jules Favre, their Foreign minister fervently implored Bismarck in the name of the majority of

Правительство обороны

Четыре месяца спустя после начала войны, когда правительство обороны бросило подачку парижской национальной гвардии, разрешив ей показать свою боеспособность в Бюзанвалле, оно сочло момент подходящим для подготовки Парижа к капитуляции. На собрании парижских мэров по вопросу о капитуляции, Трошю, в присутствии и при поддержке Жюля Фавра и некоторых других своих коллег, раскрыл наконец *свой «план»*. Он сказал буквально следующее: «Первый вопрос, заданный мне моими коллегами *вечером 4 сентября*, был таков: может ли Париж с какими-нибудь шансами на успех выдержать осаду прусской армии? *Я не колеблясь ответил отрицательно*. Некоторые из моих коллег, присутствующих здесь, засвидетельствуют правду моих слов и *неизменность моего взгляда*. Я сказал им тогда, буквально в этих самых выражениях, что при существующем положении вещей попытка Парижа выдержать осаду прусской армии была бы *безумием*. Несомненно, прибавил я, это было бы геройское безумие, но не более того... *События не обманули моего предвидения*». План Трошю, с первого же дня провозглашения республики,заключался *в капитуляции Парижа* и *Франции*. Фактически он был главнокомандующим пруссаков. В письме к Гамбетте Жюль Фавр сам прямо заявил, что враг, которого надо подавить, это не прусский солдат, а парижский (революционер), «демагог». Следовательно, высокопарные обещания, данные правительством обороны народу, были сознательной ложью. Свой «план» оно систематически проводило в жизнь, поручив оборону Парижа бонапартовским генералам, дезорганизуя национальную гвардию и организуя голод во время хозяйничания Жюля Ферри. Попытки парижских рабочих 5 октября, 31 октября и т. д. заменить этих предателей Коммуной были подавлены как заговор с пруссаками! После капитуляции маска была сброшена (отброшена прочь). *Капитулянты* сделались правительством милостью Бисмарка. Будучи его пленниками, они заключили с ним общее перемирие, условия которого разоружили Францию и сделали невозможным всякое дальнейшее сопротивление. Эти же самые капитулянты, вновь воскреснув в Бордо в виде правительства республики, стали через посредство Тьера, своего бывшего посла, и Жюля Фавра, своего министра иностранных дел, горячо умолять Бисмарка от имени большинства

the so called National Assembly, and long before the rise of Paris, to disarm, and occupy Paris, and put down «its canaille», as Bismarck himself on his return from France to *Berlin* sneeringly told his admirers at Frankfurt. This occupation of Paris by the Prussians — such was the last word of the «plan» of the government of Defence. The cynical effrontery with which, since their instalment at Versailles, the same men fawn upon and appeal to the armed intervention of Prussia, has dumbfounded even the venal press ot Europe. The heroic exploits of the Paris National Guard, since they fight no longer *under* but *against* the capitulards, has forced even the most sceptical to brand the word «traitor» on the brazen fronts of the Trochu, Jules Favre et Co. The documents seized by the Commune, have, at last, furnished the juridical proofs of their high treason. Amongst these papers there are letters of the Bonapartist *sabreurs,* to whom the execution of Trochu's «plan» had been confided, in which these infamous wretches crack jokes at and make fun of their own «defence of Paris» (cf. for instance the letter of *Alphonse Simon Guiod*, supreme commander of the artillery of the army of defence of Paris and Grand Cross of the Legion of Honour, to *Suzanne,* General of division of artillery, published by the *Journal officiel* of the Commune).

It is, therefore evident, that the men who now form the government of Versailles, can only be saved from the fate of convicted traitors by civil war, the death of the Republic and a monarchical restauration under the shelter of Prussian bayonets.

But — and this is most characteristic of the men of the Empire, as well as of the men who but on its soil and within its atmosphere could grow into mock-tribunes of the people — the victorious republic would not only brand them as traitors, it would have to surrender them as common felons to the criminal court. Look only at *Jules Favre, Ernest Picard,* and *Jules Ferry,* the great men, under Thiers, of the Government of Defence!

A series of authenticated judiciary documents spreading over about 20 years, and published by M. Millière, a representative to the National Assembly, proves that *Jules Favre,* living in adulterous concubinage with the wife of a drunkard resident at Algiers, had, by a most complicated concatenation of daring forgeries, contrived to grasp in the name of his bastards, a large succession that made him a rich man and that the connivance only of the Bonapartist tribunals saved him from exposure in a law-suit undertaken by the legitimate claimants.

так называемого Национального собрания и задолго до восстания Парижа, чтобы он разоружил и занял Париж и покончил с «его сволочью», как сам Бисмарк на пути из Франции в *Берлин* издеваясь рассказывал своим поклонникам во Франкфурте. Занятие Парижа пруссаками — таково было последнее слово «плана» правительства обороны. Циничная наглость, с какой эти люди, с тех пор как они водворились в Версале, раболепствовали перед Пруссией и взывали к ее вооруженному вмешательству, ошеломила даже продажную европейскую прессу. Героические подвиги парижской национальной гвардии, с тех пор как она сражается не *под начальством* капитулянтов, а *против* них, вынудили даже самых отъявленных скептиков поставить клеймо «предатель» на медных лбах Трошю, Жюля Фавра и К°. Документы, захваченные Коммуной, представили наконец юридические доказательства их государственной измены. Среди этих бумаг имеются письма бонапартовских *рубак*, которым было поручено выполнение «плана» Трошю; в своих письмах эти подлые негодяи отпускают шутки и потешаются над своей собственной «обороной Парижа» (см. напр. опубликованное Коммуной в «*Journal Officiel*» письмо главного начальника артиллерии парижской армии обороны и кавалера большого ордена почетного легиона *Альфонса Симона Гио* к артиллерийскому дивизионному генералу *Сюзанну*).

Ясно поэтому, что люди, которые составляют теперь версальское правительство, могут избавиться от участи присужденных к каторге изменников лишь путем гражданской войны, гибели республики и монархической реставрации под охраной прусских штыков.

Однако — и это в высшей степени характерно для деятелей империи, равно как и для всех тех, кто только на ее почве и в ее атмосфере мог превратиться в мнимых народных трибунов, — победоносная республика не только заклеймила бы их как изменников, но и должна была бы предать их уголовному суду как обыкновенных преступников. Взгляните только на *Жюля Фавра*, *Эрнеста Пикара* и *Жюля Ферри*, на этих знаменитостей правительства обороны, возглавляемого Тьером.

Целый ряд подлинных юридических документов, относящихся приблизительно к периоду в 20 лет и опубликованных г. Мильером, депутатом Национального собрания, доказывает, что *Жюль Фавр*, находясь в сожительстве с женою одного спившегося алжирского обывателя, сумел при помощи сложнейшего нагромождения наглых подлогов захватить от имени своих незаконнорожденных детей огромное наследство, которое сделало его богатым человеком, и что в судебном процессе, предпринятом против него законными

Jules Favre, then, this unctuous mouthpiece of family, religion, property, and order, has long since been forfeited to the *Code Pénal*. Lifelong penal servitude would be his unavoidable lot under every honest government. *Ernest Picard*, the present Versailles Home minister appointed by himself on the 4-th of September, Home minister of the government of defence, after he had tried in vain to be appointed by Louis Bonaparte, this Ernest Picard is the brother of one *Arthur Picard*. When, together with Jules Favre and Co., he had the impudence to propose this worthy brother of his as a candidate in the Seine et Oise for the *Corps législatif*, the Imperialist government published two documents, a report of the Prefecture of Police (13 July, 1867) stating that this Arthur Picard was excluded from the Bourse as an «Escroc», and another document of the *11 December 1868*, according to which Arthur had confessed the theft of 300 000 fcs, committed by him as a director of one of the branches of the *Société Générale*, rue Palestro, № 5. Ernest made not only his worthy Arthur the *editor in chief* of a paper of his own, the *Electeur Libre*, founded under the Empire and continued to this day, a paper, in which the republicans are daily denounced as «robbers, bandits, and *partageux*», but once become the home minister of the «Defence», Ernest employed Arthur as his financial medium between the home office to the Stock Exchange, there to discount the State secrets entrusted to him.

The whole «financial» correspondence between Ernest and Arthur has fallen into the hands of the Commune. Like the lachrymose Jules Favre, Ernest Picard, the Joe Miller of the Versailles Government, is a man forfeited to the *Code Pénal* and the galleys.

To make up this trio, *Jules Ferry*, a poor breadless barrister before 4 September, not content to organize the famine of Paris, had contrived to job a fortune out of this famine. The day on which he would have to give an account of his peculations during the Paris siege would be his day of judgment!

No wonder then that these men who can only hope to escape from the hulks in a monarchy, protected by Prussian bayonets, who but in the turmoil of civil war can win their *ticket of leave*, that these desperadoes were at once *chosen* by Thiers and accepted by the Rurals as the safest tools of the Counterrevolution!

наследниками, только потворство бонапартовских судов спасло его от разоблачения. Таким образом, Жюль Фавр, этот елейный защитник семьи, религии, собственности и порядка давно уже подлежал ведению *уголовного кодекса*. Пожизненная каторга была бы его неизбежным уделом при всяком честном правительстве. *Эрнест Пикар*, нынешний версальский министр внутренних дел, сам назначивший себя 4 сентября министром внутренних дел правительства обороны, после того как он тщетно пытался получить назначение от Луи Бонапарта, — этот Эрнест Пикар приходится братом некоему *Артуру Пикару*. Когда, вместе с Жюлем Фавром и К^{0}, он имел бесстыдство выставить этого своего почтенного братца кандидатом в члены *Законодательного корпуса* от департамента Сены и Уазы, императорское правительство опубликовало два документа: донесение полицейской префектуры (от 13 июля 1867 г.) о том, что этот Артур Пикар был исключен из биржи как мошенник и другой документ от *11 декабря 1868 г.*, согласно которому Артур признался, что он украл 300 000 франков в бытность его директором одного из отделений «Генерального общества», на улице Палестро, № 5. Эрнест не только назначил этого достойного Артура *главным редактором* своей газеты «Electeur Libre», основанной во время империи и продолжающей выходить до сих пор, — газеты, которая изо дня в день обзывает республиканцев «грабителями, бандитами и *раздельщиками*» но, сделавшись министром внутренних дел «правительства обороны», Эрнест использовал Артура как своего финансового посредника между министерством внутренних дел и биржей, для извлечения барышей из доверенных ему государственных тайн.

Вся «финансовая» переписка между Эрнестом и Артуром попала в руки Коммуны. Подобно слезоточивому Жюлю Фавру и Эрнест Пикар, этот Джо Миллер версальского правительства, является человеком, заслужившим уголовного суда и каторги.

И, наконец, последний в этом трио, *Жюль Ферри*, до 4 сентября нищий адвокат, не ограничился тем, что организовал голод в Париже, но ухитрился еще нажить состояние на этом голоде. Тот день, когда ему пришлось бы дать отчет в своих хищениях во время осады Парижа, был бы его судным днем.

Не удивительно поэтому, что эти люди, которые могут надеяться спастись от каторги только при монархии, охраняемой прусскими штыками, которые только в водовороте гражданской войны могут добыть себе *отпускные билеты* (ticket of leave), — не удивительно, что эти отъявленные мошенники были сразу же *выбраны* Тьером и приняты помещичьими депутатами как надежнейшие орудия контрреволюции!

No wonder that when in the beginning of April captured National Guards were exposed at Versailles to the ferocious outrages of Pietri's «lambs» and the Versailles mob, M. Ernest Picard «with his hands in his trousers pockets, walked from group to group cracking jokes» while «on the balcony of the Prefecture Madame Thiers, Madame Jules Favre and a bevy of similar *Dames*, looking in excellent health and spirits», exulted in that disgusting scene. No wonder then, that while one part of France winces under the heels of the conquerors, while Paris, the heart and head of France, daily sheds streams of its best blood in self-defence against the home traitors, — — — — — , the Thiers, Favres et Co. indulge in revelries at the Palace of Louis XIV, such for instance as the grand *fête* given by Thiers in honour of Jules Favre on his return from Rouen (whither he had been sent to conspire with (fawn upon) the Prussians). It is the cynical orgy of evaded felons.

If the Government of Defence first made Thiers their Foreign Ambassador, going a begging at all Courts of Europe, there to barter a king for France for their intervention against Prussia, if, later on, they sent him on a travelling tour throughout the French provinces, there to conspire with the *châteaux* and secretly prepare the General elections which, together with the Capitulation, would take France by surprise — Thiers, on his side, made them his ministers and high functionaries. They were safe men.

There is one thing rather mysterious in the proceedings of Thiers, his recklessness in precipitating the revolution of Paris. Not content to goad Paris by the Antirepublican demonstrations of his rurals, by the threats to *décapitate* and *decapitalize* Paris (by Dufaure's (Thiers' minister of justice) law of the 10-th of March on the *échéances* of bills which impended bankruptcy on the Paris commerce), by appointing Orleanist ambassadors, by the transfer of the Assemblée to Versailles, by an imposition of a new tax on newspapers, by the confiscation of the Republican Paris journals, by the revival of the State of Siege, first proclaimed by Palicao and annulled with the downfall of the Imperialist government on the 4-th of September, by appointing Vinoy, the *Décembriseur* and Ex-senator governor of Paris, *Valentin*, the Imperialist Gendarme Prefect of Police, and Aurelle de Paladine, the jesuit General Commander in chief of the Paris National Guard—he opened the civil war with feeble forces, by Vinoy's attack on the buttes Montmartre, by the attempt first to rob the National Guards of cannon which belonged

Не удивительно, что когда в начале апреля захваченные в плен национальные гвардейцы подвергались в Версале жесточайшим оскорблениям со стороны «овечек» Пьетри и версальской черни, Эрнест Пикар, «засунув руки в карманы штанов, переходил от одной группы пленных к другой отпуская шуточки», между тем как «с балкона префектуры г-жа Тьер, г-жа Жюль Фавр и компания подобных дам, цветущих здоровьем и веселых», упивались этой отвратительной сценой. Не удивительно, что когда одна часть Франции стонет под пятой завоевателей, когда Париж, сердце и голова Франции, ежедневно проливает потоки своей лучшей крови, защищая себя против внутренних изменников..., что в это самое время Тьеры, Фавры и К° предаются шумным пиршествам во дворце Людовика XIV, — таков например, грандиозный праздник, устроенный Тьером в честь Жюля Фавра после его возвращения из Руана (куда он был послан для сговора с (пресмыкательства перед) пруссаками). Это— циничная оргия скрывшихся от суда преступников!

Если правительство обороны сперва сделало Тьера своим послом, попрошайничавшим при всех европейских дворах, предлагая им посадить во Франции короля в обмен за их интервенцию против Пруссии; если позднее оно послало его в поездку по французским провинциям для сговора с *помещичьими зáмками* и для тайной подготовки всеобщих выборов, которые вместе с капитуляцией должны были захватить Францию врасплох, — то Тьер в свою очередь сделал этих людей своими министрами и высшими сановниками. Это были надежные люди.

В действиях Тьера есть одна несколько загадочная черта, это то, что он сам опрометчиво ускорял наступление парижской революции. Не довольствуясь тем, что он упорно раздражал Париж антиреспубликанскими выходками своих помещичьих депутатов, угрозами *обезглавить* Париж и *лишить его звания столицы*, (законом Дюфора (тьеровского министра юстиции) от 10 марта о *сроках платежей* по векселям — законом, поставившим под угрозу банкротства всю парижскую торговлю), назначением орлеанистских послов, переводом Собрания в Версаль, новым обложением газет, конфискацией республиканских органов парижской печати, возобновлением осадного положения, впервые объявленного Паликао и отмененного 4 сентября с падением императорского правительства, назначением Винуа, декабрьского героя и бывшего сенатора, губернатором Парижа, императорского жандарма *Валантена* префектом полиции и генерала-иезуита Ореля де-Паладина главнокомандующим парижской национальной гвардией, — не довольствуясь

to them and which were only left to them by the Paris convention, because they were their property, and thus to disarm Paris.

Whence this feverish eagerness *d'en finir?* To disarm and put down Paris was of course the first condition of a monarchical counterrevolution, but an astute intriguer like Thiers could only risk the future of the difficult enterprise in undertaking it without due preparation, with ridiculously insufficient means, except under the sway of some overwhelmingly urgent wave. The motive was this. By the agency of Pouyer-Quertier, his finance minister, Thiers had concluded a loan of two milliards to be paid immediately down, and some more milliards to follow at certain terms. In this loan transaction a truly royal *pot-de-vin* (drinkmoney) was reserved for those grand citizens — Thiers, Jules Favre, Ernest Picard, Jules Simon, Pouyer-Quertier etc. But there was one hitch in the transaction. Before definitively sealing the treaty, the contractors wanted one guarantee — the *tranquillization of Paris.* Hence the reckless proceedings of Thiers. Hence the savage hatred against the Paris workmen perverse enough to interfere with this fine job.

As to the Jules Favres, Picards etc., we nave said enough to prove them the worthy accomplices of such a jobbery. As to Thiers himself, it is notorious that during his two ministries under Louis Philippe he realised 2 millions, and that during his premiership (dating Mars 1840) he was taunted from the tribune of the Chambre of Deputies with his Bourse peculations, in answer to which he shed tears, a commodity he disposes of as freely as Jules Favre and the celebrated comedian Frederic Lemaitre. It is no less notorious that the first measure taken by M. Thiers to save France from the financial ruin, fastened upon her by the war, was — to endow himself with a yearly salary of 3 Millions of francs, exactly the sum Louis Bonaparte got in 1850 as an equivalent from M. Thiers and his troop in the *Legislative Assembly* for allowing them to abolish the general suffrage. This endowment of M. Thiers with 3 millions was the first word of «the *economic republic*», the vista of which he had opened to his Paris electors in 1869. As to Pouyer-Quertier, he is a cotton spinner at Rouen. In 1869, he was the leader of the millowners' conclave that proclaimed a general reduction of wages necessary for the «conquest» of the English market — an intrigue, then baffled by the *International.* Pouyer-Quertier, otherwise a fervent and even servile partisan of the

всем этим, со слабыми силами он начал гражданскую войну своим приказом Винуа атаковать высоты Монмартра, своей попыткой прежде всего украсть у национальной гвардии принадлежавшие ей пушки, которые были оставлены ей парижским соглашением только потому, что они были ее собственностью. Таким способом он думал разоружить Париж.

Откуда эта лихорадочная жажда скорей *покончить* с Парижем? Разоружение и подавление Парижа было, конечно, первым условием для монархической контрреволюции, но такой хитрый интриган, как Тьер, мог подвергнуть риску исход столь трудного предприятия, приступая к нему без надлежащей подготовки, с ничтожными до смешного средствами, только под влиянием совершенно исключительно важного мотива. Этот мотив заключался в следующем. Через посредство своего министра финансов Пуйе-Кертье Тьер заключил заем в 2 миллиарда, подлежавших немедленной выплате, и еще в несколько миллиардов, которые должны были быть получены позже, в определенные сроки. При этой сделке по займу, подлинно королевские *чаевые* были оговорены для таких великих граждан, как Тьер, Жюль Фавр, Эрнест Пикар, Жюль Симон, Пуйе-Кертье и т. д. Но в этом деле была одна загвоздка. Прежде чем окончательно подписать договор, контрагенты требовали одной гарантии — *умиротворения Парижа*. Отсюда наглый образ действий Тьера. Отсюда его дикая ненависть к парижским рабочим, оказавшимся достаточно испорченными, чтобы помешать этому превосходному дельцу.

Что касается Жюлей Фавров, Пикаров и т. д., то о них мы уже сказали достаточно, чтобы доказать, что они были достойными соучастниками подобной сделки. Что же касается самого Тьера, то известно, что во время его двух министерств при Луи-Филиппе он приобрел 2 миллиона и что в бытность его премьер-министром (с марта 1840 г.) он был обвинен с трибуны палаты депутатов в биржевых спекуляциях; в ответ на это он пролил слезу — товар, от которого он отделывается так же легко, как Жюль Фавр и знаменитый комик Фредерик Леметр. Не менее известно, что первая мера, которую предпринял г. Тьер для спасения Франции от финансового краха, навлеченного на нее войной, заключалась в том, что он наделил себя годовым окладом в 3 миллиона франков; это была как раз та самая сумма, которую Луи Бонапарт получил в 1850 г. от г. Тьера и его банды в *Законодательном собрании* за то, что разрешил им упразднить всеобщее избирательное право. Наделение Тьера 3 миллионами было первым словом той «*бережливой республики*», перспективу которой он открыл своим парижским избирателям в 1869 году. Что же касается Пуйе-Кертье, то он руанский хлопчатобумажный фабрикант. В 1869 г. он был руководителем совещания фабрикантов,

Empire, found only one fault with it, its commercial treaty with England damaging to his own shop interests. His first step, as M. Thiers' finance minister, was to denounce that «hateful» treaty and to pronounce the necessity of re-establishing the old protective duties for his own shop. His second step was the *patriotic* attempt to strike Alsace by the re-established old protective duties on the pretext that in this case no international treaty stood in the way of their re-introduction. By this masterstroke his own shop at Rouen would have got rid of the dangerous competition of the rival shops at Mulhausen. His last step was to make a present to his son-in-law, M. Roche Lambert, of the receveur-generalship of the Loiret, one of the rich booties falling into the lap of the *governing* bourgeois, and which Pouyer-Quertier had found so much fault with his Imperialist predecessor, M. Magne, endowing his own son with that big jobbing place. This Pouyer-Quertier was then exactly the man for the perpetration of the above-said job.

---

30 Mars. Rappel. Jules Ferry, ex-maire de Paris, a défendu, par une circulaire du 28 Mars, aux employés de l'octroi... de continuer toute perception for the city of Paris.

Small state-rogueries,—a little character... cankering conscience... everlasting suggester of Parliamentary intrigue . . . petty expedients and devices... rehearsing his homilies of liberalism, of the «libertés nécessaires»... eagerly bent on... strong reasons to weigh against the chances of failure... cogent arguments which counterpoise... kind of heroism in exaggerated baseness... lucky parliamentary stratagems...

M. E. Picard est un malandrin, qui pendant toute la durée du siège a tripoté à la Bourse sur les défaites de nos armées.

---

massacre, trahison, incendie, assassinat, calomnie, mensonge.

In his speech to the assembly of maires etc. (25-th April) Thiers says himself that the «assassins of Clément Thomas and Lecomte» [are]

объявившего, что снижение заработной платы необходимо для «завоевания» английского рынка, — эта интрига была тогда расстроена *Интернационалом*. Пуйе-Кертье, во всех отношениях горячий и даже раболепный сторонник империи, находил в ней только одну дурную сторону — торговый договор с Англией, который вредил интересам его самого как фабриканта. Его первым шагом в роли тьеровского министра финансов было нападение на этот «ненавистный» договор и заявление, что необходимо восстановить старые протекционистские пошлины для охраны его собственной фабрики. Вторым его шагом была *патриотическая попытка* нанести удар Эльзасу восстановлением старых протекционистских пошлин под тем предлогом, что в данном случае никакие международные договоры не препятствуют их введению вновь. Благодаря этому мастерскому ходу его собственная фабрика в Руане избавилась бы от опасной конкуренции соперничающих мюльгаузенских фабрик. Последний его шаг состоял в том, что он подарил своему зятю, г. Рош-Ламберу, должность главного сборщика податей в Луарэ, один из тех жирных кусков, что попадают в руки правящей буржуазии; и этот самый Пуйе Кертье так усиленно поносил своего бонапартовского предшественника г. Мань за то, что тот устроил на это теплое местечко своего собственного сына! Пуйе-Кертье был таким образом самым подходящим человеком для проведения вышеупомянутой сделки.

---

30 марта. «*Rappel*». Жюль Ферри, бывший мэр Парижа, запретил циркуляром от 28 марта акцизным чиновникам... взимать впредь какие бы то ни было сборы в пользу города Парижа.

Мелкие государственные плутни, — мелочный характер... нечистая совесть... вечный зачинщик парламентских интриг... жалкие уловки и затеи... повторяющий свои проповеди о либерализме, о «необходимых свободах»... усердно домогающийся... веские соображения против возможной неудачи... решающие аргументы, которые уравновешивают... своего рода героизм в крайней низости... удачные парламентские хитрости...

Г. Э. Пикар — мошенник, который в течение всей осады спекулировал на поражениях наших армий.

Резня, *измена*, *поджог*, *убийство*, *клевета*, *ложь*.

В своей речи на собрании мэров и т. д. (25 апреля) Тьер сам говорит, что «убийцы Клемана Тома и Леконта» — маленькая кучка

a handful of criminals — «et ceux qui pourront à juste titre être considérés comme complices de ces crimes par conspiration ou assistance, c'est à dire un *très petit* nombre d'individus».

Dufaure

Dufaure wants to put down Paris by press prosecutions in the provinces. Monstrous to bring journals before a jury because preaching «*Conciliation*».

Dufaure plays a great part in the Thiers intrigue. By his law of the 10-th of March, he roused all the indebted commerce of Paris. By his law on Paris houserents, he menaced all Paris. Both laws were to punish Paris for having saved the honour of France and delayed the surrender to Bismarck for 6 months. Dufaure is an Orleanist, and a «Liberal», in the parliamentary sense of the word. Consequently, he has always been the minister of repression and of the State of Siege.

He accepted his first portefeuille on the 13 May, 1839, after the defeat of the dernière prise d'armes of the Republican party, was therefore the minister of the pitiless repression of the July government of that day.

On the 2-nd June 1849, Cavaignac, forced on the 29-th October (1848) to raise the state of siege, called into his ministry two ministers of Louis Philippe *(Dufaure*, for the Interior, and *Vivien)*. He appointed them on the demand of the *rue Poitiers* (Thiers), which demanded guarantees. He thus hoped to secure the support of the dynastics for the impending election of president. Dufaure employed the most illegal means to secure Cavaignac's candidature. Intimidation and electoral corruption had never been exercised on a larger scale. Dufaure inundated France with defamatory prints against the other candidates, and especially of Louis Bonaparte, what did not prevent him to become later on Louis Bonaparte's minister. Dufaure became again the minister of the *state of siege of 13 June 1849* (against the demonstration of the National Guard against the bombardment of Rome etc. by the French army). He is now again the minister of the state of siege, proclaimed at Versailles (for department of Seine et Oise). Power given to Thiers to declare any department whatever in a state of siege. Dufaure, as in 1839, as in 1849, wants new repressive laws, new press laws, a law to «abridge the formalities of the Courts Martial». In a circular to the Procureurs-Généraux he denounc s the cry of «*conciliation*» as a press crime to be severely prosecuted. It is characteristic of the French magistrature that only one single Procureur Général (that of Mayenne) wrote to Dufaure to «resign... I cannot serve an Administration which orders me, in a moment of civil war, to rush into party struggles and prosecute citizens, whom my consci-

преступников — «как и те, кого по справедливости можно считать идейными или фактическими сообщниками этих преступлений, т. е. *очень небольшое* количество людей».

Дюфор

Дюфор хочет сломить Париж гонением на печать в провинции. Чудовищно — привлекать газеты к суду за призывы к «примирению».

Дюфор играет важную роль в интригах Тьера. Своим законом от 10 марта он возмутил всю обремененную долгами парижскую торговлю. Своим законом о квартирной плате в Париже он поставил под угрозу весь город. Оба закона имели целью наказать Париж за то, что он спас честь Франции и на 6 месяцев отсрочил сдачу Бисмарку. Дюфор — орлеанист и «либерал» в парламентском смысле слова. Следовательно он всегда был министром карательных мер и осадного положения.

Он впервые получил министерский портфель 13 мая 1839 г. после разгрома последнего вооруженного восстания республиканской партии и был поэтому министром беспощадных репрессий тогдашнего июльского правительства.

2 июня 1849 г. Кавеньяк, вынужденный 29 октября (1848 г.) снять осадное положение, призвал в свой кабинет двух министров Луи-Филиппа *(Дюфора*, по внутренним делам, и *Вивиена)*. Он назначил их по настоянию *улицы Пуатье* (Тьера), которая требовала гарантий. Таким путем он надеялся обеспечить себе поддержку сторонников династии на предстоящих президентских выборах. Дюфор пустил в ход самые незаконные средства для обеспечения кандидатуры Кавеньяка. Никогда запугивание и подкуп избирателей не практиковались в более широких размерах. Дюфор наводнил Францию памфлетами, поносившими других кандидатов и особенно Луи Бонапарта, что не помешало ему позднее сделаться министром Луи Бонапарта. Дюфор снова сделался министром *осадного положения 13 июня 1849 г.* (в связи с демонстрацией национальной гвардии против бомбардировки Рима и т. д. французской армией). Теперь он опять министр осадного положения, объявленного в Версале (для департамента Сены и Уазы). Тьеру даны полномочия объявлять на осадном положении любой департамент. И теперь, как в 1839 и 1849 гг., Дюфор требует новых репрессивных законов, новых законов о печати, закона «о сокращении формальностей военно-полевых судов». В одном циркуляре к государственным прокурорам он объявляет призывы газет к «*примирению*» преступлением, подлежащим строжайшему преследованию. Характерно для французского судейского сословия, что только один генеральный прокурор (майеннский) подал Дюфору прошение об отставке:

ence holds innocent, for uttering the word *conciliation*». He belonged to the «Union Libérale» in 1847 which conspired against Guizot, as he belonged to the «Union libérale» of 1869 which conspired against Louis Bonaparte.

With respect to the law of 10 March and the law of house-rents, it ought to be remarked that both Dufaure's and Picard's (both advocates) best clients are amongst the houseproprietors and the *big bourses* averse to losing anything by the siege of Paris

---

Now as after the Revolution of February 1848, these men tell the Republic, as the executioner told Don Carlos, «*Je vais t'assassiner, mais c'est pour ton bien*». (I shall murder thee, but for thy own good).

Lecomte and Clément Thomas

After Vinoy's attempt to carry the Buttes Montmartre (on the 18 th March, they were shot in the gardens of the Château Rouge, 4 o'clock, 18-th) General Lecomte and Clément Thomas were taken prisoners and shot by the same excited soldiers of the 81-st of the line. It was a summary act of Lynch justice performed despite the instances of some delegates of the *Central Committee*. Lecomte, an epauletted cut-throat, had four times commanded his troop, on the place Pigalles, to charge an unarmed gathering of women and children. Instead of shooting the people, the soldiers shot him. Clément Thomas, an ex-quartermaster, a «general», extemporized [on] the eve of the June massacres (1848) by the men of the *National*, whose *gérant* he had been, had never dipped his sword in the blood of any other enemy but that of the Paris working class. He was one of the sinister plotters who deliberately provoked the June insurrection and one of its most atrocious executioners. When, on the 31 October 1870, the Paris Proletarian National Guards surprised the «Government of Defence» at the Hôtel de Ville and took them prisoners, these men who had [been] appointed by themselves, these *gens de paroles*, as one of them, Picard, called them recently, gave their *word of honour* that they would make place to the *Commune*. Thus allowed to escape scot-free, they launched Trochu's Bretons on their too-confident captors. One of them, however, *M. Tamisier*, resigned his dignity as commander in chief of the National Guard. He refused to *break* his word of honour. Then the hour had again struck for Clément Thomas. He was appointed, in Tamisier's place, commander in chief of the National Guard. He was the true man for Trochu's «plan». «He never made war upon the Prussians», he made war upon the National Guard, whom he

«Я не могу служить правительству, которое приказывает мне в момент гражданской войны ринуться в партийную борьбу и преследовать граждан, которых я по совести считаю ни в чем неповинными, за одно лишь слово о *примирении*». Дюфор входил в 1847 г. в «Либеральный союз», устраивавший заговоры против Гизо, равно как и в «Либеральный союз» 1869 г., устраивавший заговоры против Луи Бонапарта.

По поводу закона от 10 марта и закона о квартирной плате следует заметить, что лучшими клиентами Дюфора и Пикара (оба они адвокаты) являются домовладельцы и *толстосумы*, не желающие потерять ни копейки из-за осады Парижа.

Теперь, как и после февральской революции 1848 г. эти люди говорят республике, как палач говорил Дон-Карлосу: «*Я убью тебя, но для твоего же блага*».

Леконт и Клеман Тома

После попытки Винуа захватить высоты Монмартра (18 марта они были расстреляны в парке Château Rouge, в 4 часа) генерал Леконт и Клеман Тома были взяты в плен и расстреляны самими возбужденными солдатами 81-го линейного полка. Это был скорый акт суда Линча, совершенный вопреки настояниям некоторых делегатов *Центрального комитета*. Леконт, головорез в эполетах, четыре раза отдавал приказ своим войскам на площади Пигаль стрелять по безоружной толпе женщин и детей. Но вместо того, чтобы стрелять в народ, солдаты расстреляли его самого. Клеман Тома, бывший интендантский чиновник, наспех произведенный в генералы, накануне июньской бойни (1848 г.) людьми из «National», где он был подставным редактором, никогда не обагрял своего меча кровью иных врагов, кроме парижских рабочих. Он был одним из злостных заговорщиков, сознательно спровоцировавших июньское восстание, и одним из самых свирепых его палачей. Когда 31 октября 1870 г. пролетарская национальная гвардия Парижа застигла врасплох «правительство обороны» в городской ратуше и взяла его в плен, эти люди, сами назначившие себя на министерские посты, эти *люди слова*, как один из них же, Пикар, недавно назвал их, дали *честное слово*, что они уступят место *Коммуне*. Выпущенные после этого на волю, они бросили бретонцев Трошю против своих слишком доверчивых победителей. Впрочем, один из них, *г. Тамизье*, сложил с себя звание главнокомандующего национальной гвардии. Он отказался *нарушить* данное им честное слово. Тогда снова настал час Клемана Тома. Он был назначен вместо Тамизье главнокомандующим национальной гвардии. Это был самый

disorganized, disunited, calumniated, weeding out all its officers hostile to Trochu's «plan», setting one set of National Guards against the other and whom he sacrificed in «sorties», so planned as to cover them with ridicule. Haunted by the spectres of his June victims, this man, without any official charge, must needs again reappear on [the] theatre of war of the 18-th of Mars, where he scented another massacre of the Paris people. He fell a victim of Lynch justice in the first moment of popular exasperation. The men who had surrendered Paris to the tender mercies of the *Décembriseur* Vinoy, in order to kill the Republic and pocket the pots-de-Vin, stipulated by the Pouyer-Quertier contract, shouted now: Assassins, Assassins! Their howl was re-echoed by the press of Europe so eager for the blood of the «Proletarians». A farce of hysterical «sensibleness» was enacted in the rural Assemblée, and now as before, the corpses of their friends were most welcome weapons against their enemies. Paris and the Central Committee were made responsible for an accident out of their control. It is known, how in the days of June 1848, the «men of order» shook Europe with the cry of indignation against the Insurgents because of the assassination of the Archbishop of Paris. Even at that time they knew perfectly well from the evidence of M. Jacquemet, the vicaire général of the Archbishop, who had accompanied him to the barricades, that the Bishop had been shot by the troops of «Cavaignac», and not by the insurged, but his dead corpse served their turn. M. Darboy, the present Archbishop of Paris, one of the hostages taken by the *Commune* in self-defence against the savage atrocities of the Versailles government, however, seems, as appears from his letter to Thiers, to have strange misgivings [that] *Papa Transnonain be eager to speculate* in his body, as an object of holy indignation. There passed hardly a day, in which the Versailles journals did not anounce his execution, which the continued atrocities, and violation of the rules of war on the side of «order», would have sealed on the part of every government but that of the Commune. The Versailles government had hardly realized a first military success, when Captain Desmaret, who at the head of his gendarmes assassinated the chivalrous Flourens, has been decorated by Thiers. Flourens had saved the lives of the «defence men» on the 31-st October. Vinoy, the runaway (runagate), was appointed grand cross of the Legion of Honour, because he had our brave comrade Duval, when taken prisoner, shot inside the redoubts, because as a second instalment, he had shot some dozen captive troops of the line who had joined the Paris people, and inaugurated this civil war by the «methods of December». General Gallifet — «the husband of that charming Marchioness whose costumes at the masked balls were one of the wonders of the Empire», as a London penny a liner delicately puts it, «surprised» near Rueil a captain,

подходящий человек для выполнения «плана» Трошю. «Он никогда не воевал с пруссаками», он воевал с национальной гвардией, которую дезорганизовывал, раскалывал, на которую клеветал, выбрасывая вон всех офицеров, враждебных «плану» Трошю, науськивая одни части национальной гвардии на другие, жертвуя ими в «вылазках», организованных им с таким расчетом, чтобы выставить их на посмешище. Преследуемый призраками своих июньских жертв, этот человек, не занимавший никакого официального поста, не мог себе отказать в удовольствии вновь появиться на сцене 18 марта, когда он почуял в воздухе новую резню парижского народа. Он пал жертвой суда Линча в первый же момент народного негодования. Люди, которые отдали Париж на милость декабрьского героя Винуа, чтобы умертвить республику и получить чаевые, выговоренные для них Пуйе-Кертье, подняли теперь крик: убийцы, убийцы! Их вопли были подхвачены европейской печатью, столь жадной до крови «пролетариев». В помещичьей палате был инсценирован фарс истерической «чувствительности», и, теперь так же, как и прежде, трупы их друзей были для них наиболее желанным оружием против их врагов. На Париж и Центральный комитет была возложена ответственность за событие, которое произошло помимо их воли. Известно, как в июньские дни 1848 г. «люди порядка» подняли на всю Европу крик негодования против повстанцев по поводу убийства парижского архиепископа. Уже тогда они отлично знали, из свидетельских показаний г. Жакме, генерального викария архиепископа, сопровождавшего его на баррикады, что епископ был застрелен войсками Кавеньяка, а не повстанцами, — но его труп сослужил для них службу. Нынешний парижский архиепископ, г. Дарбуа, взятый Коммуной в числе других заложников в порядке самообороны против диких зверств версальского правительства, насколько можно судить по его письмам к Тьеру, имеет странные предчувствия, что *Папа-Транснонен весьма не прочь поспекулировать* его трупом, как объектом священного негодования. Почти не проходило дня, чтобы версальские газеты не сообщали о его казни, которая ввиду непрекращавшихся зверств и нарушения всех правил войны со стороны «людей порядка», была бы уже давно санкционирована всяким другим правительством, кроме правительства Коммуны. Едва успело версальское правительство одержать свой первый военный успех, как капитан Демаре, который во главе своих жандармов убил рыцарски великодушного Флуранса, получил за это орден от Тьера. Флуранс 31 октября спас жизнь членам «правительства обороны». Трус (беглец) Винуа был награжден большим крестом ордена почетного легиона за то, что он расстрелял внутри линии редутов взятого в плен нашего храброго товарища

lieutenant, and private of National Guards, had them at once shot, and immediately published a proclamation to glorify himself on the deed. These are a few of the murders *officially* narrated and gloried in by the Versailles government. 25 soldiers of the 80-th Regiment of the line shot as «rebels» by the 75-th. «Every man wearing the uniform of the regular army who was captured in the ranks of the Communists was straightaway shot without the slightest mercy. The governmental troops were perfectly ferocious». «*M. Thiers communicated the* ***encouraging*** *particulars of Flourens death to the Assembly*».

Versailles. 4. Avril. Thiers, that misshapen dwarf, reports on his prisoners brought to Versailles (in his proclamation): «Never had more degraded countenances of a degraded democracy met the afflicted gaze of honest man». (Pietri's men!) «*Vinoy protests against any mercy to insurgent officers or line men*».

On the 6-th of April *decree of the Commune on reprisals* (and hostages): «Considering that the Versailles government openly treads underfoot the laws of humanity and those of war, and that it has been guilty of horrors such as even the invaders of France have not dishonoured themselves by... it is decreed etc». *(Folgen die Artikel.)*

April 5. Proclamation of the Commune: «Every day the banditti of Versailles slaughter or shoot our prisoners, and every hour we learn that another murder has been committed... The people, even in its anger, detests bloodshed, as it detests civil war, but it is its duty to protect itself against the savage attempts of its enemies, and whatever it may cost, it shall be an eye for an eye, a tooth for a tooth».

«Les sergents de ville qui se battent contre Paris ont 10 fcs par jour».

Versailles. 11. April. Most horrible details of the coldblooded shooting of prisoners, not deserters, related with an evident gusto by general officers and other eye witnesses.

In his letter to Thiers, Darboy protests «against the atrocious excesses which add to the horror of our fratricidal war». In the same strain writes Deguerry (curé de la Madeleine): «These executions

Дюваля, а также за второй подвиг, состоявший в том, что он расстрелял около дюжины взятых в плен линейных солдат, присоединившихся к парижскому народу, и положил начало нынешней гражданской войне «декабрьскими приемами». Генерал Галлифе — «супруг той очаровательной маркизы, маскарадные туалеты которой были одним из чудес империи», по изящному выражению одного из лондонских газетных писак — «захватил врасплох» близ Рюэля капитана, лейтенанта и рядовых национальной гвардии и тут же расстрелял их всех, после чего немедленно издал прокламацию, в которой прославлял этот свой подвиг. Таковы немногие из убийств, о которых *официально* сообщало и которыми гордилось версальское правительство. 25 солдат 80-го линейного полка были расстреляны как «бунтовщики» солдатами 75-го полка. «Всякий, кто был захвачен в мундире регулярных войск среди коммунистов, расстреливался на месте без малейшей пощады. Правительственные войска пришли в совершенное неистовство». *«Г. Тьер сообщил Национальному собранию об* **ободряющих** *подробностях смерти Флуранса».*

Версаль. 4 апреля. Тьер, этот уродливый карлик, сообщает о своих пленниках, доставленных в Версаль (в своей прокламации): «Никогда опечаленный взор честных людей (молодцов Пьетри!) «не встречал более бесчестных лиц бесчестной демократии». *«Винуа возражает против какой-либо пощады по отношению к восставшим офицерам и рядовым».*

6 апреля появился декрет Коммуны о репрессиях (и заложниках): «Принимая во внимание, что версальское правительство открыто попирает законы человечности и законы войны и что оно творит ужасы, какими не запятнали себя даже чужеземные завоеватели Франции... постановляется и т. д.»... (следуют пункты).

5 апреля. Прокламация Коммуны. «Ежедневно версальские бандиты убивают или расстреливают наших пленных, и ежечасно мы узнаем о совершении нового убийства... Народ, даже в своем гневе, ненавидит кровопролитие, как ненавидит и гражданскую войну, но его долг — защитить себя от диких покушений своих врагов, и чего бы это ни стоило, отныне будет — око за око и зуб за зуб».

«Полицейские, сражающиеся против Парижа, получают по 10 франков в день».

Версаль. 11 апреля. Ужасающие подробности о хладнокровных расстрелах пленных, не являющихся дезертирами, передаваемые с явным удовольствием старшими офицерами и другими очевидцами.

В своем письме к Тьеру Дарбуа протестует «против чудовищных эксцессов, усугубляющих ужас нашей братоубийственной войны». В таком же духе пишет Дегерри (священник церкви св. Магдалины):

rouse des grandes colères à Paris et peuvent y produire des terribles répresailles.» «Ainsi l'on est résolu, à chaque nouvelle exécution, d'en ordonner deux des nombreux ôtages que l'on a entre les mains. Jugez à quel point ce que [je] vous demande comme prêtre est d'une rigoureuse et absolue nécessité».

In midst of these horrors Thiers writes to the Prefects: «L'assemblée siège *paisiblement*». (Elle aussi a le coeur léger.)

Thiers and la commission des quinze of his rurals had the cool impudence to «deny officially» the «pretended *summary executions and reprisals attributed to the troops of Versailles*». But Papa Transnonain, in his *circular of 16-th April on the bombardment of Paris:* «If some cannonshots have been fired, it is not the deed of the army of Versailles, but of some insurgents wanting to make believe that they are fighting, while they do not dare show themselves». Thiers has proved that he surpasses his hero, Napoleon I, at least in one thing — lying bulletins. (Of course, Paris bombards itself, in order to be able to calumniate M. Thiers!)

To these atrocious provocations of the Bonapartist blacklegs, the Commune has contented itself to take hostages and to threaten reprisals, but its threats have remained a dead letter! Not even the Gendarmes masqueraded into officers, not even the captive sergents de ville, upon whom explosive bombs have been seized, were placed before a court martial! The Commune has refused to soil its hands with the blood of these bloodhounds!

A few days before the 18-th March, Clément Thomas laid before the war minister Le Flô a plan for the disarmament of trois quarts of the National Garde. «La fine fleur de la canaille, disait-il, s'est concentrée autour de Montmartre et s'entend avec Belleville».

The National Assembly

L'assemblée élue le 8 février sous la pression de l'ennemi, aux mains desquels les hommes qui gouvernent à Versailles avaient remis tous les forts et livré Paris sans défence, l'Assemblée de Versailles avait un but unique et clairement déterminé par la Convention même signée à Versailles le 29 Janvier — de décider si la guerre pouvait être continuée ou traiter la paix; et, dans ce cas, fixer les conditions de cette paix et assurer le plus promptement possible l'évacuation du territoire français.

Chanzy, Archbishop of Paris etc.

Liberation of Chanzy took place almost simultaneously with the retreat of Saisset. The Royalist journalists were unanimous *in decree-*

«Эти казни вызывают великий гнев в Париже и могут повести к страшным репрессиям». «Так, уже принято решение в ответ на каждую новую казнь казнить двоих из многочисленных заложников, которых держат в своих руках. Судите же, до какой степени настоятельно и безусловно необходимо то, чего я требую от вас как священник».

Среди этих ужасов Тьер пишет префектам: «Собрание *мирно* заседает». (Оно тоже настроено беззаботно.)

Тьер и комиссия из его пятнадцати помещичьих депутатов с хладнокровным бесстыдством «официально опровергают» сообщение о «*казнях и расправах, производимых* якобы *без суда версальскими войсками*». Но Папа-Транснонен в своем *циркуляре от 16 апреля по поводу бомбардировки Парижа* пишет: «Если и было сделано несколько пушечных выстрелов, то не версальской армией, а некоторыми повстанцами, которые хотели показать, что они сражаются, тогда как на деле они боятся высунуть нос». Тьер доказал, что он превосходит своего героя, Наполеона I, по крайней мере в одном — в печатании лживых бюллетеней. (Разумеется, Париж бомбардирует сам себя, чтобы иметь возможность клеветать на г. Тьера!)

В ответ на эти чудовищные провокации бонапартовских мошенников Коммуна удовольствовалась тем, что взяла заложников и пригрозила репрессиями, но ее угрозы остались мертвой буквой! Даже жандармы, переряженные в офицеров, даже захваченные в плен полицейские, при которых были найдены взрывные бомбы, не были преданы военному суду! Коммуна отказалась запачкать свои руки кровью этих гнусных ищеек!

За несколько дней до 18 марта Клеман Тома представил военному министру Лефло план разоружения трех четвертей национальной гвардии. «Цвет парижской сволочи, — заявил он, — сосредоточился вокруг Монмартра и договаривается с Бельвилем».

Национальное собрание

Собрание, выбранное 8 февраля под давлением неприятеля, которому версальские правители сдали все форты и выдали беззащитный Париж, — это версальское Собрание имело одну единственную цель, ясно указанную в самом соглашении, подписанном в Версале 29 января: решить, можно ли продолжать войну, или начать переговоры о мире; и в этом последнем случае выработать условия мира и обеспечить возможно более быстрое очищение французской территории.

Шанзи, архиепископ парижский и т. д.

Освобождение Шанзи состоялось почти одновременно с отступлением Сеосе. Роялистские журналисты единогласно *предрешили*

ing the death of the General. They desired to fix that amiable proceeding on the Reds. Three times he had been ordered to execution, and now he was really going to be shot.

After the Vendôme affair: There was consternation at Versailles. An attack on Versailles was expected on 23 March, for the leaders of the Communal agitation had announced that they would march on Versailles, if the Assembly took any hostile action. The assembly did not. On the contrary, it voted as urgent a proposition to hold Communal Elections at Paris etc. By the concessions the Assembly admitted its powerlessness. At the same time *Royalist Intrigues at Versailles.* Bonapartist Generals and the Duc d'Aumale. Favre avowed he had received a letter from Bismarck, announcing that unless order were restored by the 26 March, Paris would be occupied by the German troops. Reds saw plainly through his little artifice. Die Vendôme affaire provoquée by le faussaire, *ce jésuite infâme J. Favre,* qui le (21 March?) est monté à la tribune de l'Assemblée de Versailles pour insulter ce peuple qui l'a tiré du néant et soulever Paris contre les départements.

30 March Proclamation of the Commune: «Aujourd'hui les criminels, que vous n'avez pas même voulu poursuivre, abusent de votre magnanimité pour organiser aux portes mêmes de la cité un foyer de conspiration monarchique. Ils invoquent la guerre civile, ils mettent en oeuvre toutes les corruptions, ils acceptent toutes les complicités, ils ont osé mendier jusqu'à l'appui de l'étranger».

Thiers

On the 25-th April, in his reception of the maires, adjuncts, and municipal councillors of the suburban communes of the Seine, Thiers said:

«La république existe. *Le chef du pouvoir exécutif* n'est *qu'un simple citoyen*».

The progress of France from 1830 to 1871, according to M. Thiers, consists in this: In 1830 Louis Philippe was «the best of Republics». In 1871 the ministerial fossil of Louis Philippe's reign, little Thiers himself, is the *best of Republics.*

M. Thiers commenced his régime by an usurpation. By the National Assembly he was appointed chief of the ministry of the Assembly; he appointed himself chief of the executive of France.

The Assembly and the Paris Revolution

The Assembly, summoned at the dictate of the Foreign invader, was, as is clearly laid down in the Versailles convention of the 29-th

смерть генерала. Они хотели навязать красным эту милую процедуру. Трижды отдавался приказ о его казни, и на этот раз он действительно должен был быть расстрелян.

После вандомской стычки. В Версале воцарилась полнейшая растерянность. Ждали атаки на Версаль 23 марта, потому что вожди коммунального движения объявили, что они двинутся на Версаль, если Национальное собрание предпримет какое-либо враждебное действие. Собрание ничего не предприняло. Наоборот, оно вотировало, как безотлагательное, предложение о производстве коммунальных выборов в Париже и т. д. Этими уступками Собрание признало свое бессилие. В то же самое время — *роялистские интриги в Версале*. Бонапартовские генералы и герцог Омальский. Фавр открыто заявил, что он получил письмо от Бисмарка с сообщением, что если порядок не будет восстановлен к 25 марта, то Париж будет занят германскими войсками. Красные сразу разглядели эту жалкую уловку. Вандомская стычка была спровоцирована подделывателем документов *Ж. Фавром, этим подлым иезуитом*, который (21 марта?) взошел на трибуну версальского Собрания, чтобы надругаться над этим народом, извлекшим его из ничтожества, и поднять Париж против департаментов.

30 марта. Прокламация Коммуны: «Сегодня преступники, которых вы даже не пожелали преследовать, злоупотребляют вашим великодушием, чтобы у самых ворот города организовать очаг монархического заговора. Они призывают к гражданской войне, они пускают в ход все средства развращения, они принимают все предложения соучастия, они обнаглели до того, что даже клянчат о помощи у иностранцев».

Тьер

25 апреля, на приеме мэров, их помощников и членов пригородных муниципальных советов Сенского департамента, Тьер сказал:

«Республика существует. *Глава исполнительной власти — простой гражданин*».

Прогресс Франции от 1830 до 1871 г. заключается, по Тьеру, в следующем: в 1830 г. Луи-Филипп был «лучшей из республик»; в 1871 г. *лучшей из республик* — является сам маленький Тьер — министерское ископаемое времен царствования Луи-Филиппа.

Тьер начал свое управление с акта узурпации. Национальное собрание назначило его главою министерства Собрания; главой же исполнительной власти Франции он сам назначил себя.

Собрание и парижская революция

Собрание, созванное по указке иноземного завоевателя, было выбрано, как это ясно изложено в версальском соглашении от

January, but elected for one single purpose: To decide the continuation of war or settle the conditions of peace. In their calling the French people to electoral urns, the Capitulards of Paris themselves plainly defined that specific mission of the Assembly and this accounts to a great part for its very constitution. The continuation of the war having become impossible through the very terms of the armistice humbly accepted by the capitulards, the Assembly had in fact but to register a disgraceful peace and for this specific performance the worst men of France were best.

The Republic was proclaimed on the 4-th of September, not by the pettifoggers who installed themselves at the Hôtel de Ville as a government of defence, but by the Paris people. It was acclaimed throughout France without a single dissentient voice. It conquered its own existence by a five months' war whose cornerstone was the prolonged resistance of Paris. Without this war, carried on by the Republic and in the name of the Republic, the Empire would have been restored by Bismarck after the capitulation of Sedan, the pettifoggers with M. Thiers at their head would have had to capitulate not for Paris, but for personal guarantees against a voyage to Cayenne, and the rural Assembly would never have been heard of. It met only by the grace of the Republican revolution, inchoated at Paris. Being no constituent Assembly, as M. Thiers himself has repeated to nauseousness, it would, if not as a mere chronicler of the passed incidents of the Republican Revolution, not even have had the right to proclaim the destitution of the Bonaparte's dynasty. The only legitimate power, therefore, in France is the *Revolution* itself, centring in Paris. That revolution was not made against Napoleon the little, but against the social and political conditions, which engendered the Second Empire, which received their last finish under its sway, and which, as the war with Prussia glaringly revealed, would leave France a cadaver, if they were not superseded by the regenerating powers of the French working class Revolution. The attempts of the Rural Assembly holding only an Attorney's Power to the Revolution to sign the disastrous bond handed over by its present «executive» to the Foreign invader, its attempt to treat the Revolution as its own capitulard is, therefore, a monstruous usurpation. Its war against Paris is nothing but a cowardly Chouannerie under the shelter of Prussian bayonets. It is a bare conspiracy to assassinate France, in order to save the privileges, the monopolies and the luxuries of the degenerate, effete, and putrefied classes that have dragged her to the abyss from which she can only be saved by the Herculean hand of a truly social Revolution.

29 января, с одной единственной целью: оно должно было решить, продолжать ли войну или выработать условия мира. Призывая французский народ к избирательным урнам, парижские капитулянты сами ясно определили это специальное назначение Собрания, чем в значительной мере объясняется и самый его состав. Так как продолжать войну оказалось невозможным в силу самых условий перемирия, покорно принятых капитулянтами, то Собранию фактически оставалось только зарегистрировать позорный мир, а для этого специального дела наихудшие люди Франции годились лучше всего.

Республика была провозглашена 4 сентября — не крючкотворами, водворившимися в городской ратуше в качестве правительства обороны, а парижским народом. Вся Франция приветствовала ее, с полнейшим единодушием. Она завоевала себе право на существование пятимесячной войной, краеугольным камнем которой было длительное сопротивление Парижа. Без этой войны, которая велась республикой и от имени республики, империя была бы восстановлена Бисмарком после капитуляции в Седане, и крючкотворы с г. Тьером во главе должны были бы капитулировать не ради Парижа, а ради того, чтобы самим избежать путешествия в Кайенну, а о помещичьем собрании не было бы и помину. Оно заседает только милостью республиканской революции, начатой в Париже. Не будучи учредительным собранием, как это до тошноты часто повторяет сам г. Тьер, оно могло бы быть только простым регистратором уже совершившихся событий республиканской революции и не имело бы даже права провозгласить низложение бонапартовской династии. Таким образом, единственной законной властью во Франции является сама *революция*, центром которой является Париж. Эта революция была произведена не против Наполеона малого, а против тех социальных и политических условий, которые породили Вторую империю, условий, которые под ее властью развились до предельной черты и которые, как это ярко обнаружила война с Пруссией, превратили бы Францию в труп, если бы они не были заменены возрождающей силой пролетарской революции. Попытки помещичьего Собрания, имеющего лишь доверенность от революции подписать злополучное обязательство, взятое на себя его нынешней «исполнительной властью» перед чужеземным завоевателем, трактовать революцию как добровольную капитулянтку, представляют собой поэтому чудовищную узурпацию. Его война против Парижа есть не что иное, как трусливый роялистский бунт под прикрытием прусских штыков. Это открытый заговор с целью умертвить Францию, чтобы спасти привилегии, монополии и роскошь выродившихся, истощенных и прогнивших классов, приведших Францию на край пропасти, откуда ее может спасти только геркулесова рука подлинной социальной революции.

Thiers' finest army

Even before he became a «statesman», M. Thiers had proved his lying powers as a historian. But the vanity, so characteristic of dwarfish men, has this time betrayed him into the sublime of the ridiculous. His army of order, the dregs of the Bonapartist soldatesca freshly reimported, by the grace of Bismarck, from Prussian prisons, the Pontifical Zouaves, the Chouans of Charette, the Vendéens of Cathelineau; the «municipals» of Valentin, the ex-sergents de ville of Pietri and the Corsican Gendarmes of Valentin who under L. Bonaparte were only the spies of the army but under M. Thiers form its warlike flower, the whole under the supervision of epauletted mouchards and under the command of the runaway Decembrist Marshals who had no honour to lose — this motley, ungainly, hangdog lot M. Thiers dubs *«the finest army France ever possessed»!* If he allows the Prussians still to quarter at St. Denis, it is only to frighten them by the sight of the «finest army» of Versailles.

Thiers

Small state rogueries.

Everlasting suggester of Parliamentary intrigues M. Thiers was never anything else but an «able» journalist and a clever word «fencer», a master of parliamentary roguery, a virtuoso in perjury, a craftsman in all the small stratagems, base perfidies, and subtle devices of Parliamentary party-warfare. This mischievous gnome charmed the French bourgeoisie during half a century because he is the truest intellectual expression of their own class-corruption. When in the ranks of the opposition, he over and over rehearsed his stale homily of the «libertés nécessaires», to stamp them out when in. power. When out of office, he used to threaten Europe with the sword of France. And what were his diplomatic performances in reality? To pocket in 1841 the humiliation of the London treaty, to hurry on the war with Prussia by his declamations against German unity, to compromise France in 1870 by his begging tour at all the Courts of Europe, to sign in 1871 the Paris capitulation to accept a «peace at any price» and implore from Prussia a concession — leave and means to get up a civil war in his own downtrodden country. To a man of his stamp the underground agencies of modern society remained of course always unknown; but even the palpable changes at its surface he failed to understand. For instance any deviation from the old French protective system he denounced as a sacrilege and, as a minister of Louis

Превосходнейшая армия Тьера

Еще прежде чем стать «государственным мужем» Тьер доказал свои таланты лжеца в качестве историка. Но тщеславие, столь характерное для карликовых людишек, вознесло его на этот раз на высоты смехотворного. Его регулярная армия — это подонки бонапартовской солдатчины, только что возвращенные по милости Бисмарка из прусских тюрем, папские зуавы, шуаны Шаретта, вандейцы Кателино; «муниципалы» Валантена, бывшие городовые Пьетри и корсиканские жандармы Валантена, которые при Луи Бонапарте были только шпионами в армии, при Тьере образуют цвет военщины, причем все они находятся под надзором сановных шпионов и под командой трусливых декабрьских маршалов, которым нечего бояться потерять честь, так как ее у них не было. Эту пеструю нескладную толпу висельников Тьер гордо именует «превосходнейшей армией, какую когда-либо Франция имела!» И если он позволяет пруссакам все еще оставаться в Сен-Дени, то это только для того, чтобы их испугать зрелищем этой «превосходнейшей армии» Версаля.

Тьер

Мелкие государственные плутни.

Вечный зачинщик парламентских интриг, г. Тьер всегда был не более как «способным» журналистом и ловким словесным «фехтовальщиком», мастером парламентской плутни, виртуозом в вероломстве, артистом во всех мелочных хитростях, низком предательстве и тонких происках парламентской партийной борьбы. Этот злобный гном в течение полустолетия очаровывал французскую буржуазию, потому что он — самое верное интеллектуальное выражение ее собственной классовой испорченности. Находясь в рядах оппозиции, он без конца повторял свои затхлые проповеди о «необходимых свободах», чтобы растоптать их, придя к власти. Будучи не у дел, он любил угрожать Европе мечом Франции. А каковы были его дипломатические достижения в действительности? Он проглотил в 1841 г. унижение лондонского трактата, ускорил войну с Пруссией своими декламациями против германского единства, скомпрометировал Францию в 1870 г. своим попрошайническим объездом всех европейских дворов, подписал в 1871 г. парижскую капитуляцию, чтобы получить «мир любой ценой» и вымолить у Пруссии разрешение и средства на подготовку гражданской войны в своей собственной растоптанной родине. Естественно, что для человека его марки подземные силы современного общества всегда оставались неведомы; но он не мог понять даже

Philippe, went the length of treating disdainfully the construction of railways as a foolish chimera and even under Louis Bonaparte he eagerly opposed every Reform of the rotten French army organization. A man without ideas, without convictions, and without courage.

A professional «Revolutionist» in that sense, that in his eagerness of display, of wielding power and putting his hands into the National Exchequer, he never scrupled, when banished to the banks of the opposition, to stir the popular passions and provoke a catastrophe to displace a rival; he is at the same time a most shallow man of routine etc. The working class he reviled as *«the vile multitude»*. One of his former colleagues in the legislative assemblies, a contemporary of his, a capitalist and however a member of the Paris Commune, *M. Beslay* thus adresses him in a public adress: «The subjugation (asservissement) of labour to capital, such is the «fonds» of your politics (policy), and the day you saw the *Republic or Labour* installed at the Hôtel-de-Ville, you have never ceased to cry to France «They are criminals!» No wonder that M. Thiers has given orders by his home-minister Ernest Picard to prevent «the International Association» from communicating with Paris (*Sitting of Assembly.* 28 Mars). *Circulaire de Thiers, aux préfets et sous préfets:* «The good workmen, so numerous as compared to the bad ones, ought to know, that if bread flies again from their mouths, they owe it to the adepts of the *International*, who are the tyrants of labour, of which they pretend themselves the liberators». Without the *International*...

(Jetzt die Geldgeschichte) (Er und Favre haben ihr Geld nach London übersiedelt.) It is a proverb that if rogues fall out, truth comes out. We can therefore not better finish the picture of Thiers than by the words of the London *Moniteur* of the master of his Versailles generals. Says the *Situation* in the number of the 28 Mars: «M. Thiers has never been minister without pushing the soldiers to the massacre of the people, he, the parricide, the man of incest, the peculator, the plagiarist, the traitor, the ambitious, the *impuissant*».

shrewd in cunning devices, and artful dodges.

Banded with the republicans before the Revolution of July, he slipped into his first ministry under Louis Philippe by thrusting Lafitte, his old protector. His first deed was to throw his old collaborator Armand Carrel into prison. He insinuated himself with Louis Phi-

осязательных изменений, происходивших на поверхности общества. Так, например, он обличал как святотатство всякое отклонение от старой французской протекционной системы и в свою бытность министром Луи-Филиппа он дошел до того, что презрительно относился к строительству железных дорог как к вздорной химере; и даже при Луи Бонапарте он энергично боролся против всякой реформы гнилой французской военной организации. Человек без идей, без убеждений и без мужества.

Профессиональный «революционер» в том смысле, что в своей жажде позы, жажде властвовать и распоряжаться государственной казной он никогда не стеснялся, находясь в оппозиции, возбудить народные страсти и вызвать катастрофу, чтобы вытеснить своего соперника; в то же время он самый плоский рутинер. Рабочий класс он поносил как «*подлую чернь*». Один из его прежних коллег по законодательным собраниям, его современник, капиталист, и тем не менее член Парижской Коммуны, г. *Беле*, публично обратился к нему со следующими словами: «Подчинение, (порабощение) труда капиталу — в этом «гвоздь» вашей политики, и с того дня, как вы увидели что *республика труда* водворилась в Ратуше, вы не переставали кричать Франции: «Вот они, преступники!» Не удивительно, что г. Тьер отдал приказ через своего министра внутренних дел Эрнеста Пикара помешать «Международному товариществу» иметь сообщение с Парижем. (*Заседание Собрания* от 28 марта.) *Циркуляр Тьера префектам и их помощникам:* «Честные рабочие, которых гораздо больше, чем негодных, должны знать, что если хлеб еще раз уходит от их рта, то они этим обязаны приверженцам *Интернационала*, которые являются тиранами труда, хотя выдают себя за его освободителей». Без *Интернационала*...

(Теперь история с деньгами.) (Он и Фавр перевели свои деньги в Лондон.) Есть поговорка, что, когда мошенники дерутся, правда выходит наружу. Мы не можем поэтому лучше закончить портрет Тьера, чем словами лондонского «Moniteur», принадлежащего хозяину его версальских генералов. «Situation» говорит в номере от 28 марта: «Г. Тьер никогда не бывал министром без того, чтобы не толкать солдат на избиение народа, — он отцеубийца, кровосмеситель, расхититель казенного добра, плагиатор, изменник, честолюбец, *импотент*».

Мастер хитрых уверток и ловких происков.

Связанный с республиканцами до июльской революции, он пробрался в первый раз к министерскому портфелю при Луи-Филиппе, спихнув Лафитта, своего старого покровителя. Его первым делом было заточение в тюрьму своего прежнего сотрудника Армана

lippe as a spy upon and the gaol-accoucheur of the Duchesse of Berry, but his activity centred in the massacre of the insurgent Paris Republicans in the Rue Transnonain and the September Laws against the press, to be then cast aside as an instrument become blunted. Having intrigued himself again into power in 1840, he planned the Paris fortifications, opposed as an attempt on the liberty of Paris by the whole democratic party, except the Bourgeois Republicans of the *National*. M. Thiers replied to their outcry from the Tribune of the Chambre des Députés: «Quoi? imaginer que des ouvrages de fortification quelconque peuvent nuire à la liberté... C'est se placer hors de toute réalité. Et d'abord, c'est calomnier un *gouvernement quel qu'il soit* de supposer qu'il puisse un jour chercher à se maintenir en bombardant la capitale. Quoi? Après avoir percé de ses bombes la voûte des Invalides ou du Panthéon, après avoir inondé de ses feux la demeure de vos familles, il se présenterait à vous pour vous demander la confirmation de son existence! *Mais il serait cent fois plus impossible après la victoire qu'auparavant*». Indeed, neither the government of Louis Philippe nor that of the Bonapartist Regency dared to withdraw from Paris and bombard it. This employment of the fortifications was reserved to M. Thiers, their original plotter.

When King Bomba of Naples bombarded Palermo in January 1848, M. Thiers again declared in the Chambre of Deputies:

«Vous savez, Messieurs, ce qui se passe à Palerme: vous avez tous tressailli d'horreur en apprenant que pendant 48 heures une grande ville a été bombardée. Par qui? Etait-ce par un ennemi étranger, exerçant les droits de la guerre? Non, messieurs, par *son propre gouvernement*. Et pourquoi? *Parce que cette ville infortunée demandait des droits.* Eh bien! pour la demande de ses droits, il y a eu 48 heures de bombardement. Permettez moi d'en appeler à l'opinion européenne. C'est un service à rendre à l'humanité que de venir, du haut de la plus grande tribune peut-être de l'Europe, faire retentir *quelques paroles d'indignation contre de tels actes.* Messieurs, lorsque, il y a 50 ans, les Autrichiens, exerçant les droits de la guerre, pour s'épargner les longueurs d'un siège, voulurent bombarder Lille, lorsque plus tard les Anglais, qui exerçaient aussi les droits de la guerre, bombardèrent Copenhague, et tout récemment, *quand le régent Espartero*, qui avait rendu des services à son pays, *pour réprimer une insurrection, a voulu bombarder Barcelone*; dans tous les parts, il y a eu une générale indignation».

Карреля. Он втерся в доверие к Луи-Филиппу тем, что состоял шпионом и акушером-тюремщиком при герцогине Беррийской; но центральным пунктом его деятельности была резня восставших парижских республиканцев на улице Транснонен и сентябрьские законы против печати, которые впоследствии пришлось отбросить, когда это орудие притупилось. Придя снова с помощью интриг к власти в 1840 г., он задумал план парижских укреплений; этот план, как покушение на свободу Парижа, вызвал протест всей демократической партии, за исключением буржуазных республиканцев из «National». Г. Тьер ответил на их крики протеста с трибуны палаты депутатов: «Как? Вы находите, что какие бы то ни было укрепления могут повредить свободе?.. Ведь это значит потерять всякое чувство реальности. И прежде всего, вы клевещете, что какое-нибудь правительство могло бы когда-нибудь сделать попытку удержаться путем бомбардировки столицы. Неужели, пробив своими бомбами купол Дома инвалидов или Пантеона, обрушив свой огонь на жилища ваших семей, оно смогло бы предстать пред вами с просьбой утвердить его существование! *Но ведь оно сделалось бы во сто крат невозможнее после победы, чем было до нее*». Действительно, ни правительство Луи-Филиппа, ни правительство бонапартовского регентства не посмело удалиться из Парижа и подвергнуть его артиллерийскому обстрелу. Такое использование крепостных сооружений было сохранено за г. Тьером, который и был их первоначальным инициатором.

Когда в январе 1848 г. неаполитанский король-Бомба подверг Палермо бомбардировке, г. Тьер снова заявил в палате депутатов:

«Вы знаете, господа, что происходит в Палермо: вы все содрогнулись от ужаса при вести, что в течение 48 часов большой город подвергался бомбардировке. И кем же? Чужеземным неприятелем, осуществляющим право войны? *Нет, господа, своим же собственным правительством*. И за что? *За то, что этот несчастный город требовал своих прав*. Да, за требование своих прав он был подвергнут 48-часовой бомбардировке. Я апеллирую к общественному мнению Европы. Будет заслугой перед человечеством подняться и с величайшей, может быть, из трибун Европы заявить во всеуслышание *несколько слов негодования против подобных действий*. Господа, когда 50 лет тому назад австрийцы, пользуясь правом войны, с целью избежать длительной осады хотели бомбардировать Лилль; когда позднее англичане, тоже пользуясь правом войны, бомбардировали Копенгаген; и совсем недавно, когда *регент Эспартеро*, оказавший услуги своей стране, *вздумал бомбардировать Барселону, чтобы подавить восстание*, — со всех концов мира поднялся всеобщий крик негодования».

Little more than a year later, Thiers acted the most fiery apologist of the bombardment of Rome by the troops of the French republic, and exalted his friend, General Changarnier, for sabring down the Paris National Guards protesting against this breach of the French Constitution.

A few days before the Revolution of February 1848, fretting at the long exile from place to which Guizot had condemned him, scenting the growing commotion of the masses, which he hoped would enable him to oust his rival and impose himself upon Louis Philippe, *Thiers* exclaimed in the Chambre of Deputies:

«*Je suis du parti de la Révolution*, tant en *France* qu'en *Europe*. Je souhaite que le gouvernement de la Révolution reste dans les mains des hommes modérés... Mais quand ce gouvernement passera dans les mains d'hommes ardents, fut-ce des radicaux, je n'abandonnerai pas ma cause pour cela. *Je serai toujours du parti de la Révolution*».

To put down the February revolution was his exclusive occupation from the day when the Republic was proclaimed to the Coup d'Etat.

The first days after the February explosion he anxiously hid himself, but the Paris workmen despised him too much to hate him. Still, with his notorious cowardice which made Armand Carrel answer to his boast «he would one day die on [the] banks of the Rhine», «Thou wills't die in a gutter» — he dared not play a part on the public stage before the popular forces were broke[n] down through the massacre of the Insurgents of June. He confined himself first to the secret direction of the Conspiracy of the Réunion of the Rue de Poitiers which resulted in the Restauration of the Empire, until the stage had become sufficiently clear to reappear publicly on it.

During the siege of Paris, on the question whether Paris was about to capitulate, Jules Favre answered that, to utter the word capitulation, the bombardment of Paris was wanted! This explains his melodramatic protests against the Prussian bombardment, indicating the latter was a mock-bombardment, while the Thiers bombardment is a stern reality.

Parliamentary mountebank

He is for 40 years on the stage. He has never initiated a single useful measure in any department of state or life. Vain, sceptical, epicu-

Через год с небольшим Тьер уже был самым рьяным защитником бомбардировки Рима войсками Французской республики и прославлял своего друга, генерала Шангарнье, за то, что тот изрубил саблями парижских национальных гвардейцев, протестовавших против этого нарушения французской конституции.

За несколько дней до февральской революции 1848 г., раздраженный долгим пребыванием вдали от власти, на которое его осудил Гизо, и чуя нарастающее брожение в массах, которое, как он надеялся, позволит ему вытеснить своего соперника и навязать Луи-Филиппу самого себя, *Тьер* воскликнул в палате депутатов:

«*Я принадлежу к партии революции* не только во *Франции*, но и в *Европе*. Я желаю, чтобы правительство Революции оставалось в руках умеренных людей... Но когда оно перейдет в руки людей с пылким темпераментом, даже в руки радикалов, я все-таки из-за этого не оставлю своего дела. *Я всегда буду принадлежать к партии революции*».

Подавление февральской революции было его исключительным занятием с того дня, как была провозглашена республика, и вплоть до переворота.

Первые дни после февральского взрыва он заботливо скрывался, но парижские рабочие слишком презирали его, чтобы ненавидеть. Тем не менее, благодаря своей известной трусости, которая заставила Армана Карреля ответить на его хвастливую речь о том, что он «умрет когда-нибудь на берегах Рейна»: «Ты умрешь в канаве», — он не осмелился выступить на публичной арене, прежде чем народные силы не были сломлены избиением июньских инсургентов. Вначале он ограничивался тем, что тайно руководил заговором общества улицы Пуатье, приведшим к реставрации империи; и это до тех пор, пока арена не была достаточно очищена, чтобы он мог снова появиться на ней публично.

Во время осады Парижа на вопрос, готов ли Париж капитулировать, Жюль Фавр ответил, что для того, чтобы заставить произнести слово «капитуляция», требовалось сначала бомбардировать Париж! Это объясняет его мелодраматические протесты против прусской бомбардировки, указывая на то, что последняя была показной бомбардировкой, тогда как бомбардировка Тьера есть суровая действительность.

Парламентский паяц

Он подвизается 40 лет на публичной арене. Он ни разу не был инициатором ни одной полезной меры в какой-нибудь области

rean: He has never written or spoken for things. In his eyes the things themselves are mere pretexts for the display of his pen or his tongue. Except his thirst for place and pelf and display there is nothing real about him, not even his chauvinism.

In the true vein of vulgar professional journalists he now sneers in his bulletins [at] the bad looks of his Versailles prisoners, now communicates that the rurals are «à leur aise», now covers himself with ridicule by his bulletin on the taking of «Moulin-Saquet» (4 of. Mai), where 300 prisoners were taken. «Le reste des insurgés s'est enfui à toutes jambes, laissant 150 morts et blessés sur le champ de bataille», and snappishly adds: «Voilà la victoire que la Commune peut célébrer demain dans ses bulletins». «Paris sera sous peu délivré de ses terribles tyrans qui l'oppriment». Paris — the «Paris» of the mass of the Paris people fighting against him is not «Paris». «Paris — that is the rich, the capitalist, the idle» (why not the cosmopolitan stew?). This is the Paris of M. Thiers. The real Paris, working, thinking, fighting Paris, the Paris of the people, the Paris of the Commune is a «vile multitude». There is the whole case of M. Thiers, not only for Paris, but for France. The Paris that show[ed] its courage in the «pacific procession» and Saisset's escapade, that throngs now at Versailles, at Rueil, at St. Denis, at St. Germain-en-Laye, followed by the Cocottes sticking to the «man of religion, family, order, and property» (the Paris of the really «dangerous», of the exploiting and lounging classes) («the franc-fileurs») and amusing itself by looking by the telescope at the battle going on, for whom «the civil war is but an agreeable diversion»— that is the Paris of M. Thiers (as the emigration of Coblenz was the France of M. de Calonne.) In his vulgar journalist vein he knows not even to observe sham dignity, but he murders the wives and girls, and children found under the ruins of Neuilly, not to swerve from the etiquette of «legitimacy». He must needs illuminate the municipal elections he has ordered in France by the conflagration of Clamart, burnt by petroleum bombs. The Roman historian[s] finish off Nero's character by telling us that the monster gloried in being a rhymester and a comedian. But lift a professional mere journalist and parliamentary mountebank like Thiers to power, and he will outnero Nero.

государственного управления или жизни. Тщеславный, скептический эпикуреец, он никогда не писал и не говорил ради дела. В его глазах само дело было лишь предлогом, дававшим ему возможность блистать пером или языком. За исключением его жажды доходных мест и видного положения, все в нем не настоящее — даже его шовинизм.

В типичном стиле вульгарного газетного профессионала он то издевается в своих бюллетенях над плохим видом своих версальских пленников, то сообщает, что помещичьи депутаты «чувствуют себя прекрасно», то выставляет себя на посмешище своим сообщением о взятии «Мулен-Саке» (4 мая), где было захвачено 300 пленных. «Остальные повстанцы бежали без оглядки, оставив на поле битвы 150 человек убитыми и ранеными», — и ядовито прибавляет: «Такова победа, которую Коммуна сможет праздновать завтра в своих бюллетенях». «*Париж* скоро будет освобожден от угнетающих его страшных тиранов». т. е. «Париж»—Париж народных масс, сражающихся против него, для него не «Париж». «Париж — это Париж богатый, капиталистический, праздный» (почему не космополитический притон?). Таков Париж г. Тьера. Действительный Париж, трудящийся, мыслящий, борющийся Париж, народный Париж, Париж Коммуны — это «подлая чернь». В этом вся суть отношения Тьера не только к Парижу, но и к Франции. Париж, показавший свою храбрость в «мирной демонстрации» и в бегстве Сессе, наполняющий сейчас Версаль, Рюэль, Сен-Дени, Сен-Жермен-ан-Лэ, куда последовали все кокотки, льнущие к «людям религии, семьи, порядка и собственности» (Париж действительно «опасных», эксплоататорских и тунеядствующих классов), («героев тыла»), Париж, который забавляется тем, что смотрит в подзорную трубу на происходящие бои, для которого «гражданская война — лишь приятное развлечение», — таков Париж г. Тьера (как кобленцкая эмиграция была Францией г. де-Калонна). Типичный вульгарный журналист, он не умеет даже соблюдать внешнее достоинство; чтобы ни в чем не уклониться от «легитимистского» этикета, он убивает женщин, девушек и детей, найденных впоследствии под развалинами Нейи. Он не может отказать себе в том, чтобы с помощью зарева Кламара, подожженного керосиновыми бомбами, не устроить иллюминацию в честь муниципальных выборов, назначенных им по всей Франции. Римские историки заканчивают характеристику Нерона рассказом о том, что это чудовище кичилось своими талантами рифмоплета и комедианта. Но дайте власть простому профессиональному газетному писаке и парламентскому паяцу вроде Тьера, и он перещеголяет Нерона.

He acts only his part as the blind tool of class interests in allowing the Bonapartist «generals» to revenge themselves on Paris; but he acts his personal part in the little byplay of bulletins, speeches, adresses, in which the vanity, vulgarity, and lowest taste of the journalist creep out.

He compares himself with Lincoln and the Parisians with the rebellious slaveholders of the South. The Southerners fought for the slavery of labour and the territorial secession from the United States. Paris fights for the emancipation of labour and the secession from power of Thiers stateparasites, of the would-be slaveholders of France!

In his speech to the Maires: «On peut compter sur ma parole à laquelle je n'ai jamais manqué!»
«L'assemblée est une des plus libérales qu'ait nommé la France».

Er wird die Republik retten «pourvu que l'ordre et le travail ne soient pas perpétuellement compromis par ceux qui se prétendent les gardiens particuliers du salut de la république».

In der Sitzung der Assemblée von 27 April sagt er: «L'assemblée est plus libérale que lui-même!»

He, whose rhetorical trump-card was always the denunciation of the Vienna treaties, he signs the Paris treaty, not only the dismemberment of one part of France, (not only the occupation of almost $^1/_2$ of it), but the milliards of indemnity, without even asking Bismarck to specify and prove his war expenses! He does not even allow the Assembly at Bordeaux to discuss the paragraphs of his capitulation!

He who up[b]raided throughout his life the Bourbons because they came back in the rear of Foreign armies and because of their undignified behaviour to the allies occupying France after the conclusion of peace, he asks nothing from Bismarck in the treaty but one concession: 40 000 troops to subdue Paris (as Bismarck stated in the Diet). Paris was for all purposes of internal defence and Foreign aggression fully secured by its armed National Guard, but Thiers superadded at once [to] the capitulation of Paris to the Foreigner, the character of the capitulation of Paris to himself and Co. This stipulation was a

Когда Тьер позволяет бонапартовским «генералам» отыграться на Париже, он играет свою роль как слепое орудие классовых интересов, но зато уж свою личную роль он играет в маленькой комедии бюллетеней, речей, обращений, в которых выползает наружу его тщеславие, вульгарность и пошлейший тон журналиста.

Он сравнивает себя с Линкольном, а парижан — с мятежными рабовладельцами Юга. Южане сражались за рабство труда и за территориальное отделение от Соединенных Штатов. Париж сражается за освобождение труда и за отрешение от власти тьеровских государственных паразитов, желающих быть рабовладельцами Франции!

В своем обращении к мэрам он говорит: «Можно положиться на мое слово, которому я никогда не изменял!»

«Настоящее Собрание — одно из самых либеральных, какие когда-либо избирались Францией».

Он спасет республику, «лишь бы только порядок и труд не находились под постоянной угрозой со стороны тех, кто претендует на роль особых блюстителей блага республики».

На заседании Собрания от 27 апреля он говорит, что «Собрание еще более либерально, чем он сам!»

Он, главным реторическим козырем которого всегда было обличение венских трактатов, подписывает Парижский договор, т. е. не только отсечение одной части Франции (не только оккупацию почти половины ее территории), но еще дает согласие на миллиарды контрибуции, не потребовав даже у Бисмарка точно определить и доказать военные издержки Германии! Он не разрешает даже Собранию в Бордо поставить на обсуждение отдельные пункты его капитуляции!

Он, всю свою жизнь упрекавший Бурбонов за то, что они вернулись в арьергарде иноземных армий и за их недостойное поведение по отношению к союзникам, оккупировавшим Францию после заключения мира, — он просит Бисмарка в договоре только об одной уступке: о 40 000-ном войске для покорения Парижа (как Бисмарк заявил об этом в рейхстаге). Для целей внутренней охраны и для защиты от нападения извне Париж был вполне обеспечен своей вооруженной национальной гвардией, но Тьер к капитуляции Парижа перед иноземным завоевателем прибавил капитуляцию Парижа перед ним самим и его бандой. Этот пункт договора

stipulation for civil war. That war itself he opens not only with the passive permission of Prussia, but by the facilities she lends him, by the captive French troops she magnanimously despatches him from German dungeons! In his bulletins, in his and Favres speeches in the Assembly, he crawls in the dust before Prussia and threatens Paris every eight days with her intervention, after having failed to get it, as stated by Bismarck himself. The Bourbons were dignity itself compared to this mountebank, this grand apostle of Chauvinism!

After the break-down of Prussia (Tilsit peace 1807), its government felt that it could only save itself and the country by a great social regeneration (revolution). It naturalized in Prussia on a small scale, within the limits of a feudal monarchy, the results of the French revolution. It liberated the peasant etc. After the Crimean defeat, which, however Russia might have saved her honour by the defence of Sebastopol and dazzled the Foreigner by her diplomatic triumphs at Paris, laid open at home the rottenness of her social and administrative system, her government emancipated the serf and her whole administrative and judicial system. In both countries the social daring reform was fettered and limited in its character because it was octroyed from the throne and not (instead of being) conquered by the people. Still there were great social changes, doing away with the worst privileges of the ruling classes and changing the economical basis of the old society. They felt that the great malady could only be cured by heroic measures. They felt that they could only answer to the victors by social reforms, by calling into life elements of popular regeneration. The French catastrophe of 1870 stands unparalleled in the history of the modern world! It showed official France, the France of Louis Bonaparte, the France of the ruling classes and their state-parasites — a putrescent cadaver. And what is the first attempt of the infamous men, who had got at her government by a surprise of the people and who continue to hold it by a conspiracy with the Foreign invader, what is [their] first attempt? To assassinate, under Prussian patronage, by L. Bonaparte's soldatesca and Pietri's police, the glorious work of popular regeneration commenced at Paris, to summon all the old legitimist spectres, beaten by the July Revolution, the fossil swindlers of Louis Philippe, beaten by the revolution of February, and celebrate an orgy of countrrevolution! Such heroism in exaggerated self-debasement is unhard of in the annals of history! But, what is most characteristic, intead of arousing a general shout of indignation on the part of officia Europe and America, it evokes a current of sympathy and of fierce denuncia-

был пунктом, который неизбежно должен был вызвать гражданскую войну. И самую эту войну он начинает не только с молчаливого согласия Пруссии, но и при ее содействии, с помощью пленных французских войск, которые она великодушно выпускает для него из германских тюрем! В своих бюллетенях, в своих речах и речах Фавра в Собрании он пресмыкается перед Пруссией, то и дело грозит ее интервенцией Парижу даже после того, как ему не удалось добиться ее, как заявил об этом сам Бисмарк. Бурбоны были само достоинство по сравнению с этим шутом, с этим великим апостолом шовинизма!

После разгрома Пруссии (Тильзитский мир 1807 г.) ее правительство почувствовало, что оно сможет спасти себя и страну только посредством великого социального возрождения (революции). Оно пересадило в Пруссию в малом масштабе, в рамках феодальной монархии, результаты французской революции. Оно освободило крестьян и т. д. Хотя Россия защитой Севастополя, быть может, и спасла свою честь и ослепила иностранцев своими дипломатическими триумфами в Париже, все же после поражения, которое она понесла в крымской кампании и которое в самой стране вскрыло гнилость ее социальной и политической системы, ее правительство освободило крепостных и преобразовало всю свою административную и судебную систему. В обеих странах смелые социальные реформы были скованы и ограничены потому, что они были дарованы с высоты трона, а не (вместо того, чтобы быть) завоеваны народом. Тем не менее, произошли огромные социальные перемены, покончившие с худшими привилегиями правящих классов и изменившие экономическую основу старого общества. Правительства чувствовали, что тяжелая болезнь может быть исцелена только героическими средствами. Они чувствовали, что могут ответить победителям только социальными реформами, вызвав к жизни элементы народного возрождения. Французская катастрофа 1870 г. не имеет параллелей в истории нового времени! Она показала, что официальная Франция, Франция Луи Бонапарта, Франция правящих классов и их государственных паразитов — гниющий труп. И в чем же заключается первый шаг негодяев, которые захватили власть, застигнув народ врасплох, и продолжают удерживать ее в своих руках, благодаря заговору с иноземным завоевателем, — в чем заключается их первый шаг? В том, чтобы умертвить под прусской охраной, руками солдатчины Луи Бонапарта и полицейских Пьетри, славное дело народного возрождения, начатое в Париже; в том, чтобы воскресить все старые легитимистские призраки, побежденные июльской революцией, допотопных шарлатанов Луи-Филиппа, побежденных

tion of Paris! This proves that Paris, true to its historical antecedents, seeks the regeneration of the French people in making it the champion of the regeneration of old society, making the social regeneration of mankind the national business of France! It is the emancipation of the producing class from the exploiting classes, their retainers and their state parasites who prove the truth of the French adage, that «les valets du diable sont pire que le diable himself». Paris has hissed the flag of mankind!

18 March: Government laid «stamp of 2 Centimes on each copy of every periodical, whatever its nature». «Forbidden to found new journals until the raising of the state of siege».

The different fractions of the French bourgeoisie had successively *their reigns*, the great landed proprietors under the *Restoration* (the old Bourbons), the capitalists under the parliamentary monarchy of July, (Louis Philippe), while its Bonapartist and republican elements kept rankling in the background. Their party feuds and intrigues were of course carried on on pretexts of *public welfare*, and a popular revolution having got rid of these monarchies, the other set in. All this changed with the Republic (February). All the fractions of the Bourgeoisie combined together in the *Party of Order*, that is the party of Proprietors and Capitalists, bound together to maintain the economic subjugation of labour and the repressive state machinery supporting it. Instead of a monarchy, whose very name signified the prevalence of one bourgeois fraction over the other, a victory on one side and a defeat on the other (the triumph of one side and the humiliation of the other), the *Republic* was the anonymous joint-stock-company of the combined bourgeois-fractions, of all the *exploiteurs* of the people clubbed together, and indeed, Legitimists, Bonapartists, Orleanists, Bourgeois Republicans, Jesuits and Voltairiens, embraced each other. No longer hidden by the shelter of the crown, no longer able to interest the people in their party feuds by masquerading them into struggles

февральской революцией, и справить торжественно оргию контрреволюции! Такой героизм в крайнем самоунижении неслыхан в летописях истории! Но — и это в высшей степени характерно — вместо того, чтобы вызвать всеобщий крик негодования со стороны официальной Европы и Америки, он вызывает к ним волну сочувствия и поток бешеных нападок на Париж! Это доказывает, что Париж, верный своему историческому прошлому, стремится возродить французский народ, делая его борцом за возрождение общества, превращая социальное возрождение человечества в национальное дело Франции! Это есть освобождение производящего класса от эксплоататорских классов, от их челяди и их государственных паразитов, которые подтверждают правильность французской поговорки: «слуги дьявола хуже, чем сам дьявол». Париж поднял знамя человечества!

18 марта. Правительство ввело «2-сантимный штемпельный сбор на каждый экземпляр любого периодического издания, каков бы ни был его характер». «Запрещено основывать новые газеты до снятия осадного положения».

Различные фракции французской буржуазии последовательно приходили к *власти:* крупные земельные собственники во время *реставрации* (при старых Бурбонах), капиталисты — во время июльской парламентской монархии (при Луи-Филиппе), тогда как бонапартистские и республиканские элементы оставались на заднем плане, томясь завистью. Их партийные распри и интриги продолжались, конечно, под предлогом борьбы за *общее благо*, и когда народная революция кончала с одной монархией, возникала другая. Все это изменилось с установлением республики (февральской). Все фракции буржуазии объединились тогда в *партию порядка*, т. е. в партию собственников и капиталистов, сплотившихся, чтобы сохранить экономическое порабощение труда и угнетательскую государственную машину, которая поддерживает это порабощение. В отличие от монархии, самое имя которой означало преобладание одной фракции буржуазии над другой, победу одной стороны и поражение другой (торжество одной стороны и унижение другой), — *республика* была анонимным акционерным обществом объединившихся фракций буржуазии, всех *эксплоататоров* народа, сплотившихся воедино; и в самом деле, легитимисты, бонапартисты, орлеанисты, буржуазные республиканцы, иезуиты и вольтерьянцы заключили друг друга в объятия. Они не укрываются больше под сенью трона, они уже не могут заинтересовать народ своими партийными распрями, маскируя их в видимость борьбы за народные интересы, они не находятся больше в подчинении

for popular interest, no longer subordinate the one to the other. Direct and confessed antagonism of their class rule to the emancipation of the producing masses — *order* the name for the economical and political conditions of their class rule and the servitude of labour, this anonymous or republican form of the bourgeois régime — this Bourgeois Republic, this Republic of the *Party of Order* is the most *odious* of all political régimes. Its direct business, its only *raison d'être* is to crush down the people. It is the *terrorism* of class rule. The thing is done in this way. The people having fought and made the Revolution, proclaimed the Republic, and made room for a National Assembly, the Bourgeois whose known Republican professions are a guarantee for their «Republic», are pushed on the foreground of the stage by the majority of the Assembly, composed of the vanquished and professed enemies of the Republic. The Republicans are entrusted with the task to goad the people into the trap of an insurrection, to be crushed by fire and sword. This part was performed by the party of the *National* with Cavaignac at their head after the Revolution of February (by the June Insurrection). By their crime against the masses, these Republicans lose then their sway. They have done their work and, if yet allowed to support the *party of order* in its general struggle against the Proletariate, they are at the same time displaced from the government, forced to fall back in the last ranks, and only allowed «on sufferance». The combined royalist bourgeois then become the father of the Republic, the true rule of the «Party of Order» sets in. The material forces of the people being broken for the time being, the work of reaction — the breaking down of all the concessions conquered in four revolutions — begins piece by piece. The people is stung to madness not only by the deeds of the *party of order*, but by the cynical effrontery with which it is treated as the vanquished, with which in its own name, in the name of the Republic, that low lot rules it supreme. Of course, that spasmodic form of *anonymous* class despotism cannot last long, can only be a transitory phasis. It knows that it is seated on a revolutionary volcano. On the other hand, if the party of order is united in its war against the working class, in its capacity of the *party of order*, the play of intrigue of its different fractions, the one against the other, each for the prevalence of its peculiar interest in the old order of society, each for the Restoration of its own pretender and personal ambitions, sets in in full force as soon as its rule seems secured (guaranteed) by the destruction of the material revolutionary forces. This combination of a common war against the people and a common conspiracy against

одни у других. Их классовое господство прямо и открыто враждебно освобождению производящих масс; *порядок* — вот имя для экономических и политических условий их классового господства и для рабства труда; эта анонимная или республиканская форма буржуазного режима, эта буржуазная республика, эта республика *партии порядка* есть самый *ненавистный* из всех политических режимов. Ее прямое дело, единственный *смысл ее существования* — подавление народа. Это — *терроризм* классового господства. Делается это следующим образом. Народ сражается и производит революцию, провозглашает республику и очищает место для Национального собрания, после чего буржуа, республиканские декларации которых являются гарантией для их «республики», выдвигаются на передний план сцены большинством Собрания, состоящего из побежденных и открытых врагов республики. На республиканцев возлагается задача — загнать народ в ловушку восстания, чтобы затем подавить его огнем и мечом. Эта роль была выполнена партией «National», с Кавеньяком во главе, после февральской революции (июньское восстание). Совершив это преступление против масс, эти республиканцы затем потеряли свое руководящее значение. Они сделали свое дело, и если им и разрешают еще поддерживать *партию порядка* в ее общей борьбе против пролетариата, то в то же самое время они вытесняются из правительства, переходят в задние ряды, и в дальнейшем их только «терпят». Объединенная роялистская буржуазия становится столпом республики, начинается истинное господство «партии порядка». Материальные силы народа на время сломлены, и работа реакции — уничтожение всех уступок, завоеванных в четырех революциях, — начинается шаг за шагом. Народ доводится до бешенства не только подвигами *партии порядка*, но и той циничной наглостью, с которой его третируют как побежденного и с которой эта подлая банда самовластно правит им от его же собственного имени, от имени республики. Конечно, эта судорожная форма *анонимного* классового деспотизма не может продолжаться долго, она может быть только переходной фазой. Она сознает что находится на революционном вулкане. С другой стороны, если партия порядка объединена в своей войне против рабочего класса в своем качестве *партии порядка*, то внутренняя склока ее различных фракций, из которых каждая борется за свои особые интересы в старом обществе, за реставрацию своего собственного претендента и за удовлетворение честолюбивых стремлений отдельных лиц, разыгрывается снова со всею силой, как только господство этой партии кажется обеспеченным (гарантированным) благодаря уничтожению материальных революционных сил. Это соединение общей войны против народа с общим заговором против

the Republic, combined with the internal feuds of its rulers, and their play of intrigues, paralyses society, disgusts and bewilders the masses of the middleclass and «troubles» business, keeps them in a chronic state of disquietude. All the conditions of despotism are created (have been engendered) under this régime, but despotism without quietude, despotism with parliamentary anarchy at its head. Then the hour has struck for a *Coup d'Etat*, and the incapable lot has to make room for any lucky pretender, making [an] end of the *anonymous* form of class rule. In this way Louis Bonaparte made an end of the Bourgeois Republic after its 4 years of existence. During all that time Thiers was the «âme damnée» of the party of Order, that in the name of the Republic, made war upon the Republic, a class war upon the people, and, in reality, created the Empire. He played exactly the same part now as he played then, only then but as a parliamentary intriguer, now as the Chief of the Executive. Should he not be conquered by the Revolution, he will now as then be a baffled tool. Whatever countervailing government will set in, its first act will be to cast aside the man who surrendered France to Prussia and bombarded Paris.

Thiers had many grievances against Louis Bonaparte. The latter had used him as a tool and a dupe. He had frightened him (shocked his nerves) by his arrest after the Coup d'Etat. He had annulled him by putting down the parliamentary régime, the only one under which a mere state-parasite, like Thiers, a mere talker, can play a political part. Last not least, Thiers, having been the historic shoeblack of Napoleon, had so long described his deeds, as to fancy he had enacted them himself. The legitimate caricature of Napoleon I was in his eyes not Napoleon the little, but little Thiers. With all that there was no infamy committed by L. Bonaparte which had not been backed by Thiers, from the occupation of Rome by the French troops to the war with Prussia.

Only a man of his shallow head can fancy for one moment, that a Republic with his head on its shoulders, with a National Assembly half legitimist, half Orleanist, with an army under Bonapartist leaders, will, if victorious, not push him aside.

There is nothing more grotesquely horrid than a Tom Pouce affecting to play the (acting the part) Timur Tamerlane. With him

республики, в сочетании с внутренними распрями самих правящих и их постоянными интригами, парализует общество, вызывает у массы мелкой буржуазии чувство отвращения, сбивает ее с толку, расстраивает ее деловую жизнь, держит ее в состоянии хронического беспокойства. Все условия деспотизма создаются (порождаются) при этом режиме, — но деспотизма без спокойствия, деспотизма с парламентской анархией во главе. Тогда наступает час *государственного переворота*, и неспособная банда должна уступить место какому-нибудь удачливому претенденту, который кладет конец *анонимной* форме классового господства. Таким путем Луи Бонапарт положил конец буржуазной республике после ее четырехлетнего существования. Все это время *Тьер* был «слепо предан» партии порядка, которая именем республики вела войну против республики, классовую войну против народа, и действительно создала империю. Теперь он сыграл точно такую же роль, как тогда, — только тогда в качестве парламентского интригана, а теперь в качестве главы исполнительной власти. Если только он не будет побежден революцией, то будет и теперь, как тогда, использован и выброшен вон. Какая бы из соперничающих групп ни пришла к власти, ее первым делом будет устранить человека, который выдал Францию Пруссии и бомбардировал Париж.

У Тьера было много причин для недовольства Луи Бонапартом. Этот последний использовал его как орудие и потом оставил в дураках. Он напугал его (расстроил его нервы), арестовав после переворота. Он уничтожил его, покончив с парламентским режимом — единственным режимом, при котором простой государственный паразит, как Тьер, простой болтун может играть политическую роль. И не последним по значению обстоятельством было то, что Тьер, будучи историческим чистильщиком сапог Наполеона, так долго описывал его подвиги, что под конец вообразил, что совершил их он сам. Законной карикатурой на Наполеона I был в его глазах не Наполеон малый, а маленький Тьер. При всем том не было такой подлости, совершенной Луи Бонапартом, которая не была бы поддержана Тьером, начиная с занятия Рима французскими войсками и кончая войной с Пруссией.

Только такой поверхностный человек может хоть на минуту вообразить, что республика, возглавляемая им, с полулегитимистским, полуорлеанистским Национальным собранием, с армией под начальством бонапартовских генералов, в случае своей победы, не выбросит его вон.

Нет ничего более отвратительно-смешного, чем этот мальчик с-пальчик, желающий играть роль (играющий роль) Тимура

the deeds of cruelty are not only a matter of business, but a thing of theatrical display (stage-effect) of phantastical vanity. To write «his» bulletins, to show «his» severity, to have «his» troops, «his» strategy, «his» bombardments, «his» petroleum-bombs, to hide «his» cowardice under the coldbloodedness with which he allows the Decembrist black-legs to take their revenge on Paris! This kind of heroism in exaggerated baseness! He exults in the important part he plays and the noise he makes in the world! He quite fancies to be a great man: and how gigantic (titanic) he, the dwarf, the parliamentary dribbler, must look in the eyes of the world! In midst the horrid scenes of this war, one cannot help smiling at the ridiculous capers Thiers Vanity cuts! M. Thiers is a man of lively imagination, there runs an artist's vein through his blood, and an artist's vanity able to gull him into a belief in his own lies, and a belief in his own grandeur.

Through all the speeches, bulletins etc. of Thiers, runs a vein of elated vanity.

---

that affreux Triboulet.

Splendid bomdardment (with petroleum bombs) from Mont-Valérien, zerstört a part of the houses in the Ternes within the rampart (?), with a grandiose conflagration and a fearful thunder of cannon shaking all Paris. Bombs purposely thrown into Ternes and the Champs Elysées quarters.

Explosive bombs, petroleum bombs

The Commune

The glorious British penny-a-liner has made the splendid discovery that this is not what *we* use to understand by self-government. Of course, it is not. It is not the self-administration of the towns by turtle-soup guzzling aldermen, jobbing vestries, and ferocious workhouse guardians. It is not the self-administration of the counties by the holders of broad acres, long purses and empty heads. It is not the judicial abomination of «the Great Unpaid». It is not political self-government of the country through the means of an oligarchic club and the reading of the *Times* newspaper. It is the people acting for itself by itself.

Within this war of cannibals the most disgusting, the «literary» shrieks of the hideous gnome seated at the head of the government!

Тамерлана. Жестокие расправы для него не только деловая необходимость, но и предмет театральной рисовки (сценического эффекта), фантастического тщеславия. Писать «свои» бюллетени, выставлять напоказ «свою» суровость, иметь «свои» войска, «свою» стратегию, свои «бомбардировки», «свои» керосиновые бомбы, скрывать «свою» трусость под маской хладнокровия, с каким он разрешает декабрьским мошенникам отомстить Парижу! Это своеобразный героизм в крайней низости. Он упивается той важной ролью, которую играет, и тем шумом, который он поднимает во всем мире! Он решительно воображает себя великим человеком! Каким гигантом (титаном) он, карлик, парламентский слюнтяй, должен выглядеть в глазах мира! Среди ужасных сцен настоящей войны нельзя не улыбнуться при виде смехотворных прыжков тьеровского тщеславия! Г. Тьер — человек с живым воображением, у него несомненно есть актерская жилка и актерское тщеславие, способное заставить его поверить его собственной лжи и уверовать в его собственное величие.

Сквозь все речи, бюллетени и т. д. Тьера пробивается струйка ликующего тщеславия.

Этот отвратительный Трибуле.

Великолепная бомбардировка (керосиновыми бомбами) с Мон-Валерьен разрушает часть домов в квартале Терн внутри крепостного вала, это сопровождается грандиозным пожаром и страшным грохотом орудий, потрясающим весь Париж. Бомбами умышленно стреляют по кварталам Терн и Елисейским полям.

Взрывчатые бомбы, керосиновые бомбы.

Коммуна

Достославный английский грошевый писака сделал блестящее открытие, что это не то, что *мы* обыкновенно разумеем под самоуправлением. Конечно, это не то. Это не самоуправление городов, в которых хозяйничают пресыщенные роскошью ольдермены, любостяжательные члены приходских собраний и свирепые попечители работных домов. Это не самоуправление графств, в которых хозяйничают владельцы крупных поместий, толстых кошельков и пустых голов. Это не судебная мерзость «великих неоплачиваемых господ». Это не политическое самоуправление страны при помощи олигархического клуба и чтения газеты «*Times*». Это народ, действующий сам для самого себя.

В этой каннибальской войне отвратительнее всего «литературные» вопли мерзкого гнома, восседающего во главе правительства!

The ferocious treatment of the Versailles prisoners was not interrupted one moment, and their coldblooded assassination was resumed so soon as Versailles had convinced itself that the Commune was too humane to execute its decree of reprisals!

The *Paris Journal* (at Versailles) says that 13 line soldiers made prisoners at the railway station of Clamart were shot off-hand, and all prisoners wearing the line unifoıms who arrive in Versailles will be executed whenever doubts about their identity are cleared up!

M. Alexandre Dumas, fils, tells that a young man exercising the functions, if not bearing the title, of a general, was shot when having marched (in custody) a few hundred yards along a road.

5 Mai. Mot d'Ordre: D'après la *Liberté*, qui paraît à Versailles «tous les soldats de l'armée régulière qui ont été trouvés à Clamart parmi les insurgents ont été fusillés séance tenante» (by Lincoln Thiers!) (Lincoln acknowledged the belligerent rights). «These are the men denouncing on the walls of all French communes the Parisians as assassins!» The banditti!

Deputation de commune à Bicètre (27 April) pour faire une enquête sur les 4 gardes nationaux du 185-e batallion de marche de la garde nationale, où ils ont visité le survivant (grièvement blessé) *Scheffer*. Le malade a declaré que le 15 April, à la belle Epine, près de Villejuif, il était surpris avec trois de ces camarades par les chasseurs à cheval, qui leur ont dit de se rendre. Comme il leur était impossible de faire une résistance utile contre les forces qui les entouraient, ils jetèrent leurs armes à terre et se rendirent. Les soldats les entourèrent, les firent prisonniers sans exercer aucune violence ni aucune ménace envers eux. Ils étaient déjà prisonniers depuis quelques instants, lorsqu'un capitaine des chasseurs à cheval arriva et se précipita sur eux le revolver au poing. Il fit feu sur l'un d'eux sans dire un seul mot et l'étendit raide mort, puis il en fit autant sur le garde Scheffer qui reçut une balle en pleine poitrine et tomba à côté de ses camarades. Les deux autres gardes se retirèrent effrayés de cette infâme aggression, mais le féroce capitaine se précipita sur les deux prisonniers et les tua de deux autres coups de revolver. Les chasseurs après les actes d'atroce et de féroce lâcheté se retirèrent avec leur chef, laissant leurs victimes étendues sur le sol.

New York Tribune outdoes the London papers

M. Thiers' «most liberal and most freely elected National assembly that ever existed in France» is quite of a piece with his «finest army that

Зверское обращение с версальскими пленными не прекращалось ни на минуту, и их хладнокровное убийство возобновилось тотчас же, как только Версаль убедился, что Коммуна слишком гуманна, чтобы привести в исполнение свой декрет о репрессиях!

«Paris Journal» (в Версале) сообщает, что тринадцать солдат одного линейного полка, взятые в плен на железнодорожной станции Кламар, были расстреляны на месте, и что все прибывающие в Версаль пленники, носящие форму линейных войск, будут казнены, как только будет с несомненностью выяснена их личность!

Александр Дюма-сын рассказывает, что один молодой человек, выполнявший обязанности генерала, хотя и без генеральского чина, был застрелен, после того как он прошел (под конвоем) несколько сот ярдов по дороге.

5 мая. «Mot d'Ordre»: По сообщению *«Liberté»*, выходящей в Версале, «все солдаты регулярной армии, находившиеся в Кламаре среди повстанцев, были расстреляны на месте» (Линкольном — Тьером!) (Линкольн признавал за противником право воюющей стороны). «Таковы люди, которые на стенах всех французских коммун обличают парижан как убийц!» Бандиты!

Депутация Коммуны отправилась в Бисетр (27 апреля) для расследования по делу четырех национальных гвардейцев 185-го маршевого батальона и посетила там оставшегося в живых (тяжело раненого) *Шеффера*. Больной заявил, что 15 апреля при Бель-Эпине, недалеко от Вилльжюиф, он вместе с тремя товарищами был настигнут конными егерями, предложившими им сдаться. Так как сопротивление окружившему их отряду было бесполезно, они бросили на землю оружие и сдались. Солдаты окружили их и взяли в плен, не применяя никаких насилий ни угроз в отношении их. Они были в плену уже несколько минут, когда появился капитан конных егерей и бросился на них с револьвером в руке. Не произнеся ни слова, он выстрелил в одного из них и убил его наповал, затем выстрелил также в гвардейца Шеффера, который был ранен прямо в грудь и упал около своего товарища. Два остальных гвардейца попытались скрыться, устрашенные этим подлым нападением, но рассвирепевший капитан помчался за обоими пленными и убил их двумя другими выстрелами из револьвера. После этой зверской и подлой расправы егеря удалились вместе со своим начальником, оставив свои жертвы распростертыми на земле».

«New York Tribune» перещеголяла лондонские газеты

Тьеровское «наиболее либеральное и наиболее свободно выбранное Национальное собрание, какое когда-либо существовало во

France ever possessed». This senile chambre introuvable, chosen on a false pretext, consists almost exclusively of Legitimists and Orleanists. The municipal elections, carried on under Thiers himself on the 30-th of April, show their relation to the French people! Of 700 000 councillors (in round numbers) returned by the 35 000 communes still left in mutilated France, 200 are Legitimists, 600 orléanists, 7 000 avowed Bonapartists, and all the rest Republicans or Communists. (*Versailles Cor. Daily News*, 5 May). Is any other proof wanted that this Assembly with the Orleanist mummy Thiers at its head represent an usurpatory minority?

Paris

M. Thiers represented again and again the Commune as the instrument of a handful of «convicts» and «ticket-of-leave men», of the scum of Paris. And this «handful» of desperados holds in check since more that 6 weeks the «finest army that France ever possessed» led by the invincible Mac Mahon and inspired by the genius of Thiers himself!

The exploits of the Parisians have not only refuted him. All elements of Paris have spoken. «Il ne faut point confondre le mouvement de Paris avec la surprise de Montmartre, qui n'en a été que l'occasion et le point de départ; ce mouvement est général et profond dans la conscience de Paris; le plus grand nombre de ceux-là mêmes qui, pour une cause ou pour une autre, s'en sont tenus à l'écart, n'en désavouent point pour cela la légitimité sociale». Who says this? The *delegates of the Syndical chambres,* men who speak in the name of 7 — 8000 merchants and industrials. They have gone to tell it at Versailles... The *Ligue de la réunion républicaine... the manifestation of the Francs Maçons* etc.

The Province

Les provinciaux espiègles.

If Thiers fancied one moment that the provinces were really antagonistic to the Paris movement, he would do all in his power to give the provinces the greatest possible facilities to become acquainted with the movement and all «its horrors». He would solicit them to look at it in its naked reality, to convince themselves with their own eyes and ears of what it is. Not he! He and his «defence-men» try to keep the

Франции», вполне соответствует его же «превосходнейшей армии, которою когда-либо обладала Франция». Эта старческая chambre introuvable [бесподобная палата], избранная под лживым предлогом, состоит почти исключительно из легитимистов и орлеанистов. Муниципальные выборы, проведенные самим Тьером 30 апреля, показывают, каково их численное отношение ко всему французскому народу! Из 700 000 (в круглых цифрах) членов муниципальных советов, которые были выбраны в 35 000 общин, еще оставшихся в изувеченной Франции, 200 являются легитимистами, 600 — орлеанистами, 7 000 — открытыми бонапартистами, а все остальные — республиканцами или коммунистами. (*Версальский корреспондент* «Daily News» от 5 мая). Какие еще требуются доказательства, что это Собрание с орлеанистской мумией Тьером во главе представляет собой узурпаторское меньшинство?

Париж

Г. Тьер не переставал изображать Коммуну как орудие горсточки «каторжников» и «ticket-of-leave-men», подонков Парижа. Но эта «горсточка» отъявленных преступников вот уже больше шести недель дает отпор «превосходнейшей из армий, какой когда-либо обладала Франция» — армии, предводительствуемой непобедимым Мак-Магоном и вдохновляемой гением самого Тьера!

Он опровергнут не только подвигами парижан. Высказались все слои парижского населения. «Не следует смешивать парижское движение с захватом Монмартра, который явился для него только поводом и исходным пунктом; это движение является общим и глубоко коренится в сознании Парижа; большинство даже тех, кто по той или иной причине держатся в стороне от него, не отрицает из-за этого его общественной законности». Чьи это слова? *Делегатов синдикальных палат*, людей, говорящих от имени 7 000 — 8 000 купцов и промышленников. Они отправились заявить об этом в Версале... *Лига республиканского объединения... манифестация франкмасонов* и т. д.

Провинция

Проницательные провинциалы.

Если бы Тьер хоть на мгновение был убежден в том, что провинции были действительно враждебны парижскому движению, он сделал бы все, что было в его силах, для того, чтобы предоставить им всяческую возможность ознакомиться с этим движением и всеми его «ужасами». Он попросил бы их взглянуть на это движение в его неприкрашенной действительности, убедиться собственными глазами

provinces down, to prevent their general rising for Paris, by a *wall of lies*, as they kept out the news from the provinces in Paris during the Prussian siege. The Provinces are only allowed to look at Paris through the Versailles *camera obscura* (distorting glass). (Les mensonges et les calomnies des journaux de Versailles parviennent seuls aux départements et y font loi). Pillages and murders of 20 000 ticket of-leave men dishonour the capital. «*La Ligue* se donne pour premier devoir de faire la lumière et de rétablir les rélations normales entre la province and Paris». As they were, when besieged in Paris, thus they are now in besieging it in their turn. «*Le mensonge comme par le passé, est leur arme favorite.* Ils suppriment, saisissent les journaux de la Capitale, interceptent les communications, sift the letters, de telle sorte que la Province est réduite aux nouvelles qu'il plaît aux Jules Favre, Picard et Cons. de lui donner, sans qu'il soit possible de vérifier l'exactitude de leur dire». Thiers' bulletins, Picards circulaires, Dufaures... The placards in the Communes. The felon press of Versailles and the Germans. The petit moniteur. The reintroduction of passports for travelling from one place to another. An army of mouchards spread in every direction. Arrests (in Rouen etc. under Prussian authority) etc. Les milliers de commissaires de police répandus dans les environs de Paris ont reçu du préfet gendarme Valentin l'ordre de saisir tous les journaux, à quelque nuance qu'ils appartiennent, qui s'impriment dans la ville insurgée, et de les brûler en place publique comme au meilleur temps de la Ste. Inquisition.

Thiers' government first appealed to the provinces to form battalions of National Guards and send them to Versailles against Paris. The Province, as the *Journal de Limoges* says, showed its discontent by refusing the bataillons of volontaires which were asked from it by Thiers and his ruraux. The few Breton idiots, fighting under a white flag, every one of them wearing on his breast a Jesus heart in white cloth and shouting «vive le roi!» are the only «provincial» army gathered round Thiers.

The elections. Vengeur 6 Mai.

M. Dufaure's presslaw (8 April). Confessedly directed against the «excesses» of the Provincial press.

Then the numerous arrestations in the Province. It is placed under the *laws of suspests.*

Blocus intellectuel et policier de la province.

и ушами в том, что оно собою представляет. Но он этого не сделал! Тьер и его «люди обороны», подобно тому как они не пропускали известий из провинций в Париж во время его осады пруссаками, пытаются окружить провинции *стеною лжи*, чтобы удержать их в подчинении и предотвратить их общее восстание в защиту Парижа. Провинциям разрешается смотреть на Париж только сквозь версальскую *камеру-обскуру* (искажающее стекло). (Только ложь и клевета версальских газет проникают в департаменты и царят там безраздельно. Грабежи и убийства, совершаемые 20 000 «ticket-of-leave-men», бесчестят столицу. «*Лига* считает своим первейшим долгом осветить факты и восстановить нормальные отношения между провинцией и Парижем». Какими они были в осажденном Париже, таковы же они и теперь, когда сами осаждают его. «*Как прежде, ложь остается их излюбленным оружием.* Они запрещают, конфискуют столичные газеты, перехватывают сообщения, перлюстрируют письма, так что провинции приходится довольствоваться теми известиями, которые Жюлю Фавру, Пикару и К° угодно ей сообщить, причем она не имеет возможности проверить их правильность». Бюллетени Тьера, циркуляры Пикара... Дюфора. Плакаты в общинах. Преступная версальская печать и немцы. Маленький «Moniteur». Введение вновь паспортов для переезда с одного места на другое. Армия шпиков, проникающая всюду. Аресты (в Руане и других городах при прусских властях) и т. д. Тысячи полицейских комиссаров, рассеянных в окрестностях Парижа, получили от жандармского префекта Валантена приказ отбирать все газеты любого направления, которые печатаются в восставшем городе, и сжигать их публично, как в лучшие времена святой инквизиции.

Правительство Тьера обратилось сперва к провинциям с призывом формировать батальоны национальной гвардии и посылать их в Версаль против Парижа. Провинция, как говорит «*Journal de Limoges*», показала свое недовольство, отказавшись прислать добровольческие батальоны, которых просили у нее Тьер и его помещичьи депутаты. Кучка бретонских идиотов, сражающихся под белым флагом, с сердцем Иисуса в белой ладонке на груди и с кличем: «да здравствует король!» — вот и вся «провинциальная» армия, собравшаяся вокруг Тьера.

Выборы. «Vengeur» от 6 мая.

Закон о печати г. Дюфора (8 апреля) открыто направлен против «эксцессов» провинциальной печати.

Далее многочисленные аресты в провинции. Она переведена на *положение подозреваемой.*

Идейная и полицейская блокада провинции.

April 23 Havre: The municipal council has despatched three of its members to Paris and Versailles with instructions to offer mediation, with the view of terminating the civil war on the basis of the maintenance of the Republic, and the granting of municipal franchises to the whole of France... *23 April delegates from Lyon received by Picard and Thiers* — *«guerre à tout prix»* deren Antwort.

Adresse des délégués de Lyon présentée à l'assemblée par Greppo 24 Avril.

The municipalities of the provincial towns committed the great impudence to send their deputations to Versailles in order to call upon them to grant what demanded by Paris; not one Commune of France has sent an address approving of the acts of Thiers and the rurals; the provincial papers, like these municipal councils, as Dufaure complains in his *circular against conciliation to the Procureur Général* «mettent sur la même ligne l'Assemblée issue du suffrage universel et la prétendue commune de Paris, reprochent à la première de n'avoir pas accordé à Paris ses droits municipaux etc.» and what is worse, these municipal councils, for instance *that of Auch* «unanimement lui demandent *de proposer immédiatement un armistice avec Paris* and that the Assembly chosen on the 8-th of February, dissolves itself because its mandate had expired». *(Dufaure, l'assemblée de Versailles 26 April.)*

It ought to be remembered that these were the old municipal councils, not those elected on 30-th April. Their delegations so numerous, that Thiers decided no longer to receive them personally but address them to a ministerial subaltern.

Lastly the elections of 30 April, the final judgment of the Assembly and the electoral surprise from which it had sprung. If then the provinces have till now only made a passive resistance against Versailles without rising for Paris, to be explained by the strongholds the old authorities hold here still, the trance in which the Empire merged and the war maintained the Province. It is evident that it is only the Versailles army, government and Chinese wall of lies, that stand between Paris and the Provinces. If that wall falls, they will unite with it.

It is most characteristic, that the same men (Thiers etc. Co.) who in May 1850 abolished by a parliamentary conspiracy (Bonaparte aided them, to get them into a snare, to have them at his mercy, and to proclaim himself after the coup d'état as the restorer of the universal suffrage against the party of order and its Assembly) *the universal suffrage,* because under the Republic it might still play them freaks,

23 апреля. Гавр. Муниципальный совет послал трех своих членов в Париж и Версаль с поручением предложить свое посредничество для прекращения гражданской войны на основе сохранения республики и предоставления муниципальных вольностей всей Франции... *23 апреля делегаты из Лиона приняты Пикаром и Тьером: «война во что бы то ни стало»* — таков их ответ.

Адрес лионских делегатов передан Собранию делегатом Греппо 24 апреля.

Муниципальные советы провинциальных городов имели наглость послать свои депутации в Версаль с призывом к нему удовлетворить требования Парижа. Ни одна община Франции не послала адреса, в котором содержалось бы одобрение действий Тьера и помещичьих депутатов. Провинциальные газеты, подобно этим муниципальным советам, — как Дюфор жалуется генеральным прокурорам в своем циркуляре против попыток примирения, — «ставят на одну доску Собрание, выбранное всеобщей подачей голосов, и самозванную Парижскую коммуну, упрекают первое в том, что оно не признает за Парижем его муниципальных прав и т. д.» и — что еще хуже — эти муниципальные советы, напр. *совет города Ош* (Auch), «единогласно требует, чтобы оно *немедленно предложило перемирие Парижу* и чтобы Собрание, выбранное 8 февраля, распустило себя ввиду истечения срока его полномочий». *(Дюфор, Версальское собрание, 26 апреля.)*

Следует помнить, что это были старые муниципальные советы, а не выбранные 30 апреля. Их делегации были так многочисленны, что Тьер решил больше не принимать их лично, а направлять к одному из своих министерских помощников.

Наконец, выборы 30 апреля — окончательный приговор Собранию и тем неожиданно проведенным выборам, из которых оно возникло. Если, таким образом, провинция оказывала до сих пор только пассивное сопротивление Версалю, не восставая на защиту Парижа, то это объясняется крепкой позицией, которую все еще занимают там старые власти, а также трансом, в который империя повергла провинцию и в котором война держала ее. Очевидно, что только версальская армия, версальское правительство и китайская стена лжи стоят между провинцией и Парижем. Если эта стена падет, то провинции объединятся с Парижем.

Чрезвычайно характерно, что те самые люди (Тьер и К°), которые в мае 1850 г. упразднили с помощью парламентского заговора *всеобщее избирательное право* (Бонапарт помогал им, чтобы заманить их в ловушку, чтобы иметь их всецело в своей власти и чтобы после переворота объявить себя восстановителем всеобщего избирательного права наперекор партии порядка и ее Собранию), потому

are now its fanatical adepts, make it their «legitimate» title against Paris, after it had received under Bonaparte such an organisation as to be the mere plaything in the hand of the Executive, a mere machine of cheat, surprise, and forgery on the part of the Executive. *(Congrès de la Ligue des Villes) (Rappel 6 Mai!)*

Trochu, Jules Favre et Thiers, Provincials

It may be asked how these superannuated parliamentary mountebanks and intriguers like Thiers, Favre, Dufaure, Garnier Pagès (only strengthened by a few rascals of the same stamp) continue to reappear, after every revolution, on the surface, and usurp the executive power? these men that always exploit and betray the Revolution, shoot down the people that made it, and sequester the few liberal concessions conquered from former governments? (which they opposed themselves?)

The thing is very simple. In the first instance, if very unpopular, like Thiers after the February Revolution, popular magnanimity spares them. After every successful rising of the people the cry of conciliation, raised by the implacable enemies of the people, is reechoed by the people in the first moments of the enthusiasm at its own victory. After this first moment men like Thiers and Dufaure eclipse themselves as long as the people holds material power, and work in the dark. They reappear as soon as it is disarmed and are acclaimed by the bourgeoisie as their *chefs de file.*

Or, like Favre, Garnier Pagès, Jules Simon etc. (recruited by a few younger ones of similar stamp) and Thiers himself after the 4-th of September, were the «respectable» republican opposition under Louis Philippe; afterwards the parliamentary opposition under L. Bonaparte. The reactionary regimes they have themselves initiated when raised to power by the Revolution, secures for them the ranks of the opposition, deporting, killing, exiling the true Revolutionists. The people forgets their past, the middleclass look upon them as their men, their infamous past is forgotten, and thus they reappear to recommence their treason and their work of infamy.

что при республиканском строе оно могло еще принести неожиданности, что эти люди, теперь являются его фанатическими приверженцами, ссылаются на него как на «законный» источник своей власти в борьбе против Парижа, после того, как при Бонапарте всеобщее избирательное право получило такую организацию, что сделалось простой игрушкой в руках исполнительной власти, простой машиной обмана, неожиданных махинаций и подлогов со стороны исполнительной власти. *(Съезд союза городов) («Rappel», 6 мая!)*

Трошю, Жюль Фавр и Тьер, провинциалы

Может возникнуть вопрос, каким образом эти устарелые парламентские шуты и интриганы, вроде Тьера, Фавра, Дюфора, Гарнье-Пэжеса (с небольшим лишь подкреплением из нескольких негодяев того же сорта), все еще продолжают, после каждой революции, всплывать на поверхность и захватывать в свои руки исполнительную власть? Как могут подниматься наверх эти люди, которые всегда эксплоатируют и предают революцию, расстреливают народ, сделавший ее, и отнимают немногие либеральные уступки, отвоеванные им у прежних правительств (против которых они же сами выступали)?

Дело объясняется очень просто. Прежде всего, если они очень непопулярны, как было с Тьером после февральской революции, то они остаются целы благодаря великодушию народа. После каждого успешного восстания народа его неумолимые враги поднимают крик о примирении, и народ откликается на этот крик в первые минуты упоения своей собственной победой. После этой первой минуты люди, подобные Тьеру и Дюфору, сознательно остаются в тени, пока народ сохраняет за собой материальную силу, и делают свое дело во мраке. Они появляются вновь на сцене, как только народ оказывается обезоруженным, и тогда буржуазия приветствует их как своих *вожаков*.

Или же, подобно Фавру, Гарнье-Пажесу, Жюлю Симону (с добавлением нескольких более молодых того же сорта) и самому Тьеру после 4 сентября, они составляли «респектабельную» республиканскую оппозицию при Луи-Филиппе и позднее при Л. Бонапарте, — парламентскую оппозицию. Реакционные режимы, которым они сами положили начало, когда были подняты к власти революцией, обеспечивают им пребывание в рядах оппозиции, между тем как с подлинными революционерами расправляются ссылками, казнями, изгнанием. Народ забывает об их прошлом, буржуазия смотрит на них как на своих людей, их подлое прошлое позабыто, — и вот они появляются снова, чтобы снова начать свою предательскую и гнусную работу.

Night of 1 to 2 May: the village of Clamart had been in the hands of the military, the railway station in that of the insurgents (this station dominates the Fort of Issy). By a surprise (their patrouilles being let in by a soldier on guard, the *watchword having been betrayed* to them) the 23 Bataillon of Chasseurs got in, surprised the garrison, most of them sleeping in their beds, made only 60 prisoners, *bayoneted 300 of the insurgents.* Dazu line soldiers afterwards shot off-hand. *Thiers in his circular to the Prefects, civil and military authorities of 2. May* has the impudence to say: «It (the Commune) arrests generals (Cluseret!) only to shoot them, and institutes a committee of public safety which is utterly unworthy!»

Troops under General Lacretelle took the *redoubt* of *Moulin Saquet* situated betwixt Fort Issy and Montrouge, by a coup de main. The garrison was surprised by treachery on the part of the commandant *Gallien,* who had sold the password to the *Versaillese* troops. 150 of the Federals bayoneted and over 300 of them made prisoners. M. Thiers, says the *Times* correspondent, was weak when he ought to have been firm (the coward is always weak as long as *he has to apprehend danger for himself)* and firm, when everything was to be gained by some concessions. (The rascal is always firm, when the employment of material force bleeds France, gives great airs to himself, but when he, personally, is safe. This is his whole cleverness. Like Anthony, Thiers is an «honest man».)

Thiers bulletin über *Moulin-Saquet* (4 Mai) «*Délivrance de Paris des affreux tyrans qui l'oppriment*» («les Versaillais étaient déguisés en gardes nationaux.») («le plus grand nombre des fédérés dormaient et ont été frappés ou saisis dans leur sommeil.»)

Picard «notre artillerie ne bombarde pas: elle canonne, il est vrai» (*Moniteur de la Commune,* journal de Picard).

«Blanqui, enseveli mourant dans un cachot, Flourens haché par les gendarmes, Duval fusillé par Vinoy, les ont tenus dans leurs mains au 31 Octobre, et qu'ils leur ont rien faits».

The Commune

1. Measures for the Working Class

nightwork of journeymen bakers suppressed. (20 April)

the private jurisdiction, usurped by the Seigneurs of mills etc. (manufacturers) (employers, great and small) being at the same time judges, executors, gainers and parties in the disputes, that right of *a penal code of their own*, enabling them to rob the labourers' wages by fines and

Ночь с 1 на 2 мая: деревня Кламар была в руках войск, железнодорожная станция — в руках повстанцев (эта станция господствует над фортом Исси). Внезапно появляется 23-й егерский батальон (его патрули, *которым был изменнически сообщен пароль*, были пропущены часовым), застигает врасплох гарнизон, большинство которого спало в своих постелях, берет только 60 пленных и *закалывает штыками 300 повстанцев*. К тому же солдаты линейных полков были потом расстреляны без всякого суда. *Тьер в своем циркуляре от 2 мая к префектам, гражданским и военным властям* имеет наглость заявить: «Она (Коммуна) арестовывает генералов (Клюзере!) лишь для того, чтобы расстрелять их, и учреждает комитет общественной безопасности из совершенно недостойных лиц!»

Войска, которыми командовал генерал Лакретель, взяли наскоком *редут Мулен-Саке*, расположенный между фортом Исси и Монружем. Гарнизон был захвачен врасплох вследствие измены коменданта *Галлиена*, который за деньги сообщил пароль *версальским* войскам. 150 федератов было заколото штыками, свыше 300 взято в плен. Г. Тьер, — говорит корреспондент «*Times*», — был слаб, когда требовалась твердость (трус всегда слаб, *когда он видит опасность для самого себя)*, и стал тверд, когда всего можно было достигнуть несколькими уступками. (Этот негодяй всегда тверд, когда применение силы обескровливает Францию и придает важный вид ему самому, и когда он лично — в безопасности. В этом весь его ум. Подобно Антонию, Тьер — «честный человек».)

Бюллетень *Тьера* по поводу *Мулен-Саке* (4 мая): «*Освобождение Парижа от угнетающих его страшных тиранов*» («версальцы были переряжены в национальных гвардейцев».) («большинство федератов спало и было убито или захвачено во время сна».)

Пикар: «Наша артиллерия не бомбардирует, — но, правда, стреляет» («*Moniteur de la Commune*», газета Пикара).

«Бланки, запрятанный умирающим в темницу, Флуранс, изрубленный жандармами, Дюваль, расстрелянный по приказу Винуа, держали их в своих руках 31 октября и ничего им не сделали.

Коммуна

1. Мероприятия в пользу рабочего класса

Запрещена ночная работа пекарей-рабочих (20 апреля).

В государственных и частных мастерских уничтожена *частная юрисдикция*, узурпированная владельцами фабрик (фабрикантами) (крупными и мелкими предпринимателями), являющимися одновременно судьями, исполнителями приговоров и одною из сторон

deductions as punishment etc., abolished in public and private workshops; penalties impended upon the employers in case they infringe upon this law; *fines and deductions* extorted since the 18-th of March to be paid back to the workmen; (27 April). Sale of pawned articles at Pawn Shops suspended; (29 March).

A great lot of workshops and manufacturies have been closed in Paris their owners having run away. This is the old method of the industrial capitalists, who consider themselves entitled, «by the spontaneous action of the laws of political economy» not only to make a profit out of labour, as the condition of labour, but to stop it altogether and throw the workmen on the pavement — to produce an artificial crisis whenever a victorious revolution threatens the «order» of their «system». The Commune, very wisely, has appointed a Communal commission which, in cooperation with delegates chosen by the different trades, will inquire into the ways of handing over the deserted workshops and manufacturies to cooperative workmen societies with some indemnity for the capitalist deserters (16 April); (this commission has also to make statistics of the abandoned workshops).

Commune has given order to the mairies to make no distinction between the femmes called illegitimate, the mothers and widows of national guards, as to the indemnity of 75 centimes;

the public prostitutes till now kept for the «men of order» at Paris but for their «safety» kept in personal servitude under the arbitrary rule of the police; the Commune has liberated the prostitutes from this degrading slavery, but swept away the soil upon which, and the men by whom, prostitution flourishes. The higher prostitutes — the cocottes — were of course, under the rule of order, not the slaves, but the masters of the police and the governors.

There was, of course, no time to reorganise public instruction (education); but by removing the religious and clerical element from it, the Commune has taken the initiative in the mental emancipation of the people. It has appointed a Commission for the organisation de l'enseignement (primary (elementary) and professional) (28 April). It has ordered that all tools of instruction, like books, maps, paper etc. be given gratuitously by the schoolmasters who receive them in their turn from the respective mairies to which they belong.

в спорах, при этом стороной обыкновенно выигрывающей, — уничтожено их право иметь *свой собственный уголовный кодекс*, позволявший им грабить у трудящихся заработную плату посредством штрафов, вычетов за разные проступки, и т. д.; наказание, грозящее предпринимателям за нарушение этого закона; *штрафы и вычеты*, взысканные после 18 марта, должны быть выплачены рабочим обратно (27 апреля). Приостановлена продажа вещей, заложенных в ломбардах. (29 марта).

Очень многие мастерские и фабрики в Париже закрылись, так как их владельцы бежали. Это — старый метод капиталистов-промышленников, считающих себя в праве, «в силу стихийного действия законов политической экономии», не только извлекать прибыль из труда рабочих, которым только под этим условием они дают работу, но и приостанавливать работу и выбрасывать рабочих на мостовую, чтобы вызвать искусственный кризис при малейшей угрозе «порядку» их «системы» со стороны победоносной революции. Коммуна весьма мудро назначила коммунальную комиссию, которая в сотрудничестве с делегатами от различных отраслей промышленности должна обсудить способ передачи покинутых фабрик и мастерских кооперативным рабочим обществам, с уплатой некоторого вознаграждения бежавшим капиталистам (16 апреля); (этой комиссии поручено также вести статистический учет покинутых мастерских.)

Коммуна предписала мэриям не делать различия при выплате пособия в 75 сантимов между так называемыми незаконными женами, матерями и вдовами национальных гвардейцев.

Публичные проститутки, содержавшиеся до сих пор в Париже для «людей порядка», находились, ради «безопасности» последних, в личной рабской зависимости от произвола полиции; Коммуна освободила проституток от этого унизительного рабства, но вместе с тем смела прочь самую почву, на которой расцветает проституция, и тех мужчин, благодаря которым она расцветает. Проститутки более высокого ранга — кокотки — были, впрочем, при режиме порядка не рабынями, а госпожами полиции и правителей.

У Коммуны не было, конечно, времени реорганизовать народное просвещение (образование); но, очистив его от религиозных и клерикальных элементов, Коммуна сделала первый шаг в деле умственного раскрепощения народа. Она назначила комиссию для организации преподавания (начального (элементарного) и профессионального) (28 апреля). Она постановила, чтобы все учебные пособия, как то: книги, карты, бумага и т. д. — выдавались бесплатно школьными учителями, которые должны получать их из соответствующих мэрий. За выдачу этих учебных пособий учителя

No schoolmaster is allowed on any pretext to ask payment from his pupils for these instruments of instruction. *(28 April)*

Pawnshops: toute réconnaissance du Mont de Piété antérieure au 25 Avril 1871, portant engagement d'effets d'habillement, de meubles, de linge, de livres, d'objets de literie et d'instruments de travail nicht über 20 fcs. pourra être dégagée gratuitement à partir du 12 Mai courant *(7 May)*.

2. Measures for working class, but mostly for the middle classes

House-rent for the last 3 quarters up to April wholly remitted: Whoever had paid any of these 3 quarters shall have right of setting that sum against future payments. The same law to prevail in the case of furnished apartments. No notice to quit coming from landlords to be valid for 3 months to come. *(29 Mars)*

échéances. (Payment of bills of exchange due): *(expiration of bills):* all prosecutions for bills of exchange, fallen due, suspended. *(12 April)*

All commercial papers of that sort to be repaid in (repayments spread over) two years, to begin next July 15, the debt being not chargeable with interest. The total amount of the sums due divided in 8 *equal coupures payable by trimestre* (first trimester to be dated from July 15). Only on these partial payments when fallen due judicial prosecutions permitted *(16 April)*. The Dufaure laws on leases and bills of exchange entailed the bankruptcy of the majority of the respectable shopkeepers of Paris.

The notaries, huissiers, auctioneers, bumbailiffs and other judicial officers making till now a fortune of their functions, transformed into agents of the Commune receiving from it fixed salaries like other workmen;

As the Professors of the Ecole de Médecine have run away, the Commune appointed a Commission for the foundation of *free universities* no longer stateparasites; given to the students that had passed their examination, means to practise independent of Doctor titles; (titles to be confered by the faculty).

Since the judges of the *Civil tribunal of the Seine*, like the other magistrates always ready to function under any class government, had run away, Commune appointed an advocate to do the most urgent business until the reorganisation of tribunals on the basis of general suffrage; *(26 Avril)*

ни под каким видом не могут взыскивать с учеников плату (28 апреля).

Ломбарды: по всем ломбардным квитанциям, выданным до 28 апреля 1871 г., заложенные одежда, мебель, белье, книги, постельные принадлежности и орудия труда, стоимостью не выше 20 франков, могут быть истребованы обратно без выкупа, начиная с 12-го сего мая (*7 мая*).

2. Мероприятия в пользу рабочего класса, но преимущественно в пользу мелкой буржуазии

Квартирная плата за последние 3 квартала до апреля аннулируется целиком: всякий уплативший что-нибудь за один из этих кварталов, имеет право зачесть эту сумму в счет будущих платежей. Этот закон распространяется и на меблированные комнаты. Никакие требования домохозяев о выезде жильцов не будут действительны в течение ближайших 3 месяцев (*29 марта*).

Сроки платежей по векселям. (Платежи по векселям, которым наступил срок платежа) *(по истечении сроков векселей):* все иски за просроченные векселя приостанавливаются *(12 апреля)*.

Все платежи по торговым обязательствам этого рода должны быть произведены в течение 2 лет (платежи рассрочиваются на 2 года), начиная с 15 июля, без начисления процентов на задолженную сумму. Общая сумма долга делится *на 8 равных частей, выплачиваемых* по триместрам (первый триместр начинается с 15 июля). Судебное преследование допускается только за невзнос в должный срок этих частичных платежей *(16 апреля)*. Законы Дюфора об арендной плате и векселях повлекли за собою банкротство большинства порядочных парижских торговцев.

Нотариусы, судебные пристава, их помощники, аукционеры и прочие судейские чиновники, наживавшие до сих пор состояния на своей работе, превращены в агентов Коммуны, получающих от нее определенное жалованье, подобно остальным рабочим.

Так как профессора Медицинской школы бежали из Парижа, то Коммуна назначила комиссию для учреждения *вольных университетов*, уже не являющихся государственными паразитами; студентам, сдавшим экзамен, дается право практиковать без докторского звания (звание должно даваться факультетом).

Так как судьи *гражданского суда Сенского департамента*, всегда готовые, подобно остальным чиновникам, работать при любом классовом правительстве, бежали из Парижа, то Коммуна назначила особого адвоката для производства наиболее неотложных дел, впредь до реорганизации судов на основе всеобщего голосования *(26 апреля)*.

3. General Measures

Conscription abolished. In the present war every able man (National Guard) must serve. This measure excellent to get rid of all traitors and cowards hiding in Paris. *(29 Mars)*

Games of hazard suppressed. (2 April)

Church separated from State; the religious budget suppressed; all clerical estates declared national properties, *(3 April).* The Commune, having made inquiries consequent upon private information, found that beside the old Guillotine the «*government of order*» had commanded the construction of a new guillotine (more expeditious and portable) and paid in avance. The Commune ordered both the old and the new guillotines to be burned publicly on the 6-th of April. The Versailles journals, reechoed by the press of order all over the world, narrated the Paris people, as a demonstration against the bloodthirstiness of the Communals, had burnt these guillotines! (6 April) All political prisoners were set free at once after the Revolution of the 18-th of March. But the Commune knew that under the *régime of L. Bonaparte* and his worthy successor the Government of Defence, many people were simply incarcerated on no charge whatever as political suspects. Consequently it charged [one] of its members — Protot — to make inquiries. By him 150 people set free who, being arrested since six months, had not yet undergone any judicial examination; many of them, already arrested under Bonaparte, had been for a year in prison without any charge or judicial examination *(9 April).* This fact, so characteristic of the Government of Defence, enraged them. They asserted the Commune had liberated all felons. But who liberated convicted felons? The forger Jules Favre. Hardly got into power, he hastened to liberate *Pic and Taillefer,* condemned for theft and forgery in the affaire of the *Etendard.* One of these men, Taillefer, daring to return to Paris, has been reinstated in his convenient abode. But this is not all. The Versailles government has delivered, in the *Maisons Centrales* all over France, convicted thiefs on the condition of entering M. Thiers'. army.

Decree on the demolition of the column of the place Vendôme as «a monument of barbarism, symbol of brute force and false glory, an affirmation of militarism, a negation of international right». *(12 April)*

Election of Frankel (German member of the International) to

3. Мероприятия общего характера

Отменен рекрутский набор. В нынешнюю войну должен служить всякий пригодный к военной службе человек (в национальной гвардии). Эта мера — превосходный способ избавиться от всех изменников и трусов, скрывающихся в Париже *(29 марта)*.

Запрещены азартные игры (2 апреля).

Церковь отделена от государства; уничтожен бюджет на религиозные нужды; все церковные имущества объявлены национальной собственностью *(3 апреля)*. Коммуна, произведя расследования на основании частных сведений, выяснила, что «*правительство порядка*», не довольствуясь старой гильотиной, заказало новую (более удобную и портативную) и заранее заплатило за ее изготовление. Коммуна приказала публично сжечь 6 апреля обе гильотины, старую и новую. Версальские газеты, которым стала вторить пресса «порядка» во всем мире, изобразили дело так, будто эти гильотины были сожжены парижским населением в знак протеста против кровожадности коммунаров! *(6 апреля)*. Все политические заключенные были освобождены тотчас же после революции 18 марта. Но Коммуна знала, что при *Л. Бонапарте* и его достойном преемнике, правительстве обороны, многие были брошены в тюрьму без всякого обвинения, просто как политически подозрительные. Поэтому она поручила одному из своих членов — Прото — произвести соответствующее расследование. Он освободил 150 человек, которые, проведя в заключении уже полгода, ни разу не были допрошены; многие из них, арестованные еще при Бонапарте, сидели в тюрьме около года, без предъявления им какого-либо обвинения и без всякого следствия *(9 апреля)*. Этот факт, столь характерный для правительства обороны, привел это последнее в ярость. Оно стало утверждать, что Коммуна выпустила на волю всех преступников. Но кто действительно выпустил осужденных преступников? Подделыватель документов Жюль Фавр. Едва придя к власти, он поспешил освободить *Пика и Тайефера*, осужденных за кражи и подделку документов в процессе «*Etendard*». Один из них, Тайефер, посмевший вернуться в Париж, был снова водворен в приличествующее ему помещение. Но этого мало. Версальское правительство выпустило воров из центральных тюрем всей Франции на том условии, что они вступят в армию г. Тьера!

Декрет о разрушении Вандомской колонны, как «памятника варварства, символа грубой силы и ложной славы, как утверждения милитаризма и отрицания международного права» *(12 апреля)*

Избрание Франкеля (немца, члена Интернационала) в состав

the Commune declared valid: «considering that the flag of the Commune is that of the Universal Republic and that foreigners can have a seat in it» *(4 April);* Frankel afterwards chosen a member of the executive of the Commune; *(21 April)*

The Journal officiel has inaugurated the publicity of the sittings of the Commune. *(15 April)*

Decree of Pascal Grousset for the protection of Foreigners against requisitions. Never a government in Paris so courteous to Foreigners. *(27 April)*

The Commune has abolished political and professional oaths. *(27 April)*

Destruction of the monument dit «Chapelle expiatoire de Louis XVI» rue d'Anjou St. Thérèse (oeuvre de la Chambre introuvable de 1816) *(7 Mai)*

4. Measures of public safety

Disarmament of the «loyal» National Guards *(30 Mars);* Commune declares incompatibility between seats in its ranks and at Versailles; (29 Mars).

Decree of Reprisals. Never executed. Only the fellows arrested, *Archbishop of Paris and Curé of the Madeleine;* whole staff of the college of Jesuits; Incumbents of all the principal churches; *Part of these fellows arrested* as hostages, part as conspirators with Versailles, part because they tried to save church property from the clutches of the Commune. *(6 April)* «The Monarchists wage war like savages; they shoot prisoners, they murder the wounded, they fire on ambulances, troops raise the butt-end of their rifles in the air and then fire traitorously». *(Proclamation of Commune)*

In regard to these decrees of Reprisals to be remarked:

In the first instance men of all layers of the Paris society — after the exodus of the capitalists, the idlers and the parasite — have interposed at Versailles to stop the Civil war — *except the Paris clergy.* The Archbishop and the curé de Madeleine have only written to Thiers because averse to «*the effusion of their own blood*», in their quality as hostages.

Secondly: After the publication by the Commune of the Decree of reprisal, the taking of hostages etc., the atrocious treatment of the Versailles prisoners by Pietri's lambs and Valentins Gendarmes did not cease, but the assassination of the captive Paris soldiers and National Guard was stopped to set in with renewed fury so soon as the Versailles Government had convinced itself that the Commune was too

Коммуны признано действительным: «ввиду того, что знамя Коммуны есть знамя всемирной республики и что в ней могут заседать иностранцы» *(4 апреля);* несколько позже Франкель выбран в члены Исполнительного комитета Коммуны (21 апреля).

В «Journal Officiel» стали появляться отчеты о заседаниях Коммуны *(15 апреля).*

Декрет Паскаля-Груссе о защите иностранцев от реквизиций. Ни одно парижское правительство никогда не было так обходительно с иностранцами *(27 апреля*).

Коммуна отменила политическую и профессиональную присягу (*27 апреля*).

Разрушение памятника, *именуемого «Искупительной часовней Людовика XVI»*, на улице д'Анжу Сен-Терез (воздвигнута «бесподобной палатой» 1816 г.) *(7 мая).*

4. Меры по охране общественной безопасности

Разоружение «лойяльных» национальных гвардейцев *(30 марта);* Коммуна объявляет о несовместимости пребывания в ее рядах с занятием места в Версальском собрании (29 марта).

Декрет о репрессиях. Он никогда не был приведен в исполнение. Арестованы только духовные лица: *парижский архиепископ и священник церкви св. Мадлены*, вся головка иезуитского колледжа, настоятели всех главнейших церквей; *одни из этих духовных лиц арестованы* в качестве заложников, другие — как находящиеся в заговоре с Версалем, третьи — за попытки спасти церковное имущество от Коммуны *(6 апреля).* «Монархисты ведут войну как дикари; они расстреливают пленных, приканчивают раненых, бомбардируют лазареты; их войска поднимают приклады винтовок в воздух и потом предательски открывают огонь» *(прокламация Коммуны).*

По поводу этих декретов о репрессиях надо отметить следующее:

Во-первых, все слои парижского населения — после исхода капиталистов, тунеядцев и паразитов — обращались в Версаль с требованием прекратить гражданскую войну, *за исключением одного лишь парижского духовенства.* Архиепископ и священник церкви св. Мадлены писали Тьеру, когда уже были заложниками, только для того, чтобы предотвратить «*пролитие их собственной*» крови.

Во-вторых, после опубликования Коммуной декрета о репрессиях, о взятии заложников и т. д., зверское обращение с версальскими пленными со стороны овечек Пьетри и жандармов Валантена не прекратилось, но убийства захваченных в плен парижских солдат и национальных гвардейцев были приостановлены, чтобы возобновиться с еще большей яростью, как только версальское правительство

humane to execute its decree of the 6-th of April. Then the assassination set again in wholesale. The Commune did not execute one hostage, not one prisoner, not even some Gendarme officers who under the disguise of National Guards had entered Paris as spies and were simply arrested.

Surprise of the Redoute of Clamart (2 May). *Railway Station in the hands of the Parisians*, massacre, bayonetting, the 22-nd battalion of Chasseurs *(Gallifet?)* shoots line soldiers off-hand without any formality (2 Mai). *Redoubt of Moulin Saquet*, situated between Fort Issy and Montrouge, surprised in the night by treachery on the part of the commandant *Gallien* who had sold the password to the Versaillaise troops. Federals surprised in their beds asleep massacred great part of them. *(4 May?)*

25 April 4 National guards (this constated by Comissaries sent to Bicètre where the only survivor of the 4 men, à Belle Epine, près Villejuif. His name *Scheffer.*) These men being surrounded by horse Chasseurs, on their order, unable to resist, surrendered, disarmed, nothing done to them by the soldiers. But then arrives the captain of the chasseurs, and shoots them down one after the other with his revolver. Left there on the soil. Scheffer, fearfully wounded, survived.

13 soldiers of the line made prisoners at the railway Station of Clamart were shot off-hand, and all prisoners wearing the line uniforms who arrive in Versailles will be executed whenever doubts about their identity are cleared up. (*Liberté* at Versailles). Alexander Dumas fils, now at Versailles, tells that a young man exercising the functions, if not bearing the title, of a general, was shot, by order of a Bonapartist general, after having marched in custody a few 100 yards along a road. Parisian troops and National Guards surrounded in houses by Gendarmes, [who] inundate the house with Petroleum and then fire it. Some cadavers of National Guards (calcinés) have been transported by the ambulance of the press of the Ternes. (Mot d'ordre 20 April) «They have no right to ambulances».

Thiers. Blanqui. Archbishop. General Chanzy. (Thiers said his Bonapartists should have liked to be shot.)

Visitation in Houses, etc. Casimir Bouis nommé président d'une commission d'enquête in the doings of the dictators of 4 September (14 April). Private houses invaded and papers seized, but no furniture has been carried away and sold by auction. (Papers der

убедилось, что Коммуна чрезмерно гуманна, чтобы провести в жизнь свой декрет от 6 апреля. Тогда массовые убийства начались снова. Коммуна не казнила ни одного заложника, ни одного пленного; даже несколько жандармских офицеров, которые как шпионы проникли в Париж в мундирах национальных гвардейцев, не были казнены, а только арестованы.

Захват редута Кламара (2 мая). *Железнодорожная станция в руках парижан*, резня, избиение штыками, 22-й стрелковый батальон егерей (Галлифе?) расстреливает солдат линейных полков на месте, без всяких формальностей (2 мая). *Редут Мулен-Саке*, расположенный между фортом Исси и Монружем, захвачен внезапно ночью вследствие измены коменданта *Галлиена*, сообщившего пароль за деньги версальским войскам. Федераты, застигнутые врасплох спящими в своих постелях, большей частью перебиты. *(4 мая)*.

25 апреля 4 национальных гвардейца (это установлено комиссарами, посланными в Бисетр, где находится единственный из них, оставшийся в живых, в Бель-Эпине, недалеко от Вилльжюиф; его фамилия *Шеффер)*. Эти солдаты были окружены конными егерями; по требованию последних, ввиду невозможности сопротивления, они сдались и были обезоружены, причем солдаты не причинили им никакого вреда. Но затем появляется капитан егерей и убивает их одного за другим из револьвера. Их оставили там лежать на земле; Шеффер, несмотря на страшную рану, выжил.

Тринадцать солдат регулярной армии, взятые в плен на железнодорожной станции Кламар, были расстреляны на месте, все пленные, прибывающие в Версаль в мундире линейных войск, будут казнены тотчас же по выяснении их личности (версальская «Liberté»). Александр Дюма-сын, находящийся сейчас в Версале, рассказывает, что один молодой человек, выполнявший обязанности генерала, хотя и без генеральского чина, был застрелен по приказу одного бонапартовского генерала, после того как прошел под конвоем несколько сот ярдов по дороге. Жандармы окружают дома, в которых находятся парижские войска и национальные гвардейцы, обливают эти дома керосином и затем зажигают их. Несколько трупов национальных гвардейцев (обугленные) были доставлены санитарным отрядом работников печати в квартале Терн («Mot d'Ordre», 20 апреля). «Они не имеют права на лазареты».

Тьер. Бланки. Архиепископ. Генерал Шанзи. (Тьер сказал, что его бонапартисты предпочли бы быть расстрелянными.)

Обыски в домах и т. д. Казимир Буи назначен председателем комиссии по расследованию действий диктаторов 4 сентября (14 апреля). Были обысканы частные дома и конфискованы бумаги, но никаких вещей при этом не забирали и не продавали с молотка.

fellows vom 4. September, des Thiers etc. und bonapartistische Polizeileute f. i. in Hotel of Lafont, inspecteur général des prisons). *(11 April)* The houses (properties) of Thiers et Co. as traitors trailed, but *only the papers* confiscated.

Arrest among themselves: This shocks the bourgeois who wants political idols and «great men» immensely.

«It is *provoking (Daily News 6 May. Paris Correspondence)*, however, and *discouraging*, that whatever be the authority possessed by the Commune, it is continually changing hands, and we know not to-day with whom the power may rest to-morrow... In all these eternal changes one sees more than ever the want of a presiding hand. The Commune is a concourse of equivalent atoms, each one jealous of another and *none endowed with supreme control over the others*».

Journal suppression!

5. Financial Measures

See Daily News. 6 may

Principal outlay for war!
Only 8928 fcs. from saisies — all taken from ecclesiastics etc.

Vengeur 6 Mai.

La Commune

The rise of the Commune and the central committee

The Commune had been proclaimed at Lyons, then Marseilles, Toulouse etc. after Sedan. Gambetta tried his best to break it down.

The different movements at Paris in the beginning of October aimed at the establishment of the Commune, as a measure of defence against the Foreign invasion, as the realisation of the rise of the 4-th of September. Its establishment by the movement of the 31 October failed only because Blanqui, Flourens and the other then leaders of the movement believed in the *gens de paroles* who had given their *parole d'honneur* to abdicate and make room for a Commune freely elected by all the arrondissements of Paris. It failed because they saved the lives of those men so eager for the assassination of their saviours. Having allowed Trochu and Ferry to escape, they surprised them by Trochu's Bretons. It ought to be remembered that on the 31-st of

В особняке Лафона, главного инспектора мест заключения. (Конфискованы бумаги деятелей 4 сентября, Тьера и т. д. и бонапартовских полицейских) (11 апреля.) Дома (имущество) Тьера и К°, как изменников, обысканы, но конфискованы *только* найденные в них *бумаги*.

Аресты в своей собственной среде. Это особенно шокирует буржуа, которому непременно нужны политические идолы и «великие люди».

«Раздражает, однако, *(«Daily News». 6 мая. Корреспонденция из Парижа)* и наводит уныние то, что, какова бы ни была власть Коммуны, она все время переходит из рук в руки, и мы не знаем сегодня, кому будет принадлежать власть завтра... Во всех этих вечных переменах особенно ярко сказывается отсутствие направляющей руки. Коммуна представляет собою собрание равноценных атомов, из которых каждый относится с недоверием к другому и *ни один не наделен верховной властью над всеми остальными*».

Закрытие газет!

5. Финансовые мероприятия

См. «Daily News». 6 мая

Главные расходы на войну!

Только 8 928 франков выручено от конфискаций, причем все это взято у духовных лиц и т. д.

«*Vengeur*». 6 мая.

Коммуна

Возникновение Коммуны и Центральный комитет

Коммуна была провозглашена в Лионе, затем в Марселе, Тулузе и т. д. после Седана. Гамбетта приложил все усилия, чтобы подавить ее.

Различные движения в Париже в начале октября ставили себе целью учреждение Коммуны как средства защиты против иноземного нашествия, как осуществление задач восстания 4 сентября. Движение 31 октября не закончилось учреждением Коммуны только потому, что Бланки, Флуранс и другие тогдашние лидеры движения поверили *людям слова*, давшим *честное слово* отказаться от власти и уступить место Коммуне, свободно выбранной всеми округами Парижа. Движение 31 октября не удалось потому, что его вожди спасли жизнь этих людей, жаждавших убить своих спасителей. Как только они позволили Трошю и Ферри ускользнуть, последние обрушили на них бретонцев Трошю. Следует помнить, что 31 октября самозванное

October the self-imposed «government of defence» existed only on sufferance. It had not yet gone even through the farce of a plebiscite. Under the circumstances, there was of course nothing easier than to misrepresent the character of the movement, to decry it as a treasonable conspiracy with the Prussians, to improve the dismissal of the only man amongst them who would not break his word, for strengthening Trochu's Bretons who were for the Government of the Defence what the Corsican *spadassins* had been for L. Bonaparte by the appointment of Clément Thomas as commander in chief of the National Guard; there was nothing easier for these old panic-mongers [than] — appealing to the cowardly fears of the middleclass working bataillons who had taken the initiative, throwing distrust and dissension amongst the working bataillons themselves, by an appeal to patriotism — to create one of those days of blind reaction and disastrous misunderstandings by which they have always contrived to maintain their usurped power. As they had slipt into power the 4-th of September by a surprise, they were now enabled to give it a mock sanction by a plebiscite of the true Bonapartist pattern during days of reactionary terror.

The victorious establishment at Paris of the Commune in the beginning of November 1870 (then already initiated in the great cities of the [country] and sure to be imitated all over France) would not only have taken the defence out of the hands of traitors, and imprinted its enthusiasm [on it] as the present heroic war of Paris shows, it would have altogether changed the character of the war. It would have become the war of republican France, hissing the flag of the social Revolution of the 19-th century, against Prussia, the banner bearer of the conquest and counterrevolution. Instead of sending the hackneyed old intriguer a begging at all courts of Europe, it would have electrified the producing masses in the old and the new world. By the *escamotage* of the Commune on October 31, the Jules Favre et Co. secured the capitulation of France to Prussia and initiated the present civil war.

But this much is shown: The revolution of the 4-th September was not only the reinstalment of the Republic because the place of the usurper had become vacant by his capitulation at Sedan, — it not only conquered that republic from the Foreign invader by the prolonged resistance of Paris although fighting under the leadership of its enemies — that revolution was working its way in [to] the heart of the working classes. The republic had ceased to be a name for a thing of the past. It was impregnated with a new world. Its real tendency,

«правительство обороны» существовало только попустительством народа. Оно даже не проделало еще фарса с плебисцитом. При таких обстоятельствах ничто не могло быть легче, конечно, как представить характер движения в ложном свете, обесславить его как изменнический заговор с пруссаками, использовать уход в отставку единственного среди них человека, не захотевшего нарушить свое слово, для назначения Клемана Тома главнокомандующим национальной гвардии, чтобы таким образом укрепить бретонцев Трошю, бывших для правительства обороны тем же, чем корсиканские *бандиты* были для Л. Бонапарта. Для этих старых паникеров, апеллировавших к трусливым опасениям мелкой буржуазии перед рабочими батальонами, которые взяли инициативу в свои руки, ничего не могло быть легче, как, сея взаимное недоверие и раздоры среди самих этих рабочих батальонов, создать — путем призыва к патриотизму — один из тех моментов слепой реакции и пагубных раздоров, с помощью которых они всегда ухитрялись удерживать за собой узурпированную ими власть. Подобно тому как 4 сентября они пробрались к власти врасплох, так теперь они получили возможность дать ей фиктивную санкцию посредством плебисцита чисто бонапартистского образца, как он проводился в дни реакционного террора.

Победоносное учреждение Коммуны в Париже в начале ноября 1870 г. (когда ей уже было положено начало в других больших городах [страны], примеру которых наверно последовала бы вся Франция) не только вырвало бы дело обороны из рук изменников и наложило бы на нее печать энтузиазма, как показывает нынешняя героическая борьба Парижа, но и совершенно изменило бы весь характер войны. Она превратилась бы в войну республиканской Франции, поднимающей знамя социальной революции XIX века, против Пруссии, этого знаменосца завоевания и контрреволюции. Вместо того, чтобы посылать старого тертого интригана обивать пороги всех европейских дворов, Коммуна наэлектризовала бы трудящиеся массы Старого и Нового света. *Мошенническим срывом* Коммуны 31 октября Жюль Фавр и К° обеспечили капитуляцию Франции перед Пруссией и начали нынешнюю гражданскую войну.

Одно во всяком случае ясно: революция 4 сентября была не только восстановлением республики, провозглашенной потому, что место узурпатора опустело после его капитуляции при Седане, — она не только отвоевала эту республику у иноземного завоевателя долгим сопротивлением Парижа, хоть и сражавшегося под командой своих же врагов, — эта революция проложила себе путь в сердце рабочего класса. Республика перестала быть названием чего-то отошедшего в прошлое. Она была чревата новым миром. Ее истинная

veiled from the eye of the world through the deceptions, the lies and the vulgarising of a pack of intriguing lawyers and word fencers, came again and again to the surface in the spasmodic movements of the Paris working classes (and the South of France) whose watchword was always the same, the *Commune!*

The Commune — the positive form of the Revolution against the Empire and the conditions of its existence — first essayed in the cities of Southern France, again and again proclaimed in spasmodic movements during the siege of Paris and *escamotés* by the sleights of hands of the Government of Defence and the Bretons of Trochu, the «plan of capitulation» hero — was at last victoriously installed on the 26-th March, but it had not suddenly sprung into life on that day. It was the unchangeable goal of the workmen's revolution. The capitulation of Paris, the open conspiracy against the Republic at Bordeaux, the Coup d'Etat initiated by the nocturnal attack on Montmartre, rallied around it all the living elements of Paris, no longer allowing the defence men to limit it to the insulated efforts of the most conscious and revolutionary portions of the Paris working class.

The government of defence was only undergone as a *pis aller* of the first surprise, a necessity of the war. The true answer of the Paris People to the Second Empire, the Empire of Lies, — was the Commune.

Thus also the rising of all living Paris — with the exception of the pillars of Bonapartism and its official opposition, the great capitalists, the financial jobbers, the sharpers, the loungers, and the old state parasites — against the government of defence does not date from the 18-th of March, although it conquered on that day its first victory against the conspiration, it dates from the 31 January, from the very day of the capitulation. The National Guard — that is all the armed manhood of Paris — organized itself and really ruled Paris from that day, independently of the usurpatory government of the capitulards installed by the grace of Bismarck. It refused to deliver its arms and artillery, which was its property and only left them in the capitulation [?] because its property. It was not the magnanimity of Jules Favre that saved these arms from Bismarck, but the readiness of armed Paris to fight for its arms against Jules Favre and Bismarck. In view of the Foreign invader and the peace negotiations Paris would not complicate the situation. It was afraid of civil war. It observed a mere attitude of defence and content with the de facto selfrule of Paris. But it organized itself quietly and steadfastly for resistance. Even in the terms of the capitulation itself the capitulards had unmistakably shown their tendency to make the surrender to Prussia at the same time

тенденция, скрытая от глаз всего мира обманами, ложью и вульгарными извращениями банды интригующих адвокатов и краснобаев, снова и снова выступала наружу в судорожных движениях парижского рабочего класса (и рабочих юга Франции), лозунг которых был всегда один и тот же: *Коммуна!*

Коммуна—эта положительная форма революции против империи и условий ее существования, — первый опыт которой был сделан в городах Южной Франции, затем вновь и вновь провозглашавшаяся в судорожных движениях во время осады Парижа и *мошеннически сорванная* правительством обороны и бретонцами Трошю, героя «плана капитуляции», — была наконец победоносно установлена 26 марта. Но она не возникла внезапно в этот день. Она была неизменной целью рабочей революции. Капитуляция Парижа, открытый заговор в Бордо против республики, государственный переворот, начавшийся с ночного нападения на Монмартр, сплотили вокруг Коммуны все живые элементы Парижа, не позволяя членам правительства обороны далее сводить ее к одним только изолированным усилиям наиболее сознательных и революционных слоев рабочего класса Парижа.

Правительство обороны было принято лишь как правительство *на худой конец*, в первую минуту неожиданности, как военная необходимость. Истинным ответом парижского народа на Вторую империю, империю лжи, была Коммуна.

Таким образом восстание всего, что было живого в Париже — за исключением столпов бонапартизма и его официальной оппозиции, крупных капиталистов, финансовых дельцов, шулеров, тунеядцев и старых государственных паразитов, — против правительства обороны началось не 18 марта, хотя в этот день оно одержало свою первую победу над заговором; оно началось с 31 января, с первого же дня капитуляции. Национальная гвардия, т. е. все вооруженное мужское население Парижа, организовалась и действительно управляла Парижем с этого дня, независимо от самозванного правительства капитулянтов, учрежденного милостью Бисмарка. Она отказалась выдать свое оружие и свою артиллерию, которые составляли ее собственность и только поэтому и были оставлены ей при капитуляции. Не великодушие Жюля Фавра спасло это оружие от Бисмарка, а готовность вооруженного Парижа сражаться за свое оружие против Жюля Фавра и Бисмарка. В виду иноземного нашествия и мирных переговоров Париж не захотел усложнять положение. Он страшился гражданской войны. Он соблюдал чисто оборонительную позицию и довольствовался тем, что в нем de facto осуществляется самоуправление. Но он спокойно и упорно организовывался для сопротивления. Даже в условиях

the means of their domination over Paris. The only concession of Prussia they insisted upon, a concession, which Bismarck would have imposed upon them as a condition, if they had not begged it as a concession—was 40 000 soldiers for subduing Paris. In the face of its 300 000 national guards — more than sufficient for securing Paris from an attempt by the Foreign enemy, and for the defence of its internal order — the demand of these 40 000 men — a thing which was besides avowed — could have no other purpose. On its existing military organisation it grafted a political federation according to a very simple plan. It was the alliance of all the guard nationale, put in connection the one with the other *by the delegates* of each company, appointing in their turn the delegates of the bataillons, who in their turn appointed general delegates, generals of legions, who were to represent an arrondissement and to cooperate with the delegates of the 19 other arrondissements. Those 20 delegates, chosen by the majority of the bataillons of the National Guard, composed the *Central Committee*, which on the 18-th March initiated the greatest revolution of this century and still holds its post in the present glorious struggle of Paris. Never were elections more sifted, never delegates fuller representing the masses from which they had sprung. To the objection of the outsiders that they were unknown — in point of fact, that they only were known to the working classes, but no old stagers, no men illustrious by the infamies of their past, by their chase after pelf and place — they proudly answered: «So were the 12 Apostles» and they answered by their deeds.

The character of the Commune

The centralised statemachinery which, with its ubiquitous and complicated military, bureaucratic, clerical and judiciary organs, entoils (inmeshes) the living civil society like a boa constrictor, was first forged in the days of absolute monarchy as a weapon of nascent modern society in its struggle of emancipation from feudalism. The seignorial privileges of the medieval lords and cities and clergy were transformed into the attributes of a unitary state power, displacing the feudal dignitaries by salaried state functionaries, transferring the arms from medieval retainers of the landlords and the corporations of townish citizens to a standing army; substituting for the checkered (partycoloured) anarchy of conflicting medieval powers the regulated plan of a statepower, with a systematic and hierarchic

самой капитуляции капитулянты недвусмысленно обнаружили свое стремление превратить эту сдачу Франции Пруссии в средство для подчинения Парижа своей власти. Единственная уступка, которой они домогались у Пруссии и которую Бисмарк навязал бы им как условие мира, если бы они не вымаливали ее как уступку, — это были 40 000 солдат для подавления Парижа. При наличии национальной гвардии в 300 000 человек, — количество более чем достаточное для ограждения Парижа от всякой попытки его захвата иноземным врагом и для охраны его внутреннего порядка, — требование 40 000 солдат не могло иметь иной цели, — что впрочем и было прямо высказано. Свою военную организацию Париж дополнил политической федерацией по очень простому плану. Эта федерация была союзом всех национальных гвардейцев, связанных друг с другом через *делегатов* от каждой роты; эти делегаты выбирают, далее, батальонных делегатов, которые в свою очередь выбирают генеральных делегатов, генералов легионов, представляющих свой округ и действующих согласованно с делегатами 19 остальных округов. Эти 20 делегатов, выбранные большинством батальонов национальной гвардии, составили *Центральный комитет*, который 18 марта начал величайшую революцию нашего века и до сих пор стоит на своем посту в нынешней славной борьбе Парижа. Никогда выборы не производились более тщательно, никогда делегаты не представляли с такою полнотою масс, из которых они вышли. На возражения посторонних, что это сплошь неизвестные лица, — вернее, что они известны лишь рабочему классу, а не старые фигляры, не люди, прославившиеся своим подлым прошлым, своей погоней за доходами и местами, — члены Центрального комитета гордо ответили: «Так же неизвестны были 12 апостолов», — и они ответили своими делами.

Характер коммуны

Централизованная государственная машина, которая с ее вездесущими и сложными военными, бюрократическими, церковными и судебными органами опутывает (своими петлями), как удав, живое гражданское общество, была впервые создана в эпоху абсолютной монархии как оружие нарождавшегося нового общества в его борьбе за освобождение от феодализма. Сеньориальные привилегии средневековых землевладельцев, городов и духовенства были превращены в атрибуты единой государственной власти, которая заменила феодальных сановников оплачиваемыми государственными чиновниками, передала оружие из рук средневековой челяди помещиков и корпораций горожан в руки постоянной армии, создала вместо пестрой анархии соперничающих

division of labour. The first French Revolution with its task to found national unity (to create a nation) had to break down all local, territorial, towı ish and provincial independence. It was, therefore, forced to develop, what absolute monarchy had commenced, the centralisation and organization of state power, and to expand the circumference and the attributes of the state power, the number of its tool[s], its independence, and its supernaturalist sway of real society which in fact took the place of the medieval supernaturalist heaven, with its saints. Every minor solitary interest engendered by the relations of social groups was separated from society itself, fixed and made independent of it and opposed to it in the form of state interest, administered by state priests with exactly determined hierarchical functions.

This parasitical [excrescence upon] civil society, pretending to be its ideal counterpart, grew to its full development under the sway of the first Bonaparte. The restoration and the monarchy of July added nothing to it but a greater division of labour, growing at the same measure in which the division of labour within civil society created new groups of interest, and, therefore, new material for state action. In their struggle against the Revolution of 1848, the parliamentary republic of France and the governments of all continental Europe, were forced to strengthen, with their measures of repression against the popular movement, the means of action and the centralisation of that governmental power. All revolutions thus only perfected the state machinery instead of throwing off this deadening incubus. The fractions and parties of the ruling classes which alternately struggled for supremacy, considered the occupancy (control) (seizure) and the direction of this immense machinery of government as the main booty of the victor. It centred in the creation of immense standing armies, a host of state vermin, and huge national debts. During the time of the absolute monarchy it was a means of the struggle of modern society against feudalism, crowned by the French revolution, and under the first Bonaparte it served not only to subjugate the Revolution and annihilate all popular liberties, it was an instrument of the French revolution to strike abroad, to create for France on the Continent instead of feudal monarchies more or less states after the image of France. Under the Restoration and the Monarchy of July it became not only [a] means of the forcible class domination of the middleclass, and a means of adding to the direct economic exploitation

средневековых властей упорядоченный план государственной власти, с систематическим и иерархическим разделением труда. Первая французская революция, имевшая своей задачей основать национальное единство (создать нацию), должна была уничтожить всякую местную, территориальную, городскую и областную независимость. Она была поэтому вынуждена развить дальше то, что было начато абсолютной монархией, т. е. централизацию и организацию государственной власти, и расширить объем и атрибуты этой власти, количество ее агентов, ее независимость и ее сверхъестественное господство над действительным обществом, фактически заменившее собою средневековое сверхъестественное небо с его святыми. Все второстепенные отдельные интересы, порождаемые взаимоотношениями социальных групп, были отделены от самого общества, зафиксированы и превращены в независимые от него и противопоставлены ему в форме государственных интересов, обслуживаемых государственными жрецами с точно установленными иерархическими функциями.

Этот паразитический [нарост на] гражданском обществе, выдающий себя за его идеального двойника, достиг своего полного развития при господстве первого Бонапарта. Реставрация и июльская монархия добавили к нему только бо́льшее разделение труда, возраставшее в той мере, в какой разделение труда в гражданском обществе создавало новые группы интересов и, следовательно, новый материал для деятельности государства. В своей борьбе против революции 1848 г. парламентарная Французская республика и все правительства континентальной Европы были вынуждены усилить, вместе с мерами подавления народного движения, также орудия действия и централизацию этой правительственной власти. Таким образом, все революции лишь совершенствовали государственную машину, вместо того, чтобы освободиться от этого мертвящего кошмара. Фракции и партии господствующих классов, попеременно боровшиеся за верховенство, смотрели на владение (на контроль) (захват) и управление этой гигантской правительственной машиной как на главную добычу победителя. Это развитие концентрировалось в создании огромных постоянных армий, целых полчищ государственных паразитов и в грандиозных национальных долгах. В эпоху абсолютной монархии государственная машина была для нового общества средством борьбы против феодализма, борьбы, нашедшей свое увенчание во французской революции, а при первом Бонапарте она служила не только для подавления революции и уничтожения всех народных свобод, но была также орудием французской революции для действий вовне, для создания на континенте, в интересах Франции, вместо феодальных монархий, большего или меньшего числа государств по

a second exploitation of the people by assuring to their families all the rich places of the State household. During the time of the Revolutionary struggle of 1848 at last it served as a means of annihilating that Revolution and all aspirations at the emancipation of the popular masses. But the state parasite received only its last development during the second Empire. The governmental power with its standing army, its all directing bureaucracy, its stultifying clergy and its servile tribunal hierarchy had grown so independent of society itself, that a grotesquely mediocre adventurer with a hungry band of desperadoes behind him sufficed do wield it. It did no longer want the pretext of an armed Coalition of old Europe against the modern world founded by the Revolution of 1789. It appeared no longer as a means of class domination, subordinate to its parliamentary ministry of legislature. Humbling under its sway even the interests of the ruling classes, whose parliamentary show work it supplanted by self elected Corps Legislatifs and self-paid senates, sanctioned in its absolute sway by universal suffrage, the acknowledged necessity for keeping up «order», that is the rule of the landowner and the capitalist over the producer, cloaking under the tatters of a masquerade of the past, the orgies of the corruption of the present and the victory of the most parasite fraction, the financial swindler, the *debauchery* of all the reactionary influences of the past let loose — a pandemonium of infamies — the state power had received its last and supreme expression in the Second Empire. Apparently the final victory of this governmental power over society, it was in fact the orgy of all the corrupt elements of that society. To the eye of the uninitiated it appeared only as the victory of the Executive over the Legislative, of the final defeat of the form of class rule pretending to be the autocracy of society [by] its form pretending to be a superior power to society. But in fact it was only the last degraded and the only possible form of that class ruling, as humiliating to those classes themselves as to the working classes which they kept fettered by it.

The 4-th of September was only the revindication of the Republique against the grotesque adventurer that had assassinated it. The

французскому образцу. Во время реставрации и июльской монархии она не только сделалась средством насильственного классового господства буржуазии, но и средством дополнения непосредственной экономической эксплоатации народа вторичной эксплоатацией его, путем обеспечения за буржуазными семьями всех доходных мест в государственном хозяйстве. Наконец, в период революционной борьбы 1848 г. она явилась средством уничтожения этой революции и всех стремлений к освобождению народных масс. Но своего окончательного развития государственный паразит достиг лишь во время Второй империи. Правительственная власть с ее постоянной армией, все регулирующей бюрократией, отупляющим духовенством и раболепной судейской иерархией стала настолько независимой от самого общества, что достаточно было смехотворно посредственного авантюриста в сопровождении голодной банды головорезов, чтобы овладеть ею. Теперь ей уже не был нужен предлог в виде вооруженной коалиции старой Европы против нового мира, созданного революцией 1789 г. Она уже не выглядела более средством классового господства, подчиненным парламентскому министерству или законодательному собранию. Попирая своей пятой даже интересы господствующих классов, парламентскую комедию которых она заменила назначаемым ею же законодательным корпусом и оплачиваемым ею сенатом, санкционированная в своем неограниченном всевластии всеобщим голосованием, признанная необходимым средством для сохранения «порядка», т. е. господства землевладельцев и капиталистов над производителями, прикрывающая маскарадными лохмотьями прошлого оргии растленности в настоящем и победу наиболее паразитической группы, финансовых мошенников, *разнуздавшая* все реакционные силы прошлого, — кромешный ад гнусностей, — государственная власть нашла свое последнее и высшее выражение во Второй империи. На первый взгляд это была окончательная победа правительственной власти над обществом, на деле же — оргия всех растленных элементов этого общества. Непосвященные увидели в ней только победу исполнительной власти над законодательной, окончательное поражение той формы классового господства, которая выдает себя за самодержавие самого общества, другой его формой, которая выдает себя за власть, стоящую над обществом. На самом же деле это была лишь достигшая последней степени вырождения и единственно возможная форма этого классового господства, столь же унизительная для самих господствующих классов, как и для закованных ими в цепи этого режима рабочих масс.

4 сентября было только требованием вернуть обратно республику вопреки нелепому авантюристу, который убил ее. Истинной

true antithesis to the *Empire itself* — that is to the state power, the centralized executive, of which the Second Empire was only the exhausting formula — was *the Commune.* This state power forms in fact the creation of the middleclass, first a means to break down feudalism, then a means to crush the emancipatory aspirations of the producers, of the working class. All reactions and all revolutions had only served to transfer that organized power — that organized force of the slavery of labour — from one hand to the other, from one fraction of the ruling classes to the other. It had served the ruling classes as a means of subjugation and of pelf. It had sucked new forces from every new change. It had served as the instrument of breaking down every popular rise and served it to crush the working classes after they had fought and been ordered to secure its transfer from one part of its oppressors to the others. This was, therefore, a Revolution not against this or that, legitimate, constitutional, republican or Imperialist form of State Power. It was a Revolution against the *State* itself, of this supernaturalist abortion of society, a resumption by the people for the people of its own social life. It was not a revolution to transfer it from one fraction of the ruling classes to the other, but a Revolution to break down this horrid machinery of Classdomination itself. It was not one of those dwarfish struggles between the executive and the parliamentary forms of class domination, but a revolt against both these forms, integrating each other, and of which the parliamentary form was only the deceitful bywork of the Executive. The Second Empire was the final form [?] of this State usurpation. The Commune was its definite negation, and, therefore, the initiation of the social Revolution of the 19-th century. Whatever therefore its fate at Paris, it will make *le tour du monde.* It was at once acclaimed by the working class of Europe and the United States as the magic word of delivery. The glories and the antediluvian deeds of the Prussian conqueror seemed only hallucinations of a bygone past.

It was only the working class that could formulate by the word «Commune» and initiate by the fighting Commune of Paris — this new aspiration. Even the last expression of that state power in the Second Empire although humbling for the pride of the ruling classes and casting to the winds their parliamentary pretensions of self government, had been only the last possible form of their class rule. While politically dispossessing them, it was the orgy under which all the

антитезой *самой империи*, т. е. государственной власти, централизованной исполнительной власти, которая во Второй империи лишь нашла свою исчерпывающую формулу,—*была Коммуна*. Эта государственная власть в действительности есть творение буржуазии, во-первых, как средство для уничтожения феодализма, а затем — как средство подавления освободительных стремлений производителей, рабочего класса. Все реакции и все революции служили только для перенесения этой организованной власти — этого организованного насилия над порабощенным трудом — из одних рук в другие, от одной фракции господствующих классов к другой. Государственная власть служила для господствующих классов только средством порабощения и обогащения. Из каждой новой перемены она извлекала новые силы. Она служила орудием для подавления всякого народного восстания и для разгрома рабочего класса, после того как он сражался и был использован, чтобы обеспечить передачу ее от одной части его угнетателей к другой. Поэтому Коммуна была революцией не против той или иной формы государственной власти — легитимистской, конституционной, республиканской или императорской. Она была революцией против самого *государства*, этого сверхъестественного выкидыша общества; народ снова взял в своих интересах распоряжение своей общественной жизнью. Это не была революция с целью передать государственную власть из рук одной части господствующих классов в руки другой; это была революция с целью разбить всю эту страшную машину классового господства. Это была не одна из мелочных стычек между административной и парламентской формами классового господства, а восстание против обеих этих форм, восполняющих друг друга, причем парламентская форма была только обманчивым придатком административной. Вторая империя была последней формой этой государственной узурпации. Коммуна была ее решительным отрицанием и, следовательно, началом социальной революции XIX века. И поэтому, какова бы ни была ее судьба в Париже, она обойдет *весь мир*. Рабочий класс Европы и Соединенных Штатов сразу же приветствовал ее как волшебное слово освобождения. Все великолепие и допотопные подвиги прусского завоевателя стали казаться только призраками далекого прошлого.

Только рабочий класс мог сформулировать в слове «Коммуна» и впервые воплотить в жизнь в боевой Парижской Коммуне это новое устремление. Даже последнее выражение государственной власти — вторая империя, — как она ни была унизительна для гордости господствующих классов и как ни развеяла она все их парламентские притязания на самоуправление, — была только последней возможной формой их классового господства. Лишив их

economic and social infamies of their régime got full sway. The middling bourgeoisie and the petty middleclass were by their economical conditions of life excluded from initiating a new revolution and induced to follow in the track of the ruling classes or the followers of the working class. The peasants were the passive economical basis of the Second Empire, of that last triumph of a *State* separate of and independent from society. Only the Proletarians, fired by a new social task to accomplish by them for all society, to do away with all classes and class rule, were the men to break the instrument of that class rule— the State, the centralized and organized governmental power usurping to be the master instead of the servant of society. In the active struggle against them by the ruling classes, supported by the passive adherence of the peasantry, the Second Empire, the last crowning at the same time as the most signal prostitution of the State — which had taken the place of the medieval church — had been engendered. It had sprung into life against them. By them it was broken, not as a peculiar form of governmental (centralized) power, but as its most powerful, elaborated into seeming independence from society expression and, therefore, also its most prostitute reality, covered by infamy from top to bottom, having centred in absolute corruption at home and absolute powerlessness abroad.

But this one form of class rule had only broken down to make the Executive, the governmental statemachinery the great and single object of attack to the Revolution.

Parliamentarism in France had come to an end. Its last term and fullest sway was the parliamentary Republic from May 1848 to the Coup d'Etat. The Empire that killed it, was its own creation. Under the Empire with its Corps Legislatif and its Senate — in this form it has been reproduced in the military monarchies of Prussia and Austria —it had been a mere farce, a mere bywork of despotism in its crudest form. Parliamentarism then was dead in France and the workmen's Revolution certainly was not to awaken it from this death.

The *Commune* — the reabsorption of the State power by society as its own living forces instead of as forces controlling and subduing it, by the popular masses themselves, forming their own force instead of the organised force of their suppression — the political form of their

политических прав, вторая империя была оргией, при которой все экономические и социальные гнусности их режима получили полный простор. Средняя буржуазия и мелкая буржуазия в силу своего экономического положения были неспособны начать новую революцию и им оставалось итти либо за господствующими классами, либо за рабочим классом. Крестьяне были пассивной экономической основой второй империи, этого последнего торжества *государства*, оторванного от общества и независимого от него. Одни лишь пролетарии, воодушевленные новой социальной задачей, которую им предстоит выполнить в интересах всего общества, — задачей уничтожения всех классов и классового господства, — были способны сломать орудие этого классового господства — государство, т. е. централизованную и организованную правительственную власть, ставшую хозяином общества вместо того, чтобы быть его слугой. Вторая империя, — это последнее увенчание и в то же время наиболее яркое проституирование государства, занявшего место средневековой церкви, — возникла в активной борьбе, которую вели против пролетариев господствующие классы, опиравшиеся на пассивную поддержку крестьянства. Вторая империя возникла против пролетариев. И ими же она была сломлена, не как одна из форм правительственной (централизованной) власти, а как ее наиболее мощное наисовершеннейшее выражение ее мнимой независимости от общества и именно поэтому как ее наиболее проституированная реальность, покрытая позором сверху донизу, получившая свое концентрированное выражение в полнейшей коррупции внутри страны и в полнейшем бессилии во вне.

Но после разрушения парламентаризма как одной из форм классового господства исполнительная власть, правительственная государственная машина, сделалась главным и единственным объектом, против которого направились удары революции.

Парламентаризм во Франции пришел к концу. Его последним периодом и наиболее полным господством была парламентская республика с мая 1848 г. до государственного переворота. Империя, умертвившая его, была его собственным созданием. Во время империи с ее законодательным корпусом и сенатом — в этой форме парламентаризм был воспроизведен в военных монархиях Пруссии и Австрии — парламентаризм был простым фарсом, простым придатком деспотизма в его самой грубой форме: парламентаризм тогда умер во Франции, и уж конечно не рабочая революция станет воскрешать его из мертвых.

Коммуна — это обратное поглощение государственной власти обществом, ее превращение из сил, подчиняющих себе и порабощающих общество, в его собственные живые силы; это переход власти к самим народным массам, которые на место организованной силы их

social emancipation, instead of the artificial force (appropriated by their oppressors) (their own force opposed to and organised [one] against them) of society wielded for their oppression by their enemies. The form was simple like all great things. The Reaction of former Revolutions — the time wanted for all historical developments, and in the past always lost in all Revolutions, in the very days of popular triumph, whenever it had rendered its victorious arms, to be turned against itself — first by displacing the army by the National Guard. «For the first time since the 4-th September the republic is liberated from the *government of its enemies*... to the city a national militia that defends the citizens against the power (the government) *instead of a permanent army that defends the government* against the citizens». (*Proclamation* of Central Committee of 22 Mars). (The people had only to organise this militia on a national scale, to have done away with the standing armies; the first economical *condition sine qua* for all social improvements, discarding at once this source of taxes and state debt, and this constant danger to government usurpation of class rule — of the regular class rule or an adventurer pretending to save all classes); at the same time the safest guarantee against foreign aggression and making in fact the costly military apparatus impossible in all other states; the emancipation of the peasant from the bloodtax and [from being] the most fertile source of all state-taxation and state debts. Here already the point in which the Commune is a *luck for the peasant*, the first word of his emancipation. With the «independent police» abolished, and its ruffians supplanted by servants of the Commune. The general suffrage, till now abused either for the parliamentary sanction of the Holy State Power, or a play in the hands of the ruling classes, only employed by the people to sanction (choose the instruments of) parliamentary class rule once in many years, adapted to its real purposes, to choose by the communes their own functionaries of administration and initiation. The delusion as if administration and political governing were mysteries, transcendent functions only to be trusted to the hands of a trained caste — stateparasites, richly paid sycophants and sinecurists, in the higher posts, absorbing the intelligence of the masses and turning them against themselves in the lower places of the hierarchy. Doing away with the state hierarchy altogether and replacing the haughteous masters of the people into always removable servants, a mock responsibility by a real responsibility, as they act continuously under public supervision. Paid like skilled workmen, 12 pounds a month, the highest salary not exceeding 240 £ a year, a salary somewhat more than $^1/_5$, according to a great scientific authority, Professor Huxley, to satisfy a clerk for the Metropolitan school Board. The whole sham of state-mysteries and statepretensions was done away [with] by a Commune, mostly consisting of simple working men, organising the defence of Paris,

угнетения создают свою собственную силу; это политическая форма их социального освобождения вместо искусственной силы общества (присвоенной себе их угнетателями) (их собственной силы, противопоставленной им и организованной против них же), используемой для их угнетения их же врагами. Эта форма была проста, как все великое. В противоположность прежним революциям, когда в первый день народного торжества время, потребное для всякого исторического развития, всегда бывало потеряно, и народ сдавал свое победоносное оружие, для того чтобы оно было направлено против него же самого, — Коммуна прежде всего заменила армию национальной гвардией. «Впервые с 4 сентября республика освобождена от *правительства своих врагов*... В городе национальная милиция, защищающая граждан от власти (правительства), *вместо постоянной армии, которая защищает правительство от граждан*». (*Прокламация* Центрального комитета от 22 марта.) (Народу стоило только организовать эту милицию в национальном масштабе, чтобы покончить с постоянными армиями; это — первое *безусловно необходимое* экономическое *условие* для всех социальных улучшений, сразу же устраняющее этот источник налогов и государственного долга и эту постоянную опасность правительственной узурпации классового господства, в виде ли обыкновенного классового господства или в лице какого-нибудь авантюриста, выдающего себя за спасителя всех классов); вместе с тем это вернейшая гарантия против иноземного нашествия, делающая фактически невозможным дорого стоящий военный аппарат во всех других государствах; это — освобождение крестьянина от налога крови и от обильнейшего источника всех государственных налогов и государственных долгов. Здесь уже обнаруживается тот пункт, в котором Коммуна есть *счастье для крестьянина*, первое слово его освобождения. Одновременно уничтожена «независимая полиция», и ее головорезы заменены слугами Коммуны. Всеобщее избирательное право, которым до сих пор либо злоупотребляли как средством парламентского санкционирования священной государственной власти, либо бывшее игрушкой в руках господствующих классов и служившее народу только для того, чтобы раз в несколько лет санкционировать парламентское классовое господство (выбирать орудия этого господства), — всеобщее избирательное право приспособлено теперь для своего подлинного назначения, для избрания коммунами своих собственных чиновников в области управления и законодательного почина. Исчезла иллюзия, будто административное и политическое управление — это какие-то тайны, какие-то потусторонние функции, которые могут быть доверены только обученной касте — государственным паразитам, щедро оплачиваемым сикофантам и бездельникам, людям, которые находясь на

carrying war against the Pretorians of Bonaparte, securing the approvisionment of that immense town, filling all the posts hitherto divided between Government, police, and Prefecture, doing their work publicly, simply, under the most difficult and complicated circumstances, and doing it, as Milton did his Paradise Lost, for a few pounds, acting in bright daylight, with no pretensions to infallibility, not hiding itself behind circumlocution offices, not ashamed to confess blunders by correcting them. Making in one order the public functions, — military, administrative, political — *real workmen's functions,* instead of the hidden attributes of a trained caste; (keeping order in the turbulence of civil war and revolution) (initiating measures of general regeneration). Whatever the merits of the single measures of the Commune, its greatest measure was its own organisation, extemporised with the Foreign Enemy at one door, and the class enemy at the other, proving by its life its vitality, confirming its thesis by its action. Its appearance was a victory over the victors of France. Captive Paris resumed by one bold spring the leadership of Europe, not depending on brute force, but by taking the lead of the social movement, by giving body to the aspirations of the working class of all countries.

With all the great towns organised into Communes after the model of Paris, no government could repress the movement by the surprise of sudden reaction. Even by this preparatory step the time of incubation, the guarantee of the movement, came. All France organised into selfworking and selfgoverning communes, the standing army replaced by the popular militias, the army of state-parasites removed, the clerical hierarchy displaced by the schoolmaster, the state judge transformed into Communal organs, the suffrage for the National representation not a matter of sleight of hand for an all-powerful government but the

высших постах, убивают разум масс, а на низших ступенях иерархической лестницы натравливают народ друг против друга. В то же время уничтожена целиком вся государственная иерархия, и надменные господа народа заменены его сменяемыми в любую минуту слугами, показная ответственность заменена действительной, поскольку они работают под постоянным общественным контролем. Они оплачиваются как квалифицированные рабочие, получая 12 фунтов в месяц; высший оклад не превышает 240 фунтов в год, что, по словам крупного научного авторитета, проф. Гексли, чуть превышает $^1/_5$ жалованья, получаемого секретарем лондонского школьного совета. Весь хлам государственных тайн и государственных притязаний был выметен вон Коммуной, состоявшей главным образом из простых рабочих, которые организовали оборону Парижа, вели войну против преторианцев Бонапарта, снабжали продовольствием огромный город, выполняли все функции, распределявшиеся до тех пор между правительством, полицией и префектурой; при этом они делали свое дело открыто, просто, в исключительно трудной и сложной обстановке, и делали его так же, как Мильтон писал свой «Потерянный Рай», т. е. за очень скромное вознаграждение, действуя на глазах у всех, не претендуя на непогрешимость, не скрываясь за канцелярской канителью, не стыдясь сознаваться в своих ошибках и исправлять их. Они сразу превратили общественные функции — военные, административные, политические — из тайных атрибутов особой касты *в функции действительных рабочих;* (поддерживали порядок в бурях гражданской войны и революции), (предприняли меры для возрождения страны). Каковы бы ни были достоинства отдельных мероприятий Коммуны, ее величайшим мероприятием была ее собственная организация, созданная наспех в такое время, когда иноземный враг стоял у одних ворот, а классовый враг у других, доказывая своим существованием свою жизнеспособность, подтверждая свои принципы своими делами. Ее появление было победой над победителями Франции. Пленный Париж одним смелым усилием вернул себе свое руководство Европой, основанное не на голой силе, а на том, что он встал во главе социального движения, воплотив чаяния рабочего класса всех стран.

Если бы все крупные города организовались в коммуны по образцу Парижа, никакое правительство не смогло бы подавить движение внезапным натиском реакции. Но даже и этой подготовительной мерой было обеспечено время для развития, гарантия движения. Вся Франция была бы организована в самодеятельные и самоуправляющиеся коммуны, постоянная армия была бы заменена народной милицией, армия государственных паразитов уничтожена, церковная иерархия вытеснена школьным учителем, государственный судья превращен в коммунального служащего, выборы

deliberate expression of organised communes, the state-functions reduced to a few functions for general national purposes.

Such is the *Commune — the political form of the social emancipation,* of the liberation of labour from the usurpations (slaveholding) of the monopolists of the means of labour, created by the labourers themselves or forming the gift of nature. As the state machinery and parliamentarism are not the real life of the ruling classes, but only the organised general organs of their dominion, the political guarantees and forms and expressions of the old order of things, so the Commune is not the social movement of the working class and therefore of a general regeneration of mankind, but the organised means of action. The Commune does not [do] away with the class struggles, through which the working classes strive to the abolition of all classes and, therefore, of all classes [class rule] (because it does not represent a peculiar interest. It represents the liberation of «labour», that is the fundamental and natural condition of individual and social life which only by usurpation, fraud, and artificial contrivances can be shifted from the few upon the many), but it affords the rational medium in which that class struggle can run through its different phases in the most rational and humane way. It could start violent reactions and as violent revolutions. It begins the *emancipation of labour* — its great goal — by doing away with the unproductive and mischievous work of the state parasites, by cutting away the springs which sacrifice an immense portion of the national produce to the feeding of the statemonster on the one side, by doing, on the other, the real work of administration, local and national, for workingmen's wages. It begins therefore with an immense saving, with economical reform as well as political transformation.

The communal organisation once firmly established on a national scale, the catastrophes it might still have to undergo, would be sporadic slaveholders insurrections, which, while for a moment interrupting the work of peaceful progress, would only accelerate the movement, by putting the sword into the hand of the Social Revolution.

The working class know that they have to pass through different phases of class-struggle. They know that the superseding of the economical conditions of the slavery of labour by the conditions of free and

национальных представителей превращены из орудия шулерских проделок всемогущего правительства в сознательное выражение воли организованных коммун, государственные функции сведены к немногим функциям по обслуживанию общенациональных интересов.

Такова *Коммуна — политическая форма социального раскрепощения*, освобождения труда от узурпаторской власти (рабовладельческой власти) монополистов средств труда, создаваемых самими трудящимися или даруемых природой. Как государственная машина и парламентаризм не составляют действительной жизни господствующих классов, а лишь организованные общие органы их господства, политические гарантии, формы и выражения старого порядка вещей, так и Коммуна не — социальное движение рабочего класса и, следовательно, не движение общего возрождения человечества, а лишь организованное средство действия. Коммуна не устраняет классовой борьбы, посредством которой рабочий класс стремится уничтожить все классы, и следовательно всякое классовое [господство], (ибо она не представляет чьих-либо специальных интересов. Она представляет освобождение «труда», который есть основное и естественное условие индивидуальной и общественной жизни и лишь посредством захвата, обмана и искусственных уловок может быть переложен с немногих на большинство), но создает рациональную обстановку, в которой классовая борьба может протекать через свои различные фазы наиболее рациональным и гуманным путем. Коммуна могла бы стать исходным пунктом насильственной реакции и столь же насильственных революций. Коммуна кладет начало *освобождению труда*, — которое является ее великой целью, — тем, что, с одной стороны, устраняет непроизводительную и зловредную работу государственных паразитов, уничтожая причины, приводящие к расходованию огромной доли национального продукта на кормление чудовища-государства, а, с другой стороны, выполняя подлинную работу управления местного и общенационального за заработную плату рабочего. Она начинает, таким образом, с громадной экономии, с экономической реформы так же, как с политического преобразования.

Если бы коммунальная организация была твердо установлена в национальном масштабе, то катастрофы, которым она могла бы еще подвергнуться, были бы спорадические восстания рабовладельцев, восстания, которые, прерывая на мгновение работу мирного прогресса, только ускорили бы движение, вложив меч в руки социальной революции.

Рабочий класс знает, что он должен пройти через различные стадии классовой борьбы. Он знает, что замена экономических условий рабства труда условиями свободного и ассоциированного труда может

associated labour can only be the progressive work of time, (that economical transformation) that they require not only a change of distribution, but a new organisation of production, or rather the delivery (setting free) of the social forms of production in present organised labour, (engendered by present industry) [,] of the trammels of slavery [,] of their present class character [,] and their harmonious national and international coordination. They know that this work of regeneration will be again and again relented and impeded by the resistance of vested interests and class egotisms. They know that the present «spontaneous action of the natural laws of capital and landed property» — can only be superseded by «the spontaneous action of the laws of the social economy of free and associated labour» by a long process of development of new conditions, as was the «spontaneous action of the economic laws of slavery» and the «spontaneous action of the economical laws of serfdom». But they know at the same time that great strides may be [made] at once through the Communal form of political organisation and that the time has come to begin that movement for themselves and mankind.

Peasantry

(War indemnity) Even before the instalment of the Commune, the Central Committee had declared through its *Journal Officiel*: «*The greater part of the war indemnity should be paid by the authors of war*». This is the great «conspiracy against Civilisation» the men of order are most afraid of. This the most practical question. With the Commune victorious, the authors of the war will have to pay its indemnity; with Versailles victorious, the producing masses who have already paid in blood, ruin, and contribution, will have again to pay, and the financial dignitaries will even contrive to make a profit out of the transaction. The liquidation of the war costs is to be decided by the civil war. The Commune represents on this vital point not only the interests of the working class, the petty middle class, in fact, all the middle-class with the exception of the *bourgeoisie* (the wealthy capitalist) (the rich landowners, and their stateparasites). It represents above all the interest of the *French peasantry*. On them the greater part of the wartaxes will be shifted, if Thiers and his «Ruraux» are victorious. And people are silly enough to repeat the cry of the «ruraux» that they — the great landed proprietors — [«]represent the peasant», who is of course, in

быть только последовательным делом времени, что экономическое преобразование, которого он требует, является не только изменением распределения, но и новой организацией производства или, вернее, является освобождением общественных форм производства при нынешней организации труда (порожденной современной промышленностью) из пут рабства, освобождением от их нынешнего классового характера, и их гармоничной национальной и интернациональной координацией. Он знает, что эта работа возрождения будет снова и снова замедляться и задерживаться сопротивлением старых интересов и классовых эгоизмов. Он знает, что нынешнее «стихийное действие естественных законов капитала и земельной собственности» может быть заменено «стихийным действием законов социальной экономики свободного и ассоциированного труда» только в результате длительного процесса развития новых условий, как было в свое время заменено «стихийное действие экономических законов рабства» и «стихийное действие экономических законов крепостничества». Но рабочий класс знает в то же время, что огромные шаги на этом пути могут быть сделаны сразу же благодаря коммунальной форме политической организации и что для него настало время начать это движение в своих собственных интересах и в интересах человечества.

Крестьянство

(Военная контрибуция). Еще до установления Коммуны Центральный комитет заявил через свой „*Journal Officiel*“: «*Большая часть военной контрибуции должна быть уплачена виновниками войны*». В этом и заключается тот великий «заговор против цивилизации», который больше всего напугал людей порядка. Это практически самая важная сторона вопроса. Если победит Коммуна, контрибуцию должны будут платить виновники войны; если победит Версаль, тогда производящие массы, уже заплатившие своею кровью, разореньем и налогами, должны будут платить снова, а финансовые магнаты сумеют даже извлечь барыши из этого дела. Вопрос о ликвидации военных издержек должен был быть решен гражданской войной. Коммуна представляет в этом жизненном вопросе не только интересы рабочего класса, мелкой буржуазии, но в сущности всей буржуазии, за исключением *крупной буржуазии* (крупных капиталистов), (богатых землевладельцев и их государственных паразитов). Она представляет прежде всего интересы *французского крестьянства*. На его плечи будет переложена большая часть военных налогов, если победит Тьер со своими помещичьими депутатами. И еще находятся такие глупцы, которые повторяют вслед за этими помещичьими депутатами, что именно они — крупные землевладельцы — «представляют крестьянина», того крестьянина, который, конечно, в простоте душевной

the naivety of his soul, exceedingly anxious to pay for these good «land-owners» the milliards of the war-indemnity, who made him already pay the milliard of indemnity: the Revolution indemnity.

The same men deliberately compromised the Republic of February by the additional 45 Centimes tax on the peasant, but this they did in the name of the Revolution, in the name of the «provisional government», created by it. It is now in their own name that they wage a civil war against the Communal Republic to shift the war indemnity from their own shoulders upon those of the peasant! He will of course be delighted by it!

The Commune will abolish Conscription, the party of order will fasten the blood-tax on the peasant. The party of order will fasten upon him the tax-collector for the payment of a parasitical and costly state-machinery, the Commune will give him a cheap government. The party of order will continue [to] grind him down by the townish usurer, the Commune will free him of the incubus of the mortgages lasting upon his plot of land. The Commune will replace the parasitical judiciary body eating the heart of his income — the notary, the huissier etc. — [by] Communal agents doing their work at workmen's salaries, instead of enriching himself out of the peasant's work. It will break down this whole judiciary cobweb which entangles the French peasant and gives abodes to the judiciary bench and maires of the bourgeois spiders that suck its blood! The party of order will keep him under the rule of the gendarme, the Commune will restore him to independent, social and political life! The Commune will enlighten him by the rule of the school-master, the party of order force upon him the stultification by the rule of the priest! But the French peasant is above all a man of reckoning! He will find it exceedingly reasonable that the payment of the clergy will no longer [be] exacted from him by the tax-collector, but will be left to the «spontaneous action» of his religious instinct!

The French peasant had elected Louis Bonaparte President of the Republic, but the party of Order (during the anonymous Regime of the Republic under the assembly constituante and législative) was the creator of the Empire! What the French peasant really wants, he commenced to show in 1849 and 1852 by opposing his maire to the Government's prefect, his schoolmaster to the government's parson, himself to the government's gendarme! The nucleus of the reactionary laws of the Party of Order in 1849 — and peculiarly in January and February 1850 — were specifically directed against the French Peasantry! If the French peasant had made Louis Bonaparte president of the Republic because in his tradition all the benefits he had derived from the first Revolution, were phantastically transferred on the first

горит желанием уплатить миллиарды военной контрибуции за этих добрых «землевладельцев», которые уже заставили его уплатить им миллиард возмещения: возмещения за революцию.

Те же самые люди сознательно скомпрометировали февральскую республику добавочным налогом на крестьянина в 45 сантимов, но тогда они сделали это именем революции, именем созданного ею «временного правительства». Теперь они ведут от своего собственного имени гражданскую войну с коммунальной республикой, чтобы свалить бремя военной контрибуции со своих плеч на плечи крестьянина! Он будет от этого, разумеется, в полном восторге!

Коммуна отменит рекрутский набор, партия порядка привяжет крестьянина к налогу крови. Партия порядка крепко посадит на шею крестьянина сборщика налогов для покрытия расходов на паразитическую и дорого стоящую государственную машину, Коммуна даст ему дешевое правительство. Партия порядка будет попрежнему давить его поборами городского ростовщика, Коммуна освободит его от кошмара закладных, обременяющих его клочок земли. Коммуна заменит паразитический судебный аппарат — нотариуса, судебного пристава и т. д., — пожирающий главную часть его дохода, коммунальными служащими, которые будут работать за плату рабочего, а не обогащаться за счет крестьянского труда. Она разорвет всю эту судебную паутину, которая опутывает французского крестьянина и в которой ютятся адвокаты и мэры буржуазных пауков, высасывающих его кровь! Партия порядка подчинит его власти жандарма, Коммуна возвратит его к самостоятельной общественной и политической жизни! Коммуна просветит его с помощью школьного учителя, партия порядка навяжет ему отупляющее руководство священника! Но французский крестьянин — прежде всего человек расчета! Он найдет весьма разумным, чтобы оплата духовенства не выколачивалась из него сборщиком налогов, а была бы предоставлена «добровольному проявлению» его религиозных чувств!

Французский крестьянин выбрал Луи Бонапарта в президенты республики, но лишь партия порядка (во время анонимного республиканского режима при учредительном и законодательном собрании) была создательницей империи! То, что действительно нужно французскому крестьянину он начал показывать в 1849 и 1852 гг., противопоставляя своего мэра правительственному префекту, своего школьного учителя правительственному попу, самого себя — правительственному жандарму! Существо реакционных законов партии порядка в 1849 г., и особенно в январе и феврале 1850 г., было специально направлено против французского крестьянства! Если французский крестьянин возвел Луи Бонапарта в президенты республики, потому что в его преданиях все выгоды, извлеченные им из первой

Napoleon, the armed risings of Peasants in some departments of France and the gendarm hunting upon them after the Coup d'Etat, proved that that delusion was rapidly breaking down! The Empire was founded on the delusions artificially nourished into power and traditional prejudices, the Commune would be founded on his living interests and his real wants.

The hatred of the French peasant is centring on the «rurals», the men of the Château, the men of the Milliard of indemnity and the townish capitalist, masqueraded into a landed proprietor, whose encroachment upon him marched never more rapidly than under the Second Empire, partly fostered by artificial state means, partly naturally growing out of the very development of modern agriculture. The «rurals» know that three months rule of the Republican Empire in France, would be the signal of the rising of the peasantry and the agricultural Proletariat against them. Hence their ferocious hatred of the Commune! What they fear even more than the emancipation of the townish proletariat is the emancipation of the peasants. The peasants would soon acclaim the townish proletariat as their own leaders and seniors. There exists of course in France as in most continental Countries a deep antagonism between the townish and rural producers, between the industrial Proletariat and the peasantry. The aspirations of the Proletariat, the material basis of its movement is labour organised on a grand scale, although now despotically organised and the means of production centralised, although-now centralised in the hands of the monopolist, not only as a means of production, but as a means of the exploitation and enslavement of the producteur. What the proletariat has to do is to transform the present capitalist character of that organised labour and those centralised means of labour, to transform them from the means of class rule and class exploitation into forms of free associated labour and social means of production. On the other hand, the labour of the peasant is insulated and the means of production are parcelled, dispersed. On these economical differences rests superconstructed a whole world of different social and political views. But this peasantry proprietorship has long since outgrown its normal phase, that is the phase in which it was a reality, a mode of production and a form of property which responded to the economical wants of society and placed the rural producers themselves into normal conditions of life. It has entered its period of decay. On the

революции, были фантастически перенесены на первого Наполеона,— то вооруженные крестьянские восстания в некоторых департаментах Франции и жандармская охота на крестьян после переворота доказали, что эта иллюзия разрушается очень быстро! Империя опиралась на искусственно питаемые иллюзии и традиционные предрассудки крестьянина, Коммуна опиралась бы на его живые интересы и действительные нужды!

Ненависть французского крестьянина сосредоточена на «помещике», на владельце замка, на тех, кто получил миллиардное возмещение и на городском капиталисте, переряженном в земельного собственника, чьи захваты крестьянской земли никогда не шли так быстро, как при второй империи, отчасти поощряемые искусственными государственными мерами, отчасти естественно вырастающие из самого развития современного сельского хозяйства. «Помещики» знают, что три месяца господства республики во Франции явились бы сигналом к восстанию крестьянства и сельского пролетариата против них. Вот откуда их свирепая ненависть к Коммуне! Еще больше, чем даже освобождения городского пролетариата, они боятся освобождения крестьян. Крестьяне очень скоро провозгласили бы городской пролетариат своим руководителем и старшим братом. Правда, во Франции, как и в большинстве континентальных стран, существует глубокий антагонизм между городскими и сельскими производителями, между промышленным пролетариатом и крестьянством. Стремлением пролетариата, материальной основой его движения является труд, организованный в крупном масштабе, хотя теперь он организован деспотически, и централизация средств производства, хотя они теперь централизованы в руках монополиста не только как средства производства, но и как средства эксплоатации и порабощения производителя. Задача пролетариата состоит в том, чтобы преобразовать нынешний капиталистический характер этого организованного труда и этих централизованных средств труда, превратить их из средства классового господства и классовой эксплоатации в формы свободного ассоциированного труда и в общественные средства производства. С другой стороны, труд крестьянина разъединен, и его средства производства раздроблены, распылены. На этих экономических различиях покоится в виде надстройки целый мир различных социальных и политических взглядов. Но эта крестьянская собственность давно уже переросла свою нормальную фазу, т. е. фазу, когда она была реальностью, была способом производства и формой собственности, которые отвечали экономическим потребностям общества и ставили самих сельских производителей в нормальные условия жизни. Крестьянская собственность вступила в период своего упадка. С одной стороны, из нее вырос обширный

one side a large *proletariat* foncier (rural proletariat) has grown out of it whose interests are identical with those of the townish wages labourers. The mode of production itself has become superannuated by the modern progress of agronomy. Lastly — the peasant proprietorship itself has become nominal, leaving to the peasant the delusion of proprietorship and expropriating him from the fruits of his own labour. The competition of the great farm producers, the bloodtax, the state tax, the usury of the townish mortgagee and the multitudinous pilfering of the judiciary system thrown around him, have degraded him to the position of a Hindoo Ryot, while expropriation — even expropriation from his nominal proprietorship — and his degradation into a rural proletarian is an every day's fact. What separates the peasant from the proletarian is, therefore, no longer his real interest, but his delusive prejudice. If the Commune, as we have shown, is the only power that can give him immediate great loans even in its present economical conditions, it is the only form of government that can secure to him the transformation of his present economical conditions, rescue him from expropriation by the landlord on the one hand, save him from grinding, trudging and misery on the pretext of proprietorship on the other, that can convert his nominal proprietorship of the land into real proprietorship of the fruits of his labour, that can combine for him the profits of modern agronomy, dictated by social wants and every day now encroaching upon him as a hostile agency, without annihilating his position as a really independent producer. Being immediately benefited by the Communal Republic, he would soon confide in it.

Union (Ligue) républicaine

The party of disorder, whose régime topped under the corruption of the Second Empire, has left Paris (Exodus from Paris), followed by its appurtenances, its retainers, its menials, its stateparasites, its mouchards, its «cocottes», and the whole band of low *bohème* (the common criminals) that form the complement of that *bohème of quality.* But the true vital elements of the middle classes, delivered by the workmen's revolution from their sham representants, has for the first time in the history of French Revolutions, separated from it and come out in its true colours. It is the «Ligue of Republican Liberty» acting the intermediary between Paris and the Provinces, disavowing Versailles and marching under the banners of the Commune.

земельный *пролетариат* (сельский пролетариат), интересы которого совпадают с интересами городских наемных рабочих. Самый способ производства совершенно устарел вследствие новейших успехов агрономии. Наконец, и сама крестьянская собственность стала теперь номинальной, оставляя крестьянину иллюзию собственности и отнимая у него плоды его собственного труда. Конкуренция крупных фермеров, налог крови, государственный налог, ростовщичество городских ипотечных кредиторов и обирание его на разные лады опутывающей его судебной системой низвели его до положения индийского района, в то же время экспроприация — даже экспроприация его номинальной собственности — и низведение его на степень сельского пролетария является повседневным фактом. Следовательно крестьянина отделяет от пролетария уже не реальный интерес, а его обманчивый предрассудок. Если Коммуна, как мы показали, является единственной властью, которая может, даже при своем нынешнем экономическом положении, немедленно дать ему крупные ссуды, то она же есть единственная форма правления, которая может обеспечить преобразование его нынешнего экономического положения, спасти его от экспроприации крупным землевладельцем, с одной стороны, и избавить его от каторжного труда и нищеты, терпимой ради мнимой собственности, — с другой; она может превратить его номинальную собственность на землю в действительную собственность на плоды его труда, может сочетать для него выгоды современной агрономии, вызванной к жизни общественными потребностями, но теперь постоянно выступающей против него как враждебная сила, — с сохранением его положения как действительно независимого производителя. Получив непосредственные выгоды от Коммунальной республики, он скоро проникся бы доверием к ней.

Республиканский союз (Республиканская лига)

Партия беспорядка, господство которой достигло кульминационного пункта при растленном режиме Второй империи, покинула Париж (исход из Парижа), и за ней последовали ее приспешники, ее челядь, ее лакеи, ее государственные паразиты, ее шпики, ее «кокотки», и вся свора низшей *богемы* (обыкновенные уголовные преступники), дополняющей собою *богему знати*. Но действительно живые элементы средних классов, освобожденные рабочей революцией от своих лжепредставителей, впервые в истории французских революций отделились от этой партии и выступают в своем истинном виде. Это — «Лига республиканской свободы», играющая роль посредника между Парижем и провинциями, не признающая Версаля и шествующая под знаменами Коммуны.

The Communal Revolution as the Representative of all Classes of Society not Living upon Foreign Labour

We have seen that the Paris Proletarian fights for the French Peasant, and Versailles fights against him; that the greatest anxiety of the «ruraux» is that Paris be heard by the Peasants and no longer separated by him through the blockade; that at the bottom of its war upon Paris is the attempt to keep the peasantry as its bondman and treat him as before as its matière «taillable à merci et miséricorde».

For the first time in history the petty and *moyenne* middleclass has openly rallied round the workmen's Revolution, and proclaimed it as the only means of their own salvation and that of France! It forms with them the bulk of the National guard, it sits with them in the Commune, it mediates for them in the Union Républicaine!

The principal measures taken by the Commune are taken for the salvation of the middleclass — the debtor class of Paris against the Creditor class! That middleclass had rallied in the June insurrection (1848) against the Proletariat under the banners of the capitalist class, their generals, and their stateparasites. It was punished at once on the 19 September 1848 by the rejection of the «concordats à l'amiable». The victory over the June insurrection showed itself at once also as the victory of the creditor, the wealthy capitalist over the debtor, the middleclass. It insisted mercilessly on its pound of flesh. On the 13-th June 1849 the national guard of that middleclass was disarmed and sabred down by the army of the bourgeoisie! During the Empire [as a result of] the dilapidation of the State Resources, upon which the wealthy capitalist fed, this middleclass was delivered to the plunder of the stockjobber, the Railway-kings, the swindling associations of the Crédit Mobilier etc. and expropriated by Capitalist Association (Joint Stock Company). If lowered in its political position, attacked in its economical interests, it was morally revolted by the orgies of that régime. The infamies of the war gave the last shock and roused its feelings as Frenchmen. The disasters bestowed upon France by that war, its crisis of national breakdown and its financial ruin, this middle class feels that not the corrupt class of the would-be slaveholders of France, but only the manly aspirations and the herculean power of the working class can come to the rescue!

Коммунальная революция как представительница всех классов общества, не живущих чужим трудом

Мы видели, что парижский пролетарий сражается за французского крестьянина, Версаль же сражается против него; что помещичьи депутаты больше всего боятся, как бы Париж не был услышан крестьянами, как бы не исчезла разделяющая их блокада; что в основе их войны против Парижа лежит попытка удержать крестьянство в кабальной зависимости и попрежнему обращаться с ними, как со своей вещью, «которую можно облагать податями по своему произволу и усмотрению».

Впервые в истории мелкая и *средняя* буржуазия открыто объединилась вокруг рабочей революции и провозгласила ее единственным средством своего собственного спасения и спасения Франции! Она образует вместе с рабочими основную массу национальной гвардии, она заседает с ними в Коммуне, она вступается за них в Республиканском союзе!

Главные меры, которые были предприняты Коммуной, были предприняты для спасения мелкой буржуазии — парижский класс-должник восстал против класса-кредитора! Эта мелкая буржуазия сплотилась во время июньского восстания (1848 г.) против пролетариата под знаменами капиталистического класса, его генералов и его государственных паразитов. И она тотчас же была наказана 19 сентября 1848 г., когда были отвергнуты «полюбовные соглашения». Победа над июньским восстанием сразу же оказалась вместе с тем победой кредитора, богатого капиталиста над должником, над мелкой буржуазией. Кредитор беспощадно требовал своего фунта мяса. 13 июня 1849 г. национальная гвардия этой мелкой буржуазии была разоружена и изрублена армией буржуазии. Во времена империи, когда расхищались государственные средства, за счет которых жирел богатый капиталист, эта мелкая буржуазия была отдана на разграбление биржевому спекулянту, железнодорожным королям, мошенническим обществам Crédit Mobilier и т. д. и была экспроприирована капиталистическими объединениями (акционерными компаниями). Если политически она была унижена, если было произведено нападение на ее экономические интересы, то морально она была возмущена оргиями этого режима. Гнусности войны переполнили чашу и пробудили в ней чувства француза. При виде бедствий, обрушившихся на Францию во время этой войны, при виде ее национального падения и финансового разорения мелкая буржуазия чувствует, что не растленный класс тех, кто желает быть рабовладельцами Франции, а единственно лишь

They feel that only the working class can emancipate them from priestrule, convert science from an instrument of class rule into a popular force, convert the men of science themselves from the panderers to class prejudice, place hunting state parasites, and allies of capital into free agents of thought! Science can only play its genuine part in the Republic of Labour.

Republic only possible as avowedly Social Republic

This civil war has destroyed the last delusions about «Republic», as the Empire the delusion of unorganised «universal suffrage» in the hands of the State Gendarm and the parson. All vital elements of France acknowledge that a Republic is only in France and Europe possible as a «Social Republic», that is a Republic which disowns the capital and landowner class of the State-machinery to supersede it by the Commune, that frankly avows «social emancipation» as the great goal of the Republic and guarantees thus that social transformation by the Communal organisation. The other Republic can be nothing but the *anonymous* terrorism of all monarchical fractions, of the combined legitimists, orleanists, and bonapartists to land in an Empire quelconque as its final goal, the *anonymous* terror of class rule which having done its dirty work will always burst into an Empire!

The professional republicans of the rural assembly are men who really believe, despite the experiments of 1848 — 51, despite the civil war against Paris — the *republican form* of class despotism a possible, lasting form, while the «party of order» demands it only as a form of conspiracy for fighting the Republic and reintroducing its only adequate form, monarchy or rather Imperialism, as the form of class despotism. In 1848 these voluntary dupes were pushed in the foreground till, by the insurrection of June, they had paved the way for the *anonymous* rule of all fractions of the would-be slaveholders in France. In 1871, at Versailles, they are from [the] beginning pushed in the background, there to figure as the «Republican» decoration of Thiers rule and sanction by their presence the war of the Bonapartist generals upon Paris! In unconscious self-irony these wretches hold their party meeting in the *Salle des Paume* (Tennis-Court) to show how they have degenerated from their predecessors in 1789! By their Schölchers etc. they tried to coax Paris in[to] tendering its arms to Thiers

отважные устремления и геркулесова сила рабочего класса могут принести спасение!

Она чувствует, что лишь рабочий класс может освободить ее от господства попов, превратить науку из орудия классового господства в народную силу, превратить самих ученых из прислужников классовых предрассудков, из корыстолюбивых государственных паразитов и союзников капитала в свободных работников мысли! Наука может выполнять свою истинную роль только в республике труда.

Республика возможна только как открыто признанная социальная республика

Нынешняя гражданская война разрушила последние иллюзии насчет «республики», как империя разрушила иллюзию неорганизованного «всеобщего избирательного права» в руках государственного жандарма и попа. Все жизнеспособные элементы Франции признают, что республика возможна во Франции и в Европе лишь как «социальная республика», т. е. как такая, которая отнимает у капиталистического и помещичьего класса государственную машину, чтобы заменить ее Коммуной, которая открыто признает «социальное освобождение» великой целью республики и обеспечивает таким образом это социальное преобразование коммунальной организацией. Всякая другая республика может быть лишь режимом *анонимного* террора всех монархических фракций, объединенных легитимистов, орлеанистов и бонапартистов, с империей того или иного сорта в качестве своей конечной цели,— только *анонимным* террором классового господства, который, сделав свое грязное дело, всегда завершается какой-нибудь империей!

Профессиональные республиканцы помещичьей палаты — это люди, которые действительно верят, несмотря на эксперименты 1848—1851 гг., несмотря на гражданскую войну против Парижа, что *республиканская форма* классового деспотизма есть возможная, прочная форма, между тем как «партия порядка» требует ее лишь как форму заговора, для борьбы против республики, как новое введение к единственно отвечающей этой партии форме: монархии или, точнее, режиму, империи, являющемуся формой классового деспотизма. В 1848 г. эти добровольные жертвы обмана были выдвинуты на первый план, пока, подавлением июньского восстания, они не расчистили путь для *анонимного* господства всех фракций, претендующих на роль рабовладельцев во Франции. В 1871 г., в Версале они с самого начала отодвинуты на задний план, чтобы фигурировать в качестве «республиканской» декорации тьеровской власти и санкционировать своим присутствием войну бонапартовских генералов против Парижа! С бессознательной иронией над самими собой эти жалкие люди устраивают

and to force it into disarmament by the National Guard of «Order» under Saisset! We do not speak of the so-called socialist Paris deputies like Louis Blanc. They undergo meekly the insults of a Dufaure and the ruraux, dote upon Thiers' «legal» rights, and whining in [the] presence of the banditti cover themselves with infamy!

Workmen and Comte

If the workmen have outgrown the time of Socialist sectarianism, it ought not be forgotten that they have never been in the leading strings of Comtism. This sect has never afforded the *International* but a *branch* of about half a dozen of men, whose programm was rejected by the General Council. Comte is known to the Parisian workmen as the prophet in politics of Imperialism (of personal *Dictatorship*), of capitalist rule in political economy, of hierarchy in all spheres of human action, even in the sphere of science, and as the author of a new catechism with a new pope and new saints in place of the old ones.

If his followers in England play a more popular part than those in France it is not by preaching their sectarian doctrines, but by their personal valour, and by the acceptance [...?...] of the forms of working men class struggle created without them, as f. i. the trade-unions and strikes in England which by the by are denounced as heresy by their Paris co-religionists.

The Commune (Social Measures)

That the workmen of Paris have taken the initiative of the present Revolution and in heroic self-sacrifice bear the brunt of his battle, is nothing new. It is the striking fact of all French revolutions! It is only a repetition of the past! That the revolution is made in *the name* and confessedly *for* the popular masses, that is the producing masses, is a feature this Revolution has in common with all its predecessors. The new feature is that the people, after the first rise, have not disarmed themselves and surrendered their power into the hands of the Republican mountebanks of the ruling classes, that, by the constitution of the *Commune*, they have taken the actual management of their Revolution into their own hands and found at the same time, in the case of success, the means to hold it in the hands of the People itself,

свои партийные собрания в *Salle des Paume»* (здание для игры в мяч), чтобы демонстрировать, как они выродились по сравнению со своими предшественниками в 1789 г.! Через своих Шельхеров и т. д. они пытались склонить Париж к выдаче своего оружия Тьеру и насильно разоружить его с помощью национальной гвардии «порядка» под командой Сессе! Мы не говорим о так называемых социалистических депутатах Парижа вроде Луи Блана. Они покорно переносят оскорбления какого-нибудь Дюфора и помещичьих депутатов, бредят «законными» правами Тьера и слезливым нытьем в присутствии бандитов покрывают себя позором!

Рабочие и Конт

Если рабочие переросли теперь стадию социалистического сектантства, то не следует забывать, что они никогда не были в руководящих рядах контизма. Эта секта не дала *Интернационалу* ничего, кроме *секции* в полдюжины человек, программа которой была отвергнута Генеральным Советом. Конт известен парижским рабочим как пророк империи (личной *диктатуры*) в политике, господства капиталистов в политической экономии, иерархии во всех сферах человеческой деятельности, даже в сфере науки, и как автор нового катехизиса с новым папой и новыми святыми вместо старых.

Если его последователи в Англии играют более видную роль, чем его французские последователи, то это не оттого, что они проповедуют свои сектантские доктрины, а благодаря своим личным достоинствам и благодаря тому, что они принимают... формы пролетарской классовой борьбы, созданные без них, каковы, например, тред-юнионы и стачки в Англии, которые, к слову сказать, их парижскими единоверцами объявляются ересью.

Коммуна (социальные мероприятия)

В том, что рабочие Парижа взяли на себя инициативу нынешней революции и с геройской самоотверженностью несут всю тяжесть борьбы — нет ничего нового. Это — поразительная черта всех французских революций! Это — лишь повторение прошлого! Что революция произведена *от имени* и открыто в *интересах* народных масс, т. е. производящих масс, — эту черту настоящая революция разделяет со всеми своими предшественницами. Новое заключается в том, что народ не разоружился после первого восстания и не отдал своей власти республиканским шутам господствующих классов, что, учредив *Коммуну*, он взял в собственные руки действительное руководство своей революцией и нашел в то же время средство, в случае успеха, удержать это руководство в руках самого народа,

displacing the Statemachinery, the governmental machinery of the ruling classes by a governmental machinery of their own. This is their ineffable crime! Workmen infringing upon the governmental privilege of the upper 10 000 and proclaiming their will to break the economical basis of that class despotism which for its own sake wielded the organised State-force of society! This is it that has thrown the respectable classes in Europe as in the United States into the paroxysm of convulsions and accounts for their shrieks of abomination, it is blasphemy, their fierce appeals to assassination of the people and the Billingsgate of abuse and calumny from their parliamentary tribunes and their journalistic servants' hall!

The greatest measure of the Commune is its own existence, working, acting under circumstances of unheard of difficulty! The red flag, hissed by the Paris Commune, crowns in reality only the government of workmen for Paris! They have clearly, consciously proclaimed the Emancipation of Labour, and the transformation of Society, as their goal! But the actual «social» character of their Republic consists only in this, that workmen govern the Paris Commune! As to their measures, they must, by the nature of things, be principally confined to the military defence of Paris and its approvisionment!

Some patronising friends of the working class, while hardly dissembling their disgust even at the few measures they consider as «socialist», although there is nothing socialist in them except their tendency — express their satisfaction and try to coax genteel sympathies for the Paris Commune by the great discovery that, after all, workmen are rational men and whenever in power always resolutely turn their back upon socialist enterprises! They do in fact neither try to establish in Paris a *phalanstère* nor an *Icarie.* Wise men of their generation! These benevolent patronisers, profoundly ignorant of the real aspirations and the real movement of the working classes, forget one thing. All the socialist founders of Sects belong to a period in which the working class themselves were neither sufficiently trained and organised by the march of capitalist society itself to enter as historical agents upon the world's stage, nor were the material conditions of their emancipation sufficiently matured in the old world itself. Their misery existed, but the conditions of their own movement did not yet exist.

заменив государственную машину, правительственную машину господствующих классов, своей собственной правительственной машиной. Вот в чем его неслыханное преступление! Рабочие посягают на привилегию управления государством, которая находится в руках «верхних десяти тысяч», и заявляют о своем желании разрушить экономическую основу классового деспотизма, который в своих собственных интересах, распоряжался организованной государственной силой общества! Вот что повергло в бешеное исступление респектабельные классы в Европе и в Соединенных Штатах, вот чем объясняются их негодующие вопли о святотатстве, их яростные призывы к кровавой расправе с народом, площадная ругань и клевета с их парламентских трибун и в их лакейской прессе.

Величайшее мероприятие Коммуны — ее собственное существование, ее работа, ее деятельность в неслыханно тяжелых условиях! Красное знамя, поднятое Парижской Коммуной, в действительности только увенчивает правительство рабочих Парижа. Они ясно, сознательно провозгласили своей целью освобождение труда и преобразование общества. Но по существу «социальный» характер их республики заключается только в том, что рабочие управляют Парижской Коммуной. Что же касается их мероприятий, то они по сути дела должны ограничиваться главным образом военной обороной Парижа и его снабжением.

Некоторые друзья — попечители рабочего класса, с трудом скрывая свое отвращение даже к тем немногим мероприятиям Коммуны, которые они считают «социалистическими», хотя в этих мерах нет ничего социалистического, кроме их тенденции, в то же время выражают свое удовлетворение и пытаются привлечь к Парижской Коммуне симпатии джентльменов великим открытием, что рабочие, в конце концов, люди разумные и что всякий раз, будучи у власти, они всегда решительно поворачиваются спиной к социалистическим начинаниям. В самом деле, они не пытаются создать в Париже ни *фаланстер*, ни *Икарии*. Мудрецы своего времени! Эти благожелательные покровители, глубоко невежественные в том, что касается действительных стремлений и действительного движения рабочего класса, забывают об одном. Все социалисты — основатели сект принадлежат к тому периоду, когда ни рабочий класс не был еще достаточно вышколен и организован ходом развития самого капиталистического общества, чтобы выступить исторически действующим лицом на мировую арену, ни материальные условия его освобождения не созрели в достаточной мере в недрах самого старого мира. Нищета рабочего класса существовала, но условия для его собственного движения еще не существовали. Утописты, основатели сект, ясно начертав в своей критике современного общества

The utopian founders of sects, while in their criticism of present society clearly describing the goal of the social movement, the supersession of the wages-system with all its economical conditions of class rule, found neither in society itself the material conditions of its transformation, nor in the working class the organised power and the conscience of the movement. They tried to compensate for the historical conditions of the movement by phantastic pictures and plans of a new society in whose propaganda they saw the true means of salvation. From the moment the workingmen class movement became real, the phantastic utopias evanesced, not because the working class had given up the end aimed at by these Utopists, but because they had found the real means to realise them, but in their place came a real insight into the historic conditions of the movement and a more and more gathering force of the military organisation of the working class. But the last 2 ends of the movement proclaimed by the Utopians are the last ends proclaimed by the Paris Revolution and by the International. Only the means are different and the real conditions of the movement are no longer clouded in utopian fables. These patronising friends of the Proletariat, in glossing over the loudly proclaimed socialist tendencies of this Revolution, are therefore but the dupes of their own ignorance. It is not the fault of the Paris proletariat, if for them the Utopian creations of the prophets of the workingmen movement are still the «Social Revolution», that is to say, if the Social Revolution is for them still «utopian».

Journal officiel of the Central Committee 20 Mars

«The proletarians of the capital, in midst the *défaillances* and the treasons of the governing (ruling) classes, have understood (compris) that the hour was arrived for them *to save the situation in taking into their own hands the direction (management) of public affaires* (the state business)». They denounce «the political incapacity and the moral decrepitude of the bourgeoisie» as the source of «the misfortunes of France». «The workmen, who produce every thing and enjoy nothing, who suffer from misery in the midst of their accumulated products, the fruit of their work and their sweat... *shall they never be allowed to work for their emancipation?*... The proletariat, in face of the permanent menace against its rights, of the absolute negation of all its legitimate aspirations, of the ruin of the country and all its hopes, has understood that it was its imperious duty and its absolute right to take into its hands its own destinies and to assure their triumph in seizing the statepower (en s'emparant du pouvoir)».

цель социального движения — отмену системы наемного труда со всеми экономическими условиями классового господства, — не нашли ни в самом обществе материальных условий его преобразования, ни в рабочем классе организованной силы и понимания движения. Отсутствие исторических условий движения они старались возместить фантастическими картинами и планами нового общества, в пропаганде которого они усматривали верное средство спасения. С того момента как движение рабочего класса стало действительностью, фантастические утопии исчезли не потому, что рабочий класс отказался от цели, к которой стремились эти *утописты*, а потому, что он нашел действительные средства для ее осуществления, потому что место фантазии заняло действительное понимание исторических условий движения и все большее собирание сил боевой организации рабочего класса. Но две конечные цели движения, провозглашенные утопистами, являются и конечными целями, провозглашенными парижской революцией и Интернационалом. Только средства различны, и реальные условия движения не скрываются больше в тумане утопических басен. И потому эти друзья — покровители пролетариата, превратно толкующие громко провозглашенные социалистические тенденции нынешней революции, являются лишь жертвами своего собственного невежества. Парижский пролетариат не виноват в том, что для них утопические создания пророков рабочего движения все еще являются «социальной революцией», т. е. если социальная революция для них все еще «утопична».

«Journal officiel» Центрального комитета от 20 марта.

«Пролетарии столицы среди *банкротства* и измены правящих (господствующих) классов поняли, что для них настал час когда они должны *спасти положение*, *взяв в свои собственные руки управление (заведывание) общественными делами* (государственными делами)». Они клеймят «политическую неспособность и моральную дряхлость буржуазии» как источник «несчастий Франции». «Неужели рабочим, которые производят все и не пользуются ничем, которые страдают от нищеты среди накопленных продуктов, плодов их труда и их пота... *неужели никогда не будет им дана возможность работать для своего освобождения?*... Пролетариат, перед лицом постоянного посягательства на его права, перед лицом полнейшего отрицания всех его законных стремлений, гибели страны и всех его надежд, понял, что его повелительный долг и безусловное право — взять в собственные руки свою судьбу и обеспечить свое торжество захватом государственной власти (en s'emparant du pouvoir)».

It is here plainly stated that the government of the working class is, in the first instance, necessary to save France from the ruins and the corruption impended upon it by the ruling classes, that the dislodgment of these classes from Power (of these classes who have lost the capacity of ruling France) is *a necessity of national safety.*

But it is no less clearly stated that the government by the working class can only save France and do the national business, by working for its *own emancipation*, the conditions of that emancipation being at the same time the conditions of the regeneration of France.

It is proclaimed as a war of labour upon the monopolists of the means of labour, upon capital.

The *chauvinism* of the bourgeoisie is only a vanity, giving a national cloak to all their own pretensions. It is a means, by permanent armies, to perpetuate international struggles, to subjugate in each country the producers by pitching them against their brothers in each other country, a means to prevent the international cooperation of the working classes, the first condition of their emancipation. The true character of that chauvinism (long since become a mere phrase) has come out during the war of defence after Sedan, everywhere paralysed by the Chauvinist bourgeoisie in the capitulation of France, in the civil war carried on under that high Priest of Chauvinism, Thiers, on Bismarck's sufferance! It came out in the petty police intrigue of the Anti-German league, Foreigners hunting in Paris after the capitulation. It was hoped that the Paris people (and the French people) could be stultified into the passion of National hatred and by factitious outrages to the Foreigner forget its real aspiration and its home bettrayers!

How has this factitious movement disappeared (vanished) before the breath of Revolutionary Paris! Loudly proclaiming its international tendencies — because the cause of the producer is every[where] the same and its enemy everywhere the same, whatever its nationality (in whatever national garb) — it proclaimed as a principle the admission of Foreigners into the Commune, it chose even a Foreign workman (a member of the International) into its Executive, it decreed [the destruction of] the symbol of French chauvinism — the Vendôme column!

And while their bourgeois chauvins have dismembered France, and

Здесь прямо утверждается, что правительство рабочего класса необходимо прежде всего для спасения Франции от гибели и разложения, угрожающих ей со стороны господствующих классов, что устранение этих классов (тех классов, которые утратили способность управлять Францией) от власти есть *необходимое условие национальной безопасности*.

Но не менее ясно высказано и то, что правительство рабочего класса сможет спасти Францию и совершить национальное дело только в том случае, если оно будет работать *для освобождения рабочего класса*, ибо условия этого освобождения являются вместе с тем и условиями возрождения Франции.

Рабочее правительство провозглашено как война труда против монополистических собственников средств труда, против капитала.

Шовинизм буржуазии есть лишь тщеславие, скрывающее под национальной маской ее собственные притязания. Шовинизм является средством увековечить, с помощью постоянных армий, международную борьбу и подчинить себе производителей в каждой отдельной стране, направляя их против их братьев в других странах; шовинизм является средством помешать международному сотрудничеству рабочего класса, которое является первым условием его освобождения. Истинный характер этого шовинизма (давно уже ставшего пустой фразой) выступил после Седана во время оборонительной войны, всячески парализуемой шовинистической буржуазией; он обнаружился в капитуляции Франции, в гражданской войне, которая ведется с разрешения Бисмарка под началом верховного жреца шовинизма, Тьера! Он обнаружился в мелких полицейских интригах антигерманской лиги, в травле иностранцев в Париже после капитуляции. Надеялись, что парижский народ (и весь французский народ) может быть одурманен страстью национальной ненависти и за искусственно разжигаемой враждой к иностранцам забудет свои действительные стремления и своих отечественных изменников!

Как развеялось (исчезло) все это искусственное движение перед дыханием революционного Парижа! Громко провозгласив свои интернациональные тенденции, — ибо дело производителя везде одно и то же, и его враг повсюду один и тот же, какова бы ни была его национальность (в каком бы национальном облачении он ни являлся), — Париж провозгласил в качестве принципа допущение иностранцев в состав Коммуны, он даже выбрал иностранного рабочего (члена Интернационала) в ее Исполнительный комитет, он декретировал разрушение символа французского шовинизма — Вандомской колонны!

И тогда как буржуазные шовинисты расчленили Францию

act under the dictatorship of the Foreign Invasion, the Paris workmen have beaten the Foreign enemy by striking at their own class rulers, have abolished fractions, in conquering the post as the vanguard of the workmen of all nations!

The genuine patriotism of the bourgeosie — so natural for the real proprietors of the different «national» estates—has faded into a mere sham consequent upon the cosmopolitan character imprinted upon their financial, commercial, and industrial enterprise. Under similar circumstances it would explode in all countries as it did in France.

Decentralisation by the Ruraux and The Commune

It has been said that Paris, and with it, the other French towns, were oppressed by the rule of the peasants, and that its present struggle is for its emancipation from the rule of the peasantry! Never was a more foolish lie uttered!

Paris as the central seat and the stronghold of the centralised government machinery, subjected the peasantry to the rule of the gendarme, the tax collector, the Prefect, and the priest, and the rural magnates, that is to the despotism of its enemies, and deprived it of all life (took the life out of it). It repressed all organs of independent life in the rural districts. On the other hand, the government, the rural magnate, the gendarm and the priest, into whose hands the whole influence of the provinces was thus thrown by the centralised state-machinery centring at Paris, brought this influence to bear for the government and the classes whose government it was, not against Paris [of] the government, the parasite, the capitalist, the idle, the cosmopolitan stew, but against the Paris of the workman and the thinker. In this way, by the government centralisation with Paris as its base, the peasants were suppressed by the Paris of the government and the capitalist and the Paris of the workmen was suppressed by the provincial power handed over into the hands of the enemies of the peasants.

The Versailles Moniteur (29 Mars) declares «that Paris cannot be a *free city*, because it is *the capital*». This is the true thing. Paris, the capital of the ruling classes and its government, cannot be a «free city» and the provinces cannot be «free», because such a Paris is the capital. The provinces can only be free with the *Commune at Paris*. The *party of order* is still more infuriated against Paris because it has

и действуют под диктаторской командой иноземного завоевателя, парижские рабочие побили иноземного врага тем, что нанесли удар своим собственным классовым владыкам и уничтожили дробление на отдельные группы в своей среде, завоевав позицию передового отряда рабочих всех стран!

Подлинный патриотизм буржуазии — столь естественный для действительных собственников различных «национальных» имуществ * — выродился в чистое притворство с тех пор, как ее финансовая, торговая и промышленная деятельность приобрела космополитический характер. При аналогичных обстоятельствах это прорвалось бы наружу во всех странах так же, как прорвалось во Франции.

Децентрализация, как ее понимают помещичьи депутаты (деревенщина) и как ее понимает Коммуна

Говорили, что Париж и вместе с ним другие французские города были угнетаемы властью крестьян и что нынешняя борьба Парижа есть борьба за его освобождение от власти крестьянства! Нельзя себе представить более бессмысленной лжи!

Париж, как центральное местопребывание и оплот централизованного правительственного аппарата, подчинил крестьянство власти жандарма, сборщика податей, префекта, священника и сельских магнатов, т. е. деспотизму его врагов, и лишил его всякой жизни (отнял у него всякую жизнь). Он подавил все органы независимой жизни в сельских округах. С другой стороны, правительство, сельский магнат, жандарм и священник, в руки которых централизованная государственная машина, сосредоточенная в Париже, передала таким образом все влияние провинций, использовали это влияние в интересах правительства и тех классов, чьим правительством оно было, — использовали его не против Парижа правительственного, паразитического, капиталистического, праздного, не против Парижа как космополитического притона, а против Парижа рабочего и мыслителя. Таким образом, при помощи правительственной централизации, имевшей Париж своей базой, крестьяне были подавлены Парижем правительства и капиталистов, а Париж рабочих был подавлен провинциальной властью, переданной в руки врагов крестьянства.

Версальский «*Moniteur*» (от 29 марта) заявляет, что «Париж не может быть *свободным городом*, потому что он — *столица*». Вот это верно. Париж, столица господствующих классов и их правительства,

* Маркс имеет в виду «национальные имущества» Великой французской революции. *Ред.*

proclaimed its own emancipation from them and their government, than because, by doing so, it has sounded the alarm signal for the emancipation of the peasant and the provinces from their sway.

Journal officiel de la Commune, 1. April: «The revolution of the 18-th March had not for its only object the securing to Paris of communal representation elected, but subject to the *despotic tutelage of a national power strongly centralised. It is to conquer, and secure independence for all the communes* of France, and also of all superior groups, departments, and provinces, united amongst themselves for their common interest by a really national pact; it is to guarantee and perpetuate the Republic... Paris has *renounced her apparent omnipotence* which is identical with her forfeiture, she has not renounced that moral power, that intellectual influence, which so often has made her victorious in France and Europe in her propaganda».

«This time again Paris works and suffers for all France, of which it prepares by its combats and its sacrifices the intellectual, moral, administrative and economical regeneration, the glory and the prosperity» *(Programm of the Commune de Paris sent out by balloon).*

Mr. Thiers, in his tour through the provinces, managed the elections, and above all, his own manifold elections. But there was one difficulty. The Bonapartist provincials had for the moment become impossible. (Besides, he did not want them, nor did they want him.) Many of the old Orleanist stagers had merged into the Bonapartist lot. It was, therefore, necessary, to appeal to the rusticated legitimist landowners who had kept quite aloof from politics and were just the men to be duped. They have given the apparent character to the Versailles assembly, its character of the «chambre introuvable» of Louis XVIII, its «rural» character. In their vanity, they believed of course, that their time had at last come with the downfall of the second Bonapartist Empire and under the shelter of Foreign invasion, as it had come in 1814 and 1815. Still they are mere dupes. So far as they act, they can only act as elements of the «party of order», and its «anonymous» terrorism as in 1848 — 1851. Their own party effusions lend only the comical character to that association. They are, therefore, forced to suffer as president the jail-accoucheur of the Duchess of Berri and as their ministers the pseudo-republicans of the government

не может быть «свободным городом», и провинции не могут быть «свободными», раз такой Париж является столицей. Провинции могут быть свободны только при наличии *Коммуны в Париже. Партия порядка* еще больше разъярена против Парижа за то, что он провозгласил свое собственное освобождение от нее и от ее правительства, чем за то, что этим актом он подал сигнал к освобождению крестьянина и провинций от ее господства.

«Journal Officiel» Коммуны, 1 апреля: «Революция 18 марта не имела только задачу обеспечить Парижу выборное но подчиненное *деспотической опеке строго централизованной национальной власти* коммунальное представительство. *Она должна завоевать и обеспечить независимость для всех общин* Франции, а также для всех высших групп, департаментов и провинций, объединенных между собою в своих общих интересах действительно национальным соглашением; она должна гарантировать и увековечить республику... Париж *отказался от своего кажущегося всемогущества*, которое тождественно с его злоупотреблением своею ролью, но он не отказался от той моральной власти, от того умственного влияния, которое так часто доставляло ему победу во Франции и в Европе в его пропаганде».

«Теперь Париж снова работает и страдает ради всей Франции, для которой он готовит своими боями и своими жертвами умственное, нравственное, административное и экономическое возрождение, славу и процветание» *(Программа Парижской Коммуны, распространявшаяся с воздушного шара).*

Г-н Тьер во время своей поездки по провинциям проводил выборы, и прежде всего свои собственные выборы, в разных местах. Но тут было одно затруднение. Бонапартисты-провинциалы сделались в данный момент невозможными. (К тому же они были ему не нужны, как и он был не нужен им.) Многие из старых орлеанистских пройдох разделили судьбу бонапартистов. Поэтому было необходимо обратиться к удалившимся в деревню легитимистским землевладельцам, которые совершенно отстранились от политики и которых легче всего было одурачить. Они-то и придали Версальскому собранию его внешний характер, его характер «бесподобной палаты» Людовика XVIII, его характер «деревенщины». В своем тщеславии они, конечно, поверили, что с падением Второй бонапартовской империи и под покровом иноземного завоевателя наконец-то наступило их время, как оно наступило в 1814 и 1815 гг. И попрежнему они останутся в дураках. Поскольку они действуют, они могут действовать только в качестве элементов «партии порядка» и орудий ее «анонимного» террора, как в 1848—1851 гг. Их собственные партийные излияния придают только комический характер

of defence. They will be pushed aside as soon as they have done their service. But — a trick of history — by this curious combination of circumstances they are forced to attack Paris because of revolting against «the Republique une et indivisible», (Louis Blanc expresses it so, Thiers calls it unity of France), while their very first exploit was to revolt against unity by declaring for the «decapitation and decapitalisation» of Paris, by wanting the Assembly to throne in a provincial town. What they really want is to go back to what preceded the centralised statemachinery, become more or less independent of its prefects and its minister, and put into its place the provincial and local domainial influence of the Châteaux. They want a reactionary *decentralisation* of France. What Paris wants is to supplant that centralisation which has done its service against feodality, but has become the mere unity of an artificial body, resting on gensdarmes, red and black armies, repressing the life of real society, lasting as an incubus upon it, giving Paris an «apparent omnipotence» by enclosing it and leaving the provinces outdoor [?] — to supplant this unitarian France which exists besides the French society — by the political union of French society itself through the Communal organisation.

The true partisans of breaking up the unity of France are therefore the rurals, opposed to the united statemachinery so far as it interferes with their own local importance (seignorial rights), so far as it is the antagonist of feudalism.

What Paris wants is to break up that factitious unitarian system, so far as it is the antagonist of the real living union of France and a mere means of class rule.

Comtist view

Men completely ignorant of the existing economical system are of course still less able to comprehend the workmen's negation to that system. They can of course not comprehend that the social transformation the working class aim at is the neccessary, historical, unavoid-

всему этому сообществу. Они вынуждены поэтому терпеть в качестве президента тюремщика-акушера герцогини Беррийской и в качестве своих министров псевдо-республиканцев правительства обороны. Их отшвырнут в сторону, как только они выполнят свое дело. Но благодаря этому любопытному стечению обстоятельств — проделка истории! — они вынуждены нападать на Париж за его мятеж против «единой и неделимой республики», (это — выражение Луи Блана, Тьер называет это единством Франции), тогда как их первым подвигом был именно мятеж против единства: ведь это они заявили, что Париж должен быть «обезглавлен и лишен звания столицы» и требовали, чтобы Собрание заседало в каком-нибудь провинциальном городе. Вернуться к тому, что предшествовало централизации государственной машины, сделаться более или менее независимыми от ее префектов и министров и вытеснить ее провинциальным и местным вотчинным влиянием помещичьих усадеб — вот чего они действительно желают. — Они стремятся к реакционной *децентрализации* Франции. Париж же желает заменить ту централизацию, которая оказала услуги в борьбе против феодализма, но затем превратилась в чисто искусственное единство, опирающееся на жандармов, на красные и черные армии, в единство, подавляющее жизнь действительного общества, тяготеющее над ним, как кошмар, сообщающее Парижу «кажущееся всемогущество» благодаря тому, что эта централизация изолирует его от провинции, — заменить эту единую Францию, существующую вне французского общества, политическим объединением самого французского общества, осуществляемым при помощи коммунальной организации.

Истинными сторонниками разрушения единства Франции являются поэтому помещичьи депутаты, которые восстают против единой государственной машины, поскольку она умаляет их собственное местное значение (их сеньориальные права), поскольку она является антагонистом феодализма.

А Париж желает разрушить эту систему искусственного единства, поскольку она служит антагонистом действительного, живого единства Франции и простым орудием классового господства.

Контистские взгляды

Люди, решительно ничего не понимающие в существующей экономической системе, еще менее способны, конечно, понять что-нибудь в отрицании этой системы рабочими. Они не могут, конечно, понять, что социальное преобразование, к которому стремится

able birth of the present system itself. They talk in deprecatory tones of the threatened abolition of «property», because in their eyes their present class form of property — a transitory historical form — *is* property itself, and the abolition of that form would therefore be the abolition of property. As they now defend the «charity» of capital rule and the wages-system, if they had lived in feudal times or in times of slavery they would have defended the feudal system and the slave-system, as founded on the nature of things, as a spontaneous outgrowth[?] springing from nature, fiercely declaimed against their «abuses», but at the same time from the height of their ignorance answering to the prophecies of their abolition by the dogma of their «charity» weighted by «moral checks» («constraints»).

They are as right in their appreciation of the aims of the Paris working classes, as is M. Bismarck in declaring that what the Commune wants is the social property which makes property the attribute of labour; far from creating individual «moral constraints» [it] will emancipate the «morals» of the individual from its class constraints.

Poor men! They do not even know that every *social form* of property has «morals» of its own, and that the form of [...]

How the breath of the popular revolution has changed Paris! The revolution of February was called the Revolution of moral contempt. It was proclaimed by the cries of the people «à bas les grands voleurs! à bas les assassins!» Such was the sentiment of the people. But as to the bourgeoisie, they wanted broader sway for corruption! They got it under Louis Bonaparte's (Napoleon the little) reign. Paris, the gigantic town, the town of historic initiative, was transformed in the *Maison dorée* of all the idlers and swindlers of the world, into a cosmopolitan stew! After the exodus of the «better class of people», the Paris of the working-class reappeared, heroic, selfsacrificing, enthusiastic in the sentiment of its herculean task! No cadavers in the Morgue, no insecurity of the streets. Paris was never more quiet within. Instead of the Cocottes, the heroic women of Paris! Manly, stern, fighting, working, thinking Paris! Magnanimous Paris! In view of the cannibalism of their enemies, making their prisoners only dangerless!.. What Paris will no longer stand is yet the existence of the

рабочий класс, есть необходимое, историческое, неизбежное порождение самой же нынешней системы. Они говорят в предостерегающем тоне об угрозе уничтожения «собственности», потому что в их глазах их нынешняя классовая форма собственности — переходная историческая форма — и *есть* сама собственность, и уничтожение этой формы являлось бы поэтому уничтожением собственности. Как теперь они защищают «благодеяния» капиталистического строя и систему наемного труда, так они защищали бы, если бы жили в феодальные времена или во времена рабства, феодальную систему или систему рабского труда, как основанную на природе вещей, как стихийно возникающую из самой природы; они произносили бы неистовые тирады против связанных с этими общественными системами «злоупотреблений», но в то же время на все пророчества об их уничтожении они отвечали бы с высоты своего невежества догматом о «благодеянии» этих систем, уравновешиваемом «моральными преградами» («сдержками»).

Они так же правы в своей оценке целей парижского рабочего класса, как прав г. Бисмарк в своем заявлении, что предметом стремлений Коммуны является общественная собственность, которая превращает собственность в атрибут труда; отнюдь не создавая никаких индивидуальных «моральных сдержек», она освободит «мораль» индивида от стесняющих его классовых сдержек.

Жалкие люди! Они даже не знают, что всякая *общественная форма* собственности имеет свою собственную «мораль», и что форма...

Как дыхание народной революции преобразило Париж! Февральскую революцию прозвали революцией морального презрения. Она была провозглашена под крики народа: «Долой крупных воров! Долой убийц!» Таково было настроение народа. Но что до буржуазии, то она добивалась лишь большего простора для своей продажности! Она добилась этого в царствование Луи Бонапарта (Наполеона малого). Париж, этот гигантский город, город исторической инициативы, был превращен в притон для тунеядцев и мошенников всего мира, в космополитический притон! После исхода «высших слоев народа» снова появился на сцену Париж рабочих, героический, самоотверженный, полный энтузиазма в сознании своей геркулесовой задачи! Нет больше трупов в морге, полная безопасность на улицах. Никогда Париж не был более спокоен внутри. Вместо кокоток — героические женщины Парижа! Мужественный, суровый, борющийся, трудящийся, мыслящий Париж! Великодушный Париж! Перед лицом каннибализма своих врагов он только

Cocottes and Cocodès. What it is resolved to drive away or transform is this useless, sceptical and egotistical race which has taken possession of the gigantic town, to use it as its own. No celebrity of the Empire shall have the right to say, «Paris is very pleasant in the best quarters, but there are too many paupers in the others». *(Vérité 23 April)* «Private crime wonderfully diminished at Paris. The absence of thieves and cocottes, of assassinations and street-attacks: all the conservateurs have fled to Versailles!» «There has not been signalised one single nocturnal attack even in the most distant and less frequented quarters since the citizens do their police business themselves».

Thiers on the rurals

This party «knows only to employ three means: Foreign invasion, civil war and anarchy... such a government will never be that of France» *(Chambre des Députés of 5-th Janvier 1833).*

Government of Defence

And this same Trochu said in his famous programme: «the governor of Paris will never capitulate» and Jules Favre in his circular: «Not a stone of our fortresses, nor a foot of our territories» same as Ducrot: «I shall never return to Paris save dead or victorious». He found afterwards at Bordeaux that his life was necessary for keeping down the «rebels» of Paris. (These wretches know that in their flight to Versailles they have left behind the proofs of their crimes, and to destroy these proofs they would not recoil from making of Paris a mountain of ruins bathed in a sea of blood) (*Manifeste à la Province,* by balloon).

«The unity which has been imposed upon us to the present, by the Empire, the Monarchy, and Parliamentary Government is nothing but centralisation, despotic, unintelligent, arbitrary and onerous. The political unity as desired by Paris, is a voluntary association of all local initiative... a central delegation from the Federal Communes. End of the old governmental and clerical world, of military supremacy and bureaucracy and jobbing in monopolies and privileges to which the *proletariat owed its slavery and the country its misfortunes and disasters*». (Proclamation of Commune 19. April.)

обезвреживает своих пленных! Чего Париж не хочет более терпеть, так это именно существования кокоток и хлыщей. Он решил либо выгнать вон, либо переделать эту бесполезную, скептическую и эгоистичную породу людей, которая завладела гигантским городом, чтобы пользоваться им как своей собственностью. Ни одна знаменитость империи не будет иметь права сказать: «Париж очень приятен в лучших кварталах, но в нем слишком много бедняков в других». *(«Vérité» 23 апреля).* «Число преступлений поразительно уменьшилось в Париже. Нет воров и кокоток, нет убийств и уличных нападений: все консерваторы бежали в Версаль!» «Не было зарегистрировано ни одного ночного нападения даже в наиболее отдаленных и малолюдных кварталах, с тех пор как граждане сами выполняют полицейские обязанности».

Тьер о помещичьих депутатах

Эта партия «знает только три средства: иноземное вторжение, гражданскую войну и анархию... Подобное правительство никогда не будет правительством Франции». *(Палата депутатов, 5 января 1833 г.)*

Правительство обороны

И этот же самый Трошю заявил в своей знаменитой программе: «Губернатор Парижа никогда не капитулирует», а Жюль Фавр в своем циркуляре: «Ни одного камня наших крепостей, ни одной пяди нашей территории», — равно как и Дюкро: «Я вернусь в Париж либо мертвым либо победителем». Впоследствии он нашел в Бордо, что его жизнь необходима для подавления парижских «мятежников». (Эти негодяи знают, что, сбежав в Версаль, они оставили позади доказательства своих преступлений, и для того, чтобы уничтожить эти доказательства, они не остановятся перед превращением Парижа в груду развалин, потопленную в море крови). *(Манифест к провинции*, распространявшийся с воздушного шара).

«Единство, которое было навязано нам до сих пор империей, монархией и парламентским правительством, есть не что иное, как централизация, деспотическая, неразумная, произвольная и обременительная. Политическое единство, которого желает Париж, есть добровольное объединение всей местной инициативы... центральная делегация от федеральных коммун. Конец старого правительственного и клерикального мира, военного верховенства и бюрократии, спекуляции монополиями и привилегиями, которым *пролетариат был обязан своим рабством, а страна — своими бедствиями и катастрофами*». (Прокламация Коммуны от 19 апреля.)

Gendarms and Policemen

20 000 Gendarmes (drawn to Versailles from all France, im Ganzen 30 000 unter dem Empire) und 12 000 Paris police-agents, — basis of the finest army France ever had.

Republican Deputies of Paris

The Republican Deputies of Paris «have not protested either against the bombardment of Paris, or the summary executions of the prisoners, or the calumnies against the People of Paris. They have on the contrary by their presence at the assembly and their mutisme given a consecration to all these acts supported by the notoriety the republican party has given those men. Have become the allies and conscious accomplices of the monarchical party. Declares them traitors to their mandate and the Republic» *(Association générale des défendeurs de la République) (9 May).*

«Centralisation leads to apoplexy in Paris and to absence of life everywhere else» *(Lamennais).*

«Aujourd'hui tout se rapporte à un centre, et ce centre est, pour ainsi dire, l'Etat même» *(Montesquieu).*

Vendôme affair etc.

The Central Committee of the National Guard, constituted by the nomination of a delegate of each company, on the entrance of the Prussians into Paris, transported to Montmartre, Belleville et La Villette the cannon and mitrailleuses found by the subscription of the National guards themselves, which cannon and mitrailleuses were abandoned by the government of the National defence, even in those quarters which were to be occupied by the Prussians.

On the morning of the 18-th march the government made an energetic appeal to the National Guard, but out of 400 000 National Guard only 300 men answered.

On the 18-th March, at 3 o'clock in the morning, the agents of police, and some bataillons of the line were at Montmartre, Belleville, and La Villette to surprise the guardians of artillery and to take it away by force.

The National Guard resisted, the soldiers of the line levèrent la crosse en l'air, *despite the menaces and the orders of General Lecomte,* shot the same day by his soldiers at the same time as Clément Thomas. («troops of the line threw the butts of their muskets in the air, and fraternised with the insurgents».)

Жандармы и полицейские

20 000 жандармов (согнанных в Версаль со всей Франции, во время империи всего их было 30 000 человек) и 12 000 парижских полицейских — такова основа превосходнейшей армии, какую когда-либо имела Франция.

Республиканские депутаты Парижа

Республиканские депутаты Парижа «не протестовали ни против бомбардировки Парижа, ни против быстрых казней пленных, ни против клеветнических наветов на парижский народ. Они, наоборот, своим присутствием в Собрании и своим молчанием санкционировали все эти действия, поддержав их тем авторитетом, которым они пользовались как члены республиканской партии. Они сделались союзниками и сознательными сообщниками монархической партии. Мы объявляем их предателями, изменившими своим мандатам и республике» (*Генеральная ассоциация защитников республики) (9 мая)*.

«Централизация приводит к апоплексии в Париже и к отсутствию жизни во всех других местах» *(Ламене)*.

«Теперь все относится к единому центру, и этот центр есть, так сказать, само государство» *(Монтескье)*.

Стычка на Вандомской площади и т. д.

Центральный комитет национальной гвардии, который образовался при вступлении пруссаков в Париж из делегатов от каждой роты, переправил на Монмартр, в Бельвиль и Лавиллет все пушки и митральезы, отлитые по подписке самой национальной гвардии, эти пушки и митральезы были брошены правительством национальной обороны на произвол судьбы даже в тех кварталах, которые должны были занять пруссаки.

Утром 18 марта правительство обратилось с энергичным призывом к национальной гвардии, но из 400 000 национальных гвардейцев откликнулось только 300 человек.

18 марта, в 3 часа утра, полицейские и несколько линейных батальонов появились на Монмартре, в Бельвиле и Лавиллете с целью напасть врасплох на людей, охранявших артиллерию, и отнять ее силой.

Национальная гвардия оказала сопротивление, солдаты подняли ружья прикладами вверх, *несмотря на угрозы и приказы генерала Леконта*, который был расстрелян своими солдатами в тот же день одновременно с Клеманом Тома. («Линейные войска подняли ружья прикладами вверх и братались с повстанцами».)

The bulletin of victory by Aurelle de Paladine was already printed, also papers found on the Decentralisation of Paris.

On the 19 March the Central Committee declared the state of siege of Paris raised, on the 20 Picard proclaimed it for the department of the *Seine-et-Oise.*

18 Mars (Morning: still believing in his victory:) *proclamation of Thiers,* placarded on the walls: «The Government has resolved to act. The Criminals who affect to institute a government must be delivered to regular justice and the cannon taken away must be restored to the Arsenals».

Late in the afternoon, the nocturnal surprise having failed, he appeals to the *National Guards:* «The Government is not preparing a coup d'état. The Government of the Republic has not and cannot have any other aim than the safety of the Republic». He will only «do away with the insurgent committee»... «*almost all unknown to the population*».

Late in the evening, a third proclamation to the *National Guard*, signed by Picard and d'Aurelle: «some misguided man... *resist* formally the National Guard and the army... The Government has *chosen that your arms should be left to you.* Seize them with resolution to establish the reign of law and to *save the Republic from anarchy*».

(On the 17-th Schölcher tries to wheedle them into disarming.)

Proclamation of the Central Committee of the 19 March. «the state of siege is raised. The people of Paris is convoked for its communal elections». *Id. to the National Guards:* «You have charged us t· rganise the defence of Paris and of your rights... At this moment our mandate has expired; we give it back to you, we will not take the place of those whom the popular breath vient de renverser».

They allowed the members of the Government to withdraw quietly to Versailles (even such as they had in their hands like Ferry).

The communal elections convoked for the 22 March through the demonstration of the party of order removed to the 26-th March.

21 Mars. The Assembly['s] frantic roars of dissent against the words «Vive la République» at the end of a Proclamation «to *citizens and army* (soldiers)». *Thiers:* «It might be a very legitimate proposal etc». (Dissent of the rurals). *Jules Favre* made harangue against the doctrine of the Republic being superior to universal suffrage, flattered the rural majority, threatened the Parisians with Prussian intervention and provokes — *the demonstration of the Party of Order. Thiers:* «*come what*

Бюллетень Ореля де-Паладина о победе был уже отпечатан; были также найдены документы по вопросу о лишении Парижа звания столицы.

19 марта Центральный комитет объявил о снятии осадного положения в Париже, 20-го Пикар объявил на осадном положении департамент *Сены и Уазы*.

18 марта (утром: он все еще верил в свою победу) на стенах была расклеена *прокламация Тьера:* «Правительство решило действовать. Преступники, собирающиеся образовать правительство, должны быть выданы в руки правосудия, а захваченные пушки должны быть возвращены в арсеналы».

После полудня, когда выяснилась неудача ночного нападения, он обращается с призывом к *национальной гвардии:* «Правительство не подготовляет переворота. У правительства республики нет и не может быть иной цели, кроме безопасности республики». Он хочет только «покончить с мятежным Комитетом»... «*почти целиком состоящим из людей неизвестных населению*».

Поздно вечером появляется третья прокламация к *национальной гвардии*, подписанная Пикаром и Орелем: «Некоторые введенные в заблуждение люди... оказывают *прямое сопротивление* национальной гвардии и армии... Правительство *сочло нужным оставить вам ваше оружие*. Возьмите же его в руки с решимостью установить царство закона и *спасти республику от анархии*».

(17-го Шельхер пытается льстивыми речами склонить их к разоружению.)

Прокламация Центрального комитета от 19 марта. «Осадное положение снято. Парижский народ созывается на коммунальные выборы». *То же к национальной гвардии:* «Вы поручили нам организовать защиту Парижа и ваших прав... В настоящий момент срок наших полномочий истек; мы возвращаем их вам, мы не станем занимать место тех, кого только что смело дыхание народной бури».

Они дали членам правительства спокойно удалиться в Версаль (даже тем, кто, как Ферри, был у них в руках).

Коммунальные выборы, назначенные на 22 марта, были отложены до 26 марта из-за демонстрации партии порядка.

21 марта. Собрание поднимает бешеный вой протеста против слов «да здравствует республика!» поставленных в конце прокламации «*К гражданам и армии (солдатам)*». *Тьер:* «Это предложение может быть весьма законным и т. д.» (Протест помещичьих депутатов.) *Жюль Фавр* разглагольствовал против доктрины будто республика выше всеобщего избирательного права, льстил помещичьему большинству, грозил парижанам прусским вмешательством и спровоцировал

may he would not send an armed force to attack Paris». (had no troops yet to do it.)

Le comité central était si peu sûr de sa victoire, qu'il accepta avec empressement la médiation des maires et des députés de Paris... L'entêtement de Thiers lui parait (au comité) de vivre un ou deux jours: il eut alors conscience de ses forces. Fautes sans nombre des révolutionnaires. Au lieu de mettre les sergents de ville hors d'état de nuire, on leur ouvrit les portes; ils allèrent à Versailles, où ils firent accueillis comme les sauveurs; on laissa partir le 43 de ligne; on renvoya dans leurs foyers tous les soldats qui avaient fraternisé avec le peuple; on permit à la réaction de s'organiser dans le centre même de Paris; on laissa tranquille Versailles. Tridon, Jaclard, Varlin, Vaillant voulaient qu'on allait immédiatement débusquer les royalistes... Favre et Thiers faisaient des démarches pressantes auprès des autorités prussiennes dans le but d'obtenir leurs concours... pour réprimer le mouvement insurrectionnel de Paris.

L'occupation constante de Trochu et de Clément Thomas d'entraver toutes les tentatives d'armement et d'organisation de la garde nationale. La marche sur Versailles fut décidée, préparée et entreprise par le Comité Central, à l'insu de la Commune et même en opposition directe avec sa volonté nettement manifestée...

Bergeret... au lieu de faire sauter le pont de Neuilly, que les fédérés ne pouvaient garder à cause du Mont Valérien et des batteries établies à Courbevoie, il laissa les royalistes s'en emparer, s'y retrancher puissamment et s'assurer par là une voie de communication avec Paris...

As M. *Littré* said in a letter (*Daily News* 20 April): «Paris disarmed; Paris manacled by the Vinoys, the Valentins, the Paladines, the Republic was lost. This the Parisians understood. With the alternative of succumbing without fighting, and risking a terrible contest of uncertain issue, they chose to fight; and I cannot but praise them for it».

The expedition to Rome, the work of Cavaignac, Jules Favre, and Thiers.

«Un gouvernement qui a tous les avantages intérieurs du gouvernement républicain et la force extérieure du gouvernement monarchique. Je parle de la *République fédérative*... C'est une société des sociétés, qui en font une nouvelle qui peut s'agrandir par des nombreux *associés*, jusqu'à ce que sa puissance suffise à la sûreté de ceux qui se sont unis. Cette sorte de république... peut se maintenir, dans sa grandeur

демонстрацию партии порядка. Тьер: что бы ни произошло, он не пошлет вооруженную силу против Парижа». (У него тогда еще не было войск для этого).

Центральный комитет был так мало уверен в своей победе, что поспешил принять посредничество мэров и депутатов Парижа... Упорство Тьера не продолжится, казалось ему (Комитету), больше одного-двух дней: Комитет сознавал тогда свою силу. Бесчисленные ошибки революционеров. Вместо того, чтобы обезвредить полицейских, перед ними раскрыли двери; они ушли в Версаль, где были встречены как спасители; дали уйти 43-му линейному полку; распустили по домам всех солдат, братавшихся с народом; позволили реакции организоваться в самом центре Парижа; оставили в покое Версаль. Тридон, Жакляр, Варлен, Вайан считали нужным немедленно выбить роялистов... Фавр и Тьер предпринимали настойчивые шаги перед прусскими властями, чтобы добиться их содействия... в подавлении повстанческого движения Парижа.

Трошю и Клеман Тома только тем и заняты, что препятствуют всем попыткам вооружить и организовать национальную гвардию. Поход на Версаль был решен, подготовлен и предпринят Центральным комитетом без ведома Коммуны и даже прямо вопреки ее ясно выраженной воле...

Бержере... вместо того, чтобы взорвать мост у Нейи, который коммунары не могли удержать в виду Мон-Валерьен и батарей, установленных на Курбвуа, дал роялистам возможность овладеть им, сильно укрепиться на нем и обеспечить себе таким образом сообщение с Парижем...

Как сказал в одном письме г. *Литре («Daily News».* 20 апреля): «Раз Париж обезоружен, раз Париж скован по рукам всеми этими Винуа, Валантенами, Паладинами, — республика погибла. Парижане это поняли. Поставленные перед выбором: либо подчиниться без боя, либо отважиться на страшное столкновение, исход которого неизвестен, они выбрали борьбу, и я могу только похвалить их за это».

Поход на Рим — дело Кавеньяка, Жюля Фавра и Тьера.

«Правительство, имеющее все внутренние преимущества республиканского правительства и всю внешнюю силу монархического. Я говорю о *федеративной республике...* Это — общество обществ, которое образует новое общество, могущее расширяться за счет многочисленных вновь *примкнувших* членов, пока его мощь не сделается достаточной для безопасности объединившихся. Такого рода республика... может сохраняться в своих внешних размерах *без вну-*

sans que l'intérieur se corrompe. La forme de cette société prévient tous les inconvenients» *(Montesquieu, Esprit des lois*, l. IX. ch. I).

Constitutions de 1793 § 78). Il y a dans *chaque commune* de la république une administration municipale. Dans *chaque district*, une administration intermédiaire, dans *chaque département* une administration centrale. *§ 79)* les officiers municipaux sont élus par les assemblées de la commune. *§ 80)* Les administrateurs sont nommés par les assemblées électorales de département et de district. *§ 81)* Les municipalités et les administrations sont renouvelées tous les ans par moitié.

Conseil exécutif § 62) composé de 24 membres. *63)* L'Assemblée électorale de chaque département nomme un candidat. Le corps législatif choisit sur la liste générale les membres du conseil. *64)* Il est renouvelé par moitié à chaque législature, dans le dernier mois de sa session. *65)* Le conseil est chargé de la direction et de la surveillance de l'administration générale. *66*) Il nomme, hors de son sein, les agens en chef de l'administration générale de la république. *68*) Ces agens ne forment point un conseil; ils sont séparés, sans rapport[s] immédiats entre eux, ils n'exercent aucune autorité personnelle. *73*) Le Conseil révoque et remplace les agens à sa nomination.

Roused on the one hand by Jules Favre's call to civil war in the Assembly — he told that the Prussians had threatened to interfere, if the Parisians did not give in at once,—encouraged by the forbearance of the people and the passive attitude towards them of the Central Committee, the «Party of Order» at Paris resolved on a *coup de main* which came off on the 22 March under the etiquette of a *Peaceful Procession*, a peaceable demonstration against the Revolutionary Government. And it was a peaceful demonstration of a very peculiar character. «The whole movement seemed a surprise. There were no preparations to meet it». «A riotous mob of gentlemen», in their first rank the familiars of the Empire, the Heeckeren, Coëtlogon, and H. de Pène etc., ill treating and disarming national guards detached from advanced sentinels (sentries) who fled to the Place Vendôme whence the National Guards march at once to the Rue Neuve des Petits champs. Meeting the rioters, they received order not to fire, but the rioters advance under the cry: «down with the Assassins! down with the Committee!» insult the guards, grasp at their muskets, shoot with a revolver citizen *Maljournal* (lieutenant d'état major de la place) (membre du Comité central). General Bergeret calls upon them to withdraw (disband) (retire). During

тренней порчи. Форма этого общества предотвращает все затруднения» (*Монтескье*, «*Дух законов*», кн. IX, гл. I).

Конституция 1793 г. § 78. В каждой коммуне республики имеется муниципальное управление. В *каждом округе* — промежуточное управление, в *каждом департаменте* — центральное управление. *§ 79.* Муниципальные должностные лица выбираются на собраниях коммуны. *§ 80.* Административные лица назначаются департаментскими и окружными избирательными собраниями. *§ 81.* Муниципалитеты и управления переизбираются ежегодно наполовину.

Исполнительный совет. § 62. Состоит из 24 членов. *§ 63.* Избирательное собрание каждого департамента намечает одного кандидата. Законодательный корпус выбирает по общему списку членов совета. *§ 69.* Совет обновляется наполовину каждой сессией законодательного корпуса в последний месяц сессии. *§ 65.* На совет возлагается руководство и надзор за общим управлением. *§ 66.* Он назначает не из своей среды главных должностных лиц по общему управлению республикой. *§ 68.* Эти должностные лица не образуют совета; они работают отдельно, не находятся в непосредственной связи друг с другом, не имеют никакой личной власти. *§ 73.* Совет отзывает и сменяет назначаемых им должностных лиц.

«Партия порядка» в Париже, подстрекаемая, с одной стороны, призывами Жюля Фавра в Собрании к гражданской войне — он заявил, что пруссаки пригрозили вмешательством в случае отказа парижан немедленно сдаться, — поощряемая долготерпением народа и пассивным отношением к ней Центрального комитета, решилась *на внезапный удар*, что и случилось 22 марта под видом *мирного шествия*, мирной демонстрации против революционного правительства. Действительно, это была мирная демонстрация совсем особого свойства. «Все движение казалось совершенно неожиданным. Не было сделано никаких приготовлений для отпора». «Мятежная толпа джентльменов», во главе с такими выкормышами империи, как Геккерен, Коэтлогон, А. де-Пен и т. д., двигается оскорбляя и обезоруживая национальных гвардейцев, отделившихся от выдвинутых караульных постов, которые бежали на Вандомскую площадь, откуда национальная гвардия двинулась сразу на улицу Neuve des Petits champs. При встрече с мятежниками ей был дан приказ не стрелять, но мятежники наступают с криками: «Долой убийц! Долой Комитет!», оскорбляют гвардейцев, выхватывают у них ружья, стреляют из револьвера в гражданина М а л ь ж у р н а л я (лейтенанта штаба Вандомской площади) (члена Центрального комитета). Генерал Бержере требует, чтобы они удалились (разошлись) (ушли). Около пяти минут длится барабанный бой и

about 5 minutes the drums are beaten and the sommations (replacing the English reading of the riot acts) made. They reply by cries of insult. Two national guards fall severely wounded. Meanwhile their comrades hesitate and fire into the air. *The rioters try to forcibly break through the lines and to disarm them.* Bergeret commands fire and the cowards fly. The *émeute* is at once dispersed and the fire ceases. Shots were fired from houses on the national guards. Two of them, Wahlin and François were killed, eight are wounded. The streets through which the «pacific» disband are strewn with revolvers and sword-canes» (many of them picked up in the Rue de la Paix). Vicomte de Molinet, killed from behind (by his own people) found with a *dagger* fixed by a chain.

Rappel was beaten. A number of cane swords, revolvers, and daggers lay on the streets by which the «unarmed» demonstration had passed. Pistol shots were fired before the insurgents received orders to fire on the crowd. The manifestors were the aggressors (witnessed by General Sheridan from a window).

This was then simply an attempt to do by the reactionists of Paris, armed with revolvers, cane-swords, and daggers, what Vinoy had failed to do with his sergents de ville, soldiers, cannon and mitrailleuse. That the «lower orders» of Paris allowed themselves not even to be disarmed by the «gentlemen» of Paris, was really too bad!

When on the 13-th June 1849 the National Guards of Paris made a really «unarmed» and «pacific» procession to protest against a crime, the attack on Rome by the French troops, General Changarnier was praised by his intimate Thiers for sabring and shooting them down. The state of siege was declared, new laws of repression, new proscriptions, a new reign of terror! Instead of all that, the central Committee and the workmen of Paris strictly kept on the defensive, during the encounter itself, allowed the assailers (the gentlemen of the dagger), to return quietly home, and, by their indulgence, by not calling them to account for this daring enterprise, encouraged them so much, that two days later, under the leadership of admiral Saisset, sent from Versailles, [they] rallied again and tried again their hands at civil war.

And this Vendôme affair evoked at Versailles a cry of «Assassination of unarmed citizens», reverberating throughout the world. Be it

повторяются требования разойтись (sommations, которым у англичан соответствует оглашение Riot acts, законов о мятеже). Те отвечают оскорбительными криками. Два национальных гвардейца падают тяжело раненные. Но их товарищи все еще колеблются и стреляют в воздух. *Мятежники пытаются насильственно прорваться сквозь ряды и обезоружить гвардейцев.* Тогда Бержере дает приказ стрелять, и трусы обращаются в бегство. *Мятеж* сразу ликвидирован, и огонь прекращается. В национальных гвардейцев стреляли из домов. Двое из них, Вален и Франсуа, были убиты, восемь человек ранены. Улицы, по которым разбежались «мирные демонстранты», были усеяны револьверами и палками со стилетами (много их было подобрано на улице Мира). При виконте де-Молине, убитом сзади (своими же людьми), был найден *кинжал* на цепочке.

Был дан отбой. Множество палок со стилетами, револьверов и кинжалов было разбросано по улицам, по которым прошла «невооруженная» демонстрация. Револьверные выстрелы стали раздаваться прежде, чем повстанцам * был дан приказ стрелять в толпу. Манифестанты были нападающей стороной (как видел собственными глазами генерал Шеридан из окна).

Итак, это была просто попытка парижских реакционеров, вооружившихся револьверами, палками со стилетами и кинжалами, добиться того, чего не сумел добиться Винуа со своими полицейскими, солдатами, пушками и митральезами. Что «низшие классы» Парижа не дали разоружить себя даже парижским «джентльменам» — это в самом деле было уж чересчур!

Когда 13 июня 1849 г. национальная гвардия Парижа устроила действительно «невооруженную» и «мирную» демонстрацию в знак протеста против преступления, против нападения французских войск на Рим, тогда генерал Шангарнье удостоился похвал от своего друга Тьера за то, что он зарубил и расстрелял демонстрантов. Тогда было объявлено осадное положение, изданы новые репрессивные законы, начались новые ссылки, новое царство террора! В противоположность всему этому Центральный комитет и парижские рабочие строго держались оборонительной тактики во время самого столкновения, позволили напавшим на них (джентльменам кинжала) спокойно разойтись по домам и своей снисходительностью, непривлечением их к ответу за их наглое выступление, ободрили их настолько, что два дня спустя они под командой адмирала Сессе, присланного из Версаля, объединились снова и снова попытали свои силы в гражданской войне.

И эта-то стычка на Вандомской площади вызвала в Версале

* *Прим.* Речь идет о национальных гвардейцах. *Ред.*

remarked that even Thiers, while eternally reiterating the assassination of the two generals, has not once dared to remind the world of this «Assassination of unarmed citizens».

As in the medieval times the knight may use any weapon whatever against the plebejan, but the latter must not dare even to defend himself.

(27 Mars. Versailles. Thiers: «I give a formal contradiction to those who accuse me of leading the way for a monarchical settlement. *I found the Republic an accomplished fact.* Before God and man I declare I will not betray it».)

After the second rising of the party of order, the Paris people took no reprisals whatever. The Central Committee even committed the great blunder, against the advice of its most energetic members, not to march at once at Versailles, where, after the flight of Adm. Saisset and the ridiculous collapse of the National Guard of Order, consternation ruled supreme, there being not yet any forces of resistance organised.

After the election of the Commune, the party of order tried again their forces at the ballot box, and, when again beaten, effected their Exodus from Paris. During the election hand-shaking and fraternisation of the Bourgeois (in the courts of the Mayoralities) with the insurgent National Guards, while among themselves they talk of nothing but «decimation en masse» «mitrailles» «frying at Cayenne», «wholesale fusillades». «The runaways of yesterday think to-day by flattering the men of the Hôtel-de-Ville to keep them quiet until the Rurals and Bonapartist generals, who are gathering at Versailles, will be in a position to fire on them».

Thiers commenced the armed attack on the National Guard for the second time in [the] Affair of *April 2.* Fighting between Courbevoie and Neuilly, close to Paris. National Guards beaten, bridge of Neuilly occupied by Thiers' soldiers. Several thousands of National Guards having come out of Paris and occupied Courbevoie et Puteaux and the bridge of Neuilly, routed. Many prisoners taken. Many of the insurgents immediately shot as rebels. Versailles troops began the firing.

Commune: «The Government of Versailles has attacked us. Not being able to count upon the army, it has sent Pontifical Zouaves of Charette, Bretons of Trochu, and Gendarmes of Valentin, in order to

негодующие вопли об «убийстве безоружных граждан», гулко разнесшиеся по всему миру. Заметим, что даже Тьер, который вечно твердит об убийстве двух генералов, ни разу не посмел напомнить миру об «убийстве безоружных граждан».

Как в средние века: господин может пустить в ход любое оружие против плебея, но последний не смеет даже защищаться.

(27 марта. Версаль. Тьер: «Я официально опровергаю тех, кто обвиняет меня, будто я веду дело к установлению монархии. *Я застал республику как совершившийся факт.* Перед богом и людьми я заявляю, что не изменю ей».)

После второго восстания партии порядка парижский народ тоже не предпринял никаких репрессивных мер. Центральный комитет сделал даже ту огромную ошибку, что вопреки советам своих наиболее энергичных членов не двинулся сразу же на Версаль, где после бегства адмирала Сессе и смехотворного краха национальной гвардии порядка воцарилась величайшая растерянность, потому что еще не было организовано никаких сил для сопротивления.

После выборов Коммуны партия порядка снова испробовала свои силы в избирательной борьбе и, будучи снова побита, совершила свой исход из Парижа. Во время выборов буржуа обмениваются рукопожатиями и братаются (в помещениях мэрий) с повстанцами из национальной гвардии, тогда как между собой они только и говорят о «массовых казнях», «митральезах», «ссылках * в Кайенну», «массовых расстрелах». «Вчерашние беглецы думают сегодня своими льстивыми речами удержать в спокойствии людей из ратуши до тех пор, пока помещичьи депутаты и бонапартовские генералы, собравшиеся в Версале, не будут в состоянии открыть по ним огонь».

Во второй раз Тьер начал вооруженное нападение на национальную гвардию делом *2 апреля.* Сражение произошло между Курбвуа и Нейи, около Парижа. Национальная гвардия разбита, мост у Нейи занят солдатами Тьера. Несколько тысяч национальных гвардейцев, выступивших из Парижа и занявших Курбвуа и Пюто и мост у Нейи, понесли поражение. Захвачено много пленных. Многие повстанцы расстреляны немедленно как бунтовщики. Версальские войска первыми открыли огонь.

Коммуна: «Версальское правительство напало на нас. Не имея возможности рассчитывать на армию, оно послало папских зуавов Шаретта, бретонцев Трошю и жандармов Валантена бомбардировать

---

* *Прим.* Буквально: «поджаривании в Кайенне.» *Ред.*

bombard Neuilly». On 2-nd April the Versailles Government had sent forward a division chiefly consisting of *Gendarmes, Marines, Forest Guard, and Police. Vinoy* with two brigades of infantry, and Gallifet at the head of a brigade of cavalry and a battery of artillery advanced upon Courbevoie.

Paris. April 4. Millière (Declaration) «the people of Paris not making any aggressive attempt... when the Government ordered it to be attacked by the ex-soldiers of the Empire, organised as pretorian troops, under the Command of ex-Senators».

Нейи». 2 апреля версальское правительство выслало дивизию, состоявшую главным образом из *жандармов*, *морской пехоты*, *лесных стражников и полиции*. *Винуа* с двумя пехотными бригадами и *Галлифе* с одной кавалерийской бригадой и одной артиллерийской батареей двинулись на Курбвуа.

Париж. 4 апреля. Миллъер (декларация): «Народ Парижа не предпринимал никаких агрессивных шагов... когда правительство приказало напасть на него бывшим солдатам империи, организованным в преторианские отряды, под командой бывших сенаторов».

ВТОРОЙ НАБРОСОК

«ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ ВО ФРАНЦИИ»

1) Government of Defence. Trochu, Favre, Picard, Ferry, as the Deputies of Paris

The republic proclaimed on the 4-th [of] September by the Paris workmen, was acclaimed through all France without a single voice of dissent. Its right of life was fought for by a 5 months defensive war (centring in) based upon the resistance of Paris. Without that war of defence waged in the name of the Republic, William the Conqueror would have restored the Empire of his «good brother» Louis Bonaparte. The cabal of barristers, with Thiers for their statesman, and Trochu for their general, who installed themselves at the Hôtel-de-Ville at a moment of surprise, when the real leaders of [the] Paris working class were still shut up in Bonapartist prisons and the Prussian army was already marching upon Paris. So deeply were the Thiers, the Jules Favre, the Picard then imbued with the belief in the historical leadership of Paris, that they founded their claim as the government of national defence upon their having been chosen in the elections to the Corps législatif in 1869.

In our second address on the late war, five days after the advent of those men, we told you what they were. If they had seized the government without consulting Paris, Paris had proclaimed the republic in the teeth of their resistance. And their first step was to send Thiers begging about at all courts of Europe there to buy if possible Foreign mediation bartering the Republic for a king. Paris did bear with their régime (assumption of power), because they highly professed on their solemn vow to wield that power for the single purpose of *national defence.* Paris, however could not be (was not to be) seriously defended without arming the working class, organising them into a National Guard, and training them through the war itself. But Paris armed was the social Revolution armed. The victory of Paris over the Prussian would have been a victory of the Republic over French class-rule. In this conflict between national duty and class interest, the government of national Defence did not hesitate one moment to turn into a government of national defection. In a letter to Gambetta, Jules Favre confessed that what Trochu stood in defence of, was not the Prussian soldier, but the Paris workman. Four months after the commencement of

1) Правительство обороны. Трошю, Фавр, Пикар, Ферри как депутаты Парижа

Республику, провозглашенную 4 сентября парижскими рабочими, приветствовала вся Франция с полнейшим единодушием. Свое право на жизнь она завоевала пятимесячной оборонительной войной, (центром) основой которой было сопротивление Парижа. Без этой оборонительной войны, которая велась от имени республики, Вильгельм-Завоеватель восстановил бы империю своего «доброго брата» Луи Бонапарта. Шайка адвокатов, — Тьер был ее государственным деятелем, а Трошю генералом — водворилась в городской ратуше в минуту переполоха, когда действительные вожди парижского рабочего класса еще сидели в бонапартовских тюрьмах, а прусская армия уже шла на Париж... В тот момент Тьеры, Жюли Фавры, Пикары были так глубоко проникнуты верой в историческое руководство Парижа, что свою претензию быть правительством национальной обороны они обосновывали фактом своего избрания во время выборов в Законодательный корпус в 1869 г.

В нашем втором обращении по поводу недавней войны, пять дней спустя после прихода этих людей, мы рассказали вам, кто они такие. Если они захватили правительственную власть без согласия Парижа, то Париж провозгласил республику вопреки их сопротивлению. И их первый шаг заключался в том, что они послали Тьера околачивать пороги всех европейских дворов, чтобы купить там, если возможно, иностранное посредничество ценою обмена республики на короля. Париж терпел их правление (захват власти), потому что они торжественно обещали пользоваться этой властью исключительно лишь в целях *национальной обороны*. Однако серьезно защищать Париж можно было только вооружив рабочий класс, организовав его в национальную гвардию и обучив рабочих военному делу в ходе самой войны. Но вооружить Париж значило вооружить социальную революцию. Победа Парижа над пруссаками была бы победой республики над классовым господством во Франции. В этом конфликте между национальным долгом и классовым интересом правительство национальной обороны не поколебалось ни на мгновение превратиться в правительство национальной

the siege when they thought the opportune moment come for breaking the first word of capitulation, Trochu[,] in the presence of Jules Favre and others of his colleagues, addresses the reunion of the maires of Paris in these terms: «The first question, adressed to me by my colleagues on the very evening of the 4-th Sept. was this: Paris, can it with any chance of success, stand a siege against the Prussian army? I did not hesitate to answer in the negative. Some of my colleagues here present will warrant the truth of my words, and *the persistence of my opinion*. I told them, in these very terms, that under the existing state of things, the attempt of Paris to maintain a siege against the Prussian army, would be a folly. Without doubt, I added, it might be a heroic *folly*, but it would be nothing more... *The events* (managed by himself) *have not given the lie to my prevision*». (This little speech of Trochu was after the armistice published by M. Corbon, one of the Maires present.) Thus on the very evening of the proclamation of the Republic, Trochu's «plan», known to his colleagues [was] nothing else but the *capitulation of Paris and France*. To cure Paris of its «heroic folly», it had to undergo a treatment of decimation and famine, long enough to screen the usurpers of the 4-th of September from the vengeance of the December men. If the national defence had been more than a false pretence for «government», its self-appointed members would have abdicated on the 5-th of September, publicly revealed Trochu's «plan» and called upon the Paris people to at once surrender to the conqueror or take the work of defence in its own hands. Instead of this the imposters published high-sounding manifestoes wherein Trochu «the governor will never capitulate» and Jules Favre the Foreign minister «not cede a stone of our fortresses, nor a foot of our territory». Through the whole time of the siege Trochu's plan was systematically carried out. In fact the vile Bonapartist cut-throats, to whose trust they gave the generalship of Paris, cracked in their intimate correspondence ribald jokes at the well understood farce of the defence. (See f. i. the correspondence of *Alphonse Simon Guiod*, supreme commander of the artillery of the army of defence of Paris and grand-cross of the Legion of Honour, to *Suzanne*, General of Division of Artillery, published by the *Journal Officiel* of the Commune.) The mask of imposture was dropped at the capitulation of Paris. The «*government of national defence*» unmasked (resurged)

измены. В письме к Гамбетте Жюль Фавр признался, что врагом, против которого оборонялся Трошю, был не прусский солдат, а парижский рабочий. Через четыре месяца после начала осады, когда они сочли своевременным произнести первое слово о капитуляции, Трошю в присутствии Жюля Фавра и других своих коллег обращается к собранию парижских мэров со следующими словами: «Первый вопрос, обращенный ко мне моими коллегами вечером же 4 сентября, был таков: может ли Париж, с какими-нибудь шансами на успех выдержать осаду прусской армии? Я, не колеблясь, ответил отрицательно. Некоторые из моих коллег, присутствующих здесь, подтвердят, что я говорю правду и что я не менял *своего взгляда*. Я сказал им буквально в этих самых выражениях, что при существующем положении вещей попытка Парижа выдержать осаду прусской армии была бы *безумием*. Конечно, — прибавил я, — это было бы геройское безумие, но не более того... *События* (которыми управлял он сам) *не обманули моего предвидения*». (Эту маленькую речь Трошю один из присутствовавших мэров, г. Корбон, опубликовал после заключения перемирия.) Итак, уже вечером в день провозглашения республики коллеги Трошю знали, что его «план» заключается не в чем ином, как в *капитуляции Парижа и Франции*. Чтобы излечить Париж от его «геройского безумия», его надо было подвергнуть режиму кровопускания и голода, достаточно продолжительному для ограждения узурпаторов 4 сентября от мести героев декабрьского переворота. Если бы национальная оборона не была только лживым предлогом для «правительства», его самозванные члены сложили бы с себя власть уже 5 сентября, огласили бы во всеобщее сведение «план» Трошю и призвали бы население Парижа либо сразу же сдаться победителю, либо взять дело обороны в свои собственные руки. Вместо того эти самозванцы стали издавать высокопарные манифесты, в которых говорилось, что Трошю, «губернатор, никогда не капитулирует», что Жюль Фавр, министр иностранных дел, «не уступит ни одного камня наших крепостей, ни одной пяди нашей земли». Во все время осады план Трошю систематически выполнялся. Действительно, подлые бонапартовские головорезы, которым было поручено верховное командование Парижем, отпускали непристойные шутки в своей частной переписке по поводу всей этой комедии обороны, смысл которой они хорошо понимали. (См., напр., опубликованную Коммуной в «*Journal Officiel*» переписку главного начальника артиллерии парижской оборонительной армии и кавалера большого ордена Почетного легиона *Альфонса Симона Гио* с артиллерийским дивизионным генералом *Сюзанном*.) Жульническая маска была сброшена в момент капитуляции Парижа. «*Правительство национальной обороны*» разоблачило себя

itself as the *«government of France by Bismarck's prisoners»* — a part which Louis Bonaparte himself, at Sedan had considered too infamous even for a man of his stamp. On their wild flight to Versailles, after the events of the 18-th March, the capitulards have left in the hands of Paris the documentary evidence of their treason, to destroy which, as the Commune says in its *Manifesto to the Provinces*, «they would not recoil from battering Paris into a heap of ruins washed in a sea of blood».

Some of the most influential members of the government of defence had moreover urgent private reasons of their own to be passionately bent upon such a consummation. Look only at Jules Favre, Ernest Picard, and Jules Ferry!

Shortly after the conclusion of the armistice, *M. Millière*, one of the representatives of Paris to the National Assembly, published a series of authentic legal documents in proof that *Jules Favre*, living in concubinage with the wife of a drunkard, resident at Algiers, had by a most daring concoction of forgeries, spread over many years, contrived to grasp, in the name of the children of his adultery, a large succession which made him a rich man, and that, in a law suit undertaken by the legitimate heirs, he only escaped exposure through the connivance of the Bonapartist tribunals. Since those dry legal documents were not to be got rid of by any horsepower of rhetorics, Jules Favre, in the same heroism of self-abusement, remained for once tongue-tied until the turmoil of the civil war allowed him to brand the Paris people in the Versailles assembly as a band of «escaped convicts» in utter revolt against family, religion, order and property!

(Pick affaire). This very forger had hardly got into power when he sympathetically hastened to liberate two brother forgers, Pic and Taillefer, who had been under the Empire itself convicted to the hulks for theft and forgery. One of these men, Taillefer, daring to return to Paris after the instalment of the Commune, was at once returned to a convenient abode; and then Jules Favre told all Europe that Paris was setting free all the felonious inhabitants of her prisons!

Ernest Picard, appointed by himself the home-minister of the French Republic on the 4-th of September, after having striven in vain to become the home-minister of Louis Bonaparte, is the brother of one *Arthur Picard*, an individual, expulsed from the Paris bourse as a blackleg (Report of the Prefecture of Police d. d. 13. July 1867) and convicted

(предстало) *как «правительство Франции, состоящее из пленников Бисмарка»* — роль, которую сам Луи Бонапарт в Седане счел слишком гнусной даже для человека такого сорта, как он. Спасаясь паническим бегством в Версаль после событий 18 марта капитулянты оставили в руках Парижа документальные доказательства своей измены и, чтобы уничтожить их, как говорит Коммуна в своем манифесте *к провинциям*, «они не отступили бы перед превращением Парижа в груду развалин, потопленную в море крови».

Некоторые из наиболее влиятельных членов правительства обороны кроме того имели весьма важные основания чисто личного характера страстно добиваться именно такой развязки. Взгляните только на Жюля Фавра, Эрнеста Пикара и Жюля Ферри!

Вскоре после заключения перемирия *г. Мильер*, один из депутатов Парижа в Национальном собрании, опубликовал ряд подлинных юридических документов, доказывающих, что *Жюль Фавр*, находясь в сожительстве с женой одного спившегося алжирского обывателя, сумел захватить при помощи самых наглых подлогов, совершавшихся им в течение многих лет от имени своих незаконнорожденных детей, огромное наследство, которое сделало его богатым человеком, и что в процессе, начатом против него законными наследниками, он избежал разоблачения только благодаря потворству бонапартовских судов. Так как от этих сухих юридических документов нельзя было избавиться никакой затратой реторической энергии, то Жюль Фавр, с тем же героизмом самоунижения, на этот раз держал язык на привязи до тех пор, пока буря гражданской войны не дала ему возможность заклеймить в Версальском собрании парижское население как банду «беглых каторжников», дерзко взбунтовавшихся против семьи, религии, порядка и собственности!

(Дело Пика.) Этот же самый подделыватель документов, едва придя к власти, поспешил из чувства симпатии освободить двух других собратьев-подделывателей, Пика и Тайефера, которые даже при империи были приговорены к каторге за кражу и подлоги. Один из них, Тайефер, посмел вернуться в Париж после установления Коммуны но был тотчас же водворен обратно в соответствующее место; и после этого Жюль Фавр заявлял всей Европе, что Париж выпускает на свободу всех преступных обитателей своих тюрем!

Эрнест Пикар, сам назначивший себя 4 сентября министром внутренних дел Французской республики после тщетных попыток в прошлом попасть в министры внутренних дел Луи Бонапарта, приходится братом некоему *Артуру Пикару*, субъекту, исключенному с парижской биржи за мошенничество (Донесение полицейской

on his own confession of a theft of 300 000 francs while a director of one of the branches of the *Société Générale*. (see Report of the Prefecture of Police 11 December 1868). Both these reports have been still published at the time of the Empire. This Arthur Picard was made by Ernest Picard the *rédacteur en chef* of his «*Electeur libre*» to act during the whole siege as his financial go-between, discounting at the Bourse the state secrets in the trust of Ernest and safely speculating on the disasters of the French army, while the common jobbers were misled by the false news, and official lies, published in the «Electeur libre», the organ of the home minister. The whole financial correspondence between that worthy pair of brothers has fallen into the hands of the Commune. No wonder that Ernest Picard, the Joe Miller of the Versailles government, «with his hands in his trousers pockets, walked from group to group cracking jokes», at the first batch of Paris National Guards, made prisoners, and exposed to the ferocious outrages of Pietri's lambs.

Jules Ferry, a pennyless barrister before the 4-th of September, contrived as the Maire of Paris, to job during the siege a fortune out of the a mine which was to a great part the work of his maladministration. The documentary proofs are in the hands of the Commune. The day on which he would have to give an account of his maladministration would be his day of judgment.

These men therefore are the deadly foes of the workingmen's Paris, not only as parasites of the ruling classes, not only as the betrayers of Paris during the siege, but above all as common felons who only in the ruins of Paris, this stronghold of the French Revolution, can hope to find their *tickets-of-leave*. These desperadoes were exactly the men to become the ministers of Thiers.

2) Thiers. Dufaure. Pouyer-Quertier

In the «parliamentary sense» things are only a pretext for words, serving as a snare for the adversary, an embuscade for the people, or a matter of artistic display for the speaker himself.

Their master M. Thiers, the mischievous gnome, has charmed the French bourgeoisie for almost half a century, because he is the most consummate intellectual expression of their own class corruption. Even before he became a statesman, he had shown his lying powers as a

префектуры от 13 июля 1867 г.) и осужденному, на основании его собственного признания, за кражу 300 000 франков в бытность его директором одного из отделений *«Генерального общества»* (см. Донесение полицейской префектуры от 11 декабря 1868 г.). Оба эти донесения были опубликованы еще во времена империи. Этого-то Артура Пикара Эрнест Пикар назначил *главным редактором* своей газеты, *«Électeur libre»*, сделав его таким образом на все время осады своим финансовым посредником, который дисконтировал на бирже государственные тайны, доверенные Эрнесту, и безошибочно спекулировал на поражениях французской армии, обманывая в то же время обыкновенных спекулянтов ложными известиями и официальными враками, публиковавшимися в «Électeur libre», органе министерства внутренних дел. Вся финансовая переписка этой достойной парочки братьев попала в руки Коммуны. Не удивительно, что Эрнест Пикар, этот Джо Миллер версальского правительства, «засунув руки в карманы штанов, переходил от одной группы пленных к другой, отпуская шуточки», когда первая партия парижских национальных гвардейцев, взятых в плен, подвергалась в Версале зверским жестокостям со стороны «овечек» Пьетри.

Жюль Ферри, нищий адвокат до 4 сентября, ухитрился в качестве мэра Парижа во время осады нажить себе состояние на голоде столицы, вызванном в значительной мере его же хозяйничаньем. Документальные данные находятся в руках Коммуны. Тот день, когда ему пришлось бы дать отчет в своем хозяйничаньи, был бы днем его осуждения.

Названные лица являются поэтому смертельными врагами рабочего Парижа, не только как паразиты господствующих классов, не только как предатели Парижа во время осады, но прежде всего как уголовные преступники, которые только на развалинах Парижа, этой твердыни французской революции, могут надеяться получить *tickets-of-leave* («отпускные билеты»). Эти отъявленные мошенники были самыми подходящими людьми, чтобы стать министрами Тьера.

2) Тьер, Дюфор, Пуйе-Кертье

В «парламентском смысле» вещи — только предлог для слов, служа ловушкой для противника, засадой для народа или предметом актерской рисовки для самого оратора.

Их маэстро, г. Тьер, этот злобный гном, около полустолетия очаровывал французскую буржуазию, потому что он представляет собой наиболее законченное интеллектуальное выражение ее собственной классовой испорченности. Еще до того как стать государственным

historian. Eager of display, like all dwarfish men, greedy of place and pelf, with a barren intellect but lively fancy, epicurean, sceptical, of an encyclopedic facility for mastering (learning) the surface of things, and turning things into a mere pretext for talk, a word fencer of rare conversational power, a writer of lucid shallowness, a master of small state roguery, a virtuoso in perjury, a craftsman in all the petty stratagems, cunning devices and base perfidies of parliamentary party warfare, national and class prejudices standing him in the place of ideas, and vanity in the place of conscience, in order to displace a rival, and to shoot [?] the people, in order to stifle the Revolution, mischievous when in opposition, odious when in power, never scrupling to provoke revolutions, the history of his public life is the chronicle of the miseries of his country. Fond of brandishing with his dwarfish arms in the face of Europe the sword of the first Napoleon, whose historical shoeblack he had become, his Foreign policy always culminated in the utter humiliation of France, from the London convention of 1841 to the Paris capitulation of 1871 and the present civil war he wages under the shelter of Prussian invasion. It need not be said that to such a man the deeper undercurrents of modern society remained a close[d] book, but even the most palpable changes at its surface were abhorrent to a brain all whose vitality had fled to the tongue. For instance he never fatigued to denounce any deviation from the old French protective system as a sacrilege, railways he sneeringly derided, when a minister of Louis Philippe, as a wild chimera, and every reform of the rotten French army system he branded under Louis Bonaparte as a profanation. With all his versatility of talent and shiftiness of purpose, he was steadily wedded to the traditions of a fossilized routine, and never, during his long official career, became guilty of one single, even the smallest measure of practical use. Only the old world's edifice, may be proud of being crowned by two such men as Napoleon the little and little Thiers. The so-called accomplishments of culture appear in such a man only as he refinement of debauchery and the...... of selfishness.

Banded with the republicans under the restauration, Thiers insinuated himself with Louis Philippe as a spy upon and the jail-

мужем, он доказал свои таланты лжеца в качестве историка. Стремящийся блистать, подобно всем крошечным людям, жадный до видных постов и доходов, с бесплодным умом, но живой фантазией, эпикуреец и скептик, с энциклопедической легкостью овладевающий (усваивающий) наружной стороной вещей и превращающий вещи в простой предлог для болтовни, словесный фехтовальщик редкой силы в пустяковых разговорах, писатель столь же ясный, сколь и плоский, мастер мелких государственных плутней, виртуоз в вероломстве, артист во всех мелочных хитростях, ловкий в происках и коварных низостях мелкой парламентской борьбы партий, человек с национальными и классовыми предрассудками вместо идей и с тщеславием вместо совести; всегда готовый устранить соперника, готовый расстреливать народ, чтобы задушить революцию; злонамеренный, когда он в оппозиции, ненавистный, когда у власти, никогда не останавливающийся перед провоцированием революций, — история его общественной жизни является летописью бедствий его страны. Своими карликовыми ручками он любил размахивать перед лицом Европы мечом Наполеона I, чистильщиком сапог которого он сделался как историк, на деле же его внешняя политика всегда приводила к крайнему унижению Франции, начиная от лондонской конвенции 1841 г. до капитуляции Парижа 1871 г. и до нынешней гражданской войны, которую он ведет под защитой прусского вторжения. Нечего и говорить, что для такого человека более глубокие подземные течения современного общества оставались книгой за семью печатями, но даже самые осязательные изменения на его поверхности не укладывались в его мозгу, все силы которого ушли в язык. Так, например, он не уставал обличать как святотатство всякое уклонение от старой французской протекционистской системы; будучи министром Луи-Филиппа, он всячески издевался над железными дорогами как над вздорной химерой, а всякую реформу гнилой французской военной системы клеймил при Луи Бонапарте как оскорбление святыни. При всей гибкости его таланта и непостоянстве целей он был закоренелым рутинером и ни разу в течение всей своей долговременной государственной карьеры не был виновником ни одной хоть сколько-нибудь полезной практической меры, пусть даже самой мелкой. Только старый мир может гордиться тем, что его здание увенчивается двумя такими людьми, как Наполеон малый и маленький Тьер. Так называемые достижения культуры проявляются в таком человеке только в виде утонченного разврата и... своекорыстия.

Связанный во время реставрации с республиканцами, Тьер втерся в доверие к Луи-Филиппу тем, что был шпионом и тюремщиком-

accoucheur of the Duchess of Berry, but his activity when he had first slipt into a ministry (1834—35) centred in the massacre of the insurgent Republicans at the rue Transnonain and the incubation of the atrocious September laws against the press.

Reappearing as the chief of the cabinet in March 1840 he came out with the plot of the Paris fortifications. To the [protest] of the Republican party against the sinister attempt on the liberty of Paris, he replied: «What! To fancy that any works of fortification could endanger liberty! And first of all, you calumniate *every Government whatever* in supposing that it could one day try to maintain itself by bombarding the capital... But it would be [a] hundred times more impossible after its victory than before».

Indeed no French government whatever save that of M. Thiers himself with his ticket-of-leave ministers and his rural ruminants could have dared upon such a deed! And this too in the most classic form; one part of his fortifications in the hands of his Prussian conquerors and protectors.

When king Bomba tried his hands at Palermo in January 1848, Thiers rose in the Chambre of Deputies: «You know, gentlemen, what passes at Palermo: you all shock with horror» (in the «parliamentary» sense) «when hearing that *during 48 hours a great town has been bombarded.* By whom? was it by a Foreign enemy, exercising the rights o war? No, gentlemen, by *its own government*». (If it had been by its own government, under the eyes and on the sufferance of the Foreign enemy, all would, of course, have been right.) «And why? *Because that unfortunate town* (city) *demanded its rights.* Well, then. For the demand of its rights, it has *had 48 hours of bombardment*» (If the bombardment had lasted 4 weeks and more, all would have been right)... «Allow me to appeal to the opinion of Europe. It is doing a service to mankind to come and make reverberate from the greatest tribune perhaps of Europe some *words of indignation* (indeed! words!) against such acts... When the regent Espartero, who had rendered services to his country (what Thiers never did), *in order to suppress an insurrection,* wanted to *bombard Barcelona,* there was from all parts of the world a general shriek of indignation».

Well, about a year later this fine-souled man became the sinister suggester and the most fierce defender (apologist) of the bombardment of Rome by the troops of the French republic, under the command of the legitimist Oudinot.

акушером при герцогине Беррийской, но кульминационным пунктом его деятельности, когда он впервые пробрался в министерство (1834 — 1835 гг.), была резня республиканских повстанцев на улице Транснонен и подготовка свирепых сентябрьских законов против печати.

Снова появившись на сцену в качестве главы кабинета в марте 1840 г., он выступил с заговорщическим планом парижских укреплений. На протест республиканской партии против этого злостного покушения на свободу Парижа он ответил: «Как! Вы находите, что какие бы то ни было укрепления могут быть опасны свободе! И прежде всего вы клевещете, что какое-нибудь правительство могло бы когда-нибудь сделать попытку удержаться путем бомбардировки столицы... Но ведь оно сделалось бы во сто крат невозможнее после своей победы, чем было до нее».

Действительно, никакое французское правительство, кроме правительства самого г. Тьера с его «ticket-of-leave» министрами и жвачной деревенщиной, не осмелилось бы на подобное деяние! Да еще в такой классической форме, когда часть его укреплений находилась в руках его прусских завоевателей и покровителей.

Когда в январе 1848 г. король-Бомба испробовал силу своего кулака на Палермо, Тьер выступил в палате депутатов: «Вы знаете, господа, что происходит в Палермо; вы все содрогаетесь от ужаса» (в «парламентском» смысле слова) «при вести, что *большой город в течение 48 часов подвергался бомбардировке*. И кем же? Чужеземным неприятелем, осуществлявшим право войны? Нет, господа, *своим же собственным правительством*». (Если бы это было сделано его же собственным правительством на глазах и при попустительстве иноземного врага, все было бы, конечно, в порядке.) «И за что? *За то, что этот несчастный город требовал своих прав*. Да, за требование своих прав он был подвергнут *48-часовой бомбардировке*». (Если бы бомбардировка продолжалась 4 недели и больше, все было бы в порядке.)... «Я апеллирую к общественному мнению Европы. Будет заслугой перед человечеством притти сюда и с величайшей, может быть, из трибун Европы заклеймить *словами негодования* (да, действительно, словами!) подобные действия... Когда регент Эспартеро, оказавший услуги своей стране (чего никогда не делал Тьер), вздумал *бомбардировать Барселону, чтобы подавить в ней восстание*, со всех концов мира поднялся всеобщий крик негодования».

И что же? Год спустя этот человек утонченной души сделался злостным подстрекателем и самым ярым защитником (апологетом) бомбардировки Рима войсками Французской республики под командой легитимиста Удино.

A few days before the Revolution of February, fretting at the long exile from power to which Guizot had condemned him, smelling in the air the commotion, Thiers exclaimed again in the Chambre of Deputies:

«*I am of the party of Revolution*, not only in France, but in Europe. I wish the government of the Revolution to remain in the hands of moderate men. But if that government should pass into the hands of ardent men, even of the Radicals, I should not for all that desert (abandon) my cause. *I shall always be of the party of the Revolution*».

The Revolution of February came. Instead of displacing the cabinet Guizot by the cabinet Thiers, as the little man had dreamt, it displaced Louis Philippe by the Republic. To put down that Revolution was M. Thiers' exclusive business from the proclamation of the Republic to *the Coup d'Etat.* On the first day of the popular victory, he anxiously hid himself, forgetting that the contempt of the people rescued him from its hatred. Still, with his legendary courage, he continued to shy the public stage until after the bloody disruption of the material forces of the Paris proletariat by Cavaignac, the bourgeois republican. Then the scene was cleared for his sort of action. His hour had again struck. He became the leading mind of the «*Party of Order*» and its «*Parliamentary Republic*», that anonymous reign in which all the rival factions of the ruling classes conspired together to crush the working class and conspired against each other, each for the restoration of its own monarchy.

(The Restoration had been the reign of aristocratic landed proprietors, the July monarchy the reign of the capitalist, Cavaignac's republic the reign of the «republican» fraction of the bourge isie, while during all these reigns the band of hungry adventurers forming the Bonapartist party had panted in vain for the plunder of France, that was to qualify them as the saviours of «order and property, family and religion».

That Republic was the anonymous reign of the coalised Legitimists, Orleanists, and Bonapartists with the bourgeois Republicans for their tail).

3) The Rural Assembly

If this rural assembly, meeting at Bordeaux, made this government, the «Government of defence men» had beforehand taken good care to make that assembly. For that purpose they had dispatched Thiers on

За несколько дней до февральской революции будучи раздражен долгим пребыванием вдали от власти, на которое осудил его Гизо, и чуя в воздухе бурю, Тьер снова воскликнул в палате депутатов:

«*Я принадлежу к партии революции* не только во Франции, но и в Европе. Я желаю, чтобы правительство революции оставалось в руках умеренных людей. Но если бы оно перешло в руки людей пылких, даже в руки радикалов, я все-таки не оставил бы (покинул бы) своего дела. *Я всегда буду принадлежать к партии революции*».

Февральская революция наступила. Вместо того, чтобы заменить кабинет Гизо кабинетом Тьера, о чем мечтал этот маленький человек, она заменила Луи-Филиппа республикой. Разгром этой революции был единственным делом г. Тьера с момента провозглашения республики до государственного переворота. В первый день народной победы он заботливо скрывался, забыв, что презрение народа к нему спасает его от народной ненависти. Все-таки со свойственной ему храбростью, вошедшей в поговорку, он продолжал избегать общественной арены, пока материальные силы парижского пролетариата не были разгромлены в кровопролитном бою буржуазным республиканцем Кавеньяком. Тогда сцена была очищена для деятелей его сорта. Его час настал снова. Он сделался идейным руководителем «*партии порядка*» и ее «*парламентарной республики*», этого анонимного царства, во время которого все соперничающие фракции господствующих классов объединились в общем заговоре, чтобы раздавить рабочий класс, и устраивали заговоры друг против друга, стремясь каждая восстановить свою собственную монархию.

(Реставрация была царством аристократических землевладельцев, июльская монархия царством капиталистов, республика Кавеньяка царством «республиканской» фракции буржуазии, тогда как во время всех этих режимов банда алчных авантюристов, составляющих бонапартистскую партию, тщетно рвалась к возможности грабить Францию, что дало бы ей право на звание «спасителей порядка и собственности, семьи и религии».

Эта республика была анонимным царством объединившихся легитимистов, орлеанистов и бонапартистов, в хвосте которых плелись буржуазные республиканцы).

3) Помещичья палата

Если эта помещичья палата, заседая в Бордо, создала это правительство, то «правительство, состоящее из людей обороны», заранее приняло все меры к созданию этой палаты. С этой целью

a travelling tour through the provinces, there to foreshadow coming events and make ready for the surprise of the general elections. Thiers had to overcome one difficulty. Quite apart from having become an abomination to the French people, the Bonapartists, if numerously elected, would at once have restored the Empire and embaled M. Thiers and Co. for a voyage to Cayenne. The Orleanists were too sparsely scattered to fill their own places and those vacated by the Bonapartists. To galvanize the Legitimist party, had therefore become unavoidable. Thiers was not afraid of his task. Impossible as a government of modern France, and therefore contemptible as rivals for place and pelf, who could be fitter to be handled as the blind tool of Counterrevolution, than the party whose action, in the words of Thiers had always been confined to the three resources of [«] Foreign invasion, civil war, and anarchy». *(Speech of Thiers at the Chambre of Deputies of January 5, 1833).* A select set of the Legitimists, expropriated by the Revolution of 1789, had regained their estates by enlisting in the servant hall of the first Napoleon, the bulk of them by the milliard of indemnity and the private donations of the Restoration. Even their seclusion from participation in active politics under the successive reigns of Louis Philippe and Napoleon the little, served as a lever to the re-establishment of their wealth, as landed proprietors. Freed from court and representation costs at Paris, they had, out of the very corners of provincial France, only to gather the golden apples falling into their châteaux from the tree of modern industry, railways enhancing the price of their land, agronomy applied to it by capitalist farmers, increasing its produce, and the inexhaustible demand of a rapidly swollen town population, securing the growth of markets for that produce. The very same social agencies which reconstituted their material wealth and remade their importance as partners of that joint-stock-company of modern slaveholders, screened them from the infection of the modern ideas and allowed them, in rustic innocence, nothing to forget and nothing to learn. Such people furnished the mere passive material to be worked upon by a man like Thiers. While executing the mission, entrusted to him by the government of defence, the mischievous imp overreached his mandataries in securing to himself that multitude of elections which was to convert the defence men from his opponent masters into his avowed servants.

оно отправило Тьера в поездку по провинциям, где он должен был ознакомить население в общих чертах с наступающими событиями и подготовить почву для внезапного назначения общих выборов. Тьер должен был преодолеть одно затруднение. Не говоря уже о том, что бонапартисты сделались предметом отвращения для французского народа, их избрание в большом количестве привело бы к тому, что они тотчас же восстановили бы империю и снарядили бы г. Тьера и К° для путешествия в Кайенну. Орлеанисты были слишком редки, чтобы они могли заполнить свои собственные места и места, освобожденные бонапартистами. Поэтому неизбежно надо было гальванизировать легитимистскую партию. Тьер не испугался этой задачи. Как правительство современной Франции легитимисты были невозможны и потому как соперники в погоне за местами и доходами могли вызывать лишь презрение, — но какая партия была наиболее удобным слепым орудием контрреволюции, чем та, которая в своих действиях, по словам Тьера, всегда пользовалась только тремя средствами: «иноземным вторжением, гражданской войной и анархией?» *(Речь Тьера в палате депутатов от 5 января 1833 г.)* Отдельные группы легитимистов, экспроприированные революцией 1789 г., вернули себе свои имения тем, что поступили в лакейскую Наполеона I, а большинство их — благодаря миллиарду возмещения и личным дарениям во время реставрации. Даже их удаление от активной политической жизни при последующих режимах Луи-Филиппа и Наполеона малого послужило им рычагом для восстановления своего богатства как земельных собственников. Избавленные от расходов на придворную жизнь и представительство в Париже, они, сидя в разных углах провинциальной Франции, только и делали, что собирали золотые яблоки, падавшие в их замки с древа современной промышленности, так как железные дороги повышали цену их земли, агрономическая наука, применяемая к ней капиталистическими фермерами, увеличивала ее продукцию, а неиссякаемый спрос быстро возрастающего городского населения обеспечивал рост рынков для сбыта этой продукции. И те же самые социальные факторы, которые восстановили их материальное богатство и вернули им важную роль как участников акционерной компании современных рабовладельцев, оградили их также от заразы современных идей и дали им возможность ничего не позабыть и ничему не научиться в своей сельской невинности. Подобные люди являлись чисто пассивным материалом в руках такого человека, как Тьер. Выполняя миссию, возложенную на него правительством обороны, этот злобный бесенок превысил свои полномочия, обеспечив себе такое количество мандатов, которое должно было превратить членов правительства обороны из его строптивых господ в его открытых слуг.

The electoral traps being thus laid, the French people was suddenly summoned by the capitulards of Paris to choose, within 8 days a national assembly, with the exclusive task, by virtue of the terms of the convention of the 31-st January, dictated by Bismarck, to decide on war or peace. Quite apart [from] the extraordinary circumstances, under which that election occurred, with no time for deliberation, with one half of France under the sway of Prussian bayonets, with its other half secretly worked upon by the government intrigue, with Paris secluded from the provinces, the French people felt instinctively that the very terms of the armistice, undergone by the capitulards left France no choice (alternative) but that of a peace *à outrance*, and that for its sanction the worst men of France would be the best. Hence the rural assembly emerging at Bordeaux.

Still we must distinguish between the old regime orgies and the real historical business of the rurals. Astonished to find themselves the strongest fraction of an immense majority composed of themselves, and the Orleanists, with a contingent of Bourgeois republicans and a mere sprinkling of Bonapartists, they vainly believed in the long expected advent of their retrospective millennium. There were the heels of the Foreign invasion, trampling upon France, there was the downfall of the Empire and the captivity of a Bonaparte, and there they were themselves. The wheel of history had evidently turned round to stop at the *Chambre introuvable* of 1816, with its deep and impassionate curses against the Revolutionary deluge and its abominations, with its «decapitation and decapitalisation of Paris», its «decentralisation» breaking through the net-work of state rule by the local influences of the Châteaux and its religious homilies and its tenets of antediluvian politics, with [its] gentilhommery, flippancy, its genealogic spite against the drudging masses, and its Oeil de Boeuf views of the world. Still in point of fact they had only to act their part as joint stock holders of the «party of order», as monopolists of the means of production. From 1848 to 1851, they had only to form a fraction of the interregnum of the «parliamentary republic», with this difference that then they were represented by the educated and trained parliamentary champions, the Berryer, the Falloux, the Larochejaquelein, while now they had to ask in their rustic rank and file, imparting thus a different tone and tune to the assembly, masquerading its bourgeois reality under feudal colours. Their grotesque exaggerations (lies [?]) serve only to set off the liberalism of their banditti government. Ensnared into an usurpation of powers beyond their electoral mandates, they live only on the sufferance of their selfmade rulers. The Foreign invasion of 1814 and 1815 having been the deadly

Когда избирательные силки были таким образом расставлены, парижские капитулянты неожиданно предложили французскому народу выбрать в недельный срок Национальное собрание, с единственным назначением — в силу условий соглашения от 31 января, продиктованного Бисмарком, — решить вопрос о войне и мире. Совершенно независимо от чрезвычайных обстоятельств, при которых протекали эти выборы, когда не было времени для обсуждения, когда одна половина Франции находилась под властью прусских штыков, а другая под тайным давлением правительственных интриг, когда Париж был отрезан от провинций, — независимо от этого французский народ инстинктивно понял, что самые условия перемирия, принятого капитулянтами, не оставляют Франции другого выбора (альтернативы), кроме мира *во что бы то ни стало*, и что для его санкционирования худшие люди Франции будут наиболее подходящими. Отсюда — помещичья палата, возникшая в Бордо.

Все же мы должны различать между старорежимными оргиями и действительной исторической работой помещичьих депутатов. Изумленные тем, что они оказались сильнейшей фракцией огромного большинства, состоящего из них самих и орлеанистов, с небольшой примесью буржуазных республиканцев и лишь случайно вкрапленными бонапартистами, они легкомысленно уверовали в долгожданное пришествие их тысячелетнего царства. Ведь пята иноземного завоевателя опять попирала Францию, опять ниспровергнута империя, и Бонапарт в плену, и они сами тоже опять на месте. Колесо истории, очевидно, повернулось назад, чтобы остановиться на *«бесподобной палате»* 1816 г. — с ее неистовыми, страстными проклятиями по адресу революционного потопа и его ужасов, с ее требованием «обезглавить Париж и лишить его звания столицы», с ее «децентрализацией», которая должна прорвать сеть государственного аппарата местными влияниями помещичьих усадеб, с ее религиозными проповедями и догматами допотопной политики, с ее дворянской спесью, наглостью, генеалогической ненавистью к трудящимся массам и придворно-лакейским взглядом на мир. В действительности, однако, легитимисты могли играть роль только в качестве членов-акционеров «партии порядка», как монополисты средств производства. С 1848 до 1851 г. они могли быть только одной из фракций междуцарствия «парламентарной республики» — с тем различием, что тогда они были представлены своими образованными и искушенными в парламентской борьбе лидерами, Берье, Фаллу, Ларошжакленами, тогда как теперь им приходилось искать себе представителей среди рядовых деревенских помещиков, что сообщило другой тон всему Собранию, скрыв его буржуазную действительность под феодальным нарядом. Их нелепые преувеличения (ложь[?]) только служат

weapon wielded against them by the bourgeois parvenus, they have [in] injudicial blindness fastened upon themselves the responsibility of this unprecedented surrender of France to the Foreigner by their bourgeois foes. The French people, astonished and insulted by the reappearance of all the noble Pourceaugnacs it believed buried long since, has become aware that beside making the Revolution of the 19 th century it has to finish off the Revolution of 1789 by driving the [...?...] to the last goal of all rustic criminals — the shambles.

5) Opening of the civil war. 18 m[arch] Revolution. Clément Thomas. Lecomte. The Affaire Vendôme

The disarmament of Paris, as a mere necessity of the counterrevolutionary plot, might have been undertaken in a more temporizing circumspect manner, but as a clause of the urgent financial treaty with its irresistible fascinations, it brooked no delay. Thiers had therefore to try his hands at a *coup d'Etat*. He opened the civil war by sending Vinoy, the Décembriseur, at the head of a multitude of sergents-de-ville and a few regiments of the line, upon the nocturnal expedition against the butte Montmartre. His felonious attempt having broken down on the resistance of the National Guards and their fraternization with the soldiers, on the following day, in a manifesto, stuck to the walls of Paris, Thiers told the National Guards of his magnanimous resolve to leave them their arms, with which he felt sure, they would be eager to rally round the government against «the rebels». Out of 300 000 national guards only 300 responded to his summons. The glorious workmen's Revolution of the 18-th March had taken undisputed possession (sway) of Paris.

The Central Committee, which directed the defence of Montmartre and emerged on the dawn of the 18-th March as the leader of the Revolution, was neither an expedient of the moment nor the offspring of secret conspiracy. From the very day of the capitulation, by which the government of the national defence had disarmed France but reserved to itself a bodyguard of 40 000 troops for the purpose of cowing Paris, Paris stood on the watch. The national guard reformed its organisation and entrusted its supreme control to a Central Committee, consisting of the delegates of the single companies, mostly workmen, with their main strength in the workmen's suburbs, but soon accepted by the whole

для того, чтобы резче подчеркнуть либерализм их бандитского правительства. Завлеченные на путь узурпации полномочий, превышающих их избирательные мандаты, они живут только попустительством своих самозванных правителей. Хотя иноземное вторжение в 1814 и 1815 гг. явилось смертоносным оружием против них в руках буржуазных выскочек, они в безрассудной слепоте взяли на себя ответственность за нынешнюю беспримерную капитуляцию Франции, которую их буржуазные недруги выдали иноземцу. Французский народ, пораженный и возмущенный возвращением всех этих высокородных Пурсоньяков, которых он считал давно похороненными, убедился, что ему нужно не только сделать революцию XIX века, но и доделать революцию 1789 г., отправив [претендентов] туда, куда попадают в конце концов все деревенские преступники, т. е. на живодерню.

5) Начало гражданской войны. Революция 18 марта. Клеман Тома. Леконт. Стычка на Вандомской площади

Разоружение Парижа, как элементарное необходимое условие контрреволюционного заговора, можно было бы провести более медленно и осторожно, но поскольку оно входило условием в безотлагательную денежную сделку, неотразимо манившую к себе, оно не терпело отлагательств. Тьер должен был поэтому сделать попытку *переворота*. Он начал гражданскую войну, послав декабрьского героя Винуа с большим отрядом полицейских и несколькими линейными полками в ночной поход на высоты Монмартра. Когда эта преступная попытка разбилась о сопротивление национальной гвардии и ее братание с солдатами, на следующий день Тьер возвестил национальным гвардейцам в манифесте, расклеенном на стенах Парижа, что он великодушно решил оставить им их оружие, с которым, выражал он уверенность, они поспешат сплотиться вокруг правительства против «мятежников». Из 300 000 национальных гвардейцев только 300 человек откликнулись на его призыв. Славная рабочая революция 18 марта безраздельно владела (воцарилась над) Парижем.

Центральный комитет, руководивший обороной Монмартра и выступивший утром 18 марта в качестве вождя революции, не был ни наспех созданным органом для потребностей момента, ни порождением тайного заговора. С первого же дня капитуляции, по которой правительство национальной обороны разоружило Францию, но выговорило себе вооруженную охрану в 40 000 человек для подавления Парижа, Париж стоял на страже. Национальная гвардия реорганизовалась и поручила верховное командование Центральному комитету, состоящему из делегатов отдельных рот, по большей части рабочих; его главная сила заключалась в рабочих пригородах,

body save its old Bonapartist formations. On the eve of the entrance of the Prussians into Paris, the Central committee took measures for the removal to Montmartre, Belleville, and La Villette, of the cannon and mitrailleuses treacherously abandoned by the capitulards even in those quarters which the Prussians were about to occupy. It thus made safe of the artillery, furnished by the subscriptions of the National Guard, officially recognized as their private property in the convention of the 31-st of January, and on that very title exempted from the general surrender of arms. During the whole interval from the meeting of the National Assembly at Bordeaux to the 18-th of March, the Central Committee had been the people's government of the capital, strong enough to persist in its firm attitude of defence despite the provocations of the Assembly, the violent measures of the Executive, and the menacing concentration of troops.

(The revolution of the 4-th of September had restored the Republic. The tenacious resistance of Paris during the siege, serving as the basis of a war of defence in the provinces, had wrung from the Foreign invader the recognition of the Republic. Its true meaning and purpose were only revealed by the Revolution of the 18-th March and that revelation was a Revolution. It was to supersede the social and political conditions of class rule which had engendered the Second Empire, and in their turn ripened under its tutelage into rottenness. Europe thrilled as under an electric shock. It seemed for a moment to doubt, whether, in its recent sensational performances of state and war there was any reality and wh ther they were not the mere hallucination of a long bygone past, upon which the old world system rests.)

The defeat of Vinoy by the National Guard was but a check given to the Counterrevolution plotted by the ruling classes, but the Paris people turned at once that incident of their self-defence into the first act of a social Revolution. The revolution of the 4-th September had restored the Republic after the throne of the usurper had become vacant. The tenacious resistance of Paris during its siege, serving as the basis for the defensive war in the provinces, had wrung from the Foreign invader the recognition of that Republic, but its true meaning and purpose were only revealed on the 18-th of March. It was to supersede the social and political conditions of class rule, upon which the old world's system rests, which had engendered the Second Empire and under its tutelage, ripened into rottenness. Europe thrilled as under an electric shock. It seemed for a moment to doubt whether its late sensational performances of state and war had any reality in them and were not the mere sanguinary

но вскоре он был признан всей национальной гвардией в целом, кроме ее старых бонапартовских формирований. Накануне вступления пруссаков в Париж Центральный комитет принял меры для перевозки на Монмартр, в Бельвиль и Лавиллет пушек и митральез, изменнически оставленных капитулянтами даже в тех кварталах, которые должны были занять пруссаки. Он обеспечил таким образом сохранность артиллерии, созданной по подписке самой национальной гвардией, официально признанной в соглашении от 31 января ее частной собственностью и именно поэтому изъятой из общей сдачи оружия. В течение всего времени от открытия Национального собрания в Бордо до 18 марта Центральный комитет был народным правительством столицы, достаточно сильным, чтобы сохранять свою твердую оборонительную позицию, несмотря на провокационные выходки Собрания, насильнические меры исполнительной власти и угрожающее сосредоточение войск.

(Революция 4 сентября восстановила республику. Упорное сопротивление Парижа во время осады, послужившее базой для оборонительной войны в провинциях, вырвало у иноземного завоевателя признание республики. Но ее истинный смысл и истинная цель были раскрыты только революцией 18 марта, и это раскрытие было целой революцией. Революция должна была устранить те социальные и политические условия классового господства, которые породили Вторую империю и под ее опекою в свою очередь дозрели до полного разложения. Европа содрогнулась как от электрического удара. Она на мгновенье словно усомнилась, наяву ли происходят последние поразительные государственные и военные превращения, или это только галлюцинации из области давно минувшего прошлого, на котором покоится старый мировой порядок.)

Поражение, нанесенное Винуа национальной гвардией, было лишь отпором контрреволюционному заговору господствующих классов, но парижский народ сразу же превратил этот эпизод своей самообороны в первый акт социальной революции. Революция 4 сентября восстановила республику после того, как трон узурпатора стал вакантным. Упорное сопротивление Парижа во время осады, послужившее базой для оборонительной войны в провинциях, вырвало у иноземного завоевателя признание этой республики, но ее истинный смысл и истинная цель раскрылись только 18 марта. Эта революция должна была устранить социальные и политические условия классового господства, на которых покоится старый мировой порядок, которые породили Вторую империю и под ее опекой дозрели до полного разложения. Европа содрогнулась как от электрического удара. Она на мгновение словно усомнилась, действительно

dreams of a long bygone past. The traces of the long endured famine still upen their figures, and under the very eye of Prussian bayonets, the Paris working class conquered in one bound the championship of progress etc.

In the sublime enthusiasm of historic initiative, the Paris workmen's Revolution made it a point of honour to keep the proletarian clean of the crimes in which the revolution and still more the counterrevolution of their natural superiors (betters) abound.

Clément Thomas. Lecomte etc.

But the horrid «atrocities» that have sullied this Revolutions?

So far as these atrocities imputed to them by their enemies are not the deliberate calumny of Versailles or the horrid spawn of the penny-a-liner's brain, they relate only to two facts — the execution of the Generals Lecomte and Clément Thomas and the Vendôme Affaire, of which we sh ll dispose in a few words.

One of the paid cut-throats selected for the (felonious handy-work) execution of the nocturnal coup de main on Montmartre, General Lecomte had on the place Pigalles four times ordered his troops of the 81-st of the line to charge an unarmed gathering, and on their refusal fiercely insulted them. Instead of shooting women and children, some of his own men shot him, when taken prisoner in the afternoon of the 18-th March, in the gardens of the Château rouge. The inveterate habits acquired by the French soldatesca under the training of the enemies of the working class, are of course not likely to change the very moment they change sides. The same soldiers executed Clément Thomas.

«General» Clément Thomas, a discontent ex-quartermaster sergeant had, in the latter times of Louis Philippe's reign, enlisted in the «republican» *National* newspaper, there to serve in the double quality of strawman (responsible *Gérant*) and bully. The men of the *National* having abused the February Revolution, to cheat themselves into power, metamorphosed their old quartermaster serjeant into a «General» on the eve of the butchery of June of which he, like Jules Favre, was one of the sinister plotters and became one of the most merciless executors. Then his generalship came to a sudden end. He disappears only to rise again to the surface on the 1-st November 1870. The day before, the government of defence, caught at the Hôtel de Ville, had upon their word of honour, solemnly bound themselves to Blanqui, Flourens and

ли на яву происходят последние поразительные государственные и военные события, или это только кровавые сновидения из области давно минувшего прошлого. С еще не исчезнувшими следами долгого голода на лицах и прямо перед прусскими штыками рабочий класс Парижа одним ударом завоевал себе звание борца за дело прогресса и т. д.

Исполненная возвышенного энтузиазма своей исторической инициативы, революция парижских рабочих считала делом чести удержать пролетариат от преступлений, которыми изобилуют революции и еще больше контрреволюции его естественного начальства («лучших»).

Клеман Тома. Лекопт и т. д.

Но страшные «зверства», запятнавшие эту революцию?

Поскольку эти зверства, в которых ее обвиняют ее враги, не являются сознательной клеветой Версаля или страшным бредом воображения газетных писак, они сводятся только к двум фактам: к казни генералов Леконта и Клемана Тома и к стычке на Вандомской площади, о которых мы скажем несколько слов.

Один из наемных головорезов, выделенных для (преступного дела) внезапного ночного нападения на Монмартр, генерал Леконт, четыре раза отдавал своим солдатам 81-го линейного полка приказ стрелять по безоружной толпе на площади Пигаль и, когда солдаты отказались выполнить его приказ, бешено сбругал их. Вместо того, чтобы стрелять в женщин и детей, некоторые из его солдат расстреляли его самого, арестовав его днем 18 марта, в парке Château rouge. Застарелые привычки, приобретенные французской солдатчиной в школе врагов рабочего класса, не могут, конечно, измениться тотчас же, как солдаты становятся на другую сторону. Те же солдаты казнили и Клемана Тома.

«Генерал» Клеман Тома, недовольный карьерой мелкий интендантский чиновник в отставке, поступил в последние годы царствования Луи-Филиппа в «республиканскую» газету «National», чтобы служить в двойном качестве — подставного лица (ответственного *редактора*) и буяна-дуэлянта. Деятели из «National», использовавшие февральскую революцию, чтобы путем обмана пробраться к власти, превратили своего бывшего интендантского чиновника в «генерала» накануне июньской бойни, одним из злостных зачинщиков которой он был, подобно Жюлю Фавру, и в которой он сыграл роль одного из самых безжалостных палачей. Затем его генеральству наступил внезапный конец. Он исчезает из виду только для того, чтобы всплыть снова 1 ноября 1870 г. За день до

the other representatives of the working class to abdicate their usurped power into the hands of a Commune to be freely chosen by Paris. They broke, of course, their word of honour, to let loose the Bretons of Trochu, who had taken the place of the Corsicans of Louis Bonaparte, upon the people guilty of believing in their honour. M. Tamisier alone refusing to sully his name by such a breach of faith, tendering at once his resignation of the commandership in chief of the National Guard, «General» Clément Thomas was shuffled into his place. During his whole tenure of office he made war not upon the Prussians, but upon the Paris National Guard, proving inexhaustible in pretexts to prevent their general armament, in devices of disorganisation by pitching its bourgeois element against its working men's elements, of weeding out the officers hostile to Trochu's «plan» and disbanding under the stigma of cowardice the very proletarian bataillons whose heroism is now astonishing their most inveterate enemies. Clément Thomas felt proud of having reconquered his June pre-eminence as the personal enemy of the Paris working class. Only a few days before the 18-th of March he laid before the war-minister Leflô a plan of his own for finishing off «*la fine fleur* (the cream) of the Paris *canaille*». As if haunted by the June spectres, he must needs appear, in the quality of an *amateur* detecteur, on the scene of action after Vinoy's rout!

The Central Commune tried in vain to rescue these two criminals Lecomte and Clement Thomas from the soldier's wild Lynch justice, of which they themselves and the Paris workmen were as guilty as the Princess Alexandra of the people crushed to death on the day of her entrance in London. Jules Favre with his forged Pathos, flung his curses upon Paris, the den of assassins. The Rural Assembly mimicked hysterical contortions of «sensiblerie». These men never shed their crocodile tears but as a pretext for shedding the blood of the people. To handle respectable cadavers as weapons of civil war has always been a favourite trick with the party of order. How did Europe ring in 1848 with their shouts of horror at the assassination of the Archbishop of Paris by the insurgents of June, while they were fully aware from the evidence of an eye witness, M. Jaquemet, the Archbishop's vicar, that the Bishop had been shot by Cavaignac's own soldiers! Through the letters to Thiers of the present Archbishop of Paris, a man with no martyr's vein in him, there runs the shrewd suspicion that his Versailles friends were quite the men to console themselves of his prospective execution in the violent

того правительство обороны, захваченное в городской ратуше, торжественно обязалось перед Бланки, Флурансом, и другими представителями рабочего класса передать захваченную ими власть в руки Коммуны, которая должна быть свободно избрана Парижем. Но они, конечно, нарушили свое слово и спустили бретонцев Трошю, занявших теперь место корсиканцев Луи Бонапарта, на людей, вина которых заключалась лишь в том, что они доверились их чести. Только один г. Тамизье отказался запятнать свое имя таким вероломством и тотчас же подал прошение об отставке от должности главнокомандующего национальной гвардии; на его место подсунули «генерала» Клемана Тома. В продолжение всего своего командования он воевал не с пруссаками, а с парижской национальной гвардией: он оказался неистощимым в изобретении предлогов для недопущения ее всеобщего вооружения, в тех приемах, с помощью которых он дезорганизовал ее, натравливая ее буржуазные элементы на рабочие, выбрасывал вон офицеров, враждебных «плану» Трошю, и распустил, заклеймив обвинением в трусости, те самые пролетарские батальоны, героизму которых изумляются теперь даже их наиболее закоренелые враги. Клеман Тома гордился тем, что вернул себе свой старый июньский престиж личного врага парижского рабочего класса. Всего за несколько дней до 18 марта он представил военному министру Лефло свой план, как покончить с «*la fine fleur* (цветом) парижской *сволочи*». После поражения Винуа, словно преследуемый июньскими призраками, он не мог отказать себе в удовольствии появиться на сцене в качестве шпиона *из любви к искусству*.

Центральный комитет тщетно пытался спасти этих двух преступников, Леконта и Клемана Тома, от солдатского самосуда, в котором он сам и парижские рабочие были так же повинны, как принцесса Александра в судьбе людей, задавленных насмерть в день ее въезда в Лондон. Жюль Фавр со своим фальшивым пафосом посылал проклятия Парижу, этому вертепу убийц. Помещичья палата инсценировала истерические конвульсии «чувствительности». Эти люди проливали крокодиловы слезы, служившие им лишь предлогом, чтобы проливать кровь народа. Орудовать трупами достопочтенных людей как оружием в гражданской войне всегда было излюбленным трюком партии порядка. Как огласилась вся Европа в 1848 г. их негодующими воплями по поводу убийства июньскими повстанцами парижского архиепископа, хотя они сами отлично знали из показаний очевидца, архиепископского викария г. Жакме, что епископ был застрелен солдатами самого Кавеньяка! В письмах к Тьеру нынешнего парижского архиепископа, человека без всякой мученической жилки, чувствуется острое подозрение, что его версальские

desire to fix that amiable proceeding on the Commune! However when the cry of «assassins» had served its turn, Thiers coolly disposed of it by declaring from the tribune of the National Assembly, that the «assassination» was the private deed of a «very few» obscure individuals.

The «men of order», the reactionists of Paris, trembling at the people's victory as the signal of retribution, were quite astonished by proceedings, strangely at variance with their own traditional methods of celebrating a defeat of the people. Even the sergeants-de-ville, instead of being disarmed and locked up, had the doors of Paris flung wide open for their safe retreat to Versailles, while the «men of order», left not only unhurt, were allowed to rally quietly [and] lay hold on the strongholds in the very centre of Paris. They interpreted, of course, the indulgence of the Central Committee and the magnanimity of the armed workmen, as mere symptoms of conscious weakness. Hence their plan to try under the mask of an «unarmed» demonstration the work which four days before Vinoy's cannon and mitrailleuses had failed in. Starting from the quarters of luxury, a riotous mob of «gentlemen» with all the «petits crevés» in their ranks and the familiars of the Empire, the Heeckeren, Coëtlogon, H. de Pène etc. at their head fell in marching order under the cries of «down with the Assassins! down with the Central Committee! Vive l'Assemblée Nationale!» ill-treating and disarming the detached posts of National Guards they met with on their progress. When then at last debouching in the place Vendôme, they tried, under shouts of ribald insults, to dislodge the National Guards from their headquarters, forcibly break through the lines. In answer to their pistol shots the regular sommations (the French equivalent of the English reading of the Riot acts) were made, but proved ineffective to stop the aggressors. Then fire was commanded by the general of the National Guard and these rioters dispersed in wild flight. Two national guards killed, eight dangerously wounded and the streets, through which they disbanded, strewn with revolvers, daggers and cane swords, gave clear evidence of the «unarmed» character of their «pacific» demonstration. When, on the 13-th June 1849, the National guards of Paris made a really «unarmed» demonstration of protest against the felonious assault on Rome by French troops, Changarnier, the general of the «party of order» had their ranks sabred, trampl d down by cavalry, and shot down. The state of siege was at once proclaimed, new arrests, new proscriptions, a new reign of terror set in. But the «lower orders» manage these things otherwise. The runaways of the 22-nd March being neither followed nor harassed on their flight, nor afterwards called to account by the judge of instruction (juge d'instruction), were able two days later

друзья вполне способны утешиться в случае его будущей казни тем, что осуществилось их страстное желание навязать эту милую процедуру Коммуне! Впрочем, когда вопли об «убийцах» сослужили свою службу, Тьер хладнокровно покончил с вопросом, заявив с трибуны Национального собрания, что «убийство» было частным делом «весьма немногих» темных субъектов.

«Люди порядка», парижские реакционеры, испугавшиеся народной победы как сигнала к возмездию, были крайне изумлены при виде действий, находившихся в удивительном противоречии с их собственными традиционными способами праздновать поражение народа. Даже полицейских не только не обезоружили и не посадили под замок, но раскрыли перед ними настежь ворота Парижа, чтобы они могли невредимо скрыться в Версаль; а «людей порядка» не только не тронули, но им была предоставлена возможность беспрепятственно объединиться и захватить сильные позиции в самом центре Парижа. Эту снисходительность Центрального комитета и это великодушие вооруженных рабочих они истолковали, конечно, как признак сознаваемого самими рабочими бессилия. Отсюда их план — попытаться под видом «безоружной» демонстрации добиться того, чего четыре дня назад не достиг Винуа со своими пушками и митральезами. Высыпав из богатых кварталов, мятежная чернь «джентльменов» — все парижские пшюты были в ее рядах, во главе с такими выкормышами империи, как Геккерен, Коэтлогон, А. де-Пен и т. д.—двинулась вперед в походном порядке, с криками: «Долой убийц! Долой Центральный комитет! Да здравствует Национальное собрание!», оскорбляя и обезоруживая отдельные посты национальной гвардии, встречавшиеся им по пути. Выйдя под конец на Вандомскую площадь, они попытались, громко выкрикивая непристойные ругательства, вытеснить национальную гвардию из ее главной квартиры и насильственно прорваться сквозь ее ряды. В ответ на их револьверные выстрелы последовало обычное предложение разойтись (французские sommations, соответствующие оглашению Riot Acts — законов о мятеже — у англичан), но этого оказалось недостаточно, чтобы остановить нападающих. Тогда генерал национальной гвардии скомандовал стрелять, и эти мятежники обратились в паническое бегство. Два убитых и восемь опасно раненных национальных гвардейцев и улицы, усеянные по пути их бегства револьверами, кинжалами и палками со стилетами, ясно показывали «невооруженный» характер их «мирной» демонстрации. Когда 13 июня 1849 г. парижская национальная гвардия устроила действительно невооруженную демонстрацию в знак протеста против преступного нападения французских войск на Рим, тогда Шангарнье, генерал «партии порядка», зарубил ее саблями,

to muster again an «armed» demonstration under Admiral Saisset. Even after the grotesque failure of this their second rising they were, like all other Paris citizens, allowed to try their hands at the ballot box for the election of the Commune. When succumbing in this bloodless battle, they at last purged Paris from their presence by an unmolested Exodus, dragging along with them the cocottes, the lazzaroni and the other dangerous class of the capital. The assassination of the «unarmed citizens» on the 22-d of March is a myth which even Thiers and his rurals have never dared to harp upon, entrusting it exclusively to the servant hall of European journalism.

If there is to be found fault with in the conduct of the Central Committee and the Paris workmen towards these «men of order» from 18-th March to the time of their Exodus, it is an excess of moderation bordering upon weakness.

Look now to the other side of the medal!

After the failure of their noctural surprise of Montmartre, the party of order began their regular Campaign against Paris in the commencement of April. For inaugurating the civil war by the methods of December, the massacre in cold blood of the captured soldiers of the line and infamous murder of our brave friend Duval, Vinoy, the runaway, is appointed by Thiers Grand Gross of the Legion of Honour! Gallifet, the fancy-man of that woman so notorious for her shameless masquerades at the orgies of the Second Empire, boasts in an official manifesto of the cowardly assassination of Paris National Guards with their lieutenant and their captain made by surprise and treason. Desmarêt, the gendarmé, is decorat.d for his butchery-like chopping of the high-souled and chivalrous Flourens, the encouraging particulars of whose death are triumphantly communicated to the Assembly of Thiers. In the horribly grotesque exultation of a Tom Pouce playing the part of Timur Tamerlane, Thiers denies the «rebels» against his littleness all the rights and customs of civilized warfare, even the right of «ambulances».

растоптал копытами своей кавалерии и расстрелял. Тотчас же было объявлено осадное положение, снова пошли аресты, снова ссылки, — снова воцарился террор. Но «низшие классы» поступают в этих случаях иначе. Беглецов 22 марта никто не преследовал, им дали спокойно уйти, и позже они не были вызваны к судебному следователю, так что через два дня они могли уже выйти на «вооруженную» демонстрацию под командой адмирала Сессе. И даже после жалкого провала этого их второго восстания им было разрешено, как всем остальным парижским гражданам, испытать свои силы в избирательной борьбе во время выборов в Коммуну. Потерпев поражение в этом бескровном бою, они очистили, наконец, Париж от своего присутствия, беспрепятственно совершив исход, увлекая за собою кокоток, городские подонки и прочие опасные элементы столичного населения. Убийство «безоружных граждан» 22 марта — миф, на котором никогда не посмели играть даже г. Тьер и его помещичьи депутаты, предоставив его исключительно в распоряжение лакеев европейской журналистики.

Если можно найти какую-нибудь ошибку в поведении Центрального комитета и парижских рабочих по отношению к этим «людям порядка», с 18 марта до момента их исхода, то эта ошибка заключалась в чрезмерной умеренности, граничившей со слабостью.

Взгляните теперь на другую сторону медали!

После неудачи своего ночного нападения на Монмартр партия порядка начала свою регулярную кампанию против Парижа в начале апреля. За открытие гражданской войны путем применения декабрьских методов, за хладнокровное истребление взятых в плен линейных солдат и за подлое убийство нашего храброго друга Дюваля Винуа, бежавший трус, получает от Тьера большой орден почетного легиона! Галлифе, сутенер женщины, столь известной своими бесстыдными маскарадами на оргиях Второй империи, хвастается в официальной прокламации трусливым убийством нескольких парижских национальных гвардейцев, неожиданно и предательски захваченных вместе со своим лейтенантом и капитаном. Жандарм Демаре награжден орденом за то, что он, как мясник, изрубил великодушного и рыцарски благородного Флуранса; об ободряющих подробностях его смерти Тьер торжествующе сообщил Собранию. С чудовищно уродливым упоением мальчика-с-пальчик, играющего роль Тимура Тамерлана, Тьер отрицает за людьми, «взбунтовавшимися» против его ничтожества, все права и обычаи воюющей стороны, даже право неприкосновенности перевязочных пунктов.

When the Commune had published on the 7 April the decree of reprisals declaring it its duty to protect itself against the cannibal exploits of the Versailles banditti and to demand an eye for an eye, a tooth for a tooth, the atrocious treatment of the Versailles prisoners, of whom Thiers says in one of his bulletins «never had more degraded countenances of a degraded democracy met the afflicted gazes of hon.st m n» — did not cease, but the fusillades of the captives were stopped. Hardly however had he and his Decembrist general become aware, that the Commune's decree was but an empty threat, that even their spying gendarmes caught in Paris under the disguise of National Guards, that even their sergeants de ville captured with explosive bombs upon them were spared, when at once the old regime set in again wholesale, and has continued to this day. The National Guards who had surrendered at Belle Epine to an overwhelming force of Chasseurs were then shot down one after the other by the captain of the peloton on horseback; houses to which Parisian troops and National Guards had fled, surrounded by Gensdarmes, inundated with petroleum, and then set on fire, the calcinated corpses being afterwards transported by Paris ambulance; the bayonetting of the national guards surprised by treason in their beds at the Redoubt of Moulin Saquet (the Federals surprised in their beds asleep), the massacre (fusillade) of Clamart, prisoners wearing the line uniform shot off hand, all these high deeds flippantly told in Thiers bull tin, are only a few incidents of this slaveholders' rebellion! But would it not be ludicrous to quote single facts of ferocity in view of this civil war, fermented amidst the ruins of France, by the conspirators of Versailles, from the meanest motives of class interest, and the bombardment of Paris under the patronage of Bismarck, in the sight of his soldiers! The flippant manner in which Thiers reports on these things in the bulletin, has even shocked the not oversensitive nerves of the «Times». All this is however «regular» as the Spaniards say. The fights of the ruling classes against the producing classes menacing their privileges, are full of the same horrors, although none exhibits such an excess of tenacity on the part of the oppressed and bear such an abasement... Theirs has always been the old axiom of knight-erranty that every weapon is fair if used against the plebeian.

«L'assemblée siège paisiblement», writes *Thiers* to the *Prefects*.

Когда Коммуна опубликовала 7 апреля свой декрет о репрессиях, в котором объявила своей обязанностью защищать себя от каннибальских подвигов версальских бандитов и требовать око за око и зуб за зуб, — тогда, хотя и не прекратилось зверское обращение с версальскими пленными, о которых Тьер говорит в одном из своих бюллетеней, что «никогда опечаленный взор честных людей не встречал более бесчестных физиономий бесчестной демократии», но расстрелы пленных были приостановлены. Но едва только он и его генералы, герои декабрьского переворота, увидали, что декрет Коммуны был лишь пустой угрозой, что были пощажены даже их жандармы-шпионы, пойманные в Париже переряженными в национальных гвардейцев, даже полицейские, захваченные со взрывчатыми бомбами, — как тотчас же старые методы были полностью восстановлены и продолжали практиковаться до сего дня. Национальные гвардейцы, сдавшиеся при Бель-Эпине значительно превосходящему их отряду конных егерей и затем расстрелянные по одиночке командиром взвода, который был верхом на лошади; дома, в которых укрывались солдаты парижских войск и национальные гвардейцы, окружаемые жандармами, облитые керосином и затем подожженные, причем обугленные трупы были извлечены впоследствии парижскими санитарными отрядами; гибель в редуте Мулен Саке национальных гвардейцев, предательски захваченных врасплох, когда они спали, и заколотых штыками в своих постелях (федераты, захваченные внезапно сонными в своих постелях); резня (массовые расстрелы) в Кламаре, расстрел на месте пленных, носивших форму линейных полков,— все эти подвиги, о которых развязно повествуется в бюллетенях Тьера, это лишь несколько отдельных эпизодов этого мятежа рабовладельцев! Но не смешно ли перечислять отдельные факты зверской жестокости при виде нынешней гражданской войны, затеянной среди развалин Франции версальскими заговорщиками из самых низких мотивов классового своекорыстия, при виде бомбардировки Парижа, производящейся под охраной Бисмарка на глазах у его солдат! Развязный тон, в каком Тьер оповещает обо всем этом в своих бюллетенях, подействовал даже на нервы не слишком уж чувствительной «Times». А впрочем все это «в порядке вещей», как говорят испанцы. Борьба господствующих классов против классов производящих, когда они угрожают их привилегиям, изобилует такими же ужасами, хотя никогда еще она не являла такого необычайного упорства со стороны угнетенных и не свидетельствовала о таком падении... Тьер всегда придерживался старой аксиомы средневековых странствующих рыцарей, что всякое оружие хорошо в борьбе против плебея.

«Собрание мирно заседает», — пишет *Тьер префектам.*

Affaire at Belle-Epine

The affair at Belle-Epine, near Villejuif this: On the 25 April four national guards being surrounded by a troop of mounted Chasseurs, who bid them to surrender and lay down their arms. Unable to resist, they obeyed and were left unhurt by the chasseurs. Some time later their Captain, a worthy officer of Gallifet's, arrives in full galop and shoots the prisoners down with his revolver, one after the other, and then trots off with his troop. Three of the guards were dead, one, named Scheffer, grievously wounded, survives, and is afterwards brought to the Hospital of Bicètre. Thither the Commune sent a commission to take up the evidence of the dying man, which it published in its rapport. When one of the Paris members of the *Assemblée* interpellated the war minister upon that report, the *rurals* drowned the voice of the deputy and forbid the minister to answer. It would be an insult to their «glorious» army — not to commit murder, but to speak of it.

The tranquillity of mind with which that Assembly bears with the horrors of civil war is told in one of Thiers' bulletins to his prefects: «L'Assemblée siège paisiblement» (has the coeur léger like Ollivier) and the executive with its ticket-of leave men shows by its gastronomical feats, given by Thiers and at the table of German princes, that their digestion is not troubled even by the ghosts of Lecomte and Clément Thomas.

6) The Commune

The Commune had, after Sedan, been proclaimed by the workmen of Lyons, Marseilles and Toulouse. Gambetta did his best to destroy it. During the siege of Paris the ever recurrent workmen's commotions again and again crushed on false pretences by Trochu's Bretons, those worthy substitutes of Louis Bonaparte's Corsicans, were as many attempts to dislodge the government of impostors by the Commune. The Commune then silently elaborated was the true secret of the Revolution of the 4-th of September. Hence, on the very dawn of the 18-th March, after the rout of the Counterrevolution, drowsy Europe started up from its dreaming under the Paris thunderbursts of *Vive la Commune!*

What is the Commune, this sphinx so tantalizing to the Bourgeois mind?

In its most simple conception [it is] the form under which the working class assume the political power in their social strongholds, Paris and the other centres of industry. «The proletarians of the capital»

Инцидент в Бель-Эпине

Инцидент в Бель-Эпине, близ Вилльжюифа, заключался в следующем: 25 апреля четыре национальных гвардейца были окружены отрядом конных егерей, которые предложили им сдаться и сложить оружие. Ввиду бесполезности сопротивления они повиновались, и стрелки их не тронули. Вскоре после этого подлетает во весь опор капитан отряда, достойный соратник Галлифе, расстреливает пленных из револьвера поодиночке и затем удаляется со своим отрядом. Трое из гвардейцев умерли, а один, по имени Шеффер, тяжело раненный, остался жив и был впоследствии доставлен в госпиталь в Бисетре. Коммуна послала туда комиссию для снятия показаний с умирающего и опубликовала эти показания в своем отчете. Когда один из парижских членов *Собрания* сделал по поводу этого доклада запрос военному министру, *помещичьи депутаты* заглушили своим ревом голос депутата и не дали министру отвечать. Было бы оскорблением для их «славной» армии—не... совершать убийства, а... говорить о них.

Душевное спокойствие, с каким Собрание переносит ужасы гражданской войны, проявляется в словах одного из бюллетеней Тьера к его префектам: «Собрание мирно заседает» (оно беззаботно, как Оливье); правительство, состоящее из ticket-of-leave men, доказывает своими гастрономическими празднествами у Тьера и за столом германских принцев, что пищеварение господ министров не расстроено даже призраками Леконта и Клемана Тома.

6) Коммуна

Коммуна была провозглашена после Седана рабочими Лиона, Марселя и Тулузы. Гамбетта приложил все усилия, чтобы покончить с ней. Во время осады Парижа все снова повторявшиеся рабочие восстания, — которые всякий раз бретонцы Трошю, эти достойные заместители корсиканцев Луи Бонапарта, подавляли под разными лживыми предлогами,— неизменно ставили себе целью заменить правительство обманщиков Коммуной. Коммуна, молчаливо подготовлявшаяся тогда, составляла истинную тайну революции 4 сентября. Поэтому-то утром 18 марта, после поражения контрреволюции, полусонная Европа была разбужена от сна громовыми кликами Парижа «*Vive la Commune!*» («Да здравствует Коммуна!»).

Что же такое Коммуна, этот сфинкс, причиняющий столько терзаний буржуазному уму?

В своем наиболее простом выражении — это та форма, в которой рабочий класс берет в свои руки политическую власть в своих общественных твердынях, в Париже и других промышленных центрах.

said the Central Committee in its proclamation of the 20 March, «have in the midst of the failures and treason of the ruling classes, understood that for them the hour had struck to save the situation by taking into their own hands the direction of public affairs... They have understood that it was their imperious duty and their absolute right to take into their own hands their own destiny by seizing upon the political power» (state power).

But the proletariat cannot, as the ruling classes and their different rival fractions have done in the successive hours of their triumph, simply lay hold on the existent statebody and wield this ready made agency for their own purpose. The first condition for the hold[ing] of political power, is to transform working machinery and destroy it — an instrument of class rule. That huge governmental machinery, entoiling like a boa constrictor the real social body in the ubiquitous meshes of a standing army, hierarchical bureaucracy, an obedient police, clergy and a servile magistrature, was first forged in the days of absolute monarchy as a weapon of nascent middleclass society in its struggles of emancipation from feudalism. The first French Revolution with its task to give full scope to the free development of modern middleclass society had to sweep away all the local, territorial, townish and provincial strongholds of feudalism, prepared the social soil for the supesrtructure of a centralized statepower, with omnipresent organs ramified after the plan of a systematic and hierarchic division of labour.

But the working class cannot simply lay hold on the ready-made state-machinery and wield it for their own purpose. The political instrument of their enslavement cannot serve as the political instrument of their emancipation.

The modern bourgeois state is embodied in two great organs, parliament and the government. Parliamentary omnipotence had, during the period of the party of order republic, from 1848 to 1851 engendered its own negative — the Second Empire — and Imperialism, with its mere mockery of parliament, is the régime now flourishing in most of the great military states of the continent. At first view, apparently, the usurpatory dictatorship of the governmental body over society itself, rising alike above and humbling alike all classes, it has in fact, on the European continent at least, become the only possible stateform in which the appropriating class can continue to sway it over the producing class. The assembly of the ghosts of all the defunct French parliaments which still haunts Versailles wields no

«Пролетарии столицы, — говорил Центральный комитет в своем манифесте от 20 марта, — среди банкротства и измены господствующих классов, поняли, что для них пробил час, когда они должны спасти положение, взяв в свои собственные руки управление общественными делами... Они поняли, что их повелительный долг и безусловное право — взять в свои руки свою собственную судьбу, взяв политическую власть» (государственную власть).

Но пролетариат не может, как это делали господствующие классы и их различные соперничающие группы в последовательные моменты своего торжества, просто овладеть существующим государственным аппаратом и пустить в ход эту готовую машину для своих собственных целей. Первое условие для удержания политической власти — переделать рабочий механизм и разрушить его, этот инструмент классового господства. Эта громадная правительственная машина, опутывающая, как удав, подлинный общественный организм своими вездесущими петлями — постоянной армией, иерархической бюрократией, послушной полицией, духовенством и раболепным судейским сословием — была впервые выкована в дни абсолютной монархии как оружие нарождавшегося буржуазного общества в его борьбе за освобождение от феодализма. Первая французская революция, имевшая своей задачей дать полный простор свободному развитию нового буржуазного общества, должна была смести прочь все местные, территориальные, городские и провинциальные твердыни феодализма; она подготовила общественную почву для надстройки централизованной государственной власти с ее вездесущими органами, разветвляющимися по плану систематического и иерархического разделения труда.

Но рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей. Политическое орудие его порабощения не может служить политическим орудием его освобождения.

Современное буржуазное государство воплощается в двух важнейших органах — парламенте и правительстве. Парламентское всемогущество породило в период республики партии порядка, от 1848 до 1851 г., свое собственное отрицание — Вторую империю, — и режим империи, с его чисто показным парламентаризмом, есть тот режим, который процветает ныне в большинстве крупных военных государств континентальной Европы. Будучи на первый взгляд узурпаторской диктатурой правительственного аппарата над самим обществом, возвышающейся равно над всеми классами и равно всех их унижающей, этот режим стал теперь в действительности, по крайней мере на европейском континенте, единственно возможной государственной формой, при которой класс присвоителей может

real force save the governmental machinery as shaped by the Second Empire.

The huge governmental parasite, entoiling the social body like a boa constrictor in the ubiquitous meshes of its bureaucracy, police, standing army, clergy and magistrature, dates its birth from the days of absolute monarchy. The centralized State-power had at that time to serve nascent middle-class society as a mighty weapon in its struggles of emancipation from feudalism. The French Revolution of the 18-th century, with its task to sweep away the medieval rubbish of seigniorial, local, townish and provincial privileges, could not but simultaneously clear the social soil of the last obstacles hampering the full development of a centralized state-power, with omnipresent organs wrought after the plan of a systematic and hierarchic division of labour. Such it burst into life under the first Empire, itself the offspring of the coalition wars of old semifeudal Europe against modern France. During the subsequent parliamentary regimes of the Restauration, the July Monarchy, and the party of order Republic, the supreme management of that state machinery with its irresistible allurements of place, pelf and patronage became not only the butt of contest between the rival fractions of the ruling class, but at the same degree that the economic progress of modern society swelled the ranks of the working class, accumulated its miseries, organized its resistance and developed its tendencies at emancipation, that, in one word the modern struggle of classes, the struggle between labour and capital, assumed shape and form, the physiognomy and the character of the state power underwent a striking change. It had always been the power for the maintenance of order, i. e. the existing order of society, and therefore, of the subordination and exploitation of the producing class by the appropriating class. But as long as this order was accepted as an uncontrovertible and uncontested necessity, the state power could assume an aspect of impartiality. It kept up the existing subordination of the masses which was the unalterable order of things and a social fact undergone without contest on the part of the masses, exercised by their «natural superiors» without solicitude. With the entrance of society itself into a new phase, the phase of class-struggle, the character of its organized public force, the state-power, could not but change also (but also undergo a marked change) and more and more develop its character as the instrument of class-despotism, the political engine forcibly perpetuating the social enslavement of the producers of wealth by its appropriators, of the economic rule of capital over labour. After each new popular revolution, resulting in the transfer

продолжать господствовать над производящим классом. Сборище призраков всех отошедших в прошлое французских парламентов, еще витающее над Версалем, не обладает никакой реальной силой вне правительственной машины, как она была создана Второй империей.

Гигантский правительственный паразит, опутывающий, как удав, общественный организм своими вездесущими петлями — бюрократией, полицией, постоянной армией, духовенством и судейским сословием — существует со времен абсолютной монархии. Централизованная государственная власть должна была тогда служить нарождавшемуся буржуазному обществу могучим оружием в его борьбе за освобождение от феодализма. Французская революция XVIII века, имевшая своей задачей вымести вон средневековый хлам сеньориальных, местных, городских и провинциальных привилегий, не могла не очистить одновременно общественную почву от последних помех, которые еще задерживали полное развитие централизованной государственной власти с ее вездесущими органами, построенными по плану систематического и иерархического разделения труда. Такою она возникла во время Первой империи, которая сама по себе была результатом коалиционных войн старой полуфеодальной Европы против новой Франции. Во время последующих парламентских режимов — реставрации, июльской монархии и республики партии порядка высшее управление этой государственной машиной, неотразимо влекшее к себе должностями, доходами и влиятельными постами, сделалось не только предметом раздора между соперничающими фракциями господствующих классов, но по мере того, как экономический прогресс современного общества умножал ряды рабочего класса, накоплял его бедствия, организовывал его сопротивление и развивал в нем стремление к освобождению, — словом, по мере того, как современная борьба классов, борьба между трудом и капиталом, принимала отчетливую форму, — происходила также разительная перемена в физиономии и характере государственной власти. Она всегда была властью, охраняющей порядок, т. е. существующий общественный строй и, следовательно, подчинение и эксплоатацию производящего класса классом присвоителей. Но пока этот строй принимался как непреложная и неоспоримая необходимость, государственная власть могла принимать вид беспристрастия. Она поддерживала существующее подчинение масс как незыблемый порядок вещей, как такой социальный факт, который принимается без протеста самими массами и осуществляется их «естественным начальством» без тревоги. Со вступлением самого общества в новую фазу, в фазу классовой борьбы, неизбежно должен был измениться (подвергнуться резкой перемене) также и характер его организованной публичной силы, т. е. государственной власти, и все более и более должен был развиться ее характер как

of the direction of the state-machinery from one set of the ruling classes to another, the repressive character of the state power was more fully developed and more mercilessly used, because the promises made, and seemingly assured by the Revolution, could only be broken by the employment of force. Besides, the change worked by the successive revolutions, sanctioned only politically the social fact, the growing power of capital, and, therefore, transferred the statepower itself more and more directly into the hands of the direct antagonists of the workingclass. Thus the Revolution of July transferred the power from the hands of the landowners into those of the great manufacturers (the great capitalists) and the Revolution of February into those of the united fractions of the ruling class, united in their antagonism to the working class, united as «the party of order», the order of their own class rule. During the period of the parliamentary republic the state power became at last the avowed instrument of war, wielded by the appropriating class against the productive mass of the people.. But as an avowed instrument of civil war, it could only be wielded during a time of civil war; and the condition of life for the parliamentary republic was, therefore, the continuance of openly declared civil war, the negative of that very «order» in the name of which the civil war was waged. This could only be a spasmodic, exceptional state of things. It was impossible as the normal political form of society, unbearable even to the mass of the middle-classes. When therefore all elements of popular resistance were broken down, the parliamentary republic had to disappear (give way to) before the Second Empire.

The Empire, professing to rest upon the producing majority of the nation, the peasants, apparently out of the range of the class-struggle between capital and labour (indifferent and hostile to both the contesting social powers), wielding the state power as a force superior to the ruling and ruled classes, imposing upon both an armistice (silencing the political, and, therefore revolutionary form of the class struggle), divesting the state power from its direct form of class-despotism by braking the parliamentary and, therefore, directly political power of the appropriating classes, was the only possible stateform to secure the old social order a respite of life. It was, therefore,

инструмента классового деспотизма, как политической машины, насильственно увековечивающей социальное порабощение производителей богатства его присвоителями, как орудия экономического господства капитала над трудом. После каждой новой народной революции, приводившей к переходу управления государственной машиной от одной группы господствующих классов к другой, угнетательский характер государственной власти развивался все полнее и использовался все беспощаднее, потому что обещания, данные революцией и, повидимому, обеспеченные ею, могли быть нарушены только благодаря применению силы. К тому же перемены, наступавшие в результате следовавших одна за другою революций, только давали политическую санкцию социальному факту возрастания власти капитала и поэтому передавали самую государственную власть более или менее непосредственно в руки прямых противников рабочего класса. Так, июльская революция передала власть из рук землевладельцев в руки крупных фабрикантов (крупных капиталистов), а февральская революция — в руки объединившихся фракций господствующего класса, объединившихся в своем антагонизме к рабочему классу, в «партию порядка» — порядка их собственного классового господства. В период парламентарной республики государственная власть сделалась, наконец, неприкрытым орудием войны в руках класса присвоителей против производящих народных масс. Но как неприкрытое орудие гражданской войны она могла быть применяема только во время гражданской войны, и поэтому условием жизни для парламентской республики было продолжение открыто провозглашенной гражданской войны, т. е. отрицание того самого «порядка», во имя которого эта гражданская война велась. Такое положение вещей могло быть только конвульсивным, исключительным. Оно было невозможно как нормальная политическая форма общества, невыносимо даже для массы буржуазии. И поэтому, когда все элементы народного сопротивления были разгромлены, парламентарная республика должна была исчезнуть (уступить место) перед Второй империей.

Империя, которая заявляла, что ее опорой является производительное большинство нации, крестьяне, на первый взгляд не втянутые в классовую борьбу между капиталом и трудом (безразличные и враждебные к обеим борющимся общественным силам); которая применяла государственную власть как силу, стоящую над господствующими и подчиненными классами, навязала им перемирие (заставив замолчать политическую и, значит, революционную форму классовой борьбы), отняла у государственной власти ее непосредственную форму классового деспотизма, сломив парламентскую и, значит, непосредственно политическую власть присваивающих классов, —

acclaimed throughout the world as the «saviour of order» and the object of admiration during 20 years on the part of the would-be slaveholders all over the world. Under its sway, coincident with the change brought upon the market of the world by California, Australia, and the wonderful development of the United States, an unsurpassed period of industrial activity set [in], an orgy of stockjobbery, finance swindlings, Joint Stock Company adventure — leading all to rapid centralisation of capital by the expropriation of the middle-class and widening the gulf between the capitalist class and the working class. The whole turpitude of the capitalist regime, given full scope to its innate tendency, broke loose unfettered. At the same time an orgy of luxurious debauch, meretricious splendour, a pandemonium of all the low passions of the higher classes. This ultimate form of the governmental power was at the same time its most prostitute, shameless plunder of the state resources by a band of adventurers, hotbed of huge state debts, the glory of prostitution, a fictitious life of false pretences. The governmental power with all its tinsel covering from top to bottom immerged in mud. The maturity of rottenness of the state machinery itself, and the putrescence of the whole social body, flourishing under it, were laid bare by the bayonets of Prussia, herself only eager to transfer the European seat of that régime of gold, blood, and mud from Paris to Berlin.

This was the state power in its ultimate and most prostitute shape, in its supreme and basest reality, which the Paris working class had to overcome, and of which this class alone could rid society. As to parliamentarism, it had been killed by its own charges [?] and by the Empire. All the working class had to do was not to revive it.

What the workmen had to break down was not a more or less incomplete form of the governmental power of old society, it was that power itself in its ultimate and exhausting shape the *Empire*. The direct opposite to the *Empire* was the *Commune*.

In its most simple conception the Commune meant the preliminary destruction of the old governmental machinery at its central seats, Paris and the other great cities of France, and its superseding by real self-government which in Paris and the great cities, the social

эта империя была единственной государственной формой, способной продолжить существование старого общественного порядка. Весь мир приветствовал ее поэтому как «спасительницу порядка», и претенденты на роль рабовладельцев во всех странах восхищались ею в течение 20 лет. Под ее владычеством, которое совпало с переменами, произведенными на мировом рынке Калифорнией, Австралией и удивительным развитием Соединенных Штатов, — начался период небывалой промышленной активности, оргия биржевой спекуляции, финансового мошенничества, авантюризма акционерных компаний, что повело к быстрой централизации капитала путем экспроприации мелкой буржуазии и к расширению пропасти между классом капиталистов и рабочим классом. Вся мерзость капиталистического строя, внутренним тенденциям которого был дан полный простор, прорвалась наружу с необузданной силой. И в то же самое время — оргия распутства, утопающего в роскоши, блеск разврата, бесовский шабаш всех низких страстей высших классов. Эта последняя форма правительственной власти была вместе с тем ее наиболее проституированной формой, бесстыдным грабежом государственных средств бандой авантюристов, рассадником огромных государственных долгов, венцом растленности, призрачной жизнью лживых претензий. Правительственная власть со всей ее мишурой, покрывающей ее сверху донизу, погрузилась в грязь. Штыки Пруссии, только и жаждавшей перенести европейский центр этого режима золота, крови и грязи из Парижа в Берлин, обнажили полную гнилость самой государственной машины и гниение всего общественного организма, процветавшего под властью этого режима.

Это была государственная власть в ее последней и наиболее проституированной форме, в ее высшей и подлейшей действительности, которую рабочий класс Парижа должен был преодолеть и от которой избавить общество мог единственно только он. Что же касается парламентаризма, то он был умерщвлен его же собственными питомцами и Империей. Все, что оставалось сделать рабочему классу, состояло в том, чтобы не оживлять его.

То, что рабочие должны были разбить, было не просто только более или менее незавершенной формой правительственной власти старого общества, это была сама власть в ее последней и исчерпывающей форме — *империи*. Прямой противоположностью *Империи* была *Коммуна*.

В своем наиболее простом понимании Коммуна означала прежде всего предварительное разрушение старой правительственной машины в ее центральных пунктах, в Париже и в других больших городах Франции, и замену ее подлинным самоуправлением, которое в Париже

strongholds of the working class, was the government of the working class. Through the siege Paris had got rid of the army which was replaced by a National Guard, with its bulk formed by the workmen of Paris. It was only due to this state of things, that the rising of the 18-th of March had become possible. This fact was to become an institution, and the national guard of the great cities, the people armed against governmental usurpation, to supplant the standing army, defending the government against the people. The commune to consist of the municipal councillors of the different arrondissements, (as Paris was the initiator and the model, we have to refer to it) chosen by the suffrage of all citizens, responsible, and revokable in short terms. The majority of that body would naturally consist of workmen or acknowledged representatives of the working class. It was to be a working, not a parliamentary body, executive and legislative at the same time. The police agents, instead of being the agents of a central government, were to be the servants of the Commune, having, like the functionaries in all the other departments of administration to be appointed and always revocable by the Commune; all the functionaries, like the members of the Commune itself, having to do their work at workmen's wages. The judges were also to be elected, revocable, and responsible. The initiative in all matters of social life to be reserved to the Commune. In one word all public functions, even the few ones that would belong to the Central Government, were to be executed by communal agents, and, therefore, under the control of the Commune. It is one of the absurdities to say, that the Central functions, not of governmental authority over the people, but necessitated by the general and common wants of the country, would become impossible. These functions would exist, but the functionaries themselves could not, as in the old governmental machinery, raise themselves over real society, because the functions were to be executed by *communal agents*, and, therefore, always under real control. The public functions would cease to be a private property bestowed by a central government upon its tools. With the standing army and the governmental police the physical force of repression was to be broken. By the disestablishment of all churches as proprietary bodies and the banishment of religious instruction from all public schools (together with gratuitous instruction) into the recesses of private life, there to live upon the alms of the faithful, the divestment of all educational institutes from governmental patronage and servitude, the mental force of repression was to be broken, science made not only accessible to all, but freed from the fetters of government pressure and class prejudice. The municipal taxation to be determined and levied by the Commune, the taxation for general state purposes to be levied by communal functionaries, and disbursed by the Commune

и в больших городах, являющихся общественными оплотами рабочего класса, было правительством рабочего класса. Благодаря осаде Париж освободился от армии, которая была заменена национальной гвардией, состоящей в основной массе из рабочих Парижа. Только благодаря такому положению вещей стало возможно восстание 18 марта. Надо было превратить этот факт в прочное учреждение, а постоянную армию, защищающую правительство против народа, заменить национальной гвардией больших городов, т. е. народом, вооруженным против правительственной узурпации. Каждая коммуна должна была состоять из муниципальных советников различных округов (так как Париж был инициатором и образцом движения, то мы должны сослаться на него), избираемых голосованием всех граждан, ответственных и в любое время сменяемых. Большинство этой корпорации состояло бы, разумеется, из рабочих или признанных представителей рабочего класса. Она должна была бы быть работающей, а не парламентской корпорацией, исполнительной и законодательной в одно и то же время. Чины полиции были бы уже не агентами центрального правительства, а слугами Коммуны и, подобно должностным лицам во всех остальных областях управления, они назначались бы Коммуной и всегда могли бы быть отозваны ею; все должностные лица, подобно самим членам Коммуны, должны были бы выполнять свою работу за заработную плату рабочего. Судьи тоже должны были быть избираемыми, сменяемыми и ответственными. Инициатива во всех вопросах общественной жизни оставалась бы за Коммуной. Словом, все общественные функции, даже те немногие, которые еще принадлежали бы центральному правительству, выполнялись бы коммунальными агентами и, стало быть, под контролем Коммуны. Одно из нелепейших утверждений заключается в том, что центральные функции — не функции правительственной власти над народом, а функции, необходимость которых вызывается общими и обычными потребностями страны, — сделались бы невозможными. Эти функции продолжали бы существовать, но выполняющие их должностные лица не могли бы, как в старой правительственной машине, встать над действительным обществом, потому что эти функции должны были бы выполняться *коммунальными агентами* и, стало быть, всегда под действительным контролем. Общественные функции перестали бы быть частной собственностью, пожалованной центральным правительством своим агентам. С устранением постоянной армии и правительственной полиции была сломлена физическая сила угнетения. Роспуск всех церквей, как владельческих корпораций, и изгнание религиозного преподавания из всех общественных школ (одновременно с введением бесплатного

itself for the general purposes (its disbursement for the general purposes to be supervised by the Commune itself).

The governmental force of repression and authority over society was thus to be broken in its merely repressive organs, and where it had legitimate functions to fulfil, these functions were not to be exercised by a body superior to the society, but by the responsible agents of society itself.

7) Schluss

To fighting, working, thinking Paris, electrified by the enthusiasm of historic initiative, full of heroic reality, the new society in its throes, there is opposed at Versailles the old society, a world of antiquated shams and accumulated lies. Its true representation is that rural Assembly, peopled with the gibberish ghouls of all the defunct regimes into which class rule had successively embodied itself in France, at their head a senile mountebank of parliamentarism, their sword in the hands of the Imperialist capitulards, bombarding Paris under the eyes of their Prussian conquerors.

The immense ruins which the second Empire, in its fall, has heaped upon France, is for them only an opportunity to dig out and throw to the surface the rubbish of former ruins, of Legitimacy or Orleanism.

The flame of life is to burn in an atmosphere of the sepulchral exhalation of all the bygone emigrations. (The very air they breath[e] is the sepulchral exhalation of all bygone emigrations).

There is nothing real about them but their common conspiracy against life, their egotism of class interest, their wish to feed upon the carcass of French society, their common slaveholders interests, their hatred of the present, and their war upon Paris.

Everything about them is a caricature, from that old fossil of Louis Philippe's regime, Count Jaubert, exclaiming in the National assembly, in the palace of Louis XIV «we are the state» («The state, that is ourselves») (they are in fact the State spectre in its secession

обучения) в убежища частной жизни, где оно существовало бы милостыней верующих, освобождение всех образовательных учреждений от правительственной опеки и порабощения, должно было сломить силу духовного угнетения, сделать науку не только доступной для всех, но и свободной от оков правительственного гнета и классовых предрассудков. Муниципальные налоги устанавливались и взимались бы Коммуной, налоги для общегосударственных целей взимались бы коммунальными должностными лицами и расходовались бы самой Коммуной на общие нужды (их расходование на общие нужды контролировалось бы самой Коммуной).

Правительственная сила угнетения и власти над обществом была бы таким образом сломлена в ее чисто угнетательских органах, а там, где правительство должно выполнять правомерные функции, эти функции осуществлялись бы не корпорацией, стоящей над обществом, а ответственными агентами самого общества.

7) Заключение

Борющемуся, трудящемуся, мыслящему Парижу, наэлектризованному энтузиазмом исторической инициативы, исполненному подлинного героизма, новому обществу, рождающемуся в муках, противостоит в Версале старое общество, мир традиционного притворства и нагроможденной лжи. Его истинная представительница — это помещичья палата, населенная косноязычными вампирами всех отошедших в прошлое режимов, в которые последовательно облекалось классовое господство во Франции; их глава — дряхлый шут парламентаризма, а их меч — в руках императорских капитулянтов, бомбардирующих Париж на глазах у своих прусских победителей.

Колоссальные развалины, которые Вторая империя при своем падении нагромоздила на Францию, служат для них только поводом для откапывания и выбрасывания наружу всего хлама прежних развалин — хлама легитимизма или орлеанизма.

Пламя жизни стараются разжечь в атмосфере, отравленной могильным тлением всех эмиграций прошлого. (Самый воздух, которым они дышат, отравлен могильным тлением всех эмиграций прошлого.)

В них нет ничего подлинного, кроме их совместного заговора против жизни, их классового своекорыстия, их желания присосаться к трупу французского общества, их общих рабовладельческих интересов, их ненависти к настоящему и их войны с Парижем.

Все в них карикатурно, начиная с этого старого ископаемого времен Луи-Филиппа, графа Жобера, восклицающего в Национальном собрании, во дворце Людовика XIV: «Мы — государство!» («Государство — это именно мы») (они действительно призрак государства,

from society) and the Republican fawners upon Thiers holding their reunions in the *Jeu de Paumes* (Tennis Court) to show their degeneracy from their predecessors in 1789.

Thiers at the head, the bulk of the majority split into these two groups of Legitimists and Orleanists, in the tail the Republicans of «old style». Each of these fractions intrigues for a restoration of its own, the Republicans for that of the parliamentary Republic — building their hopes upon the senile vanity of Thiers, forming in the meantime [the] Republican decoration of his rule and sanctioning by their presence the war of the Bonapartist generals upon Paris, after having tried to coax it into the arms of Thiers and to disarm it under Saisset! Knights of the sad figure, the humiliations they voluntarily bear with, [show] what Republicanism, as a special form of class rule, has come down to. It was in view of them that Thiers said to the assembled maires of the Seine and Oise: What could they more want. «Was not he, a simple citizen, at the head of the State?» Progress from 1830 to 1870 that then Louis Philippe was the best of Republics, and that now Louis Philippe's Minister, little Thiers himself, is the best of Republics.

Being forced to do their real work — the war against Paris — through the Imperialist soldiers, Gendarmes, and police, under the sway of the retired Bonapartist generals, they tremble in their shoes at the suspicion that — as during their regime of 1848 — 51 — they are only forging the instrument for a second Restoration of the Empire. The Pontifical Zouaves and the Vendéens of Cathelineau and the Bretons of Charette are in fact their «parliamentary» army, the mere phantasms of an army compared with the Imperalist reality. While fuming with rage at the very name of the Republic, they accept Bismarck's dictates in its name, waste in its name the rest of French wealth upon the civil war, denounce Paris in its name, forge laws of prospective proscription against the rebels in its name, usurp dictation over France in its name.

Their title [is] the general suffrage, which they had always opposed during their own régimes from 1815 to 1848, abolished in May 1850, after it had been established against them by the Republic, and which they now accept as the prosti[tu]te of the Empire, forgetting that with it they accept the Empire of the Plebiscites! They themselves are impossible even with the general suffrage.

They reproach Paris to revolt against national unity, and

в его отрыве от общества), до пресмыкающихся перед Тьером республиканцев, которые устраивают свои заседания в *Jeu de Paumes* (здание для игры в мяч), чтобы демонстрировать вырождение их по сравнению с их предшественниками 1789 года.

Во главе их Тьер, подавляющее большинство расколото на две группы — легитимистов и орлеанистов, в хвосте — республиканцы «старого стиля». Каждая из этих фракций интригует, добиваясь своей особой реставрации; республиканцы добиваются реставрации парламентской республики, возлагая свои надежды на старческое тщеславие Тьера, а пока что образуя республиканскую декорацию его правления и санкционируя своим присутствием войну бонапартовских генералов против Парижа, после того как они пытались завлечь его в объятия Тьера и разоружить его под командой Сессе! Рыцари печального образа! унижения, на которые они идут, показывают, во что выродился республиканизм как особая форма классового господства. Их имел в виду Тьер, когда спросил собравшихся мэров департамента Сены и Уазы, чего им еще нужно. «Не стоит ли он, простой гражданин, во главе государства?» Прогресс с 1830 до 1870 заключается в том, что тогда Луи-Филипп был наилучшей из республик, а теперь министр Луи-Филиппа, сам маленький Тьер, является наилучшей республикой.

Принужденные делать свое настоящее дело — войну против Парижа — руками императорских солдат, жандармов и полицейских под командой отставных бонапартовских генералов, они дрожат от страха при мысли, что они — как в период их правления от 1848 до 1851 г. — лишь выковывают орудие для второй реставрации империи. Папские зуавы, вандейцы Кателино, бретонцы Шаретта — вот что такое в действительности их «парламентская» армия, пустой призрак армии по сравнению с реальной силой императорских войск. Приходя в исступление при одном слове «республика», они в то же время от ее имени принимают все требования Бисмарка, растрачивают от ее имени остатки французского достояния на гражданскую войну, от ее имени клеймят Париж, от ее имени готовят законы для будущей расправы с мятежниками, от ее имени захватывают диктаторскую власть над Францией.

Они ссылаются на всеобщее избирательное право, против которого они всегда боролись, когда сами были у власти с 1815 по 1848 г., которое они отменили в мае 1850 г., после того как оно было введено республикой против них, и которое они теперь принимают как проституированное наследие империи, забывая, что вместе с ним они принимают империю, основанную на плебисцитах! Сами они немыслимы даже при всеобщем избирательном праве.

Они упрекают Париж в том, что он восстал против национального

their first word was the *decapitation* of that Unity by the decapitalisation of Paris. Paris has done the thing they pretended to want, but it has done it, not as they wanted it, as a reactionary dream of the past, but as the revolutionary vindication of the future. Thiers, the Chauvin, threatens since the 18-th March Paris with the «intervention of Prussia», stood at Bordeaux for the «intervention of Prussia», acts against Paris in fact only by the means accorded to him by Prussia. The Bourbons were dignity itself, compared to this mountebank of Chauvinism.

Whatever may be the name — in case they are victorious — of their Restoration, with whatever successful pretender at its head, its reality can only be the Empire, the ultimate and indispensable political form of the rule of their rotten classes. If they succeed to restore it, and they must restore it with any of their plans of restoration successful—they succeed only to accelerate the putrefaction of the old society they represent and the maturity of the new one they combat. Their dim eyes see only the political outwork of the defunct regimes and they dream of reviving them by placing a Henry the 5-th or the Count of Paris at their head. They do not see that the social bodies which bore these political superstructures have withered away, that these regimes were only possible under now outgrown conditions and past phases of French society, and that it can only yet bear with Imperialism, in its putrescent state, and the Republic of Labour in its state of regeneration. They do not see that the cycles of political forms were only the political expression of the real changes society underwent.

The Prussians who in coarse war exultation of triumph look at the agonies of French society and exploit them with the sordid calculation of a Shylock, and the flippant coarseness of the [....?...], are themselves already punished by the transplantation of the Empire to the German soil. They themselves are doomed to set free in France the subterranean agencies which will engulf them with the old order of things. The Paris Commune may fall, but the Social Revolution it has initiated, will triumph. Its birth-stead is everywhere.

The lies in Thiers bulletins

The immense sham of that Versailles, its lying character could not better be embodied and resumed than in Thiers, the professional liar, for whom the «reality of things» exists only in their «parliamentary sense», that is as a lie.

In his answer to the Archbishop's letter he coolly denies «the

единства, а их же первым словом было требование *обезглавить* это единство, лишив Париж звания столицы. Париж выполнил то, чего они якобы сами желали, но он выполнил это не так, как они желали, не как реакционную фантазию прошлого, а как революционное утверждение будущего. Тьер, этот шовинист, грозит с 18 марта Парижу «интервенцией Пруссии», он стоял в Бордо за «интервенцию Пруссии», он фактически действует против Парижа только теми способами, которые разрешает ему Пруссия. Бурбоны были само достоинство по сравнению с этим шутом шовинизма.

Как бы ни называлась — в случае их победы — их реставрация, какой бы удачливый претендент ни возглавил ее, ее подлинной действительностью может быть только империя, эта окончательная и неизбежная политическая форма господства этих разложившихся классов. Если им удастся восстановить ее, — а они должны восстановить ее, какой бы из их планов реставрации ни увенчался успехом,—то им удастся только ускорить гниение представляемого ими старого общества и созревание того нового, против которого они борются. Их тусклый взгляд видит только политический фасад минувших режимов, и они мечтают воскресить их, поставив во главе какого-нибудь Генриха V или графа Парижского. Они не видят, что социальные образования, на которых покоились эти политические надстройки, уже истлели, что эти режимы были возможны только при исчезнувших ныне условиях и минувших фазах французского общества и что теперь оно может допустить только режим империи как состояние своего гниения и только республику труда как состояние возрождения. Они не понимают, что циклы политических форм были только политическим выражением реальных изменений, происходивших в обществе.

Пруссаки, которые в грубом упоении своим военным триумфом смотрят на агонию французского общества и используют ее для своих целей с грязной расчетливостью Шейлока и с грубой наглостью..., сами уже наказаны тем, что империя пересажена на германскую почву. Они сами обречены на то, чтобы развязать во Франции подземные силы, которые поглотят их вместе со старым порядком вещей. Парижская Коммуна может пасть, но социальная революция, которую она начала, восторжествует. Место ее рождения — повсюду.

Ложь в бюллетенях Тьера

Колоссальная фальшь Версаля, его лживый характер нигде не проявляется и не концентрируется так ярко, как в Тьере, этом профессиональном лжеце, для которого «реальность вещей» существует только в их «парламентском смысле», т. е. в качестве лжи.

В своем ответе на письмо архиепископа он хладнокровно

pretended executions and *reprisals* (!) attributed to the troops of Versailles», and has this impudent lie confirmed by a commission appointed for this very purpose by his rurals. He knows of course their triumphant proclamations by the Bonapartist generals themselves. But in «the parliamentary sense» of the word they do not exist.

In his circular of the 16-th April on the bombardment of Paris: «If some cannon-shots have been fired, it is not the deed of the army of Versailles, but of some insurgents *wanting to make believe that they are fighting,* while they do not dare show themselves». Of course, Paris bombards itself, in order to make the world believe that it fights!

Later: «*notre artillerie ne bombarde pas: elle canonne, il est vrai*».

Thiers bulletin on Moulin-Saquet (4 May): «Delivrance de Paris des affreux tyrans qui l'oppriment» (by killing the Paris National Guards asleep.)

The motley lot of an army — the dregs of the Bonapartist soldatesca released from prison by the grace of Bismark, with the Gendarmes of Valentin and the Sergeants de Ville of Pietri for their nucleus, set off by the Pontifical Zouaves, the Chouans of Charette and the Vendéens of Cathelineau, the whole placed under the runaway Decembrist generals of capitulation, he dubs «*the finest army France ever possessed*». Of course, if the Prussians quarter still at St. Denis, it is because Thiers wants to frighten them by the sight of that «finest of fine armies».

If such is the «finest army»—the Versailles anachronism is «the most liberal and most freely elected assembly that ever existed in France». Thiers caps his eccentricity by telling the maires etc. that «he is a man, who has never broken his word», of course in the parliamentary sense of word keeping.

He is the truest of Republicans and (Séance vom 27 April): «L'assemblée est plus libérale que lui-même».

To *the Maires:* «On peut compter sur ma parole à laquelle je n'ai jamais manqué» in an unparliamentary sense, which I have never kept.

«L'assemblée est une des plus libérales qu'ait nommé la France».

He compares himself with Lincoln and the Parisians with the rebellious slaveholders of the South. The Southerners wanted territorial secession from the United States for the slavery of labour. Paris wants

отрицает «мнимые казни и *репрессии* (!), приписываемые версальским войскам», и эту бесстыдную ложь подтверждает комиссия, специально для этого назначенная его помещичьими депутатами. Он знает, конечно, что об этих расправах с торжеством возвещают сами бонапартовские генералы. Но в «парламентском смысле» их не существует.

В своем циркуляре от 16 апреля по поводу бомбардировки Парижа он пишет: «Если и было сделано несколько пушечных выстрелов, то это является делом не версальской армии, а некоторых повстанцев, *которые хотят убедить, что они сражаются*, тогда как они боятся высунуть нос». Разумеется, Париж сам бомбардирует себя, чтобы показать миру, что он сражается!

И через некоторое время: «*Наша артиллерия не бомбардирует; но, правда, она стреляет из пушек*».

Бюллетень Тьера по поводу Мулен-Саке (4 мая): «Освобождение Парижа от угнетающих его ужасных тиранов» (освобождение — посредством убийства спящих национальных гвардейцев).

Пестрый сброд вооруженных отрядов — подонки бонапартовской солдатчины, выпущенной из тюрем по милости Бисмарка, с жандармами Валантена и полицейскими Пьетри в качестве основного ядра, выделяющегося на фоне папских зуавов, шуанов Шаретта, вандейцев Кателино, и все это под командой трусливых генералов, героев декабрьского переворота и капитуляции, — этот сброд он величает «*превосходнейшей армией, какую когда-либо Франция имела*». Конечно, если пруссаки до сих пор стоят в Сен-Дени, то лишь потому, что Тьер хочет испугать их зрелищем этой «превосходнейшей из превосходных армий».

Если такова «превосходнейшая армия», то версальское допотопное Собрание — «самое либеральное и наиболее свободно избранное из всех, какие когда-либо существовали во Франции». Но вершины своей эксцентричности Тьер достигает в своем заявлении мэрам и т. д., что он — «человек, который ни разу не нарушил своего слова», — разумеется, он держал слово в парламентском смысле.

Он самый подлинный из республиканцев, а «Собрание еще более либерально, чем он сам» (заседание от 27 апреля).

В обращении *к мэрам*: «Можно положиться на мое слово, которого я ни разу не нарушил», т. е. которого я в непарламентском смысле ни разу не сдержал.

«Собрание — одно из самых либеральных, какие только избирались Францией».

Он сравнивает себя с Линкольном, а парижан — с мятежными рабовладельцами юга. Но южане стремились к территориальному отделению от Соединенных Штатов ради сохранения системы

the secession of M. Thiers himself and the interests he represents from power for the emancipation of labour.

The revenge which the Bonapartist Generals, the Gendarmes and the Chouans wreak upon Paris is a necessity of the class war against labour, but in the little byplay of his bulletins Thiers turns it into a pretext of caricaturing his idol, the first Napoleon, and makes himself the laughing-stock of Europe by boldly affirming, that the French army through its war upon the Parisian has regained the renown it had lost in the war against the Prussian. The whole war thus appears as mere childplay to give vent to the childish vanity of a dwarf, elated at having to describe *his* own battles, fought by *his* own army, under *his* own secret commandership in chief.

And his lies culminate in regard to Paris and the Province.

Paris which in reality holds in check for two months the finest army France ever possessed, despite the secret help of the Prussian, is in fact only anxious to be delivered from its «atrocious tyrants», by Thiers, and therefore it fights agaist him, although a mere handful of criminals.

He does not tire of representing the Commune as a handful of convicts, ticket-of-leave men, scum. Paris fights against him because it wants to be delivered by him from «the affreux tyrants that oppress it». And this «handful» of desperadoes holds in check since two months «the finest army that France ever possessed» led by the invincible Mac Mahon and inspired by the Napoleonic genius of Thiers himself!

The resistence of Paris is no reality, but Thiers' lies about Paris are.

Not content to refute him by its exploits, all the living elements of Paris have spoken to him, but in vain, to dislodge him out of his lying world.

«You must not confound the movement of Paris with the surprise of Montmartre, which was only its opportunity and starting point: this movement is general and profound in the conscience of Paris; the greatest number even of those who by one reason or another keep back (stand aside), do for all that not disavow its social legitimity». By whom was he told this? By the delegates of the syndical chambres, speaking in the name of 7—8 000 merchants and Industrials. They went to tell it him personally at Versailles. Thus the *Ligue of the Republican Union*,

рабского труда. Париж же стремится к отрешению самого г. Тьера и представляемых им интересов от власти ради освобождения труда.

Мстительная злоба, с какой бонапартовские генералы, жандармы и шуаны обрушиваются на Париж, является неизбежностью классовой войны против труда, но в своих бюллетенях — мелком эпизоде этой войны — Тьер использует ее как предлог для пародирования своего кумира, Наполеона I, и делает себя посмешищем Европы, прямо заявляя, что французская армия путем своей войны против парижан вернула себе славу, потерянную ею в войне с пруссаками. Таким образом, вся война оказывается просто детской игрой, чтобы дать выход детскому тщеславию карлика, упоенного тем, что он может описывать *свои* собственные сражения, которые ведутся *его* собственной армией, под *его* собственным секретным командованием.

И его ложь достигает высшей точки в отношении Парижа и провинций.

Париж, который в действительности вот уже два месяца дает отпор превосходнейшей из армий, когда-либо бывших у Франции, несмотря на тайную помощь, оказываемую ей пруссаками, на самом деле жаждет только, чтобы Тьер избавил его от «жестоких тиранов» и поэтому сражается против Тьера, будучи, впрочем, только горстью преступников.

Он не устает изображать Коммуну горстью каторжников, ticket-of-leave men, подонками. Париж сражается против него, потому что хочет быть избавленным им от «угнетающих его ужасных тиранов». И эта «кучка» отъявленных преступников вот уже два месяца дает отпор «превосходнейшей из армий, когда-либо бывших у Франции», возглавляемой непобедимым Мак-Магоном и вдохновляемой наполеоновским гением самого Тьера!

Сопротивление Парижа в действительности не существует — но зато ложь Тьера о Париже существует.

Не довольствуясь тем, что они опровергают его своими подвигами, все живые элементы Парижа обращались к нему, пытаясь, но тщетно, вывести его из созданного им мира лжи.

«Не следует смешивать парижское движение с внезапным захватом Монмартра, который послужил для него только поводом и исходным пунктом; это движение имеет всеобщие и глубокие корни в сознании Парижа; большинство даже тех, кто по той или иной причине не примкнул к нему (стоят в стороне), не отрицает все же его общественную законность». Кто сказал ему это? Делегаты синдикальных палат, люди, говорящие от имени 7 — 8 тысяч торговцев и промышленников. Они отправились сказать ему это лично

thus the *Masons' lodges* by their delegates and their demonstrations. But he sticks to it.

In his bulletins of Moulin-Saquet (4 May): «300 prisoners taken... the rest of the insurgents has fled à toutes jambes, laissant 150 morts et blessés sur le champ de bataille... Voilà la victoire que la Commune peut célébrer dans ses bulletins. Paris sera sous peu délivré de ses terribles tyrans qui l'oppriment». But the fighting Paris, the real Paris is not *his* Paris. His Paris is itself a parliamentary lie. «The rich, the idle, the capitalist Paris», the cosmopolitan stew, this is his Paris. That is the Paris which wants to be restored to him, the real Paris, is the Paris of the «vile multitude». The Paris that showed its courage in the «pacific procession» and Saisset's stampede, that throngs now at Versailles, at Rueil, at St. Denis, at St. Germain-en-Laye, followed by the Cocottes, sticking to the «man of family, religion, order» and above all «of property», the Paris of the lounging classes, the Paris of the francs-fileurs, amusing itself by looking through telescopes at the battles going on, treating the civil war [as] but an agreeable diversion, that is the Paris of M. Thiers, as the emigration of Coblenz was the France of M. de Calonne and as the emigration at Versailles is the France of M. Thiers.

If the Paris, that wants to be delivered of the Commune by Thiers, his rurals, Decembriseurs and Gendarmes, is a lie, so is his «province» which through him and his rurals wants to be delivered from Paris.

Before the definitive conclusion at Frankfort of the peace treaty, he appealed to the provinces to send their bataillons of national guards and volunteers to Versailles to fight against Paris. The Province refused point blank. Only the Bretagne sent a handful of Chouans «fighting under a white flag, every one of them wearing on his breast a Jesus heart in white cloth and shouting: vive le roi!» Thus is the provincial France listening to his summons so that he was forced to send captive French troops from Bismarck, lay hold on the Pontifical Zouaves (the real armed representatives of *his* provincial France) and make 20 000 Gendarmes and 12 000 sergents de ville the nucleus of his army.

Despite the wall of lies, the intellectual and police blockade, by which he tried to (debar) fence off Paris from the provinces, the provinces, instead of sending him bataillons to wage war upon Paris, inundated him with so many delegations insisting upon peace with Paris, that

в Версале. То же говорили *Лига республиканского Союза и масонские ложи* устами своих делегатов и своими демонстрациями. Но Тьер стоит на своем.

В своих бюллетенях по поводу Мулен-Саке он пишет (4 мая) «300 человек взято в плен... остальные повстанцы убежали во все лопатки, оставив 150 мертвых и раненых на поле битвы... Вот победа, которой Коммуна может хвалиться в своих бюллетенях. Париж скоро будет освобожден от угнетающих его ужасных тиранов». Но борющийся Париж, действительный Париж — не *его* Париж. Его Париж сам является парламентской ложью. «Богатый, праздный, капиталистический Париж», космополитический притон, — вот его Париж. Вот Париж, который хочет быть возвращенным ему; действительный же Париж — это Париж «подлой черни». Париж, который показал свою храбрость в «мирной процессии» и в паническом бегстве Сессе, Париж, который заполняет сейчас Версаль, Рюэль, Сен-Дени, Сен-Жермен ан-Ле, куда за ним последовали кокотки, страстно привязанные к «людям семьи, религии, порядка», а больше всего — к «людям собственности»; Париж тунеядствующих классов, Париж героев тыла, которые забавляются тем, что смотрят на происходящие битвы в подзорные трубы, для которых гражданская война лишь приятное развлечение, — таков Париж г. Тьера, как кобленцкая эмиграция была Францией г. де-Калонна и как версальская эмиграция есть Франция г. Тьера.

Если Париж, который хочет быть избавлен от Коммуны Тьером, его «помещиками», героями декабрьского переворота и жандармами, есть ложь, то такою же ложью является его «провинция», которая хочет быть избавлена им и его «помещиками» от Парижа.

До окончательного заключения мирного договора во Франкфурте он призывал провинции присылать свои национально-гвардейские и добровольческие батальоны в Версаль для борьбы с Парижем. Провинция отказалась наотрез. Только Бретань прислала горсть шуанов, «сражающихся под белым знаменем, с сердцем Иисуса в белой ладонке на груди и с боевым кличем «Vive le roi!» [Да здравствует король!]. Вот как провинциальная Франция откликнулась на его призыв, так что он был вынужден выпросить у Бисмарка пленные французские войска, пустить в ход папских зуавов (подлинных вооруженных представителей *его* провинциальной Франции) и образовать из 20 000 жандармов и 12 000 полицейских основное ядро своей армии.

Несмотря на стену лжи, идейную и полицейскую блокаду, которой он пытался отгородить Париж от провинций, провинции не только не посылали ему батальонов для войны против Парижа, но и стали засыпать его таким количеством делегаций, настаивавших на

he refused to receive them any longer in person. The tone of the addresses sent up from the Provinces, proposing most of them the immediate conclusion of an armistice with Paris, the dissolution of the Assembly, «because its mandate had expired» and the grant of the municipal rights demanded by Paris, was so offensive that Dufaure denounces them in his «circular against conciliation» to the prefects. On the other hand, the rural assembly and Thiers received not one single address of approval on the part of the provinces.

But the grand *défi* the Provinces gave to Thiers' «lie» about the provinces, were the municipal elections of the 30 April, carried on under his government, on the basis of a law of his Assembly. Out of 700 000 councillors (in round numbers) returned by the 35 000 communes still left in mutilated France, the united Legitimists, Orleanists and Bonapartists did not carry 8 000! The supplementary elections still more hostile! This showed plainly how far the *National Assembly*, chosen by surprise, and on false pretences, represents France, provincial France, France minus Paris!

But the plan of an assembly of the municipal delegates of the great provincial towns at Bordeaux, forbidden by Thiers on the ground of his law of 1834 and an Imperialist one of 1855, forced him to avow that his «Provinces» are a lie, as «his» Paris is. He accuses them of resembling the «false» Paris, of being eagerly bent upon «laying the fundaments of Communism and Rebellion». Again he has been answered by the late resolution of the municipal councils of Nantes, Vienne, Chambéry, Limoux, Carcassonne, Angers, Carpentras, Montpellier, Privas, Grenoble etc. asking, insisting upon peace with Paris, «the absolute affirmation of the Republic, the recognition of the communal right which, as the municipal *council of Vienne says*, «the élus of the 8. février promised dans leurs circulaires lorsqu'ils étaient candidats. Pour faire cesser la guerre étrangère, elle (l'Assemblée Nationale) a cédé deux provinces et promis cinq milliards à la Prusse. Que ne doit-elle pas faire pour mettre fin à la guerre civile?» (Just the contrary. The two provinces are not their «private» property, and as to the promissory note of 5 milliards, the thing is exactly that it shall be paid by the French people and not by them.)

If, therefore, Paris may justly complain of the Provinces that they limit themselves to pacific demonstrations, leaving it unaided against

заключении мира с Парижем, что он отказался дальше принимать их лично. Тон адресов, присылавшихся из провинций, большей частью с предложением немедленно заключить перемирие с Парижем, распустить Собрание, «ввиду истечения срока его полномочий», и предоставить Парижу требуемые им муниципальные права, — тон этих адресов был так оскорбителен, что Дюфор ополчается против них в своем адресованном префектам «циркуляре против примирения». С другой стороны, помещичья палата и Тьер не получили ни одного сочувственного адреса от провинций.

Но главный *вызов*, брошенный провинциями «лживым наветам» Тьера на провинции, заключался в муниципальных выборах от 30 апреля, которые были произведены под его руководством на основе закона, выработанного его Собранием. Из 700 000 муниципальных советников (в круглых цифрах), выбранных в 35 000 общинах, которые еще оставались у изувеченной Франции, объединенные легитимисты, орлеанисты и бонапартисты не провели даже и 8 000 человек! Дополнительные выборы были еще более враждебны! Это ясно показало, в какой мере *Национальное собрание*, выбранное внезапно и под лживым предлогом, представляет Францию, провинциальную Францию, Францию без Парижа!

Но проект созыва в Бордо собрания муниципальных делегатов от крупных провинциальных городов, осуществить который Тьер воспретил на основании своего собственного закона от 1834 г. и одного бонапартовского закона от 1855 г., вынудил его признать, что его «провинции» — такая же ложь, как и «его» Париж. Он обвиняет провинции в том, что они походят на «ложный» Париж своим горячим желанием «заложить основы коммунизма и мятежа». Еще раз ему был дан ответ в последней резолюции муниципальных советов Нанта, Вьенна, Шамбери, Лиму, Каркасона, Анжера, Карпантра, Монпелье, Прива, Гренобля и др., — в резолюции, предлагающей, настаивающей на заключении мира с Парижем, на «абсолютном утверждении республики, признании коммунальных прав», которые, как *говорит* муниципальный *совет Вьенна*, «выбранные 8 февраля лица обещали в своих циркулярных посланиях, когда они были еще кандидатами. Чтобы прекратить внешнюю войну, оно (Национальное собрание) уступило две провинции и обещало Пруссии 5 миллиардов. Что только оно не должно сделать, чтобы положить конец гражданской войне?» (Как раз наоборот: две провинции не являются их «частной» собственностью, а что до обещанных 5 миллиардов, то ведь все дело в том, что они будут уплачены французским народом, а не ими.)

Если поэтому Париж может по справедливости жаловаться на провинции, что они ограничиваются мирными демонстрациями,

all the State forces... the Province has in most unequivocal tones given the lie to Thiers and the Assembly to be represented there, has declared their Province a lie as is their whole existence, a sham, a false pretence.

The General Council feels proud of the prominent part the Paris branches of the *International* have taken in the glorious revolution of Paris. Not, as the imbeciles fancy, as if the Paris, or any other branch of the International received its *mot d'ordre* from a centre. But the flower of the working class in all civilized countries belonging to the *International*, and being imbued with its ideas, they are sure everywhere in the working class movements to take the lead.

From the very day of the capitulation by which the government of Bismarck['s] prisoners had signed the surrender of France, but, in return, got leave to retain a bodyguard for the express purpose of cowing Paris, Paris stood on its watch. The national guard reorganized itself and entrusted its supreme control to a central committee elected by all the companies, battalions and batteries of the capital, save some fragments of the old Bonapartist formations. On the eve of the entrance of the Prussians into Paris, the central committee took measures for the removal to Montmartre, Belleville, and La Villette, of the cannon and mitrailleuses treacherously abandoned by the capitulards in the very quarters the Prussians were about to occupy.

Seite 9. Armed Paris was the only serious obstacle in the way of the counterrevolutionary conspiracy. Paris was, therefore, to be disarmed. On this point the Bordeaux assembly was sincerity itself. If the roaring rant of its rurals had not been audible enough, the surrender of Paris handed over by Thiers to the tender mercies of the triumvirate of Vinoy, the *Décembriseur*, Valentin, the Bonapartist Gendarme, and Aurelle de Paladine, the Jesuit General, would have cut off even the last subterfuge of doubt as to the ultimate aim of the disarmament of Paris. But if their purpose was frankly avowed, the pretext on which these atrocious felons initiated the civil war was the most shameless, the most barefaced (glaring) of lies. The artillery of the Paris National Guard, said Thiers, belonged to the State, and to the State it must be returned. The fact was this. From the very day of the capitulation by which Bismarck's prisoners had signed the surrender of France but reserved to themselves a numerous bodyguard for the express purpose of cowing Paris, Paris

оставляя его беззащитным против всех правительственных сил... то зато провинция в самом недвусмысленном тоне опровергла ложь Тьера и Собрания, будто они являются ее представителями, она заявила, что их провинция есть ложь, как все их существование, что это пустая и лживая претензия.

Генеральный совет гордится выдающейся ролью, которую парижские секции *Интернационала* сыграли в славной парижской революции. Дело не в том, как воображают глупцы, будто Париж или какая-либо другая секция Интернационала получали *приказы* из центра. Но так как цвет рабочего класса во всех цивилизованных странах принадлежит к *Интернационалу* и проникнут его идеями, то он во всех движениях рабочего класса несомненно должен играть руководящую роль.

С первого же дня капитуляции, согласно которой правительство из пленников Бисмарка подписало сдачу Франции, но взамен получило разрешение держать при себе военную охрану с явной целью подавления Парижа, Париж стоял на страже. Национальная гвардия реорганизовалась и поручила верховное командование Центральному комитету, избранному всеми ротами, батальонами и батареями столицы, за исключением кое-каких обломков старых бонапартовских формирований. Накануне вступления пруссаков в Париж Центральный комитет принял меры для перевозки на Монмартр, в Бельвиль и Лавиллет пушек и митральез, изменнически оставленных капитулянтами именно в тех самых кварталах, которые должны были занять пруссаки.

Страница 9. Вооруженный Париж был единственным серьезным препятствием на пути контрреволюционного заговора. Значит, Париж надо было обезоружить. В этом пункте Бордоская палата была сама откровенность. Но если бы напыщенный рев ее помещичьих депутатов и не был так явственно слышен, то отдача Парижа Тьером в милосердные руки триумвирата из *декабрьского героя* Винуа, бонапартистского жандарма Валантена и иезуита-генерала Ореля де-Паладина уничтожила бы даже последнюю тень сомнения насчет конечной цели разоружения Парижа. Но если цель этих чудовищных преступников была открыто признана ими, то предлог, под которым они начали гражданскую войну, был самой бесстыдной, самой наглой (вопиющей) ложью. Артиллерия парижской национальной гвардии, — заявил Тьер, — принадлежит государству и должна быть возвращена государству. На самом же деле факты были таковы: с первого же дня капитуляции, согласно которой пленники Бисмарка

stood on its watch. The national guard reorganized themselves and entrusted their supreme control to a central committee elected by their whole body, save some fragments of the old Bonapartist formations. On the eve of the entrance of the Prussians into Paris, their central committee took measures for the removal to Montmartre, Belleville, and La Villette of the cannon and mitrailleuses, treacherously abandoned by the capitulards in the very quarters the Prussians were about to occupy. That artillery had been furnished by the subscriptions of the National Guard. As their private property it was officially recognized in the convention of the 28-th January, and on that very title exempted from the general surrender of arms, belonging to the government, into the hands of the conqueror. And Thiers dared initiate the civil war on the mendacious pretext that the artillery of the National Guard was state property!

The seizure of this artillery was evidently but to serve as the preparatory measure for the general disarmament of the Paris National Guard, and therefore of the Revolution of the 4-th of September. But that revolution had become the legal status of France. Its republic was recognized in the terms of the capitulation itself by the conqueror, it was after the capitulation acknowledged by the Foreign powers, in its name the National Assembly had been summoned. The Revolution of the Paris workmen of the 4-th of September was the only legal title of the National Assembly seated at Bordeaux and its Executive. Without it, the National Assembly had at once to give room to the Corps Législatif, elected by general suffrage and dispersed by the arm of the Revolution. Thiers and his ticket-of-leave men would have had to capitulate for safe conducts and securities against a voyage to Cayenne. The National Assembly, with its Attorney's Power to settle the terms of peace with Prussia, was only an incident of the Revolution. Its true embodiment was armed Paris, that had initiated the Revolution, undergone for it a five months siege with its horrors of famine, that had made its prolonged resistance, despite Trochu's «plan», the basis of a tremendous war of defence in the provinces, and Paris was now summoned with coarse insult by the rebellious slaveholders at Bordeaux to lay down its arms and acknowledge that the popular revolution of the 4-th September had had no other purpose but the simple transfer of power from the hands of Louis Bonaparte and his minions in those of his monarchical rivals, or to stand forward as the self-sacrificing champion of France, to be saved from her ruin and to be regenerated only through the revolutionary overthrow of the political and social conditions that had engendered the Empire and

подписали сдачу Франции, но выговорили для себя сильную военную охрану с явной целью подавления Парижа, Париж стоял на страже. Национальная гвардия реорганизовалась и поручила верховное командование Центральному комитету, избранному всей массой национальных гвардейцев, за исключением отдельных обломков старых бонапартистских формирований. Накануне вступления пруссаков в Париж Центральный комитет принял меры для перевозки на Монмартр, в Бельвиль и Лавиллет пушек и митральез, изменнически оставленных капитулянтами в тех самых кварталах, которые должны были занять пруссаки. Эта артиллерия была создана на средства, собранные национальной гвардией по подписке. В тексте капитуляции 28 января она была официально признана частной собственностью национальной гвардии и как таковая была исключена из общей сдачи победителю оружия, принадлежащего правительству. И после этого Тьер посмел начать гражданскую войну под тем лживым предлогом, что артиллерия национальной гвардии составляет государственную собственность!

Захват этой артиллерии должен был, очевидно, послужить лишь подготовительной мерой к общему разоружению парижской национальной гвардии, а следовательно и революции 4 сентября. Но эта революция уже стала законным государственным порядком Франции. Созданная ею республика была признана победителем в тексте капитуляции, после капитуляции она была признана иностранными державами, от ее имени было созвано Национальное собрание. Революция парижских рабочих от 4 сентября была единственным законным основанием для заседавшего в Бордо Национального собрания и его исполнительной власти. Без этой революции Национальное собрание должно было бы тотчас же уступить место Законодательному корпусу, который был избран всеобщей подачей голосов и разогнан рукою революции. Тьер и его ticket-of-leave men должны были бы капитулировать, чтобы этим добиться охранных грамот и удостоверений, спасавших их от путешествия в Кайенну. Национальное собрание, с его полномочиями выработать условия мира с Пруссией, было лишь эпизодом революции. Ее истинным воплощением был вооруженный Париж, который начал революцию, выдержал ради нее пятимесячную осаду со всеми ужасами голода и, вопреки «плану» Трошю, создал своим длительным сопротивлением базу для большой оборонительной войны в провинциях, и вот теперь Париж должен был либо сложить свое оружие по оскорбительному требованию мятежных бордоских рабовладельцев и признать, что народная революция 4 сентября не имела иной цели, кроме простой передачи власти из рук Луи Бонапарта и его фаворитов в руки его монархических соперников,— либо же он должен был выступить самоотверженным

under its fostering care, matured into utter rottenness. Paris, emaciated by a five months' famine, did not hesitate one moment. It heroically resolved to run all the hazards of a resistance against the French conspirators under the very eye of the Prussian army quartered before its gates. But in its utter abhorrence of civil war, the popular government of Paris, the Central Committee of the National Guard, continued to persist in its merely defensive attitude, despite the provocations of the Assembly, the usurpations of the Executive, and the menacing concentration of troops in and around Paris.

On the dawn of the 18-th March Paris arose under thunderbursts of *Vive la Commune!* What is the Commune, that sphinx so tantalizing to the bourgeois mind?

«The proletarians of the capital», said the Central Committee in its manifesto of the 18-th March, «have, in the midst of the failures and treasons of the ruling classes, understood that for them the hour has struck to save the situation by taking into their own hands the direction of public affairs... They have understood that it is their imperious duty and their absolute right to take into their own hands their own destinies by seizing the political power». But the working class cannot, as the rival factions of the appropriating class have done in their hours of triumph, simply lay hold on the ready-made state machinery, and wield it for its own purposes.

The centralized state-power, with its ubiquitous organs of standing army, police, bureaucracy, clergy and magistrature, organs wrought after the plan of a systematic and hierarchic division of labour, dates from the days of absolute monarchy when it served nascent middle-class society as a mighty weapon in its struggles for emancipation from feudalism. The French Revolution of the 18-th century swept away the rubbish of seigniorial, local, townish and provincial privileges, thus clearing the social soil of its last medieval obstacles to the final superstructure of the state. It received its final shape under the First Empire, the offspring of the Coalition wars of old, semi-feudal Europe against modern France. Under the following parliamentary regimes, the hold of the governmental power, with its irresistible allurements of place, pelf, and patronage, became not only the bone of contention between the rival factions of the ruling classes. Its political character changed simultaneously with the economic changes of society.

борцом за Францию, спасение которой от гибели и возрождение которой было возможно только путем революционного низвержения политических и социальных условий, которые породили Вторую империю и под ее заботливым покровительством дозрели до полного разложения. Париж, изнуренный пятимесячным голодом, не колебался ни одной минуты. Он героически решил итти навстречу всем превратностям борьбы против французских заговорщиков прямо на глазах у прусской армии, расположившейся перед его воротами. Но в своем глубочайшем отвращении к гражданской войне народное правительство Парижа, Центральный комитет национальной гвардии, упорно продолжало сохранять чисто оборонительную позицию, не обращая внимания ни на провокационные выходки Собрания, ни на узурпаторские действия исполнительной власти, ни на угрожающее сосредоточение войск в Париже и вокруг него.

Утром 18 марта Париж был разбужен громовым кличем: «Да здравствует Коммуна!» Что же такое Коммуна, этот сфинкс, причиняющий столько терзаний буржуазному уму?

«Пролетарии столицы, — говорил Центральный комитет в своем манифесте от 18 марта, — среди банкротства и измены господствующих классов, поняли, что для них пробил час, когда они должны спасти положение, взяв в свои собственные руки управление общественными делами... Они поняли, что их повелительный долг и безусловное право — взять в свои руки свою собственную судьбу путем захвата политической власти». Но рабочий класс не может, как это делали соперничающие фракции класса присвоителей в часы своего торжества, просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей.

Централизованная государственная власть с ее вездесущими органами, построенными по плану систематического и иерархического разделения труда, — постоянной армией, полицией, бюрократией, духовенством и судейским сословием, — существует со времен абсолютной монархии, когда она служила нарождавшемуся буржуазному обществу мощным оружием в его борьбе за освобождение от феодализма. Французская революция XVIII века вымела вон хлам сеньориальных, местных, городских и провинциальных привилегий, очистив таким образом общественную почву от последних средневековых помех к окончательной постройке государства. Оно получило свою окончательную форму во время Первой империи, которая была плодом коалиционных войн старой, полуфеодальной Европы против новой Франции. При последующих парламентских режимах обладание правительственной властью, неодолимо привлекавшей к себе постами, доходами и влиятельными должностями не только сделалось яблоком раздора

At the same pace that the progress of industry developed, widened and intensified the class antagonism between capital and labour, the governmental power assumed more and more the character of the national power of capital over labour, of a political force organized to enforce social enslavement, of a mere engine of class despotism. On the heels of every popular revolution, marking a new progressive phase in the march (development) (course) of the struggle of classes, (class struggle), the repressive character of the state power comes out more pitiless and more divested of disguise. The Revolution of July, by transferring the management of the state machinery from the landlord to the capitalist, transfers it from the distant to the immediate antagonist of the working men. Hence the state power assumes a more clearly defined attitude of hostility and repression in regard of the working class. The Revolution of February hoists the colours of the «social Republic», thus proving at its outset that the true meaning of state power is revealed, that its pretence of being the armed force of public welfare, the embodiment of the general interests of societies rising above and keeping in their respective spheres the warring private interests, is exploded, that its secret as an instrument of class despotism is laid open, that the workmen do want the republic, no longer as a political modification of the old system of class rule, but as the revolutionary means of breaking down class rule itself. In view of the menaces of «the social republic» the ruling class feel instinctively that the anonymous reign of the parliamentary republic can be turned into a joint-stock company of their conflicting factions, while the past monarchies by their very title signify the victory of one faction and the defeat of the other, the prevalence of one section['s] interests of that class over that of the other, land over capital or capital over land. In opposition to the working class the hitherto ruling class, in whatever specific forms it may appropriate the labour of the masses, has one and the same *economic* interest, to maintain the enslavement of labour and reap its fruits directly as landlord and capitalist, indirectly as the state parasites of the landlord and the capitalist, to enforce that «order» of things which makes the producing multitude, a «vile multitude», serving as a mere source of wealth and dominion to their betters. Hence Legitimists, Orleanists, Bourgeois Republicans and the Bonapartist adventurers, eager to qualify themselves as defenders of property by first pilfering it, club together and merge into the «*Party of Order*», the practical upshot of that revolution made by the proletariat under enthusiastic shouts of the «*Social Republic*». The parliamentary republic of the Party of Order is not only the reign of terror of the ruling class. The state power becomes in their hand the *avowed instrument of the civil war* in [the] hand of the capitalist and the

между соперничающими фракциями господствующих классов, — но и самый ее политический характер изменился одновременно с экономическими изменениями в обществе. По мере того как успехи промышленности развивали, расширяли, усиливали классовый антагонизм между капиталом и трудом, правительственная власть все более принимала характер национальной власти капитала над трудом, политической силы, организованной для насильственного социального порабощения, простой машины классового деспотизма. Вслед за каждой народной революцией, отмечающей новую прогрессивную фазу в ходе (развитии) борьбы классов (классовой борьбы), угнетательский характер государственной власти выступает наружу все более беспощадно и обнаженно. Июльская революция, путем перенесения управления государственной машиной от землевладельца к капиталисту, переносит его от более отдаленного к более непосредственному антагонисту рабочих. Поэтому государственная власть занимает по отношению к рабочему классу более ясно выраженную позицию враждебности и подавления. Февральская революция поднимает знамя «социальной республики», доказывая этим с самого начала, что истинный смысл государственной власти уже разоблачен, что разоблачено ее притязание быть вооруженной силой, охраняющей общественное благоденствие, быть воплощением общих интересов общества, стоя над враждующими частными интересами и отводя последним их особенные сферы, что ее тайна как инструмента классового деспотизма ясна для всех, что рабочие добиваются республики уже не как особой политической разновидности старой системы классового господства, а как революционного средства для низвержения самого классового господства. Перед угрозой «социальной республики» господствующий класс инстинктивно чувствует, что анонимное царство парламентарной республики может быть превращено в акционерную компанию его враждующих фракций, между тем как монархии прошлого самым своим названием свидетельствуют о победе одной фракции и о поражении другой, о преобладании интересов одной части господствующего класса над интересами другой, землевладения над капиталом или капитала над землевладением. В своей противоположности рабочему классу господствующий до этого времени класс, в каких бы специфических формах он ни присваивал себе труд масс, имеет один и тот же *экономический* интерес: он заинтересован в том, чтобы сохранить порабощение труда и пожинать его плоды либо непосредственно как землевладелец и капиталист, либо косвенно как государственные паразиты землевладельца и капиталиста, — в том, чтобы насильно поддерживать такой «порядок» вещей, при котором производящая масса, «подлая чернь», становится простым источником богатства и владычества для тех, кто стоит над нею.

landlord, their state parasites, against [the] revolutionary aspirations of the producer.

Under the monarchical regimes the repressive measures and the confessed principles of the day's government are denounced to the people by the fractions of the ruling classes that are out of power, the oppositions ranks of the ruling class interest the people in their party feuds by appealing to its own interests, by their attitudes of tribunes of the people, by the revindication of popular liberties. But in the anonymous reign of the republic, while amalgamating the modes of repression of old past regimes (taking out of the arsenals of all past regimes the arms of repression), and wielding them pitilessly, the different fractions of the ruling class celebrate an orgy of renegation. With cynical effrontery they deny the professions of their past, trample under foot their «so-called» principles, curse the revolutions they have provoked in their name, and curse the name of the republic itself, although only its anonymous reign is wide enough to admit them into a common crusade against the people.

Thus this most cruel is at the same time the most odious and revolting form of class rule. Wielding the state power only as an instrument of civil war, it can only hold it by perpetuating civil war. With parliamentary anarchy at its head, crowned by the uninterrupted intrigues of each of the fractions of the «order» party for the restoration of each own pet regime, in open war against the whole body of society out of its own narrow circle, the party of order rule becomes the most intolerable rule of disorder. Having, in its war against the mass of the people, broken all its means of resistance and laid it helplessly under the sword of the Executive, the party of order itself and its parliamentary regime is warned off the stage by the sword of the Executive. That parliamentary party of order republic can therefore only be an interreign. Its natural upshot is *Imperialism*, whatever the number of the Empire. Under the form of imperialism, the state power with the sword for its scepter,

Поэтому легитимисты, орлеанисты, буржуазные республиканцы и бонапартистские авантюристы, жаждущие оправдать свое звание защитников собственности прежде всего ее расхищением, сплачиваются воедино и входят все вместе в «*партию порядка*», являющуюся практическим итогом революции, совершенной пролетариатом под восторженные клики о «*социальной республике*». Парламентарная республика партии порядка это не только царство террора господствующего класса: государственная власть становится в ее руках *открыто признанным инструментом гражданской войны* капиталиста и помещика, их государственных паразитов, против революционных стремлений производителя.

При монархических режимах угнетательские мероприятия и провозглашенные принципы данного правительства разоблачаются перед народом теми частями господствующего класса, которые не стоят у власти; оппозиционные элементы господствующего класса стремятся заинтересовать народ в своих партийных распрях тем, что апеллируют к его собственным интересам, принимают позу народных трибунов, требуют утверждения народных свобод. Но в анонимном царстве республики, где сочетаются воедино способы угнетения минувших режимов (которые берутся из арсеналов орудий притеснения всех прошлых режимов) и где они пускаются в ход без всякой пощады, различные группы господствующего класса справляют настоящую оргию ренегатства. С циничной наглостью отрекаются они от своих заявлений, сделанных ими в прошлом, попирают ногами свои «так называемые» принципы, проклинают революции, ими же вызванные во имя этих принципов, и проклинают самое имя республики, хотя лишь она одна со своим анонимным господством дает им достаточный простор для общего крестового похода против народа.

Таким образом, эта наиболее жестокая форма классового господства есть вместе с тем его наиболее ненавистная и возмущающая форма. Используя государственную власть только как инструмент гражданской войны, она может удерживать эту власть только посредством увековечения гражданской войны. Возглавляемый парламентской анархией, увенчанный непрерывными интригами отдельных фракций партии «порядка», из которых каждая стремится восстановить свою излюбленную форму правления, находящийся в открытой войне со всем обществом, живущим вне его собственного узкого круга, режим партии порядка становится нестерпимейшим режимом беспорядка. Уничтожив в своей войне против народных масс все средства их сопротивления и выдав их с головой мечу исполнительной власти, партия порядка сама, вместе со своим парламентарным режимом, устраняется со сцены мечом исполнительной власти. Эта парламен-

professes to rest upon the peasantry, that large mass of producers apparently outside the class struggle of labour and capital, professes to save the working class by breaking down parliamentarism and therefore the direct subserviency of the state power to the ruling classes, professes to save the ruling classes themselves by subduing the working classes without insulting them, professes, if not public welfare, at least national glory. It is therefore proclaimed as the «saviour of order». However galling to the political pride of the ruling class and its state parasites, it proves itself to be the really adequate regime of the bourgeois «order» by giving full scope to all the orgies of its industry, turpitudes of its speculation, and all the meretricious splendours of its life. The state thus seemingly lifted above civil society, becomes at the same time itself the hotbed of all the corruptions of that society. Its own utter rottenness, and the rottenness of the society to be saved of it, was laid bare by the bayonet of Prussia, but so much is this Imperialism the unavoidable political form of «order», that is the «order» of bourgeois society, that Prussia herself seemed only to reverse its central seat at Paris in order to transfer it to Berlin.

The Empire is not like its predecessors, the legitimate monarchy, the constitutional monarchy and the parliamentary republic, one of the political forms of bourgeois society, it is at the same time its most prostitute, its most complete, and its ultimate political form. It is the state power of modern class rule, at least on the European continent.

тарная республика партии порядка может поэтому быть только междуцарствием. Ее естественным результатом является *империализм*, причем несущественно, какая по счету была бы эта империя. В своей империалистической форме государственная власть, которой скипетром служит теперь сабля, заявляет, что она опирается на крестьянство, на эту широкую массу производителей, стоящих как будто в стороне от классовой борьбы труда и капитала, она заявляет, что спасла рабочий класс, уничтожив парламентаризм и вместе с ним прямое прислужничество государственной власти перед господствующими классами; она заявляет, что спасла сами эти господствующие классы, покорив рабочий класс, в то же время не оскорбляя его; она заявляет, что ее цель — если не общественное благоденствие, то, по крайней мере, национальная слава. И поэтому империю провозглашают «спасительницей порядка». Как ни оскорбительна она для политической гордости господствующего класса и его государственных паразитов, она оказывается самой подходящей формой буржуазного «порядка», давая полный простор всем оргиям его промышленности, всем гнусностям его спекуляции, всей распутной роскоши его быта. Государство, якобы поднявшееся таким образом над гражданским обществом, само становится в то же время рассадником всех видов гниения этого общества. Его полнейшая гнилость и гнилость того общества, которое оно должно спасти, были обнаружены прусским штыком; но этот империализм до такой степени неизбежен как политическая форма «порядка», т. е. «порядка» буржуазного общества, что сама Пруссия, казалось, уничтожает его центральное местопребывание в Париже лишь для того, чтобы перенести его в Берлин.

Империя не является подобно своим предшественницам — легитимной монархии, конституционной монархии и парламентарной республике — одной из политических форм буржуазного общества; она есть в то же самое время его наиболее проституированная, наиболее законченная и последняя политическая форма. Она есть государственная власть современного классового господства, по крайней мере, на европейском континенте.

ПРИМЕЧАНИЯ

К стр. 11. «В Англии преступникам, когда они уже отбыли бо́льшую часть наказания, дают иногда отпускные билеты, с которыми они могут жить на свободе, но под надзором полиции. Такие билеты называются Tickets-of-leave (отпускной билет), а их владельцы Ticket-of-leave-men». (Примечание Энгельса к немецкому изданию 1872 г.)

К стр. 61. Franc-fileurs — уклоняющиеся от военной службы, герои тыла. Обычно это были молодые люди из богатых буржуазных семей, так называемая «золотая молодежь».

К стр. 212 — 213. Ces nominations étaient la goutte d'huile jetée sur la plaie... Очевидно в рукописи описка: должно быть по смыслу либо «капля масла в огонь», либо «капля уксуса на рану».

К стр. 332—333. The Commune does not [do] away with the class struggle through which the working classes strive to the abolition of all classes and therefore, of all classes [class rule]. Очевидно в рукописи описка. Это ясно из сравнения с аналогичным текстом на стр. 326, где сказано «To do away with all classes and class rule» и на стр. 46 «upon which rests the existence of classes, and therefore of class rule».

УКАЗАТЕЛИ

УКАЗАТЕЛЬ ПРЕССЫ

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОДЕРЖАНИЕ

Под наблюдением Захарова.
Техред.: И. Галактионов, Вл. Иванов. Корректор А. Страшунская.

Книга сдана в набор 15/VIII 1933 г. Инд. П. А. Подписана к печати 25/VI 1934 г.
Партиздат № 2212/м. Тираж 25000+265. Ленгорлит № 13293. Заказ № 996.
Бумага 68 × 100 $^1/_{16}$. 29 печ. л. 31 авт. л. (43200 тип. знак. в 1 бум. листе). Бум. листов $14^1/_2$.
Бумага Вишерской фабрики. Коленкор Щелковской фабрики.

Вышла в свет — сентябрь 1934 г.

2-я типография „Печатный двор“ треста „Полиграфкнига“. Ленинград. Гатчинская, 26.

НЕОБХОДИМЫЕ ПОПРАВКИ

Стр.	НАПЕЧАТАНО:	СЛЕДУЕТ:
VII, абзац 3, строка 8	226—227, 238—239	226—227 до 238—239
15, строка 6—5 снизу	легко отделывались	свободно располагает
133, абзац 4, строка 2	Лангурьена	Лангуриана
139, строка 1 сверху	Баррай	Барай.
150, абзац 7, строка 2	«Absinthe and the tall talk»	«Absinthe and tall talk»
151, » 7, » 2	застольная беседа	хвастовство
153, » 2, » 2	валерианцам	валериенцам.
173, » 3, » 10	тех	этих
174, строка 4 снизу	Social	Sociale
175, » 4 »	Social	Sociale
176, » 11 сверху	Busançois	Buzançois
180, абзац 6, строка 4	reespecter	respecter
221, строка 5 сверху	закрыто	запрещено
225, » 6 »	Руэр	Руэ
242, » 15 снизу	(revolution r)	(revolution)
248, абзац 3, строка 4	(by	, by
248, » 3 » 6	commerce),	commerce,
251, » 3 » 7—8	от которого он отделывается	которым он располагает
265, » 2 » 11	25 марта	26 марта
271, » 2 » 9	«Подчинение,	«Подчинение
279, » 7 » 6	не разрешает даже	даже не разрешает
287, строка 21 сверху	выдал	сдал
289, » 16 »	его... его	своей... свое
331, » 15 снизу	доказывая	доказывающая
337, абзац 3, строка 1—2	привяжет крестьянина к налогу.	навяжет крестьянину налог
349, абзац 1, строка 7	интересах,	интересах
349, » 3, » 1	друзья — попечители	друзья-попечители
351, строка 18 сверху	друзья — покровители	друзья-попечители
355, подстрочное примечание заменить так:	Маркс намекает на конфискованные во время Французской революции имущества духовенства и эмигрантов-дворян, перешедшие в руки буржуазии за ничтожные цены.	
363, абзац 3, строка 10	груду	гору
387, строка 6 снизу	служа	служащих
389, » 3 »	своекорыстия	эгоизма
401, абзац 2, строка 11	превращения	события
410, строка 15 снизу	bull tin	bulletin
439, абзац 4, строка 4	напыщенный	яростный

5

318072010
Государственная библиотека Югры